

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ.

ОСЛѢ дѣла моего, генерала Константина Карловича Жерве, остались обширные мемуары (до восьми тысячъ страницъ большого формата), писанные имъ частью въ видѣ воспоминаній, частью въ видѣ дневника. «Воспоминанія» эти являются въ печати, такъ сказать, случайно и во всякомъ случаѣ авторомъ ихъ не назначались для этой цѣли: по его собственнымъ словамъ (въ предисловіи), онъ писалъ ихъ «безъ всякаго притязанія на особый литературный интересъ и вовсе не для гласности, а лишь для близкихъ родныхъ». И дѣйствительно, его «Воспоминанія» касаются преимущественно семейныхъ дѣлъ нашей фамиліи, однако, прочитавъ ихъ, я нашелъ здѣсь не мало фактовъ, представляющихъ общій интересъ, и потому рѣшилъ извлечь изъ мемуаровъ дѣда все то, что, по моему мнѣнію, заслуживаетъ быть напечатаннымъ. Разумѣется, такія выписки не могутъ имѣть строгой общей связи, но я располагалъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, вслѣдствіе чего получается довольно цѣльная картина тѣхъ событій, участникомъ или свидѣтелемъ которыхъ былъ дѣдъ.

Викторъ Жерве.

I.

Мои родители. — Общая школа въ Выборгѣ въ 1811 году. — Ф. Ф. Вессонъ и ле-
таргія его сына. — Гимназія; ея порядки. — Шведъ Ренбекъ и изгнаніе его учени-
ками изъ гимназіи. — Выборгская аристократія въ началѣ этого столѣтія: баронъ
Штейнгель, генералъ-аншефъ Врангель, генералъ Коль, баронъ Николай. — Городъ
Выборгъ. — Братъ Александръ Карловичъ; его характеръ. — Отличія на службѣ. —
Братъ Любимъ Карловичъ и милость къ нему императрицы Маріи Ѳеодоровны. —
Важное порученіе отцу въ 1812 году: охрана царскихъ сокровищъ. — Партіи плѣн-
ныхъ; прирѣніе ихъ отцемъ. — Пожаръ въ Выборгѣ въ 1814 году. — Семейныя го-
рести; смерть отца. — Мой отъѣздъ въ Петербургъ въ 1818 году.

Могу описывать все, что мнѣ памятно, конечно, лишь съ того
времени, когда самъ сталъ сознательно относиться ко всему, меня
окружающему, и началъ вникать въ жизнь и ея явленія. Пишу
только о томъ, что самъ видѣлъ и слышалъ, или о томъ, что мнѣ
было передано другими членами моего семейства, которые сами были
дѣйствующими лицами или очевидцами, или, наконецъ, получили
свѣдѣнія изъ вѣрныхъ источниковъ.

Но прежде, чѣмъ писать о себѣ, скажу нѣсколько словъ о покой-
ныхъ моихъ родителяхъ. Отца я хорошо помню только съ того вре-
мени, когда онъ уже вернулся изъ шведской кампаніи 1809 года гене-
ралъ-майоромъ и шефомъ Выборгскаго гарнизоннаго полка. Онъ былъ
нѣсколько болѣе средняго роста, весьма красивой, привлекательной
наружности, имѣлъ прекрасные, выразительные каріе глаза; умное,
благородное лицо его имѣло нѣсколько гордое, но не надменное вы-
раженіе. Онъ носилъ довольно коротко остриженные волосы, всегда
бывалъ чисто выбритъ, чрезвычайно чистоплотенъ, одѣвался акку-
ратно и хорошими манерами и любезностью производилъ на всѣхъ
пріятное впечатлѣніе. Отецъ любилъ общественную жизнь и дѣй-
ствительно жилъ открыто, принималъ радушно. Многія пріѣзжавшія
изъ Петербурга и изъ другихъ мѣстъ лица, въ особенности при-
надлежавшія къ высшему кругу общества, всегда приглашались имъ
къ столу. Весьма рѣдко, чтобы кто нибудь изъ постороннихъ не обѣ-
далъ у него, служившіе же при немъ почти постоянно обѣдали
у него и женатые очень часто съ женами. Изъ послужнаго списка
отца знаю, что онъ «въ службу вступилъ кадетомъ декабря 1-го
1772 года; капрамомъ 1-го декабря 1774 года; прапорщикомъ 1775
года іюля 31 дня лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ». Между
прочимъ, въ полковники отецъ былъ произведенъ 20-го августа 1798
года, а въ генералъ-майоры 15-го октября 1799 года и назначенъ
шефомъ въ Елецкій мушкатерскій полкъ. Такое быстро производ-
ство покойнаго отца въ генералы черезъ годъ съ небольшимъ,
вѣроятно, слѣдуетъ приписать личному благоволенію къ нему импе-
ратора Павла, ибо отецъ часто вспоминалъ о покойномъ государѣ

и съ грустью говорилъ, что со смертью его онъ много потерялъ. Но почему императоръ Павелъ къ нему былъ особенно милостивъ, гдѣ и съ чего началось такое благоволеніе, объ этомъ до меня никогда никакіе слухи не доходили. Выборгскимъ комендантомъ онъ былъ назначенъ въ 1809 году и въ этой должности служилъ до самой своей смерти (18 іюля 1818 года). О кампаніяхъ покойнаго отца можно бы было написать много: онъ участвовалъ и въ сухопутныхъ и въ морскихъ сраженіяхъ и имѣлъ Георгія 4 степени.

Мать я помню уже болѣе пожилою женщиною, весьма бдительною хозяйкою, любившею мужа всею чистою, теплою своею душою. Угождать ему, исполнять его желанія, давать ему въ семейномъ кругу отдыхъ послѣ работъ и трудовъ—все это она считала первою своею обязанностью. Характера самаго добраго, кроткаго, чрезвычайно снисходительная къ недостаткамъ ближняго, она была слишкомъ строга къ себѣ. Она выѣзжала въ общество весьма рѣдко, одѣвалась очень просто, но прилично своему званію.

Мой отецъ былъ женатъ два раза, на двухъ родныхъ сестрахъ, и отъ обоихъ браковъ имѣлъ очень много дѣтей. Я былъ младшимъ сыномъ и не зналъ вовсе нѣкоторыхъ изъ братьевъ и сестеръ, которые умерли до моего рожденія. На воспитаніе дѣтей въ то время вообще мало обращали вниманія. Меня и брата Ивана отдали въ общую школу (Kreis-Schule)—окружное училище, гдѣ весь курсъ преподавался на нѣмецкомъ языкѣ. Я даже не помню, былъ ли тамъ учитель русскаго языка, кажется, не былъ. Курсъ былъ раздѣленъ на 4 класса, по окончаніи которыхъ ученики могли поступать въ гимназію безъ экзамена. За успѣхами нашими никто не слѣдилъ, и мы были предоставлены совершенно самимъ себѣ. Къ сестрамъ ходили какія-то учительницы, но ихъ воспитаніе болѣе всего лежало на обязанности старика Франца Францовича Бессонъ, который дѣйствительно занимался съ ними очень добросовѣстно. Онъ былъ очень добрый, умный старикъ, зналъ нѣмецкій и французскій языки, исторію, географію и ариметику; одѣвался довольно опрятно, но по-старинному, и носилъ небольшую косу, которая висѣла на спинѣ. Старшій его сынъ, Францъ, человѣкъ не очень образованный, добрый, съ небольшими способностями, нѣсколько замѣчательнъ тѣмъ, что однажды сильно заболѣлъ и затѣмъ впалъ въ глубокій летаргическій сонъ, который приняли за смерть. Онъ слышалъ, какъ его оплакивали, какъ съ него снимали мѣрку на гробъ, какъ его положили въ гробъ, но не имѣлъ силы сдѣлать малѣйшее движеніе. Когда пасторъ уже кончилъ обрядъ отпѣванія, и на него стали класть гробовую крышку, только тогда какимъ-то страшнымъ усиліемъ ему удалось ударить рукою о крышку, такъ что она вылетѣла изъ рукъ мастерового. Стали давать разныя медицинскія средства, онъ очнулся, а затѣмъ и выздоровѣлъ. Онъ жилъ послѣ того еще лѣтъ пятьдесятъ, но съ тѣхъ поръ у него на лицѣ явилась странная особен-

ность: носъ его всегда оставался бѣлымъ, какъ мѣлъ, преимущественно когда онъ сердился и краснѣлъ. Насъ, дѣтей, это очень забавляло, и мы часто старались посердить его, чтобы видѣть бѣлый носъ.

Насъ съ братомъ ежедневно привозили два раза въ школу, гдѣ мы занимались отъ 8 до 12 часовъ утра и отъ 2 до 4 часовъ дня. Инспекторомъ школы былъ тогда г. Тимме, довольно знающій, добрый, но взыскательный, когда нужно; самъ онъ не преподавалъ ничего. Въ школѣ уже и въ то время къ тѣлеснымъ наказаніямъ прибѣгали весьма рѣдко, и то только по приговору школьной конференціи. Въ такихъ случаяхъ наказаніе производилось публично, въ присутствіи всѣхъ учениковъ школы, при чемъ обыкновенно говорились рѣчи, въ которыхъ рѣзкими чертами указывалось на то унижительное положеніе, въ которое ставилъ себя наказуемый. Помню, что въ теченіе трехъ лѣтъ моего пребыванія въ школѣ такимъ образомъ было наказано человѣкъ пять, что эти наказанія имѣли громадное вліяніе на учениковъ, производили сильное впечатлѣніе и поэтому случались очень рѣдко. Въ гимназіи же тѣлесное наказаніе вовсе не существовало и за слишкомъ дурное поведеніе исключали изъ заведенія.

Кажется, въ 1814 году изъ старшаго класса школы я перешелъ въ гимназію. Лѣтомъ того же года я сѣздалъ съ отцемъ въ Петербургъ, гдѣ купилъ разныхъ книгъ, и началъ усердно заниматься. Вообще какъ школы, такъ и гимназіи въ то время въ Финляндіи стояли гораздо выше, чѣмъ въ Россіи, въ чемъ я могъ удостовѣриться впоследствии. Здѣсь дѣйствительно давали средства хорошо учиться и можно сдѣлать упрекъ развѣ только за одно: на мертвые языки: латинскій, греческій и еврейскій, обращали слишкомъ много вниманія, а на живые, кромѣ нѣмецкаго,—никакого; но этотъ недостатокъ существуетъ, кажется, и по сіе время у насъ. По принятому во всѣхъ нѣмецкихъ гимназіяхъ обычаю, переходившіе изъ школъ ученики должны были посвящаться въ гимназисты. Этотъ обычай соблюдался и въ Выборгѣ. Съ новичковъ потребовали деньги, и въ складчину устроили вечеринку, такъ называемый фуксъ-коммерсъ (Fuchs-Commerse), въ которомъ принимали участіе учителя и профессора. Говорились разныя рѣчи, стихи, пѣлись студенческія пѣсни, пили очень много, шумѣли еще больше. Хотя я совершенно ничего не пилъ, однако долженъ былъ участвовать и въ попойкѣ и въ весельѣ. Въ то время на подобныхъ пирушкахъ пили, главнымъ образомъ, пуншъ, о шампанскомъ же на сходкахъ бѣдныхъ учениковъ и помину не могло быть. Чтобы я могъ пить пуншъ, для меня подсластили его елико возможно, и я совершенно опьянѣлъ, такъ что меня принесли на рукахъ домой въ безчувственномъ состояніи. Эта попойка имѣла на меня весьма благотѣльное вліяніе: съ тѣхъ поръ даже издалика я не могъ слышать запахъ рому, лѣтъ двадцать онъ мнѣ былъ совершенно противенъ, и только въ зрѣлыхъ годахъ это отвращеніе исчезло.

Учился я хорошо и на слѣдующій годъ успѣлъ перейти во 2-й классъ. При мнѣ директоромъ гимназіи былъ г. Магнусъ, профессоръ, учившійся въ нѣсколькихъ германскихъ университетахъ, образованный и свѣдущій, въ особенности въ древнихъ языкахъ; онъ преподавалъ латинскій, греческій и еврейскій языки въ высшихъ классахъ. Въ числѣ учителей былъ у меня шведъ Ренбекъ, который по случаю реформъ по присоединенію Старой Финляндіи къ Новой долженъ былъ преподавать шведскій языкъ. Онъ былъ человѣкъ молодой, пылкій и неравнодушно несъ нравственное бремя русскаго владычества. Въ третій же или четвертый урокъ Ренбекъ позволилъ себѣ расхваливать шведскія узаконенія и весьма неосторожно отнесся къ русскимъ учрежденіямъ. Какъ сынъ русскаго генерала, я сталъ спорить со шведомъ, надѣясь на поддержку товарищей, остановилъ его выходку и назвалъ его при всѣхъ возмутителемъ и вреднымъ для государства человѣкомъ. Меня поддержали нѣкоторые изъ русскихъ и преданныхъ Россіи учениковъ,—шведа согнали съ поля. Я тотчасъ поѣхалъ домой и все передалъ отцу. Хотя ему было очень непріятно, что я былъ замѣшанъ въ такую скверную исторію, однако нельзя было ее затушить: слишкомъ много ушей слышали нашъ споръ. Директора гимназіи и Ренбека отецъ пригласилъ къ себѣ, и, во избѣжаніе слишкомъ дурныхъ послѣдствій для Ренбека, его удалили изъ гимназіи куда-то внутрь Финляндіи.

Покойный отецъ мой былъ назначенъ комендантомъ въ Выборгъ вслѣдъ за окончаніемъ шведской кампаніи, въ которой принималъ дѣятельное участіе. Новая Финляндія до Торнео включительно и Аландскіе острова были покорены и утверждены за Россіею—частью храбростью войскъ и распоряженіями графа Каменскаго, частью, какъ носились слухи, и золотыми пудами. Такъ говорили, будто бы военный губернаторъ Свеаборгской крѣпости, графъ Кроншtedтъ, струсилъ или польстился и сдалъ Свеаборгъ тогда, когда онъ могъ еще долго держаться. Старикъ генералъ графъ Спренгпортенъ тоже перешелъ къ намъ и купилъ себѣ имѣніе около Выборга, за заставою по Фридрихсгамской дорогѣ. Старые финляндцы уже успѣли нѣсколько обрусѣть, и потому имъ не очень нравились реформы по шведскимъ законамъ, существовавшимъ въ Новой Финляндіи.

Когда мы жили въ Выборгѣ, аристократическое общество, съ которымъ семейство моего отца было въ постоянныхъ отношеніяхъ, состояло, въ числѣ прочихъ, изъ слѣдующихъ лицъ.

Генералъ-губернаторъ Финляндіи баронъ Оаддей Теоодоровичъ Штейнгель, давнишній знакомый и сослуживецъ моего отца, съ семействомъ котораго мы жили въ самыхъ хорошихъ и короткихъ отношеніяхъ до перевода барона въ Гельсингфорсъ, кажется, въ 1811 году. Супруга его, Наталья Николаевна была бойкая барыня, имѣла постоянно своихъ фаворитовъ. Такъ, напримѣръ, въ выборгскомъ почтамтѣ служилъ почтальономъ одинъ молодой человѣкъ, весьма

красивой наружности, который очень понравился баронессѣ. По ея протекціи, его произвели въ чиновники, затѣмъ она его перевела въ военную службу, опредѣлила адъютантомъ къ мужу, принялась за его образованіе, научила его французскому языку и проч. Это былъ Павелъ Петровичъ Эттеръ, впослѣдствіи генераль-лейтенантъ и начальникъ дивизіи въ Финляндіи. Другой адъютантъ барона, Карлъ Леонтьевичъ Жерве¹⁾, былъ не въ фаворѣ у Натальи Николаевны, благодаря своему непокорному и неугодливому къ ея капризамъ характеру. У барона была только одна дочь, Елена Оадеевна, съ которой мы въ дѣтствѣ были очень дружны.

Генераль-отъ-инфантеріи, или генераль-аншефъ, какъ ихъ тогда звали, — Карлъ Романовичъ Врангель, служивый екатерининскихъ временъ, высокій, худощавый, весьма представительный старикъ. Онъ жилъ въ отставкѣ на петербургскомъ форштатѣ, нѣсколько отдаленно, въ собственномъ домѣ съ огромнымъ садомъ и оранжереею. Жена его, Марія Петровна, въ молодости, вѣроятно, была чрезвычайно красива, и при насъ она была еще очень недурная, нѣсколько дородная старушка, съ «тономъ», любила этикетъ и старалась имѣть ощутительное вліяніе на все ее окружавшее. У нихъ было трое дѣтей: сынъ Петръ Карловичъ, впослѣдствіи мужъ сестры моей Анны Карловны, и двѣ дочери, Елизавета и Екатерина, обѣ очень хорошенькія и, по тогдашнему времени, довольно образованныя. Кажется, въ 1809 году лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ, по какому случаю не знаю, квартировалъ въ Выборгѣ, и командиромъ полка тогда былъ полковникъ Загряжскій. Онъ сильно ухаживалъ за Елизаветой Карловной Врангель, такъ что городская молва протрубила ихъ женихомъ и невѣстою. Загряжскій увидѣлъ тогда, что зашелъ слишкомъ далеко, дѣло плохо — и хотѣлъ улизнуть въ Петербургъ, но мамаша оказалась бабой-непромахъ: она узнала его продѣлку, поскакала вслѣдъ за нимъ, нагнала его, вернула и заставила жениться. Загряжскій уже послѣ былъ начальникомъ кавалерійской дивизіи, промотался, но поправилъ свои дѣла, играя постоянно въ карты со своимъ корпуснымъ командиромъ (не помню кто), холостымъ старикомъ, который пользовался благосклонностью Елизаветы Карловны и, послѣ смерти, все свое состояніе завѣщалъ Загряжскому.

Генераль-майоръ Карлъ Карловичъ Коль жилъ противъ плацъ-параднаго мѣста въ каменномъ наемномъ домѣ. О немъ ходилъ слѣдующій разсказъ. Коль былъ очень красивый, статный, представительный господинъ, но порядочно простъ, неравнѣтъ и безъ всякаго образованія, хотя съ достаточнымъ наружнымъ лоскомъ для сядона. Онъ былъ также въ фаворѣ у покойнаго императора Павла, хорошо принятъ при дворѣ и, благодаря красотѣ и благовидности своей, имѣлъ много интригъ. Между прочимъ, онъ приволокнулся

¹⁾ Двоюродный братъ дѣда.

не совѣмъ осторожно къ женѣ одного изъ знатныхъ баричей. Однажды, при Дворѣ, когда уже начался довольно большой сѣбадъ, въ присутствіи многихъ ожидавшихъ выхода императора, этотъ баринъ присталъ къ Колю и началъ грозить ему. Тотъ не уступилъ, слово за слово—и этотъ господинъ публично далъ Колю пощечину. Узнавъ объ этомъ, императоръ страшно разсердился на дерзость магната, совершенную въ его дворцѣ: онъ сослалъ его въ Сибирь. Тѣмъ не менѣе Коля уже не могъ остаться ни на службѣ, ни при Дворѣ, хотя императоръ тутъ же произвелъ его въ генералы, далъ ему Анну 1-й степени, подарилъ 100 душъ, кажется, около Вышняго Волочка, и уволилъ отъ службы. Съ тѣхъ поръ онъ поселился въ Выборгѣ, женился на Екатеринѣ Карловнѣ Врангель и велъ тихую, скромную жизнь.

Тайный совѣтникъ баронъ Николай—дипломатъ въ отставкѣ, богатый владѣлецъ знаменитаго сада Мон-герос, въ трехъ верстахъ за городомъ направо отъ Фридрихсгамской дороги. Мужъ и жена—почтенная, очень образованная чета—принимали у себя хотя этикетно, но радушно; считались людьми важными какъ по своему состоянію, такъ и по значительнымъ связямъ со всею знатью и Дворомъ Петербурга. При всемъ томъ баронесса была нѣсколько скупенька: напримѣръ, она имѣла привычку въ концѣ обѣда спрашивать, не угодно ли кому нибудь еще вина, а сама въ это время забивала рукою пробку бутылки. Намъ, шалунамъ, доставляло большое удовольствіе дожидаться, когда баронесса крѣпко забьетъ пробку, и попросить тогда вина. Лѣтомъ мы проводили у нихъ нерѣдко цѣлые дни чрезвычайно пріятно, потому что насъ принимали всегда очень ласково, ягодъ и фруктовъ было много, а, кромѣ того, гулянье въ огромномъ очаровательномъ саду являлось истиннымъ наслажденіемъ. Садъ, дѣйствительно, былъ рѣдкій: огромныя оранжереи, несчетные сюрпризы, бесѣдки, статуи—все это содержалось прекрасно. Предъ широкою лѣстницею изъ дома въ садъ на террасѣ стояли два бюста—барона и баронессы, отлично изваянные изъ бѣлаго каррарскаго мрамора; подъ этими бюстами были устроены гранитные склепы, въ которыхъ впослѣдствіи должны были быть похоронены хозяева. Мнѣ въ жизни только разъ удалось видѣть другой такого рода садъ, это Софійскій около городка Умани, Кіевской губерніи. Этотъ послѣдній, пожалуй, нѣсколько роскошнѣе, затѣйливѣе фонтанами и вообще игрою воды, но до своего очаровательнаго вида онъ доведенъ преимущественно искусствомъ, тогда какъ Мон-геросъ богатъ природою: въ немъ дикій гранитъ и окружающая его вода Финскаго залива составляютъ преобладающій элементъ. Хотя барскій домъ въ Мон-геросъ отлично устроенъ, богато меблированъ и комнаты его украшены многими замѣчательными картинами и другими произведеніями искусства, однако онъ далеко

уступаетъ дворцу въ Софіи, на постройку и украшеніе котораго употреблены громадныя капиталы.

Въ мое время Выборгъ имѣлъ уже видъ довольно благоустроеннаго города.

Когда покойный отецъ уже былъ комендантомъ въ Выборгѣ, братъ мой Александръ Карловичъ, съ поддержкою отца продолжая службу въ гвардіи ¹⁾, пріѣзжалъ почти ежегодно въ отпускъ къ отцу и почти всегда привозилъ съ собою одного, двухъ, а иногда и болѣе своихъ товарищей; чаще другихъ пріѣзжали Ушаковъ, Штевень и Галченковъ ²⁾. Пріѣздъ этихъ молодыхъ людей, навѣщавшихъ насъ обыкновенно на праздникахъ Рождества Христова, очень оживлялъ весь городъ: вечеринки, концерты, обѣды и балы непрерывно смѣнялись, и весь кругъ нашихъ знакомыхъ старался веселить пріѣзжихъ гостей. Надо сказать, что Александръ Карловичъ въ молодыхъ лѣтахъ былъ очень веселый, проказникъ, отлично пѣлъ простыя русскія пѣсни, особенно подражая ямщикамъ, и прекрасно копировалъ пьяныхъ. Такъ, однажды, уже будучи женихомъ ³⁾, онъ пріѣхалъ вечеромъ къ Писемскимъ въ мундиръ и представился совершенно пьянымъ. Можно легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело его состояніе на важное, чопорное общество: невѣста—въ слезы, и свадьба чуть не разстроилась. Но Александръ Карловичъ еще нѣсколько выдержалъ роль и наконецъ бросилъ шутку, которая много насмѣшила общество.

Братъ принималъ участіе въ Отечественной войнѣ и былъ во всѣхъ сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ Финляндскій полкъ. Онъ командовалъ батальономъ и получилъ всѣ кресты, какіе могъ получить, въ числѣ ихъ св. Георгія 4 степени и орденъ св. Анны съ алмазами; кромѣ того, прусскій король пожаловалъ ему крестъ «Pour le mérite». Въ сраженіи подъ Лейпцигомъ 4 октября 1813 года, при деревнѣ Госсѣ, гренадеръ его батальона, Коренной, спасъ жизнь Александру Карловичу, самоотверженно защищая его отъ французовъ. Бравый солдатъ получилъ при этомъ 18 ранъ и, совершенно потерявъ силы, ваятъ въ плѣнъ. Но французы оцѣнили храбрость русскаго солдата: когда Наполеону рассказали о примѣрномъ поступкѣ Коренного, императоръ велѣлъ врачамъ имѣть за нимъ особый уходъ и, по совершенномъ выздоровленіи его, наградилъ и отправилъ изъ плѣна. Братъ за это сраженіе получилъ Георгія; кажется,

¹⁾ Александръ Карловичъ Жерве 10 декабря 1806 года изъ 2-го кадетскаго корпуса поступилъ поручикомъ во вновь сформированный тогда императорскій батальонъ милиціи, впослѣдствіи лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ. Александръ Карловичъ служилъ въ полку до 25 февраля 1816 года, когда въ чинѣ полковника былъ назначенъ командиромъ 2-го егерскаго полка.

²⁾ Капитаны Штевень и Галченковъ и поручикъ Ушаковъ также вмѣстѣ съ нимъ вошли въ первоначальный составъ императорскаго батальона милиціи.

³⁾ Елизаветы Петровны Писемской, дочери ярославскаго помѣщика. В. Ж.

Коренному онъ выхлопоталъ потомъ пенсіонъ¹⁾. Въ томъ же сраженіи, въ сильномъ изнеможеніи, Александръ Карловичъ присѣлъ на барабанъ. Въ это время подошелъ къ нему его батальонный адъютантъ, столь же изнуренный усталостью, и попросилъ его хоть на минутку дать присѣсть. Братъ уступилъ ему мѣсто, но чрезъ нѣсколько минутъ его адъютанта снесло съ барабана ядромъ. Въ тотъ же день Штевенъ былъ раненъ пулею въ горло на вылетъ; рану его вылѣчили, но онъ навсегда потерялъ голосъ²⁾. Александръ Карловичъ вмѣстѣ съ полкомъ вступилъ въ Парижъ, затѣмъ благополучно окончилъ кампанію и, обвѣшанный орденами, въ 1814 году прибылъ въ Выборгъ, гдѣ долженъ былъ лѣчиться отъ раны въ ногу.

Другой братъ мой, Любимъ Карловичъ, родившійся въ 1787 году, былъ зачисленъ юнкеромъ въ Черниговскій мушкетерскій полкъ въ 1799 году, когда покойный отецъ былъ шефомъ этого полка (послѣ Елецкаго). Въ 1803 году, онъ отправился во французскую кампанію, и въ одномъ сраженіи ему раздробило лѣвую ногу, которую потомъ пришлось отнять ниже колѣна. Кажется, въ 1807 году изъ-за раны онъ долженъ былъ выйти въ отставку и двадцатилѣтнимъ юношей, уже безъ ноги, отставнымъ штабъ-капитаномъ и съ Владиміромъ 4-ой степени съ бантомъ, вернулся въ Выборгъ къ отцу. Въ слѣдующемъ году онъ женился на Н. А. Лехнеръ. Будучи послѣ того въ Петербургѣ, онъ явился къ бывшему своему шефу полка, князю Голицыну, который далъ ему возможность быть представленнымъ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Государынѣ онъ очень понравился; видя его такимъ молодымъ и такъ тяжело раненымъ, она приняла въ немъ участіе и предложила ему опять вступить въ военную службу. Но по неопытности онъ отказался отъ этого предложенія и просилъ гражданское мѣсто. Императрица Марія подарила ему механическую ногу (тогда еще весьма большая рѣдкость), которая вполне замѣнила ему потерянную и весьма мало отличалась отъ настоящей по наружному своему виду. Когда братъ имѣлъ счастье вторично представиться императрицѣ, она была чрезвычайно довольна, увидѣвъ его уже на двухъ ногахъ. Впрочемъ, такъ какъ искусственная нога при ходьбѣ причиняла нѣкоторую боль, то Любимъ Карловичъ впослѣдствіи не носилъ ея. Онъ получилъ затѣмъ мѣсто инспектора придворнаго госпиталя³⁾.

¹⁾ Въ офицерскомъ собраніи лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка большая картина, писанная масляными красками, изображаетъ подвигъ Коренного. Копіи съ нея имѣются во всѣхъ частяхъ войскъ и военно-учебныхъ заведеніяхъ. В. Ж.

²⁾ Въ исторіи л.-гв. Финляндскаго полка, составленной полковникомъ Ростовскимъ (стр. 196), въ сраженіи подъ Лейпцигомъ значатся убитыми: поручикъ Крыловъ и прапорщики Траубенбергъ, Богдановичъ и Левашевъ. Вѣроятно, одинъ изъ нихъ и упомянутъ въ разсказѣ дѣда. Штевенъ (уже въ чинѣ полковника) также значится раненымъ въ этомъ сраженіи. В. Ж.

³⁾ Несмотря на тяжелую рану въ юныхъ годахъ, Любимъ Карловичъ

Уже съ середины 1811 года проносились слухи о разрывѣ Россіи съ Франціей и о предстоящей войнѣ съ Наполеономъ. Мнѣ не приходится описывать Отечественную войну: я былъ далекъ отъ главнаго мѣста дѣйствій, да, наконецъ, эта великая эпоха путемъ печати теперь уже болѣе или менѣе извѣстна каждому. Отдѣльные эпизоды ея, по рассказамъ участниковъ, сохранились въ моей памяти; переживать же всѣ ужасы ея не пришлось намъ на отдаленномъ сѣверѣ. Помню только, что когда Наполеонъ вступилъ въ предѣлы Россіи, и безопасность Петербурга, порученнаго попеченію князя Витгенштейна, внушала опасенія,—покойный отецъ мой получилъ важное порученіе: при собственноручномъ письмѣ императора Александра I ему на сохраненіе были высланы на корабляхъ огромные ящики съ драгоценностями изъ Эрмитажа и Двора, картины, брилліанты и разное другое имущество царской фамиліи. Это порученіе причинило очень много заботъ и безпокойства отцу. Съ большою осторожностью почти всѣ эти вещи онъ помѣстилъ въ шлюсъ, гдѣ былъ удвоенъ караулъ и учреждено особое дежурство штабъ-офицеровъ, которые должны были зорко слѣдить за цѣлостью вещей и при смѣнѣ подавать отцу особыя записки о благополучной сдачѣ дежурства. Отецъ былъ очень доволенъ, когда весною 1813 года сдалъ въ цѣлости всѣ вещи обратно на корабли.

Помню также, какъ зимою 1812 года проходили чрезъ городъ, иногда нѣсколькими партіями сразу, плѣнные французы, нѣмцы, итальянцы, шведы. Отецъ всегда угощалъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ обѣдомъ или ужиномъ, смотря по времени ихъ прибытія, горячею пищею, водкой и пивомъ, а офицеровъ и высшихъ чиновъ приглашалъ къ своему столу. Внизу, въ людскихъ, накрывались большіе столы для 200—250 человекъ, которые раздѣлялись на двѣтри очереди, такъ какъ всѣмъ сразу не доставало мѣстъ. Мы всегда съ любопытствомъ ходили смотрѣть плѣнныхъ. Надо было видѣть, какъ они были признательны отцу, съ какимъ восторгомъ благодарили его... Отецъ имѣлъ возможность дѣлать столь крупныя расходы, такъ какъ по должности коменданта получалъ весьма солидное содержаніе. Къ мѣсту коменданта Выборгской крѣпости тогда было приписано, отдававшееся въ аренду, алodialное имѣніе, доходъ отъ котораго давалъ до 15 тысячъ рублей ассигнаціями; со смертью отца это имѣніе отошло отъ должности коменданта и было приписано къ доходамъ великаго княжества Финляндскаго. Годовой окладъ содержанія и аренда на 12 лѣтъ давали вмѣстѣ, какъ говорили, до 22 тысячъ рублей ассигнаціями. Но открытая, довольно роскошная жизнь и щедрая помощь бѣднымъ, которыхъ нѣсколько семействъ отецъ содержалъ на полномъ своемъ иждивеніи, имѣли

Жерве прожилъ очень долго: онъ скончался въ 1867 году 80 лѣтъ отъ роду, еще за 9 лѣтъ предъ тѣмъ отпраздновавъ золотую свадьбу. В. Ж.

слѣдствіемъ, что послѣ его смерти остались даже долги, впослѣдствіи однако до копейки уплаченные матерью.

Кажется, въ 1814 году случился въ Выборгѣ большой пожаръ. У плацъ-параднаго мѣста горѣли два деревянныхъ дома, а отъ нихъ загорѣлись и два большихъ каменныхъ дома, въ одномъ изъ которыхъ жилъ генералъ Коль. Бѣдняга, совершенно растерявшись, въ халатѣ и туфляхъ прибѣжалъ къ намъ и притащилъ съ собою бѣлыя глиняныя голландскія трубки, бывшія тогда въ большомъ употребленіи, а о своемъ семействѣ и имуществѣ совсѣмъ забылъ. Этотъ пожаръ былъ лѣтомъ. Часовъ около девяти вечера мы пошли посмотреть пожарище. Выгребная яма около деревяннаго дома выгорѣла до самаго сруба, такъ что поровнялась съ горизонтомъ, и, покрывшись густымъ слоемъ золы, стала совсѣмъ незамѣтна. Дежурнымъ по карауламъ былъ тогда гарнизонный капитанъ Зеленый, который также пріѣхалъ на пожаръ и, увидя отца, сталъ подходить къ нему съ рапортомъ, но въ это самое время упалъ въ выгребную яму. По счастью, яма была не очень глубока, и капитанъ окунулся лишь по горло. Онъ выскочилъ весь запачканный, съ страшною вонью, на него тотчасъ направили пожарную трубу и обмыли его начисто.

Между тѣмъ нашъ семейный горизонтъ заволакивало тучами. Сестра моя, Екатерина Карловна, дѣвушка чрезвычайно красивая, умная и образованная, вышла замужъ за артиллерійскаго офицера Засса, но послѣ родовъ перваго ребенка скончалась. Ей не было даже 19 лѣтъ отъ роду, родители ее страшно любили, и горе ихъ было неописуемо. Обливаясь слезами, отецъ провожалъ ея гробъ и опустилъ ее въ тотъ самый склепъ, въ которомъ приготовилъ мѣсто для себя. Эта смерть была роковымъ ударомъ старику и первымъ гвоздемъ къ его гробу. Вскорѣ онъ самъ заболѣлъ и почувствовалъ, что ему недолго остается жить. Дѣйствительно, 18 іюля 1818 года, онъ скончался въ полномъ сознаніи, благословивъ всѣхъ насъ передъ смертью. Похороны отца были очень торжественны, такъ какъ онъ занималъ высокій постъ въ городѣ и былъ весьма популяренъ въ обществѣ; сочувствіе друзей и знакомыхъ выказалось въ полной силѣ, и всѣ искренно оплакивали этого достойнаго человѣка. Его похоронили въ склепѣ, рядомъ съ любимою дочерью.

Какъ я упомянулъ выше, послѣ смерти отца мать осталась безъ средствъ и мнѣ не приходилось оставаться въ Выборгѣ, чтобы продолжать тамъ свое воспитаніе. Мнѣ нужно было думать о возможности поступить на службу, а не проживать на содержаніи матери. Обсудивъ серьезно всѣ обстоятельства, мы рѣшили съ нею, что мнѣ необходимо ѣхать въ Петербургъ, и какъ ни была тяжела разлука съ матерью, я долженъ былъ разстаться съ нею.

II.

Мое поступленіе въ институтъ путей сообщенія.—Духъ этого заведенія.—Переходъ въ главное инженерное училище.—Оригинальная встрѣча и объясненіе съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.—Порядки въ училищѣ.—К. И. Арсеньевъ.—Заботы о воспитанникахъ великаго князя Николая Павловича.—Исторія съ куртками.—Вступленіе въ лагерь.—Императрица Марія Ѳеодоровна.—Ученые въ присутствіи принца Прусскаго.—Посѣщеніе лагеря императрицей Маріей Ѳеодоровной.—Посѣщеніе лагеря императоромъ Александромъ Павловичемъ.—Обѣдъ у великаго князя Николая Павловича.—Завтракъ у императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Танцевальный вечеръ въ Розовомъ павильонѣ.—Нарышкинъ и его остроты.—Выпускные экзамены.

Въ августѣ 1818 года, я прибылъ въ Петербургъ, и здѣсь начались хлопоты объ опредѣленіи меня на службу. Братъ мой, Любимъ Карловичъ, вспомнилъ о весьма давнишнемъ пріятелѣ покойнаго отца, корпуса путей сообщенія генераль-майорѣ Меншѣ. Онъ обратился къ Меншу, и тотъ взялся опредѣлить меня въ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, если я выдержу вступительный экзаменъ. Такъ какъ я хорошо зналъ французскій языкъ и въ гимназіи учился хорошо, то выдержалъ экзаменъ удовлетворительно, потому что весь курсъ въ институтѣ преподавался исключительно на французскомъ языкѣ. Но въ математикѣ, которая въ институтѣ была главнымъ, спеціальнымъ предметомъ, я далеко отсталъ, такъ какъ ни въ школѣ, ни въ гимназіи математики почти не преподавали, исключая ариметики, и то не всей, а до самыхъ первоначальныхъ правилъ алгебры. Такъ какъ по всѣмъ остальнымъ предметамъ я экзаменовался довольно хорошо, то мнѣ разрѣшили догонять курсъ, и я ходилъ въ институтъ сентябрь, октябрь и почти до конца ноября въ партикулярномъ платѣѣ.

Институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія помѣщался тогда не въ томъ отдѣльномъ строеніи, въ которомъ находится теперь ¹⁾, но во дворѣ дома, нынѣ занятого министерствомъ путей сообщенія, въ тѣмъ комнатахъ, которыя впослѣдствіи долгое время занимались штабомъ корпуса путей сообщенія и канцеляріею главноуправляющаго, до перехода ихъ въ новое зданіе министерства путей сообщенія. Главноуправляющимъ при моемъ поступленіи былъ генераль-лейтенантъ Бетанкуръ, занявшій этотъ постъ послѣ Деволана; Бетанкуръ, родомъ изъ Испаніи, былъ хорошимъ инженеромъ, хорошо образованнымъ и ученымъ человекомъ.

Воспитанники института раздѣлялись на четыре класса, называвшіеся бригадами; 1-я и 2-я бригады составляли офицерскіе классы, 3-я и 4-я—классы воспитанниковъ. Всѣ воспитанники носили офицерскую форму, тогда обыкновенно синяго покроя, т. е. однобортный о девяти пуговицахъ мундиръ, съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ,

¹⁾ Въ 1859—1860 годахъ.

съ двумя вышитыми серебряными петлицами, съ зелеными выпушками и съ фалдами, зеленые штаны, впущенные въ ботфорты, шпагу съ серебрянымъ темлякомъ и треугольную шляпу съ кокардою, галунною петлицею и чернымъ султаномъ. Бригады же различались тѣмъ, что воспитанники 4-й, или младшей, бригады носили на рукавахъ черные бархатные клапаны съ 3-мя пуговицами; 3-я бригада имѣла на этихъ клапанахъ по три маленькія серебромъ вышитыя петлицы; 2-я бригада, кромѣ того, носила серебряные эполеты съ одною золотою звѣздочкою, а 1-я бригада—тотъ же мундиръ, но на эполетахъ по двѣ золотыхъ звѣздочки. Въ то время эти звѣздочки на эполетахъ носились только одними путейцами, у всѣхъ же другихъ войскъ ихъ не было. Профессора въ институтѣ были отличные: генералъ-майоры: Сеноверъ, Дестремъ и Базенъ, отецъ французскаго маршала Базена, который совершилъ экспедицію въ Мексику и въ октябрѣ 1870 года измѣнически сдалъ нѣмцамъ крѣпость Мецъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ Чижовъ; майоры: Андрей Даниловичъ Готманъ, преподававшій рисованіе и черченіе плановъ и эпюръ для начертательной геометріи, и Трипольскій, имѣвшій надзоръ за воспитанниками во время классовъ. Всѣ воспитанники жили на вольныхъ квартирахъ внѣ института, на полномъ собственномъ содержаніи, и имѣли право только приходить слушать курсъ отъ 9-ти до 3-хъ часовъ утромъ и отъ 6-ти до 8-ми послѣ обѣда. Курсъ былъ обширный, такъ что механику, дифференціалы и интегралы преподавали въ младшемъ 4-мъ классѣ. Въ концѣ ноября я догналъ курсъ, меня проэкзаменовали, остались довольны и дали мнѣ право носить офицерскій мундиръ, присвоенный 4-й бригадѣ.

Ограниченныя средства матери послѣ смерти отца заставляли меня серьезно призадумываться; я не желалъ быть ей въ тягость, такъ какъ содержать меня въ институтѣ было очень трудно, не принося большихъ жертвъ. Одно обмундированіе стоило уже крайне дорого; напримѣръ, ботфорты стоили 80 и 100 рублей ассигн. Насъ, правда, учили прекрасно, профессора были толковые, знающіе и занимались съ нами крайне добросовѣстно, но духъ молодежи въ институтѣ былъ какой-то не русскій, все чужое имѣло гораздо болѣе поклонниковъ, чѣмъ свое коренное русское; вольнодумство и отчасти безнравственность были обычными явленіями. Большая часть молодежи были богачи, изъ аристократическихъ фамилій, такъ какъ дѣйствительно бѣдному человѣку содержать себя и ходить постоянно въ офицерской формѣ было недоступно. Свое мнѣніе я основываю на фактическихъ данныхъ, и въ этомъ, отчасти, можно убѣдиться, изъ слѣдующаго примѣра.

Не помню, за проказы или по жалобѣ одного изъ профессоровъ, насъ, нѣсколькихъ человѣкъ, посадили подъ арестъ—въ карцеръ, какъ называли двѣ огромныя свѣтлыя комнаты, запиравшіяся на ключъ. Въ числѣ арестованныхъ были: князь Голицынъ, графъ Ностицъ,

баронъ Лилиенфельдъ, Колокольцевъ, Голохвастовъ и др.— все богачи съ огромными средствами. Всѣ сторожа были подкуплены этими господами и слѣпо исполняли ихъ приказанія. Майоръ Трипольскій, имѣвшій надзоръ за остававшимися арестованными воспитанниками, вѣроятно, чтобы не имѣть непріятныхъ столкновеній съ родственниками молодыхъ аристократовъ и богачей, держался весьма практичной политики и навѣщалъ арестованныхъ только тогда, когда зналъ, что все въ порядкѣ. Не прошло и полу-часа послѣ ареста, какъ намъ всѣмъ накрыли въ карцерѣ хорошо сервированный столъ, съ прислугою тѣхъ же господъ и официантами; кушанье было изысканное, лилось вино и шампанское, пѣли, курили и пр. Ко времени сбора воспитанниковъ къ вечернимъ классамъ все было убрано, и мы всѣ пошли въ классы какъ ни въ чемъ не бывало, только немного веселенькіе. Послѣ вечернихъ занятій мы напились чаю съ такою же роскошью, затѣмъ намъ подали нѣсколько саней этихъ же господъ, и мы уѣхали. Остатокъ ночи провели въ томъ же родѣ, и это удовольствіе компаніи обошлось болѣе 800 рублей. Только въ 6 ч. утра мы вернулись въ свой карцеръ.

Всѣ эти продѣлки были внѣ моихъ правилъ, и я придумывалъ средства вырваться изъ подобной обстановки. Тутъ я вспомнилъ старика Оппермана, друга моего отца, часто бывавшаго у насъ въ домѣ: теперь онъ былъ, послѣ генераль-инспектора, главнымъ начальникомъ корпуса полевыхъ инженеровъ, впослѣдствіи переименованнаго въ корпусъ военныхъ инженеровъ. Въ одно прекрасное утро я пошелъ прямо къ нему, и онъ, узнавъ, кто я, принялъ меня довольно ласково. Я рассказалъ ему, почему желалъ оставить институтъ. Старикъ Опперману понравилась моя откровенность, онъ принялъ во мнѣ участіе и разрѣшилъ подать прошеніе объ опредѣленіи моемъ въ полевой инженерный корпусъ. Я подалъ прошеніе въ институтъ объ увольненіи меня оттуда и другое—о принятіи въ инженерный корпусъ. Все это я дѣлалъ, не спросивъ никого, не сказавъ ни слова даже у себя дома. Ко мнѣ присоединились два моихъ товарища, Агапьевъ и баронъ Дольстъ. Агапьевъ былъ очень хорошо образованный человѣкъ, учился прекрасно, имѣлъ хорошія способности и весьма порядочно игралъ на віолончели. Дольстъ былъ простоватъ, добрый малый, не слишкомъ развитъ, учился съ лѣнцою, посредственныхъ способностей. Вскорѣ нашему примѣру послѣдовали человѣкъ 30 или 40. Они оставили институтъ, потому что разнеслись слухи о совершенномъ преобразованіи его: офицерскіе классы должны были оставаться безъ измѣненія, но весь курсъ долженъ былъ преподаваться на русскомъ языкѣ; въ двухъ младшихъ классахъ предполагалось замѣнить офицерскую форму кадетскою, воспитанникамъ жить въ институтѣ, отпускать только на воскресенье и праздничные дни, дать имъ ружья и аммуницію и обучать ихъ

фронтальной службѣ. Эти-то слухи и испугали ихъ, хотя преобразование на самомъ дѣлѣ послѣдовало гораздо позже, кажется, въ 1826 году.

Намъ всѣмъ троемъ назначили экзаменъ и всѣ вопросы предлагали на русскомъ языкѣ. Мы ихъ рѣшительно не понимали, зная русскій языкъ вообще довольно плохо. Начальникомъ главнаго инженернаго училища былъ тогда инженеръ генералъ-маіоръ графъ Егоръ Егоровичъ Сиверсъ. Онъ крайне удивился результату нашего экзамена, выходитъ къ намъ и говоритъ: «Вы приняты быть не можете, вы ничего не знаете». Мы отвѣчаемъ: «Да насъ никто и не спрашивалъ, мы поэтому и отвѣчать не могли, а что эти господа говорили—мы не поняли». Въ это время входитъ Карлъ Ивановичъ Опшерманъ. Мы ему объяснили пофранцузски, въ чемъ дѣло, онъ и графъ разсмѣялись, назначили новый экзаменъ и экзаменаторами полковника барона Эльснера, подполковника Христіани и поручика Шаронъ-ла-Розе; всѣ трое отлично знали французскій языкъ, на которомъ насъ и проэкзаменовали. Мы всѣ отлично выдержали экзаменъ: Агапьевъ, какъ изъ 2-й бригады, прямо въ 1-й, а я и Дольсъ въ 2-й кондукторскіе классы. Но такъ какъ это было лѣтомъ, а курсъ въ училищѣ начинается только въ сентябрѣ, то насъ до вступленія въ главное инженерное училище прикомандировали къ С.-Петербургской инженерной командѣ, куда мы явились. Здѣсь намъ объявили, что мы должны приходить каждое воскресенье къ 9 час. утра учиться фронту; одѣли же насъ въ кондукторскую форму въ главномъ инженерномъ училищѣ. Когда мы надѣли ее послѣ офицерской формы, она намъ не очень понравилась: какая-то кадушка въ видѣ кивера съ чешуями и этикетками, краги, бѣлая широкая португеза черезъ плечо—все это намъ казалось дико и странно. Изъ швальни насъ повели къ какому-то офицеру на осмотръ и затѣмъ отпустили домой. Взяли мы тесаки подъ-мышку, подняли чешуи, обернули этикетки около репейки кивера и идемъ. Видимъ, ѣдетъ какой-то генералъ съ дамою, въ каретѣ, на четверкѣ цугомъ. Около насъ чудаковъ (я былъ вдвоемъ съ Агапьевымъ) карета остановилась, и генералъ знаками подозвалъ насъ къ себѣ. Мы подошли, нисколько не перемѣняя принадлежности кивера и держа тесаки подъ-мышкой, очень вѣжливо раскланялись и приложились рукой къ киверу, что въ то время считалось преступленіемъ. Агапьевъ, обратясь къ генералу, спросилъ его: «Que desirez vous, mon general?»¹⁾. Генералъ какъ-то странно посмотрѣлъ на насъ, а дама высунулась съ любопытствомъ изъ окна и обратила на насъ полное свое вниманіе. Генералъ спросилъ порусски: «Что, вы не знаете меня?» Мы коротко отвѣтили: «нѣтъ». Онъ пожалъ плечами и опять порусски спросилъ: «Откуда вы?». Тогда Агапьевъ сказалъ ему: «Excusez, mon général, nous venons d'être transporté de l'Institut des eaux et de voies, nous connaissons mal le russe et nous venons de mettre

notre uniforme à l'instant même» ²⁾). Дама, видно, очень заинтересовалась нами, сдѣлала намъ нѣсколько вопросовъ и получила очень вѣжливые и ловкіе отвѣты на самомъ чистомъ французскомъ языкѣ. Генераль приказалъ намъ тотчасъ вернуться въ сопровожденіи его лакея. Такъ какъ павильонъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ, то мы скоро добѣжали. Лакей что-то передалъ какому-то офицеру, прибѣжали другіе и самъ графъ Сиверсъ,—пошла тревога. Мы съ Агапьевымъ смотрѣли на всю эту кутерьму довольно хладнокровно и удивлялись общему безпокойству, нисколько не подозревая, что это мы надѣлали переполохъ. Наконецъ, графъ Сиверсъ растолковалъ намъ, что генераль, который насъ остановилъ,—великій князь Николай Павловичъ и нашъ генераль-инспекторъ. Мы стали убѣждать графа этимъ не тревожиться и увѣрять его, что мы какъ великому князю, такъ и великой княгинѣ отвѣчали очень вѣжливо. Но намъ опять растолковали, что наше главное преступленіе состояло въ томъ, что мы держали тесаки подъ мышкою, прикладывались рукой къ киверу и пр.; что великій князь приказалъ насъ арестовать и передать намъ нѣсколько правилъ, какъ должно поступать при встрѣчахъ съ офицерами и начальниками. Это насъ страшно обидѣло, и мы сказали графу, что вѣдь съ насъ требуютъ то, чего намъ не указывали, и взыскиваютъ за то, чего мы вовсе не знали. Но не прошло и двадцати минутъ, какъ великій князь прислалъ сказать, чтобы насъ не арестовывали и передали намъ правила воинскаго чинопочитанія и выпустили. Мы этому очень обрадовались, ушли и уже придерживались формы, насколько умѣли.

Дома я занимался исключительно русскимъ языкомъ и бралъ у товарищей книги, чтобы лучше приготовиться по военнымъ наукамъ. По воскресеньямъ, каждое утро, ходилъ я въ крѣпость, гдѣ какой-то военно-рабочій офицеръ училъ насъ фронтовой службѣ; кромѣ насъ троихъ, туда ходили еще человѣкъ восемь кондукторовъ для той же цѣли. Разъ какъ-то, когда онъ поставилъ всѣхъ насъ во фронтъ (Агапьевъ по росту былъ фланговый), старику что-то не понравилось въ выправкѣ и стойкѣ, и онъ началъ поправлять Агапьева. Тотъ распростеръ руки, какъ будто хотѣлъ его обнять, и заплѣлъ: «Мила бабушка, зачѣмъ ты сюда къ намъ влѣгъла...». Всѣ расхохотались, старикъ сконфузился, и съ тѣхъ поръ мы трое только для прогулки приходили въ крѣпость, ученій намъ больше не дѣлали.

Приблизительно въ то время, когда произошла перемѣна въ моей службѣ, моя мать въ Выборгѣ все хлопотала о полученіи своей пенсіи, но не имѣла никакого успѣха. Кажется, въ 1819 году покойнаго государя Александра I ожидали въ Выборгѣ, проѣздомъ въ

¹⁾ «Что прикажете, генераль?».

²⁾ «Извините, генераль, мы только что переведены изъ института путей сообщенія, плохо знаемъ русскій языкъ и только что надѣли нашу форму».

Свеаборгъ и на Аландскіе острова, куда онъ ѣздилъ для осмотра крѣпостныхъ работъ. Сестрѣ моей, Еленѣ Карловнѣ, было тогда лѣтъ 13—14, и всѣ считали ее прехорошенькою дѣвицею. Бывшій губернаторъ Шернваль умеръ еще раньше отца, и вдова его вышла замужъ за новаго губернатора Валлена. Въ память прежнихъ хорошихъ отношеній губернаторши къ моей матери, м-ше Валленъ предложила прислать къ ней сестру Елену во время проѣзда государя, который долженъ былъ остановиться въ домѣ губернатора; она вызвалась представить сестру государю, съ тѣмъ, чтобы Лена могла подать прошеніе о пенсіи, въ надеждѣ на то, что государь, вѣроятно, исполнить справедливую просьбу. Мать была очень благодарна м-ше Валленъ за ея любезность и въ день пріѣзда государя пріодѣла сестру и отправила ее къ губернаторшѣ. Какъ умная и ловкая женщина, Валленъ умѣла устроить такъ, что государь замѣтилъ хорошенькую дѣвицу,—и воспользовалась случаемъ представить ее. Какъ видно было, сестра произвела пріятное впечатлѣніе на государя, который, замѣтивъ у нея въ рукахъ прошеніе, спросилъ, о чемъ она проситъ. Сестра, безъ всякой застѣнчивости, отвѣтила на французскомъ языкѣ, въ чемъ состоитъ ея просьба. Государю очень понравились ея объясненіе и манеры, онъ съ большою любезностью обѣщалъ немедленно исполнить ея просьбу и даже поцѣловалъ руку у сестры, чѣмъ она потомъ не мало гордилась. Прошеніе было приказано тотчасъ отправить въ Петербургъ и исполнить просьбу. Дѣйствительно, когда государь на возвратномъ пути вспомнилъ о сестрѣ, то губернаторъ доложилъ, что сестра очень желала бы благодарить государя, такъ какъ пенсія за годъ уже получена. Къ сожалѣнію, государь спѣшилъ уѣхать, и сестра была лишена счастья снова представиться ему.

Осенью 1819 года, наступило, наконецъ, время моего поступленія въ главное инженерное училище. Классы его находились въ среднемъ этажѣ Михайловскаго замка, окнами на Царицынъ лугъ и Лѣтній садъ. Мѣсяцевъ черезъ десять насъ перевели въ правый павильонъ замка и распредѣлили по камерамъ въ верхнемъ и среднемъ этажахъ, а въ нижнемъ была столовая и квартира командира роты. Съ переименованіемъ кондукторскихъ классовъ въ кондукторскую роту главнаго инженернаго училища, намъ измѣнили также форму. Послѣдняя, отличаясь отъ формы крѣпостныхъ кондукторовъ, приближалась болѣе къ кадетской. На каски намъ дали гербы полусолнца, на красныхъ клапанахъ рукавовъ нашили позументъ, дали ружья, сумы и пр. Утромъ намъ подавали чай или сбитень съ булкою: обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ, всегда хорошихъ, сытныхъ и вдоволь; вечеромъ, послѣ классовъ, ставились въ разныхъ мѣстахъ большія корзины съ чернымъ хлѣбомъ, и никому не воспрещалось имѣть свой чай, покупать булки и пр.; къ ужину намъ давали два блюда. Великій князь Николай Павловичъ насъ очень часто навѣщалъ во время обѣда и ужина и даже ночью.

Черезъ годъ, по выдержаніи экзамена, меня перевели въ старшій кондукторскій классъ. Тутъ уже начались занятія очень серьезныя и усидчивыя. Несмотря на трудность догнать курсъ военныхъ наукъ, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія при вступленіи въ въ училище, я поравнялся съ товарищами. Меня полюбили товарищи и учителя; послѣдніе—за то, что я учился хорошо. Болѣе всѣхъ учителей отличали меня преподаватель артиллеріи инженеръ-капитанъ Алексѣй Васильевичъ Дядинъ и профессоръ исторіи Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ,—оба рѣдкой доброты, знающіе, толковые и справедливые. Мы всѣ очень полюбили Арсеньева. Онъ читалъ исторію только въ старшемъ классѣ; имѣлъ отличный даръ слова, умѣлъ сдѣлать свой предметъ чрезвычайно интереснымъ, въ особенности эпоху новѣйшихъ временъ. Для нѣсколькихъ избранныхъ учениковъ, которые болѣе интересовались его предметомъ, онъ давалъ особые уроки по воскресеньямъ. Это были самыя пріятныя лекціи, и никто никогда не манкировалъ ими. Тутъ онъ прошелъ съ нами всю новѣйшую исторію Россіи, предметъ самъ по себѣ интересный, который онъ развивалъ до того подробно и увлекательно, что часто, снисходя къ нашимъ общимъ просьбамъ, продолжалъ уроки до двухъ и до трехъ часовъ. Онъ прошелъ со всѣми подробностями и нигдѣ не напечатанными эпизодами домашней и придворной жизни царствованія Петра I-го, Екатерины II-й и, дойдя до Павла I-го, рассказалъ намъ его вступленіе на престолъ, описалъ его эксцентрическій характеръ, испорченный нераціональнымъ воспитаніемъ, упомянулъ о многихъ его строгихъ требованіяхъ и распоряженіяхъ и, наконецъ, описалъ его пышныя похороны.

Великій князь Николай Павловичъ очень заботился о насъ, по-прежнему часто навѣщалъ кондукторскую роту, строго наблюдалъ, чтобы пища у кондукторовъ была хороша. И правда, наша пища была хотя незатѣйлива, но всегда свѣжая, вкусная и вдоволь. Ему показалось, что кондукторы въ классахъ очень связаны формою, и что всякій день ходить въ мундирахъ и крагахъ при серьезныхъ занятіяхъ довольно тяжело; поэтому, желая насъ нѣсколько облегчить, приказалъ сшить намъ черныя куртки изъ толстаго солдатскаго сукна, съ красными выпушками, обтяжными суконными пуговицами и сѣрые панталоны. Костюмъ очень не красивый, похожій на денщицкій, намъ крайне не понравился, и мы сговорились не надѣвать этихъ куртокъ. Когда утромъ ротный командиръ передъ классами приказалъ намъ переодѣться, мы прямо объявили ему, что этихъ куртокъ не надѣнемъ; несмотря ни на какіе уговоры мы не послушались, и онъ далъ знать графу Сиверсу. Тотъ также уговаривалъ, но безуспѣшно. Пріѣхалъ Опперманъ, сначала тоже уговаривалъ, а потомъ грозилъ, что слушники будутъ разжалованы въ солдаты, и приказалъ всѣмъ, кто не желаетъ надѣть куртки, перейти на другую сторону зала. Рота, какъ по командѣ,

вся повернулась и пошла. Умный старикъ Опперманъ, видя, что силою и угрозою тутъ ничего не подѣлаешь, приказалъ намъ разойтись. Мы разбрелись по двумъ этажамъ. Тогда Опперманъ сталъ уговаривать насъ по одиночкѣ, обратившись сначала къ маленькимъ, и кое-какъ уговорилъ человѣкъ пять-шесть, которые измѣнили своему слову. Послѣ этого онъ обратился къ унтеръ-офицерамъ, которые должны подавать собою примѣръ покорности. Увидя, что человѣкъ десять уже надѣли куртки, и вполне сознавая, что наша сила—въ массѣ, мы надѣли куртки и пошли въ классы. Здѣсь мы пожаловались нашимъ профессорамъ: говорили, что сами видимъ въ этихъ курткахъ большое облегченіе для занятій, но что намъ не слѣдуетъ носить такого гадкаго, грубаго и унижительнаго для нашего званія платья. Профессора заступились за насъ. Обо всемъ этомъ было доложено великому князю. Онъ не желалъ дѣлать исторіи, обѣщалъ намъ сшить другія куртки, но приказалъ объявить намъ свое неудовольствіе за то, что мы дѣйствовали массою, а не предупредили предварительно начальство; почти цѣлую недѣлю не ѣздилъ къ намъ и послѣ очень долго бывалъ только по ночамъ, а днемъ не пріѣзжалъ. Это насъ чрезвычайно огорчало, потому что великій князь былъ къ намъ всегда очень добрѣ. Вскорѣ затѣмъ намъ дѣйствительно сшили новыя куртки изъ тонкаго гвардейскаго сукна, со свѣтлыми пуговицами, красными выпушками и погонами; эти мы очень охотно носили.

Такъ прошла зима. Мы, первый классъ, учились отлично, жалобъ на насъ не было; какъ о поведеніи, такъ и о прилежаніи общіе отзывы были самые лестные. Полугодичный экзаменъ прошелъ великолепно,—и великій князь съ нами помирился совершенно. Настало время лагеря, нашего строеваго образованія, тригонометрическихъ съемокъ и практическихъ занятій геодезіей вообще.

День выступленія былъ назначенъ. Мы пошли по петергофской дорогѣ въ Красное Село, гдѣ должны были стоять лагеремъ въ Красномъ Селѣ, подлѣ л.-гв. сапернаго батальона, вмѣстѣ со всѣмъ гвардейскимъ корпусомъ. На дорогѣ, у Краснаго Кабачка, верстахъ въ 9-ти отъ города, мы остановились на привалѣ. Великій князь Николай Павловичъ нагналъ насъ, и, вѣроятно, по его распоряженію, насъ накормили полуобѣдомъ. Вмѣсто десерта подали намъ знаменитыя, въ то время бывшія въ большой славѣ, вафли, которыя дѣйствительно были замѣчательно хороши, и такъ какъ насъ потчевали не по порціямъ, а сколько кто хотѣлъ, то мы уплели ихъ громадное количество. При выступленіи нашемъ изъ Краснаго Кабачка, воздухъ былъ удупливъ, собирались тучи, но, несмотря на это, мы, какъ и до привала, продолжали пѣть хоромъ русскія, французскія и нѣмецкія пѣсни, что очень интересовало нашихъ офицеровъ, такъ какъ хоръ былъ достаточно стройный. Пошелъ сильный дождь, разразилась гроза, на штыкахъ засверкала молнія. Дождь полилъ какъ

изъ ведра, а укрыться было некуда. Насъ остановили, приказали отомкнуть штыки и воткнуть ихъ въ землю, составить ружья въ козлы, а самимъ разойтись. Когда гроза нѣсколько утихла, приказано было вынуть штыки изъ земли, примкнуть ихъ, — и мы пустились въ дальнѣйшій путь, хотя сильный дождь не переставалъ. Поздно вечеромъ, промокнувъ до костей, мы прибыли въ Красносельскій лагерь. Одинъ взводъ пошелъ въ карауль, а остальные отправились въ свои палатки. Здѣсь, отъ недавняго дождя, набросанная въ нихъ солома буквально плавала, лечь не было никакой возможности; всю ночь и весь слѣдующій день дождь не переставая лилъ. Великій князь не рѣшился оставить насъ въ лагерь въ такую погоду, и на третій день насъ перевели въ самое Красное Село и размѣстили въ чьемъ-то дворцѣ. Здѣсь намъ постлали сухую солому, покрыли ее чистыми простынями, дали сухое чистое бѣлье и наше промокшее платье взяли для просушки. Накормили насъ горячею пищею и послѣ обѣда мы повалились съ истиннымъ наслажденіемъ на сухую солому. Наконецъ погода стала проясняться, но занятій у насъ не было. Мы играли въ игры, пѣли, подъ вечеръ собирався кружокъ, рассказывали анекдоты, разныя приключенія. Какъ-то разъ коснулись предрасудковъ и трусости отъ воображенія и, между прочимъ, начали спорить, что никто, какъ бы ни былъ далекъ отъ всякихъ предрасудковъ, не пойдетъ, напримѣръ, ночевать одинъ на кладбище. Я сказалъ, что пойду, но съ условіемъ, чтобы всѣ товарищи дали честное слово не предпринимать никакихъ шалостей для испуга во время моего сна. Всѣ дали слово, на кладбище меня проводилъ товарищъ Венцель, котораго я очень любилъ. Кладбище это отстояло съ версту отъ дворца. Я прошелъ отъ входа шаговъ пятьдесятъ, положилъ на первый попавшійся мнѣ камень взятую съ собою подушку, завернулся въ шинель и легъ. Венцель ушелъ, а я очень скоро заснулъ и благополучно проспалъ до самаго утра, такъ что нѣкоторые товарищи, придя очень рано, застали меня еще спящимъ. Ничего особеннаго не случилось.

Въ Красномъ Селѣ мы пробыли сутокъ двое. Между тѣмъ намъ приготовили лагерь около Павловска, лѣтней резиденціи и любимаго мѣста вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны. Здѣсь мы занимались фронтовою службою и дѣлали тригонометрическую съемку Павловска и окрестностей его. Зная, что царская фамилія вблизи, мы вели себя очень скромно и осторожно. Въ праздничные дни Павловскій паркъ былъ открытъ намъ для гулянья. Императрица и лица свиты ея Двора, при встрѣчахъ, заговаривали съ нами по-французски или по-нѣмецки и получали всегда отвѣты очень вѣжливые и всегда на томъ же языкѣ, на которомъ съ нами говорили. Этимъ императрица была очень довольна и хвалила насъ великому князю Николаю Павловичу, который, въ свою очередь, благодарилъ насъ. Впослѣдствіи, когда поспѣли ягоды, императрица приказала

въ каждой бесѣдкѣ, куда мы имѣли входъ по воскресеньямъ и праздникамъ, ставить большія глубокія блюда съ ягодами, огромныя кружки со сливками, мелкій сахаръ и сладкіе пирожки; камеръ-лакеи накладывали огромныя порціи клубники или малины и угощали насъ пирожками. Императрица въ эти дни, при хорошей погодѣ, прогуливалась обыкновенно съ большой свитой по саду; всегда очень привѣтливо поклонится и то съ однимъ, то съ другимъ изъ насъ заговорить пофранцузски или понѣмецки и, какъ бы щеголяя передъ свитою, минами указывала: «каковъ отвѣтъ!» Преимуществомъ гулять въ паркѣ пользовались только два старшихъ класса, остальнымъ ягоды и пр. посылались въ лагерь. При томъ, тѣ изъ насъ, которые не знали хорошо иностранныхъ языковъ, избѣгали встрѣчъ съ императрицей, — вотъ почему эта продѣлка удавалась такъ хорошо.

Нашъ лагерь постоянно посѣщали разныя знатныя особы и иностранные принцы. До великаго князя дошли слухи, что мы порядочно поемъ хоровыя пѣсни, не только русскія, но нѣмецкія и французскія, и ему видимо хотѣлось щегольнуть этимъ передъ царской фамиліей. Намъ онъ не сказалъ объ этомъ ни слова, намекнулъ только ротному командиру. Мы смекнули, въ чемъ дѣло, выпросили себѣ чрезъ наше начальство кларнетиста изъ л.-гв. сапернаго батальона и спѣлись такъ, что насъ не могли уже застать врасплохъ.

Однажды, вечеромъ, часовъ въ 6—7, великій князь пріѣхалъ къ намъ съ какимъ-то иностраннымъ принцемъ, если не ошибаюсь, наслѣднымъ принцемъ прусскимъ и сдѣлалъ ученіе, которое удалось блистательно.

Великій князь былъ очень доволенъ, тотчасъ послѣ ученія самъ повелъ насъ къ ужину, скомандовавъ: «пѣсенники впередъ!» — и мы запѣли Körner'a: «Das Uorggefühl», предсмертное предчувствіе передъ сраженіемъ. Принцъ крайне удивился прекрасному выбору и стройному пѣнію. Потомъ пропѣли русскую «Во лузяхъ». Пришли къ столамъ; на нихъ дымилась гречневая каша. Послѣ хорошаго мѣнѣя молодежь принялась усердно уплетать кашу. Принцъ нѣсколько разъ повторилъ: «каша, каша», и пожелалъ попробовать ее. Но онъ неосторожно хватилъ горячей каши, обжегъ ротъ и вскрикнулъ: «Verflucht heiss!». Наши всѣ разсмѣялись; великій князь и принцъ также расхохотались. Послѣ ужина насъ повели въ лагерь. Пробили зарю, взяли «на молитву», прочли «Отче нашъ» и затѣмъ спѣли «Коль славенъ Богъ». Принцъ былъ восхищенъ. Великій князь три раза благодарилъ насъ и спросилъ, согласимся ли мы пѣть въ присутствіи императрицы. Мы передали великому князю, что желали бы очень выразить императрицѣ нашу всепреданнѣйшую признательность за ея вниманіе и милость къ намъ и просили, нельзя ли намъ исходатайствовать хоръ музыки. Великій

князь обѣщалъ непремѣнно достать намъ хоръ на все время лагеря, снялъ фуражку, поклонился намъ и уѣхалъ.

Дня черезъ три прибылъ къ намъ очень хорошій хоръ музыкантовъ батальона военныхъ кантонистовъ. Наши диллетанты занялись хоромъ и когда мы подготовили порядочный репертуаръ разныхъ арій и пѣсенъ, то, при удобномъ случаѣ, просили великаго князя исходатайствовать намъ честь посѣщенія императрицею нашего лагеря. Великій князь обѣщалъ просить¹⁾. Узнавъ, что императрица благоволила согласиться на пріѣздъ къ намъ въ лагерь, мы достали чрезъ одного изъ нашихъ товарищей, племянника генераль-кригскомиссара, великолѣпную огромную палатку съ раздѣленіями, поломъ и окнами, украсили ее, насколько возможно было, воинскими арматурами и зеленью; достали у графини Бобринской, тогда также жившей въ Павловскѣ, превосходный бюстъ императрицы изъ бѣлаго каррарскаго мрамора, приготовили чай, конфеты и устроили небольшой буфетъ. Всѣ мы были въ очень тревожномъ состояніи.

Императрица пріѣхала около 6 час. вечера. Мы встрѣтили ее съ полною военною почестью; великій князь самъ командовалъ. Когда взяли «на караулъ», хоръ музыки заигралъ «God save the King»²⁾; тогда нашего народнаго гимна «Боже, Царя храни» еще не было. Великій князь сдѣлалъ намъ небольшое ученіе,—больше для того, чтобы выказать нашу ловкость (о гимнастикѣ тогда еще и помину не было), и мы прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо императрицы. Послѣ ученія намъ приказано было снять аммуницію и взять на себя роль хозяевъ. Великій князь ввелъ въ палатку императрицу, которая всѣмъ осталась очень довольна; чаю однако не пила, дотронулась до конфетъ и выпила немного лимонаду. Она была очень любезна и, казалось, очень тронута нашею преданностью, со многими говорила и почти полчаса оставалась въ палаткѣ. Потомъ допустила къ рукѣ весь старшій классъ, простилась съ нами очень милостиво и уѣхала со всею своею свитою.

Великій князь, проводивъ императрицу, благодарилъ насъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ. Мы прокричали ему въ отвѣтъ «ура» и покачали его порусски. Когда онъ уже уходилъ, ему доложили, что у насъ приготовленъ небольшой фейерверкъ со шитомъ

¹⁾ Можетъ быть, покажется нѣсколько страннымъ, что мы сами просили великаго князя то о томъ, то о другомъ. Тогда подобныя просьбы не составляли ни малѣйшаго затрудненія. Его высочество часто пріѣзжалъ къ намъ по вечерамъ, оставался въ лагерѣ часами: мы при немъ играли и дурачились, онъ не разъ участвовалъ въ нашихъ играхъ, въ особенности любилъ играть съ нами въ свайку. Часто спрашивалъ то того, то другого о разныхъ подробностяхъ нашей жизни, и тогда ему говорили съ полной откровенностью, чего мы желали бы. И это дѣлалось безъ всякихъ натяжекъ, совершенно натурально.

²⁾ Боже, Царя храни.

вензеля императрицы, и что не угодно ли будетъ ей величеству прокатиться и взглянуть на нашъ фейерверкъ. Великій князь предупредилъ императрицу и пріѣхавшихъ въ Павловскъ государя императора Александра I-го, который съ императрицей, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, съ огромной свитой, въ сопровожденіи толпы жителей Павловска, прибыли на фейерверкъ. Онъ удался отлично, прекрасно горѣлъ вензель императрицы, «ура» кричали неумолкаемо, и наше «ура» подхватила вся публика. Послѣ отъѣзда царской фамиліи, чтобы довершить этотъ памятный день достойнымъ образомъ, мы пригласили всѣхъ нашихъ офицеровъ и нѣсколькихъ лицъ, бывшихъ у нихъ въ гостяхъ, въ палатку, гдѣ была приготовлена хорошая закуска и хорошее вино, и угостили ихъ на славу.

На другой день, довольно рано утромъ, пріѣхалъ великій князь и объявилъ, что государь императоръ желаетъ осчастливить насъ посѣщеніемъ лагеря, и что великій князь Михаилъ Павловичъ также прибудетъ съ нимъ. Мы всѣ знали, что Михаилъ Павловичъ—прекрасный фронтовикъ, и немного струсили, какъ бы не оскандалиться. Но великій князь Николай Павловичъ ободрилъ насъ и сдѣлалъ репетицію предстоявшаго ученія. На слѣдующее утро онъ сказалъ намъ, что если сегодня ученіе будетъ такое же, какое было вчера, то все будетъ хорошо. Мы готовились не на шутку: чистились, пригоняли аммуницію, каждый хлопоталъ о себѣ съ щепетильною аккуратностью и, надо правду сказать, мы были одѣты въ этотъ день чисто, опрятно, по формѣ, все на насъ блестѣло, такъ что ротный командиръ и офицеры, а затѣмъ и великій князь, прибывшій съ своею свитой заранѣе, не могли на насъ налюбоваться. Скомандовали «смирно». Пріѣхалъ государь. Никогда еще мы такъ близко его не видали. Онъ былъ въ мундирѣ л-гв. сапернаго батальона, что намъ было очень пріятно. Поздоровался съ нами: «здравствуйте, господа». Мы отвѣтили и крикнули «ура». Онъ обошелъ шеренги, и началось ученіе. Сначала ружейные приемы,—государь поблагодарилъ; затѣмъ—ротное ученіе съ новыми сигналами. Государь остался очень доволенъ, благодарилъ за знаніе фронтовой службы, за прекрасное поведеніе и за преданность, такъ искренно выраженную нами вдовствующей императрицѣ, «которая, прибавилъ онъ, къ вамъ очень расположена; за это я васъ особенно благодарю». Мы опять прокричали «ура». Затѣмъ государь императоръ обошелъ весь лагерь, осмотрѣлъ его во всей подробности, очень привѣтливо благодарилъ великаго князя Николая Павловича, два раза обнялъ его и поцѣловалъ. Намъ приказали составить ружья въ козлы, снять аммуницію и проводить государя. Мы буквально внесли его величество въ коляску. Видно было, что ему пріятна была наша преданность, онъ благодарилъ насъ и уѣзжая раза три оборачивался и дѣлалъ знакъ рукою. Великій князь Николай Павловичъ былъ въ полномъ восторгѣ, многихъ кондукторовъ обнималъ и цѣло-

валъ и объявилъ намъ, что приглашаетъ весь старшій классъ на другой день къ себѣ обѣдать, а другимъ пришлетъ обѣдъ въ лагерь. Великій князь Михайлъ Павловичъ также выразилъ намъ свое полное удовольствіе и, обращаясь къ брату, сказалъ: «Пріятно быть начальникомъ такой прекрасной молодежи».

На другой день мы вострепнулись рано. Намъ приказано было явиться во дворецъ въ мундирахъ, въ фуражкахъ, безъ аммуниціи. Надо было пріодѣться щегольски; осмотрѣли насъ весьма внимательно. Только что мы стали собираться идти, какъ великій князь прислалъ за нами шесть линейекъ; мы разсѣлись и поѣхали во дворецъ. Его высочество встрѣтилъ насъ, какъ самый любезный хозяинъ, въ первомъ залѣ, потомъ каждого, порознь, подводилъ къ супругѣ своей великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, тогда еще очень молодой и красивой. Усадили насъ за столъ такъ, что каждый кондукторъ сидѣлъ между двумя дамами и только въ концѣ стола нѣсколько кондукторовъ сидѣли одинъ подлѣ другаго. Я сидѣлъ между двумя фрейлинами: одна уже въ лѣтахъ, другая—молодая. Разговоръ велся, большею частью, на французскомъ языкѣ и всѣ въ немъ принимали участіе. Великій князь очень оживлялъ разговоръ, великая княгиня была чрезвычайно внимательна. Мы пришли въ совершенный восторгъ и послѣ обѣда просили великаго князя, чтобы онъ испросилъ разрѣшеніе великой княгини выбраннымъ изъ нашей среды пяти человѣкамъ подойти къ рукѣ ея высочества. Великій князь былъ видимо доволенъ тонкою догадливостью такихъ еще молодыхъ людей, подошелъ къ великой княгинѣ и передалъ ей наше желаніе.

— «Ah! quels charmants jeunes hommes,—сказала она:—je veux les voir tous, tous mes enfants; approchez-vous, mes chers amis» ¹⁾.

Тутъ мы подошли къ ней къ рукѣ; всѣмъ сказала она нѣсколько привѣтливыхъ словъ, съ нѣкоторыми разговаривала подольше. Случайно мы трое, Гизетти, Лобри и я, подошли къ открытому окну и смотрѣли на чудный садъ. Великій князь подошелъ къ намъ и похвалилъ насъ всѣхъ вообще за прекрасныя манеры, за умѣнье поддерживать разговоръ въ большомъ свѣтѣ и знаніе этикета.

— Поздравляю васъ,—добавилъ великій князь: это прекрасное начало, которое навѣрное дастъ хорошіе результаты.

(Я забылъ упомянуть, что великій князь жилъ не въ Павловскѣ, а въ Царскомъ Селѣ, недалеко отъ дворца, но гдѣ именно, не помню). Великая княгиня, разговаривая со многими, между прочимъ, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, откуда я родомъ; вѣроятно, она полагала по фамиліи, что я французъ, и крайне удивилась, узнавъ, что родина моя Финляндія. Послѣ обѣда всѣ пошли въ садъ. Великая

¹⁾ «А, какіе прекрасные молодые люди,—сказала она:—я хочу всѣхъ ихъ видѣть, дѣтей моихъ; подойдите, мои дорогіе друзья».

княгиня взяла какого-то генераль-адъютанта подъ руку, но продолжала разговаривать съ нами; придворныя дамы также гуляли съ нами и разговаривали. Въ саду играла музыка, общество было нарядное, знатное, любопытствовавшей и глазѣвшей публики около сада собралось множество, и намъ куда какъ пріятно было прогуливаться въ свитѣ ея высочества и съ придворными дамами въ виду всей публики. По возвращеніи изъ сада, намъ подали чай, и затѣмъ мы приготовились къ отъѣзду. Съ чувствомъ искренней признанности благодарили мы высокую чету за ихъ милостивое къ намъ вниманіе. Такъ кончился для насъ этотъ незабвенный день.

Дней черезъ пять, великій князь, пріѣхавъ въ лагерь, передалъ, что вдовствующая императрица приглашаетъ насъ къ себѣ на завтракъ. Погода стояла великолѣпная; насъ опять повезли на линейкахъ. Завтракъ состоялся на открытомъ воздухѣ, и къ нему собрался чуть не весь Дворъ: государь Александръ I, императрицы Марія Ѳеодоровна и Елизавета Алексѣевна, великая княгиня Александра Ѳеодоровна, великій князь Николай Павловичъ — всѣ присутствовали. Здѣсь же находились графъ Орловъ, оба брата Нарышкины ¹⁾, графъ Аракчеевъ, котораго мы въ первый разъ увидѣли такъ близко, множество дамъ и между ними княгиня Ливенъ, Бобринская и другія. Насъ посадили за столъ, здѣсь также былъ только старшій классъ. Всѣ придворныя дамы и кавалеры угощали насъ наперерывъ одни послѣ другихъ, обѣ императрицы сами намазывали бутерброды и раздавали намъ, великіе князья также угощали. Намъ было просто совѣстно, что мы сидимъ за столомъ, а весь Дворъ и царская фамилія насъ угощаютъ; камеръ-лакеи только подносили блюда и мѣняли тарелки, а съ блюдъ раздавали угощавшіе насъ. Наливали желающимъ очень слабое бѣлое вино, легкое пиво, квасъ; ягоды со сливками, пирожныя стояли на столѣ. Все это угощеніе продолжалось около часа, въ продолженіе котораго играла музыка, но не близко, такъ что не мѣшала разговору. Послѣ завтрака обѣ императрицы и великая княгиня Александра Ѳеодоровна разрѣшили намъ подойти къ рукѣ; мы были вполнѣ счастливы. Потомъ насъ повели въ огромную залу, гдѣ подавали кофе. Спустя нѣсколько времени, когда мы уже нагулялись и собирались въ лагерь, великій князь подошелъ къ намъ и сказалъ, что у вдовствующей императрицы сегодня танцевальный вечеръ въ Розовомъ павильонѣ, и ея величество такъ милостива, что дозволила ему пригласить желающихъ на этотъ вечеръ, «кто хорошо танцуетъ»,—прибавилъ онъ отъ себя. Оказалось только восемь человѣкъ охотниковъ, другіе не надѣялись на свою ловкость въ танцахъ и не рискнули воспользоваться приглашеніемъ. Мы объяснили его высочеству, что по этому случаю намъ надо побы-

¹⁾ О младшемъ Нарышкинѣ на поляхъ мемуаровъ добавлена большая приписка. Помѣщая ее дальше, чтобы въ этомъ мѣстѣ не прерывать разсказа.

вать въ лагерѣ. «Это зачѣмъ?»—спросилъ онъ. Мы конфузились ему сказать, мялись, наконецъ рѣшились и сказали, что необходимо для танцевъ обуться въ тонкіе сапоги и взять перчатки. Великій князь разсмѣялся и сказалъ:

— Ахъ, вы, проказники! Такъ у васъ эта контрабанда водится.

Мы сказали ему, что часто танцуемъ въ высшемъ обществѣ, гдѣ безъ этого обойтись нельзя. Онъ согласился. Намъ подали линейки, и мы поѣхали снаряжаться. Надѣли тонкіе сапоги, взяли чистые тонкіе носовые платки, бѣлыя перчатки и поѣхали, какъ намъ приказано было, прямо во дворецъ великаго князя. Онъ насъ осмотрѣлъ и остался доволенъ, но, какъ мы уже впослѣдствіи узнали отъ нашихъ офицеровъ, предупредилъ государя и великаго князя Михаила Павловича о такъ названной имъ «контрабандѣ», и тѣ очень смѣялись; однако, какъ говорили, имъ понравился нашъ *esprit d'étiquette*. Его высочество самъ привезъ насъ въ *Rosen-Pavillon*, передалъ насъ двумъ-тремъ генераламъ и флигель-адъютантамъ и просилъ ихъ позаботиться, чтобы мы не скучали. Императрицъ еще не было. Многія придворныя дамы, знавшія насъ по обѣду, завтраку и нашему вечеру, подходили къ намъ, любезно разговаривали, смѣялись; масса генераловъ, знати—и всѣ были къ намъ очень внимательны. Наконецъ, вышли императрицы; государя не было. Начался безконечный польскій, потомъ пошли другіе танцы, какъ обыкновенно, начиная съ экосеза. Дамы часто сами насъ ангажировали, въ особенности на вальсъ, который наша молодежь танцевала отлично. Чай, фрукты, питье и прочее не подавались, а все стояло въ открытыхъ буфетахъ. Дамы очень часто водили насъ въ буфетъ, и даже великіе князья заботились о томъ, чтобы насъ чаще подводили къ сладостямъ. Дамы знали наши фамиліи и обращались: «*M-r un tel, amenez moi au buffet*». Ужинъ былъ великолѣпный. На насъ этотъ вечеръ произвелъ самое пріятное впечатлѣніе, и почти всѣ мы прослыли отличными танцорами.

При дворѣ служило два брата Нарышкиныхъ: старшій былъ оберъ-егермейстеромъ, младшій—камергеромъ. Старшій, хотя имѣлъ всю тонкую полировку придворнаго, былъ, какъ и младшій, красивъ и высокаго роста, однако далеко не такъ развитъ и уменъ, какъ братъ, который славился умомъ, находчивостью, острою и весьма мѣткимъ саркастическимъ юморомъ. Оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ жилъ на Англійской набережной, въ огромномъ домѣ съ балкономъ. У него была роговая музыка, единственная въ цѣломъ мірѣ. Это не то, что нынѣшняя роговая музыка изъ мѣдныхъ трубъ съ клапанами и прочее: въ хорѣ Нарышкина каждая мѣдная труба издавала только одинъ звукъ въ извѣстномъ тонѣ. Поэтому, чтобы разыграть пьесу, требовавшую, напримѣръ, 7—8 октавъ, хоръ долженъ былъ состоять почти изъ сотни человекъ. Но такъ какъ для дискантовыхъ и среднихъ нотъ не достаточно по одному рожку и нужно

было minimum 3—4, и, кромѣ того, запасные музыканты, то хоръ состоялъ изъ 170 человѣкъ. Необходимо было самое бдительное вниманіе и огромный практическій навыкъ выдерживать паузы и вовремя подавать свою ноту. Это искусство доведено было въ хорѣ до непонятнаго совершенства, въ своей игрѣ онъ поражалъ райскою гармоніей, нѣжностью звуковъ и доставлялъ истинное наслажденіе.

Камергеръ Нарышкинъ очень часто забавлялъ государя и весь Дворъ своими остротами и разными выходками. Въ 1822-мъ или 1823-мъ году отношенія Россіи къ Оттоманской Портѣ были весьма натянуты. Однажды утромъ государь сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и что-то писалъ; тутъ былъ и камергеръ Нарышкинъ. Камердинеръ государя проходилъ нѣсколько разъ черезъ кабинетъ, отворяя и затворяя дверь, которая очень скрипѣла. Государь замѣтилъ это слегка камердинеру, а Нарышкинъ сказалъ:

— C'est la porte qui désire de la cire, votre majesté!

Государь улынулся.

Главною мишенью остротъ Нарышкина былъ почти постоянно комендантъ, генераль-адъютантъ Башуцкій, жившій въ самомъ дворцѣ. Онъ былъ добрѣйшій, простѣйшій и недалекій человѣкъ; это всѣ знали, и поэтому ему многое сходило съ рукъ. Въ то время нѣмецкія пьесы Коцебу были въ славѣ, и государь пожелалъ, чтобы одну изъ самыхъ смѣшныхъ пьесъ Коцебу: «Rochuss-Pumpenrikel, oder der Landjunker zum ersten Mal in der Residenz»,—представили въ дворцовомъ театрѣ. Тогда былъ на сценѣ знаменитый комикъ Линденштейнъ. Пьесу разыграли. Государь очень много смѣялся, особенно когда Линденштейнъ, der Landjunker, вѣхалъ на сцену подъ огромнымъ зонтикомъ, верхомъ на ослѣ. Государь спросилъ: «Какъ это провели осла на сцену». Нарышкинъ, тутъ же случившійся, тотчасъ подхватилъ и сказалъ: «По комендантской лѣстницѣ, ваше величество». Всѣ расхохотались.

Комендантъ за 25-ти-лѣтнюю службу свою въ офицерскихъ чинахъ получилъ, по тогдашнему уставу, св. Георгія 4-й степени; надѣлъ свой новый крестъ и усѣлся въ театрѣ въ комендантское кресло въ 1-мъ ряду. Немного спустя, входитъ Нарышкинъ, лорнируетъ, проходя мимо коменданта; потомъ нагнулся, увидѣлъ георгиевскій крестъ на груди коменданта, поздравилъ его и сказалъ: «Странно! Въ первый разъ вижу, что св. Георгій на конѣ»...

Придворный кофешенкъ, во дворцѣ, былъ маленькій, тучный господинъ съ огромнымъ животомъ. Покрой панталоновъ у гражданскихъ чиновниковъ и партикулярныхъ лицъ въ то время былъ не такой, какъ нынѣ: на животѣ былъ клапанъ, который подымался и застегивался на пуговицы. Нарышкинъ обѣдалъ во дворцѣ. Послѣ обѣда кофешенкъ приносить на большомъ подносѣ кофе. Нарышкинъ за что-то точилъ зубы на кофешенка, подошелъ къ нему и говорить на ухо: «У васъ клапанъ отъ панталоновъ отстегнулся»

Можете себѣ представить испугъ и отчаяніе бѣднаго кофешенка! Онъ сталъ сгибать колѣни, опускалъ поднось какъ можно ниже и въ такой уморительной позѣ, при его короткой, тучной фигурѣ, едва былъ въ состояніи поднести кофе всей царской фамиліи. Всѣ замѣтили его уморительныя ужимки, смѣялись, но никто не могъ понять, что случилось съ несчастнымъ кофешенкомъ. Можно легко вообразить себѣ его мину, когда онъ, наконецъ, окончилъ свой мучительный обносъ кофе, пришелъ въ буфетную, поставилъ поднось на столъ и увидѣлъ, что страхъ его оказался напрасенъ: клапанъ былъ застегнутъ какъ слѣдуетъ.

Наши лѣтнія занятія въ лагерѣ приходили къ концу, съемка Павловска и окрестностей его была окончена, черновые планшеты сданы. Императрица рано уѣхала въ Петербургъ, и празднества наши прекратились. Мы выступили изъ лагеря, благополучно вернулись въ Петербургъ и снова размѣстились въ нашемъ павильонѣ. Намъ распустили по домамъ на цѣлую недѣлю; изъ лагеря же въ городъ насъ вовсе не отпускали. Послѣ этихъ каникулъ надо было серьезно приниматься за ученіе, готовиться къ офицерскому экзамену. Дѣла было очень много. Профессора, которые насъ дѣйствительно очень любили за прилежаніе, желали, чтобы мы блестяще сдали экзамены, занимались съ нами очень усердно и этимъ придавали намъ еще болѣшую охоту къ занятіямъ. Мы другъ другу помогали очень усердно, и въ нашемъ классѣ не было и помину о какихъ либо шалостяхъ или проказахъ, хотя въ другихъ классахъ онѣ случались.

Экзаменъ былъ назначенъ публичный. Опперманъ и графъ Сиверсъ безпрестанно твердили намъ подготовиться получше, такъ какъ государь императоръ обѣщалъ быть на экзаменѣ и привести гостей. И дѣйствительно на первый экзаменъ изъ артиллеріи пріѣхалъ государь и съ нимъ прусскій король, какой-то французскій посланникъ, графъ Аракчеевъ и довольно большая свита русскихъ и иностранныхъ офицеровъ. Николай Павловичъ пріѣхалъ съ своими адъютантами, гвардейскими полковниками: Адлербергомъ, Кавелинымъ и Деллингсгаузенемъ. Надо сказать, что недѣли за три до экзамена великій князь Николай Павловичъ прислалъ модель какого-то прусскаго орудія и приказалъ, чтобы кто нибудь изъ насъ снялъ орудіе съ натуры и представилъ чертежъ на экзаменъ. Алексѣй Васильевичъ Дядинъ поручилъ мнѣ эту работу. Я съ натуры начертилъ все; но такъ какъ дѣла было гибель, что видѣлъ и самъ Дядинъ, то онъ мнѣ очень помогъ, отгушевавъ почти весь чертежъ.

Государь пожелалъ, чтобы отвѣчали на нѣмецкомъ языкѣ, дабы прусскій король могъ понимать отвѣты. Предложили нѣсколько вопросовъ, отвѣчали хорошо.

— Снято ли прусское орудіе съ натуры? — спросилъ великій князь у Дядина.

— Снято, ваше высочество,—отвѣтилъ Дядинъ.

— Гдѣ чертежъ?—Показали.—Кто снималъ?

— Жерве.

— Вызови его.

Я подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли государь Александръ I и прусскій король, развернулъ свой чертежъ, отдѣланный на славу, и объяснилъ на нѣмецкомъ языкѣ всю конструкцію орудія, лафета, снарядовъ, заряда, прицѣла и проч. Король былъ просто удивленъ.

Затѣмъ Дядинъ сказалъ мнѣ порусски (онъ языковъ не зналъ), но громко:

— Объясните его величеству, какъ отливаютъ и какъ высверливаютъ орудія.

Дядинъ видѣлъ, что я бойко владѣю нѣмецкимъ языкомъ, и вызвалъ меня, опасаясь, что этотъ трудный и сложный вопросъ другой можетъ объяснить нѣмецки не такъ хорошо, хотя твердо былъ увѣренъ, что его предметъ всѣ знали отлично, его любили и у него учились прекрасно. Я обрадовался, связалъ этотъ вопросъ съ прежнимъ и объяснилъ прекрасно. Король остался очень доволенъ и громко сказалъ государю:

— Ich bin versichert, dass kein preussischer Officier, nicht nur ein Kadet im Stande wäre so bestimmt und kenntnissvoll diesen sehr interessanten Gegenstand zu verklären, wenn es darauf ankäme im Russischen Ew. Majestät zu übergeben ¹⁾.

Государь кивнулъ мнѣ и довольно громко сказалъ: «Благодарю васъ». Отъ радости я не помнилъ, какъ дошелъ до мѣста, и какъ кончился экзаменъ.

Когда государь съ королемъ уѣхали, графъ Аракчеевъ подошелъ къ Алексѣю Васильевичу и спросилъ его:

— Не желаешь ли ты въ артиллерію? Обиженъ не будешь, а выиграть можешь.

Алексѣй Васильевичъ на это отвѣтилъ очень спокойно:

— Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство. Не желаю быть въ третій разъ произведенъ въ офицеры: я уже слишкомъ старъ.

Аракчеевъ посмотрѣлъ на него, какъ гіенна на своего врага, но ничего не сказалъ, повернулся и ушелъ. Мы не поняли Дядина и просили его объяснить намъ-его слова.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—объясню, но въ другой разъ; теперь усталъ, да и голоденъ.—Потомъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:—Ай да нѣмчикъ ²⁾! Вотъ отхваталъ, такъ отхваталъ! Молодцомъ! Да я и не думалъ, что ты такой пряткій. А чертежъ-то, а чертежъ: наглядѣться не могли, все самъ показываетъ.

¹⁾ «Я увѣренъ, что ни одинъ прусскій офицеръ, а тѣмъ болѣе кадетъ, не былъ бы въ состояніи объяснить этотъ интересный предметъ такъ отчетливо и умѣло, если бы пришлось изложить его вашему величеству порусски.

²⁾ Дѣдъ былъ лютеранинъ.

— Спасибо вамъ, Алексѣй Васильевичъ. Это я вашими руками сегодня жаръ загребалъ.

— Эвона, что я тамъ помазалъ немного; такъ я вѣдь всѣмъ то же дѣлаю.

Онъ взялъ меня за руку и крѣпко пожалъ. Это была для меня лучшая награда.

Дня черезъ два государь опять посѣтилъ нашъ экзаменъ и, кажется, не предупредивъ никого. Былъ экзаменъ изъ исторіи. Государь подозвалъ профессора Константина Ивановича Арсеньева и передалъ ему свое желаніе, нельзя ли спросить что нибудь изъ французской исторіи и на французскомъ языкѣ. Константинъ Ивановичъ поклонился.

— Полагаю, что это возможно, ваше величество,—сказалъ онъ и прямо подошелъ ко мнѣ.—Вы владѣете вполнѣ французскимъ языкомъ, вѣкъ Людовика XIV знаете хорошо. Приготовьтесь, я васъ вызову: отвѣчайте на французскомъ языкѣ.

Я немного струсиль: боялся, что недостаточно краснорѣчиво передамъ періодъ, хотя зналъ его хорошо. Съ четверть часа мнѣ дали подумать. Потомъ Арсеньевъ вызвалъ меня, на французскомъ языкѣ довольно хорошо передалъ мнѣ предложенный вопросъ и опредѣлилъ періодъ времени блистательныхъ войнъ Людовика XIV. Я началъ съ предупрежденія, что предметъ проходилъ на русскомъ языкѣ, и заранѣе просилъ извинить меня, если не совсѣмъ ясно изложу разсказъ. Остановился немного и затѣмъ началъ нѣсколько нетвердымъ голосомъ. Потомъ сталъ говорить смѣлѣе, обрисовалъ положеніе Франціи въ указанную эпоху, побудительныя причины войнъ, описалъ дѣйствующихъ лицъ, потомъ самыя сраженія. Чѣмъ дальше я говорилъ, тѣмъ увѣреннѣе и тверже сталъ выражаться. Говорилъ минутъ двадцать пять, не останавливаясь, говорилъ съ жаромъ; надо было, наконецъ, перевести духъ. Посланникъ въ это время всталъ, поклонился мнѣ и сказалъ: «*Merci, monsieur*». Но Государь перебилъ его и сказалъ:

— *C'est tellement interessant, que je voudrais bien que vous finissiez la période* ¹⁾.

Я поклонился государю, сталъ продолжать и кончилъ великимъ *Condé*. Всѣ меня поблагодарили и французъ сказалъ мнѣ:

— *Je vois bien, monsieur, que notre histoire vous est bien connue* ²⁾.

Я отвѣтилъ: «*Excellence! pour nous jeunes gens, qui commencent seulement à vivre, nous avons besoin des beaux exemples pour être des fidèles sujets* ³⁾».

¹⁾ Это такъ интересно, что я очень желалъ бы, чтобы вы кончили періодъ.

²⁾ Я вижу хорошо, молодой человѣкъ, что вы хорошо знакомы съ нашей исторіей.

³⁾ Ваше превосходительство, намъ, молодымъ людямъ, которые только начинаютъ жить, необходимы прекрасныя примѣры, чтобы быть вѣрными подданными.

Государь очень благосклонно обернулся ко мнѣ и, видимо довольный, сказалъ:

— Bien, tres bien, mon cher. Merci ¹⁾.

Я поклонился и отступилъ. Вообще изъ всѣхъ предметовъ мы сдали блестящіе экзамены, въ особенности первые десять человѣкъ, у которыхъ по всѣмъ предметамъ были полные баллы. Когда государь изволилъ отбыть, великій князь Николай Павловичъ, проводивъ его, возвратился и благодарилъ насъ съ видимымъ восторгомъ. Онъ сказалъ:

— Я ожидалъ, что экзаменъ будетъ хорошъ, но чтобы онъ прошелъ такъ блистательно, этого я не ожидалъ; да, я думаю, и вы также,—обратился онъ къ Опперману, графу Сиверсу и профессорамъ.—Отлично, прекрасно!

Алексѣй Васильевичъ Дядинъ послѣ разсказалъ намъ, что прежде онъ служилъ въ артиллеріи и два раза изъ офицеровъ былъ разжалованъ: въ первый разъ въ солдаты, во второй—въ фурлейты. Однажды, на царскомъ смотрѣ, онъ какъ-то измѣнилъ въ своемъ взводѣ упряжку заряднаго ящика. Государь это замѣтилъ, и ему перемѣна понравилась. Онъ выразилъ Аракчееву свое мнѣніе, что такъ гораздо лучше, и тотъ согласился. Но за то, что Дядинъ сдѣлалъ эту перемѣну своевольно, не спросясь, Аракчеевъ разжаловалъ его въ рядовые. Когда Дядинъ былъ вновь произведенъ въ офицеры, ему пришлось въ арсеналѣ снимать копію съ какого-то огромнаго чертежа, подписаннаго графомъ Аракчеевымъ. Чтобы можно было скопировать верхъ чертежа, онъ вскарабкался ногами на чертежъ. Въ это время входитъ Аракчеевъ и видитъ ноги Дядина какъ разъ на его подписи. Какъ онъ смѣлъ, видите ли, топтать его подпись ногами? За это онъ разжаловалъ Дядина въ фурлейты. Дядинъ въ это же время сочинилъ и напечаталъ: «Наставленіе артиллерійскимъ генераламъ, изданное фурлейтомъ Дядинымъ». Какъ ни бѣсился Аракчеевъ, брошюра имѣла огромный успѣхъ. Дядина опять произвели, и тогда уже великій князь Николай Павловичъ перевелъ его къ себѣ въ инженеры²⁾.

Викторъ Жерве.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Хорошо, очень хорошо, мой милый. Благодарю.

²⁾ 12 октября 1862 г. въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ 1-е военное Павловское училище), съ соизволенія е. и. в. главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, было отпраздновано сорокалѣтіе «учительской службы» А. В. Дядина, тогда уже генералъ-лейтенанта. Въ бумагахъ покойнаго дѣда случайно сохранилось приглашеніе на этотъ юбилей.

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ¹⁾.

III.

Производство въ офицеры. — Назначеніе меня въ Свеаборгскую инженерную команду. — Чухонскій супъ. — Приѣздъ въ Гельсингфорсъ. — Новые сослуживцы и знакомые. — Радужіе барона Штейнгеля и неожиданный завистникъ. — Полковникъ Абрютинъ и судьба его семейства. — Полковникъ Штрикеръ. — Свеаборгскій клубъ; веселищіяся старушки. — Женитьба подполковника Шведера и обѣдъ у него; мои проказы и ревность «молодого». — Препровожденіе времени въ Гельсингфорсъ. — Шведско-русскія антипатіи въ обществѣ. — «Война со шведомъ». — Два слова о шведахъ. — Нелюбовь офицеровъ къ Шведеру. — Русская молодежь и ея успѣхи въ обществѣ. — Кузинъ-скоодъ. — Первая работа. — Взрывъ порохового погреба. — Рискованная продѣлка ради отпуска. — Назначеніе депутатомъ въ судъ. — Дерзость финляндскихъ чиновниковъ. — Хорошій для нихъ урокъ. — Окончаніе слѣдствій. — Поѣздка въ Петербургъ. — Пикникъ. — Столкновеніе съ Латынинымъ и его послѣдствія. — Кончина императора Александра I и вступленіе на престолъ императора Николая I. — Осмотръ финляндскихъ крѣпостей. — Погребеніе императора Александра Павловича.

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ 5-го декабря 1821 года мы были произведены въ офицеры, и къ этому времени насъ экипировали по ходатайству великаго князя, который приказалъ намъ выдать по 200 рублей ассигнаціями. Чтобы болѣе однообразно одѣть молодыхъ офицеровъ и удешевить обмундированіе, одинъ портной, по подряду, сшилъ намъ платье, а одинъ магазинъ поставилъ офицерскія вещи. Намъ сшили мундиръ, панталоны, сюртукъ и холодную шинель; дали пару эполетъ, треугольную шляпу съ перомъ, шагу, шарфъ и одну пару ботфортъ. Чего изъ денегъ не-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXII, стр. 419.

достало на экипировку, великій князь доплатилъ. Въ ближайшее воскресеніе мы должны были явиться къ его высочеству. Онъ насъ принялъ очень ласково и вмѣстѣ съ нами отправился въ Зимній дворецъ для представленія государю. По особой милости къ намъ государь, какъ всегда, былъ очень ласковъ и пріятливъ.

Послѣ производства я посѣщалъ еще офицерскіе классы, а затѣмъ меня назначили въ Свеаборгскую инженерную команду. По дорогѣ въ Свеаборгъ мнѣ пришлось остановиться, между прочимъ, въ городѣ Борго. Я былъ утомленъ и очень проголодался; время было обѣденное. Зашелъ я въ гостиницу и велѣлъ служанкѣ подать мнѣ супъ. Она принесла мнѣ въ графинѣ водки и поставила на столъ. Жду, жду—больше ничего не несутъ. Я опять крикнулъ, горничная пришла. Говорю ей: «супъ, супъ!». Она показала на столъ, что-то сказала пошведски, проворно обернулась и ушла. Я дождалъ еще, наконецъ, потерялъ терпѣніе, спустился внизъ въ общую залу и спрашиваю, что это значитъ, что мнѣ не дадутъ обѣдать, что я жду уже Богъ знаетъ сколько времени. Тутъ напелся какой-то господинъ, знавшій русскій языкъ; онъ и передалъ мое желаніе хозяйкѣ. Служанка что-то сказала ему, тотъ расхохотался, обратился ко мнѣ и спросилъ:

— Вы просили супъ?

— Да.

— Не прогнѣвайтесь, — отвѣчалъ онъ мнѣ:—слово «супъ» на шведскомъ языкѣ значитъ «водка»; служанка поставила вамъ водки на столъ и была увѣрена, что васъ удовлетворила вполне.

Дѣло объяснилось, я пообѣдалъ и поѣхалъ дальше въ Гельсингфорсъ.

Я зналъ, что тамъ при генералъ-губернаторѣ состоитъ мой старый товарищъ, инженерный поручикъ Теше, и потому, пріѣхавъ въ городъ, разыскалъ его и на первыхъ порахъ остановился у него. Мы другъ другу очень обрадовались, и онъ съ удовольствіемъ приютилъ меня у себя. На другое утро я поѣхалъ черезъ заливъ въ Свеаборгъ представляться по начальству. Явился къ командиру Свеаборгской инженерной команды, полковнику Шведеру, — сладкій, недалекій нѣмецъ, недуренъ собою, но противная фигура. Затѣмъ къ командиру Финляндскаго инженернаго округа генералъ-лейтенанту Труссону 1-му, — человѣкъ умный, образованный, начитанный и вѣжливый, но страшный чудакъ: ни у кого не бывалъ и ни съ кѣмъ, кромѣ какъ по службѣ, не видался и не знакомился, жилъ одинъ, безъ семейства. Явился также къ коменданту, генералъ-майору Павлу Николаевичу Гебенеру, бывшему саперу. Это презанимательная личность: всегда веселъ, пріятливъ, обходителенъ и добрѣ. Послѣ этого я пошелъ къ своимъ новымъ товарищамъ, изъ которыхъ больше всѣхъ мнѣ понравился поручикъ Павелъ Ивановичъ Чеснокъ, славный малый, хохоль по происхожде-

нію. Мы другъ другу сразу пришились по душѣ и начали свое знакомство съ того, что онъ предложилъ мнѣ, пока я отыщу себѣ квартиру или получу казенную, поселиться вмѣстѣ съ нимъ; квартиру онъ занималъ довольно большую, и къ тому же у него было свое маленькое хозяйство. Я очень поблагодарилъ его и обѣщалъ воспользоваться его мнлымъ предложеніемъ. Вообще всѣ мои новые сослуживцы показались мнѣ очень хорошими людьми и товарищами, приняли меня очень ласково и даже дружески, но меня обдало холодомъ, когда я увидѣлъ, что среди нихъ всякое образованіе и даже воспитаніе почти отсутствовали, какія-то странныя, совсѣмъ не свѣтскія манеры меня поразили, никто не зналъ ни одного иностраннаго языка. Одинъ только Чеснокъ имѣлъ вполнѣ приличныя и болѣе свѣтскія манеры, за то онъ какъ-то мало бывалъ въ обществѣ, рѣдко показывался въ клубѣ, а больше сидѣлъ дома и сибаритничалъ. Когда я возвратился въ Гельсингфорсъ къ Теше, онъ повелъ меня въ трактиръ m-me Валундъ, лучшій въ городѣ, особенно усердно посѣщавшійся болѣе аристократическою военною молодежью. Кормили тамъ очень хорошо и почти за безцѣнокъ: за 30 абонементныхъ билетовъ на обѣды мы платили 12 рублей ассигнаціями и получали всегда 5 блюдъ, чашку кофе и рюмку водки (кто ее пилъ). Обѣдъ подавался сытный, аппетитный, прислуживали хорошенькія, молодыя дѣвушки.

Генералъ-губернаторомъ Финляндіи былъ тогда баронъ Штейнгель, старый другъ моего покойнаго отца. Когда я явился къ нему, онъ принялъ меня чрезвычайно любезно и прямо повелъ къ супругѣ своей Натальѣ Николаевнѣ. Она также приняла меня очень ласково, просила бывать во всякое время, когда пожелаю и могу, и сказала, что мнѣ они всегда будутъ рады. Мнѣ, конечно, было весьма пріятно быть коротко знакомымъ въ такомъ важномъ домѣ. Баронъ напомнилъ мнѣ, что здѣсь же я могу найти другихъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, и прежде всего направилъ меня къ Валлену; еще при покойномъ отцѣ онъ былъ губернаторомъ въ Выборгѣ послѣ Шернаваля, вдова котораго вышла потомъ за него замужъ. Я отправился къ нимъ и былъ принятъ такъ же ласково и радушно. Дня черезъ три послѣ визита къ Штейнгелю онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать; у него собралось въ этотъ день довольно много представителей мѣстной знати, которымъ онъ представилъ меня и просилъ подлюбить, какъ сына его стараго друга. Барона всѣ очень любили и уважали; вѣроятно, съ его легкой руки я вездѣ былъ принятъ какъ нельзя лучше. Познакомился я также съ состоявшими при баронѣ офицерами и былъ принятъ въ ихъ кругъ, какъ близкій товарищъ. По рекомендаціи барона, мнѣ пришлось еще явиться къ дивизионнымъ командирамъ: русскихъ войскъ—генералу Теслеву и финскихъ—генералу Эрнроту.

Изъ Свеаборга, гдѣ я поселился съ поручикомъ Чеснокомъ, каждый день ѣздитъ я въ Гельсингфорсъ на званые обѣды и вечера.

Какъ очень молодой офицеръ и лихой танцоръ, вполнѣ владѣвшій французскимъ и нѣмецкимъ языками, я былъ вездѣ принятъ очень хорошо; мои свеаборгскіе товарищи, не имѣвшіе знакомыхъ въ Гельсингфорсѣ, завидовали моей счастливой звѣздѣ, впрочемъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, а моему командиру команды Шведеру очень не нравилось, что, помимо его, генераль-губернаторъ и вся знать постоянно приглашаютъ меня къ себѣ на обѣды и вечера. Къ тому же случилось однажды, что 28 февраля генераль-губернаторъ (день его именинъ: Fabian—русское Фаддей) устроилъ великолѣпный балъ, на который былъ приглашенъ весь Гельсингфорсъ, а изъ Свеаборга только генераль Труссонъ, комендантъ и я. Это взорвало Шведера окончательно, и онъ началъ кое въ чемъ придирается ко мнѣ. Товарищи, которые радовались моимъ успѣхамъ въ свѣтѣ, удерживали его, а я прямо объявилъ ему, что если онъ не оставитъ меня въ покоѣ, то я напишу въ Петербургъ Опперману, который меня знаетъ очень коротко, такъ какъ я часто проводилъ у него время; всѣ знавшіе о томъ дѣйствительно подтвердили мои слова. Унялся мой нѣмецъ.

Я познакомился также съ плацъ-майоромъ, полковникомъ Абрютинимъ, человѣкомъ очень старымъ, болѣзненнымъ и съ огромнымъ семействомъ. Когда я обѣдалъ у него въ первый разъ, за столомъ насъ сидѣло 22 человѣка, и я одинъ былъ чужой, всѣ же остальные были самые близкіе родные. Двѣ дочери были замужемъ за флотскими офицерами, старшій сынъ также служилъ во флотѣ. Странная и жестокая участь постигла это семейство. Въ короткій промежутокъ времени оба его зятя замерали, кажется, въ 1824 году на какомъ-то кораблѣ, шедшемъ изъ Архангельска около и въ виду самага Кронштадта; жены ихъ съ дѣтьми поѣхали въ деревни покойныхъ своихъ мужей. Лѣтомъ же 1824 года старикъ Абрютинъ умеръ, главнымъ образомъ, отъ горя. Сынъ его, флотскій лейтенантъ, былъ тогда на брантвахтѣ въ Гангеудѣ. Такъ какъ Свеаборгъ островъ, и на немъ кладбища нѣтъ, то при печальныхъ обрядахъ погребенія покойнику отдають послѣднюю воинскую честь въ ту минуту, когда гробъ ставится на катеръ для отвоза его чрезъ заливъ за Гельсингфорсъ на кладбище. Когда батальонъ матросовъ провожалъ тѣло Абрютина послѣднимъ залпомъ, въ ту же минуту слѣдоваль салютъ изъ пушки съ корабля, входившаго чрезъ проливъ на рейдъ мимо Густавъ-Сверда. Гробъ былъ поставленъ на катеръ, и когда мы причалили къ берегу у кладбища и процессія двинулась дальше, корабль успѣлъ также причалить. На этомъ кораблѣ оказался молодой Абрютинъ. Трудно описать горе несчастнаго сына: встрѣча его съ старухой матерью насъ всѣхъ тронула до слезъ. Черезъ годъ изъ огромнаго семейства остались только мать и сынъ...

Про Абрютина мнѣ рассказывали такой эпизодъ. Графъ Гейденъ ¹⁾ сдѣлалъ представленіе къ Царю о награжденіи старика Абрю-

¹⁾ Бывшій ранѣе барона Штейнгеля генераль-губернаторомъ въ Финляндіи.

тина окладомъ жалованья, въ виду его долголѣтней службы и огромнаго семейства. Но награда эта не вышла, тогда какъ многіе нѣмцы и шведы получили награды. Когда графъ Гейденъ похристосовался со старикомъ въ своемъ пріемномъ залѣ, въ присутствіи всѣхъ генераловъ и офицеровъ гарнизона, и передалъ ему, что награда его не состоялась, старикъ Абрютинъ при всѣхъ сталъ на колѣни предъ образомъ, перекрестился и со слезами на глазахъ громко произнесъ: «Господи милосердный и всесильный! Перекрести меня хоть въ какогонибудь Шванценштрема, — авось тогда помилуютъ!». Графъ очень сконфузился. Старика еле вывели.

Познакомился я также съ другимъ плацъ-майоромъ, полковникомъ Штрикеромъ, также весьма старымъ человекомъ и раненымъ въ ротъ: у него не было нѣба, такъ что при разговорѣ онъ долженъ былъ вставлять въ ротъ пробку вмѣсто нѣба. Онъ былъ женатъ на простой чухонкѣ, которая при всемъ своемъ низкомъ происхожденіи умѣла довольно хорошо держаться въ обществѣ; лишь въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ случаяхъ общественной жизни проглядывали ея простыя замашки, да иногда обнаруживалась страсть къ мелочнымъ сплетнямъ.

Спустя недѣли двѣ послѣ моего пріѣзда, въ свеаборгскомъ собраніи былъ назначенъ танцевальный вечеръ. Клубъ помѣщался въ одномъ изъ офицерскихъ флигелей Вестерсварда; залъ довольно большой, но низкій, освѣщеніе не важное. Когда я пришелъ, помоему, очень рано, то уже танцевали экосезъ. Собралось всего не болѣе 12 дамъ и въ числѣ ихъ только одна молоденькая, хорошенькая дѣвица Казанцева, прочія же все жены плацъ-майоровъ и другихъ мѣстныхъ жителей, большею частью разряженныя старухи въ огромныхъ чепцахъ и наколкахъ. Какъ вошелъ я въ залъ, такъ и покатился со смѣху и скорѣе выбрался отсюда. Любезные кавалеры не преминули передать о моей веселости дамамъ, и тѣ, конечно, возстали противъ меня. Не видя никакого интереса въ собраніи, я вскорѣ ушелъ отсюда. Моему командиру команды передали о моей нескромности; онъ нахмурился и собрался, вѣроятно, мнѣ чтонибудь замѣтить по поводу этого, но поудержался.

Надо сказать, что мѣсяца за два передъ тѣмъ Шведеръ уѣзжалъ въ отпускъ въ Ревель и женился тамъ на очень хорошенькой молодой дѣвицѣ. Сдѣлавъ всѣмъ визиты и получивъ отвѣтныя, Шведеръ расщедрился и устроилъ большой обѣдъ для свеаборгской анати и для всѣхъ офицеровъ команды; меня онъ не долюбивалъ, но все-таки исключить было неловко. Я усялся за обѣдомъ подлѣ старика Штрикера и противъ Маріи Николаевны Гебенеръ (сестры коменданта). Мы завели съ нею очень оживленный разговоръ и мало обращали вниманія на нѣмецкій этикетъ, царившій вокругъ насъ; я часто смѣшилъ ее, заставляя своего старика-сосѣда то вкладывать въ ротъ пробку вмѣсто неба, то вынимать ее. Какъ водится,

подавали денщики. Супъ обошелся благополучно; но когда подали соусъ, молодая хозяйка замѣтила, что ложки нѣтъ, нечѣмъ взять,—покраснѣла, а денщикъ стоитъ задумавшись и не знаетъ, что ему дѣлать. Я обернулся къ нему и шепнулъ: «Поставь блюдо на полъ и принеси ложку». Денщикъ такъ и сдѣлалъ: блюдо на полъ, а самъ за ложкой. Поднялся общій смѣхъ. Марья Николаевна смѣясь погрозила мнѣ пальцемъ и сказала: «какой вы злой!». Шведеръ изъ себя выходитъ, но поправить дѣло уже поздно. Прибѣжалъ денщикъ, поднялъ блюдо, положилъ ложку и сталъ обносить. Одно къ одному, бѣсилъ я моего командира на каждомъ шагу. По своему глупому характеру, онъ не умѣлъ отшучиваться и давалъ лишь постоянно поводъ къ столкновеніямъ. Всѣ его выходки привели къ тому, что онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ офицеровъ, которые, видя во мнѣ ловкаго коновода, перешли на мою сторону. Послѣ обѣда надо было помириться съ хозяйкой. Я шепнулъ Марьѣ Николаевнѣ: «посмотрите, какъ задобрю хозяйку». Она сидѣла окруженная дамами, которыя были всѣ злы на меня за продѣлку въ собраніи и точили язычки на мой счетъ, но я, нисколько не конфузясь, взялъ стулъ и сѣлъ противъ хозяйки. Я началъ говорить съ нею понѣмечки, рассказывалъ о знакомыхъ въ Ревелѣ, каковыхъ у меня ни души тамъ не было, приплелъ кое-какіе анекдоты, однимъ словомъ, мы разговорились, любезничали и хохотали безъ умолку. Къ намъ присоединились и другіе гости, а дамы, видя, что съ такимъ шалуномъ лучше жить въ мирѣ, чѣмъ ссориться, также примкнули къ нашему кружку. Всѣ мы отъ души развеселились, и хозяйка такъ мило разговаривала со мною, что мужъ даже началъ ревновать; ходитъ блѣдный, ежится, а моя помощница Марья Николаевна еще подтруниваетъ надъ нимъ. Къ нашему же кружку и подойти трудно: всѣ помираютъ со смѣху и не обращаютъ никакого вниманія на бѣснующагося хозяина. Наконецъ, онъ вышелъ изъ себя, попросилъ сыграть вальсъ, бѣжитъ къ женѣ и кричитъ: «*Ein Tänzchen, meine Liebe, ein Tänzchen!*». Я, какъ бы не замѣчая его, пригласилъ хозяйку и пошелъ съ нею вальсировать. Шведеръ и руки опустилъ. Гебенеръ, который слѣдилъ за моими продѣлками, хочеть такъ, что трясется весь, а Шведеръ потихоньку говоритъ то тому, то другому: «*So ein Naseweis schnappt mir meine Dame vor der Nase weg!*¹⁾». Наконецъ я кончилъ вальсъ и поблагодарилъ свою даму за танецъ и за тѣ очаровательныя минуты, которыя провелъ въ ея обществѣ. Моя нѣмка растаяла и съ своей стороны поблагодарила меня также довольно горячо за то, что я оживилъ все общество,—и все это въ присутствіи мужа; онъ навѣрное сѣлъ бы меня съ досады, но долженъ былъ также поблагодарить, чтобы не выдать себя.

¹⁾ «Такой проказникъ, отбиваетъ у меня даму передъ носомъ!»

Въ Свеаборгѣ вообще я бывалъ очень мало, только по утрамъ, а послѣ обѣда, иногда же ранѣе, обыкновенно отправлялся въ Гельсингфорсъ, гдѣ имѣлъ очень большой кругъ знакомыхъ. Мои лихіе товарищи составляли славный кружокъ разбитной молодежи, среди которой жилось прекрасно. На официальныхъ обѣдахъ и вечерахъ многіе старики и почтенныя дамы, ломая языкъ, съ трудомъ говорили со мною пофранцузски, что было для нихъ невѣроятно трудно. Мнѣ стало совѣстно передъ ними, и я рѣшилъ, во что бы то ни стало, выучиться шведскому языку, что при знаніи другихъ языковъ мнѣ удалось довольно скоро: черезъ мѣсяцъ я уже началъ говорить, а послѣ усвоилъ себѣ языкъ совершенно. Дамскій кругъ Гельсингфорса полюбилъ нашу молодежь, и мы вездѣ были приняты. Такъ какъ я былъ очень молодъ и худенькій, то меня прозвали «*lilla lieutenant*» («маленькій лейтенантъ»). Штатская шведская молодежь стала коситься на насъ за успѣхи у дамъ и дѣвицъ и, гдѣ только можно было, всюду выказывала намъ свое нерасположеніе. Въ Гельсингфорсѣ танцевальныя вечера и балы въ *Société* устраивались каждое воскресенье и были посѣщаемы всѣми сословіями: тутъ былъ *beau monde*, и купцы и *commiss*. На одномъ изъ вечеровъ наша молодежь была въ особенномъ ударѣ, и шведы что-то сильно точили на насъ зубы. Впрочемъ, самый вечеръ обошелся благополучно; шведы знали, что мы порядочные сорви-головы, ничего даромъ не спустимъ, да и рука-то у насъ сильная: всѣ дамы и аристократія на нашей стороне,—бороться-то трудненько. Подъ конецъ вечера подходитъ къ намъ Гизингеръ ¹⁾ и спрашиваетъ: «Послѣ бала ужинаемъ мы вмѣстѣ?»—«Идетъ»,—отвѣчали мы всѣ въ одинъ голосъ:—«иди, заказывай». Для насъ накрыли столъ въ особой комнатѣ; мы проводили всѣхъ нашихъ дамъ и потомъ сѣли ужинать. Шведы расположились въ общемъ залѣ. Тамъ скромно, тихо, а у насъ веселье, шампанское льется—кутимъ, однимъ словомъ. Чтобы намъ насолить, два шведа набили себѣ трубки и прямо идутъ съ трубками въ нашу комнату. Я увидѣлъ ихъ, мигнулъ Гизингеру. Мы дали обомъ подойти близко къ дверямъ—и въ мигъ обѣ половинки разомъ захлопнулись, трубки полетѣли, а мы дверь на замокъ. Поднялся хохотъ, вивать, ура, а шведы бѣсятся, стучатся въ дверь, но ихъ, конечно, не пустили. Прислуга также, получая отъ насъ всегда достаточно, распорядилась такъ, чтобы все лучшее подавалось намъ. Долго мы пировали и, наконецъ, начали собираться по домамъ. Выходимъ, а шведы стоятъ тѣсно и выжидаютъ насъ. Комнено, уже порядочно навеселѣ, и графъ Армфельдъ ²⁾ шли

¹⁾ Гизингеръ былъ адъютантомъ начальника финской дивизіи генерала Эрнота.

²⁾ Л.-гв. Гренадерскаго полка капитанъ Дмитрій Компено и л.-гв. Преображенскаго полка капитанъ графъ Александръ Армфельдъ состояли адъютантами при баронѣ Штейнгелѣ.

впередѣ. Комнено обернулся: «ну, господа, напрямикъ, грудью впередъ»,—и мы дружнымъ натискомъ раздвинули стѣну. Шведы разлетѣлись, а мы себѣ прѣблагополучно отправились всею гурьбою по домамъ. Шведы, вѣроятно, ожидали разговора или объясненій, но не тутъ-то было: разомъ, приступомъ и конецъ.

Балы и вечера въ Гельсингфорсѣ устраивались чуть не каждыи день. Дамы и дѣвицы очень любили танцовать, и гг. сенаторы, дивизионные начальники, комендантъ и генераль-губернаторъ чередовались балами, такъ что танцовали мы до упаду и вообще время проводили очень пріятно. Иногда эти вечера принимали болѣе интимный характеръ: приглашали не на чай или на вечеръ, а на кофе: это значило собираться въ 4 часа послѣ обѣда, и танцы начинались днемъ, причѣмъ въ нихъ участвовалъ только избранный кружокъ близкихъ знакомыхъ. Такіе вечера мы особенно пріятно проводили въ домахъ графа Маннергейма и сенаторовъ Рихтера и барона Котена; хозяйки и дочери ихъ особою любезностью умѣли сдѣлать эти кафѣ очень оживленными и пріятными. Вообще же шведы, за исключеніемъ аристократіи, жили довольно тихо. Это былъ народъ очень серьезный, опирающійся вездѣ и всегда на свои законы, крайне трудолюбивый, но упрямый и мстительный, нравственности въ городахъ довольно легкой. Дѣвушки и женщины изъ Новой Финляндіи вообще очень красивы, услужливы, но любятъ деньгу и весьма легко заманчивы, молодежи раздолье въ особенности военнымъ, но если не полюбятъ, такъ ничѣмъ ихъ не уговоришь, а полюбятъ—все на распахку. За то въ деревняхъ нравственность гораздо строже. Народъ вообще не долюбливаетъ русскихъ, что вкоренено въ нихъ еще прежнимъ поколѣніемъ. Ново-финляндцы крайне удивились, найдя между русскими образованныхъ людей и, надо сказать, гораздо лучше образованныхъ, чѣмъ они сами.

Между тѣмъ, у насъ смѣнили окружного начальника, генераль-лейтенанта Труссона, и кто займетъ его мѣсто, было неизвѣстно. Въ это междуцарствіе, не помню почему, всѣ наши офицеры были крайне недовольны Шведеромъ. Мы затѣяли какъ-то большое празднество и къ обѣду пригласили военного губернатора Шельинга, коменданта, многихъ лицъ изъ Гельсингфорса и всю знать Свеаборга, но Шведера не пригласили. Мы отпраздновали этотъ день блистательно, воспользовавшись для этого пустою квартирою окружного начальника, бокъ о бокъ съ квартирою Шведера, который долженъ былъ все видѣть и слышать музыку.

Наша молодежь попрежнему была вездѣ принята очень радушно, и мы, въ особенности русскіе офицеры, никогда не позволяли себѣ какихъ нибудь выходокъ, скандальчиковъ и пр., и потому пользовались большимъ расположеніемъ милыхъ дамъ; за то намъ многое сходило съ рукъ, что другимъ не позволялось ни подъ какимъ видомъ. Въ Гельсингфорсѣ, кажется, и во всей Новой Финляндіи былъ

обычай, что послѣ каждаго большаго обѣда или бала вся молодежь черезъ день или два дѣлала визитъ тому семейству, которое приглашало насъ. Такъ какъ знакомыхъ домовъ у насъ было чрезвычайно много, а званые вечера устраивались почти ежедневно, то не было никакой возможности успѣвать дѣлать всѣмъ визиты. Поэтому мы дежурили понедѣльно, и всѣ отдавали свои визитныя карточки, по числу визитовъ, очередному дежурному, который развозилъ за насъ карточки по домамъ. Лѣтомъ мы, бывало, цѣлою гурьбою отправлялись за городъ, гдѣ за стаканомъ вина или пива проводили время постуденчески: пѣли, болтали, курили трубки и пр. Къ намъ часто прїѣзжали туда наши друзья съ женами и дочерьми, вполне увѣренные, что мы никогда не переступимъ границъ приличія. Случалось, ѣдутъ они обратно въ коляскахъ, а мы идемъ по бокамъ и поемъ пѣсни по выбору дамъ. Иногда мы задавали серенады передъ окнами тѣхъ дамъ и дѣвицъ, которыхъ все наше общество особенно любило и уважало. Случалось, что иногда мы заранѣе заказывали загородное помѣщеніе съ приличной обстановкой, хорошей музыкой и угощеніемъ и приглашали туда дамъ и дѣвицъ. Веселились мы тамъ дѣйствительно отъ души и, бывало, какъ старички начнутъ собираться по домамъ, упрасиваніямъ остаться еще подольше нѣтъ конца.

Въ Новой Финляндіи существовалъ еще такой обычай. Если молодой человѣкъ близко познакомится съ дамою или дѣвицею и его найдутъ вполне добропорядочнымъ, то имъ предлагаютъ такъ называемый «кузинъ-скооль»: дама и кавалеръ, скрепячая правыя руки, держать по бокалу шампанскаго, который должны выпить залпомъ до дна. Послѣ этого они цѣлуются, называютъ съ тѣхъ поръ другъ друга *cousin* и *cousine* и говорятъ «ты» (въ родѣ нѣмецкаго *Bruderschaft*). Это дѣлается при всемъ обществѣ, и никто, даже родители, не осуждаютъ обычая; напротивъ, чѣмъ болѣе у дамы или дѣвицы *cousin*, тѣмъ болѣе она выигрываетъ во мнѣніи другихъ.

На лѣто мнѣ дали работу: производить каменную ломку и по шаблонамъ грубо притесывать каменные параллелопипеды для Ревельскаго рейда. Работа эта должна была производиться на Скотъ-Ландѣ, голомъ каменномъ островѣ, лежащемъ противъ Густавъ-Сверда. Этими двумя островами для судовъ Свеаборгскаго рейда образуется не широкій, но глубокій проходъ. На островъ командировали 300 человѣкъ арестантовъ, около 30 человѣкъ военнорабочихъ и для содержанія постовъ у острога офицерскій караулъ, который смѣнялся ежедневно. Я квартировалъ въ отдѣльномъ домѣ, въ двухъ комнатахъ. Положеніе было весьма незавидное. Зная мстительный и суровый характеръ финляндскихъ арестантовъ, ихъ угрюмость и ненависть ко всему русскому, я всегда ходилъ съ палкою, свитою изъ желѣзныхъ шомполовъ, и съ двумя заряженными пистолетами въ карманѣ. Арестанты работали отдѣльными группами, разбросан-

ными по всему острову, очень неохотно исполняли приказанія русскаго офицера, особенно такого молодого, какимъ былъ я, вынуждали ихъ дѣлать выговоры за медленность или за отступленіе отъ шаблона. Только смѣлость и настойчивость со стороны офицеровъ и убѣжденіе въ арестантахъ, что при первомъ дерзкомъ приѣмѣ каждаго изъ нихъ напавалъ положить на мѣстѣ,—держали ихъ въ границахъ полнаго повиновенія. Грубо обтесанные камни нагружались на суда и отвозились въ Ревель. Кончалась моя нагрузка и вмѣстѣ съ нею моя работа.

Пять мѣсяцевъ я провелъ почти безвыходно одинъ на этомъ печальномъ голомъ островѣ, только въ праздничные дни бывалъ я въ Свеаборгѣ или Гельсингфорсѣ.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ я былъ у нашего офицера Смирнова, который жилъ въ Вестерсвардѣ, въ офицерскомъ флигелѣ, построенномъ лицомъ къ площади на довольно высокой скалѣ. Онъ съ товарищами игралъ въ карты, а я смотрѣлъ ихъ игру. Началась довольно сильная гроза, и одинъ ударъ былъ настолько силенъ, что мы, сколько насъ было, были сброшены со стульевъ. Послышался страшный взрывъ. Дѣйствительно, молнія ударила въ пороховой погребъ на равнинѣ, между Вестерсвардомъ и Густавъ-Свардомъ, и его снесло безслѣдно. Мы всѣ выбѣжали на улицу. Поднявшійся столбъ камней, осколковъ, пыли и мусора сдѣлалъ буквально затменіе, и долго-долго спустя все это начало сыпаться внизъ, большею частью на побережье Гельсингфорса и пролива. Какъ только паденіе крупныхъ предметовъ нѣсколько прекратилось, мы пошли осмотрѣть мѣстность, гдѣ былъ погребъ, и нашли ее, какъ ладонь, гладкою. О часовомъ ни слуху, ни духу. Затѣмъ пошли въ Густавъ-Свардъ и увидѣли, что ударомъ молніи въ противоположащую скалу Скотланда ее расколело такъ, что образовалась трещина вершковъ въ восемь шириною, а отъ внизу стоявшихъ лодочекъ поплыли только два пучечка самыхъ мелкихъ щепочекъ. Трудно себѣ вообразить силу подобнаго удара, такъ какъ въ погребѣ было до двадцати тысячъ пудовъ пороху. Не будь погребъ такъ далекъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ, онъ навѣрное повредилъ бы ихъ сильно.

Хотя зиму проводилъ я пріятно, но меня все-таки очень тянуло въ Петербургъ, къ роднымъ. Просился я въ отпускъ у подполковника Шведера 2-го, такъ какъ окружнаго начальника не было, но онъ отказалъ, тѣмъ болѣе, что я просилъ и денегъ въ счетъ жалованья на проѣздъ. Встрѣчаю коменданта Штевена и рассказываю свое горе. Старикъ утѣшаетъ заявленіемъ, что, молъ, и здѣсь повеселимся. А я ему говорю, что очень хочется съѣздить домой. Старикъ на это мнѣ говорить: «Если нужна помощь,—готовъ, буду служить». По какому-то случаю попался мнѣ въ руки «Инвалидъ» или приказъ по инженерному корпусу. Въ этомъ приказѣ Шведера 1-го, который тогда былъ командиромъ инженерной команды въ Бобруйскѣ,

произвели изъ подполковниковъ въ полковники. Пришла же мнѣ блажная мысль въ голову: взялъ да подмочилъ подлѣ фамиліи Шведера единицу и приклеилъ 2. Съ этимъ приказомъ и съ радостнымъ лицомъ иду къ Шведеру, поздравляю его съ производствомъ въ полковники и показываю приказъ. Тотъ сдуру-то и повѣрилъ. Тутъ я вынулъ свой отпускъ и приказаніе цейгвахтеру ¹⁾ о выдачѣ мнѣ впередъ третнего жалованья. Шведеръ съ радости подписалъ мнѣ все. Я тотчасъ же къ Мельгунову, который любилъ меня за мой всегда веселый характеръ; онъ сію же минуту выдалъ деньги подъ росписку. Отъ него—къ коменданту; рассказалъ ему всю подробку. Тотъ хохоталъ до слезъ. Тотчасъ приказалъ выдать мнѣ дорожную, какъ можно скорѣе велѣлъ запрячь сани и самъ съ сестрою повезъ меня въ Гельсингфорсъ. Спѣшили мы, ибо легко могло случиться, что Шведеръ опомнится, и тогда не обошлось бы безъ исторіи. Они меня благословили, и я полетѣлъ въ Петербургъ. Проказникъ комендантъ, какъ послѣ рассказывалъ мнѣ, чтобы поддержать меня, на другой день надѣлъ мундиръ и поѣхалъ поздравлять Шведера, будто, молъ, и онъ прочелъ въ приказѣ о его производствѣ. Шведеръ принялъ его и очень благодарилъ, а тотъ едва удерживался, чтобы не расхохотаться.

При возвращеніи изъ отпуска, подъѣзжая къ Свеаборгу, я чувствовалъ себя не совѣмъ ловко, и на душѣ было не ясно. Прибывъ на мѣсто, я поѣхалъ являться къ Шведеру. Принялъ онъ меня, разумѣется, холодно, сухо, видно было, что былъ взбѣшонъ, но на столько хватило ума, что о производствѣ ничего не упомянулъ. Такъ дѣло и осталось.

Лѣтомъ въ томъ же году я получилъ порученіе быть военнымъ депутатомъ по одному уголовному дѣлу. Суть въ томъ, что денщикъ нашего инженернаго капитана Шатаева, по дѣламъ своего барина, былъ посланъ въ какую-то деревню за покупками. Онъ проходилъ мимо корчмы, по большой почтовой дорогѣ, въ воскресенье, въ то время, когда совершалось богослуженіе. Въ корчмѣ было нѣсколько мужиковъ (Bunde—хозяевъ-собственниковъ), которые подкутили. Подстрекнули ли ихъ или просто забрало ихъ, но, увидя проходившаго солдата, они вскрикнули: «güsse! güsse!», выскочили изъ корчмы и побили денщика такъ сильно, что разбили ему голову. Уже послѣ его нашли безъ чувствъ на дорогѣ и отнесли въ лазаретъ, гдѣ онъ пролежалъ мѣсяца четыре. Шатаевъ подалъ рапортъ по командѣ. По законамъ финляндскимъ, дѣло представлялось очень серьезнымъ, вслѣдствіе увеличивающихъ вину обстоятельствъ: времени—воскресный день и мѣста—большая дорога. Произвели дознаніе, нашли виновныхъ, всѣ доводы оказались очень тяжкими. Когда дали знать суду, что денщикъ выздоровѣлъ, его

¹⁾ Инженерный чиновникъ.

вытребовали къ мѣсту засѣдашя суда, въ деревню, верстахъ въ 20-ти отъ Гельсингфорса. По этому-то дѣлу меня и назначили депутатомъ.

Пріѣзжаю въ эту деревню, вижу довольно большой домъ и около него порядочный сѣѣздъ, много экипажей. Спрашиваю, гдѣ мнѣ назначена квартира,—никто не обращаетъ вниманія. Спрашиваю, гдѣ судья,—показываютъ на большой домъ, а тамъ, я вижу, суетня, стряпня. Дѣлать нечего, гдѣ-то въ углу умылся я, надѣлъ мундиръ, считая неловкимъ явиться къ судѣ въ первый разъ въ дорожномъ костюмѣ, въ скюртукѣ, и вхожу въ домъ. Около огромнаго стола сидятъ человѣкъ двадцать, обѣдаютъ. Мнѣ показали, что судья сидитъ на концѣ стола на хозяйскомъ мѣстѣ. Подхожу къ нему и говорю порусски, что прибылъ сюда депутатомъ. Я зналъ шведскій языкъ, хорошо читалъ и писалъ пошведски, но не хотѣлъ показать этого шведамъ, такъ какъ для военнаго депутата вовсе не обязательно знать ихъ языкъ, при томъ, когда они увѣрены, что я не знаю языка, то могутъ сказать что нибудь такое, что мнѣ можетъ пригодиться. Судья повернулъ голову, не всталъ съ мѣста и опять сталъ хлебать свой сунъ, не сказавъ мнѣ ни слова. Тогда я обратился громогласно къ обществу и спросилъ, нѣтъ ли въ числѣ присутствующихъ кого нибудь, кто бы могъ перевести г-ну судѣ, что русскій офицеръ, по порученію начальства, прибылъ депутатомъ въ судъ. Какой-то господинъ передалъ ему это пошведски; тотъ сказалъ, что, молъ, хорошо, и когда очередь дѣлу наступитъ, меня позовутъ. Господинъ передалъ мнѣ все это довольно порядочно порусски. На это я попросилъ господина передать судѣ, что когда русскій офицеръ пріѣзжаетъ по казенному дѣлу, ему вездѣ отводятъ квартиру, а потому я прошу судью о распоряженіи отвести мнѣ какую либо комнатку на время моего пребыванія. Судья черезъ господина отвѣтилъ мнѣ, что у него нѣтъ для меня квартиры. Тогда я попросилъ этого же господина передать судѣ, что русскій офицеръ говоритъ съ нимъ вѣжливо и стоя и желалъ бы, чтобы тотъ, къ кому онъ обращается, былъ также вѣжливъ и не отворачивался, а такъ какъ г-нъ судья явно невѣжливъ относительно меня и квартиры у меня нѣтъ, то пусть г. судья меня ужъ извинить, если я отплачу ему тою же монетою и распоряжусь по-своему.

Въ концѣ этой обширной залы стоялъ большой диванъ и передъ нимъ столъ. Я повернулся отъ общества и слышалъ, какъ господинъ слово-въ-слово передалъ все мною сказанное судѣ, а тотъ разсмѣялся. Тогда я подошелъ къ двери, крикнулъ денщика и сказалъ ему:

— Принеси сюда мой чемоданъ, погребецъ, шинель и пистолеты; скажи ямщику, чтобы помогъ тебѣ.

Внесли вещи; я заплатилъ ямщику, тотъ поблагодарилъ и отправился.

Открылъ я чемоданъ, вынулъ халатъ, положилъ свою подушку на диванъ, снялъ саблю (которая по формѣ тогда еще не полагалась; я возилъ ее съ собою только въ дорогѣ), мундиръ, надѣлъ халатъ и закурилъ трубку. Громко приказалъ денщику купить водки и хлѣба, отворить нѣсколько яицъ, достать сливокъ или чего-нибудь другого; велѣлъ не торговаться и платить, что спросятъ, и, когда будетъ готово, принести все сюда. Самъ разлегся на диванѣ и курю, зная, что всѣ шведы вообще считаютъ большимъ невѣжествомъ курить тамъ, гдѣ другіе ѣдятъ. Саблю и пистолеты я положилъ на столъ такъ, чтобы въ случаѣ нужды они тотчасъ были подъ рукою. Шведы мои стали что-то шептаться; судья замѣтно поблѣднѣлъ. Въ чемъ было дѣло, я никакъ не могъ разслышать, потому что они говорили очень тихо. Вижу, одинъ изъ господъ вышелъ изъ комнаты, а другой подошелъ къ моему столу. Я тотчасъ положилъ саблю на диванъ и оба пистолета подлѣ себя. Этотъ господинъ довольно чисто порусски сказалъ мнѣ, что г. судья проситъ меня не обращать ихъ столовой въ казарму, и что тамъ, гдѣ другіе обѣдаютъ, курить и лежать неприлично. На это я отвѣтилъ:

— Передайте г. судѣ, что я былъ изысканно вѣжливъ, пришелъ къ нему въ мундирѣ, а онъ принялъ меня, какъ невѣжа, и что съ такими людьми, которые съ перваго раза берутъ на себя смѣлость оскорблять русскаго офицера, я никакихъ дальнѣйшихъ правилъ общежитія соблюдать не намѣренъ. А если ему это не нравится, то я предоставляю его доброй волѣ или объясниться со мною или жаловаться. Но пусть онъ будетъ увѣренъ, что еще малѣйшая попытка съ его стороны оскорбить меня еще разъ, и я всажу ему пулю въ лобъ безъ всякихъ разговоровъ.

Шведъ даже отскочилъ, какъ будто я уже цѣлилъ въ него. Судѣ передали мои слова. Велѣдъ затѣмъ и тотъ господинъ, который со мною говорилъ, также вышелъ. Спустя минутъ десять, возвратились оба и сообщили, что очистили мнѣ квартиру. Я позвалъ человека и приказалъ перенести свои вещи. Вижу, дѣвушка накрываетъ на столъ, подають обѣдъ, какъ слѣдуетъ; я пообѣдалъ. Денщикъ мнѣ доложилъ, что и его накормили и не приказали ничего не покупать, что все будетъ готово.

Между тѣмъ, жду часть, два... Наконецъ, приходитъ какой-то господинъ и проситъ меня пожаловать въ судъ. Я взялъ денщика, вхожу въ залъ. Съ правой стороны, на скамейкахъ, поставленныхъ амфитеатромъ, сидятъ 12 мужиковъ; посреди комнаты большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ; зеркала нѣтъ. За этимъ столомъ сидятъ всѣ тѣ лица, которыхъ я видѣлъ во время обѣда. При входѣ я раскланялся очень вѣжливо; судья привсталъ и также поклонился. Смотрю, мнѣ стула нѣтъ. Я понимаю, подсудимый и обвинитель должны стоя давать показанія, но депутату-то зачѣмъ стоять? Пока

я присѣлъ на окно, позади судьи. Окинувъ всѣхъ взглядомъ, я замѣтилъ, что кто-то изъ присутствующихъ всталъ и вышелъ. Я подошелъ къ его мѣсту, взялъ стулъ, поставилъ его поодаль отъ судьи и сѣлъ. Никто не пикнулъ. Выходившій господинъ возвратился; не найдя стула, посмотрѣлъ на меня, но не сказалъ ни слова, подошелъ къ двери и велѣлъ себѣ принести стулъ. Дѣло начали читать пошведски громко. Правда, кое въ чемъ обвинили мужика, который избилъ денщика, но обо многомъ, что увеличивало вину подсудимаго и размѣръ штрафовъ денегъ, умолчали. Я все слушаю. Наконецъ, судъ дѣлаетъ свое заключеніе, что мужикъ по закону подлежитъ такому-то наказанію. Если же онъ согласенъ внести 150 рублей ассигнаціями, то будетъ освобожденъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, при чемъ изъ этихъ денегъ 70 рублей слѣдуетъ суду за веденіе дѣла и гербовую бумагу, а остальные 80 рублей денщику. Вмѣстѣ съ этимъ мнѣ подносятъ бумаги для подписи. Я спрашиваю:

— А что, русскаго перевода этой резолюціи нѣтъ?

Они мнѣ отвѣтили, что русскій переводъ пошлется по началству, а теперь пока надо подписать эти бумаги.

Я спрашиваю ихъ, какимъ образомъ они требуютъ отъ меня подписи въ дѣлѣ, котораго я не знаю, и говорю, что подписать дѣла не могу. Тогда они сказали мнѣ:

— Напишите это объясненіе особой запиской.

— Извольте, напишу,— отвѣтилъ я,— и прибавлю еще, что недоволенъ рѣшеніемъ суда, такъ какъ въ дѣлѣ главные пункты обвиненія подсудимаго вовсе не упомянуты, и судъ явно пристрастно судилъ о поступкахъ мужика.

На это спросили меня:

— Какимъ же образомъ вы можете это доказать?

— Очень легко: у васъ пропущено, что дѣло было въ воскресенье, во время богослуженія и на большой почтовой дорогѣ.

Они очень сконфузились, не зная, почему мнѣ могло быть это извѣстно, и передали мой отвѣтъ судѣ. Тотъ сильно встревожился, очень пристально посмотрѣлъ на меня и передалъ, чтобы я объяснилъ ему, на чемъ я основываю свой выводъ. Тогда я началъ громко читать шведскую бумагу!.. Надо было видѣть ихъ фізіономіи! Я чуть не расхохотался имъ въ лицо. Пошли извиненія и Hegg Lieutenant и проч. и проч. Мнѣ надоѣло возиться съ ними; они передѣлали указанныя мною мѣста въ бумагѣ и присудили мужика къ штрафу въ 600 рублей. Мнѣ выдали 530 рублей, приготовили лошадей и безъ прогонровъ довели меня до Гельсингфорса. Оттуда я пріѣхалъ въ Свеаборгъ, гдѣ сдать бумаги и деньги денщика.

Послѣ мнѣ говорили, что съ судьи и всего его синклита я могъ бы содрать порядочный кушъ денегъ, да и судья навѣрное слетѣлъ бы съ мѣста. На это я отвѣчалъ, что русскому офицеру ваятки брать не приходится и въ такія дѣла пускаться не слѣдуетъ, а

прошколить иногда не мѣшаетъ. Я въ послѣдствіи встрѣчался съ этимъ судьей въ Гельсингфорсѣ; онъ всегда мнѣ очень вѣжливо кланялся. Денщикъ считалъ себя богачемъ и капиталистомъ, тѣмъ болѣе, что въ томъ же году онъ выходилъ въ отставку. Дня черезъ два послѣ моего приѣзда мы, нѣсколько товарищей, зашли къ Шатаеву пить чай. Денщикъ его вдругъ таинственно подходитъ ко мнѣ и что-то говорить шепотомъ по секрету. Оказалось, что онъ предлагалъ мнѣ за мои хлопоты 50 рублей. Мы всѣ расхохотались; но это навело меня на мысль, зачѣмъ я даромъ съѣздить въ судъ. Я тутъ же предложилъ Шатаеву, чтобы онъ отъ себя написалъ въ судъ бумагу съ извѣщеніемъ, что деньги за перенесенные побои денщикъ получилъ, но что съ него требуютъ въ госпиталь 64 рубля за то, что онъ пролежалъ тамъ 4 мѣсяца и 9 дней. Шатаевъ сначала не соглашался, потому что судъ могъ не выплатить денегъ и, пожалуй, довести до свѣдѣнія начальства его требованіе; но я увѣрилъ его, что судъ такъ напуганъ, что навѣрное вышлетъ деньги. Тогда мы, всѣ товарищи, общими силами написали бумагу въ судъ. И что же вы думаете? Не прошло и пяти дней, какъ судъ прислалъ деньги съ нарочнымъ прямо къ Шатаеву. Тотъ росписался въ полученіи денегъ, но, конечно, не послалъ ихъ въ госпиталь, который ихъ никогда и не требовалъ. Въмѣсто того мы рѣшили въ ближайшій праздникъ устроить загородную поѣздку и пригласить всѣхъ нашихъ знакомыхъ дамъ и нѣсколькихъ товарищей изъ Гельсингфорса. Черезъ главнаго командира и коменданта мы достали катера и музыки и отправились на Сандъ-Гаммъ чрезъ заливъ. Цѣлый день провели прекраснѣйшимъ образомъ. Коменданту потомъ мы рассказали всю подробку съ начала до конца. Онъ ужасно хохоталъ.

— Экій проказникъ, — сказалъ онъ мнѣ, — и все съ рукъ сходитъ. Ну, молодецъ! А мы на твое здоровье и шведскія денежки отлично погуляли.

Зимою 1824 года я ѣздить въ отпускъ въ Петербургъ, гдѣ останавливался у брата Любима Карловича. Этотъ годъ памятенъ навсегда Петербургу наводненіемъ 7-го ноября, слѣды котораго я видѣлъ ясно въ февралѣ 1825 года. Братъ жилъ въ нижнемъ этажѣ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, и при наводненіи вода проникла въ его квартиру, поднявшись тамъ на высоту болѣе аршина; вся мебель его поплыла, фортепіано расклеилось, вещи и бѣлье пострадали. Поэтому ему немедленно отвели такую же квартиру, какую онъ занималъ, только этажемъ выше, а убытки вознаградили какимъ-то пособіемъ. Мать наша также жила въ Петербургѣ, и я съ большимъ удовольствіемъ провелъ время въ обществѣ ея и другихъ родныхъ.

По возвращеніи изъ отпуска я явился Латынину, который не задолго до того былъ назначенъ къ намъ окружнымъ начальникомъ. Онъ какъ будто обрадовался моему приѣзду и пригласилъ меня къ

себѣ на танцевальный вечеръ на слѣдующій день. Комендантъ и его сестра встрѣтили меня чрезвычайно дружески; они также собирались на балъ къ Латынинымъ. На балу собралось довольно много народу, но изъ Гельсингфорса почти никого не было, все больше свой кружокъ.

Въ ту же зиму былъ большой балъ у генераль-губернатора, и на этомъ балу въ первый разъ танцовали только что вошедшую тогда въ моду французскую кадрили; она оказалась довольно схожею съ шведскою кадрилию, которая всѣмъ намъ была знакома. Вообще и эта зима пролетѣла довольно весело. Лѣтомъ, кажется, въ іюнѣ, были именины или рожденіе m-me Матизент¹⁾, и она предположила этотъ день отпраздновать на славу. Меня пригласили заранѣе, и я пожелалъ на этотъ разъ непременно сдѣлать ей сюрпризъ. Въ этотъ день, — то было воскресенье, — я обѣдалъ у Павла Николаевича и выпросилъ у него его большой комендантскій 12-ти-весельный катеръ и чрезъ него же досталъ полный хоръ флотской музыки. Погода стояла великолѣпная. Послѣ обѣда я сѣлъ на катеръ, посадилъ музыкантовъ и отплылъ къ мызѣ Munksnäs, гдѣ должна была собраться вся наша компанія. Подѣзжая къ мызѣ, я приказалъ музыкѣ заиграть, и легко себѣ представить, какое это произвело впечатлѣніе на все общество; всѣ высыпали мнѣ на встрѣчу и въ томъ числѣ милая хозяйка, которая сердечно благодарила меня за сюрпризъ. Долго мы веселись, такъ что музыку я отпустилъ уже очень поздно.

Я завѣдывалъ въ то время небольшимъ казеннымъ кирпичнымъ заводомъ, отстоявшимъ отъ Гельсингфорса верстъ на шесть. Заводъ лежалъ недалеко отъ Финскаго залива, а казарма для мастеровыхъ и въ одномъ концѣ ея моя квартира стояли на пригоркѣ въ лѣсу. На заводѣ состояла команда человѣкъ изъ 40 или 45 военно-рабочихъ и 3-хъ унтеръ-офицеровъ. Съ завода я очень часто прѣзжалъ въ Гельсингфорсъ и Свеаборгъ. Однажды я прѣхалъ въ Свеаборгъ, въ субботу, по дѣламъ, на своей казенной шлюпкѣ. Это было послѣ обѣда. Выхожу на берегъ и вижу — идетъ Латынинъ пошатываясь (онъ часто попивалъ). Встрѣтясь съ нимъ, я поклонился какъ слѣдуетъ. Отвѣта на поклонъ не послѣдовало, а онъ прямо спрашиваетъ меня:

— Вы по какому случаю прибыли сюда?

Меня нѣсколько удивилъ этотъ вопросъ, но я отвѣтилъ, что имѣю дѣло въ командѣ.

— А вы спрашивали у командира команды разрѣшенія прибыть сюда?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я, — потому что по сіе время это никогда не водилось.

¹⁾ Жена помѣщика Матизентъ, владѣлица мызы Munksnäs.

— Безъ спроса вы не должны отлучаться съ вашего поста. Пожалуйста завтра утромъ къ девяти часамъ ко мнѣ.

Своимъ солдатскимъ обхожденіемъ и суровостью Латынинъ уже успѣлъ вселить нѣкоторый страхъ во всѣхъ окружавшихъ. На другой день я пришелъ къ нему, какъ водится, въ мундирѣ и засталъ у него нѣсколькихъ собравшихся офицеровъ, военно-рабочихъ, ординарца и вѣстового, командира роты, окружного адъютанта поручика Тванева, окружного помощника подполковника Богданова и другихъ. Вышелъ Латынинъ съ подобающе начальническою надутостью, принялъ ординарцевъ и затѣмъ обратился прямо ко мнѣ:

— Вы отлучаетесь съ мѣста вашего служенія безъ спроса.

Я отвѣтилъ, что по данной мнѣ инструкціи имѣю право по дѣламъ службы отлучаться безъ всякаго разрѣшенія.

— А что за ливрея на васъ? — обращается онъ ко мнѣ. — Это не мундиръ.

Ему показались, вѣроятно, петлицы слишкомъ длинными.

— Въ этой «ливреѣ» я представлялся его высочеству генералъ-инспектору и генералу Опперману, и никто изъ нихъ мнѣ не сдѣлалъ замѣчанія.

— Это не въ порядкѣ вещей, — нашелся Латынинъ. — Вы позволяете себѣ слишкомъ много отвѣчать начальству, я васъ арестую. Поручикъ Тваневъ, потрудитесь отвести г. Жерве на гауптвахту.

Я не выдержалъ и засмѣялся. Латынинъ весь затрясся отъ злости и сказалъ мнѣ:

— Я донесу объ этомъ въ Петербургъ.

— Да и я не смолчу, полковникъ, и все подробно опишу генералу Опперману, — отвѣтилъ я вѣжливо и спокойно.

Отправились мы къ коменданту. Павелъ Николаевичъ ужасно разсердился. «Экая пьяная рожа!» — сказалъ онъ громко. Эти слова въ послѣдствіи были переданы Латынину. Дѣлать нечего, пошелъ я на гауптвахту противъ дома коменданта. Онъ послалъ со мною плацъ-адъютанта Жукова, и мнѣ очистили въ этомъ флигелѣ комнату. Марья Николаевна прислала мнѣ отличный обѣдъ и велѣла передать, что вечеромъ она съ братомъ будетъ чай пить у меня. Такъ и сдѣлали. Пришелъ ко мнѣ комендантъ съ сестрою и привелъ съ собою майора Мазылева, командира какого-то армейскаго баталіона, его близкаго знакомаго, очень добраго и хорошаго человѣка; пришелъ также нашъ поручикъ Чеснокъ, который всегда меня очень любилъ. Отъ Марьи Николаевны принесли мнѣ чай и разное угощеніе. Спустя около часу послѣ этого, я сидѣлъ съ Марьей Николаевной на окнѣ, а между нами стоялъ Павелъ Николаевичъ и рассказывалъ что-то очень смѣшное. Какъ разъ въ это время проходитъ Латынинъ и только взглянулъ на наше веселое общество. Мы всѣ видѣли, какъ онъ поблѣднѣлъ, но сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ и не слышитъ, хотя окно было раскрыто. Онъ и

все его семейство прошли очень медленно, но никакихъ поклоновъ и привѣтствій не было. Четверть часа спустя, прислали коменданту бумагу объ освобожденіи меня изъ-подъ ареста. Мы тотчасъ всѣ вмѣстѣ отправились къ коменданту, а потомъ поѣхали кататься на катерѣ. Такъ обошлась эта исторія. Латынинъ не писалъ въ Петербургъ, я, конечно, также, а ѣздилъ попрежнему съ завода, когда хотѣлъ, и никакихъ придирокъ больше не было.

Уже мѣсяца два спустя, чрезъ Гельсингфорсъ проѣзжалъ на Аландъ инженеръ-генераль-маіоръ Труссонъ 2-й для составленія тамъ проекта оборонительныхъ казармъ. Латынинъ представлялся ему, и чрезъ него мнѣ было приказано явиться къ Труссону. Не знаю, струсилъ ли Латынинъ, только передавая это приказаніе, предупредилъ меня, чтобы я былъ остороженъ, что это человѣкъ близкій къ Опперману. Я явился къ Труссону. Онъ принялъ меня очень нѣжливо и, какъ весьма умный человѣкъ, дипломатически старался вывѣдать у меня кое-что-о Латынинѣ; намекалъ, что если я имѣю что либо противъ него, то меня легко перевести, куда я пожелаю. Но я счелъ неблагороднымъ принять вспышку Латынина за оскорбленіе и постарался обойти этотъ щекотливый вопросъ, не высказываясь откровенно. Повидимому, Труссонъ остался мною очень доволенъ и сказалъ, что если я пожелаю перевода, чтобы написалъ ему только слово, и мое желаніе будетъ исполнено. Я очень поблагодарилъ его и ушелъ. Послѣ того Латынинъ былъ у него еще разъ, кажется, также остался мною очень доволенъ, и съ тѣхъ поръ мы оставались съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Однако, я не могъ себѣ объяснить, почему изъ всей команды Труссонъ пожелалъ видѣть именно меня и имѣть со мною подобный разговоръ. Но дѣло объяснилось. Вскорѣ послѣ этого я былъ у Павла Николаевича и выразилъ ему свое недоумѣніе по поводу бесѣды съ Труссономъ. Павелъ Николаевичъ сознался мнѣ тогда, что о поступкѣ Латынина онъ написалъ въ Петербургъ одному своему пріятелю, который передалъ объ этомъ Опперману — и, благодаря этому, я поставленъ впредь въ болѣе или менѣе независимое положеніе. Немного спустя, Латынинъ возвратилъ меня съ завода въ команду, найдя мнѣ подходящую должность; зиму я проводилъ пріятно и очень часто ѣздилъ въ Гельсингфорсъ, на что Латынинъ смотрѣлъ очень благосклонно, поощряя всѣ мои связи съ городомъ и даже высказывая полное свое удовольствіе по поводу того, что его офицеръ такъ хорошо принятъ во всѣхъ аристократическихъ домахъ Гельсингфорса.

Осенью 1825 года до насъ начали доходить смутные слухи о болѣзни императора Александра I. Я исполнялъ тогда должность дежурнаго офицера свеаборгской команды. Однажды, въ двадцатыхъ числахъ ноября, меня ночью будятъ. «Прислана, — говорятъ, — эстафета отъ генераль-губернатора. Объявляютъ, что государь императоръ Александръ I скончался 19-го ноября въ Таганрогѣ». На мнѣ

лежала неприятная обязанность будить всѣхъ начальствующихъ лицъ и объявить имъ страшную вѣсть. Нечего дѣлать, я одѣлся, пошелъ къ Латынину ¹⁾. Его разбудили. Онъ встрѣтилъ меня съ встревоженнымъ и испуганнымъ видомъ, и когда я объявилъ ему печальную вѣсть, онъ страшно зарыдалъ. Я показалъ ему полученную бумагу и заявилъ, что тотчасъ же иду къ коменданту. Павелъ Николаевичъ ²⁾ уже всталъ, былъ одѣтъ и въ слезахъ. Онъ уже зналъ все и дѣлалъ распоряженіе, чтобы къ 9-ти часамъ утра быть собранъ весь гарнизонъ, которому будетъ объявлена печальная вѣсть; затѣмъ надлежало привести гарнизонъ къ присягѣ вступившему на царскій престолъ великому князю цесаревичу Константину Павловичу. Такъ гласила полученная бумага. Гарнизонъ былъ собранъ къ утру на большой площади. Комендантъ самъ прочелъ манифестъ; слезы лились у него ручьемъ и голосъ прерывался часто. Затѣмъ священникъ прочелъ листъ присяги, и мы всѣ присягнули новому царю—Константину. Черезъ часъ всѣ отправились въ церковь отслужить панихиду за упокой благочестивѣйшаго государя Александра I. Надо сказать правду, потеря для всѣхъ была весьма чувствительная, печаль о смерти государя была общая, какъ для русскихъ, такъ и для финляндцевъ. Къ нему были всѣ привязаны и очень его любили. Всѣ безъ исключенія дамы въ Гельсингфорсѣ наложили на себя глубокій трауръ: черныя суконныя платья съ плечами на подолѣ и рукавахъ, бѣлые тонкіе батистовые передники, которые закрывали и грудь, черныя рюшъ на воротникахъ; дамы всѣ въ бѣлыхъ чепцахъ съ фалборами особаго покроя. Такъ одѣвались всѣ безъ исключенія, такъ что въ обществѣ всѣ дамы имѣли однообразно печальный видъ.

Между тѣмъ до насъ доходили смутные слухи, что въ Петербургѣ несовсѣмъ благополучно, что тамъ бунтъ. Не было видно, чтобы у насъ, на всякій случай, принимались особыя мѣры предосторожности; но явно было и въ администраціи, и въ начальствующихъ лицахъ страшное безпокойство, уныніе, какое-то тягостное положеніе. И дѣйствительно, послѣ короткаго промежутка времени, присланъ былъ новый манифестъ, въ которомъ объявлялось отъ высшей государственной комиссіи, что цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ отказывается отъ престола и всѣ свои права передаетъ младшему своему брату Николаю Павловичу, который и вступилъ на всероссійскій престолъ. Опять былъ собранъ весь гарнизонъ, и всѣ привесли вновь присягу—императору Николаю I. Между тѣмъ общее безпокойство продолжалось, слышно было уже болѣе ясно, что 14-го декабря былъ бунтъ въ Петербургѣ, что Милорадовичъ убитъ, что стрѣляли въ бунтовщиковъ

¹⁾ Полковникъ, окружной командиръ.

²⁾ П. Н. Гебенеръ, сваяборгскій комендантъ.

и проч. и проч. Все-таки слухи были еще неполные, неясные. Наконецъ, спустя нѣсколько времени, Латынинъ получаетъ чрезъ курьера предписаніе осмотрѣть всѣ крѣпости въ Финляндіи и какъ можно скорѣе приспособить казематы для принятія арестантовъ. Латынинъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ, такъ какъ ему былъ нуженъ человѣкъ, который хорошо знаетъ нѣмецкій и ивведскій языки. Собрались, поѣхали на курьерскихъ. Прежде заѣхали въ Фридрихсгамъ, затѣмъ въ Швартгольмъ. Здѣсь мы нашли старика арестанта, о которомъ никто не зналъ, какъ и когда поступилъ онъ въ казематы. Такъ какъ эти казематы оказались очень удобными, то Латынинъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы старика перевели въ богадѣльню въ Выборгъ, и донесъ объ этомъ распоряженіи въ Петербургъ. Затѣмъ поѣхали въ Сердоболь. Тутъ дорога идетъ лѣсами, въ глуши; станціи настолько отвратительны, что на одной изъ нихъ въ жилищѣ помѣщеніи съ хозяиномъ, его женою и дѣтьми мы нашли телятъ и свиней, запахъ былъ нестерпимый. Хотя мы порядочно проголодались, все-таки никакъ не могли рѣшиться остановиться въ этой гадости; на слѣдующей станціи то же самое. Дѣло было уже къ утру; намъ отыскиали избу какого-то хозяина-мужика; тамъ мы откололи хорошій кусокъ замороженныхъ щей, которые везли съ собою, съѣли нѣсколько яицъ, напились чаю и отправились въ Сердоболь. Осмотрѣвъ тамъ казематы, мы вернулись обратно домой. Латынинъ вездѣ на мѣстѣ разрѣшалъ командирамъ командъ необходимыя приспособленія и назначалъ сроки, къ которымъ работы должны были быть окончены. Съ cadaго пункта онъ доносилъ въ Петербургъ какъ о своемъ распоряженіи, такъ и о количествѣ людей, которыхъ можно было помѣщать въ казематахъ; всѣмъ же комендантамъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія, далъ отъ себя отзывъ, чтобы они всѣми возможными средствами содѣйствовали командирамъ инженерныхъ командъ окончить къ сроку предположенныя работы. Въ Финляндіи все было совершенно тихо, все подавлено было неліцемерною грустью. Даже рождественскіе праздники прошли чрезвычайно тихо; собирались иногда, но не иначе, какъ въ платьяхъ глубокаго траура, разговоры даже общіе имѣли какой-то особый отпечатокъ грусти и страха. Какъ видно было, императора Николая побаивались не на шутку: не зная почему, но по какому-то внутреннему голосу, всѣ ожидали перемѣнъ и, какъ можно было полагать по грустнымъ и напряженнымъ разговорамъ,—не къ лучшему. Фельдъегеря летали непрерывно къ генераль-губернатору и отъ него въ Петербургъ. Сенатъ финляндскій нѣсколько разъ собирался экстренно, но что тамъ дѣлалось, что говорилось, что писалось—намъ, молодежи, было недоступно.

Въ это время сдѣлалось официально извѣстно, что тѣло покойнаго государя привезутъ въ мартъ въ Петербургъ. Мнѣ очень хо-

тѣлось видѣть эту процессію, и я отпросился въ отпускъ. Пріѣхалъ я въ Петербургъ 16-го февраля 1826 года, явился по начальству, въ томъ числѣ и новому генераль-инспектору великому князю Михаилу Павловичу. Онъ спросилъ меня, имѣю ли я здѣсь родныхъ; я отвѣтилъ, что мать моя живетъ здѣсь. Въ инженерномъ департаментѣ меня спросили, не желаю ли я участвовать въ процессіи погребенія; я отказался, потому что хотѣлъ видѣть всю процессію. Выхлопотали мы себѣ очень хорошія мѣста во флигелѣ ассигнаціоннаго банка, окнами на Большую Садовую, противъ Апраксиныхъ лавокъ.

Въ назначенный для погребенія день весь гвардейскій корпусъ былъ поставленъ шпалерами отъ Московской заставы до Казанской церкви. Въ 11^{1/2} часовъ государь проѣхалъ верхомъ изъ Зимняго дворца къ Московской заставѣ. Началось шествіе кортежа. Впереди оберъ-полицеймейстеръ и жандармы, за ними ямщики и крестьяне окрестныхъ селъ, многіе въ дарованныхъ кафтанахъ съ золотыми позументами. Затѣмъ мѣщане, разные цехи со своими значками, кулечество. Потомъ разныя министерства и вѣдомства, всѣ безъ исключенія въ длинныхъ черныхъ мантияхъ, плоскихъ, круглыхъ шляпахъ съ большими полями. Одинъ рыцарь на черномъ конѣ въ черныхъ латахъ, другой на бѣломъ конѣ въ золотыхъ латахъ. Тогда говорили, что такъ какъ латы эти довольно тяжелы, то въ черныя латы одѣли выписаннаго изъ Ярославля мясника, а въ золотыхъ латахъ былъ актеръ Каратыгинъ 1-й, здоровенный, высокій мужчина. Затѣмъ понесли государственныя знамена и гербы, за ними гербы губерній, областей, булавы и знамена казачихъ земель; потомъ государственныя регаліи и короны царства Польскаго, великаго княжества Финляндскаго, казанскую и проч. Пошло духовенство по обѣимъ сторонамъ всего кортежа; въ равномерномъ разстояніи одни отъ другого шли воспитанники военно-учебныхъ заведеній, имѣя ружья «на погребеніе». Затѣмъ вплоть за митрополитомъ печальная колесница въ 8 лошадей. Кучеръ покойнаго императора Илья сидѣлъ на козлахъ, и слезы градомъ текли по его лицу. У кистей и подлѣ гроба находились генераль-адъютанты. Вплоть за гробомъ шелъ государь Николай I, имѣя ассистентами артиллерійскихъ генераловъ Эйлера и Костенецкаго, оба огромнаго роста. Государь былъ пѣшкомъ, какъ и всѣ прочіе члены (мужчины) царской фамиліи, въ длинной, черной мантии и въ круглой съ широкими полями шляпѣ. За нимъ члены царской семьи, боевой конь покойнаго, затѣмъ рядъ траурныхъ каретъ, эскадроны и полки гвардейской кирасирской дивизіи, гусары, уланы, казаки, пѣхота и проч., съ музыкою, игравшею траурныя марши поочередно.

Послѣ обѣда я пошелъ въ Казанскій соборъ, гдѣ стояло тѣло императора. Соборъ внутри весь былъ обтянутъ чернымъ сукномъ съ бѣлыми каймами и фестонами, по которому были разсыпаны

большія посеребренныя медали въ память 1812 года, гербы губерній, государственный орелъ и проч. Гробъ стоялъ на огромномъ возвышеніи, ступеней въ двадцать; весь катафалкъ былъ обитъ чернымъ сукномъ и отдѣланъ серебряными позументами. Почетный караулъ, дежурные генераль-адъютанты, флигель-адъютанты, придворные чины и проч. соблюдали строжайшую тишину и порядокъ. Народъ впускался для прикладыванія въ извѣстные часы. Такимъ образомъ тѣло стояло 8 дней. Уже на девятый день его перевезли почти съ тѣмъ же церемоніаломъ, какъ выше описано, въ крѣпость, гдѣ оно и погребено.

IV.

Переходъ на службу въ Бобруйскую крѣпость. — Бобруйское общество. — Исторія Розенмарка съ Мельниковымъ. — Семейство командира Берга. — Генераль Нагеля. — Ссора съ Латынинымъ. — Полковникъ Козьминъ. — Арестантскія роты. — Разжалованный офицеръ Бекъ. — Посѣщеніе Бобруйска императоромъ Николаемъ I. — Балъ въ честь Нагеля. — Иванъ Никитичъ Скобелевъ. — Моя женитьба. — Командировка генерала К. Л. Жерве для осмотра чумныхъ госпиталей и ея послѣдствія. — Приведеніе Бобруйска на военное положеніе. — Столкновеніе съ Мочульскимъ. — Финскіе стрѣлки. — Генераль Дентъ. — Полковникъ Дичканецъ. — Интриги противъ него. — Генераль Фельдманъ. — Два приключенія со мной. — Дѣятельность плацъ-майора Пушкарева. — Осмотръ государемъ моихъ инженерныхъ работъ. — Смерть Берга.

Послѣ этого я еще нѣсколько дней оставался въ Петербургѣ и затѣмъ уѣхалъ обратно въ Свеаборгъ. Время текло тамъ нѣсколько тише, чѣмъ прежде, но все-таки я проводилъ его пріятно. Въ это время женился плацъ-адъютантъ Жуковъ, здоровенный огромнаго роста, изъ фельдфебелей. Вздумалъ онъ меня просить въ шафера. Когда въ церкви мнѣ пришлось держать надъ нимъ вѣнецъ, я долженъ былъ стоять чуть не на ципочкахъ и вытягивать руку. Комендантъ подошелъ ко мнѣ. «Что, братъ?—сказалъ онъ. — Натура не помогаетъ? Ну, я помогу». Взялъ меня подъ бока, поднялъ и продержалъ такъ съ минуту. Всѣ расхохотались, даже священникъ улыбнулся. Вообще Павелъ Николаевичъ ¹⁾ былъ пресвеселый, прелюбезный всегда, въ особенности со мною.

Уже ближе къ лѣту полученъ былъ приказъ, что полковникъ Латынинъ назначается строителемъ Бобруйской крѣпости. Какъ это могло случиться, я не понимаю, потому что Латынинъ далеко не былъ знатокомъ въ строительномъ искусствѣ, въ особенности въ долговременныхъ фортификаціонныхъ сооруженіяхъ. Онъ, естественно, былъ очень доволенъ своимъ назначеніемъ и предложилъ мнѣ быть переведеннымъ также въ Бобруйскъ. Въ Свеаборгѣ положеніе мое, какъ инженернаго офицера, натурально, было незавидное; тутъ

¹⁾ Гебенеръ, комендантъ Свеаборга.

ничему не выучишься и никакой карьеры не сдѣлаешь, вѣчно просидишь прапорщикомъ, а въ Бобруйскѣ, гдѣ открывались большія инженерныя работы, конечно, можно было имѣть больше видовъ выиграть по службѣ. Какъ ни грустно мнѣ было разстаться съ тѣми искренними друзьями, которыхъ я приобрѣлъ въ Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ, какъ ни притягивалъ меня магнитъ дамскаго ко мнѣ расположенія, я рѣшился на переводъ. Латынинъ объявилъ мнѣ, что онъ тотчасъ отправляется въ Петербургъ, тамъ устроить мой переводъ и отбудетъ къ новому своему назначенію. Чтобы дорога мнѣ ничего не стоила, онъ поручилъ мнѣ свое семейство, которое въ собственномъ экипажѣ, въ большой четырехмѣстной каретѣ, отправилось вслѣдъ за нимъ, какъ только получило о томъ извѣщеніе изъ Петербурга. Мнѣ оставалось только благодарить Латынина за его попеченіе обо мнѣ и довѣріе.

До пріѣзда моего въ Бобруйскъ командиромъ команды и строителемъ крѣпости былъ инженеръ - полковникъ Розенмаркъ. Это былъ славный командиръ, дѣловой и знающій и вмѣстѣ съ тѣмъ добрый, отличный человекъ, славный товарищъ; любилъ иногда и кутнуть. Онъ былъ женатъ на дочери инженеръ-полковника Кульмана, который былъ командиромъ Выборгской инженерной команды, когда отецъ мой былъ тамъ комендантомъ. Кульманъ былъ высокаго роста, сырой человекъ, замѣчательный своей неимоверной толщиной; по тяжести своей, онъ не могъ иначе ѣздить, какъ въ дрожкахъ тройкою. Впрочемъ, въ Бобруйскѣ я засталъ еще почтмейстера и жену его, обоихъ также неимоверной толщины; съ форштадта въ костель они ѣздили отдѣльно, каждый въ дрожкахъ, запряженныхъ тройками. М-ме Розенмаркъ была очень милая, красивая, хорошо воспитанная дама, общая любимица бобруйскаго общества. Бывшій смотритель госпиталя Мельниковъ, набившій себѣ карманъ разными неопозволительными средствами, скопилъ порядочный капиталъ и любилъ разыгрывать роль *grand-seigneur*'а. Когда онъ уже достаточно разбогатѣлъ, то подобру-поздорову убрался и вышелъ въ отставку съ незапятнаннымъ аттестатомъ. Жена его была очень добрая, образованная женщина, держала себя очень прилично. Дѣла Мельникова, какъ и всѣмъ другимъ, были извѣстны Розенмарку, который въ одной веселой компаніи, рассказывая его продѣлки, называлъ Мельникова подлецомъ и воромъ. Неизвѣстно кто изъ присутствовавшихъ въ этой компаніи передать все Мельникову. Тотъ хотя чувствовалъ, что Розенмаркъ попалъ этимъ въ глаза, зналъ, однако, что для оправданія этихъ эпитетовъ ни у Розенмарка, ни у кого либо другого документальныхъ доказательствъ нѣтъ, такъ какъ онъ вышелъ въ отставку по собственному прошенію и получилъ ее совершенно чисто и законно. Между тѣмъ, онъ рассчитывалъ и на то, что если не прекратить сразу подобныхъ слуховъ, то они могутъ дойти и выше;

немудрено, если обратятъ на нихъ вниманіе и при малѣйшемъ подозрѣніи въ справедливости ихъ, несмотря на чистую отставку, потянуть къ суду. Мельниковъ, какъ человѣкъ неглупый и ловкій, рассчиталъ все довольно вѣрно. Оставалось одно только средство оправдать себя предъ всею публикою и начальствомъ: прикинуться отзывами Розенмарка крайне обиженнымъ, надѣлать какой нибудь скандалъ или заставить Розенмарка взять свои слова назадъ и извиниться передъ нимъ. Вскорѣ послѣ этого былъ обѣдъ у коменданта на дачѣ, за городомъ. Обѣдъ кончился благополучно. Розенмаркъ, по обыкновенію, подпилъ порядкомъ. Мельниковъ подмѣтилъ, когда около Розенмарка собрался кружокъ, въ которомъ находился и комендантъ, втерся въ него и прямо сталъ требовать у Розенмарка объясненія, на какомъ основаніи и по какому праву онъ шельмуетъ его за спиною; что если онъ честный человѣкъ, то долженъ относиться прямо къ лицу, а не клеветать за спиною. Розенмаркъ оказался въ очень непріятномъ положеніи и увидѣлъ, что сказанныя въ интимномъ кружкѣ слова его переданы самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Между тѣмъ онъ никогда не отрекался отъ своихъ словъ и сказалъ тутъ же, при всѣхъ: «Что же? вѣдь всѣмъ и мнѣ очень хорошо извѣстно, что ты воришка и подлецъ». Мельниковъ, недолго думая, тутъ же отвѣсилъ Розенмарку звонкую оплеуху. Это было при свидѣтеляхъ. Пока Розенмаркъ опомнился, Мельниковъ скрылся. Изловить его было негдѣ, на вызовъ онъ не шелъ. Розенмаркъ ѣздилъ нѣсколько дней по городу съ пистолетами, обѣщая убить Мельникова, гдѣ бы ни встрѣтилъ его, но нигдѣ его не нашеть. Между тѣмъ все это имѣло громадное вліяніе на Розенмарка; къ тому же его жена заболѣла серьезно и вскорѣ умерла, а за нею въ весьма непродолжительномъ времени умеръ его единственный сынъ, мальчикъ лѣтъ 6—7. Это страшно потрясло всю натуру его, онъ сталъ сильно кутить, пилъ горькую чашу. Въ этомъ поддерживалъ его какой-то пьяница, двоюродный братъ его, Иванъ Сутгофъ, съ нимъ вмѣстѣ жившій, такъ что дѣло Мельникова уже отодвинулось далеко на второй планъ. Вскорѣ Розенмарка произвели въ генералы и назначили окружнымъ начальникомъ въ Финляндію. Онъ туда отправился и взялъ съ собой двухъ страшныхъ пьяницъ: вышеупомянутаго Сутгофа и еще одного офицера бобруйской команды—Прохорова. Когда Розенмаркъ былъ въ Бобруйскѣ, я нѣсколько разъ у него обѣдалъ, и всегда было разливное море; при сдачѣ же команды оказалось на 25.000 рублей ассигнаціями недостатковъ. Шведеръ ¹⁾ не зналъ, что дѣлать, но офицеры просили его принять команду и дать Розенмарку чистую квитанцію, а долгъ обѣщали пополнить, что и исполнили въ томъ же году.

¹⁾ Е. О. Шведеръ I, инженеръ-полковникъ, начальникъ инженерной команды послѣ Розенмарка.

Розенмаркъ прибылъ въ Финляндію благополучно, жилъ въ Выборгѣ, но недолго, спился и умеръ.

Шведеръ, имѣвпій большое семейство, жилъ въ большомъ деревянномъ домѣ, который назначался окружному командиру, а Латынинъ въ каменномъ флигелѣ, подлѣ офицерскаго корпуса; послѣдній весь былъ занятъ инженерными офицерами, и я тамъ жилъ. Приказомъ по командѣ я былъ назначенъ состоять по особымъ порученіямъ при Латынинѣ и дистанціи не имѣлъ. Не помню, чтобы Латынинъ когда нибудь давалъ мнѣ «особыя порученія» по службѣ, но мое дѣло было всякій день обѣдать и даже ужинать у него. Цѣль его была сблизить меня какъ можно болѣе съ дочерью Лизаветой Ивановной и, вѣроятно, женить меня на ней, потому что я пользовался весьма большимъ расположеніемъ какъ матери, такъ и дочери. Благодаря моему веселому и беззаботному характеру, я вскорѣ сдѣлался общимъ любимцемъ своихъ товарищей. Нельзя не сказать, что и товарищи были отличные люди, по крайней мѣрѣ тѣ, съ которыми я болѣе сблизился: Дзичканецъ, Теше, Мерле, Руденковъ и Аврежіо; мы всегда были неразлучны. Познакомился я также съ комендантомъ Бергомъ, полковникомъ Девелемъ, плацъ-майоромъ Пушкаревымъ, подполковникъ Витковскимъ. Вездѣ меня принимали очень хорошо. Комендантъ жилъ въ крѣпости, въ деревянномъ, довольно большомъ домѣ. У него была дочь и три сына. Комендантша была маленькая, толстая, проворная и добрая финляндка, у которой все дѣлалось живо, но безъ всякихъ церемоній. Они имѣли для лѣтнаго пребыванія на Минскомъ форштадтѣ очень хорошую дачу съ большимъ садомъ и огородомъ, у самаго берега Березины. Тутъ мы часто веселились, когда собирались по вечерамъ. Все было очень просто, и часто, натанцовавшись, ужинали биркевомъ, бутербродами и холоднымъ жаркимъ или картофелемъ въ мундирѣ. Комендантъ Бергъ былъ добрейшій, отличный человекъ, но любилъ рассказывать анекдоты объ удалствѣ въ своей молодости и страшно вралъ. Надъ его анекдотами много посмѣивались, особенно надъ его рассказами о томъ, какъ онъ верхомъ на щукѣ выѣхалъ изъ моря и ипорилъ ее, какъ онъ выточилъ, по недостатку тарелокъ въ деревнѣ, гдѣ принималъ графа Штейнгеля, изъ сосны въ два часа двѣ дюжины тарелокъ, и пр. и пр. Но эту слабость ему охотно прощали, потому что, при всемъ томъ, онъ былъ все-таки честнѣйшимъ и добрейшимъ человекомъ.

Генераль Нагель¹⁾ жилъ подлѣ коменданта въ деревянномъ большомъ домѣ, также съ садикомъ. Жена его была очень нѣжная, всегда хворающая женщина, съ огромнымъ семействомъ. Нагель жили также очень хорошо, у нихъ обыкновенно по воскресеньямъ

¹⁾ Генераль-майоръ П. Л. Нагель командовалъ въ Бобруйскѣ отрядами, находившимся тамъ постоянно лѣтомъ на работахъ.

бывали обѣды, въ которыхъ я нерѣдко участвовалъ. Въ этомъ домѣ я былъ знакомъ короче другихъ моихъ товарищей, потому что двоюродный братъ мой, Карлъ Леонтьевичъ Жерве, служилъ подъ начальствомъ Нагеля. Вообще же наши офицеры не долюбливали его за разныя его выходки относительно формы, дисциплины и пр. Но онъ не могъ сладить съ ними, что и было причиною нѣсколько холодныхъ отношеній между Нагелемъ и его подчиненными.

... Между тѣмъ Латынинъ, находясь иногда въ нетрезвомъ видѣ, имѣлъ уже разныя стычки съ офицерами. Самъ небожко понимая дѣла, онъ принималъ начальническій тонъ, оскѣлся, а отъ такихъ дѣловыхъ и славныхъ офицеровъ отпоръ бывалъ иногда очень чувствителенъ. Латынинъ, котораго я посѣщалъ по обязанности всякій день, былъ постоянно въ раздраженномъ состояніи духа. Въ Бобруйскѣ семейство подполковника Витковского было мнѣ очень близко, потому что дочь генеральши Реренъ, Марья Ивановна, была его женою. Витковскій женился тогда, когда отецъ мой былъ еще комендантомъ въ Выборгѣ, и такъ какъ генеральша Реренъ была бѣдная женщина и очень коротко знакома съ нашимъ семействомъ, то и свадьба была у насъ въ домѣ. Генеральша Реренъ, веселая, умная и славная старушка, жила съ дочерью и, естественно, въ память прежней дружбы съ моими родителями, я у нихъ былъ принятъ, какъ свой человѣкъ. При ней жила еще младшая ея дочь Дарья Ивановна, только что выпущенная изъ института, молоденькая, недурненькая дѣвица. Онѣ жили на Минскомъ форштадтѣ въ домѣ капитана герцога Веллингтона полка Воронова, женатаго на родной сестрѣ нашего офицера Дзичканца. У нихъ какъ-то я былъ на вечерѣ, гдѣ повеселились, поужинали, и я довольно поздно возвратился домой. Дома мнѣ сказали, что Латынинъ уже два раза присылалъ за мной, но такъ какъ уже было поздно, то я сталъ раздѣваться, чтобы лечь спать, и думалъ на другой день утромъ пойти къ нему. Вдругъ прибѣгаетъ посланный въ третій разъ и требуетъ меня къ Латынину. Я пошелъ. Прихожу, а они всѣ трое — онъ, жена и дочь — сидятъ за ужиномъ и ждутъ меня. Я вхожу и спрашиваю: «Что вамъ угодно, Иванъ Николаевичъ?» Онъ былъ уже порядочно подъ хмелькомъ и весьма грубо отвѣтилъ: «Да что вы заставляете насъ ждать себя? Мы уже давно сидимъ и ждемъ васъ». Я возразилъ ему, что былъ на вечерѣ и что никакъ не полагалъ своею обязанностью быть всякій день за ужиномъ у нихъ, что у меня много знакомыхъ въ городѣ, и я себя связывать такимъ образомъ не могу, — однако сѣлъ на приготовленное мнѣ мѣсто. Латынинъ на мой отвѣтъ взбѣсился и сказалъ мнѣ какую-то дерзость. Я вскочилъ, взялъ въ руки ножъ и навѣрное пырнулъ бы его, если бы меня не удержала Анна Васильевна¹⁾.

¹⁾ М-те Латынина.

Я бросилъ ножъ и убѣжалъ. За мною выбѣжала дочь, плакала и просила не сердиться, говоря, что ея папа сказалъ это сторяча и пр. и пр., но я тутъ же объявилъ, что моя нога у нихъ въ домѣ больше не будетъ, и ушелъ. На другое утро я разсказалъ все своимъ товарищамъ, которые и такъ уже были довольно раздражены противъ Латынина. Рѣшили мы общимъ совѣтомъ, чтобы я къ нему больше не ходилъ, ждалъ, что будетъ дальше, и при малѣйшей съ его стороны выходкѣ далъ бы дѣлу официальный ходъ. Между тѣмъ старшіе офицеры сочли долгомъ пойти къ командиру команды и передать, что случилось со мною. Командиромъ команды былъ Шведеръ, добрый, но не энергичный человекъ; офицеровъ уважалъ, но для нихъ что нибудь предпринять не было въ его характерѣ. Въ тотъ же день я не пошелъ обѣдать къ Латынину, такъ же и въ слѣдующіе дни, несмотря на то, что Анна Васильевна присылала мнѣ пирожное и разныя лакомства, а Лизавета Ивановна — записочки съ приглашеніями и изъявленіями искренней дружбы и любви. Ничто не помогло: я отсталъ совершенно отъ дома и былъ впослѣдствіи назначенъ въ помощь Дзичканцу на дистанцію. Встрѣчались мы съ Латынинымъ только по службѣ и всегда холодно.

Шведера вскорѣ послѣ этого перевели отъ насъ, и на мѣсто его изъ Архангельска былъ назначенъ къ намъ командиромъ полковникъ Алексѣй Васильевичъ Козьминъ. Онъ былъ изъ простого званія, служилъ барабанщикомъ въ архангельскомъ гарнизонномъ батальонѣ, потомъ переименовался въ писаря, затѣмъ въ кондукторы, занялся науками и былъ произведенъ въ полевые инженеръ-прапорщики. Въ то время это было весьма возможно: училище еще не существовало. Козьминъ былъ, впрочемъ, прекрасный, толковый, дѣловой и энергичный старикъ. Хотя по строительной части онъ не имѣлъ очень обширныхъ знаній, зато предоставлялъ тѣмъ офицерамъ, у которыхъ работы были на рукахъ, производить ихъ согласно новыхъ правилъ науки. Разсматривая проекты и смѣты и видя производство работъ, своимъ практичнымъ взглядомъ на нихъ онъ приносилъ много пользы. Командныя дѣла онъ зналъ превосходно, велъ ихъ честно, довѣрчиво и благородно. Мы всѣ его любили отъ души; онъ умѣлъ это цѣнить и съ нами обходился скорѣе, какъ старый опытный товарищъ, чѣмъ какъ начальникъ. Умный старикъ очень хорошо и скоро замѣтилъ, что это былъ лучшій путь, потому что, видя его довѣріе къ намъ, офицеры оказывали ему еще больше довѣрія и, дѣйствительно, безъ его согласія шагу не дѣлали. Разъяснили ему положеніе офицеровъ относительно Латынина, поразсказали его продѣлки. Козьминъ увѣрилъ насъ, что каждый изъ насъ найдетъ въ немъ защиту, если только правда на нашей сторонѣ.

Между тѣмъ натянутыя отношенія офицеровъ и Латынина усиливались все болѣе и болѣе. Даже и въ обществѣ онъ имѣлъ нѣ-

сколько весьма неприятныхъ столкновений, такъ что, наконецъ, мы всё рѣшили не ходить въ тѣ общества, въ которыя будетъ приглашенъ Латынинъ или, если мы не знаемъ, будетъ онъ или нѣтъ, то по приходѣ его тотчасъ уходить. Сказано—сдѣлано. Мы составляли, такъ сказать, душу общества, и вездѣ, гдѣ желали веселья и видѣть нашъ кружокъ офицеровъ, Латынина не приглашали, зная, что мы непременно уйдемъ, если онъ будетъ. Случился опять танцевальный вечеръ въ клубѣ. Всѣ наши офицеры пришли въ клубъ, начались танцы. Такъ какъ всѣ дамы насъ очень любили, то мы и ангажировали ихъ съ тѣмъ, что если Латынинъ придетъ въ клубъ хотя бы среди танца, мы тотчасъ уходимъ; всѣ согласились. И дѣйствительно, уже послѣ польскаго, во время экосеза, Латынинъ входитъ. Мы тотчасъ же сдѣлали поклонъ нашимъ дамамъ, надѣли шпаги, взяли шляпы и ушли. Латынину было очень неловко, но онъ все-таки съ часокъ остался, потомъ ушелъ. Дамы тотчасъ дали намъ знать, что Латынинъ ушелъ, и мы мигомъ вернулись назадъ, танцовали очень долго и затѣмъ ужинали.

Въ это лѣто ¹⁾ къ намъ пріѣхалъ генералъ Опперманъ осмотрѣть работы. До него дошли слухи о столкновеньяхъ офицеровъ съ Латынинымъ, и говорили даже, что Опперманъ пожурилъ его, но дѣло обошлось безъ особыхъ послѣдствій. При осмотрѣ работъ, въ свитѣ слѣдовали и всѣ частные начальники крѣпостного гарнизона, такъ какъ производились постройки, касавшіяся ихъ. Между прочимъ былъ отстроенъ внутри крѣпости понтонный сарай для храненія обоза и принадлежностей саперныхъ понтоновъ. Всѣмъ извѣстно было, что Опперманъ не долубливалъ генерала Нагеля именно за то, что онъ съ нашими офицерами былъ всегда несовсѣмъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Понтонный сарай былъ легкой, дешевой постройки, а потому для многихъ скрѣплений, дабы не тратить денегъ на гвозди, были употреблены деревянные толстые гвозди, которые съ наружной стороны расклинивались (эти деревянные гвозди технически называются нагелями); такъ было предположено и по смѣтѣ. Опперманъ очень хорошо понималъ, что такое скрѣпленіе для этой постройки достаточно, но обратился съ вопросомъ къ дистанціонному офицеру: «А при сильномъ вѣтрѣ не повредится ли сарай, будучи скрѣпленъ этими деревянными скрѣпами?» Офицеръ отвѣтилъ, что сарай очень хорошо скрѣпленъ нагелями. На это Опперманъ сказалъ: «Ужъ эти мнѣ нагели, нагели!»—намекая на генерала Нагеля.

У насъ въ Бобруйскѣ содержалось много декабристовъ изъ числа бунтовавшихъ 14-го декабря: Норовъ, Дивовъ, Бодиско, человекъ десять студентовъ бывшей Виленской медицинской академіи и еще другіе. Мы уговорили плацъ-майора содержать ихъ нѣсколько отдѣльно. На день отвели имъ въ нашихъ мастерскихъ двѣ отдѣль-

¹⁾ 1827 года.

ныя комнаты, гдѣ они свободно могли читать, писать и заниматься чѣмъ хотѣли. Они часто получали отъ родныхъ деньги, которыя приходили на имя кого нибудь изъ нашихъ офицеровъ и потомъ передавались имъ; такимъ образомъ, они имѣли свой чай и улучшенную пищу, которая имъ варилась по ихъ назначенію въ мастерскихъ. Молодые люди были большею частью хорошо образованные и изъ хорошихъ фамилій. Все это имъ позволялось, но только съ тѣмъ условіемъ, что, въ случаѣ приѣзда высшихъ лицъ или членовъ царской фамиліи, имъ тотчасъ брили головы и высылали на работы, на что всѣ эти молодые люди согласились, не желая за дѣлаемое имъ добро подвергать свое прямое начальство отвѣтственности весьма серьезной. Такъ, однажды, при приѣздѣ нашего генералъ-инспектора великаго князя Михаила Павловича вся эта молодежь была выслана на работу. Великій князь, проходя мимо кухни, увидѣлъ Бодиско, который приводилъ въ движеніе мѣха, и тотчасъ узналъ его: «А, Бодиско!»—сказалъ великій князь и отвернулся. Бодиско служилъ мичманомъ въ гвардейскомъ экипажѣ, въ корпусѣ, въ которомъ командовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ. По необыкновенной памяти почти всѣхъ членовъ царской фамиліи, великій князь зналъ фамиліи если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, огромнаго большинства гвардейскихъ офицеровъ.

Арестантскія роты раздѣлялись тогда на нѣсколько разрядовъ. Первый—вѣчно каторжные. Они ходили въ черныхъ курткахъ, брюкахъ и шапкахъ, съ четвероугольникомъ сѣраго сукна въ видѣ бубноваго туза на спинѣ. У нихъ головы были обриты поперекъ, отъ затылка ко лбу, вся правая половина. Въ этомъ разрядѣ было много закоренѣлыхъ преступниковъ, и большая половина ихъ всегда была закована въ цѣпяхъ; такъ въ кандалахъ и выходили на работу. Второй разрядъ—временные, на долгіе сроки—15, 12 и 10 лѣтъ. Они одѣвались въ сѣрые куртки, брюки и шапки, имѣя на спинѣ бубноваго туза изъ чернаго сукна. Имъ брили полъ-головы отъ уха до уха. Третій разрядъ—исправительныя роты: онѣ ходили въ одеждѣ такой же, какъ и второй разрядъ, но имъ головъ не брили, за хорошее поведеніе переводили изъ второго разряда въ третій и уменьшали сроки заключенія. Изъ третьяго разряда, отличавшихся хорошимъ поведеніемъ выбирали рядовыми въ военно-рабочія роты. Арестанты раздѣлялись на роты; каждая рота имѣла своего ротнаго командира, двухъ-трехъ субалтернъ-офицеровъ и до двадцати унтеръ-офицеровъ. Офицеры и унтеръ-офицеры носили ту же форму, что и офицеры и унтеръ-офицеры военно-рабочихъ ротъ, только у офицеровъ арестантскихъ ротъ на рогожкѣ эполетъ, кромѣ № роты, была вышита еще буква А (арестантской). Всѣ офицеры и унтеръ-офицеры имѣли толстыя камышевыя трости, съ набалдачникомъ и ремешкомъ, съ которыми они выходили во фронтъ и на работы.

Сначала, когда плацъ-майоръ Пушкаревъ вступилъ въ командование батальономъ арестантскихъ ротъ, порядокъ у нихъ былъ очень плохой. Часто случались побѣги, а за каждого бѣжавшаго арестанта, о которомъ обязаны были доносить въ Петербургъ, всегда получались отъ генераль-инспектора болѣе или менѣе строгія замѣчанія. Какъ ни старался Пушкаревъ искоренить зло, это сопряжено было съ большими затрудненіями; съ каждымъ десяткомъ арестантовъ на работы выходилъ одинъ унтеръ-офицеръ и два конвойныхъ; работы были разбросаны большею частью за крѣпостью, укрываться было легко, а затѣмъ ужъ и бѣжать не трудно, тѣмъ болѣе, что Бобруйскъ былъ окруженъ лѣсами, гдѣ арестанты, бывало, скрывались, пока не отростутъ волосы, а потомъ безъ труда, переодѣвшись въ крестьянское платье, бродяжничали. Хотя Пушкаревъ завелъ такой порядокъ, что весь десятокъ отвѣчаетъ за бѣжавшаго изъ среды его и наказывалъ оставшихся, однако не могъ искоренить побѣговъ. Поэтому, дабы по крайней мѣрѣ избавиться отъ упрековъ и замѣчаній изъ-за неизбежнаго зла, Пушкаревъ мало-по-малу набралъ изъ проходящихъ арестантскихъ командъ чело-вѣкъ десять, которые нигдѣ по спискамъ не показывались. Какъ только одинъ убѣжитъ, его тотчасъ замѣняютъ запаснымъ, котораго крестятъ именемъ и фамиліей бѣжавшаго; если же поймается первый, то отрекаются отъ него. Такимъ образомъ отдѣлывались отъ всякихъ послѣдствій. Арестанты жили въ крѣпости, въ свѣтлыхъ и сухихъ казармахъ, которыя, какъ и кухни, попеченіемъ плацъ-майора содержались дѣйствительно въ отличномъ состояніи; чистота, хороший воздухъ были строго соблюдаемы, и арестантскія казармы могли вполне служить образцовыми. Другой отдѣлъ арестантовъ жилъ въ особо устроенныхъ помѣщеніяхъ въ редюитахъ равелиновъ въ укрѣпленіи «Фридрихъ-Вильгельмъ», а третій отдѣлъ на казенномъ кирпичномъ заводѣ, верстахъ въ четырехъ за городомъ, въ отдѣльномъ острогѣ. Пушкаревъ и туда часто заглядывалъ и за всякое упущеніе строго взыскивалъ съ ротныхъ командировъ, которымъ, впрочемъ, доставлялъ и нѣкоторыя льготы, такъ что они жили въ довольно порядочныхъ отношеніяхъ.

Въ это время уже разнеслись слухи о разрывѣ съ Турціей и о приближеніи войны. И дѣйствительно съ весны 1828 года началось движеніе войскъ. Наши отношенія съ отряднымъ начальникомъ генераль-лейтенантомъ Нагелемъ очень улучшились съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря его стараніямъ, Латынинъ былъ смѣненъ. Незадолго до этого случился эпизодъ, крайне непріятный какъ для него, такъ для Карла Леонтьевича¹⁾ и полкового командира Симишина. Въ

¹⁾ К. Л. Жерве, двоюродный братъ дѣда, командовалъ въ Бобруйскѣ бригадою. В. Ж.

Бобруйскъ былъ присланъ, по сентенціи военнаго суда, разжалованный изъ капитановъ въ рядовые, Бекъ или Бекеръ, который поступилъ въ Могилевскій пѣхотный полкъ. Снисходительное и доброе къ такимъ несчастливцамъ судьбы начальство разрѣшило жить рядовому Беку на форштадтѣ въ наемной квартирѣ, дабы хоть нѣсколько облегчить его горькую участь. Впрочемъ, своею скромностью и вообще видомъ порядочнаго человѣка Бекъ всѣмъ понравился; жилъ онъ тихо и о немъ какъ-то всѣ забыли. Но дѣло въ томъ, что Бекъ считалъ себя совершенно правымъ въ дѣлѣ, изъ-за котораго онъ пострадалъ, умственные же его способности отъ постигшаго его несчастія нѣсколько разстроились. Видя, что начальство о немъ совершенно забыло, онъ воспользовался этимъ и отправился тайкомъ въ Петербургъ прямо къ генераль-инспектору и объявилъ, что онъ невинно разжалованъ. Его, конечно, схватили, и великій князь отправилъ его къ Опперману, который предпринималъ поѣздку въ Динабургъ и Бобруйскъ. Опперманъ пріѣзжаетъ въ Бобруйскъ, къ нему является отрядный начальникъ генераль-лейтенантъ Нагель. Опперманъ его спрашиваетъ:

— Скажите, Павелъ Ларіоновичъ, того-того (привычка Оппермана), у васъ есть здѣсь какой-то разжалованный изъ капитановъ рядовой Бекъ?

— Есть, ваше высокопревосходительство.

— Потрудитесь приказать привести его ко мнѣ.

— Сейчасъ, — былъ отвѣтъ.

Передали приказаніе генерала Оппермана Карлу Леонтьевичу, тотъ—полковому командиру Симишину. Полетѣли искать Бека, но въ квартирѣ его и слѣдъ простылъ; знали только, что онъ уже съ мѣсяцъ тому назадъ ушелъ, будто бы, въ лагерь и послѣ уже не возвращался. Какъ ни непріятно было, но, нечего дѣлать, Нагель донесъ Опперману, что Бекъ бѣжалъ, и только потому, что имѣлась въ виду турецкая война, дѣло обошлось не очень строгимъ взысканіемъ: замѣчанія и выговоры порѣшили все. Бекъ уже не былъ возвращенъ, и что съ нимъ случилось, я не знаю.

Нагель, Карлъ Леонтьевичъ и Рупертъ ¹⁾ отправились въ походъ. Мы очень любили Руперта и задали ему и саперамъ предъ выступленіемъ обѣдъ на славу. Попировали и распростились съ нашими милыми саперами. Къ намъ поступили на работы другія армейскія войска, сначала дивизія генераль-лейтенанта Юшкова.

Между тѣмъ Карлъ Ефимовичъ Теше, по обширности ему порученныхъ работъ, долженъ былъ сдать должность дежурнаго при командѣ офицера, и меня назначили на его мѣсто. Въ этой должности было весьма трудно ладить съ Мочульскимъ ²⁾, съ которымъ

¹⁾ Вильгельмъ Яковлевичъ Рупертъ командовалъ въ Бобруйскѣ саперной бригадой.

²⁾ Полковникъ Мочульскій былъ назначенъ въ Бобруйскъ строителемъ крѣпости вмѣсто переведеннаго въ Кіевъ Латынина.

ежедневно приходилось быть въ сношеніяхъ; а съ такимъ вѣзломощнымъ и притомъ совершенно не знавшимъ ни искусственной инженерной части, ни хода командныхъ дѣлъ не легко было ужиться. Это видѣлъ хитрый Теше и отдѣлался отъ этой должности. Кое-какъ я ладилъ съ нимъ.

Государь Николай I посѣтилъ насъ въ 1828 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, проѣздомъ въ дѣйствующую противъ Турціи армію. Онъ осматривалъ работы и остался очень доволенъ. Государь долженъ былъ переночевать въ Бобруйскѣ и на другой день утромъ отправиться дальше. Въ эту ночь изъ турецкой арміи было получено множество трофеевъ, въ особенности значковъ, знаменъ и бунчуковъ. Въ ночь надѣлали для нихъ древокъ, кое-какъ выкрасили, прибили къ нимъ значки и, воткнувъ въ землю, поставили ихъ по всему бульвару около церкви, предъ окнами дворца, занятаго государемъ. Вставъ утромъ, онъ увидѣлъ всѣ эти трофеи и остался очень доволенъ; приказалъ отправить ихъ въ Петербургъ, оставивъ въ нашей церкви два знамени.

Въ 1829 году, зимой, Павелъ Ларіоновичъ Нагель на нѣсколько дней пріѣхалъ въ отпускъ повидаться съ семействомъ своимъ. Онъ узналъ отъ жены, какъ инженерные офицеры заботились объ ея спокойствіи, какъ мило предупреждали всѣ ея желанія и пр., и поэтому принять насъ чрезвычайно ласково. А такъ какъ до насъ дошли слухи изъ нѣдръ дѣйствующихъ войскъ, что Нагель въ кампаніи отличный начальникъ, всегда очень ласковъ и предупредителенъ къ нашимъ офицерамъ, которымъ доставляетъ при всякой возможности награды и отличія, то мы рѣшили дать ему большой балъ. Балъ устроили въ клубномъ залѣ, гдѣ все было убрано военными арматурами и зеленью. Ужинъ былъ отличный, шампанское лилось, тосты ему и ей повторялись не разъ, мы его качали. Нагель былъ тронутъ до слезъ и не зналъ, какъ выразить намъ свою благодарность за настоящее вниманіе и за ту любезность, которую мы оказывали его семейству въ его отсутствіе. Наконецъ, дабы вполне выразить, какъ глубоко онъ цѣнитъ такое общее къ нему расположеніе, онъ посреди залы сталъ на одно колѣно и выпилъ за наше дорогое ему здоровье. Восторгъ достигъ апогея. Вскорѣ онъ уѣхалъ въ армію, и ни мы, ни семейство его болѣе не увидѣли: онъ умеръ въ Силистріи отъ страшной чумной эпидеміи. Мы крѣпко о немъ пожалѣли.

Я забылъ упомянуть, что въ началѣ этого года Карлъ Леонтьевичъ вернулся изъ турецкой арміи совершенно изнуренный злокачественною лихорадкою, но онъ мѣсяца черезъ два-три поправился. Когда государь проѣзжалъ черезъ Бобруйскъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, то Карлъ Леонтьевичъ представлялся ему, какъ выздоровѣвшій и отправлявшійся обратно въ дѣйствующую армію. Между тѣмъ дивизія генерала Юшкова отправилась дальше, а мѣсто ея заступила въ 1830 году 10-я дивизія. Начальникомъ дивизіи былъ генералъ-лей-

тенантъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ, замѣчательный старикъ, достигшій высшихъ чиновъ изъ простаго званія и бойко владѣвшій перомъ. Онъ былъ видный, высокій, статный мужчина, пріятный собесѣдникъ, и рассказы его изъ солдатской и походной жизни были увлекательны. Онъ былъ женатъ на калужской помѣщицѣ, довольно дородной, высокой и еще красивой женщинѣ, съ довольно хорошимъ состояніемъ. У нихъ были сынъ и дочь. Скобелевъ жилъ хорошо и въ царскіе дни давалъ обыкновенно торжественные обѣды, на которые собиралъ всю знать крѣпости и большую часть нашихъ офицеровъ. На одномъ изъ такихъ обѣдовъ онъ рассказывалъ свои походы въ отечественную войну и, между прочимъ, прибавилъ, что многіе также были въ кампаніи, а изъ нея ничего не вынесли, не умѣя придать настоящей энергіи и настоящаго значенія походной жизни. Нашъ любезнѣйшій городничій Кобылинскій всталъ и сказалъ Ивану Никитичу:

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, я имѣю награду за отличіе (у него была Анна 4 ст. на шпагѣ).

Иванъ Никитичъ разсмѣялся и отвѣтилъ: «Да, я и забылъ, что у тебя какая-то короста на шпагѣ». Онъ не долюбливалъ Кобылинскаго, какъ поляка. Тогда уже смутно ходили какіе-то не совсѣмъ пріятные слухи о полякахъ.

Въ Бобруйскѣ я близко познакомился съ семействомъ плацъ-майора Пушкарева, и мнѣ чрезвычайно понравилась сестра m-me Пушкаревой, Софья Семеновна Буссау. Мы скоро почувствовали взаимную симпатію, которая затѣмъ перешла въ любовь. Въ апрѣлѣ 1830 года я сдѣлалъ ей предложеніе, на которое она отвѣтила полнымъ согласіемъ. Послѣ этого я написалъ матери въ Петербургъ и получилъ отъ нея благословеніе; она крайне сожалѣла, что ея преклонныя лѣта лишали ее возможности пріѣхать въ Бобруйскъ, такъ что изъ близкихъ родныхъ на моей свадьбѣ никому не пришлось быть. День свадьбы былъ назначенъ на 17-е августа 1830 года. Посаженымъ отцомъ я просилъ нашего дивизіоннаго генерала Ивана Никитича Скобелева, который охотно согласился меня благословить; посаженою матерью я просилъ родную тетку Софіи Семеновны, Лизавету Евстафьевну Гебель. Но когда я пріѣхалъ домой отъ Скобелева, онъ прислалъ за мною и объявилъ, что жена его желаетъ быть у меня посаженою матерью, чѣмъ считаетъ обязанною показать мнѣ свое особое вниманіе. Мнѣ было это очень пріятно, но сколько стоило труда уговорить старушку Гебель уступить свое мѣсто. Вѣнчаніе было назначено въ 6 часовъ вечера въ крѣпостной церкви. Весь лучшій кругъ города былъ приглашенъ на свадьбу, цугъ экипажей стоялъ огромный. Изъ церкви всѣ гости поѣхали въ домъ Я. П. Пушкарева. Вечеръ провели съ музыкой и танцами и закончили его ужиномъ. Молодежь много веселилась и только въ 3 часа утра всѣ разошлись. Старикъ полковникъ Де-

вель всегда очень любилъ и уважалъ мою жену еще дѣвицею и, въ честь насъ, на другой день свадьбы устроилъ балъ въ своемъ загородномъ домѣ за Минскимъ форштадтомъ.

Подъ конецъ турецкой кампаніи между войсками русской арміи развилась сильнѣйшая чума. Генераль-фельдмаршалъ Дибичъ положилъ непремѣнно послать кого либо изъ генераловъ подробно осмотрѣть всѣ чумные лазареты и госпитали. Онъ предлагалъ уже двумъ генераламъ эту командировку, но оба подъ разными предлогами успѣли отказаться. Тогда корпусный командиръ генераль Ротъ посовѣтовалъ фельдмаршалу послать генерала Жерве,—тотъ не откажется. Фельдмаршалъ и предложилъ Карлу Леонтьевичу съѣздить въ Сизополь, главный притонъ чумы и средоточіе госпиталей. Карлъ Леонтьевичъ, имѣя правиломъ никогда не отказываться отъ какихъ бы то ни было порученій по службѣ, принялъ предложеніе и готовился въ дорогу. Онъ тогда жилъ вмѣстѣ съ генераломъ Капелемъ, командиромъ саперной бригады. Такъ какъ Карлъ Леонтьевичъ ѣхалъ почти на вѣрную смерть, то написалъ женѣ своей Лизаветѣ Алексѣевнѣ письмо, приготавливая ее къ тому, что онъ скоро умретъ, сдѣлалъ всѣ распоряженія по своимъ дѣламъ, относительно семейства и дѣтей. Письмо было написано въ страшномъ состояніи духа, и онъ просилъ генерала Капелья отправить это письмо къ женѣ своей, а самъ пустился въ дорогу, взявъ съ собою одного только молодого офицера Малѣева, который впоследствии былъ у него бригаднымъ адъютантомъ. Онъ нашелъ лазареты и госпитали въ отвратительномъ безпорядкѣ. Чумные лежали скученными вмѣстѣ съ другими больными, подлѣ живого лежало тѣло умершаго чумнаго безъ малѣйшаго присмотра; нельзя было нигдѣ отыскать ни смотрителей, ни доктора, ни даже фельдшера. Смотрителя выводили огромные счета, а на мѣстѣ никого не было. Карлъ Леонтьевичъ ходилъ по всѣмъ лазаретамъ и госпиталямъ безъ всякой предосторожности, но не допускалъ ни за что Малѣева слѣдовать за собою, говоря, что молодому человѣку надо еще жить. Но Богъ помиловалъ Карла Леонтьевича, и онъ возвратился живъ и здоровъ. Согласно данному ему лично фельдмаршаломъ приказанію, онъ доложилъ, въ какомъ видѣ нашелъ госпитали и лазареты, присовокупивъ, что слѣдуетъ употребить самыя энергическія и скорыя мѣры, чтобы уничтожить существующія злоупотребленія и страшныя упущенія, а не то никто тамъ отъ чумы не спасется. Фельдмаршалъ очень благодарилъ Карла Леонтьевича, но страшно разсердился, узнавъ все это, тотчасъ же послалъ за Ротомъ, разбранилъ его за всѣ найденные безпорядки и приказалъ принять строжайшія мѣры, чтобы тотчасъ же все привести въ надлежащій порядокъ. Приказанія фельдмаршала были исполнены, дѣло поправили, но Карлъ Леонтьевичъ нажилъ въ лицѣ Рота непримиримаго врага. Ротъ ему выговаривалъ, почему онъ прежде не при-

шелъ къ нему, а прямо доложилъ фельдмаршалу обо всемъ, что онъ нашелъ. Карлъ Леонтьевичъ отвѣтилъ, что сдѣлалъ это потому, что хотя бы онъ и передалъ Роту прежде все, что видѣлъ, — все-таки передъ фельдмаршаломъ не солгалъ бы и сказалъ бы всю правду, какъ она есть. Къ несчастью Карла Леонтьевича, онъ былъ назначенъ командиромъ бригады въ корпусъ Рота. Тотъ его послалъ послѣ кампаніи въ Севастополь, а туда прибыли съ Кавказа полки, обмундированные изъ рукъ вонъ дурно, не знавшіе фронтовой части, такъ что Карлъ Леонтьевичъ ахнулъ, увидя этотъ обродъ. А Ротъ тотчасъ же назначилъ смотръ этой бригадѣ. Тогда Карлъ Леонтьевичъ сказался больнымъ и предоставилъ старшему полковому командиру представить бригаду.

У Карла Леонтьевича была еще большая непріятность съ севастопольскимъ комендантомъ полковникомъ Печковскимъ. Однажды, въ воскресенье, онъ дѣлаетъ разводъ. Въ это время подъѣзжаютъ коменданты, останавливаетъ разводъ и говоритъ Карлу Леонтьевичу, что онъ не имѣетъ права дѣлать разводъ безъ него, коменданта. Тутъ завязался споръ передъ фронтомъ, но Карлъ Леонтьевичъ докончилъ разводъ и, какъ ни былъ всегда тихъ и скромнъ, донесъ однако рапортомъ по командѣ о поступкѣ коменданта. Того смѣнили, посадили на 3 мѣсяца на гауптвахту и потомъ назначили комендантомъ на Кавказъ, въ Шемаху.

Между тѣмъ Ротъ поѣхалъ въ Петербургъ и, будучи у государя за обѣдомъ, началъ чернить Карла Леонтьевича ужасно. Но покойный государь вспомнилъ, что онъ командовалъ бригадой въ отрядѣ въ Гобруйскъ и былъ всегда на отличномъ счету. Однако Ротъ увѣрялъ государя, что послѣ турецкой кампаніи онъ сдѣлался болѣзненнымъ, желчнымъ и вялымъ. Послѣдствіемъ этого наговора было то, что Карлъ Леонтьевичъ былъ назначенъ комендантомъ въ Тирасполь вмѣсто того, чтобы получить дивизію, на которую имѣлъ всѣ права. Надо же было случиться, что сынъ его Константинъ, тогда уже бывшій камеръ-пажомъ, находился при столѣ во время клеветы Рота и слышалъ весь разговоръ его съ государемъ. Онъ послѣ рассказывалъ, что едва съ ногъ не свалился, зная всю несправедливость наговора на его отца. Вотъ почему и вся продѣлка Рота сдѣлалась извѣстною ¹⁾.

¹⁾ Въ доказательство справедливости словъ дѣла объ отличной службѣ Карла Леонтьевича Жерве, позволю себѣ сослаться на послужной списокъ послѣдняго. Страницы его даютъ длинный списокъ походовъ и сраженій, въ которыхъ участвовалъ К. Л. Онъ былъ въ кампаніяхъ 1806—1809, 1810—1813, 1828—1829 гг. и личнымъ участникомъ болѣе чѣмъ 25 сраженій. Не перечисляю всѣхъ сраженій, упомяну лишь пункты важнѣйшихъ изъ нихъ: Прейсишъ-Эйлау, Фридландъ, Шумла и Русчукъ, переправа французовъ черезъ Березину, Данцигъ, Варна и др. За отличіе въ сраженіи 7 и 8 октября 1812 г. при р. Ушачѣ К. Л. переведенъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. «За отличіе оказанное при покореніи крѣпости Кленгенъ и въ дѣлахъ, оному предшествовавшихъ, получилъ Именное Высочайшее

Въ 1830-мъ году вспыхнулъ польскій мятежъ. Бобруйскъ приказано было привести въ оборонительное положеніе, вооружить артиллеріей. Закипѣла работа. Мы проработали всѣ праздники Рождества по колѣна въ снѣгу. Крѣпость была объявлена на военномъ положеніи; съ сумерекъ всѣ крѣпостныя ворота запирались, безъ пароля и лозунга никого не пропускали. Къ намъ то и дѣло привозили плѣнныхъ, многихъ безъ означенія именъ и фамилій, подъ номерами; привезли какого-то епископа въ каретѣ съ конвоемъ изъ 18 человекъ казаковъ. Вскорѣ у насъ набралось до 500 штабъ и оберъ-офицеровъ и 3.000 человекъ нижнихъ чиновъ польскихъ плѣнныхъ. Довольствовать ихъ пищею и одеждою было очень трудно, такъ какъ у насъ находилось уже 2.000 человекъ плѣнныхъ турокъ. Войска же въ крѣпости было очень мало: всего 5 армейскихъ резервныхъ батальоновъ и резервный саперный батальонъ, который былъ ненадеженъ потому, что въ немъ большая часть людей состояла изъ уроженцевъ Виленской губерніи. Случалось, что ставятъ часового, когда же приходитъ смѣна, оказывается, что амуниція виситъ въ будкѣ, а часовой бѣжалъ. Много покушеній было со стороны поляковъ къ бѣгству. Такъ, одному капитану Таубе удалось бѣжать съ гауптвахты; въ погоню за нимъ по всѣмъ дорогамъ послали жандармовъ, на Глусской дорогѣ его поймали и уже закованнаго привезли въ крѣпость. Распространились слухи, что даже въ

благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ 5 іюня (1828 г.)... «За отличіе по прекращенію существовавшей въ г. Сизополѣ заразы, Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 2-ой степени, императорскою короною украшеннымъ 1830 г. августа 22». Кромѣ другихъ наградъ, К. Л. удостоился получить 8 разъ Именное Высочайшее благоволеніе и два раза—«въ числѣ прочихъ». Въ гражданской службѣ, въ которой, быть можетъ, онъ надѣялся найти больше счастья, чѣмъ въ военной, К. Л. также имѣлъ случай обратить на себя вниманіе, когда занималъ должность начальника Гродненскаго таможеннаго округа: «Высочайшимъ рескриптомъ, на имя г. министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовавшимъ, объявлена признательность и совершенное Всемилостивѣйшее благоволеніе за своевременное окончаніе 5-го рекрутскаго набора».—К. Л. скончался 18 февраля 1852 года.

Сынъ его, Константинъ Карловичъ Жерве, о которомъ упоминается въ интересномъ разсказѣ дѣда, блестяще окончилъ курсъ въ Пажескомъ корпусѣ въ 1836 году. Въ этомъ году, какъ фельдфебель и первый ученикъ, онъ былъ записанъ на мраморную доску, но, за недостиженіемъ 18-ти лѣтняго возраста, оставленъ отъ производства въ офицеры. По Высочайшему повелѣнію, К. К. былъ награжденъ золотымъ певрономъ и на особыхъ льготныхъ условіяхъ оставленъ на 1 годъ въ корпусѣ. Въ слѣдующемъ (1837 году) онъ снова записанъ на мраморную доску и выпущенъ л.-гв. въ Измайловскій полкъ. Если не ошибаюсь, въ томъ же году онъ поступилъ въ академію генеральнаго штаба, откуда былъ зачисленъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Къ сожалѣнію, молодая жизнь, а съ нею блестящая карьера человека, которому такъ улыбалась судьба, скоро прекратилась: въ чинѣ капитана, кажется, на Кавказѣ, онъ былъ сброшенъ лошадыю и при паденіи ударился спиною о камень, послѣ чего вскорѣ скончался въ городѣ Ковно, 3 іюня 1849 года.

В. Ж.

самой крѣпости есть приверженцы возстанія. Надо отдать справедливость, что одинъ только Пушкаревъ въ это время дѣйствовалъ энергически и дѣятельно. Онъ слѣдилъ ворко за поляками внутри крѣпости и по всему околотку, имѣлъ всюду своихъ лазутчиковъ.

Такъ прошла зима. Отношенія нашихъ офицеровъ съ Мочульскимъ принимали болѣе и болѣе непріязненный характеръ. На Святую офицеры всего корпуса пошли къ Мочульскому христосоваться. Онъ долго не выходилъ; мы узнали, что онъ намѣренъ прежде христосоваться съ командою писарей и мастеровыхъ, и дѣйствительно онъ пошелъ къ нимъ. Офицеры разсердились и ушли. Возвратившись въ пустую залу и узнавъ, что офицеры ушли, Мочульскій страшно разсердился, но съ дѣлаго корпуса офицеровъ взять нечего было, а потому онъ придрался ко мнѣ, почему я, какъ дежурный офицеръ, не находился при командѣ. Въ этомъ отчасти онъ былъ правъ и потому отправилъ меня съ окружнымъ адъютантомъ подъ арестъ. Прихожу я къ коменданту. Старикъ взбѣсился, началъ ругать Мочульскаго, прямо объявилъ, что меня на гауптвахту не принимаетъ и тотчасъ донесетъ въ Петербургъ о поступкѣ Мочульскаго. Никакія просьбы мои, ни убѣжденія, что изъ этого можетъ произойти весьма непріятная исторія, которая повредитъ ему и мнѣ, — ничто не помогло. Вышли мы отъ коменданта, адъютантъ Деметьевъ уже повернулъ было къ Мочульскому, но я вернулъ его, и мы пошли къ старику Девелю. Когда ему передали о случившемся, пылкій старикъ также взбѣсился, разразился бранью, но все-таки, по моимъ убѣжденіямъ, предвидя послѣдствія, понять, что для старика коменданта можетъ выйти весьма скверная исторія. Онъ пошелъ съ нами, сталъ уговаривать Берга, и мы насилу-насилу уговорили добрейшаго старика дать приказаніе плацъ-майору посадить меня на гауптвахту, куда я пожелаю. Я зашелъ къ женѣ. Сначала она встревожилась, но, видя меня совершенно веселымъ, успокоилась, такъ какъ мы уже заранѣе сговорились всѣ сегоднешній день провести у Мерле на заводѣ. Плацъ-майоръ поѣхалъ самъ на гауптвахту на кирпичный заводъ и передалъ караульному офицеру, что у него на гауптвахтѣ будетъ числиться такой-то; но что онъ, плацъ-майоръ, и комендантъ берутъ на себя всю отвѣтственность въ томъ, что офицеръ на гауптвахту не явится, чтобы такъ передавали и офицерамъ, которые поступаютъ на смѣну. Мерле, узнавъ о продѣлкѣ Мочульскаго, тотчасъ самъ поѣхалъ къ коменданту и къ Девелю и просилъ ихъ къ себѣ обѣдать. Всѣ пріѣхали, и мы провели у него этотъ день очень весело. Мочульскій же, считая себя глубокимъ дипломатомъ, былъ у моей жены съ визитомъ, но не засталъ ея дома. Чтобы мнѣ не скучно было, Мерле и на другой день пригласилъ кое-кого къ себѣ. На третій день я явился къ Мочульскому, онъ извинился предо мною и сказалъ: «Вы жертва политики». Я разсмѣялся и ушелъ.

Однако Мочульскому стало неловко въ обществѣ: его нигдѣ, кромѣ какъ по службѣ, не принимали. Чтобы загладить свой поступокъ, онъ приготовилъ большой обѣдъ и письменно всѣхъ пригласилъ къ себѣ къ обѣду, но никто на обѣдъ не пріѣхалъ, и онъ обѣдалъ вдвоемъ съ адъютантомъ. Это его окончательно взбѣсило. Мочульскій сталъ сильно придирааться къ Мерле и добился его ареста.

Тогда всѣ офицеры собрались къ нему и предупредили его пресерьезно, что если онъ не уймется, то конецъ будетъ очень плачевный. Когда же Мочульскій сталъ отговариваться и обвинять Мерле, то Мерле подошелъ къ нему и хотя на ухо и вполголоса, но такъ, что близко стоявшіе все могли слышать, разругалъ его послѣдними словами, прибавивъ, что если онъ только пикнетъ, то при всѣхъ разобьетъ ему всю рожу въ кровь. Мочульскій поблѣднѣлъ, какъ полотно, и выбѣжалъ изъ комнаты. Съ этихъ поръ онъ никогда ни одного офицера, въ томъ числѣ и меня, какъ дежурнаго офицера, обязаннаго приходить къ нему ежедневно по утру съ рапортомъ, принималъ не иначе, какъ призвавъ предварительно вѣстового, который долженъ былъ присутствовать во все время аудіенціи: онъ боялся, что его поколотятъ. Между тѣмъ все здѣшнее начальство, въ томъ числѣ и нашъ командиръ команды, старикъ Козьминъ, написали въ Петербургъ весьма нелестные отзывы о Мочульскомъ. Лѣтомъ Мочульскій поѣхалъ въ Кіевъ дѣлать инспекторскій смотръ, но ему показали высочайшій приказъ, которымъ онъ уволенъ отъ службы съ полнымъ пенсіономъ. Это его, какъ громомъ, поразило. Онъ возвратился, забралъ свои вещи и отправился куда-то на югъ. Такъ мы избавились отъ этого господина.

На мѣсто Мочульскаго, командиромъ Кіевскаго инженернаго округа и строителемъ Бобруйской крѣпости назначили инженеръ генераль-майора Христофора Ѳедоровича Клеменса, добрейшаго старика, но мало развитого, плохо понимавшаго строительную часть, находившагося подъ башмакомъ супруги своей, но какъ-то мало чувствовалъ свою ферулу.

Въ Польшѣ возстаніе приняло обширные размѣры; двинули туда гренадерскій корпусъ и гвардію. Фельдмаршалъ Дибичъ былъ главнокомандующимъ и пилъ горькую чашу, говорили, что въ день онъ выпивалъ по восьми бутылокъ рому. Великій князь цесаревичъ выѣхалъ изъ Варшавы и по дорогѣ въ Петербургъ захворалъ въ Витебскѣ; здѣсь онъ болѣлъ недѣли двѣ и умеръ. Тѣло его привезли въ Петербургъ и похоронили съ подобающими почестями. Гренадерскій корпусъ, свѣжій, не бывшій въ дѣлахъ съ 1812 года, пустили въ дѣло въ первый разъ, кажется, подъ Остроленкою, и гренaдеры такъ остервенились, что ни отбой, ни личныя приказанія великаго князя Михаила Павловича не помогли: они прекратили бой тогда, когда переребили всѣхъ поляковъ и не осталось съ кѣмъ сражаться.

Великій князь Михаилъ Павловичъ командовалъ тогда гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами. Въ составъ гвардіи входилъ и Гвардейскій Финскій стрѣлковый батальонъ—отличные стрѣлки. Покойный государь Николай I много слышалъ объ отличной стрѣльбѣ этого батальона, захотѣлъ самъ удостовѣриться въ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поощрить стрѣлковъ. Для этого государь приказалъ остановить батальонъ въ Царскомъ Селѣ. Батальонъ былъ въ полномъ составѣ 1.000 человекъ. Государь подѣхалъ къ стрѣлкамъ, повдоровался съ ними и объявилъ, что дастъ каждому, кто попадетъ въ яблоко мишени, по 10 рублей. Началась стрѣлба, и ни одинъ человекъ не далъ промаха, всѣ безъ исключенія попали въ яблоко. Государь былъ чрезвычайно доволенъ, смѣясь сказалъ: «Хорошо наказали»,—и приказалъ выдать 10.000 рублей.

Во время польской кампаніи великій князь Михаилъ Павловичъ однажды выѣхалъ на пригорокъ около рѣчки, чтобы осмотрѣть мѣстность и сдѣлать дизлокацію войскамъ. При немъ былъ весь его штабъ. На другой сторонѣ рѣчки, съ высокаго берега ея кавой-то польскій офицеръ, сидя на бѣлой лошади, нѣсколько разъ стрѣлялъ въ то мѣсто, гдѣ былъ великій князь, въ толпу окружавшихъ его. Наконецъ, это надоѣло великому князю. Онъ оглянулся и недалеко отъ себя увидѣлъ Финскаго стрѣлковаго батальона капитана Вендта, бывшаго моего товарища, отличнаго стрѣлка. Михаилъ Павловичъ обратился къ нему и сказалъ:

— Вендтъ, нельзя ли уговорить этого нахальнаго поляка?

Вендтъ взялъ ружье и, когда всадникъ подѣхалъ, такъ что былъ виденъ, прицѣлился, выстрѣлилъ, и всѣ видѣли, какъ въ тотъ же моментъ полякъ свалился съ лошади. Великій князь кивнулъ Вендту и сказалъ:

— Молодецъ!..

Скобелевъ со своей дивизіей также былъ въ дѣйствующей арміи. Не помню, въ какомъ дѣлѣ, когда онъ велъ дивизію, ему оторвало лѣвую руку. Скобелеву сдѣлали ампутацію. Замѣчательно, съ какимъ самоотверженіемъ и съ какою силою воли этотъ почтенный старикъ переносилъ ампутацію; во время самой операціи онъ диктовалъ приказъ по дивизіи, въ которомъ прощался съ нею, такъ какъ ему надо было вернуться въ Россію лѣчиться. Приказъ былъ замѣчательно хорошо написанъ. Въ дивизіи Скобелева служилъ сначала полковымъ командиромъ (тогда я его зналъ въ Бобруйскѣ), а потомъ бригаднымъ генералъ-майоръ фонъ-деръ-Бриггенъ. У него было прекрасное семейство, мы были знакомы. При штурмѣ Варшавы, во главѣ своей бригады, онъ былъ однимъ изъ первыхъ убитъ наповаль, оставивъ вдову и большое семейство безъ средствъ. Вдовѣ дали хорошій пенсіонъ, благодаря вліянію Скобелева, и самъ онъ всегда поддерживалъ это семейство, сколько могъ. Слышалъ я, что Скобелевъ получалъ какой-то пожизненный пенсіонъ, данный

ему въ прежнія времена, и будто онъ отдавалъ этотъ пенсіонъ сполна генеральшѣ Бриггенъ; насколько это справедливо, не знаю.

Наконецъ Варшаву взяли, поляковъ усмирили, войска возвращались домой. Началась разборка, и конфисковали огромное количество имѣній тѣхъ лицъ, которыя бѣжали за границу. Покойный императоръ Николай I щедро рукою раздавалъ почти всѣмъ начальствующимъ лицамъ и даже нѣкоторымъ полковымъ командирамъ майораты. Генералъ Денъ, который командовалъ раньше въ Бобруйскѣ сапернымъ баталіономъ и провелъ все время въ Польской кампаніи, былъ назначенъ начальникомъ инженеровъ царства Польскаго.

Чтобы нѣсколько обрисовать характеръ Дена, я расскажу всѣмъ извѣстный въ Бобруйскѣ случай, бывшій тамъ еще до моего пріѣзда. Когда государь Николай I до вступленія на престолъ былъ генералъ-инспекторомъ по инженерной части, онъ пріѣхалъ однажды въ Бобруйскъ, сдѣлалъ смотръ саперной бригадѣ, остался очень недоволенъ ею, разсердился и посадилъ на гауптвахту всѣхъ трехъ батальонныхъ командировъ: Дена, Гебенера и Руперта, при чемъ Дену приказалъ прибыть къ нему съ гауптвахты въ 3 часа послѣ обѣда. Денъ пріѣхалъ и говоритъ человѣку великаго князя:

— Доложи его высочеству, что полковникъ Денъ пріѣхалъ.

Тотъ возражаетъ, что его высочество отдыхаетъ, и онъ не можетъ доложить.

На это Денъ ему отвѣчаетъ:

— Не твое дѣло разсуждать. А я, полковникъ Денъ, приказываю тебѣ доложить его высочеству, что я пріѣхалъ.

— Много такихъ полковниковъ,—отвѣтилъ человѣкъ.

— Ахъ, ты мерзавецъ!—воскликнулъ Денъ, схватилъ его зашиворотъ и вытащилъ на дворъ. (Великій князь останавливался въ деревянномъ домѣ коменданта). Тамъ какъ разъ случились ординарцы его батальона. Онъ приказалъ придержать человѣка и велѣлъ ординарцу дать ему 25 ударовъ тесакомъ. По экзекуціи, Денъ сказалъ человѣку:

— Теперь иди, доложи.

Тотъ избитый, весь въ слезахъ, побѣжалъ къ великому князю. Минутъ черезъ пять великій князь вышелъ, поговорилъ съ Деномъ по службѣ, но о человѣкѣ не сказалъ ни слова.

Когда въ 1832 году государь былъ у насъ въ Бобруйскѣ, то чрезвычайно остался доволенъ работами подполковника Дзичканца ¹⁾ по третьему полигону и на мѣстѣ произвелъ его въ слѣдующій чинъ. Вслѣдствіе польскаго мятежа нужно было принять болѣе строгія мѣры, и Кіевъ казался государю довольно важнымъ пунктомъ, который положено было укрѣпить. Для производства работъ

¹⁾ Іосифъ Геденовичъ.

и проектовъ государь самъ назначилъ Дзичканца командиромъ Кіевской инженерной команды. Когда государь въ 1834 году былъ проѣздомъ въ Кіевѣ, то начатыми работами остался чрезвычайно доволенъ, отличалъ Дзичканца на всякомъ шагу и постоянно приглашалъ его къ себѣ къ обѣду. Генераль-адъютантъ Фельдманъ испугался особаго расположенія государя къ Дзичканцу и, управляя тогда инженернымъ департаментомъ, придумывалъ разныя средства, какъ бы повредить Дзичканцу во мнѣніи государя,—и вотъ что наконецъ придумалъ.

У него былъ племянникъ, инженерный поручикъ Кесслеръ. Онъ послалъ его въ Кіевъ и далъ ему наставленіе, какъ дѣйствовать, чтобы на какой нибудь незаконности поймать Дзичканца. Дзичканецъ былъ увѣренъ, что работы, назначенныя на слѣдующее лѣто и указанныя самимъ государемъ, будутъ утверждены и, дабы къ открытію работъ поставка матеріаловъ не задержала возможно ранняго ихъ производства, разрѣшилъ подрядчикамъ ставить матеріалъ для неразрѣшенныхъ еще работъ будущаго года; нѣкоторымъ изъ нихъ на это онъ выдалъ даже квитанціи и небольшія суммы денегъ. Положимъ, что по строгому смыслу закона нельзя допускать поставку матеріаловъ для работъ, которыя еще не получили полнаго утвержденія и не разрѣшены къ производству, но такъ какъ это дѣлалось въ виду выигрыша времени и для успѣшности работъ, то въ этомъ особаго вреда не могло быть. Кесслеръ, выслѣдивъ всѣ дѣйствія Дзичканца, сдѣлалъ доносъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ его въ такомъ видѣ, будто это дѣлалось для выгодъ подрядчиковъ и въ стачкѣ съ ними. Доносъ этотъ Кесслеръ отправилъ не въ инженерный департаментъ, а чрезъ жандармскаго штабъ-офицера въ III Отдѣленіе, которое и обязано было довести обо всемъ до свѣдѣнія государя. Государю это было очень непріятно, но, дѣлать было нечего, онъ приказалъ произвести слѣдствіе. У Дзичканца въ Петербургѣ было много друзей; они ему и дали тайкомъ знать о доносѣ и о предполагаемомъ слѣдствіи. Такъ какъ офицеры и подрядчики очень любили Дзичканца за его аккуратность и честность, то онъ, получивъ это извѣстіе, собралъ тѣхъ и другихъ,—и всѣ выданныя квитанціи были тотчасъ уничтожены, деньги возвращены и весь поставленный матеріалъ свезенъ съ дистанціи чуть ли не въ одну ночь. Slѣдствіе прибыло и ничего не нашло. Дзичканца совершенно оправдали, но то, чего желалъ Фельдманъ, достигнуто удалось: Дзичканецъ, какъ бывшій подъ слѣдствіемъ, не получилъ званія флигель-адъютанта, котораго ожидалъ. Кесслера же за фальшивый доносъ сослали на Кавказъ.

Фельдманъ былъ выпущенъ поручикомъ изъ главнаго инженернаго училища и посланъ на казенный счетъ за границу для объѣзда крѣпостей и усовершенствованія въ инженерной наукѣ. Онъ былъ вообще добрый старикъ, но мало сдѣлалъ пользы инже-

нерному корпусу. Уже въ чинѣ подполковника онъ былъ командиромъ ревельской инженерной команды. Когда великій князь Николай Павловичъ женился въ Берлинѣ, то молодая супруга его дала себѣ зарокъ употребить всѣ силы, чтобы вліяніемъ своимъ составить счастье первому русскому офицеру, котораго она встрѣтитъ, вступая на Русскую землю, и который заговоритъ съ нею при этомъ на ея родномъ нѣмецкомъ языкѣ. Великая княгиня Александра Ѳеодоровна изъ Пруссіи прибыла въ Россію на пароходѣ и вышла на берегъ въ Ревелѣ. Тутъ, въ числѣ прочихъ, встрѣтитъ ее и Фельдманъ, который заговорилъ съ нею на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ. Вотъ что было причиною того, что, по протекціи великой княгини, Фельдманъ сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ.

Когда, въ 1832 году, государь посѣтилъ Бобруйскъ, у меня были огромныя работы по засыпкѣ рѣки Бобруйки, провода канала со шлюзами около укрѣпленія «Фридрихъ-Вильгельмъ», по устройству эспланады и проч., а вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ и дежурнымъ по командѣ офицеромъ. У меня работали на дистанціи люди изъ двухъ дивизій. Два штабъ-офицера и нѣсколько офицеровъ дежурили съ людьми. Работали 2.000 плѣнныхъ турокъ, 2 арестантскія роты, около 3.000 вольнонаемныхъ мастеровыхъ и 800 подводъ, такъ что всѣхъ рабочихъ было около 11.000. Государь, осматривая работы по укрѣпленію «Фридрихъ-Вильгельмъ», много ходилъ и спускался по лѣстницамъ и валгангамъ. Старикъ Опперманъ усталъ, и ему сдѣлалось дурно. Его посадили на кресло, принесли кусокъ чернаго хлѣба съ солью, воды,—оправился старичекъ, и тутъ государь поздравилъ его съ титуломъ графа и далъ въ аренду на 50 лѣтъ огромное имѣніе въ 50-ти верстахъ около Бобруйска. А тому, у кого на дистанціи возвели Оппермана въ графское достоинство, по представленію любезнаго начальства, дали 125 рублей ассигнаціями въ награду. Вотъ какъ тогда награждали!

За нѣсколько времени до пріѣзда государя, когда люди къ обѣденному времени сходили съ работы, бѣжали четыре арестанта изъ числа работавшихъ у меня на дистанціи. Видно было, какъ они бѣжали по эспланадѣ берега къ Березинѣ, чтобы, вѣроятно, переплыть ее и укрыться въ лѣсу на противоположномъ берегу. Арестанты были въ сборѣ. Я тотчасъ же послалъ всѣхъ конвойныхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ въ погоню за бѣжавшими и приказалъ хоть стрѣлять по нимъ, но возвратить живыми или мертвыми. Только тогда замѣтилъ я, что остался одинъ съ двумя ротами арестантовъ, которые могли бы меня убить весьма легко и разбѣжаться. Изъ четырехъ бѣжавшихъ одного убили на мѣстѣ, трехъ другихъ ранили значительно, и черезъ часть времени всѣ возвратились назадъ. Признаюсь откровенно, я былъ крайне доволенъ, когда всѣ вернулись, хотя въ этомъ довольно непріятномъ положеніи не подавалъ ни малѣйшаго вида опасенія, а стоялъ смѣло и поддержи-

валъ охотниковъ крикомъ и знаками. Усердно перекрестился я, когда вся эта процедура кончилась.

Почти въ это же время былъ со мной другой случай. Устраивался новый деревянный заборъ на довольно большой пустынной площади противъ казенной кузницы. Наверху, на не очень высокихъ подмосткахъ, работалъ плотникъ-арестантъ и ставилъ обшивку около заборнаго столба криво. Я велѣлъ обшивку отодрать и показывать потомъ, какъ надо дѣлать. Спросилъ:

— Понялъ?

— Понялъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ мнѣ плотникъ.

Послѣ обѣда, обходя работу, подхожу къ этому же плотнику и вижу, что онъ опять такъ же криво прибиваетъ обшивку. Тутъ я уже выругалъ его порядкомъ, опять приказалъ отодрать обшивку и передѣлать. Возвращаясь уже подъ вечеръ назадъ, иду мимо работы, а плотникъ попрежнему криво прибиваетъ обшивку и прехладнокровно продолжаетъ свою работу, видя, что я подхожу. Здѣсь уже замѣтно было явное и намѣренное непослушаніе; меня это взбѣсило, и я приказалъ унтеръ-офицеру стащить его съ подмостковъ. Пока, однако, унтеръ-офицеръ успѣлъ подойти къ нему, онъ со всего размаха пустилъ въ меня топоромъ. Къ счастью, я замѣтилъ его движеніе, нагнулся и топоръ, зазвенѣвъ, впился въ заборъ. Если бы я не нагнулся, онъ на мѣстѣ убилъ бы меня. Голубчика схватили. Какъ разъ тутъ случился и плацъ-майоръ. На всѣ спросы арестантъ не отвѣчалъ ничего. Дѣло же сейчасъ рѣшили: какъ только люди собрались съ работы, его сію же минуту пропустили черезъ 2.000 человѣкъ сквозь строй. Удивляюсь, какъ онъ выдержалъ это наказаніе: никто такъ жестоко не наказываетъ, какъ арестанты своего брата. Вскорѣ его отправили въ каторжную работу въ рудники.

Въ томъ же 1832 году государь, пріѣхавъ къ намъ, смотрѣлъ арестантскія роты, остался чрезвычайно доволенъ всѣми распоряженіями плацъ-майора Пушкарева, произвелъ его на мѣстѣ въ подполковники и далъ ему Владиміра 4-й степени. Но, кажется, сверхъ того, и другое обстоятельство много повліяло на удовольствіе государя. Во время польской кампаніи въ окрестностяхъ Бобруйска было очень неспокойно. Поляки шайками пробирались до самаго Минска и были даже ближе къ Бобруйску, верстахъ въ 80-ти, грабили, жгли, и только страхъ сильной крѣпости Бобруйска, можетъ быть, удержалъ всю страну эту если не отъ возстанія, то, по крайней мѣрѣ, отъ тревожныхъ безпорядковъ. Поляки распространяли свои сѣти въ самую крѣпость Бобруйскъ; были агенты, которые имѣли сношенія съ повстанцами. Пушкаревъ не зѣвалъ: также разсылалъ разныхъ личностей въ окрестности и энергично дѣйствовалъ черезъ жидовъ, которые ему были очень преданы изъ-за выгодъ въ разныхъ поставкахъ для арестантскихъ ротъ и въ другихъ коммерче-

скихъ оборотахъ. Онъ положительно узналъ, что нѣкоторыя личности замѣшаны въ заговорѣ, и просилъ коменданта Берга, генерала Клеменса, но тѣ никакъ не рѣшались помогать ему. Пушкиревъ рѣшился, наконецъ, дѣйствовать самостоятельно, принимая всѣ послѣдствія на свою отвѣтственность. Онъ арестовалъ городничаго капитана Кобылинскаго, начальника уѣзднаго училища Кукеля и помѣщика Жабу, проживавшаго въ городѣ на форштадтѣ. Этого послѣдняго арестовали въ костелѣ, когда онъ лежалъ распростертый на полу и молился. Всѣхъ за преступныя сношенія съ поляками Пушкиревъ посадилъ въ казематы и прямо отъ себя донесъ въ Петербургъ. Для суда надъ ними ихъ увезли, но куда—неизвѣстно. Кобылинскаго спасла его сестра, вдова генерала Нагеля; его исключили изъ службы. Жабу сначала сослали въ Сибирь, какъ и многихъ другихъ, но потомъ онъ былъ солдатомъ. Изъ осмѣренныхъ тогда арестантовъ государь многихъ освободилъ, въ томъ числѣ и декабристовъ Норова и Дивова. Послѣдняго отправили на Кавказъ, Бодиско—въ Польшу. Бодиско посчастливилось выслужиться: онъ былъ произведенъ въ офицеры и получилъ Анну 3-й степени, потомъ вышелъ въ отставку и жилъ у себя въ имѣніи. Норовъ умеръ на Кавказѣ, а Дивовъ, кажется, былъ убитъ.

Въ 1833 году, государь, опять будучи въ Бобруйскѣ, очень интересовался моими обширными работами. Я устраивалъ эспланаду между крѣпостью и укрѣпленіемъ «Фридрихъ-Вильгельмъ», прорывалъ каналъ со шлюзами и проч. Онъ пріѣзжалъ на мою дистанцію очень часто, а иногда въ совершенно неурочное время. Такъ, государь разъ пріѣхалъ на мои работы около 9 часовъ вечера, вдвоемъ съ прусскимъ генераломъ Редереромъ. Я встрѣтилъ государя. Онъ спросилъ меня:

— Отчего люди работаютъ такъ поздно?

— Это, ваше величество, плѣнные турки,—отвѣтилъ я.—Они съ десятого часа утра уходятъ съ работы, просили, чтобы ихъ не заставляли работать въ жаръ, и приходятъ вновь на работу уже около пяти часовъ.

— А уроки вырабатываютъ?—спросилъ государь.

— Вырабатываютъ, ваше величество.

Государь подошелъ къ туркамъ. Они собрались около него большою толпою, въ нѣсколько рядовъ, и не могли надивиться, что государь и я въ одинаковой одеждѣ (мы оба были въ сюртукахъ), и насъ различаютъ только эполеты. Всѣ дотрогивались до моего сюртука и говорили: «Султанъ, султанъ» и «паша»,—пашой они называли меня. Изъ рядовъ вышелъ одинъ турокъ и, показывая на плечо, сказалъ порусски: «Султанъ, больно». Государь приказалъ обнажить плечо, оно оказалось красноватымъ; приказалъ открыть другое—оказалось здоровымъ. Государь показалъ турку, чтобы онъ положилъ мѣшокъ на здоровое плечо, и сказалъ ему: «гайда!» Турки всѣ разсмѣялись и долго-долго не умолкали.

Государь съ Редереромъ пошелъ на возвышенное мѣсто около укрѣпленія и началъ понѣмцки объяснять Редереру переправу французовъ черезъ Березину въ 1812 году. Государь сказалъ что-то смѣшное, и я рассмѣялся, хотя тихо; но государь оглянулся и сказалъ Редереру: «Ich habe ganz vergessen dass dieser Offizier besser deutsch spricht, als ich; das ist ihr wahrer Bruder»¹⁾. Съ тѣхъ поръ, гдѣ бы я ни повстрѣчалъ генерала Редерера, онъ тотчасъ протягивалъ мнѣ руку: «Ah, Herr Bruder!» и начиналъ говорить со мною понѣмцки. Въ этотъ прїездъ государь пожаловалъ Пушкиреву Анну на шею.

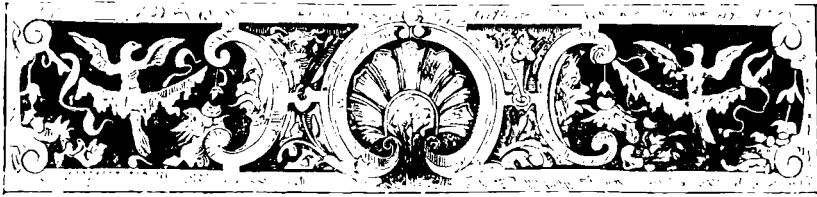
Въ томъ же году, лѣтомъ, нашъ добрѣйшій комендантъ К. К. Бергъ сильно заболѣлъ. Во время болѣзни онъ жилъ постоянно въ своемъ загородномъ домѣ на Минскомъ форштадтѣ. Онъ не перенесъ болѣзни и умеръ. Надо было видѣть общую печаль, которую выразили всѣ сословія города. Такъ какъ нѣмецкаго пастора въ Бобруйскѣ не было, а самъ старикъ и все его семейство совершенно обрусѣли и въ душѣ были русскіе, то, по общему желанію, рѣшено было похоронить его по русскому обряду. Священники служили панихиды, въ день похоронъ его вывезли съ дачи въ православную крѣпостную церковь, народъ выпрягъ лошадей изъ печальной колесницы, самъ впрягся и везъ колесницу до самой церкви на себѣ; огромное количество евреевъ, и даже изъ болѣе значительныхъ, впряглись и везли наравнѣ съ другими. Въ церкви поставили гробъ на приготовленный катафалкъ, отпѣли какъ слѣдуетъ и потомъ вновь съ полною почестью отвезли, также опять народомъ, на кладбище и похоронили.

Викторъ Жерве.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ «Я совсѣмъ забылъ, что этотъ офицеръ говоритъ понѣмцки лучше меня; это нашъ настоящій братъ».

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ ¹⁾.

V.

Встрѣча съ двумя школьными товарищами.—Командировка въ Брянскъ.—Начальникъ арсенала полковникъ Войнаховскій.—Пререканіе съ артиллерійскимъ департаментомъ.—Пріѣзды въ Брянскъ начальника штаба генераль-фельдцейхмейстера князи Долгорукова.—Объясненіе съ нимъ.—Мой успѣхъ.—Работы по устройству арсенала.—Предложеніе Мальцева.—Богачъ Бахтинъ.—Образъ его жизни.—Небольсинъ.—Бахтинская охота.—Крупное пожертвованіе Бахтина на устройство въ Орлѣ кадетскаго корпуса.—Царская награда ему и трехдневный пиръ, имъ устроенный по этому случаю.—Отъѣзды мой въ Бобруйскъ.

ВЪ 1834 ГОДУ я ѣздилъ изъ Бобруйска въ Петербургъ для покупки разныхъ инструментовъ, необходимыхъ для крѣпостныхъ работъ, и для принятія тѣхъ, которые были приготовлены инженернымъ департаментомъ. На обратномъ пути я проѣзжалъ черезъ г. Порховъ (Псковск. губ.). Пока мнѣ пріискивали здѣсь хорошую телѣгу и устраивали болѣе удобное сидѣнье, я вынужденъ былъ оставаться въ скверной гостиницѣ. Вышелъ я въ коридоръ и встрѣтился тамъ съ какимъ-то гусаромъ. Мы стали всматриваться другъ въ друга и оба обрадовались, такъ какъ въ гусарѣ я узналъ бывшаго своего товарища по Инженерному училищу Фелькерзама, который вышелъ оттуда еще юнкеромъ въ какой-то гвардейскій кавалерійскій полкъ. Какъ оказалось, онъ остановился въ Порховѣ по той же причинѣ, какъ и я. Онъ уже былъ полковникомъ, фли-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXII, стр. 732.

гель-адъютантомъ и ѣхалъ принимать какой-то гусарскій полкъ, командиромъ котораго былъ назначенъ. Мы тотчасъ рѣшили провести время вмѣстѣ, заказали себѣ лучшій обѣдъ, во время котораго выпили бутылку шампанскаго. Наши экипажи не могли быть готовы раньше слѣдующаго утра, а потому послѣ кофе, чтобы убить время, мы пошли съ нимъ играть на билліардѣ. Маркеръ что-то все время очень пристально присматривался ко мнѣ. Когда намъ уже надоѣло играть, и мы собирались пойти къ себѣ, маркеръ подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Sind Sie nicht Herr von Gervais ¹⁾?

— Ja.

— Erkennen Sie mich nicht?

— Nein.

— Ich bin Alopeus, Ihr früherer Schulcamerade aus der Kreis-Schule.

Тогда я, дѣйствительно, припомнилъ, что въ Выборгѣ со мною вмѣстѣ ходилъ въ школу сынъ виннаго погребщика, Алопеусъ. Отецъ его слылъ за весьма небѣднаго человѣка, потому я удивился его настоящему положенію. Оказалось, что разными неудачами, а главное, сильно придерживаясь рюмочки, онъ подвергся такой горькой участи. Я далъ ему денегъ, и мы отправились съ Фелькерзамомъ къ себѣ, разсуждая, какъ странно судьба иногда играетъ людьми. Надо же мнѣ въ маленькомъ городишкѣ, Порховѣ, встрѣтиться съ двумя школьными товарищами: одинъ—полковникъ, флигель-адъютантъ, полковой командиръ, другой—маркеръ въ дрянной гостиницѣ... Мы хотѣли еще угостить Алопеуса изъ жалости, но онъ уже былъ готовъ: пропилъ всѣ деньги, которыя я ему далъ, и не могъ прійти. На другое утро мы съ Фелькерзамомъ пустились въ путь, я—въ своей скромной телѣгѣ, а ему достали коляску напрокатъ. Съ Фелькерзамомъ мы никогда уже болѣе не встрѣчались, но, нѣсколько лѣтъ спустя, я узналъ, что онъ страшно кутилъ, чуть не прокутилъ полкъ, его лишили флигель-адъютантства, отдали подъ судъ и по суду разжаловали въ рядовые. Послѣ довольно долгаго времени онъ дослужился до полковника, былъ произведенъ въ генералы, а что потомъ съ нимъ было—не знаю.

Въ это же время (въ 1834 году) мнѣ дали командировку въ городъ Брянскъ для перестройки, послѣ пожара, брянскаго арсенала и постройки деревяннаго флигеля, военного полугоспиталя, а также отдѣлки всего вновь. Я пріѣхалъ туда и остановился въ гостиницѣ. Брянскъ — городъ не маленькій. Одна часть его лежитъ на горѣ, довольно высоко, другая — у самаго берега рѣки Десны.

¹⁾ «Не Жерве ли вы?» — Да. — «Не узнаете ли вы меня?» — Нѣтъ. — «Я Алопеусъ — вашъ школьный товарищъ изъ общей школы» (окружное училище, существовавшее въ Выборгѣ).

Эта часть довольно грязная; мостовую замѣняетъ рядъ сплоченныхъ брусевъ, довольно дурно содержимыхъ, и потому ѣзда по нимъ несносная, тряская и даже опасная: того и гляди, что лошадь попадетъ въ какую нибудь дыру и сломитъ себѣ ногу. Вся эта часть города была болотиста, и гдѣ не было этой бревенчатой мостовой, грязь чуть не по колѣно. Обстроены городъ очень порядочно, много каменныхъ домовъ, двѣ церкви. Рѣка Десна здѣсь довольно широка и глубока, судоходна, и по ней во все время навигаціи тянется очень много барокъ и плотовъ. Это значительно способствуетъ процвѣтанію торговли въ городѣ, около котораго очень много большихъ фабрикъ, какъ въ Жиздренскомъ, такъ и въ Карачевскомъ уѣздахъ. Изъ казенныхъ зданій въ городѣ былъ каменный арсеналъ со многими постройками для мастерскихъ и администраціи арсенала, при которомъ производилась отливка мѣдныхъ орудій и лафетовъ какъ для крѣпостной, такъ и для полевой артиллеріи, съ полною оковкой и окраской. Для этого необходимо было имѣть много разныхъ мастерскихъ, и казнѣ было выгодно, что въ сосѣдствѣ Брянска находились большіе дубовые казенные лѣса, которые доставляли готовый сырой матеріалъ. Полугоспиталь было небольшое деревянное строеніе съ разными пристройками, необходимыми для госпиталя. Ему-то не доставало одного флигеля, постройка котораго была мнѣ поручена. Въ городѣ ни клубовъ, ни собраній общественныхъ не было. Недалеко отъ Брянска, верстахъ въ трехъ, лежалъ огромный Свенскій монастырь. Близъ него осенью ежегодно бывала довольно значительная ярмарка, на которую съѣзжались многіе изъ богатыхъ окрестныхъ помѣщиковъ.

Начальникомъ арсенала былъ тогда артиллерія полковникъ Филиппъ Филипповичъ Войнаховскій, мужчина здоровый, высокаго роста, видный, весьма добрый и благородный. Войнаховскій принялъ меня очень вѣжливо, привѣтливо и пригласилъ къ себѣ обѣдать попросту, безъ затѣй. Онъ былъ женатъ на урожденной княжнѣ Салаго, имѣлъ троихъ дѣтей: двухъ сыновей и дочь,—всѣ малолѣтнія. Онъ былъ въ польской кампаніи и имѣлъ Станислава 2-й степени со звѣздой (впослѣдствіи звѣзда этой степени была отмѣнена и замѣнена короною надъ орденомъ). Помощникомъ у него былъ артиллерія подполковникъ Дебуаръ. Городничимъ—избраненный, исковерканный капитанъ Бруннеръ.

Когда я пришелъ къ обѣду къ Войнаховскому, онъ представилъ меня женѣ своей, очень скромной, хотя некрасивой, но во всѣхъ отношеніяхъ отличной женщиной. Войнаховскій передалъ мнѣ, что по исправленію арсенала есть два проекта: одинъ—губернскаго архитектора, другой—корпуса путей сообщенія майора Сентянина, находящагося членомъ строительной комиссіи въ Орлѣ. Сентянина я зналъ еще, когда былъ въ институтѣ корпуса путей сообщенія. У Войнаховскаго же я познакомился съ старшимъ докторомъ полу-

госпиталя Пронскимъ; онъ былъ женатъ, но бездѣтенъ. Войнаховскаго я просилъ о квартирѣ, онъ похлопоталъ, и городничій отвелъ мнѣ въ верхней части города отдѣльный деревянный домъ, довольно помѣстительный, бокъ о бокъ съ домомъ, въ которомъ жилъ исправникъ, отставной капитанъ Логатино, съ большимъ семействомъ. По переѣздѣ моемъ въ свою квартиру, Войнаховскій прислалъ мнѣ оба проекта перестройки арсенала. Я разсмотрѣлъ ихъ подробно, осмотрѣлъ также очень тщательно зданіе арсенала и, сообразивъ все, увидѣлъ, что оба проекта никуда не годятся, такъ какъ главныя основы будущей прочности зданія арсенала были упущены изъ виду, и не было возможности произвести по проектамъ работы, если брать на себя отвѣтственность за дальнѣйшую прочность зданія. Я составилъ новый проектъ, приложилъ нѣсколько чертежей, опровергъ прежніе проекты и ясно описалъ причины, побуждающія меня не соглашаться на производство работъ по нимъ. Подалъ рапортъ съ моимъ опроверженіемъ и новымъ мною составленнымъ проектомъ Войнаховскому, съ которымъ имѣлъ уже нѣсколько совѣщаній и который положительно соглашался съ моимъ мнѣніемъ. Я просилъ его представить мой рапортъ съ приложениями въ артиллерійскій департаментъ, а между тѣмъ отъ себя донесъ инженерному департаменту и представилъ ему мое опроверженіе прежнихъ проектовъ и свой новый проектъ. О томъ же я донесъ и въ Бобруйскъ. До полученія разрѣшенія изъ артиллерійскаго и инженернаго департаментовъ нельзя было приступать къ работѣ. Инженерный департаментъ вскорѣ прислалъ мнѣ предписаніе, что такъ какъ я посланъ въ Брянскъ для производства работъ, то уже мое дѣло производить ихъ по тому или другому проекту, но что вся отвѣтственность въ соответствующей цѣли и прочности производства работъ будетъ лежать непосредственно на мнѣ, другими словами: «дѣлай, братъ, какъ знаешь, а мы умываемъ руки». Мнѣ крайне досадно было, что инженерный департаментъ оставляетъ меня изолированнымъ vis-a-vis артиллерійскаго департамента и ничего не написалъ, одобряетъ ли мои дѣйствія или нѣтъ. Артиллерійскій же департаментъ написалъ мнѣ съ угрозою суда, чтобы я приступилъ тотчасъ къ работамъ, по сдѣланному уже до меня и высочайше утвержденному проекту. Я отвѣтилъ, что никакія угрозы не побудятъ меня произвести работы по этому проекту, такъ какъ я отвѣтственное лицо за прочность и за удобство для артиллерійскихъ работъ и потому не приступаю къ работамъ иначе, какъ по представленному мною проекту. Въ противномъ же случаѣ, прошу меня избавить отъ производства этой работы, и пусть просятъ выслать другого офицера, который, можетъ быть, и приметъ на себя отвѣтственность производить ихъ по прежнимъ проектамъ. Все-таки я считалъ долгомъ предупредить, что по этимъ проектамъ произведенныя работы не могутъ быть соот-

вѣтственны требованіямъ, не могутъ быть прочны и не удовлетворяютъ арсенальное начальство, а деньги будутъ брошены напрасно. На это я получаю изъ артиллерійскаго департамента бумагу, въ которой просятъ, чтобы хотя нѣсколько въ измѣненномъ видѣ, но примѣняя предположенія по моему проекту, я приступилъ къ работамъ. Опять я отвѣтилъ, что если бы не былъ совершенно убѣжденъ, что исполненіемъ желанія артиллерійскаго департамента я сдѣлаю неисправимое зло ему же, то мнѣ не было бы никакой надобности противиться его желанію, но что совѣсть и долгъ службы не могутъ не быть приняты въ соображеніе при каждомъ исполненіи своей обязанности. Артиллерійскій департаментъ замолчалъ.

Между тѣмъ, время производства работъ прошло. Наступила осень, за нею зима,—и тогда только Войнаховскому дано было знать, что начальникъ штаба генераль-фельдцейхмейстера, князь Долгоруковъ, прибудетъ самъ весною, чтобы осмотрѣть арсеналь. Кромѣ моей переписки по перестройкѣ арсенала, были еще кое-какія запутанныя дѣла бывшаго начальника арсенала Богомолова, которыя должны были рѣшиться на мѣстѣ.

Дѣйствительно, во второй половинѣ мая пріѣхалъ князь Долгоруковъ. При представленіи корпорации офицеровъ арсенала и я былъ представленъ ему. Онъ обратился ко мнѣ.

— А, это вы, который опровергаетъ проекты по перестройкѣ арсенала? Вы, г.г. молодые люди, прожектеры. Все лучшее хотите знать, чѣмъ старшіе.

— Напротивъ, ваше сіятельство,—отвѣтилъ я.—Если кто лучше знаетъ, такъ пусть укажетъ, я буду очень благодаренъ. А согласиться безусловно на неосновательно составленный проектъ и брать на себя отвѣтственность постройки доказало бы прямо, что я неучъ.

— Посмотримъ, посмотримъ. Я васъ попрошу быть здѣсь около часа; вы укажете мнѣ, что вы опровергаете и что предполагаете.

Я поклонился. Когда князь ушелъ, ко мнѣ подошли Дебуаръ, Соловьевъ и другіе офицеры и сказали:

— Зачѣмъ вы отвѣчали такъ князю? Это навѣрное произведетъ на него дурное впечатлѣніе.

— А мнѣ какое дѣло?—отвѣтилъ я.—Я говорю такъ, какъ есть, а если ему это не нравится, такъ онъ толку не знаетъ, и мнѣ совершенно все равно, какое бы его мнѣніе ни было.

Ушелъ домой, принесъ всѣ планы, смѣты какъ прежнихъ проектовъ, такъ и моихъ. Въ одной изъ уцѣлѣвшихъ комнатъ арсенальнаго зданія я поставилъ столъ, разложилъ планы и сталъ поджидать. Пришли князь, Войнаховскій и другія лица корпорации арсенала. Князь просилъ меня указать ему лишь главные пункты, чтобы онъ могъ обсудить дѣло, не входя въ спеціальные предметы техники постройки.

— Боковая стѣна арсенала,—началъ я,—имѣетъ сквозную тре-

щину съ фундамента до верху и вверху трещина въ $3\frac{1}{4}$ вершка. Эту трещину, по прежнимъ проектамъ, гг. составители ихъ предлагали задѣлать и удержать ее восемью толстыми желѣзными скобами. При задѣлкѣ скобы не въ состояніи удержать наружную продольную стѣну отъ отклоненія, такъ какъ тяжесть ея составляетъ, по исчисленію, болѣе 22-хъ тысячъ пудовъ. А легко можетъ быть, что при раздѣлкѣ она подается еще болѣе, особенно, если на некрѣпко связанной стѣнѣ придется ставить стропила и покрыть крышу желѣзомъ тяжестью до 11 тысячъ пудовъ.

— Да это само собою разумѣется,—сказалъ князь,—это пойметъ всякій, хотя бы и не архитекторъ.

— Такъ и я думалъ, ваше сіятельство,—сказалъ я.

— Да объ этомъ съ вами никто и спорить не будетъ.

— Какъ же, ваше сіятельство, когда на мое возраженіе мнѣ грозятъ судомъ и непремѣнно настаиваютъ, чтобы я приступилъ къ производству работъ по такому бессмысленному проекту.

— Въ этомъ вы совершенно правы, что не приступили къ работѣ. Но еще что?

— Подъемъ орудій изъ ямы, когда они отлиты, предположено производить посредствомъ вертящагося шпиля на чердакѣ зданія арсенала. Потолокъ арсенала не сводчатый, а бревенчатый; уставлятъ шпиль на балкѣ при подъемѣ въ особенности осадныхъ орудій, въ сѣнцахъ 220 — 240 пудовъ, чрезвычайно опасно. Укрѣпить балки нѣтъ другого способа, какъ шпренгелями, т.-е. по обоимъ концамъ подставками, упирающимися въ стѣны. При шпилевомъ наворачиваніи каната неудобство работы состоитъ въ томъ, что нужно перепрыгивать черезъ канатъ и необходимо большое количество рабочихъ рукъ; шпренгеля же стѣсняють помѣщеніе другихъ машинъ. Все это вмѣстѣ побудило меня совершенно отвергнуть этотъ способъ рутинный, тяжелый и опасный для строенія, потому что при движеніи людей около шпиля и огромной тяжести на вѣсу строеніе будетъ имѣть значительное сотрясеніе, имѣющее непремѣнное вліяніе на прочность всего зданія.

— Съ этимъ я совершенно согласенъ,—сказалъ князь.—Но, спрашивается, чѣмъ вы его замѣните?

— Очень простымъ механическимъ способомъ веревочнаго рычага, т. е. въ разныхъ мѣстахъ, между двумя вертикальными стѣнами—и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше—прикрѣпить большіе блоки, чрезъ которые толстый канатъ проходилъ бы свободно, переходя со стѣны на стѣну и раздробляя силу подъ извѣстнымъ угломъ. Концомъ каната 5—6 человекъ могутъ очень легко и совершенно безъ вреда строенію подымать какую угодно тяжесть, идя по средней капитальной продольной стѣнѣ.

— Да, это очень просто,—сказалъ князь.—И на это я совершенно согласенъ. А еще что?

— Остальное, ваше сіятельство, не особенной важности, но только доказываетъ, что гг. составители проектовъ о строительномъ искусствѣ имѣютъ весьма ограниченныя свѣдѣнія, а о практической technikѣ производства—никакихъ. Это я доказываю въ своемъ проектѣ ясно, и всякій technikъ, немного посвященный въ эту науку, оправдаетъ мои доводы. При томъ эти господа вообще дѣлали проекты, не вникнувъ въ дѣло, зная, что они работу производить не будутъ, а лишь бы сбыть съ рукъ данное имъ порученіе. Мнѣ же, какъ производителю работъ, лицу ответственному предъ правительствомъ и рискующему своею репутаціею,—нельзя было принять на себя такъ легко эту во всякомъ случаѣ довольно важную перестройку.

— Въ этомъ вы правы,—сказалъ князь.

— Но, ваше сіятельство, извините меня, я удивляюсь, какъ можно было представлять подобный проектъ на высочайшее утвержденіе. Хорошо, что государю императору не пришло въ голову разсмотрѣть подробности проектовъ: тогда навѣрное не дешево отдѣлались бы и тѣ, кто составили, и тѣ, кто представили ихъ.

— А вы гдѣ до этого назначенія находились на работахъ?—спросилъ меня князь.

— Въ Бобруйскѣ, ваше сіятельство.

— О, такъ и говорить нечего: вамъ и книги въ руки. Тамъ такая школа, что только у васъ и надо учиться. Приходите ко мнѣ на квартиру въ 3 часа, просто въ сюртукѣ, мы это дѣло сейчасъ покончимъ.

По уходѣ князя, всѣ опять обступили меня, поздравляли съ отличнымъ исходомъ дѣла и говорили: «Молодецъ! Не только провелъ отлично свое дѣло, но и дѣльно возразилъ князю». Я отвѣтилъ: «И, господа! Если я знаю свое дѣло, такъ меня никто не переувѣритъ».

Пришелъ я въ 3 часа къ князю. Приѣмъ былъ уже совсѣмъ другой. Онъ меня принялъ очень вѣжливо, взялъ за руку и говоритъ:

— Да, вы правы. И какъ ни предупреждали меня, какъ ни вооружали противъ васъ, я долженъ согласиться совершенно съ вашимъ предложеніемъ. Но остается еще рѣшить важный вопросъ: во сколько времени вы можете окончить работу?

— Мѣсяца въ четыре, ваше сіятельство, такъ что къ 1 октября, я полагаю, все будетъ готово.

Князь посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторою недовѣрчивостью, потому что въ прежнихъ проектахъ работы распределены были на два года, чтобы послѣ закладки трещины и скрѣпленія стѣны желѣзными скобами дать время устояться стѣнѣ.

— Какъ же это?—спросилъ меня князь. — Вѣдь въ проектахъ требовалось два года.

— Не нужно, ваше сіятельство. Если вы только развяжете мнѣ руки и если не будетъ остановки въ деньгахъ, то къ 1 октября, могу васъ увѣрить, все будетъ готово.

— Въ такомъ случаѣ, — обратился онъ къ Войнаховскому, — я вамъ дамъ предписаніе отпускать поручику Жерве сколько нужно денегъ въ размѣръ смѣты, представленной вами, — обратился онъ уже ко мнѣ. — И если вы дѣйствительно сдержите свое слово, то мы все будемъ вамъ благодарны, потому что арсеналъ намъ очень нуженъ.

Я откланялся и ушелъ. Такимъ образомъ это весьма щекотливое дѣло окончилось очень благополучно. Войнаховскій былъ чрезвычайно радъ, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ мнѣ сказалъ уже по отъѣздѣ князя Долгорукова, послѣдній былъ крайне вооруженъ противъ меня. Притомъ онъ полагалъ, что мои смѣлые отвѣты повредятъ мнѣ еще болѣе, и никакъ не ожидалъ такого благополучнаго исхода. Во главѣ съ бывшимъ начальникомъ арсенала, генераломъ Богомоловымъ, существовала партія антагонистовъ настоящаго его начальника, Войнаховскаго. Недоброжелатели эти, зная мои отличныя отношенія къ послѣднему, были вооружены и противъ меня. Они крайне непріязненно смотрѣли на мои опроверженія ими составленныхъ проектовъ и, какъ говорили, въ этомъ смыслѣ писали своимъ друзьямъ въ Петербургъ. Можетъ быть, это и подало поводъ первоначальному строгому отзыву артиллерійскаго департамента. Они радовались моей неудачѣ и крайне огорчились *carte blanche*, которую мнѣ далъ начальникъ штаба.

Приступилъ я къ работамъ, но встрѣтилъ крайнее затрудненіе въ наймѣ мастеровыхъ, каковыхъ вообще было немного въ Брянскѣ. И это малое количество имѣло крайнее недовѣріе къ арсеналу, такъ какъ прежній начальникъ рассчитывался съ вольнонаемными рабочими крайне туго, не держался сдѣланныхъ условій и обижалъ ихъ неполною уплатою денегъ. Мнѣ удалось, однако, вскорѣ убѣдить ихъ, что я рассчитываюсь скоро и вѣрно; одинъ передавалъ объ этомъ другому, и скоро недостатка въ рабочихъ не было. Я началъ каменную работу съ устройства фундаментовъ для контръ-форсовъ, предположенныхъ мною для удержанія отклоня стѣны; вмѣстѣ съ тѣмъ приготавливались и стропила для крыши.

Дабы убѣдить арсенальное начальство, что мой взглядъ на дѣло былъ вѣренъ, я пригласилъ формальнымъ образомъ начальника арсенала съ гг. офицерами, а также и генерала Богомолова, пожаловать на чердакъ зданія арсенала и въ присутствіи всѣхъ приглашенныхъ лицъ вымѣрилъ аккуратно на верху въ стѣнѣ образовавшуюся трещину. Къ 6 часамъ вечера того дня, къ которому предполагалъ я поставить на мѣсто 4 пары стропиль, вновь пригласилъ я тѣхъ же лицъ. При нихъ я измѣрилъ опять трещину, которая только отъ этой незначительной тяжести увеличилась на 2¹/₂ вершка; это показывало ясно, что наружная стѣна отклонилась настолько же, и что 8 предположенныхъ по прежнему проекту желѣзныхъ скобъ не могли бы удержать отклоненія стѣны, если бы даже утроить ихъ количество. Въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія, и поэтому

волею-неволею всѣ должны были согласиться съ фактическимъ доказательствомъ, что мое опроверженіе было совершенно рачіонально, справедливо и основано на точныхъ правилахъ строительнаго искусства. Для избѣжанія дальнѣйшаго отклоненія стѣны, я при всѣхъ присутствовавшихъ тотчасъ же велѣлъ снять стропила. Полковника Войнаховскаго я просилъ объ этомъ фактѣ донести въ Петербургъ, что онъ и исполнилъ съ большимъ удовольствіемъ.

Закипѣла моя работа снаружи и изнутри. Такъ какъ съ 4-хъ часовъ утра я постоянно присутствовалъ на работѣ, распоряжался увѣренно, указывалъ мастеровымъ съ знаніемъ дѣла, то и они, видя, что всѣ мои распоряженія всегда имѣютъ блистательные результаты, исполняли смѣло и слѣпо мои приказанія, и дѣло шло отлично. Уже мѣсяца черезъ полтора, когда виденъ сталъ ходъ работъ, Войнаховскій увѣрился въ возможности, что я сдержу слово и окончу работу къ назначенному мною сроку, въ чемъ онъ, какъ мнѣ самъ сказалъ впослѣдствіи, сначала усомнился. Войнаховскій, какъ вѣрный и некорыстолюбивый служака, крайне былъ недоволенъ тѣмъ, что на огромныя кузницы выходило громадное количество древеснаго угля, закупавшагося въ окрестностяхъ и доставлявшагося подрядчиками за довольно дорогую цѣну; при всемъ томъ уголь доставлялся не совсѣмъ доброкачественный. Не имѣя возможности останавливать работы, большею частью громадныя и срочныя, Войнаховскій часто мнѣ говорилъ объ этомъ, какъ о предметѣ, болѣе всего его тревожащемъ, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ зло и не имѣлъ никакихъ средствъ искоренить или, по крайней мѣрѣ, уменьшить его. Я предложилъ Войнаховскому устроить углеобжигательную печь, по всѣмъ правиламъ, тогда извѣстнымъ по этому предмету. Я выяснилъ ему огромную выгоду, которую эти печи приносятъ, въ сравненіи съ углеобжигательными ямами, въ которыхъ обжигается уголь для арсенальныхъ работъ гораздо худшаго качества. Онъ очень обрадовался моему предложенію и для начала дѣла обѣщалъ мнѣ тотчасъ доставить матеріалъ и людей, дабы построить такую печь при арсеналѣ, не очень большихъ размѣровъ; и если, по опыту, окажется дѣйствительно такая выгода, то онъ обѣщалъ по начальству испросить разрѣшеніе построить по имѣющемуся образцу нѣсколько большихъ углеобжигательныхъ печей въ казенныхъ окрестныхъ лѣсахъ и производить самому арсеналу обжиганіе угля. Матеріалъ—кирпичъ, известь и все прочее—былъ доставленъ. Средствами арсенала недѣли черезъ три углеобжигательная печь была построена, и результатъ перваго обжиганія превзошелъ всѣ ожиданія. Войнаховскій былъ въ восторгѣ. Въ кузницѣ, огромномъ, длинномъ одноэтажномъ строеніи, въ которомъ было 40 горновъ, мѣха приводились въ движеніе ручнымъ трудомъ, такъ что 80 человѣкъ были заняты ежедневно только приведеніемъ ихъ въ движеніе. Этотъ расходъ людей, кромѣ того, что стоилъ довольно дорого казнѣ содер-

жаніємъ постоянной команды въ 80 человѣкъ, по малочисленности вообще арсенальной команды, весьма часто парализировалъ дѣйствіе рабочей силы арсенала по крайне нужнымъ другимъ работамъ. Кузница была расположена недалеко отъ рѣки, но не совсѣмъ соотвѣтствовала требованіямъ моего проекта, предложеннаго мною начальнику арсенала. Однако это обстоятельство можно было устранить слѣдующимъ образомъ: я предложилъ Войнаховскому устроить на рѣкѣ большое маховое колесо, привести его водою въ движеніе, сообщить общее лямочное движеніе всѣмъ мѣхамъ и тѣмъ самымъ обойтись безъ людей, приводящихъ въ движеніе мѣха. Онъ очень охотно согласился. Было построено большое маховое колесо, и посредствомъ шестерни приводились въ движеніе двѣ продольныя оси, а отъ нихъ сообщалось движеніе каждому мѣху отдѣльно. Движеніе сдѣлалось ровное, болѣе сильное и, въ зависимости отъ желанія, можно было дать ему болѣе или менѣе быстрый ходъ или вовсе остановить. Результатъ былъ великолѣпный.

Затѣмъ, арсеналъ очень часто былъ въ крайнемъ затрудненіи получать мелкія чугуныя вещи, приборы, плиты и проч.; какъ не подлежащія общимъ размѣрамъ продающихся гуртомъ съ чугунолитейныхъ заводовъ, они всегда заказывались особо, по даннымъ размѣрамъ и лекаламъ. Эти особые заказы для арсенала, въ небольшомъ количествѣ, стоили крайне дорого. Я предложилъ Войнаховскому устроить свою чугуно-литейную сопку—вагранку, не болѣе какъ пудовъ на 50 чугуна. Литейщиковъ хорошихъ въ арсеналѣ было довольно, формовщиковъ также. И на это онъ вполне согласился. Я построилъ небольшую сопку внутри самаго зданія арсенала, такъ что, въ случаѣ нужды, она могла быть приспособлена и для отлитія мѣдныхъ мелкихъ вещей. Сопка построена была скоро, и я самъ уже былъ свидѣтелемъ отливки мелкихъ чугуновыхъ издѣлій. Войнаховскій видѣлъ, что всѣ мои предложенія и постройки даютъ желаемые результаты, расположеніе его ко мнѣ было неограниченно, и онъ на всякомъ шагу выказывалъ мнѣ это. Онъ предложилъ мнѣ похлопотать, если я на это согласенъ, чтобы мнѣ остаться совсѣмъ при арсеналѣ, такъ какъ всѣ мои дѣйствія и труды оказываются крайне полезными для арсенала. Но я отказался отъ этого предложенія, сказавъ Войнаховскому откровенно, что меня впереди ждутъ болѣе важныя работы, и мое положеніе, какъ бы ни было хорошо содержаніе, будетъ слишкомъ односторонне и не соотвѣтственно моему желанію усовершенствоваться въ строительномъ искусствѣ.

Почти въ то же время исправникъ также спросилъ меня, не приму ли я мѣсто секретаря у г. Мальцова на слѣдующихъ условіяхъ ¹⁾: вести его корреспонденцію на тѣхъ иностранныхъ языкахъ,

¹⁾ Мальцовъ—основатель и владѣлецъ знаменитыхъ хрустальныхъ заводовъ О немъ рѣчь впереди.

которые я знаю, и одинъ разъ въ годъ съѣздить въ Одессу и Константинополь для ревизіи его конторъ; онъ же мнѣ предлагаетъ за это отдѣльный домъ въ Людиновѣ ¹⁾ со всеѣми хозяйственными удобствами, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, экипажемъ, всеѣ необходимыя припасы для стола и 15 тысячъ рубл. ассигн. въ годъ содержанія. Казалось бы, что предложеніе очень выгодное, но тогдашній взглядъ, что все не военное не имѣетъ никакого значенія въ Россіи, и перспектива бросить службу коронную и служить партикулярному лицу, уже порядочному старику, отъ каприза и жизни котораго могла зависѣть вся моя будущность, — казались аргументами довольно сильными къ отказу отъ этого предложенія, что я и сдѣлалъ.

Между тѣмъ постройки по арсеналу и полугоспиталю шли быстро и всеѣми удовлетворительно при скудныхъ средствахъ, мнѣ предоставленныхъ. Какъ мною обѣщано было, всеѣ работы были окончены, и 1 октября арсеналь былъ освященъ. Ко дню освященія Войнаховскій пригласилъ архіерея и устроилъ большой обѣдъ, во время котораго въ спичѣ отдалъ полную справедливость блистательному окончанію предпринятыхъ мною работъ и порученій; дѣятельность и труды мои, сказалъ онъ, заслуживаютъ какъ особаго вниманія правительсва, такъ и искреннюю его благодарность, — и предложилъ тостъ за мое здоровье ²⁾.

Между тѣмъ исправникъ Логатино уже нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ и Дьякевичу ³⁾ познакомиться съ окрестными помѣщиками. Я долго отказывался, но наконецъ онъ меня уговорилъ. У отставного полковника Бахтина было какое-то празднество, и Логатино уже предупредилъ его, что пригласить насъ къ нему пріѣхать. Старикъ былъ очень доволенъ, и мы съ исправникомъ поѣхали къ нему. Бахтинъ былъ владѣлецъ колоссальнаго имѣнія. Въ томъ селѣ, гдѣ онъ жилъ, было 3.000 душъ, а всего у него было 7.000 душъ и 7 миллионъ денегъ. Домъ у него былъ дворецъ съ огромными залами съ хорами для музыки, нѣсколько гостиныхъ, огромная столовая, также съ хорами, и для пріѣзжихъ гостей въ домѣ и во флигелѣ до 60 комнатъ, меблированныхъ и убранныхъ съ полнымъ ком-

¹⁾ Село Людиново—центръ всеѣхъ заводовъ и фабрикъ Мальцова. В. Ж.

²⁾ Кромѣ высочайшей награды — одновременно 900 р.—начальникъ арсенала полковникъ Войнаховскій, въ знакъ особаго ко мнѣ расположенія и по просьбѣ всего наличнаго состава офицеровъ брянскаго арсенала, приказалъ отлить для меня два мѣдныхъ орудія: 6-ти-фунтовую пушку и 1/4 пудовый единорогъ, оба въ 1/6 часть натуральной величины. Пушка на лафетѣ изъ краснаго дерева съ полною ковкою и отдѣльнымъ заряднымъ ящикомъ, отличной работы, а единорогъ безъ лафета. Этотъ подарокъ Войнаховскій прислалъ мнѣ въ Любуевскъ уже послѣ моего отъѣзда изъ Брянска. Пушка до сихъ поръ хранится въ нашей семьѣ.

В. Ж.

³⁾ Саперный шт.-капитанъ Дьякевичъ прибылъ въ арсеналь для пріема вещей и жилъ вмѣстѣ съ дѣдомъ.

В. Ж.

фортомъ. У него была своя музыка въ 40 человѣкъ, капельмейстеръ. Его охота состояла изъ 100 человѣкъ верховыхъ егерей со всѣми возможными атрибутами, собаками всевозможныхъ породъ и въ огромномъ количествѣ. Оранжерея превосходная: широкая, большая, длиною съ полверсты, убранная зеркалами и разною садовою мебелью. Духовой садъ на версту, болѣе чѣмъ съ 2.000 фруктовыхъ деревьевъ всевозможныхъ породъ. Особый птичникъ для фазановъ, до коихъ старикъ былъ большой охотникъ, и часто потчевалъ гостей фазанымъ жаркимъ. Volallière, гдѣ собрано было огромное количество разныхъ птицъ, полугаевъ, какаду и пр. и пр.

Прибывъ къ Бахтину, исправникъ представилъ насъ хозяину, который принялъ насъ очень ласково. Старикъ былъ лѣтъ около 70-ти, высокаго роста, довольно бодрый, пріятной наружности, привѣтливъ,—баринъ въ формѣ, но не гордъ. Съ своими крестьянами жилъ онъ въ ладу, дѣлалъ имъ и окрестнымъ помѣщикамъ много добра, родню свою недолюбливалъ. Вотъ что, по слухамъ, я зналъ о его жизни. Бахтинъ въ молодости служилъ, кажется, въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку, влюбился въ одну весьма красивую, умную и добрую дѣвушку, которая его также полюбила и сдѣлалась его невѣстой, но по какому-то несчастному случаю незадолго до свадьбы умерла. Бахтинъ былъ неутѣшенъ, самъ сильно заболѣлъ, но, по молодости лѣтъ, вынесъ болѣзнь. Весь свѣтъ ему опостылѣлъ, онъ вышелъ полковникомъ въ отставку и уѣхалъ въ свои огромныя помѣстья. Сначала жилъ онъ очень тихо, потомъ познакомился съ сосѣдями, посѣщалъ ихъ рѣдко, но къ себѣ принималъ очень часто и постоянно всѣхъ весьма радушно. Однако онъ остался холостякомъ и даже въ преклонныхъ лѣтахъ всегда съ чувствомъ скорби вспоминалъ о постигшемъ его несчастіи. Недалеко отъ дома своего онъ построилъ большую церковь, со всею возможною для церкви роскошью, полагать надо, въ память усопшей своей невѣсты; но въ устройствѣ ея онъ не показалъ своей цѣли, а держалъ эту сокровенную мысль въ тайнѣ своего прекраснаго сердца.

Мы застали у него довольно большое общество, человѣкъ до сорока гостей. Въ столовой залѣ накрытъ былъ большой столъ, обѣдъ былъ роскошный. Музыка играла на хорахъ; за каждымъ гостемъ стоялъ лакей въ ливреѣ. Общество состояло и изъ нѣсколькихъ дамъ, но намъ онѣ не были извѣстны, да и разспрашивать было неловко. Разговоръ шелъ общій и подъ-конецъ обѣда довольно оживленный. Старикъ шепнулъ что-то на ухо буфетчику, и скоро принесли на серебряномъ подносѣ бутылку вина, всю заплѣсневѣвшую, видно, долголѣтнюю. Оказалось, что это было венгерское вино, еще покойнымъ отцомъ его приобрѣтенное и хранившееся въ его погребѣ. Исправникъ, которому, вѣроятно, не въ первый разъ была знакома эта процедура, разсказалъ намъ послѣ, что каждая такая бутылка, по процентному исчисленію ея существованія отъ времени покупки,

въ настоящее время стоила 110 рублей. Въ маленькія рюмки разлили вино, какъ масло густое, темно-коричневаго цвѣта, сладкое, чрезвычайно пріятнаго вкуса, но имѣвшее свойство всѣхъ старыхъ венгерскихъ винъ: голова остается совершенно свѣжею, а ноги не слушаются. Я никому не повѣрилъ бы, что это правда, если бы на себѣ не испыталъ: встать съ мѣста послѣ обѣда было невозможно. Всѣ смѣялись другъ надъ другомъ, и только спустя около четверти часа и съ нѣкоторымъ усиліемъ удалось намъ встать со стульевъ. Хоръ музыки перешелъ въ другую, танцевальную залу и такъ какъ старикъ любилъ, чтобы молодежь у него веселилась, то сначала, хотя съ большимъ трудомъ, начали вальсировать, а потомъ уже дѣло пошло нѣсколько лучше. Нѣсколько дамъ однако скоро уѣхали, и старикъ предложилъ намъ партію въ вистъ. Хотя исправникъ предупредилъ насъ, что въ домѣ Бахтина игра высокая, но мы никакъ не ожидали такого куша: по червонцу призъ. Опираясь на слова исправника, я взялъ съ собою, на всякій случай, всѣ деньги, сколько ихъ было, около 1500 рублей ассигн., но все-таки страшно было приступить къ такой игрѣ. Видя, что я не очень смѣло приступаю къ игрѣ, старикъ шепнулъ мнѣ: «Играйте смѣло. Я за все отвѣчаю, если бы вы проиграли болѣе, чѣмъ полагали». Я ему откровенно сказалъ, что у меня съ собою только 1500 рублей. «Играйте смѣло въ мою голову»: Сѣли, поиграли часа полтора, и я выигралъ 800 рублей. Я счелъ долгомъ подойти къ хозяину и предложить половину выигрыша, но онъ возразилъ: «Всѣмъ, что вы выиграли бы сверхъ 1500 рублей, я съ вами подѣлился бы, но теперь было бы несправедливо», — и не взялъ денегъ. Хозяинъ подошелъ къ большому столу, обитому зеленымъ сукномъ, и сказалъ: «Ну, теперь, господа, банчокъ. 100 тысячъ на столѣ, а за 300 тысячъ отвѣчаю». Я никогда не любилъ этой игры, никогда не имѣлъ терпѣнія высиживать понтеромъ, а потому отправился въ бібліотеку старика, одну изъ лучшихъ когда либо мною встрѣченныхъ у частного лица, и не замѣтилъ, какъ позвали закусить. Въ закуску принимали участіе кто хотѣлъ; многіе вовсе не закусывали, многіе продолжали карточную игру. Впослѣдствіи, когда мы нѣсколько болѣе познакомились съ Бахтинымъ, мы распорядились иначе: охотники до банка уходили играть въ свою игру, а мы составляли свой вистъ и играли сколько хотѣли.

Послѣ обѣда мы познакомились съ нѣкоторыми помѣщиками. Тутъ были три брата Небольсины, — всѣ довольно богатые помѣщики. Они уже нѣсколько лѣтъ сряду были избираемы дворянствомъ въ предводители, и по очереди одинъ братъ смѣнялъ другого; въ настоящее время предводителемъ былъ младшій, Константинъ. У каждаго изъ нихъ было по большому имѣнію и по богатой усадьбѣ, и всѣ три брата были холостые; два старшихъ уже въ порядочныхъ лѣтахъ, младшему было подлѣ сорокъ.

Гудима—помѣщикъ не очень богатый, женатый, съ премилымъ семействомъ, которое Бахтинъ очень любилъ.

Пошли мы, наконецъ, съ Дьякевичемъ въ отведенныя намъ комнаты спать. Насъ помѣстили въ самомъ домѣ: три комнаты, у каждаго своя спальня и общія пріемная и прихожая, человѣкъ для услугъ, постель, бѣлье, аксессуары туалета—все отличное. На другое утро, проснувшись не рано, мы позвонили, умылись, одѣлись и усѣлись пить чай и кофе; подавали что кто просить. Входить довольно молодой человѣкъ, весьма изящно одѣтый, въ бѣлыхъ перчаткахъ, раздвоенный, расфранченный. Мы оба привстали. Онъ попросилъ насъ не беспокоиться и на чистомъ французскомъ языкѣ предупредилъ насъ, что онъ у Бахтина... первый поваръ и распорядитель стола. Мы не мало удивились и при томъ не знали, что ему отъ насъ нужно. Тогда онъ объяснилъ намъ, что, по обычаямъ дома *de son excellence*, всѣмъ гостямъ, которые у него обѣдаютъ, кромѣ общаго стола, предоставляется право выбрать для своей собственной особы одно какое либо особо любимое блюдо, которое и будетъ подано за столомъ. Мы поблагодарили его, но ничего особаго для себя не заказали, потому что столъ Бахтина и безъ того былъ такъ изысканъ и тонокъ, что добавлять что либо было бы странно. Вскорѣ потомъ зашелъ къ намъ исправникъ и объявилъ, что по экстренному служебному дѣлу долженъ сейчасъ уѣхать, но чтобы мы остались безъ всякой церемоніи, такъ какъ онъ не сегодня-завтра заѣдетъ за нами. Хотя намъ казалось нѣсколько страннымъ пріѣхать въ первый разъ въ домъ, оставаться и распоряжаться, какъ у своихъ старыхъ знакомыхъ, но по всему этикету дома видно было, что это входитъ въ общепринятые обычаи; притомъ исправникъ прямо объявилъ, что чѣмъ дольше мы останемся у старика, тѣмъ болѣе онъ будетъ доволенъ: «значить, понравилось гостямъ». Мы разсмѣялись и сказали, что нечему удивляться, если такая жизнь нравится: поятъ, кормятъ, угощаютъ отлично и напропалую, да еще и деньги платятъ,—чего же лучше?

Въ обычаяхъ дома было принято гостей оставлять совершенно свободными до обѣда, который всегда подавался въ 4 часа. Закуску разносили по требованію гостей въ ихъ комнаты, или же всѣ спустились въ столовую, гдѣ также приготовлялась закуска и оставалась на столѣ до половины втораго часа. Мы высказали исправнику желаніе прокатиться и осмотрѣть хозяйственныя заведенія Бахтина. Тотъ сказалъ, что отличныя сани тройкою будутъ сейчасъ готовы, и онъ дастъ намъ чичороне, который все покажетъ намъ подробно. И дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ къ намъ зашелъ человѣкъ въ прекрасной ливрейной шубѣ и доложилъ намъ, что лошади готовы. Сани теплая, низъ, бока и полость—все медвѣдь и все битое домашнею охотою и дома же выдѣланное. Поѣхали мы прежде прокатиться. Насъ вихремъ несли. Въ корню шель знаме-

нитый кровный рослый рысакъ; пристяжки—прелесть. Вся тройка—караковые кони—какъ одинъ. Кучеръ—красавецъ съ черною, какъ смоль, окладистою бородою. Мы пролетѣли взадъ и впередъ верстъ двадцать и дѣйствительно въ полномъ удовольствіи. Отпуская лошадей, я приготовился дать кучеру два цѣлковыхъ, но онъ отвѣтилъ мнѣ: «Бариномъ крѣпко-на-крѣпко приказано никогда и ни въ какомъ случаѣ не брать отъ гостей ничего, и мы, любя барина, держимся его приказа строго. Мы сыты и довольны какъ нельзя болѣе, а огорчать барина ни за что никто не захочетъ». Нечего дѣлать, спрятали свои деньги и порадовался и за барина и за людей. Такъ какъ во время прогулки мы порядочно прозябли, то отложили осмотръ хозяйства до другого раза и, переодѣвшись у себя, спустились внизъ выпить водки. Здѣсь застали мы Гудиму, который убѣдительно просилъ насъ назавтра къ себѣ обѣдать, такъ какъ вся наличная компанія Бахтина и онъ самъ собирались къ нему на другой день по случаю какого-то семейнаго праздника. Провели и этотъ день у Бахтина. Вечеромъ я опять выигралъ рублей 150, а Дьякевичъ за оба вечера до 600 рублей.

Въ Брянскѣ проводили мы время, посѣщая маленькіе вечера у Дебуара, Пронскаго, обѣдывали иногда у Войнаховскаго, который также не прочь поиграть въ вистикъ; собиралъ и я иногда всѣхъ ихъ къ себѣ по вечерамъ. Дьякевичъ игралъ на флейтѣ, я принялся отъ скуки за скрипку, и мы кое-какъ разыгрывали дуэты. Въ числѣ офицеровъ, служившихъ при арсеналѣ, былъ очень милый капитанъ полевой артиллеріи Соловьевъ, человекъ лѣтъ 28-ми, красивый собою, женатый; жилъ довольно бѣдно, но прилично. Онъ часто навѣщалъ насъ для партіи, а, главное, нерѣдко забавлялъ насъ до слезъ анекдотами про малороссіянъ, которыхъ копировать и говорить ихъ языкомъ былъ неподражаемый мастеръ. Ѣздили мы, по возможности, къ Бахтину и къ другимъ помѣщикамъ. Между прочимъ, мы были приглашены однажды къ старшему брату Небольсину. Онъ жилъ довольно богатымъ помѣщикомъ съ двумя сестрами, уже старушками,—не знаю, вдовами ли или старыми дѣвами, никогда добиться не могъ,—но съ довольно хорошимъ тономъ. У нихъ прекрасная усадьба, отличный домъ, изысканный обѣдъ, вообще все очень прилично и соотвѣтственно состоянію. Мы провели у нихъ очень пріятно два дня.

По приглашенію младшаго Небольсина, мы поѣхали къ нему отъ старшаго брата. У него также хорошая усадьба и весьма приличный домъ, но все уже болѣе на холостую ногу, разгульно и не такъ этикетно, какъ у брата. Мы отлично пообѣдали. Послѣ обѣда хозяинъ вызванъ былъ изъ комнаты, и вотъ по какому случаю. Черезъ его усадьбу проѣзжалъ какой-то егерскій офицеръ съ молодого и недурненькою женою и маленькимъ ребенкомъ. Они страшно прозябли и попросили позволенія переночевать у него. Добрый Не-

больсинъ тотчасъ отвелъ имъ двѣ теплыя комнаты, накормилъ и напоилъ ихъ на славу. Онъ распорядился, чтобы имъ приготовили теплую кибитку, одарилъ ихъ теплою одеждою, подарилъ имъ кибитку и пару лошадей и на другое утро, напоивъ чаемъ, отпустилъ счастливую чету, не находившую словъ благодарить добраго старика. Мы объ этомъ узнали уже послѣ отъ исправника и, при первой встрѣчѣ съ Небольсинымъ, провозгласили тостъ за его здоровье и человѣколюбивый поступокъ. Бахтинъ, всегда готовый на доброе дѣло, просилъ исправника прослѣдить, куда отправилась эта чета, и вручилъ исправнику 200 рублей для передачи офицеру. Тогда же мы узнали, что добрый Небольсинъ далъ на дорогу уѣхавшимъ 50 рублей. Долго искалъ исправникъ слѣды путешественниковъ и только чрезъ мѣсяца полтора ему удалось узнать, что полкъ, въ которомъ служилъ этотъ офицеръ, стоялъ въ какомъ-то городкѣ Смоленской губерніи. Туда онъ отправилъ деньги отъ имени Бахтина и получилъ отъ полкового командира расписку въ полученіи ихъ.

Къ слову сказать, гг. орловскіе помѣщики и меня очень полюбили и всегда принимали чрезвычайно радушно и даже родственно.

Въ эту зиму (1833 г.), предъ новымъ годомъ у помѣщика Гудимы сгорѣлъ скотный дворъ. Бахтинъ попросилъ къ себѣ Гудиму съ его семействомъ и продержалъ ихъ у себя подъ разными предлогами около 3-хъ недѣль. Гудима очень хорошо понималъ, въ чемъ дѣло, но молчалъ, чтобы не лишать старика удовольствія сдѣлать ему сюрпризъ. Между тѣмъ Бахтинъ приказалъ построить Гудимѣ новый скотный дворъ, гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ прежній, и подъ желѣзною крышей; поставилъ туда полный комплектъ рогатаго скота и лошадей и, когда все было готово, отпустилъ гостей домой. Легко представить себѣ благодарность и удивленіе Гудимы, когда онъ возвратился къ себѣ.

Въ ту же зиму Бахтинъ пригласилъ къ себѣ на большую охоту многихъ окрестныхъ помѣщиковъ и насъ въ числѣ ихъ. Верховые съ сворами борзыхъ и другихъ собакъ стройно предшествовали пугу экипажей и очень порядочно играли на охотничьихъ рогахъ. Выѣхали мы на поле около 4-хъ верстъ въ квадратѣ. По данному знаку, загонщиками было выгнано на поле большое количество разныхъ сортовъ звѣрей: медвѣди, волки, лисицы, зайцы—все тутъ было. Пустили собакъ, и безъ выстрѣла все было затравлено собаками и окончательно добыто охотниками. Подъ конецъ охоты выгнали изъ лѣса пять лосей: самца, самку и трехъ дѣтенышей. Ихъ направили къ коляскѣ Бахтина, тотъ выстрѣлилъ, и задній лось палъ. Снова погнали лосей по тому же направленію и это повторяли, пока онъ не положилъ всѣхъ пятерыхъ на мѣстѣ. Бахтинъ остался очень доволенъ охотою и, признаюсь, врядъ ли можно было видѣть что либо болѣе грандіозное и даже сценическое,

тѣмъ эта охота. Шумъ двухъ тысячъ крестьянъ, которые уже нѣсколько дней передъ тѣмъ, окружая лѣса, съ крикомъ и трещетками выгоняли звѣрей на поляну, борьба на жизнь и смерть собакъ и звѣрей, визгъ, пискъ, ревъ раненныхъ и обороняющихся, гамъ отъ людскихъ голосовъ, сигналы рожковъ и пр.,—все это представляло собою такую картину, которую я видѣлъ въ первый и, вѣроятно, въ послѣдній разъ въ моей жизни. На полѣ была раскинута огромная палатка, гдѣ желающіе могли выпить и закусить; людямъ было также выкачено нѣсколько бочекъ вина и пива. Вообще, Бахтинъ всегда награждалъ очень щедро, и его охоты доставляли не только удовольствіе, но и пользу, освобождая страну отъ множества дикихъ звѣрей, дѣлавшихъ немало зла бѣднымъ крестьянамъ. Эта охота обошлась Бахтину, по самому умѣренному расчету, съ уплатою крестьянамъ по 1 руб. 50 коп. въ день наградныхъ, болѣе 8.000 рублей. Между тѣмъ весь результатъ охоты, всю добычу онъ раздѣлилъ всѣмъ помѣщикамъ и гостямъ, присутствовавшимъ на охотѣ, и оставилъ себѣ одного молодого лося на жаркое. Во время охоты случился весьма интересный эпизодъ. Въ числѣ звѣрей былъ выгнанъ огромный кабанъ, который уже сразу уничтожилъ нѣсколькихъ собакъ и задѣлъ клыкомъ медвѣдя. Кабанъ и медвѣдь сцѣпились въ борьбу. Странно было смотрѣть на силу остервенѣвшихъ звѣрей и ихъ лютое сраженіе, въ которое, несмотря ни на что, вмѣшивались собаки съ крайнимъ ожесточеніемъ, пока не легли оба звѣря.

Еще лѣтомъ 1833 года Бахтинъ возымѣлъ намѣреніе употребить часть своего огромнаго состоянія на какое либо значительное доброе дѣло. Ему пришло на мысль устроить на свой счетъ въ г. Орлѣ кадетскій корпусъ для воспитанія дѣтей орловскихъ и окрестныхъ губерній дворянъ. Бахтинъ представилъ свой проектъ по начальству государю, предлагая пожертвовать на этотъ предметъ полтора милліона денегъ и 1.500 душъ крестьянъ. Покойный государь Николай, какъ рыцарь, сочувствовалъ вполнѣ прекрасной мысли Бахтина, написалъ ему собственноручное письмо, въ которомъ благодарилъ его за жертву и увѣдомилъ его, что приказалъ принять приношеніе. Государь сдѣлалъ распоряженіе о назначеніи комитета для постройки, какъ его величеству угодно было назвать, «Бахтина орловскаго кадетскаго корпуса». Вмѣстѣ съ тѣмъ присланъ былъ ему орденъ Владиміра 3-й степени и высочайшій приказъ о томъ, что уволенный отъ службы полковникъ Бахтинъ принимается вновь на службу генералъ-майоромъ, съ зачисленіемъ по кавалеріи. Старикъ былъ въ восторгѣ отъ царской милости, написалъ государю благодарственный вѣрноподданическій отвѣтъ и положилъ 6-го декабря отпраздновать на славу тезоименитство государя императора.

Онъ пригласилъ къ обѣду болѣе 150 человекъ и просилъ всѣхъ

прибыть къ 12 часамъ дня для выслушанія обѣдни. Приглашенный Бахтинымъ изъ Орла архіерей со всѣмъ причтомъ въ его церкви отслужилъ молебеніе о долгоденствіи государя императора Николая I, съ колѣнопреклоненіемъ и многолѣтіемъ. Затѣмъ былъ накрытъ обѣденный столъ въ огромной оранжереѣ, стѣны которой были убраны зеркалами, зеленью и драпировками, экзотическими растеніями и гирляндами изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Противъ конца стола была прекрасно устроена ниша, въ видѣ грота, изъ разныхъ цвѣтныхъ камней, вся убранная густо живыми цвѣтами и громадными тропическими растеніями. Въ этой нишѣ стоялъ превосходно сдѣланный изъ бѣлаго каррарскаго мрамора бюстъ государя.

Морозъ былъ градусовъ въ 25—28, а мы сидѣли, какъ въ самый теплый лѣтній день въ прекрасномъ саду: благоуханіе цвѣтовъ, совершенно зрѣлые, во множествѣ висѣвшіе фрукты, тутъ и апельсины, и персики, и груши, и сливы разныхъ сортовъ выглядывали между вьющимся нпалерами виноградомъ, разноцвѣтные гроздья котораго тяжело висѣли съ перекладинъ, и пр. и пр. Два хора музыки играли попеременно въ обоихъ концахъ залы въ закрытыхъ зеленью бесѣдкахъ; одинъ оркестръ свой, другой былъ выпитъ изъ Орла. Орловскій губернаторъ князь Кочубей съ двумя сановниками и еще другія важныя лица изъ окрестностей Орла участвовали въ обѣдѣ, всѣ въ мундирахъ. Старикъ Бахтинъ также въ полной парадной генеральской формѣ, въ ботфортахъ, въ бѣлыхъ панталонахъ, съ саблею или палашемъ—не помню, былъ совершенно счастливъ. Всѣ принадлежности генеральской формы выслали ему друзья его, узнавшіе заранѣе о намѣреніи государя, изъ Петербурга, а мундиръ изъ Москвы.

Обѣдъ былъ донельзя роскошенъ, продолжался очень долго, не жалѣлось ничего, тосты за здоровье государя и царской фамиліи и гимнъ повторялись нѣсколько разъ, шампанское лилось рѣкой. Десертъ же послѣ сладкихъ *entremets* не подавался, а вся оранжерея предоставлялась въ распоряженіе гостей: всякій могъ брать сколько и какихъ ему угодно фруктовъ. Если бы оказалось недостаточно нижнихъ рядовъ фруктовъ, которые гости могли доставать сами, то къ услугамъ ихъ былъ садовникъ съ двѣнадцатью мальчиками въ весьма красивыхъ костюмахъ. Оранжерея была иллюминирована превосходно: до 60 люстръ и до 200 бра и разставленныхъ на пьедесталахъ канделябровъ освѣщали ее; отблескъ въ зеркалахъ и свѣтъ между зеленью придавали всему чисто волшебный видъ. Гулявшіе по оранжереѣ гости, напившись кофе и кюрасо и насытившись свѣжими фруктами, часа чрезъ полтора были приглашены въ большую залу, также убранную растеніями, зеленью и цвѣтами и освѣщенную *adjiorno*. Самъ старикъ Бахтинъ открылъ балъ польскимъ. Гости старались придать возможно больше оживленія вечеру, танцовали много и веселились до 2-хъ часовъ ночи, когда приглашены были къ великолѣп-

ному ужину. Часа за полтора до ужина сожженъ былъ очень хорошій фейерверкъ, выписанный изъ Орла; въ особенности хорошъ былъ щить съ вензелемъ государя. Послѣ ужина мы поблагодарили радушнаго хозяина тостомъ и покачали его отъ души по-русски. Старикъ весь день былъ весьма веселъ, но утомился. Хотя для гостей было приготовлено до 60 комнатъ, все-таки для всѣхъ не хватило мѣста ночевать; потому Бахтинъ просилъ ближайшихъ сосѣдей помѣщиковъ принять часть его гостей къ себѣ, съ тѣмъ, чтобы къ первому часу на другой день всѣ вернулись къ нему. По русской пословицѣ, онъ желалъ непремѣнно праздновать три дня. «Богъ любитъ Троицу», объявилъ старикъ громогласно.

Мы съ Дьякевичемъ поѣхали къ Гудимѣ и на другой день опять вернулись къ Бахтину. Обѣдали уже въ столовомъ залѣ, и такъ какъ нѣсколько лицъ изъ числа вчерашнихъ гостей не приѣхали, то старикъ былъ не совсѣмъ доволенъ.

Архіерей съ причтомъ и орловскій хоръ музыки также уѣхали. Какъ тогда говорили, онъ далъ архіерею 1.000 рублей за приѣздъ, причту 500 рублей и музыкантамъ 250 рублей, кромѣ всѣхъ путевыхъ издержекъ, которыя принялъ на себя. Въ этотъ вечеръ шла большая игра, но мы танцовали. Однако мы были свидѣтелями, какъ князь Кочубей поставилъ карту въ 50 тыс. на нѣ, и когда выигралъ, то Бахтинъ въ полномъ удовольствіи отсчиталъ князю 100 тыс. рублей. На третій день уже оставалось мало гостей, и мы съ Дьякевичемъ и исправникомъ уѣхали послѣ чая.

Вотъ какъ жили тогда русскіе помѣщики. Возвратится ли когданибудь это золотое время? Врядъ ли.

Я забылъ сказать, что въ день св. Николая Бахтинъ приказалъ устроить во всѣхъ своихъ деревняхъ праздничные столы съ полнымъ угощеніемъ, музыкой и танцами. Дня за два передъ тѣмъ прибыли къ нему пять паръ молодыхъ, которые желали вступить въ бракъ. Онъ приказалъ въ день св. Николая всѣмъ невѣстамъ выдать по двѣсти рублей.

Когда кончились мои работы въ Брянскѣ, я сдалъ все какъ по арсеналу, такъ и по полугоспиталю исправно и получилъ въ томъ отъ начальника арсенала полную квитанцію, а также благодарность за мои труды. Распростился я со всѣми въ арсеналѣ, обѣхалъ всѣхъ помѣщиковъ благодарить за ихъ гостепріимный и радушный приѣмъ и отправился черезъ Дмитріевъ въ Бобруйскъ.

VI.

Театръ въ Бобруйскѣ.—Вечеръ въ общественномъ саду.—Осмотръ императоромъ Николаемъ I работъ въ крѣпости.—Объясненіе съ государемъ.—Недовольство его при осмотрѣ госпиталя.—Мальцевскій заводъ.—Назначеніе меня помощникомъ командира Херсонскаго округа.—Фелькерзамъ и его безтактность.—Инспекторскіе смотры.—Увольненіе Фелькерзама и назначеніе на его мѣсто полковника Павловскаго.—Выходки лейтенанта Макарова.—Бахчисарайскій фонтанъ.—Приключеніе съ батареей.—Принятіе мною дистанціи.—Столкновеніе съ Павловскимъ.—Доносъ.—Осмотръ производимыхъ мною работъ генераломъ Зассомъ.—Моя болѣзнь.—Выходъ въ отставку.

По возвращеніи въ Бобруйскъ, я поселился въ своей прежней квартирѣ.

Кромѣ клубныхъ вечеровъ и баловъ, даваемыхъ взаимно, иногда по разнымъ случаямъ, зимою къ намъ пріѣзжала польская труппа Жураховскаго. Театръ устраивался на форштатѣ въ какомъ-то большомъ, холодномъ, жидовскомъ сараѣ, гдѣ дуло со всѣхъ сторонъ. Освѣщеніе театра производилось плохими лампами и салными свѣчами и никого не шокировало, если въ антрактѣ жидъ съ пейсами и въ длинномъ своемъ лапсердакѣ являлся на авансцену снимать со свѣчей. Декораціи, кромѣ старыхъ, привезенныхъ Жураховскимъ съ собою, покровительствомъ и пособіемъ Девеля ¹⁾, рисовались гарнизонными солдатами и арестантами. Костюмы соответствовали всему ансамблю. Ставили обыкновенно разныя легкія пьесы, водевили, танцы, но случалось, давали драмы, и какъ ни плохо сколачивались подобныя пьесы, часто старикъ Девель, сидѣвшій въ первомъ ряду, заливался слезами. Театръ почти всегда былъ полонъ, и несмотря на то, что мы жили на заводѣ, посѣщали его довольно часто, дабы поддержать предпріятіе и дѣлать удовольствіе старику Девелю. Пріѣзжали и другіе артисты, тирольскіе пѣвцы и т. п., но концерты, которые давались въ клубномъ залѣ, впрочемъ, съ весьма дурнымъ резонансомъ, были очень рѣдки.

Одну или двѣ зимы сряду у насъ устраивался любительскій театръ. Главнымъ затѣйщикомъ этого дѣла былъ саперъ, штабсъ-капитанъ Загоскинъ, а подручнымъ ему былъ г. Годениусъ. Онъ былъ прежде инженернымъ поручикомъ, а потомъ разжалованъ въ рядовые по слѣдующей причинѣ: устроивъ себѣ подорожную и всѣ нужныя бумаги, онъ выдавалъ себя за адъютанта графа Аракчеева, по высочайшему повелѣнію инспектировалъ внутренніе гарнизонные баталіоны и бралъ съ нихъ страшныя контрибуціи. Онъ хорошо игралъ на скрипкѣ, говорилъ на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ и отлично рисовалъ. Онъ-то и разрисовывалъ занавѣсы и кулисы, съ помощью данныхъ ему хорошихъ маляровъ рядовыхъ

¹⁾ Данилъ Оедоровичъ Девель — артиллерій генералъ-майоръ.

и изъ арестантовъ. Помню, какъ теперь, что въ этомъ театрѣ, устроенномъ въ клубномъ залѣ, давали очень недурно «Горе отъ ума». Помнится, что, кромѣ Загоскина и Годеніуса, участвовали также какой-то очень хорошенькій молодой офицеръ Бибииковъ, который игралъ весьма недурно роль Лизы.

Лѣтомъ у насъ всегда стояла дивизія для работъ и саперная бригада. Саперы, большею частью, были знакомы въ домахъ, а бѣдные молодые люди армейскихъ полковъ не имѣли никакого пристанища, гдѣ бы они могли проводить время въ обществѣ. Поэтому мы, инженеры, устроили въ крѣпостномъ общественномъ саду большую круглую бесѣдку съ хорошимъ поломъ, и все бобруйское общество стало собираться каждое воскресенье въ садъ, гдѣ играла музыка и подавался чай и холодныя закуски по подпискѣ. А дабы участіе въ этихъ вечерахъ было доступно и бѣднымъ армейскимъ офицерамъ, мы положили цѣну подписки для нихъ 5 рублей ассигнаціями на все лѣто; другіе же члены нашего общества платили больше, но предоставлялось каждому платить сколько угодно, семейнымъ—не менѣе 10 рублей за лѣто. Расходы, превышавшіе подписную сумму, корпорація корпусныхъ инженерныхъ офицеровъ покрывала своими средствами. Общимъ голосомъ офицеровъ распорядителемъ этихъ вечеровъ былъ избранъ я, а въ помощь мнѣ Горбенковъ ¹⁾. Вечера были весьма оживленные, и вскорѣ даже помѣщики близлежащихъ имѣній стали участвовать въ этихъ собраніяхъ. Иногда дождикъ дѣлалъ маленькую контрверсію. Тогда стоило только перебѣжать черезъ улицу, и клубная зала замѣняла бесѣдку, а между тѣмъ эти казусы веселили, а не печалили общество и вызывали много хохоту.

Лѣтомъ 1837 года государь посѣтилъ Бобруйскъ. Плацъ-майоромъ, вмѣсто Пушкирева, былъ давно уже назначенъ саперный подполковникъ Жукановъ, хорошій человекъ, любившій пожить довольно открыто. Государь остался очень доволенъ нашими работами. Кромѣ укрѣпленія «Фридрихъ-Вильгельмъ», я завѣдывалъ также и работами 6-го полигона, бараками, въ которыхъ располагались войска, кирпичнымъ заводомъ и постройкою офицерскаго флигеля. Обжиганіе кирпича было доведено у меня до возможнаго совершенства. Стѣны редюита рavelина я возводилъ машиннымъ кирпичемъ совершенно шарлаховаго цвѣта, а всѣ перемычки и украшенія сине-краснаго цвѣта. Государь остался такъ доволенъ этими работами, что своею рукою выбралъ три или четыре кирпича изъ стоявшихъ тутъ клѣтокъ и съ дистанціи послалъ ихъ съ фельдъегеремъ къ королю прусскому, чтобы показать, какого совершенства достигли въ выдѣлкѣ и цвѣтѣ кирпича. Здѣсь, на валу около редюита, государь спросилъ Кокорева, какъ онъ предполагаетъ устроить

¹⁾ М. Н. Горбенковъ—инженеръ.

спусковыя лѣстницы съ верху редюита. Кокоревъ высказалъ свою мысль. Государь постоялъ, подумалъ и сказалъ на это:

— Я не совсѣмъ согласенъ. Какъ ты думаешь, Жерве?

Я сдѣлалъ свое предложеніе.

— Да, вотъ это такъ: съ этимъ я согласенъ. Такъ и слѣдуетъ сдѣлать,—сказалъ государь, хотѣлъ меня поцѣловать, но нечаянно сбросилъ мою шляпу, которая покатила по валу внизъ. Онъ разсмѣялся, взялъ меня подъ руку и пошелъ со мною по работамъ.

По лѣвой сторонѣ крѣпости, противъ огромнаго болота, отдѣлявшаго ее отъ берега рѣки Березины, со стороны рогачевской дороги, предположено было построить трехъэтажную башню, оканчивавшуюся полукругомъ. Такъ какъ мѣстность была очень топкая, то необходимо было подъ фундаментъ вбить сваи. И вотъ Опперманъ, для сокращенія расхода на постройку этой башни, предположилъ набить сваи только подъ $\frac{2}{3}$ фундамента, а остальную часть просто забучить, въ томъ предположеніи, что она удержится тяжестью другихъ частей. Противъ этого возстали наши офицеры, но не могли убѣдить Оппермана. Дистанціонный офицеръ, однако, для оправданія своего, подалъ рапортъ по командѣ, что вслѣдствіе даннаго ему порученія онъ приступилъ къ производству работъ согласно полученному проекту, но что, по убѣжденію своему, онъ считаетъ невозможнымъ брать на себя отвѣтственность за прочность ихъ, о чемъ и считаетъ долгомъ донести, предоставляя волѣ командира дать ходъ этому рапорту или оставить его въ дѣлахъ команды. Рапортъ этотъ командиръ команды показалъ строителю, но дальнѣйшаго хода ему не дали. Забили сваи, положили фундаментъ и оставили его на два года, чтобы онъ получилъ надлежащій осадокъ. Послѣ двухъ лѣтъ приступили къ постройкѣ этой башни. Вывели нижній этажъ—ничего, фундаментъ выдержалъ; но какъ только стали выводить второй этажъ, вся башня сплошь дала огромное количество трещинъ во всевозможныхъ направленіяхъ. Далѣе производить постройку не было возможности, остановили работу и донесли въ Петербургъ, съ подробными планами и показаніемъ всѣхъ трещинъ. Вскорѣ прискакалъ Опперманъ, а вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и государь.

Пришли къ балнѣ, посмотрѣли,—работа отличная, но трещинъ бездна.

— Жаль, очень жаль работы, но дѣлать нечего,—сказалъ государь:—тутъ ужъ никто не виноватъ, кромѣ насъ съ тобой,—сказалъ онъ, обратясь къ Опперману.—Надо разобрать до основанія строеніе и фундаментъ и вновь построить на болѣе прочной свайной бойкѣ.

Тутъ же государь поручилъ мнѣ производство этой работы, предоставивъ мнѣ распорядиться, какъ самъ знаю, въ томъ же мѣстѣ и въ томъ же году. Разобравъ башню и фундаментъ ея, подъ всю башню я набилъ сваи чеснокомъ, т. е. одну подлѣ другой, а на

третій годъ кончилъ работу. Башня стоитъ и теперь безъ малѣйшаго поврежденія ¹⁾).

Отъ этой-то башни къ Глусскимъ воротамъ государю показалось выгоднымъ вывести кремальерами валь огромной высоты (до 14 сажень). По всѣмъ соображеніямъ я никакъ не могъ согласиться съ этимъ. Когда государь началъ мнѣ толковать, какъ онъ желаетъ, чтобы была произведена работа, я доложилъ ему, что на предполагаемая обширныя работы должны употребиться огромныя суммы, а между тѣмъ эта оборона будетъ совершенно бесполезна, въ виду топкого болота болѣе чѣмъ на версту. Государь приказалъ мнѣ принести на другое утро въ 7 часовъ планы и нанести карандашемъ его проектъ. На другой день я принесъ все, проработавъ почти всю ночь напролетъ. Снова разгорѣлся споръ. Государь опять приказалъ передѣлать проектъ и принести на слѣдующее утро. Это продолжалось четыре дня сряду. Споръ былъ жаркій: я отстаивалъ науку и свое мнѣніе. На четвертый день, во время спора, государь провелъ линію. Забывшись, я вырвалъ у него изъ рукъ карандашъ и сказалъ:

— Да это не такъ, ваше величество!—и остолбенѣлъ...

Государь сказалъ:—Ничего, ничего. Продолжай.

Я съ жаромъ сталъ продолжать свои доводы. Государь постоялъ, подумалъ. Потомъ, обратившись къ Опперману и другимъ присутствовавшимъ, которые, когда я вырвалъ карандашъ изъ рукъ государя, поблѣднѣли всѣ, какъ полотно, сказалъ:

— А что, вѣдь, нѣмецъ правъ. Надо дѣлать, какъ онъ говоритъ, и отложить проектъ навсегда.

Видя, что я все еще въ испугѣ стою, государь обратился ко мнѣ, поблагодарилъ меня очень благосклонно и, положивъ мнѣ руку на плечо, сказалъ смѣясь:

— Спасибо, научилъ. Смѣлъ, но правъ.

Такъ кончилось это дѣло, которое могло бы имѣть весьма дурныя послѣдствія.

Въ этотъ же промежутокъ времени государь назначилъ испытаніе вновь выстроенной на укрѣпленіи «Фридрихъ-Вильгельмъ» башни, оканчивающейся полукругомъ для обстрѣливанія берега рѣки Березины. Около 4-хъ часовъ государь прибылъ, спросилъ:

— Что, готово?

И вошелъ въ башню.

— Ваше величество, извольте выйти изъ башни, я тотчасъ же начну.

— Это что такое?—спросилъ государь.

— Да можетъ же случиться какое либо несчастье, — вывалится кирпичъ или что другое,—я буду отвѣчать передъ всею Россіей за вашу намъ всѣмъ слишкомъ драгоцѣнную жизнь.

¹⁾ Въ 1850-хъ годахъ.

— Ну, пустое: стрѣляй!

— Ваше величество, вы хотите сдѣлать меня несчастнымъ.

— Ну, а ты останешься?

— Я... я—песчинка, а вы—царь Россіи.

Усмѣхнулся государь, но вышелъ.

Я началъ пробу холостыми зарядами, потомъ залпомъ холостыхъ зарядовъ; затѣмъ—ядромъ, двумя ядрами послѣдовательно и, наконецъ, залпомъ двухъ ядеръ. Башня уцѣлѣла отлично. Государь вошелъ въ башню и былъ очень доволенъ, благодарилъ всѣхъ и меня особенно.

На послѣдній день государь назначилъ подробный осмотръ вновь выстроеннаго большого госпиталя на 1.000 человѣкъ. Наканунѣ этого дня я пошелъ осмотрѣть госпиталь и увидѣлъ, что, по распоряженію госпитальнаго начальства, новая мѣдная и оловянная посуда, блестящая и вычищенная, расположена въ верхнемъ этажѣ, а запасные тюфяки, халаты, одѣяла и бѣлье сложены въ подвальный этажѣ. Я тотчасъ же пошелъ къ смотрителю и къ главному доктору и сказалъ имъ, что это—противъ предписанныхъ правилъ, и что государь этимъ будетъ недоволенъ. На это они мнѣ отвѣтили, что пойдетъ ли государь въ подвальный этажъ или нѣтъ—это еще вопросъ, а блеснуть нашимъ богатствомъ слѣдуетъ.

— Ну, смотрите, — сказалъ я: — я умываю руки: предупредилъ васъ, а тамъ дѣлайте, какъ знаете.

Но изъ предосторожности я зашелъ и сказалъ о томъ же коменданту, строителю и плацъ-майору. Комендантъ хотя и послалъ за старшимъ докторомъ, но тотъ его успокоилъ, что это, молъ, Жерве хочетъ только себя показать.

Приѣхалъ государь—и прямо въ подвальный этажъ. Онъ увидѣлъ тамъ вышеупомянутыя вещи и спросилъ только:

— Нельзя ли было бы дать вещамъ, которыя подвергаются гніенію, лучшее мѣсто, чѣмъ подвальный этажъ, всегда болѣе сырой.

Но такъ какъ государь, вѣроятно, думалъ, что строеніе еще не совсѣмъ готово, и вещи эти хранятся только временно, то не настаивалъ болѣе. Затѣмъ осмотрѣлъ больныхъ, кое съ кѣмъ разговаривалъ. Ткнулъ въ одну дверь,—заперта: это, говорятъ, квартира ординатора.

Государь уже недовольнымъ тономъ сказалъ:

— Такъ что-жъ? Сегодня всѣ двери должны быть отперты.

Я иду впереди и веду государя, уже очень неспокойнаго; слышу его мнѣ слишкомъ знакомый голосъ, когда онъ недоволенъ. Поднялись въ средній этажъ, и когда, послѣ тюфяковъ въ подвалѣ, государь увидѣлъ посуду въ бель-этажѣ, то окончательно разсердился.

— Какъ?—сказалъ онъ.—Такъ вы намѣрены гноить рухлядь въ подвалѣ, а посуду держите вверху?—и началъ бранить смотрителя

и старшаго доктора, которыхъ немедленно приказалъ арестовать на гауптвахтѣ. Досталось и коменданту.

— Старая баба, которая только слушаетъ всякій вздоръ, а самъ о своемъ дѣлѣ понятія не имѣетъ.

Я иду ни живъ ни мертвъ впереди. Государь быстро вышелъ, спустился съ лѣстницы. У выхода я посторонился, отдавая честь, и чувствую, что стою блѣденъ, какъ полотно. Государь взглянулъ на меня. Онъ всегда былъ рыцарь благородства и справедливости и видѣлъ хорошо, какъ я былъ огорченъ и взволнованъ найденнымъ имъ безпорядкомъ. Онъ отошелъ нѣсколько шаговъ, остановился, обернулся лицомъ къ фасаду строенія, внимательно осмотрѣлъ его и потомъ сказалъ во всеуслышаніе:

— Строеніе прекрасное, выстроено отлично,—вольно же дуракамъ не умѣть пользоваться. Спасибо, инженеры!—сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ.

Можно легко себѣ представить нашъ всеобщій восторгъ. Государь, садясь на дрожки, взглянулъ на меня, кивнулъ. Я весь покраснѣлъ и низко ему поклонился. Теперь мы были уже увѣрены, что всѣ непріятности насъ не коснутся, такъ какъ государь совершенно отстранилъ насъ отъ всѣхъ притязаній и придирокъ, воздавъ, впрочемъ, справедливую похвалу за дѣйствительно отлично построенное громадное зданіе.

Для насъ, инженеровъ, вообще всякій пріѣздъ государя всегда былъ праздникомъ. Дѣло свое мы знали хорошо, вели его добросовѣстно, съ большимъ стараніемъ и усердіемъ. Если и случались иногда какія либо ошибки или промахи, мы никогда не скрывали ихъ отъ государя, а сами ихъ ему показывали, объясняя, отчего они произошли, и какъ думаемъ ихъ исправить. И всегда государь оставался доволенъ, всегда у насъ на работахъ былъ веселье, съ дистанціонными офицерами обходился совершенно благосклонно, изъясняя свое удовольствіе прямо на мѣстѣ, лаская, пѣлуя насъ. Очень часто, долго гуляя подъ-ручку съ дистанціоннымъ офицеромъ, онъ передавалъ ему запросто свои мысли и чрезвычайно радовался, когда его понимали, но не сердился, если высказывали и свое мнѣніе. Такое обхожденіе государя въ присутствіи массы народа и всѣхъ начальствующихъ лицъ было триумфомъ для каждого изъ насъ и было такъ поразительно, что Иванъ Никитичъ Скобелевъ, разъ послѣ подобной милости государя заѣхавшій ко мнѣ утромъ, смѣясь даже спросилъ меня, не сродни ли я государю.

Однажды утромъ государь вошелъ во вновь отстроенную сортію въ 7-мъ полигонѣ. У насъ выводили обыкновенно боковыя стѣны сортіи до извѣстной высоты, а потомъ по наклону сортіи притесывали кирпичъ, такъ что стѣны сортіи составляли во всю свою толщину и длину ровныя наклонныя плоскости. Этотъ способъ постройки мнѣ показался недостаточно прочнымъ, вслѣдствіе огром-

наго груза, который долженъ лежать на кирпичахъ, и вслѣдствіе того, что такая двойная притеска кирпича для стѣнъ и сводовъ непремѣнно должна повліять на выкрашиваніе кирпича. Поэтому я упросилъ полковника Кокорева позволить мнѣ построить сортію безъ притески кирпича, а прямо со стѣнъ по палубѣ выводить и своды. Сначала онъ не хотѣлъ согласиться, тѣмъ болѣе, что и каменныхъ дѣлъ мастеръ Мерке, довольно хорошо знавшій каменную кладку, сомнѣвался въ успѣхѣ; но я убѣдилъ ихъ, объявивъ, что если работа не удастся, то я разберу сводъ и сложу его по прежнимъ правиламъ на свой счетъ. На дѣлѣ оказалось, что работа вышла не только хорошая, но и красивая, потому что швы кирпичей шли, концентрируясь вверхъ, къ замку свода. Государь, увидя эту работу, попросилъ меня объяснить, какъ я производилъ ее, и остался очень доволенъ. Какъ знатокъ дѣла, сообразивъ легко по моему объясненію, что такая работа несравненно прочнѣе, государь приказалъ принять этотъ способъ къ руководству при всѣхъ вообще вновь возводимыхъ сортіяхъ.

Когда я былъ дежурнымъ по командѣ офицеромъ, государь пріѣхалъ однажды раннею весной, въ первыхъ числахъ мая. Войска только что выступили въ лагерь, и отремонтировать казармы не было никакой возможности. Наше инженерное начальство было въ страшныхъ хлопотахъ, не желая показать государю казармы въ безпорядкѣ. Одну большую казарму, въ которой помѣщались два батальона, нечего было и думать отремонтировать въ такой короткій срокъ, всѣ же другія казармы отремонтировали, по возможности, довольно хорошо. Начальство наше очень тревожилось, но я успокоивалъ всѣхъ, увѣряя, что все будетъ хорошо. По всей анфиладѣ казармъ я приказалъ окрасить двери и стѣны около нихъ и начисто вымыть полы по проходу. Государь подъѣхалъ къ казармѣ, отворилъ двери и увидѣлъ всю анфиладу. Но когда онъ пожелалъ войти, я сказалъ ему:

— Ваше величество, не извольте входить.

— Это отчего?

Я какъ будто замаялся отвѣтомъ.

— Ну, что? говори.

— Въ казармѣ блохъ видимо-невидимо. Люди недавно вышли, и вся казарма кишитъ блохами.

Государь отшатнулся, повернулъ назадъ, но, конечно, догадался, что это была лишь уловка, чтобы не впустить его въ казарму. Онъ усмѣхнулся, погрозилъ мнѣ смѣясь пальцемъ и ушелъ, будучи совершенно убѣжденъ, что казарма будетъ исправна въ свое время. Само собою разумѣется, двѣ-три комнаты отъ входа были отремонтированы. Конечно, всѣ остались довольны такимъ исходомъ дѣла.

Въ бытность мою въ Брянскѣ я поѣхалъ однажды съ женою осматривать Мальцевскіе заводы и фабрики, о которыхъ мы такъ

много слышали. Мальцевъ въ это время купилъ огромные лѣса въ Жиздренскомъ и Карачевскомъ уѣздахъ. Тогда много шуму надѣлало то, что за эти лѣса онъ внесъ въ орловское губернское правленіе миллионъ рублей чистыми деньгами, а не банковыми билетами,—какъ говорили тогда, первый примѣръ подобной раслаты. Мы пріѣхали въ Людиново, центръ всѣхъ заводовъ и фабрикъ Мальцева, огромное село, гдѣ, несмотря на тогда еще существовавшее крѣпостное право, всѣ крестьяне были фабричные мастеровые. На фабрикахъ каждая вещь и каждый трудъ были оцѣнены денежною стоимостью, и фабричные, еженедѣльно получая свою заработную плату, ни о чемъ не заботились, такъ какъ казенныя повинности, оброки и проч. помѣщикъ отбывалъ самъ. Во всемъ селѣ не было ни одного кабака, и достать рюмку водки даже проѣзжему не было никакой возможности. За то въ селѣ помѣщикомъ содержались лавки, въ которыхъ можно было получать все необходимое въ крестьянскомъ быту, въ весьма большомъ количествѣ и по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Сахаръ, чай, одежда, предметы хозяйства и пр.—все въ изобиліи и гораздо дешевле, чѣмъ въ окрестныхъ городахъ и деревняхъ. Если у фабричнаго не случалось денегъ, то онъ могъ брать товаръ подъ росписку и въ субботу расплатиться. Вообще порядокъ въ селѣ былъ строгій и стройный. Фабричные всѣ казались здоровыми и веселыми.

Остановиться въ Людиновѣ можно было только у управляющаго. Это былъ довольно высокій, плотный мужчина, изъ вольноотпущенныхъ же крестьянъ Мальцева, теперь второй гильдіи купецъ. Онъ пригласилъ насъ къ себѣ, и я попросилъ его провести меня къ помѣщику, который въ то время случайно находился въ селѣ. Управляющій проводилъ меня, доложилъ. Мальцевъ меня принялъ. Сѣдой старикъ, лѣтъ около 60-ти, средняго роста, не очень худой, но и не плотный, онъ обращалъ на себя вниманіе умнымъ лицомъ и чрезвычайно проницательными глазами. Я раскланялся и объяснилъ ему, что прибылъ только для осмотра его фабрикъ и заводовъ, чѣмъ онъ казался очень доволенъ. Онъ обѣщалъ распорядиться, чтобы все мнѣ было показано во всѣхъ подробностяхъ, и началъ разговоръ о томъ, о семъ. Видно было, что онъ желалъ вывѣдать, знаю ли я толкъ въ томъ, что желаю видѣть, и не есть ли это лишь пустое любопытство съ моей стороны; впрочемъ, мною и моимъ разговоромъ онъ остался, кажется, весьма доволенъ.

Пошли мы осматривать прежде всего стеклянную фабрику, на которой въ сырцѣ приготавливали разную стеклянную посуду, тогда для насъ зрѣлище довольно любопытное, такъ какъ мы передъ тѣмъ ничего подобнаго не видали. Печь, или горнъ, въ которомъ топилась расплавленная масса стекла, имѣла въ діаметрѣ, по крайней мѣрѣ, около 20 сажень и 40 устьевъ. При каждомъ устьѣ два или три работника, съ длинными и короткими желѣзными труб-

ками, запускали концы ихъ въ жидкую массу стекла и выдували изъ нея разныя вещи; формы ихъ усовершенствовали и сглаживали потомъ кусочкомъ дерева на вертящемся деревянномъ же кругу. Впрочемъ, процессъ производства этихъ работъ слишкомъ извѣстенъ, но здѣсь замѣчательнѣ громадностью ихъ. Такъ какъ плата за работу производилась поштучно, то усердіе, ловкость и проворство мастеровыхъ были изумительны. Нѣкоторые мастера, напримѣръ, дѣлали въ рабочій срокъ времени до 40 штукъ мелкихъ вещей и, получая за каждую вещь не менѣе 3-хъ коп., зарабатывали 1 рубль 20 коп. въ день, не зная никакихъ заботъ объ уплатѣ какихъ бы то ни было повинностей,—огромный заработокъ.

Потомъ мы зашли въ гранильню и шлифовальню хрусталя. Для производства хрустальныхъ вещей имѣлся особый горнъ, гораздо меньшихъ размѣровъ, съ матеріаломъ несравненно болѣе дорогимъ, чѣмъ употребляемый для выдѣлки обыкновеннаго стекла. Въ составъ для хрусталя входило довольно большое количество мышьяку, берлинской синьки и проч., весьма недешевыхъ веществъ. Около этихъ горновъ работали и мастеровые болѣе знающіе, которые получали возвышенную плату. Бракъ ихъ издѣлій былъ строгій, малѣйшая неправильность, кривизна или отклоненіе отъ линіи образца, а также пузырьки внутри вещи, были причиною брака. Поэтому производство работъ здѣсь шло медленнѣе и съ большею тщательностью. Гранировка производилась посредствомъ круглыхъ тонкихъ пластовъ крѣпкаго песчаника, родъ мягкаго камня, который, какъ говорили, получался изъ Австріи; онъ былъ, однако, настолько твердъ, что треніемъ стачивалъ стекло. Эти круглые камни, имѣя въ центрѣ отверстіе, приводились въ движеніе большимъ маховымъ колесомъ, помѣщавшимся внѣ зданія гранильни. Это колесо приходило въ сильное движеніе посредствомъ воды, съ большою силой падавшей на приемы колеса. Посредствомъ же кожаныхъ лямокъ это движеніе сообщалось станкамъ, которыхъ въ гранильнѣ было до 20. Предназначенный къ шлифованію предметъ имѣлъ на себѣ рисунокъ, наведенный самымъ легкимъ натертымъ шлифовальнымъ камнемъ или особымъ рѣзцомъ. Для производства рисунковъ на хрустальныхъ вещахъ были опять особые мастера, съ порядочными познаніями въ рисовальномъ искусствѣ, чтобы наносить рисунокъ правильно и аккуратно, а также съ нѣкоторымъ вкусомъ, дабы рисунокъ вышелъ не аляповатый и имѣлъ изящный видъ. Этимъ мастерамъ платили хорошо и по степенямъ знанія дѣла. Гранильщикъ, получивъ такую хрустальную вещь съ готовымъ рисункомъ, по изображеннымъ на вещи линіямъ подставлялъ ее къ каменному вертикальному колесу, которое, вращаясь, вытирало стекло до желаемой глубины. Гранильщикамъ платилось поштучно, смотря по величинѣ вещи, по большей или меньшей сложности самаго рисунка, а также и по времени, въ которое ра-

бота должна быть непременно окончена, такъ какъ часто случались срочные заказы. Гранильщикамъ платили иногда по 40 и 60 рублей за большія вещи, и трудились они иногда надъ ними болѣе мѣсяца. Когда мы были въ гранильнѣ, то почти всѣ станки были заняты граненіемъ большихъ стеклянныхъ балясинъ для ограды клироса церкви всѣхъ учебныхъ заведешій, что въ Смольномъ монастырѣ, въ Петербургѣ.

Потомъ мы вошли въ живописную. Тамъ сидѣло человѣкъ шесть живописцевъ, которые красками разрисовывали разныя изящныя вещи и золотили края. Эти вещи потомъ должны были быть опять пропущены черезъ огонь. Кромѣ искусства рисовать, мастера должны были также знать и тѣ химическія измѣненія, которымъ краски подвергаются въ огнѣ, мѣняя въ то же время свой цвѣтъ. Въ слѣдующемъ отдѣленіи по чугуннымъ формамъ выливались хрустальныя вещи. Въ форму, состоявшую изъ двухъ половинокъ, въ родѣ вафельной доски, вливается жидкій хрусталь. Форма складывается, сдавливается прессомъ, кладется на короткое время въ огонь для сращиванія и, когда остынетъ, то раскрывается, и готовая вещь вынимается. Этотъ способъ получать готовые граненыя вещи очень простъ, но самыя вещи далеко не такъ красивы, какъ изъ литаго хрустала, и мало прочны вслѣдствіе вторичнаго поступленія въ огонь.

Когда мы возвратились домой, для насъ былъ приготовленъ обѣдъ. Пришедшаго къ намъ хозяина съ управляющимъ я спросилъ, почему у нихъ, при производствѣ такой массы изящныхъ вещей, не дѣлаются въ хрусталь влитые портреты, виньетки и пр. Мальцевъ сказалъ мнѣ, что на заводѣ его пробовали, но что это производство, не будучи имъ извѣстнымъ, не удавалось, вещи всегда трескались. Я случайно имѣлъ съ собою сдѣланный въ Вѣнѣ стаканъ, въ днѣ котораго была очень хорошо вставленная виньетка Наполеона I. Я вынулъ стаканъ изъ чемодана, показалъ его хозяину. Стаканъ ему очень понравился, и я предложилъ его Мальцеву, съ правомъ разбить его, если этимъ можетъ открыться секретъ его издѣлія. Старикъ очень благодарилъ меня.

Послѣ обѣда мы пошли осматривать сахарный заводъ. Выдѣлка сахара самая обыкновенная, и я нашелъ рафинировку его весьма посредственною. Управляющій мнѣ объяснилъ потомъ, что сахаръ у нихъ выдѣлывается преимущественно для фабричныхъ и для крестьянъ села Мальцева и при непремѣнномъ условіи возможно большей дешевизны его, поэтому на рафинировку не обращается слишкомъ много вниманія. Распродажа же въ постороннія руки очень незначительна и также только для болѣе бѣднаго класса людей. Есть у Мальцева еще бутылочный стеклянный заводъ—первый, имъ устроенный; но такъ какъ онъ въ 8-ми верстахъ отъ Людинова и не могъ представлять собою ничего замѣчательнаго,

то мы и не поѣхали осматривать его, такъ же какъ и заводъ оконныхъ стеколъ.

Мальцевъ, какъ мнѣ говорили, по выходѣ изъ военной службы въ отставку съ чиномъ премьеръ-майора, получилъ въ наслѣдство отъ отца очень небольшое имѣніе въ 50 душъ. Страна, чрезвычайно богатая лѣсами (Орловская губернія) и почти безъ всякой промышленности, давала много шансовъ къ большимъ выгодамъ. Мальцевъ тогда-то и затѣялъ у себя въ маленькомъ имѣніицѣ бутылочный заводъ, потребовавшій на устройство и производство его весьма маленькій капиталъ. Сбытъ былъ отличный. Къ бутылочному заводу Мальцевъ присоединилъ заводъ оконныхъ стеколъ, а затѣмъ уже пошло устройство другихъ фабрикъ и покупка различныхъ имѣній.

Въ тотъ же день мы осмотрѣли довольно большую ткацкую фабрику, гдѣ болѣе всего ткались салфетки и огромныя скатерти. Вечеромъ я поѣхалъ съ приказчицею на чугунно-литейный заводъ, верстахъ въ 4-хъ отъ Людинова. Домна огромная: въ ней помещалось 300 пудовъ чугуна, плавился онъ углемъ. Раздувательные мѣха, или, вѣрнѣе, 6 чугунныхъ цилиндровъ съ поршнями большого размѣра, приводящіеся въ движеніе также посредствомъ воды, раздували огонь. Ночью, когда всѣ формы и опоки для принятія сплавленнаго чугуна были готовы, отливка началась въ моемъ присутствіи. Люди дѣйствовали привычно и отливали на этотъ разъ болѣе мелкія вещи. Струя лилась ровно, и вещи вышли довольно удачно. При этомъ заводѣ отличная и богатая желѣзная руда, но заводъ не отказывался и отъ покупки стараго чугуна и желѣза. Осмотрѣли мы также и желѣзо-ковательный заводъ. Въ немъ молотъ небольшой, пудовъ въ 50, не болѣе. По порученію артиллерійскаго департамента, заводъ былъ занятъ тогда изготовленіемъ винтовъ для подъема и опусканія казенной части крѣпостныхъ орудій большого калибра. Мы видѣли, какъ изъ толстаго круглаго желѣза вытачивался винтъ на станкѣ, который приводился въ движеніе также посредствомъ водяного махового колеса. Токарный станокъ, на которомъ точился винтъ, разбрасывалъ стружки желѣза точно такъ, какъ бы при точеніи дерева. Здѣсь же вблизи расположена была и гвоздильная фабрика. Хотя нѣкоторыя машины для обрѣзки граненаго по толщинѣ гвоздей желѣза приводились въ движеніе посредствомъ водяного махового колеса, все-таки большая часть работъ производилась ручнымъ способомъ, какъ-то: шляпки, завастриваніе концовъ гвоздей, и проч.

Осмотрѣвъ всѣ фабрики и заводы, предъ выѣздомъ изъ Людинова, я пошелъ опять къ Мальцеву, чтобы поблагодарить его за любезный пріемъ. Пытливый старикъ снова началъ со мной предлинный разговоръ. Онъ чрезвычайно внимательно выслушалъ мои отвѣты и замѣчанія относительно его заводовъ, такъ какъ

я вовсе не считалъ себя обязаннымъ только хвалить всё его приспособленія, а, напротивъ, критически разсматривая ихъ, высказалъ свое мнѣніе о томъ, какъ постепенно, съ усовершенствованіемъ наукъ, совершенствуются также всё фабричныя, заводскія и мануфактурныя заведенія. Видно, мой взглядъ на вещи ему понравился, и мы разстались очень привѣтливо. За все время постоя и содержанія нашего съ меня никакой платы не взяли, дали лошадей до самаго Брянска, и мы благополучно возвратились домой.

Въ концѣ ноября (1838 г.) пріѣхалъ къ намъ генералъ Лехнеръ изъ Петербурга и объявилъ, что его высочество генералъ-инспекторъ инженеровъ великій князь Михаилъ Павловичъ назначаетъ меня въ Севастополь исправляющимъ должность помощника командира херсонскаго инженернаго округа полковника Фелькерзама, дабы привести въ порядокъ весьма запутанныя дѣла по округу и по постройкѣ Севастополя. Хотя я серьезно уже подумывалъ перевестись въ инженеры военныхъ поселеній, въ данномъ случаѣ нельзя было идти противъ воли великаго князя, и пришлось отказаться отъ мысли о переводѣ. Надо сказать, что Карлъ Ефимовичъ Теше, уѣхавшій изъ Бобруйска въ Петербургъ, былъ до этого назначенъ командиромъ команды въ Севастополь. Но, прибывъ туда, онъ нашелъ команду въ такомъ разстроенномъ и распущенномъ видѣ, что не рѣшился даже принять ее, тѣмъ болѣе, что отъ безтолковаго строителя Фелькерзама не могъ ожидать поддержки въ поправленіи дѣлъ, такъ какъ Фелькерзамъ, большею частью, самъ былъ виноватъ въ разстройствѣ ихъ. Объ этомъ Теше донесъ въ Петербургъ и, проживъ въ Севастополѣ нѣсколько мѣсяцевъ, возвратился назадъ. Такъ какъ Бобруйскъ былъ разсадникомъ хорошихъ инженерныхъ офицеровъ, и Теше отказался отъ принятія севастопольской инженерной команды, гдѣ дѣла разстроивались все больше и больше, и необходимо было принять какія нибудь мѣры противъ этого,—потому, вѣроятно, я и былъ назначенъ прямо исправляющимъ должность помощника командира Херсонскаго инженернаго округа. Дѣйствительно, въ январѣ 1839 года я получилъ бумагу объ этомъ назначеніи.

Прибывъ въ Севастополь, я остановился на сѣверной сторонѣ, въ гостиницѣ, надѣлъ парадную форму, сѣлъ на катеръ и поѣхалъ черезъ бухту являться по начальству. Въ Севастополѣ встрѣтилъ я нѣсколькихъ своихъ товарищей и прежнихъ сослуживцевъ. Вскорѣ по моемъ прибытіи, Фелькерзамъ устроилъ вечеръ, чтобы познакомиться меня со своими сослуживцами. Меня очень удивило, что многихъ изъ офицеровъ не было на вечерѣ, и узналъ, что г. окружной командиръ пикируется съ прапорщиками... М-ше Фелькерзамъ, довольно молодая и красивая женщина, имѣла своихъ любезныхъ между молодежью, а ихъ-то муженекъ не принималъ къ себѣ въ домъ. Вообще трудно поставить себя въ болѣе глупое отношеніе къ подчиненнымъ и ко всемъ вѣдомствамъ, чѣмъ поставилъ себя Фель-

керзамъ. По смыслу полученнаго мною порученія—привести въ порядокъ запутанныя дѣла—я принялся разсматривать ихъ. Оказалось, что Фелькерзамъ, вполне по собственной винѣ и изъ-за безтолковой фанаберіи, былъ въ ссорѣ со всѣмъ флотскимъ начальствомъ, съ начальникомъ дивизіи, съ генераль-губернаторскимъ управленіемъ, съ комендантскимъ, вообще со всѣми,—и все только изъ-за того, что не умѣлъ придать себѣ вѣсу. Онъ дѣлалъ такія распоряженія, которыя не только не соотвѣтствовали его посту, но явно выказывали недостатокъ познаній самыхъ простыхъ правилъ администраціи и шли противъ дисциплины и порядка вещей. Подрядчики, напримѣръ, оставались не рассчитанными за нѣсколько мѣсяцевъ и на весьма значительныя суммы потому только, что Фелькерзамъ не умѣлъ заставить разсмотрѣть отчеты о расходѣ суммъ или изъ-за вздорныхъ придилокъ на самыя бездѣльные суммы въ 50—100 рублей задерживалъ деньги подрядчиковъ на десятки тысячъ. Тогда какъ деньги ихъ лежали праздными въ сундукахъ округа, сами подрядчики, нуждаясь въ уплатѣ, не могли быть исправными въ исполненіи своихъ контрактныхъ обязательствъ, вслѣдствіе чего происходили споры, жалобы, замѣчанія отъ генераль-губернатора, выговоры отъ инженернаго департамента и другія значительныя непріятности. Я тотчасъ принялся за это дѣло и нашелъ, что окружное правленіе кругомъ виновато, слишкомъ поддаваясь вліянію вовсе не понимающаго дѣла Фелькерзама.

Я прямо объявилъ ему, что сдѣлалъ полный расчетъ, провѣриллъ всю отчетность и нашелъ претензіи и жалобы подрядчиковъ совершенно основательными, а дѣйствія округа незаконными и вредными казнѣ и предложилъ Фелькерзаму немедленно выдать подрядчикамъ слѣдуемые имъ 220 тысячъ рублей и съ первою почтою донести генераль-губернатору и инженерному департаменту, что всѣ претензіи подрядчиковъ удовлетворены. Въ случаѣ же несогласія его, я обѣщалъ прямо отъ себя донести генераль-губернатору и инженерному департаменту о томъ, что найдено мною въ округѣ, и показалъ даже приготовленные на этотъ предметъ рапорты. Фелькерзамъ, увидя, что я дѣйствую рѣшительно и на законной почвѣ, струсилъ. Предписаніе окружному управленію о немедленной выдачѣ денегъ подрядчикамъ было подписано, и я пришелъ съ нимъ въ управленіе, гдѣ расшевелилъ всѣхъ. На другой же день подрядчики были рассчитаны и съ нихъ были взяты расписки о неимѣніи претензій. Я написалъ тотчасъ донесеніе генераль-губернатору въ Одессу и въ инженерный департаментъ, и такимъ образомъ первое и самое важное дѣло было покончено благополучно. Подрядчики, не ожидавшіе такого скорого расчета, принялись опять съ усердіемъ за работы, которыя закипѣли такъ, какъ давно не было видано.

За другое дѣло—примирить инженеровъ со всѣми вѣдомствами—я принялся вскорѣ послѣ этого. Дабы никому не подавать повода

коситься на меня, я рѣшилъ сдѣлать визиты всѣмъ сколько нибудь значительнымъ представителямъ мѣстнаго общества. Чтобы придать этимъ визитамъ болѣе officialный, парадный видъ посѣщенія лица, которое въ инженерной администраціи занимало второе мѣсто въ округѣ, я обновилъ свою карету, запрягъ четверку лошадей цугомъ, съ фореиторомъ, посадилъ ливрейнаго лакея на запятки — и началъ объѣздъ съ военного губернатора адмирала Авинова. Затѣмъ я посѣтилъ артиллеріи генераль-майора Бракера, контръ-адмирала Станюковича, капитана 1-го ранга Новосильскаго, прославившагося въ турецкой войнѣ 1828—1829 годовъ, и другихъ. Вскорѣ многіе стали собираться у насъ и въ другихъ семейныхъ домахъ, затѣяли мы танцъ-классы для дѣтей-подростковъ, и такимъ образомъ понемногу завязались правильныя и даже пріятныя отношенія между инженерами и другими членами общества.

Немного времени спустя, прибылъ къ намъ въ званіи командира инженерной команды капитанъ Бекбулатовъ. До этого онъ былъ, но недолго, командиромъ Бендерской инженерной команды, а потомъ принялъ команду севастопольскую. Не имѣя никакого понятія о командныхъ дѣлахъ, притомъ человѣкъ недобросовѣстный и не умѣвшій снискать довѣрія офицеровъ, онъ такъ запутался въ дѣлахъ, что, не пробывъ и года, былъ переведенъ на Кавказъ. Онъ сдѣлалъ команду капитану Александру Андреевичу Зейдлицу, адъютанту командира Кіевскаго инженернаго округа, генераль-майора Фреймана.

По обязанности своей я былъ посланъ Фелькерзамомъ для инспекторскаго смотра командъ и дистанцій Херсонскаго инженернаго округа. Начавъ съ Симферополя, гдѣ осмотрѣлъ госпиталь и удовлетворилъ справедливыя жалобы главнаго доктора, я поѣхалъ затѣмъ въ Карасубазаръ и Феодосію. Здѣсь, при осмотрѣ военно-рабочей команды, люди заявили претензію на ротнаго командира. Я нарядилъ слѣдствіе и донесъ по командѣ. Комендантомъ въ Феодосіи былъ тогда прибывшій съ Кавказа генераль-майоръ Ольшевскій, и управляющій здѣсь комендантской частью очень жаловался, что больныхъ, присылаемыхъ съ Кавказа, некуда положить, нѣтъ мѣста. Я прибылъ въ госпиталь и увидѣлъ, что онъ дѣйствительно биткомъ набитъ ранеными и больными, а между тѣмъ флигель во дворѣ и два барака стояли совершенно пустые. Смотрителю госпиталя не хотѣлось отдѣлять больныхъ изъ главнаго корпуса въ эти зданія изъ своихъ расчетовъ, опираясь на то, что какъ флигель, такъ и бараки находятся въ неисправномъ видѣ, и что въ нихъ жить нельзя. Я осмотрѣлъ ихъ и нашелъ все въ совершенной исправности, за исключеніемъ нѣсколькихъ выбитыхъ стеколъ и страшной пыли и грязи, такъ какъ смотритель превратилъ ихъ въ склады для разнаго своего скарба и помѣстилъ тамъ своихъ любимчиковъ служителей. Тотчасъ же удалилъ я всѣхъ незаконныхъ жильцовъ изъ этихъ помѣ-

щеній, приказалъ дистанціонному офицеру выслать человѣкъ тридцать рабочихъ, чтобы все вымыть, убрать и вставить стекла,—и уже къ вечеру строенія были въ полномъ порядкѣ. Я донесъ коменданту, что въ очищенныхъ мною помѣщеніяхъ весьма удобно могутъ быть размѣщены до 300 человѣкъ больныхъ, и указалъ ему на смотрителя, какъ на чиновника, не исполняющаго своихъ обязанностей добросовѣстно изъ корыстолюбивыхъ расчетовъ. Къ тому же присовокупилъ, что такъ какъ жалобы коменданта на отсутствіе помѣщенія для больныхъ и сѣтованія на нераспорядительность окружнаго управленія дошли уже до Петербурга, то я донесъ о моемъ распоряженіи въ округъ и прямо отъ себя въ инженерный департаментъ, съ описаніемъ всего, что мною найдено, и мѣрь, какія я принялъ для устраненія жалобъ коменданта. Взбѣсился старикъ, немедленно отрѣшилъ отъ должности смотрителя, распекъ главнаго доктора за его непредусмотрительность и также донесъ о своихъ распоряженіяхъ въ Петербургъ.

Изъ Оеодосіи поѣхалъ въ Керчь. Градоначальникомъ тамъ былъ генералъ-майоръ князь Херхеулидзе. Дошли ли до него слухи о моихъ рѣшительныхъ распоряженіяхъ въ Симферополѣ и Оеодосіи или, можетъ быть, по какимъ нибудь другимъ причинамъ—не знаю, но онъ принялъ меня чрезвычайно любезно. Дѣло въ томъ, что и прежде производились смотры въ округѣ, но почти никогда никакихъ результатовъ отъ этихъ смотровъ не получалось. Въ день моего пріѣзда и на всѣ слѣдующіе дни Херхеулидзе пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. По его приглашенію, я былъ съ нимъ въ клубѣ, гдѣ познакомился съ керченскимъ обществомъ, также на актѣ въ институтѣ дѣвицъ. Въ Керчи пришлось провести гораздо больше времени, чѣмъ я предполагалъ, такъ какъ князь и его супруга все придумывали разныя затѣи, чтобы имѣть причину меня задержать. Однажды мы поѣхали осмотрѣть керченскій музей, въ которомъ хранилось довольно большое количество разныхъ древностей, выкопанныхъ изъ-подъ насыпей и бугровъ въ окрестностяхъ Оеодосіи и Керчи. Въ то время тамъ хранился саркофагъ, прекрасно отдѣланный золотою и серебряною инкрустаціею, разныя вазы, ожерелья, браслеты, оружіе, щиты, конская сбруя и проч. Этотъ музей, какъ я слышалъ, въ послѣдствіи былъ порядочно ограбленъ французами и англичанами въ крымскую кампанію. Странно, что такія, какъ они сами трубятъ, цивилизованныя націи допустили грабежъ рѣдкостей, которыя, какъ памятники древности, ничѣмъ незамѣнимы. Подобный вандализмъ могъ быть простителенъ развѣ только турецкимъ баши-бузукамъ. Изъ музея мы отправились на Митридатову гору, гдѣ построены храмъ. Видъ съ этой горы надъ открытымъ моремъ чрезвычайно живописенъ.

Распростившись съ любезными Херхеулидзе, я отправился въ Еникале, небольшую крѣпостцу на мысу, у самаго прохода изъ Чер-

наго моря въ Азовское. Работы тамъ были незначительныя, команда небольшая. Оттуда я поѣхалъ чрезъ Гнилое море по Арабатскому перешейку въ Очаковъ. Какія громкія воспоминанія воскрешаетъ память при этомъ имени, и какое жалкое, запустѣлое, разоренное мѣстечко встрѣчаетъ взоръ! Тамъ рѣшительно нечего смотрѣть. Посѣтивъ также Кинбурнъ, небольшую крѣпостцу, гдѣ провелъ сутки и осмотрѣлъ команду, я прибылъ въ Николаевъ. Здѣсь я явился адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву, добрѣйшему, привѣтливому старику съ прекраснымъ семействомъ. По его словамъ, я былъ уже извѣстенъ ему, вѣроятно, по письмамъ изъ Севастополя. Въ день приѣзда я отобѣдалъ у него и вечеромъ выѣхалъ въ Херсонъ. Осмотрѣвъ тамъ команду и госпитали, я вернулся въ Севастополь, пробывъ въ дорогѣ всего около трехъ недѣль. Фелькерзамъ крайне удивился этому, такъ какъ прежніе инспекторскіе смотры продолжались мѣсяца по два. Хотя онъ согласился со всѣми моими распоряженіями въ Симферополѣ и Феодосіи, все-таки, какъ я узналъ, онъ остался ими недоволенъ, считая ихъ слишкомъ смѣлыми. Поэтому онъ донесъ въ Петербургъ обо всемъ съ приложеніемъ своего мнѣнія. Однако отвѣтъ послѣдовалъ для него крайне непріятный, потому что всѣ мои распоряженія были вполнѣ одобрены и найдены совершенно законными. Вскорѣ послѣ этого Фелькерзамъ былъ вытребованъ въ Петербургъ, и на его мѣсто назначенъ окружнымъ командиромъ и строителемъ Севастополя полковникъ Павелъ Михайловичъ Павловскій. Я зналъ его давно, когда онъ былъ еще адъютантомъ у Оппермана, который принималъ меня у себя въ домѣ кондукторомъ и молодымъ офицеромъ. Павловскій былъ добрый, но пустой и безхарактерный человѣкъ и плохой инженеръ.

Севастопольское общество насъ очень полюбило. Съ флотскими мы жили дружно, комендантъ очень часто приглашалъ меня къ себѣ обѣдать, въ особенности тогда, когда приѣзжалъ кто нибудь изъ Петербурга по какому либо случаю, такъ какъ я владѣлъ языками, не чуждъ былъ свѣтскаго обращенія и всегда готовъ составить партію въ любую игру. Севастопольскій клубъ помѣщался въ отдѣльномъ домѣ, и нельзя сказать, чтобъ онъ былъ устроенъ роскошно. Зала, хотя большая, но низенькая, освѣщалась посредственно; за то веселились тамъ хорошо, танцовали много, молодыхъ дамъ достаточно, дѣвицъ же мало. Случались иногда и маленькіе скандалчики.

Однимъ изъ завсегдатаевъ клуба былъ лейтенантъ Макаровъ, порядочный забудыга, но славный товарищъ и веселый малый. Тамъ же часто бывала одна недурненькая барыня, жена или вдова— не помню—какого-то флотскаго чиновника Полушкина. Она всегда бывала набѣлена, и довольно замѣтно. Одинъ изъ флотскихъ офицеровъ похвалилъ ее Макарову: «какая хорошенькая».— Не мудрено, что хорошенькая,—возразилъ тотъ,—когда вся наштукатурена.

— Ну, ужъ ты всегда сумѣешь найти что нибудь необыкновенное.

Заспорили.

— Такъ смотри же,—сказалъ Макаровъ:—я тебѣ сейчасъ докажу.

Плюнулъ въ платокъ, подошелъ къ Полушкиной, мазнулъ ее по щекѣ, и, конечно, всѣ бѣлила остались на платкѣ.

— Вотъ тебѣ, видишь штукатурку?—сказалъ онъ офицеру.—А ужъ вы извините, сударыня,—обратился онъ къ Полушкиной:—мы побились объ закладъ, что вы штукатуритесь.

Эта продѣлка Макарова не осталась безъ послѣдствій: его исключили изъ членовъ клуба и арестовали на гауптвахтѣ.

Обыкновенно послѣ танцевъ, когда дамы разъѣдутся, начиналось веселье молодежи на распашку. Тутъ уже не взыскивай: адѣсъ и попойка, и своя пляска—и казакъ, и мателоть, и джигга на сценѣ—и веселье продолжается еще часа два-три послѣ дамъ. Я никогда не отставалъ отъ общества, всегда былъ съ нимъ вмѣстѣ, моряки меня любили и я ихъ также.

Близлежащій Бахчисарай давно уже былъ желаннымъ мѣстомъ, которое намъ хотѣлось осмотрѣть, дабы въ натурѣ увидѣть воспѣтый Пушкинымъ бахчисарайскій фонтанъ. Наше общество собралось провести въ Бахчисараѣ нѣсколько дней. Я отослалъ туда своего повара, провизію, и мы отправились. Бахчисарай лежитъ въ долинѣ. Къ дворцу, или гарему, ведетъ узкая, довольно грязная улица, по обѣимъ сторонамъ которой стоятъ мазанки, по мусульманскому обычаю, безъ оконъ на улицу. Открытыя лавченки съ весьма плохимъ товаромъ для нуждъ татаръ; кейфующіе при дверяхъ татары съ вѣчной трубкой во рту, безмолвные, съ тупымъ взглядомъ на проходящихъ, или занятые починкой платья и обуви. Рѣдко встрѣчающіяся татарки, съ блестящими какъ уголь черными глазами, въ своихъ бѣлыхъ длинныхъ чадрахъ, открытыхъ только для этихъ глазъ, но скрывающихъ ее всю—и талию, и руки. Изрѣдка проползаетъ мимо мажара (особаго вида телѣга), запряженная однимъ или двумя верблюдами или парой черныхъ буйволовъ; везутъ они муку, зерно или, къ концу лѣта, груды фруктовъ, винограда и арбузовъ—богатые дары благодатнаго юга. Деревянный кузовъ мажары лежитъ на осяхъ изъ кизиловаго дерева и движется на двухъ толстыхъ большихъ колесахъ съ широкими ободьями вершковъ пятишести; при малѣйшемъ движеніи колеса скрипятъ неимоვნно, такъ какъ оси никогда не смазываются.

Бахчисарайскій дворецъ, очень красивое строеніе въ азіатскомъ стилѣ, весь сквозной, съ галлереями и рѣшетками, лежитъ между горъ и окруженъ деревьями, преимущественно тополями и кипарисами. Садъ при немъ довольно большой. Внутренность дворца, который содержится въ порядкѣ, меблирована и разрисована также въ азіатскомъ вкусѣ. Фонтанъ внутри его хотя не очень великъ,

но во время лѣтнихъ жаровъ даетъ весьма пріятную прохладу. Вода этого фонтана дѣйствительно до того чиста и такого необыкновеннаго вкуса, вѣрнѣе—вовсе безъ вкуса, что почти весь запасъ привезенныхъ нами винъ остался не тронутъ: никто ничего не хотѣлъ пить, кромѣ этой превосходной воды. Расположились мы въ самомъ дворцѣ и прекрасно пообѣдали. Когда солнце стало садиться, муэдзинъ съ минарета началъ призывать мусульманъ въ мечеть къ богослуженію. Мы полюбопытствовали также войти въ мечеть, насъ посадили въ галлерей верхняго этажа за рѣшетками. Каждый мусульманинъ, при входѣ оставлялъ въ преддверіи свои туфли и потомъ становился въ рядъ одинъ подлѣ другаго противъ середины, гдѣ стоялъ мулла около чего-то въ родѣ алтаря. Сообразно чтенію мุลлы, молящіяся, точно по командѣ, поворачивали головы то въ одну, то въ другую сторону, то всѣ вдругъ преклоняли головы къ землѣ, иногда что-то тихо бормотали, иногда громко вскрикивали. Вообще же все шло чинно и благоговѣйно.

Между мусульманами были фанатики, если не ошибаюсь, монахи какого-то магометанскаго монастыря. Послѣ общей молитвы мусульманъ, намъ предложили посмотрѣть ихъ фанатическое богослуженіе. Мы согласились очень охотно и спустились въ низъ мечети. Человѣкъ десять этихъ фанатиковъ-дервишей, держась за руки, составили кругъ; внутри его стоялъ одинъ, вѣроятно, старшина. Они стали двигаться вокругъ него, сначала тихо, выкрикивая: «агу! агу!»! Потомъ движеніе и выкрикиванія становились все чаще и чаще, затѣмъ, ускорились до того, что фанатики только мерцали мимо насъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ вышелъ изъ ряда, завертѣлся неимоверно быстро и упалъ на полъ съ пѣною во рту. Это былъ вдохновенный, какъ они говорили. За это удовольствіе мы заплатили 2 рубля серебромъ.

Вечеръ стоялъ превосходный. Долго мы не рѣшались улежаться спать и рѣшили на другое утро пуститься кавалькадою осматривать окрестности. Намъ достали татарскихъ лошадей подъ-верхъ и двѣ арбы для тѣхъ дамъ, которыя не желали ѣхать верхомъ. Послѣ ранняго обѣда, когда сильный жаръ нѣсколько спалъ, мы двинулись въ путь въ сопровожденіи татарина чичероне. По этимъ живописнымъ крутымъ горамъ можно ѣхать только на привычныхъ къ такимъ путешествіямъ татарскихъ лошадяхъ, которыя пробираются весьма осторожно по узкимъ тропинкамъ и карабкаются очень увѣренно на крутизны горъ. Цѣль наша была Чуфутъ-кале. Это село, лежащее на весьма высокой, крутой горѣ, заселенное турецкими жидами-караимами. Къ нему велъ спускъ, сравнительно, пологій, но настолько все-таки крутой, что арбы не могли подняться и дамы должны были выйти изъ нихъ и пойти пѣшкомъ. Жиле караимовъ—совершенный контрастъ жилью нашихъ жидовъ. Насколько послѣдніе живутъ всегда въ грязи по уши, сами въ неопрятныхъ,

оборванныхъ лохмотьяхъ, съ вѣчною вонью отъ чеснока, луку и рыбы, настолько караимы чистоплотны, опрятны, умыты и въ приличной одеждѣ. Мы заходили въ нѣсколько ихъ домовъ и вездѣ находили полную чистоту. Зашли мы также въ синагогу. Тамъ нашли раввина, довольно умнаго старика, который порядочно говорилъ по нѣмецки; онъ показалъ намъ всю синагогу, которая также содержится очень опрятно. Изъ какого-то завѣтнаго ящика онъ вынулъ въ нѣсколько сажень длины свертокъ, исписанный на еврейскомъ языкѣ изреченіями изъ талмуда. Раввинъ объяснилъ намъ значеніе письма и показывалъ грамоты ихъ правъ и льготъ, утвержденныхъ правительствомъ. Жители всѣ болѣе или менѣе существовали торговлею и, полагать надо, были въ довольно хорошемъ положеніи. Въ ихъ селѣ воды вовсе нѣтъ, она доставляется изъ источниковъ у подошвы горы посредствомъ вьючныхъ ословъ; но мы видѣли и женщинъ, которыя приносили воду снизу въ большихъ кувшинахъ на головахъ. Поблагодаривъ раввина, мы спустились внизъ и отправились дальше чрезъ Чоргунъ, съ знаменитымъ садомъ, гдѣ растутъ лучшія груши во всемъ Крыму. Въ крымскую кампанію этотъ садъ былъ разоренъ дотла.

На Константиновской батарее должность дистанціоннаго офицера занималъ тогда Як. Ив. Ляпуновъ. Работы его шли довольно успѣшно. Но когда третій этажъ батареи былъ построенъ, то передняя полукруглая часть ея вся осѣла, $\frac{1}{3}$ башни, отставъ отъ прочаго строенія, дала страшную щель и вся растрескалась. Дѣло въ томъ, что батарея была построена на сплошной скалѣ, которая на разстояніи 6—7 футъ находилась подъ горизонтомъ воды. Вода подмыла скалу, но при началѣ постройки на это не было обращено вниманія. Когда же оставшаяся на вѣсу часть скалы оказалась не въ состояніи выдерживать давленіе тяжести, то она треснула, сѣла и потянула за собою постройку. Ляпуновъ очень встревожился, донесъ сперва Павловскому словесно. Тотъ также страшно струсилъ и приказалъ обо всемъ донести ему формально. Павловскій позвалъ меня къ себѣ, передалъ о случившемся и велѣлъ приготовить планы и чертежи съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ трещинъ, ихъ размѣровъ и пр. для донесенія инженерному департаменту. Я поѣхалъ съ Ляпуновымъ на его работу и подробно осмотрѣлъ ее. Дѣйствительно, часть подмытой скалы треснувъ сѣла, но сѣла очень плотно на нижнюю скалу. Я уговорился съ Ляпуновымъ разобрать всю эту переднюю часть башни до основанія; фундаментъ же частью разобрать близъ трещины и вновь связать уцѣлѣвшую часть съ остальною, которая, по моему предположенію, должна быть повышена. Затѣмъ, весь совершенно годный притесанный камень употребить опять на постройку передней закругленной части строенія и тѣмъ поправить дѣло; средства же обѣщаны были изъ командныхъ остаточныхъ

суммъ. Я былъ увѣренъ, что Тихоновъ ¹⁾, хорошо знакомый съ моими познаніями по строительной части, навѣрное согласится пожертвовать триста—четыреста рублей, лишь бы избѣжать неприятностей, могущихъ возникнуть вслѣдствіе донесенія начальству о происшедшемъ случаѣ. Зная же трусливый характеръ Павловскаго, я рѣшилъ ему объ этомъ ничего не говорить, а тянуть представленіе въ департаментъ, пока возможно, и показать ему поправленное дѣло только тогда, когда все будетъ готово.

Между тѣмъ я призвалъ подрядчиковъ и объявилъ имъ, въ чемъ дѣло. Такъ какъ и имъ было бы очень неприятно и не безубыточно остановить начатую работу и распустить нанятыхъ людей, то они легко согласились содѣйствовать намъ вплоть по мѣрѣ возможности. Сказано—сдѣлано. Осторожно разобрали полукруглую башню и часть фундамента, вновь забутили верхнюю часть и сравнивали съ поверхностью уцѣлѣвшей части. Изъ наличнаго уже обтесаннаго камня начали вновь возводить переднюю часть оцѣвшей батареи. Такъ какъ офицеры и подрядчики были очень заинтересованы этимъ дѣломъ, даже сами рабочіе желали избѣгнуть упрековъ, то работа просто кипѣла. Уже черезъ три недѣли вновь возведенная батарея стояла какъ ни въ чемъ не бывало. Между тѣмъ въ окружномъ управленіи я все представлялъ планы случившейся катастрофы и намѣренно дѣлалъ въ нихъ ошибки, которыхъ Павловскій, какъ ни мало былъ свѣдуецъ въ строительномъ искусствѣ, не могъ не замѣчать. Это подстрекало, во-первыхъ, его самолюбіе, а, во-вторыхъ, давало намъ время оттягивать представленіе и, главное, кончить нашу работу. Наконецъ, прошло такимъ образомъ ужъ больше двухъ недѣль. Павловскій выходилъ изъ терпѣнія. Я окончательно представилъ ему всѣ планы и бумаги, онъ остался доволенъ, подписалъ ихъ, приказалъ тотчасъ же отправить въ департаментъ и успокоился. А я все дѣло взялъ и спряталъ въ своемъ столѣ.

Когда мы окончили работу, я предложилъ Павловскому съѣздить со мною на Константиновскую батарею и осмотрѣть ее поближе, дабы онъ зналъ, что отвѣчать, если, неровенъ часъ, когонибудь пришлютъ изъ Петербурга. Поѣхалъ онъ со мною, выходитъ къ батарее, —глазамъ своимъ не вѣритъ.

— Какъ же это?—говорить.—Да тутъ ничего не видать, батарея вся цѣла.

Тогда я объяснилъ ему все дѣло, показалъ, какъ все придумалъ. Сначала онъ очень сердился, потомъ спросилъ:

— А какъ же я донесъ уже обо всемъ въ департаментъ?

Дѣлать нечего, пришлось сказать, что бумаги не отправлены. Пошумѣлъ онъ нѣсколько, но потомъ, когда я хладнокровно объяс-

¹⁾ Подполковникъ Тихоновъ былъ въ то время начальникомъ инженерной команды въ Севастополѣ. В. Ж.

нить ему все и напомнить о всѣхъ непріятностяхъ, а кое-кому и несчастіи, которыя могли произойти вслѣдствіе его донесенія, онъ поневолѣ долженъ былъ согласиться, что я сдѣлалъ хорошо, и благодарилъ меня очень любезно. Всѣ остались чрезвычайно довольны. Товарищи вполне оцѣнили всю отвѣтственность, которую я принялъ на себя, а Ляпуновъ и словъ не находилъ меня благодарить.

Когда я прибылъ въ Севастополь, работы по постройкѣ Николаевской батареи подъ руководствомъ поручика Казанцева шли довольно плохо. Многіе недостатки въ производствѣ ихъ я указывалъ еще при Фелькерзамѣ, который не могъ не согласиться, что замѣчанія мои совершенно справедливы. Но онъ не умѣлъ ихъ видѣть прежде меня, и честолюбіе его, какъ строителя, и упрямство побуждали его не принимать моихъ замѣчаній, и работы попрежнему шли нехорошо. Павловскій, какъ ни былъ самъ плохъ по строительной части, понялъ однако, что такъ продолжать нельзя, а потому просилъ меня принять эту дистанцію, оставаясь въ то же время окружнымъ помощникомъ. Я согласился принять дистанцію, но считалъ слишкомъ неудобнымъ оставаться въ такомъ случаѣ окружнымъ помощникомъ. Павловскій согласился съ этимъ, и я принялъ дистанцію.

Надо сказать, что первая безмыслица при производствѣ работъ на Николаевской батарее, строившейся сплошь изъ тесаннаго камня, заключалась въ томъ, что груды камней привозились съ каменной ломки въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они тамъ добывались, и потомъ уже на дистанціи притесывались по шаблонамъ. Оставшіеся отъ притески камни мусоръ горами лежалъ около батареи, и отвозка его требовала большихъ издержекъ. Первое распоряженіе состояло въ томъ, что я отдалъ готовые шаблоны на каменные ломки и тамъ же на мѣстѣ заставлялъ грубою обтеской подготавливать камни по шаблонамъ. Этимъ сразу уменьшились расходы на отвозъ скоплавшагося прежде мусора. Затѣмъ, кладка камней въ своды производилась по палубамъ изъ толстыхъ жердей или реекъ. Изъ-за этого, по окончаніи кладки сводовъ, неровности снизу были неизбѣжны; на обтеску камней изнутри свода для уравниванія ихъ употреблялось огромное количество камнетесовъ,—и все-таки своды выходили не совсѣмъ правильными, такъ что приходилось скрывать недостатки искусственною вставкою маленькихъ камней и штукатуркой. Я немедленно распорядился производить кладку сводовъ по досчатой палубѣ изъ 2½ дюймовыхъ досокъ и кладку камней аккуратно опредѣлялъ по абсциссамъ и ординатамъ, такъ что своды у меня выходили, какъ вылитые, и никакихъ подправокъ не требовали. Работа начала подвигаться несравненно успѣшнѣе, такъ какъ употреблялся для этого камень, подготовленный по шаблонамъ и перевезенный заблаговременно, еще зимой. По окончаніи кладки сводовъ я не держалъ ихъ на палубѣ нѣсколько сутокъ, чтобы дать имъ окрѣпнуть, а, напро-

тивъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ, выбивалъ кружала и стойки, дабы тотчасъ дать сводамъ правильный и неизбѣжный осадокъ. Такимъ образомъ работы мои шли правильно, отчетливо и имѣли даже внѣшній красивый видъ.

Павловскій, по характеру своему, былъ крайне недовѣрчивъ, главнымъ образомъ, потому, что самъ дѣло зналъ плохо и повѣрять его не умѣлъ, а вслѣдствіе этого во всемъ подозрѣвалъ обманъ. Кромѣ того, онъ любилъ выказываться начальникомъ и распоряжаться самостоятельно, являясь на дистанцію одинъ. Однажды и на моей дистанціи онъ отмѣнилъ въ отсутствіи меня мое распоряженіе и даже ударилъ унтеръ-офицера, который только доложилъ ему, что исполнилъ мое приказаніе. Узнавъ объ этомъ, я немедленно пошелъ къ нему и просилъ его назначить вмѣсто меня другаго офицера, потому что я нездоровъ и не могу продолжать работу. Павловскій очень удивился и, пожалуй, забылъ даже, что похозяйничалъ у меня на дистанціи. Онъ началъ спрашивать, по какой причинѣ я оставляю работы, не имѣлъ ли непріятностей съ командиромъ команды или съ товарищами, сказалъ, что беретъ на себя, если нужно, тотчасъ все уладить, но проситъ меня остаться на работѣ. Я долго не соглашался и, наконецъ, прямо сказалъ ему, что у себя на дистанціи никому хозяйничать позволить не могу. Если же онъ имѣетъ въ виду что нибудь измѣнить или несогласенъ съ моими распоряженіями, то пусть передаетъ объ этомъ мнѣ, а не взыскиваетъ съ моихъ подчиненныхъ за исполненіе ими моихъ приказаній. Павловскій увѣрялъ, что сдѣлалъ это безъ всякаго намѣренія меня обидѣть, но я не уступалъ, пока онъ не далъ мнѣ честнаго слова въ томъ, что ничѣмъ не будетъ распоряжаться безъ меня на моей дистанціи. Я поблагодарилъ его за это и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ ему, что отмѣнилъ его распоряженіе на моей дистанціи и оставилъ свое прежнее, а невинно пострадавшему унтеръ-офицеру далъ 2 рубля въ награду. Какъ ни досадно было Павловскому, но, дѣлать нечего, онъ смолчалъ, съ тѣхъ поръ былъ крайне остороженъ у меня на дистанціи и никогда больше не вмѣшивался въ мои распоряженія.

Моимъ работамъ позавидовалъ даже англичанинъ Уптонъ, который строилъ сухіе доки, и, вѣроятно, это и было источникомъ доноса государю, будто Николаевская батарея строится такъ, что при первомъ выстрѣлѣ обрушится. Хотя государь зналъ, кто строитъ батарею, и, вѣроятно, былъ увѣренъ, что это донесеніе несправедливо, но хотѣлъ, однако, меня оправдать въ виду всѣхъ и послалъ въ Севастополь для испытанія прочности Николаевской батареи генераль-адъютанта Засса. Онъ когда-то служилъ въ конныхъ піонерахъ и, значитъ, принадлежалъ къ инженерному корпусу.

Уже позднею осенью, утромъ 2-го октября 1841 года, я находился на работѣ, и такъ какъ было довольно свѣжо, то на мнѣ

былъ теплый на мѣху сюртукъ. Вижу—ко мнѣ на дистанцію идетъ Павловскій съ какимъ-то другимъ генераломъ. Я встрѣтилъ ихъ и извинился за костюмъ, но на работѣ въ холодную погоду иначе нельзя, такъ какъ шинель мѣшаетъ свободному движенію при лазаньѣ на подмосткахъ. Зассъ совершенно согласился со мною, принявъ меня очень ласково, но вмѣстѣ съ тѣмъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Я, капитанъ, долженъ объявить вамъ очень непріятную новость, но вы не очень огорчайтесь ею. Государь благоволилъ при-слать меня сюда, дабы испытать строящуюся вашу батарею, которая теперь вчернѣ окончена,—вслѣдствіе доноса, будто бы Николаевская батарея при первомъ выстрѣлѣ обрушится.

Я отвѣтилъ очень хладнокровно:

— Только-то? Ваше превосходительство, тутъ я не вижу никакой причины огорчаться, а, напротивъ, радуюсь случаю доказать, что тѣ постройки, которыя выходятъ изъ моихъ рукъ, никакого испытанія не боятся, и его величество уже разъ лично въ этомъ убѣдился.

— Да,—отвѣтилъ мнѣ Зассъ,—его величество изволилъ вспомнить этотъ случай въ Бобруйскѣ, и я долженъ сказать къ чести вашей, что государь императоръ спокойно и безъ малѣйшей тревоги передалъ мнѣ возложенное на меня высочайшее порученіе. А такъ какъ вы, капитанъ съ этимъ дѣломъ уже знакомы, то я прошу васъ передать мнѣ, какой способъ испытанія считаете вы лучшимъ.

На это я отвѣтилъ:

— Сначала необходимо выстрѣлить по одиночкѣ изъ орудій холостыми зарядами, затѣмъ—ядрами, потомъ—залпъ изъ орудій, заряженныхъ каждое однимъ ядромъ. Послѣ этого зарядить всѣ орудія двумя ядрами каждое и стрѣлять—сначала по одиночкѣ, а потомъ, при двухъ же ядрахъ на орудіе—залпъ по ракетѣ.

— Это уже лишнее,—сказалъ Зассъ.—Залпъ изъ орудій, заряженныхъ каждое двумя ядрами, можетъ дать такое сотрясеніе батареи, что и наилучшимъ образомъ построенная, пожалуй, дастъ трещины. На это я уже согласиться не могу.

— Извините, ваше превосходительство, я непремѣнно долженъ настоять именно на такомъ испытаніи, во-первыхъ, потому, что его величество уже привыкъ къ нему, такъ какъ этимъ способомъ я испыталъ при немъ мною выстроенную башню; а, во-вторыхъ и потому, что послѣ подобнаго испытанія, кому слѣдуетъ, тотъ прикуситъ языкъ, и никто не посмѣетъ впредь беспокоить его величество.

— Къ чему же вамъ угодно такъ усиленно доказывать прочность зданія, когда мы дѣйствительно убѣдимся въ этомъ и до послѣдняго залпа?

— Я покорнѣйше прошу ваше превосходительство непременно согласиться на мое предложеніе. Въ противномъ случаѣ я буду рапортомъ просить объ этомъ и упомяну, что испытаніе считаю неполнымъ, если не будетъ сдѣланъ залпъ изъ орудій, заряженныхъ каждое двумя ядрами.

— Въ такомъ случаѣ, вы, капитанъ, берете всю отвѣтственность на себя?

— Такъ и должно, ваше превосходительство: на мнѣ, какъ на строителѣ, лежитъ отвѣтственность за произведенную работу.

Долго еще уговаривалъ меня генераль, но я все не уступалъ, пока онъ наконецъ не согласился со мною. Въ своемъ донесеніи государю императору онъ общалъ, впрочемъ, отмѣтить, что согласился на предложенный мною способъ испытанія только по неуклонному моему настоянію.

— Это какъ будетъ угодно вашему превосходительству, — сказалъ я.

Длина Николаевской батареи была 250 сажень 3 $\frac{1}{2}$ фута, т. е. немного болѣе полуверсты. Въ трехъ этажахъ ея было по 28-ми сводовъ, и въ каждомъ сводѣ стояло орудіе; при этомъ, въ крайнихъ сводахъ закругленія, обращеннаго къ рейду, стояли 3 бомбическія пушки. Испытаніе было назначено черезъ день. По соглашенію съ артиллерійскимъ начальствомъ, когда получены были снаряды, я приготовилъ все для испытанія. Собралось все начальство Севастополя флотское, армейское, артиллерійское и инженерное и огромная толпа публики. Испытаніе производилось по предложенной мною программѣ. Послѣ того, какъ прочистили орудія холостыми зарядами, при первомъ выстрѣлѣ ядромъ одно орудіе разорвало на нѣсколько частей. Двухъ человекъ при этомъ убило на мѣстѣ, четверо были тяжело ранены, трое ранены легко. Около самаго моего виска пролетѣлъ осколокъ орудія и такъ сильно впился при ударѣ въ стѣну, что я потомъ съ трудомъ вытащилъ его. Отъ другаго орудія послѣ выстрѣла отлетѣла казенная часть, ушибла двухъ человекъ, но не очень сильно. При дальнѣйшей стрѣльбѣ больше не было несчастныхъ случаевъ, но я просилъ все-таки всѣхъ присутствовавшихъ выйти изъ батареи, такъ какъ нельзя было поручиться, что при залпѣ все обойдется благополучно. Всѣ вышли.

Залпъ изъ орудій объ одномъ ядрѣ не оказалъ никакого вліянія на батарею. Одиночные выстрѣлы двумя ядрами обошлись также довольно благополучно, только въ одномъ орудіи отскочило заднее кольцо отъ казенной части, но безъ всякаго вреда стрѣлявшимъ. Само собою разумѣется, что я во все время испытанія находился внутри батареи. Зарядили орудія двумя ядрами и, по ракетѣ съ Сѣверной стороны, дали залпъ. Сотрясеніе всей батареи было страшное: я и всѣ люди около орудій подскочили, по крайней мѣрѣ, фута на три, но батарея уцѣлѣла въ полномъ блескѣ. Только у одной амбра-

зуры свода нижняго этажа, и то не моей постройки, замковый камень опустился на $2\frac{1}{2}$ дюйма. Радость моя была неописанная. Засѣ, совершенно тронутый моею удачею и непоколебимою увѣренностью въ произведенной мною работѣ, благодарилъ меня именемъ государя въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ ¹⁾. Такъ кончился этотъ страшный для меня и не безъ внутренней тревоги и озабоченности день. Однако, къ моему и всѣхъ крайнему удивленію, никакихъ послѣдствій не было, никакой высочайшей благодарности, даже никакого отзыва инженернаго департамента не послѣдовало. Это меня нѣсколько огорчило, притомъ я, вѣроятно, простудился и отъ тревоги и заботъ жестоко заболѣлъ: у меня сдѣлалась нервная горячка и воспаление въ мозгу. Я слегъ въ постель и 13 дней былъ совершенно безъ памяти и безнадеженъ, такъ что успѣлъ распространиться слухъ, что я умеръ; даже начальникъ военно-рабочихъ ротъ майоръ Земмеръ приходилъ справляться, когда надо будетъ поставить почетный караулъ къ тѣлу моему.

Я поправлялся очень медленно, и только старанія доктора Невинскаго возвратили мнѣ жизнь. По выздоровленіи, врачи запретили мнѣ всякія занятія и предписали полное спокойствіе, по крайней мѣрѣ, на цѣлый годъ. Въ это время одинъ мой родственникъ предложилъ мнѣ переѣхать къ нему въ имѣніе и, отдохнувъ годикъ на свободѣ, приняться съ нимъ за сельское хозяйство. Онъ обѣщалъ мнѣ при этомъ нѣкоторыя выгоды взамѣнъ казеннаго содержанія. Какъ ни уговаривалъ меня Павловскій остаться служить и обѣщалъ мнѣ тотчасъ выхлопотать Владимира 4-й степени, я все-таки подалъ въ отставку. Въ деревнѣ здоровье мое возстановилось, но новое дѣло пришлось мнѣ не по душѣ, къ тому же воспитаніе дѣтей вызывало меня изъ деревенской глуши, и я рѣшилъ вновь поступить на службу.

К. Жерве.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Засѣ впоследствии былъ членомъ комитета о раненыхъ и во время открытія мошенничества Политковскаго со всѣми прочими членами комитета попалъ въ немилость, причѣмъ былъ лишенъ званія генераль-адъютанта. Потомъ все было возвращено, но весьма стѣсненныя средства къ жизни и какія-то семейныя непріятности и несчастія довели его до сумасшествія. Онъ былъ свезенъ на 11 версту около Петербурга въ больницу для душевно-больныхъ, гдѣ и умеръ.

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ¹⁾.

VII.

Мое возвращеніе въ Петербургъ въ 1843 году.—Казенная служба вообще и инженерная въ частности въ то время. — Доносъ на инженеровъ. — Государь Николай Павловичъ и Н. И. Денъ. — Случай въ Новогеоргіевскѣ. — Вторичное вступленіе въ службу. — Командировка изъ Москвы въ Петербургъ для постройки капсюльнаго завода. — Странный сюриризь. — Высочайше утвержденный проектъ и его составители. — Трудности выполненія его и переписка съ департаментомъ военныхъ поселеній. — Дюймъ въ дюймъ, но безъ отвѣтственности. — Производство работъ и приѣздъ Фалиса. — Опять затрудненія. — Личныя объясненія въ департаментъ и неожиданный результатъ ихъ. — Сдача построекъ и денежные итоги. — Докладъ департамента военному министру князю Чернышову. — Разслѣдованіе дѣла по особому порученію военнаго министра полковникомъ Глинкою. — Первое свиданіе съ нимъ. — По документамъ. — На чистую воду. — Награда. — Моя болѣзнь.

ПРІѢХАЛЪ въ Петербургъ въ 1843 году съ твердымъ намѣреніемъ не вступать болѣе на службу въ инженерный корпусъ, если къ тому не принудитъ меня крайняя необходимость. Я видѣлъ всю неблагодарность этой службы, всю незавидность положенія въ будущемъ. Нельзя было и думать объ обезпеченіи себя впослѣдствіи, не отступая отъ честныхъ правилъ, съ которыми, по моему взгляду на жизнь, мнѣ было слишкомъ трудно разставаться. Впрочемъ, правду сказать, въ то время на пріобрѣтеніе состоянія на счетъ казны или не совѣтъ правильнымъ путемъ смотрѣли далеко не такъ строго, какъ нынѣ: всѣ пользовались, кто только могъ. Правительство

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 30.

очень хорошо знало это, и если подобныя выгоды были не слишкомъ осязательны, то не препятствовало имъ и даже само какъ бы подавало поводъ, зная, что хорошо служащихъ и дѣльныхъ людей оно вознаграждаетъ очень скудно; правительство чувствовало, что получаемымъ отъ казны содержаніемъ нельзя жить хоть сколько нибудь прилично. Разительный примѣръ тому, какъ снисходительно смотрѣлъ на неправильный, въ сущности, доходъ даже самъ покойный государь Николай Павловичъ,—виденъ изъ слѣдующаго положительно вѣрнаго факта.

Послѣ возстанія 1830 года и умиротворенія поляковъ, въ царствѣ Польскомъ предприняты были грандіозныя инженерныя работы. Въ Варшавѣ строили Александровскую цитадель, и такимъ образомъ, что въ случаѣ новаго возстанія бомбардировка изъ орудій съ валовъ ея уничтожила бы городъ Варшаву въ 24 часа. Новогеоргіевская крѣпость, громадное сооруженіе, строилась съ соблюденіемъ всѣхъ новѣйшихъ правилъ и съ вновь изобрѣтенными приспособленіями, оказавшимися полезными по наукѣ и на практикѣ. Крѣпости Брестъ-Литовскъ и Замостье укрѣплялись сильнѣе и болѣе соотвѣтственно требованіямъ. Строилась новая крѣпость Иванъ-городъ, предполагалась еще другая крѣпость Жванецъ, около Хотина... Всѣ эти громадныя работы требовали много знающихъ, толковыхъ и усердныхъ исполнителей. Генералъ Денъ понималъ это очень хорошо, но былъ увѣренъ, что не въ состояніи осуществить предположеній государя и исполнить порученіе, данное ему, какъ главному начальнику инженеровъ царства Польскаго. Онъ зналъ, что производство работъ отчетливое, прочное и съ полнымъ знаніемъ дѣла возможно лишь съ хорошими исполнителями утвержденныхъ предположеній. А такимъ людямъ, при весьма серьезныхъ и отвѣтственныхъ работахъ, требовавшихъ постояннаго и самаго бдительнаго вниманія и самаго энергичнаго распоряженія, необходимо было дать средства, чтобы матеріальная жизнь ихъ была совершенно обезпечена и ихъ не тревожила бы мысль о содержаніи себя и семейства; напротивъ, имъ слѣдовало дать всевозможныя средства жить хорошо и даже съ комфортомъ, дабы именно этотъ комфортъ служилъ имъ отдыхомъ и отрадою послѣ тяжкихъ трудовъ. Поэтому генералъ Денъ нисколько не противился, если 10 или въ иныхъ случаяхъ 12% отъ общей подрядной суммы, по уговору съ подрядчиками, удерживались въ пользу строителей, и затѣмъ эти удержанныя деньги раздавались офицерамъ сообразно трудамъ и пользѣ, которую каждый приносилъ дѣлу своею распорядительностью и знаніемъ. Къ этому надо прибавить, что подрядчики съ большимъ удовольствіемъ соглашались на подобную уступку, всегда увѣренные въ томъ, что заинтересованный строитель употребитъ все свое усердіе, чтобы работы были произведены прочно, согласно съ предположеніями и къ назначенному сроку. Послѣднее обстоятельство для подрядчика также очень

важно, потому что въ такомъ случаѣ онъ получаетъ заработанныя деньги въ срокъ и самъ можетъ своевременно расплачиваться сполна и не терять убытковъ отъ проволокъ.

Государь Николай I пріѣхалъ въ Варшаву, посѣтилъ питадель, былъ проѣздомъ въ Брестъ-Литовскъ, въ Иванъ-городъ, въ Ново-георгіевскъ и остался чрезвычайно доволенъ какъ самымъ производствомъ работъ, такъ и успѣшнымъ выполненіемъ всѣхъ его предначертаній къ назначенному времени. Онъ всегда умѣлъ цѣнить дѣйствительный трудъ и знаше, а также распорядительность Дена, хотя и не знаменитаго инженера, но имѣвшаго великій даръ выбрать дѣльныхъ людей и поставить ихъ именно туда, гдѣ они приносили громадную пользу своими познаніями и неусыпнымъ усердіемъ.

Инженеры, получая большія субсидіи, жили хорошо. Зависть смотрѣла косо на это, и нашлись люди, которые передали прямо въ руки покойному государю доносъ, въ которомъ значилось, что Денъ получилъ въ этомъ году столько-то, такой-то генералъ столько-то, однимъ словомъ, подробный списокъ всѣмъ вообще инженерамъ, которые, съ вѣдома Дена, получали отъ работъ субсидіи, въ общемъ итогѣ составлявнія довольно круглую сумму. Государь послалъ за Деномъ и, когда тотъ прибылъ, принялъ его у себя въ кабинетѣ. Государь подаль Дену этотъ доносъ и сказалъ:

— На-ка, прочти это, Иванъ Ивановичъ.

Денъ взялъ доносъ, очень хладнокровно прочелъ его и, возвращая его государю, сказалъ:

— Ваше величество, это не совсѣмъ вѣрно.

— Какъ такъ?—спросилъ государь.

— Да такъ,—отвѣчалъ Денъ.—Здѣсь показано мало, на этотъ предметъ израсходовано гораздо больше.

— Какъ это?—снова спросилъ государь.

— Да неужели же вы, ваше величество, сами хорошо зная, что значатъ инженерныя постройки, могли полагать, что я былъ бы въ состояніи производить всѣ эти обширныя работы такъ успѣшно, прочно, красиво и своевременно, если бы не давалъ болышихъ денежныхъ наградъ тѣмъ лицамъ, которыя съ утренней зарей начинаютъ свой трудъ, подчасъ не успѣваютъ выспаться и очень часто даже поѣсть во время? Неужели за жалованье въ 400—600 рублей можно заставить этихъ тружениковъ принимать на себя такую громадную отвѣтственность въ виду всей Россіи, скажу болѣе—всей Европы? Наши работы безпримѣрны: нигдѣ, никогда и никѣмъ не производились такія громадныя работы. На насъ весь свѣтъ смотритъ, а я стану на исполненіе этой сложной задачи смотрѣть съ расчетомъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ! Было бы грѣшно, была бы горькая, непростительная ошибка съ моей стороны въ такую важную минуту останавливаться передъ деньгами, чтобы вознаграждать дѣйствительно полезный и тяжкій трудъ. Тѣмъ болѣе, ваше вели-

чество, что послѣ всѣхъ возможныхъ повѣрокъ какъ въ округѣ, такъ и въ инженерномъ департаментѣ представляемыхъ смѣтъ мы получаемъ уже свѣдѣнія, какая сумма назначена правительствомъ на производство работъ, значить, правительство уже готово на эту издержку. Затѣмъ, мы производимъ торги, которые рѣдко не приносятъ 15—20, а иногда 30⁰/₀,—это чистая выгода казнѣ. Сверхъ того, рѣдкая работа не принесетъ казнѣ экономіи еще до 5⁰/₀ послѣ всѣхъ расходовъ и издержекъ, несмотря на уменьшенныя торгами цѣны. Что же болѣе можетъ требовать казна отъ насъ? А если бы мы не принесли и ¹/₁₀ этой выгоды, никто насъ и упрекнуть не имѣлъ бы права. Но если еще за всѣмъ этимъ, по уговору съ подрядчиками и вслѣдствіе особыхъ трудовъ и особаго вниманія, производители работъ умѣютъ удѣлить въ свою пользу 10 и 12⁰/₀, кто можетъ имъ это поставить въ упрекъ? Вотъ изъ этихъ-то денегъ я получаю обыкновенно 4 или 5⁰/₀, а остальные 6 или 7⁰/₀ идутъ на всѣхъ лицъ, участвующихъ въ работахъ. Если ваше величество за это хотите покарать меня, то я долженъ тотчасъ отказаться отъ всего и дамъ вамъ честное слово, что только при такомъ взглядѣ на это дѣло оно можетъ идти хорошо и успѣшно, а во всякомъ другомъ изворотѣ падетъ и падетъ невозвратно.

На это государь сказалъ:

— Въ твоемъ отвѣтѣ много правды. Я согласенъ. Впрочемъ, отдаю все на твою совѣсть, дѣлай, какъ знаешь, лишь бы работы шли такъ хорошо, какъ до сихъ поръ, а о прочемъ не хлопочи. Я понимаю тебя вполне, и все останется между нами.

Вскорѣ послѣ этого разговора государь былъ въ Новогеоргіевскѣ и, идя по валу крѣпости, хвалилъ работы. Кто-то изъ свиты его замѣтилъ: «Положимъ, работы превосходныя; да что стоятъ эти работы?» Услышавъ это, государь сказалъ:

— Что эти работы стоятъ, знаютъ Богъ, я и Иванъ Ивановичъ Денъ, а болѣе никому и знать не надо.—Всѣ прикусили языкъ.

Для пріисканія себѣ мѣста я всюду бросался. Но тогда, чтобы получить мѣсто въ какомъ либо вѣдомствѣ, необходимо было заплатить тѣмъ господамъ, которые доставятъ мѣсто,—и тѣмъ лучше мѣсто, тѣмъ дороже. Взятничество было совершенно открытое, никто не стѣснялся, а такъ какъ по полученіи мѣста возвратъ издержанной на взятки суммы основывался опять-таки на взяточничествѣ моемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я служилъ бы, то это сильно меня отталкивало, да и денегъ не было у меня лишнихъ. Такимъ образомъ я прожилъ въ Петербургѣ мѣсяца четыре и ничего не добился. Былъ я однажды у фонъ-Цурмиллена¹⁾, и онъ спросилъ меня, не желаю ли я вступить въ корпусъ инженеровъ военныхъ

¹⁾ Андрей Андреевичъ фонъ-Цурмилленъ въ то время командовалъ лейб-гвардіи сапернымъ баталіономъ.

поселеній. Такъ какъ я ничего другого пока не имѣлъ въ виду и только понапрасну проживался въ Петербургѣ, то согласился. Цурмилленъ переговорилъ съ Витовтовымъ¹⁾, и они вмѣстѣ поѣхали къ генералъ-лейтенанту барону Николаю Ивановичу Корфу, бывшему тогда директоромъ департамента военныхъ поселеній. Ему нужны были хорошіе инженерные офицеры; онъ тотчасъ согласился на ихъ просьбу обо мнѣ и черезъ нихъ приказалъ мнѣ явиться къ нему. Я представился барону Корфу, который принялъ меня очень ласково и исполнилъ мое желаніе опредѣлиться во II округъ корпуса инженеровъ военныхъ поселеній въ Москву.

Я поступилъ на службу 18-го февраля 1844 года и уже въ мѣсяцъ того же года въ Москвѣ получилъ предписаніе изъ департамента военныхъ поселеній немедленно прибыть въ Петербургъ для исполненія особаго возлагаемаго на меня порученія, но какого — о томъ не говорилось. Снова пріѣхалъ я въ Петербургъ и явился къ Корфу, который объявилъ мнѣ, что по высочайшему повелѣнію за Охтенскими пороховыми заводами долженъ быть построенъ капсюльный заводъ для выдѣлки капсюлей къ вновь передѣлываемымъ на всю армію ружьямъ; проекты и смѣты уже готовы, высочайше утверждены, деньги назначены, всѣ планы и проекты будутъ мнѣ переданы изъ особо назначеннаго для постройки капсюльнаго завода комитета подъ предсѣдательствомъ корпуса инженеровъ путей сообщенія генералъ-лейтенанта Андрея Даниловича Ротмана, къ которому я долженъ явиться. По полученіи всѣхъ плановъ и проектовъ, мнѣ приказано было разсмотрѣть ихъ и какъ можно скорѣе приступить къ работамъ, такъ какъ всѣ работы непременно должны были быть окончены къ 1-му октября сего же года, потому что къ этому числу ожидали въ Петербургъ бельгійскаго подданнаго Фалиса съ необходимыми машинами для установки ихъ въ капсюльномъ заводѣ. Я явился къ генералу Ротману, котораго зналъ еще въ институтѣ корпуса путей сообщенія, гдѣ онъ служилъ при мнѣ майоромъ и учителемъ рисованія и черченія. Онъ принялъ меня очень ласково. По его указанію, заѣхалъ въ комитетъ, получилъ планы и проекты и затѣмъ отправился на пороховой заводъ.

Мнѣ указали мѣсто, гдѣ предполагено было построить капсюльный заводъ, смотрю — на этомъ мѣстѣ растетъ густой сосновый лѣсъ. Мнѣ показалось это нѣсколько страннымъ: соображаю слова барона Корфа «приступить какъ можно скорѣе къ работамъ», — а тутъ лѣсъ. Это какъ-то несовмѣстимо...

Я съ завода прямо поѣхалъ къ Корфу и говорю ему, что, по его словамъ, работы должны быть спѣшныя... — «Да, очень спѣшныя», перебиваетъ онъ меня. — «А между тѣмъ къ работамъ приступить нельзя», — говорю я ему.

¹⁾ Генералъ-адъютантъ Павелъ Александровичъ Витовтовъ былъ тогда начальникомъ штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. В. Ж.

Онъ съ удивленіемъ на меня посмотрѣлъ и спросилъ: «это почему?».

— Да потому, ваше превосходительство, что на мѣстѣ, гдѣ предположено построить капсюльный заводъ, растеть огромный, густой лѣсъ...

— Какой лѣсъ? Кто вамъ сказалъ? Тамъ чистое мѣсто.

Я отвѣтилъ, что самъ былъ на мѣстѣ и видѣлъ, что тамъ растеть лѣсъ. Старикъ востепенулся, послалъ за начальникомъ отдѣленія проектовъ и смѣтъ подполковникомъ Павловскимъ¹⁾. Баронъ передалъ ему, что я видѣлъ, и говорить:

— Какимъ же образомъ до сихъ поръ объ этомъ лѣсѣ ничего не было извѣстно?

Павловскій отвѣтилъ, что этого быть не можетъ. Я сказалъ ему, что лично былъ на мѣстѣ, на которомъ предположена постройка капсюльнаго завода, и самъ видѣлъ тамъ густой лѣсъ, до срубки котораго и выкорчеванія корней къ работѣ приступлено быть не можетъ. Пошла кутерьма. Мнѣ сказали, чтобы я пришелъ на слѣдующее утро.

Когда въ первый разъ я былъ у барона Корфа, то засталъ у него отставного генералъ-майора барона Федора Федоровича Розена, «кривошейку», котораго я зналъ еще въ институтѣ корпуса путей сообщенія. Баронъ Корфъ отрекомендовалъ мнѣ его, какъ подрядчика, взявшаго на себя постройку капсюльнаго завода. Розенъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ отличный человѣкъ, хорошо образованный, дѣльный и благородный. Отъ барона Корфа я поѣхалъ къ нему и рассказалъ о лѣсѣ на мѣстѣ будущаго завода. Я посоветовалъ ему тотчасъ съѣздить къ Корфу и предложить свои услуги вырубить лѣсъ и выкорчевать пни въ три недѣли, если ему уступятъ этотъ лѣсъ, не требуя за это никакой платы. Судя по настоящему положенію дѣла, можно было съ увѣренностью предсказать разрѣшеніе приступить немедленно къ рубкѣ лѣса на вышеизложенныхъ условіяхъ, тѣмъ болѣе, что краткость времени, назначеннаго на постройку всѣхъ строеній, должна была вынудить департаментъ военныхъ поселеній на все согласиться, лишь бы успѣть окончить постройки. Розенъ тотчасъ поѣхалъ къ Корфу, и дѣло уладилось совершенно такъ, какъ я предполагалъ. Розенъ, конечно, былъ очень доволенъ, такъ какъ операція оказалась весьма выгодною. Послѣ обѣда мы съ нимъ поѣхали на мѣсто, обсудили дѣло, опредѣлили необходимое

¹⁾ «Павловскій—бездарный, пустой человѣкъ, не имѣвшій никакого понятія о строительномъ искусствѣ, необразованный, взяточникъ — родной младшій братъ Павла Михайловича Павловскаго, окружнаго командира Херсонскаго округа и строителя Севастополя. Еяграфъ Михайловичъ Павловскій служилъ въ артиллеріи; выпущенный изъ какого-то корпуса, онъ, Богъ знаетъ какимъ образомъ, былъ переведенъ въ корпусъ инженеровъ военныхъ поселеній и назначенъ начальникомъ отдѣленія проектовъ и смѣтъ».

количество рабочихъ, и уже на другой день лѣсъ приняли въ топоры, работа закипѣла.

Между тѣмъ я разсмотрѣлъ переданные мнѣ смѣты и планы и нашелъ ихъ совершенно несообразными съ требованіями Фалиса. По проектамъ, присланнымъ Фалисомъ, всѣ машины для выдѣлки капсюлей должны были быть приспособлены въ деревянномъ строеніи, по проекту же департамента военныхъ поселеній онѣ должны были быть приспособлены въ каменномъ строеніи. При этомъ совершенно упустили изъ виду, что стѣны деревяннаго строенія имѣютъ толщину въ 6 вершковъ, а ихъ каменное строеніе — одинъ аршинъ. Ясно, что такимъ образомъ всѣ комнаты уменьшились, и всѣ машины, которыя привезетъ Фалисъ, должны были не помѣститься въ каменномъ зданіи. Это обстоятельство и многія другія упущенія я изложилъ въ особой докладной запискѣ, поданной при рапортѣ въ комитетъ, и представилъ 28 пунктовъ, по которымъ считалъ проектированныя постройки для капсюльнаго завода не соответствующими предположенной цѣли и прямо указалъ, что проекты похожи на казарму, но отнюдь не на заводъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я предложилъ: по подробномъ разсмотрѣніи проектовъ и плановъ я совершенно убѣжденъ, что при существующихъ данныхъ бельгіецъ Фалисъ не будетъ въ состояніи приспособить свои машины ко вновь возводимому строенію; такъ какъ вырубка и корчеваніе лѣса непрерывно продолжатся три недѣли, то было бы весьма раціонально на это короткое время откомандировать меня въ Бельгію, гдѣ я могъ бы осмотрѣть заведеніе г. Фалиса, узнать всѣ его требованія, окончательно съ нимъ уговориться, — и тогда я могъ бы быть увѣренъ, что постройки произведутся правильно и безошибочно. Въ этомъ мнѣ отказали, мои возраженія оставили безъ вниманія и предписали производить работы по выданнымъ мнѣ планамъ. Несмотря на это, я вторично подалъ въ комитетъ рапортъ о томъ, чтобы на время производства работъ прикомандировали только-что возвратившагося изъ-за границы и видѣвшаго все устройство капсюльнаго заведенія г. Фалиса лейбъ-гвардіи конной артиллеріи капитана Лихачева, дабы онъ могъ указать, что необходимо при постройкѣ этого заведенія. И въ этомъ отказали и повторили, чтобы производить работы по даннымъ мнѣ смѣтамъ и плапамъ. Тогда я въ третій разъ подалъ рапортъ, которымъ предупредилъ, что дюймъ въ дюймъ произведу работы по полученнымъ мною планамъ и смѣтамъ, но затѣмъ отрекаюсь отъ всякой отвѣтственности, если вновь построенное зданіе не будетъ соответствовать требованіямъ г. Фалиса при установкѣ имъ привезенныхъ готовыхъ машинъ. Баронъ Розенъ работалъ усиленно, такъ что вырубку лѣса и выкорчеваніе пней окончилъ въ первыхъ числахъ іюля.

8-го іюля я пригласилъ барона Корфа, генерала Ротмана и нѣ-которыхъ другихъ лицъ для присутствованія при закладкѣ строеній

каковыхъ предстояло возвести 4 каменныхъ и 5 деревянныхъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ,—задача довольно трудная, но я надѣялся успѣть при усиленной работѣ, если только не будетъ замедленія въ доставкѣ матеріаловъ и рабочихъ. По вырубкѣ лѣса, посреди очищенной отъ деревьевъ площади оказалась глубокая рытвина съ протокомъ воды, что въ проектѣ не было показано, и поэтому общее расположеніе всѣхъ строеній, по необходимости, должно было измѣниться противъ имѣющагося плана. Нѣкоторыя строенія необходимо было отодвинуть; одинъ конецъ главнаго строенія приходился надъ зыбкимъ болотомъ, поэтому подъ фундаментъ зданія нужно было вбивать сваи; черезъ рытвину пришлось перекинуть два деревянныхъ мостика. Всѣ эти дополнительныя работы не были обозначены въ проектахъ. Мнѣ пришлось поэтому составить новый планъ съ показаніемъ рытвины и вновь предполагаемаго расположенія строеній. Эти затрудненія и замедленія, однако, нисколько не останавливали хода работъ: я продолжалъ работать усиленно, несмотря даже на то, что лѣто было очень дождливое (только 70 дней безъ дождя), и пришлось даже крыши крыть желѣзомъ подъ дождемъ. Самъ я поселился въ слободкѣ за пороховымъ заводомъ у поселеннаго солдата. Довольно часто я бывалъ у начальника пороховыхъ заводовъ генерала Синельникова и у другихъ знакомыхъ и родныхъ. Не забывали и они меня. Такъ въ одинъ прекрасный день Константинъ Карловичъ¹⁾ съ товарищами своими, подпоручикомъ гвардейскаго генеральнаго штаба графомъ Теодоромъ Логгиновичемъ Гейденомъ²⁾ и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручиками Кушелевымъ и Эртелемъ, пріѣзжали посмотрѣть мои работы по капсюльному заведенію и, кстати, осмотрѣть пороховой заводъ. Они обѣдали у меня и провели весь день до поздняго вечера.

Между тѣмъ я продолжалъ свои работы и къ 1-му октября успѣлъ ихъ окончить совсѣмъ. Пріѣхалъ Фалисъ, осмотрѣлъ строенія и остался ими крайне недоволенъ. Начальнику штаба генеральфельдцейхмейстера князю Долгорукову онъ представилъ свои замѣчанія о несоотвѣтственной постройкѣ капсюльныхъ заведеній, совершенно отступающихъ отъ его проекта. Эти замѣчанія были написаны на французскомъ языкѣ и состояли изъ 26-ти пунктовъ, совершенно тождественныхъ съ тѣми моими 28-ю пунктами, которые я подалъ въ комитетъ еще до начала работъ. Лишь въ двухъ пунктахъ мы съ нимъ нѣсколько разошлись, и то только потому, что въ полученномъ мною изъ комитета проектѣ о нихъ вовсе не упоминалось, а я предполагалъ ихъ не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ Фалисъ.

¹⁾ Константинъ Карловичъ Жерве, двоюродный племянникъ дѣда. О немъ упоминается выше (гл. IV).

²⁾ Нынѣ генералъ-адъютантъ, бывшій генералъ-губернаторъ въ Финляндіи.
В. Ж.

Затѣялась переписка очень серьезная. Только что возведенныя строенія, стоившія 70.000 рублей серебромъ, большею частію оказались неподходящими для установки машинъ Фалиса; а главная бѣда состояла въ томъ, что подъ главнымъ строеніемъ слѣдовало углубить фундаментъ на 4 аршина для установки паровой машины и котла, о которыхъ въ данномъ мнѣ проектѣ и помину не было. Комитетъ переданныя ему замѣчанія Фалиса возвратилъ въ департаментъ военныхъ поселеній и написалъ, что капитанъ Жерве тѣ же самыя замѣчанія представилъ еще до начала работъ, что такковыя были посланы въ департаментъ съ просьбою обратить на нихъ вниманіе, но что департаментъ два раза повторенное комитетомъ представленіе не принялъ и не исполнилъ требованій его; что всѣ затѣмъ уже сдѣланныя предложенія на счетъ поѣздки капитана Жерве на короткое время въ Бельгію для переговоровъ съ Фалисомъ, также просьба о прикомандированіи капитана Лихачева на время работъ къ капскульному заведенію — также отвергнуты. Поэтому комитетъ считаетъ себя отстраненнымъ отъ всякой отвѣтственности и, сверхъ того, проситъ департаментъ военныхъ поселеній, согласно рапорту капитана Жерве, по имѣющимся описямъ принять строенія, вновь выстроенныя согласно планамъ и смѣтамъ, полученнымъ имъ изъ департамента. Пока же строенія не будутъ приняты департаментомъ, комитетъ не можетъ допустить какую либо перестройку или перемѣну внутри строеній, дабы на немъ не оставалась какая нибудь отвѣтственность за неправильное производство работъ. Находя представленіе капитана Жерве совершенно справедливымъ, комитетъ проситъ назначить архитектора и члена для освидѣтельствованія и принятія по описямъ всѣхъ строеній инженерами. Департаментъ военныхъ поселеній волею-неволею вынужденъ былъ прислать инженера и избралъ подполковника Павловскаго, начальника отдѣленія проектовъ и смѣтъ, въ вѣдѣніи котораго извѣстный проектъ и составилъ. Павловскій явился черезъ три дня. Какъ ни придирался онъ, какъ ни вымѣрять по дюймамъ, строенія оказались возведенными совершенно точно и правильно. Актъ о таковомъ результатѣ былъ подписанъ всѣми участвовавшими въ освидѣтельствovanіи построекъ и отправленъ въ департаментъ военныхъ поселеній, который былъ вынужденъ приступить къ составленію новаго проекта и смѣтъ тѣмъ дополнительнымъ работамъ, которыя требовалъ Фалисъ.

Для переговоровъ меня потребовали въ общее присутствіе департамента военныхъ поселеній. Здѣсь нѣкоторые изъ членовъ, поддерживаемые барономъ Корфомъ и не знавшіе, вѣроятно, всего хода дѣла, начали упрекать меня, какъ могъ я допустить такое положеніе дѣла, которое теперь приходится передѣлать совершенно вновь, притомъ въ зимнее время. Я посмотрѣлъ на нихъ и началъ высказывать, какъ неосновательно вообще дѣйствовалъ департаментъ

военныхъ поселеній, какъ онъ могъ поручить людямъ совершенно несвѣдущимъ составлять проектъ такихъ построекъ, о которыхъ они не имѣли никакого понятія, и подобный проектъ представить на высочайшее утвержденіе, какъ никому даже не припала мысль осмотрѣть мѣстность, на которой предполагались постройки, какъ вмѣсто готового для постройки мѣста я нашелъ густой дѣсь, какъ на мои 28 пунктовъ указаній на недостатки проекта не обратили никакого вниманія, несмотря на всю убѣдительность ихъ, и какъ, наконецъ, мои указанія точно согласовались съ замѣчаніями Фалиса. Всѣ эти непріятности, говорилъ я, были бы совершенно устранены, если бы я на двѣ недѣли былъ командированъ въ Бельцію для осмотра капсюльнаго заведенія Фалиса и уговора съ нимъ; эта поѣздка едва ли стоила бы 1.000 рублей, тогда какъ теперь всѣ передѣлки обойдутся врядъ ли менѣе 40.000 рублей. Я говорилъ громко, ясно, убѣдительно и, такъ какъ меня задѣли за живое, высказалъ всю несправедливость сдѣланнаго мнѣ упрека и всю неосновательность дѣйствій департамента военныхъ поселеній. Когда я кончилъ, всѣ молчали, было совершенно тихо. Тогда баронъ Корфъ, какъ директоръ и предсѣдатель, обратился ко мнѣ съ недовольнымъ видомъ:

— Такъ изъ вашихъ словъ видно, что вы во всемъ обвиняете департаментъ военныхъ поселеній.

— Позвольте же мнѣ вмѣсто отвѣта спросить ваше превосходительство, кого же вы можете обвинить въ этомъ дѣлѣ? Я сдѣлалъ все, что только можете сдѣлать подчиненный, а если не хотѣли внять моему представленію, сдѣланному своевременно по чистой совѣсти и по долгу службы, то я умываю руки, отказываюсь отъ всякой отвѣтственности, какъ объявилъ о томъ рапортомъ комитету заранее, когда мои предложенія были отвергнуты.

Опять общее молчаніе.

Наконецъ, членъ общаго присутствія генераль-майоръ Амосовъ всталъ и сказалъ:

— Дѣло сдѣлано. Такъ или иначе, но оставить его нельзя, на то есть высочайшая воля. Поэтому намъ остается только спросить капитана Жерве, возможно ли и какими средствами онъ полагаетъ исправить испорченное дѣло.

Тогда и баронъ Корфъ обратился ко мнѣ:

— Да, скажите, какъ поправить дѣло.

На это я отвѣтилъ:

— Пусть скажутъ, что желаютъ исправить, тогда я скажу, можно ли исправить.

Амосовъ взялъ донесеніе Фалиса и прочиталъ, что первое требованіе его состоитъ въ томъ, чтобы въ главномъ строеніи сдѣлать углубленіе въ 4 аршина подъ одною изъ залъ, выходящихъ на боковой фасадъ, и устроить тамъ паровую машину съ печью.

— Развѣ возможно углубиться въ землю, — отвѣтилъ я, — подѣлюю четвертью строенія на 4 аршина, вырыть землю подѣлюю и потомъ вновь возвести, не разобравъ всей этой части строенія? Вѣдь этого допустить нельзя теперь, въ зимнее время, и во всякомъ случаѣ работа потребуетъ слишкомъ много времени, а между тѣмъ Фалису приходится платить 30 тысячъ въ мѣсяцъ. Такъ отчего же, спросилъ я, департаментъ военныхъ поселеній не согласился на производство этой работы, когда я представилъ объ этомъ въ 3-мъ пунктѣ моей докладной записки?

— Гдѣ, гдѣ? — спросили всѣ. Взяли мою докладную и нашли, что я настоятельно требовалъ такое устройство. Тогда Амосовъ спросилъ меня:

— Возьметесь ли вы въ настоящее время произвести эту работу, если бы рѣшились, несмотря на усиленную издержку, поручить ее вамъ?

— Съ какимъ намѣреніемъ, ваше превосходительство, вы дѣлаете мнѣ подобный вопросъ? Я думаю, вы такъ же хорошо, какъ и я, знаете, что съ отвѣтственностью за прочность каменныхъ работъ зимою производиться не могутъ. Ваше превосходительство видѣли производство моихъ работъ и читали мою докладную записку о недостаткахъ проекта постройки капсульнаго заведенія; надѣюсь, вы могли найти во мнѣ строителя, увѣреннаго въ своемъ дѣлѣ; и потому не подавшаго вамъ повода полагать, что я рѣшился бы на подобное предложеніе.

Корфъ, кажется, наконецъ потерялъ терпѣніе:

— Вотъ уже полтора часа, какъ мы здѣсь трактуемъ, а дѣло поправить необходимо, такъ придумайте, господа, средство. Теперь часть, въ 3 часа я вернусь отъ военного министра и жду, чтобы вопросъ былъ рѣшенъ. Прошу васъ, капитанъ, также быть здѣсь въ это время.

Я поклонился всему собранію и вышелъ. Остались старики въ раздумьѣ, каждый про себя писалъ, что онъ предполагаетъ. Къ 3 часамъ Корфъ возвратился, но прошло еще около часу, пока меня позвали въ присутствіе. Здѣсь Корфъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Въ такое короткое время гг. члены общаго присутствія не могли придумать что либо удобоисполнимое, а потому завтра мы опять соберемся, и вы должны быть здѣсь.

Тогда я рѣшился сказать барону Корфу:

— Я слишкомъ убѣжденъ, что всѣ возможные предложенія на сооруженіе зимою каменныхъ построекъ не могутъ дать какой либо удовлетворительный результатъ. Зная крайнюю необходимость подземнаго помѣщенія для паровой машины, зная, что, не сдѣлавъ его при самомъ началѣ постройки, потомъ уже дѣла не поправишь, я углубилъ фундаментъ подѣлюю землей на 4 аршина, — и помѣщеніе для паровой машины готово. Эту работу я произвелъ на свой страхъ,

но прошу какъ слѣдуетъ удовлетворить подрядчика, который, опираясь только на одни мои слова, согласился произвести эту цѣнную работу.

Корфъ и всѣ члены присутствія крайне обрадовались моему сообщенію. Баронъ искренно благодарилъ меня за предусмотрительность и приказалъ удовлетворить подрядчика, какъ только онъ подастъ счетъ. Всѣ члены одинъ за другимъ подходили ко мнѣ и благодарили за то, что я вывелъ ихъ изъ крайне затруднительнаго положенія.

— А скажите-ка, капитанъ,—сказалъ тогда Корфъ,—отчего вы насъ такъ долго промучили и не объявили ранѣе о сдѣланномъ вами?

— Ваше превосходительство, я желалъ прежде вполне удостовѣриться, что вы и гг. члены общаго присутствія ясно увидѣли безвыходность положенія, въ которое совершенно произвольно поставилъ себя департаментъ военныхъ поселеній; я желалъ, чтобы всѣ окончательно убѣдились, что такой грубый пропускъ въ составленномъ проектѣ неисправимъ. Только въ такомъ случаѣ сдѣланное мною распоряженіе можетъ имѣть полную оцѣнку и оказаться дѣйствительно полезнымъ. Согласитесь сами, что я сильно рисковалъ, производя работу, не обозначенную на планѣ и не включенную въ смѣту, и мнѣ стоило не мало труда убѣдить подрядчика производить ее на-авось.

— Ну, слава Богу,—сказалъ Амосовъ,—самая главная и менѣе всего подававшая надежду на исправленіе бѣды миновала. Но остаются еще многія другія, которыя необходимо также устранить. Возьметесь ли вы, капитанъ, удовлетворить Фалиса?

Я отвѣтилъ, что другіе предметы почти всѣ знаю, и хотя нѣкоторые очень затруднительны, все же полагаю возможнымъ исполнить необходимое. Несмотря на то, что Фалисъ очень капризенъ и заносчивъ, я сумѣю его поставить на надлежащее мѣсто и не постѣсняюсь указать ему, какія его требованія излишни. Дѣло это я знаю теперь хорошо, но долгомъ считаю предупредить общее присутствіе, что работы будутъ не дешевы.

— Это меня не очень беспокоитъ,—сказалъ баронъ Корфъ,—у насъ есть большая сумма отъ уторжекъ, такъ что средства будутъ. Спѣшите только съ работой.

Казалось бы, дѣльнѣе и блистательнѣе трудно было бы оправдать мои дѣйствія, а между тѣмъ послѣдствія покажутъ, какое зло крылось въ департаментѣ военныхъ поселеній между тѣми лицами, незнаніе дѣла и бездарность коихъ были причиною всей этой сумятицы, и докажутъ вполне недобросовѣстность окружавшихъ добраго старика барона Корфа.

Еще лѣтомъ я заболѣлъ довольно сильно. Вѣроятно, дурное питаніе на пороховыхъ заводахъ испортило мой желудокъ: случались частыя и какія-то особенныя рвоты, я чувствовалъ большую сла-

бость и очень похудѣлъ. Болѣзнь моя продолжалась и теперь, по тѣмъ не менѣе, я принялся съ усердіемъ за работу. Капризы и безграничныя требованія Фалиса заставили меня принять энергическія мѣры. Я донесъ рапортомъ о всѣхъ его продѣлкахъ, клонившихся лишь къ корыстолюбивымъ цѣлямъ, какъ можно болѣе продлить свое пребываніе въ Россіи, хотя всѣ его требованія давно уже были удовлетворены; я съ точностью опредѣлилъ, что еще съ недѣлю назадъ всякая плата ему должна быть прекращена, такъ какъ работы окончены. Несмотря на сопротивленіе Фалиса, я заставилъ его привести машины въ дѣйствіе. Фалисъ страшно бѣсился, но долженъ былъ покориться. Самое большое затрудненіе составляло возведеніе небольшой, правда, полукруглой пристройки изъ кирпича для гремучаго пороха. Я работалъ въ декабрѣ и производилъ кирпичную кладку во время полудня, когда морозы нѣсколько спадали. Известь разводилъ я на кипяткѣ и водкѣ и, слава Богу, постройка уцѣлѣла хорошо, если не считать небольшихъ трещинъ, показавшихся весною у соединенія стѣнъ, но и эти трещины были задѣланы.

Между тѣмъ мое здоровье все еще было плохо, я исхудалъ и былъ изнеможенъ до нелзя. Совѣтовали мнѣ всевозможныя средства, но всѣ они весьма мало помогали. Напримѣръ, по совѣту докторовъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ я купался въ Невѣ, противъ Лѣтнаго сада. Тогда докторъ Моргулисъ содержалъ водолѣчебное заведеніе по способу Присница. Меня сажали здѣсь въ паровую ванну съ температурой до 36° тепла, изъ этой ванны я бросался прямо въ Неву, градуса въ 3—4, и, пробывъ въ водѣ минуты 3, выскакивалъ, одѣвался и, быстро побѣгавъ, черезъ Лѣтній садъ возвращался домой, гдѣ простывшій чай и котлетка изъ сырого мяса составляли мой завтракъ. Однако, промучивъ себя такимъ образомъ цѣлый мѣсяцъ, я не получилъ ни малѣйшаго облегченія. Лѣчился я декоктомъ, массажемъ, обращался къ знаменитому гомеопату доктору Оксу, потомъ къ доктору Зейдлицу — вообще всюду бросался, но нигдѣ помощи не находилъ.

Несмотря на болѣзнь, я успѣлъ окончить всѣ работы на капскульномъ заведеніи, и машины, съ грѣхомъ пополамъ, были поставлены на мѣсто. Фалпсъ, который по контракту обязанъ былъ поставить всѣ машины въ теченіе одного мѣсяца, пробылъ вмѣсто одного чetyре мѣсяца и получилъ не 30, а 120 тысячъ рублей. По требованіямъ Фалиса, работы по передѣлкѣ капскульнаго заведенія обошлись въ 44 тысячи рублей. Итакъ, казна потеряла 44 тысячи рублей только потому, что проектъ былъ составленъ людьми, не имѣвшими никакого понятія о сути его, а также и потому, что не хотѣли принять моихъ предложеній изъ-за одного чванства: какъ, молъ, мы всѣ будто не сумѣли сообразить и безъ него то, что нужно. Въ общемъ итогѣ передержано: Фалису за 3 лишніхъ мѣсяца 90 тысячъ рублей, передѣлка заведенія—44 тысячи рублей, всего—134 тысячи

рублей. Производство работъ, по даннымъ мною предложеніямъ, не привысило бы ассигнованной суммы въ 70 тысячъ рублей, а теперь онѣ обошлись въ 204 тысячи рублей!..

Однако по окончаніи всѣхъ расчетовъ дѣло доходило до отчета. Какъ показать такой громадный излишекъ чуть не вдвое противъ первоначально требовавшейся суммы? Какъ ни былъ я боленъ, все-таки по порученію комитета успѣлъ сдать капсюльное заведеніе въ артиллерійское вѣдомство. При этомъ я испыталъ всю гадость артиллерійскаго департамента, назначившаго къ пріемкѣ своего архитектора и своихъ артиллерійскихъ офицеровъ, которые на всякомъ шагу дѣлали придирки, тянули сдачу до невозможности и дѣлали мнѣ ясныя намеки, что пока я не дамъ имъ порядочной взятки, они отъ меня строеній не примутъ. Но я имъ прямо объявилъ, что всѣ строенія возведены совершенно правильно и изъ самыхъ доброкачественныхъ матеріаловъ, и поэтому я имъ ни одной мѣдной копейки не дамъ и считаю для тебя унижительнымъ даже подавать поводъ думать, что желаю задобрить пріемщиковъ какою либо платою. Въ послѣднемъ случаѣ я далъ бы имъ поводъ думать, что недостатки дѣйствительно есть, но такъ какъ я совершенно убѣжденъ, что ихъ нѣтъ, то я и не намѣренъ задабривать пріемщиковъ. Въѣстъ съ тѣмъ я объявилъ имъ, что съ этого дня на сдачу зданій уже болѣе не явлюсь, пусть принимаютъ какъ хотятъ, а если найдутъ какіе либо недостатки, то пусть пишутъ и подаютъ на бумагѣ отзывъ о таковыхъ. Дѣйствительно, они написали о 4-хъ пунктахъ недостатковъ какую-то бумагу, которую департаментъ военныхъ поселеній передалъ мнѣ, вѣроятно, не прочитавъ, потому что эти замѣчанія были такъ неосновательны, безграмотны и такъ ясно доказывали отсутствіе всякаго знанія строительнаго искусства, что они дали мнѣ поводъ послать отвѣтъ въ самомъ ѣдкомъ, саркастическомъ тонѣ; я осмѣялъ ихъ замѣчанія очень вѣжливо, но крайне колко. Послѣ этого тотчасъ были высланы пріемныя описи за подписью пріемщиковъ.

Департаментъ военныхъ поселеній видѣлъ, что сдѣланную имъ передержку въ 44 тысячи рублей, собственно по перестройкѣ капсюльнаго заведенія, придется принять на себя, что, вѣроятно, барону Корфу сдѣлають довольно строгій выговоръ, начальнику отдѣленія проектовъ и смѣтъ и составителямъ проекта не миновать гауптвахты, да, пожалуй, наложатъ и денежный штрафъ на общее присутствіе для пополненія суммы, израсходованной безъ всякаго уважительнаго повода. Поэтому департаментъ счелъ за лучшее свалить всю эту бѣду на меня и объяснить въ своемъ донесеніи военному министру, что она произошла отъ ошибки производителя работъ, но совершенно неумышленно, и что, несмотря на это, можно быть совершенно увѣреннымъ въ моихъ знаніяхъ и способностяхъ. Это послѣднее замѣчаніе было сдѣлано для того, чтобы военный министръ,

прочитавъ докладъ и увидя такой сильный промахъ строителя, не придалъ бы дѣлу серьезный оборотъ и, пожалуй, не отдалъ бы меня подъ судъ,—тогда все обнаружилось бы.

Однако военный министръ, князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ, поступилъ иначе. Когда онъ прочиталъ докладъ инженернаго департамента, ему показалось страннымъ, что такой непростительный промахъ могъ сдѣлать инженерный офицеръ, ему хорошо извѣстный своими практическими познаніями, къ тому же съ хорошей стороны ему отзывался обо мнѣ самъ государь, когда узналъ о назначеніи меня строителемъ капсюльнаго завода, которымъ государь очень интересовался. Кромѣ того, князю было очень хорошо извѣстно, что проектъ и всѣ планы были заранѣе составлены и высочайше утверждены, и что я призванъ былъ только производить работы по готовому проекту. Какъ же было возможно на работы, утвержденныя въ 70 тысячъ рублей, употребить сверхъ того 40 тысячъ рублей!.. Какъ человѣку проницательному, это дѣло показалось ему нечистымъ. Ему было непріятно, во-первыхъ, потому, что онъ долженъ былъ, при докладѣ объ окончательной постройкѣ капсюльнаго заведенія, объяснить государю причину такой значительной передержки и, во-вторыхъ, обвинить въ передержкѣ этой офицера, съ хорошей стороны извѣстнаго государю; да, наконецъ, нельзя было и знать, какъ государь приметъ подобный докладъ, можетъ быть, прикажетъ произвести слѣдствіе, которое Богъ знаетъ чѣмъ кончится. Всѣ эти причины, вѣроятно, заставили князя Чернышева дознаться до истины помимо департамента военныхъ поселеній, и на этомъ основаніи онъ далъ приказаніе состоявшему при немъ для особыхъ порученій генеральнаго штаба полковнику Глинкѣ повидаться со мною, просить меня въ откровенномъ сознаніи объяснить, по какому случаю мною сдѣлана такая огромная передержка, удостовѣриться въ истинѣ моихъ словъ и обо всемъ, что онъ узнаетъ, донести ему, князю Чернышеву. Мнѣ же о продѣлкахъ департамента военныхъ поселеній ничего не было извѣстно, и потому я немало удивился, получивъ въ одно утро слѣдующую записку:

«Состоящій при военномъ министрѣ генеральнаго штаба полковникъ Глинка проситъ его высокоблагородіе г-на инженеръ-капитана Жерве пожаловать къ нему, полковнику Глинкѣ, на квартиру завтрашняго числа утромъ въ 10 часовъ для объясненій по службѣ». Адресъ.

Глинку я никогда не видалъ. Какое могъ онъ имѣть дѣло, касающееся меня, я никакъ не могъ сообразить. Но какъ ни былъ я боленъ, на другой день поѣхалъ къ нему. Онъ жилъ недалеко отъ меня на Знаменской улицѣ, въ домѣ Яхонтова,—домъ мнѣ очень знакомый: еще при вступленіи моемъ въ кондукторскую роту мы жили въ немъ. Глинка принялъ меня очень вѣжливо, объявилъ, что имѣетъ весьма непріятное для меня порученіе отъ военнаго министра,

и объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Я крайне удивился его словамъ, но, нисколько не сконфузившись, усмѣхнулся. Замѣтивъ это, онъ сказалъ мнѣ:

— Какъ я вижу, къ моему большому удовольствію, вы, кажется, этимъ ничуть не встревожены.

— Скажите мнѣ, полковникъ, откровенно, — спросилъ я его, — военный министръ дѣйствительно желаетъ узнать всю правду въ этомъ дѣлѣ, или это только одна формальность?

— Военный министръ имѣетъ именно искреннее желаніе узнать всю правду, и если вы дѣйствительно сдѣлали неумышленную ошибку, слѣдствіемъ которой была громадная передержка, то князь общаетъ вамъ свое полное покровительство.

— Потрудитесь, полковникъ, доложить князю, что я весьма благодаренъ его сіятельству за его милостивое предложеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаю, что оно, вѣроятно, не дастъ мнѣ случая воспользоваться имъ. А такъ какъ всякое серьезное дѣло можетъ быть выяснено только положительными фактами, то я не могу дать вамъ, полковникъ, никакого опредѣленнаго отвѣта прежде, чѣмъ вы возьмете на себя трудъ вытребовать изъ комитета, завѣдывавшаго постройкою капсюльнаго завода, подъ предсѣдательствомъ путей сообщенія генераль-лейтенанта Ротмана, полное дѣло объ этой постройкѣ съ самаго начала. Когда же вы получите его, потрудитесь прислать за мною, и тогда я объясню вамъ все, уже основываясь на фактахъ.

Глинка, какъ казалось, очень обрадовался моему предложенію и сказалъ мнѣ:

— Вы такъ хладнокровно и увѣренно говорите со мною, что уже этимъ однимъ совершенно успокоили меня. По обязанности своей, я долженъ тотчасъ же дать отвѣтъ князю о нашей первой встрѣчѣ и воспользуюсь случаемъ сообщить ему о томъ пріятномъ впечатлѣніи, которое вы произвели на меня вашимъ спокойствіемъ, и предувѣдомляю васъ, что ваше оправданіе будетъ князю чрезвычайно пріятно, потому что только его проникательности можно будетъ приписать открытіе клеветы, которою васъ хотѣли запятнать.

И очень поблагодарилъ Глинку за его участіе и ушелъ.

Дней черезъ пять полковникъ Глинка пригласилъ меня снова къ себѣ. Вхожу къ нему въ кабинетъ, вижу — указанное мною дѣло лежитъ на столѣ. Поздоровавшись со мною очень любезно, онъ показалъ мнѣ на дѣло.

— Прежде, чѣмъ приступлю къ объясненію, — сказалъ я, — которое подтвердится формальными документами, находящимися въ дѣлѣ, я считаю своею обязанностью передать вамъ обстоятельство, о которомъ здѣсь въ дѣлѣ вы ничего не найдете, и которое департаментъ военныхъ поселеній считалъ нужнымъ скрыть.

Тутъ я рассказалъ ему, какъ я нашелъ на мѣстѣ предполагавагося

завода густой лѣсъ, о которомъ никто ничего не зналъ,—явная небрежность составителей проекта,—какъ для выигрыша времени подрядчику дозволили вырубить лѣсъ и выкорчевать пни, и за это въ его пользу былъ предоставленъ весь лѣсъ изъ 5000 здоровыхъ, толстыхъ сосенъ, не считая мелкаго лѣса. Не говоря о дровяномъ лѣсѣ, котораго получилось болѣе 150 сажень, на строевомъ лѣсѣ казна потеряла minimum 20 тысячъ рублей серебромъ, считая каждое цѣльное, лишь хорошее дерево по самой умѣренной цѣнѣ въ 4 рубля. Объ этой уtratѣ нигдѣ ничего не упомянуто, а между тѣмъ это факты неопровержимые, такъ какъ директоръ департамента военныхъ поселеній баронъ Корфъ и всѣ члены общаго присутствія это хорошо знаютъ, сами уговаривались съ подрядчикомъ; да и подрядчикъ, отставной генералъ-майоръ баронъ Розенъ, слишкомъ благородный человѣкъ, чтобы скрыть сдѣланное ему весьма выгодное предложеніе, если бы это понадобилось для моего оправданія. Это и была причина, почему я приступилъ къ работѣ цѣлымъ мѣсяцемъ позже, чѣмъ предполагалось. Все это я передаю вамъ для свѣдѣнія,—продолжалъ я:—хотите воспользоваться фактами—я готовъ представить вамъ факты, не угодно—я согласенъ оставить это дѣло безъ огласки.

— Нѣтъ, я не смѣю скрыть отъ князя такой неблагоприятный поступокъ департамента военныхъ поселеній,—сказалъ Глинка.

Я передалъ ему адресъ подрядчика барона Розена и просилъ его вызвать и, по крайней мѣрѣ, изустно удостовѣриться въ справедливости моихъ словъ. На это Глинка согласился. Потомъ я объяснилъ ему, какъ, разсмотрѣвъ высочайше утвержденный проектъ капсюльнаго завода, составленный департаментомъ военныхъ поселеній, я нашелъ его совершенно неосновательнымъ и совершенно несоотвѣтствовавшимъ цѣли; какъ подать при рапортѣ докладную записку, въ 28-ми пунктахъ которой выяснилъ всѣ недостатки проекта, доказывая фактически, что предполагаемая постройка не заводъ, а казарма. Этотъ рапортъ и докладную мы отыскиали въ дѣлѣ и прочли вмѣстѣ съ Глинкою. Затѣмъ я показалъ Глинкѣ мой второй рапортъ, въ которомъ просилъ департаментъ о командировкѣ меня въ Бельгію на заводъ Фалиса,—и третій мой рапортъ съ просьбою о прикомандированіи на время работъ капитана Лихачева, прибывшаго недавно изъ-за границы послѣ знакомства съ капсюльнымъ заводомъ Фалиса. Прочли мы также отказы всѣхъ моихъ предложеній, изложенныхъ въ трехъ рапортахъ, и мой четвертый рапортъ, которымъ предупреждалъ, что въ виду настояній департамента я произведу работы согласно его проекту, но слагаю съ себя всякую отвѣтственность, если не представится возможности поставить и привести въ дѣйствіе машины Фалиса. Потомъ указалъ полковнику Глинкѣ возраженія Фалиса, почти тождественныя съ моими, сообщилъ ему о сдѣланномъ мною углубленіи въ 4 аршина подъ фундаментомъ главнаго зданія для парового котла, безъ

чего неминуемо пришлось бы скрыть одну четверть зданія совершенно и вновь построить ее, напомнилъ, что эту добавочную работу я произвелъ на свой страхъ и уговорилъ на это дѣло подрядчика. Глинка не могъ надивиться моей осторожности и убѣдился въ моемъ знаніи дѣла, въ особенности, когда я показалъ ему, какъ ухитрился въ послѣдствіи удовлетворить всѣмъ требованіямъ Фалиса и обуздать его алчность при желаніи воспользоваться сдѣланною ошибкою. Глинка просто изъ себя выходилъ, видя низость департамента военныхъ поселеній, который всю свою непростительную бездарность вваливалъ на меня. Онъ видимо былъ взволнованъ этой подлостью и довольно долго молча ходилъ взадъ и впередъ по кабинету. Наконецъ, немного успокоившись, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Повѣрьте мнѣ, капитанъ, я сумѣю настроить военнаго министра. Онъ выместитъ имъ за васъ хорошенько.

— Но не забудьте, полковникъ, что мнѣ вѣдь придется продолжать службу въ департаментѣ военныхъ поселеній; они мнѣ въ послѣдствіи будутъ мстить, не забудутъ, что я ихъ такъ чувствительно задѣлъ.

— На этотъ счетъ будьте совершенно покойны,—возразилъ мнѣ Глинка.— Князь сумѣетъ поставить васъ такъ, что они не посмѣютъ васъ коснуться, и, вѣроятно, разрѣшитъ вамъ при малѣйшемъ непріятномъ случаѣ прямо явиться къ нему. Но мнѣ пришла въ голову еще одна мысль, чтобы имѣть полное понятіе о всемъ дѣлѣ: поѣдьте вмѣстѣ на капсульный заводъ, и я съ вами осмотрю все подробно.

И былъ этому очень радъ и сказалъ ему, что завтра утромъ, въ часъ, когда ему удобнѣе, заѣду за нимъ въ своемъ экипажѣ. На другое утро мы съ нимъ поѣхали на капсульный заводъ, и здѣсь я еще подробнѣе объяснилъ ему все. Возвратившись, Глинка сказалъ мнѣ:

— Теперь я попрошу васъ, капитанъ, составить черновой докладъ для представленія военному министру; напишите все, не пропускайте ничего, не щадите никого и завтра утромъ пожалуйте ко мнѣ, мы его прочтемъ вмѣстѣ.

Такъ было и сдѣлано. Прочли мы черновой докладъ, который Глинка одобрилъ вполне.

— Князь, вѣроятно, будетъ очень доволенъ докладомъ: онъ написанъ правдиво, энергически и дѣльно, коротко, ясно и безъ набора пустыхъ словъ. Къ завтрашнему утру онъ будетъ переписанъ набѣло, приходите, мы еще разъ прочтемъ бѣловой.

На другой день я пришелъ. Прочтя бѣловой докладъ, Глинка при мнѣ подписалъ его. Я сказалъ ему на прощаніе:

— Теперь для меня уже слишкомъ мало, что я буду оправданъ только передъ княземъ: я желалъ бы быть оправданъ и передъ всѣми. Потрудитесь передать мое желаніе князю.

— О, это непременно. Я все передамъ князю,—успокоилъ меня Глинка.

Болѣзнь моя принимала все болѣе и болѣе суровые симптомы. Я иногда до того ослабѣвалъ, что долженъ былъ лежать въ постели, и исхудалъ страшно. Къ Святой мнѣ дали Станислава на шею, это меня порадовало, а вслѣдъ за этимъ я былъ назначенъ членомъ Петербургскаго поселеннаго инженернаго окружнаго управленія. Въ это время оба мои мальчика ¹⁾ заболѣли корью, и я пригласилъ къ нимъ доктора Гейденрейха. Людвигъ Андреевичъ, осмотрѣвъ дѣтей, обратилъ вниманіе и на мое положеніе. Онъ освидѣтельствовалъ меня, разспросилъ подробно все о моей болѣзни и посовѣтовалъ мнѣ созвать консилиумъ и начать серьезно лѣчиться. Спустя дня три, пріѣхали ко мнѣ доктора: Зейдлицъ, Арндтъ, Здекауеръ и Гейденрейхъ, и на консилиумѣ согласились съ мнѣніемъ Гейденрейха, что у меня «Artretism» въ желудкѣ, т. е. подагрическое разстройство. Рѣдкій случай подобной болѣзни привлекалъ множество докторовъ, мною вовсе не приглашенныхъ на консилиумы, которые повторялись еженедѣльно. Гейденрейхъ началъ мое лѣченіе пилюлями, въ составъ которыхъ входилъ адскій камень,—это былъ совершенно новый способъ лѣченія, который Гейденрейхъ впервые примѣнилъ къ практикѣ. Я принялъ въ первый день одну пилюлю, на слѣдующій—двѣ и такъ продолжалъ увеличивать приемы до 18 пилюль, послѣ чего въ той же постепенности уменьшалъ приемы, пока совсѣмъ не прекратилъ ихъ. При этомъ я соблюдалъ довольно строгую діету и пилъ только сельтерскую воду. Средство Гейденрейха мнѣ очень помогло, и я поправился.

VIII.

Мое назначеніе смотрителемъ зданія главнаго штаба его императорскаго величества въ 1846 году. — Причины этого назначенія. — Вступленіе въ должность и новые порядки. — Торжественныя встрѣчи министра и отпѣна ихъ. — Распущенность команды. — Исправительныя мѣры и взысканія. — Мои помощники. — Посѣщеніе главнаго штаба императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1847 году. — Благосклонный отзывъ государя. — Осмотръ зданія главнаго штаба княземъ Чернышевымъ и данное имъ мнѣ полномочіе. — Награды. — Просьба военнаго министра и мой невольный отказъ ему. — Производство въ подполковники и новая должность. — Представленіе князю Чернышеву. — Подполковникъ Якубовскій. — Пріемъ отъ него дома военнаго министра. — Знакомство съ семействомъ князя Чернышева. — Прислуга. — Вода и газъ въ главномъ штабѣ. — Мои проекты объ усовершенствованіи подоснаженія и освѣщенія. — Порученіе князя Чернышева.

28 сентября 1846 года состоялся высочайшій приказъ, которымъ я назначенъ смотрителемъ зданія главнаго штаба его императорскаго величества. Хотя подобное назначеніе мнѣ казалось не совсѣмъ соотвѣтствующимъ званію инженернаго офицера, но причины по-

¹⁾ Сыновья дѣда: Николай и Владиміръ.

добнаго назначенія были весьма уважительны. Зданіе главнаго штаба огромное и еще увеличено въ 1846 году присоединеніемъ къ нему дома, купленнаго у вольно-экономическаго общества, на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади. Онъ былъ перестроенъ подъ одинъ фасадъ съ зданіемъ главнаго штаба и приспособленъ къ обширному помѣщенію военно-топографическаго депо съ чертежными и обширнымъ архивомъ. Смотрителемъ этого зданія состоялъ армейскій подполковникъ Петерсонъ, а архитекторомъ Русско, производившій работы въ зданіи. Вѣчныя распри и жалобы этихъ двухъ лицъ одного на другого, доходившія даже до государя, надѣли страшно начальству, разбирательствамъ не было конца. Поэтому государю Николаю угодно было высказать военному министру князю Чернышеву мысль о назначеніи смотрителемъ здапія главнаго штаба одного хорошаго инженернаго офицера и сдѣлать его полнымъ хозяиномъ какъ по административной, такъ и по технической, строительной, экономической и хозяйственной частямъ. Тогда и всѣмъ дрызгамъ конецъ, и дѣло должно было навѣрное пойти хорошо. На этомъ основаніи военный министръ передалъ волю государя директору департамента военныхъ поселеній, и онъ избралъ меня. Я предполагалъ двѣ причины этого назначенія: во-первыхъ, постройка капсюльнаго завода показала весьма ясно, что дѣло свое по строительной части я знаю хорошо, а, во-вторыхъ, моя борьба съ департаментомъ военныхъ поселеній доказала, что на ногу себѣ наступить я никому не позволю; къ тому же отношенія, въ которыя поставленъ смотритель зданія главнаго штаба между генераль-квартирмейстеромъ и дежурнымъ генераломъ съ одной стороны и между департаментами генеральнаго штаба и инспекторскимъ съ другой — были весьма щекотливы и требовали большаго такта и твердой настойчивости, чтобы не быть причиною ссоръ главныхъ лицъ и департаментовъ, какъ это случалось прежде. Между тѣмъ подполковникъ Петерсонъ вообразилъ себѣ, вѣроятно, что его смѣняютъ по моимъ интригамъ, и ему въ голову не приходила мысль, что онъ самъ былъ причиною своего смѣщенія. Ему покровительствовалъ тогда генераль-квартирмейстеръ, генераль-адъютантъ Бергъ. Дежурнымъ генераломъ былъ въ то время генераль-адъютантъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ. По обязанности вновь прибывшаго служащаго, я явился къ дежурному генералу Игнатьеву, принявшему эту должность отъ генерала Веймарна, послѣ должности директора пажескаго корпуса. Онъ помнилъ хорошо покойнаго Костю ¹⁾, вообще благоволилъ ко всѣмъ членамъ нашей фамиліи и меня принялъ довольно ласково. Послѣ него я явился къ генераль-квартирмейстеру, котораго засталъ въ кабинетѣ въ департаментѣ генеральнаго штаба. Онъ принялъ меня вѣжливо, но явно холодно — причина понятна.

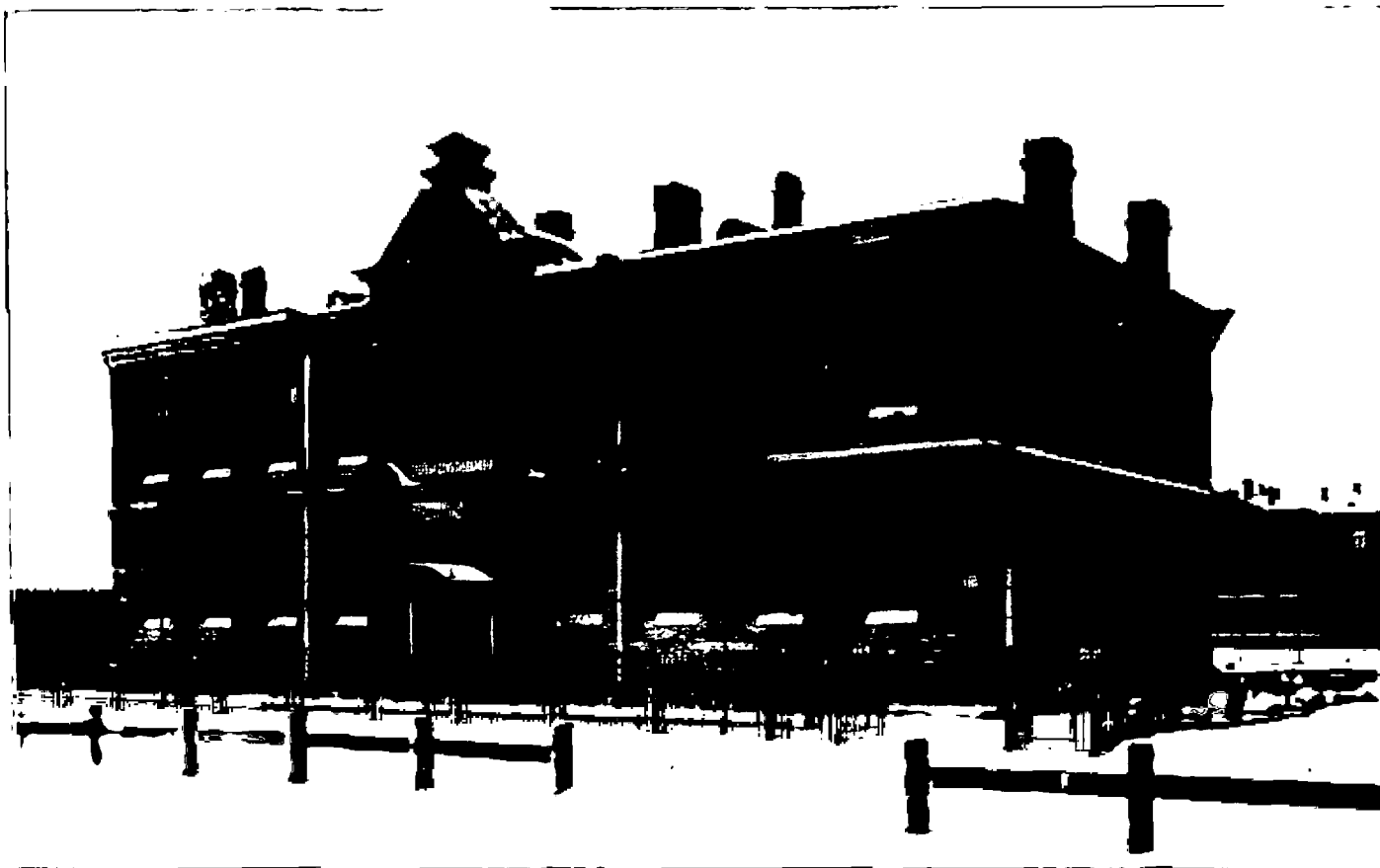
¹⁾ Константинъ Карловичъ Жерве былъ дважды записанъ на мраморную доску въ пажескомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1837 году. В. Ж.

Приѣмъ зданія главнаго штаба былъ очень затруднителенъ. Описей зданія не существовало, и я напелъ только четыре старинныхъ плана, на которыхъ даже не было нанесено вновь присоединенное зданіе. Людей я опрашивалъ довольно подробно, одежду и вещи осматривалъ очень тщательно, но, слава Богу, ничего особеннаго не напелъ. Хотя Петерсонъ сердился, что я такъ долго опрашивалъ и осматривалъ людей и вещи, — я при людяхъ же объяснилъ ему, что это необходимо для его и для моего спокойствія. Имущество, сбрую и лошадей я принялъ скоро, но трехъ лошадей не оказалось на лицо. За нихъ департаментъ генеральнаго штаба внесъ мнѣ деньги, на какомъ основаніи — не знаю... Наконецъ я принялъ зданіе и донесъ о томъ по командѣ; Петерсону выдалъ полную квитанцію.

На другой день послѣ моего вступленія въ должность, мой старшій помощникъ, титулярный совѣтникъ Мальковъ, приходитъ въ мундирѣ въ канцелярію, гдѣ я занимался съ Петерсономъ, и обращается ко мнѣ:

- Константинъ Карловичъ, пора идти къ дежурному генералу.
- Это зачѣмъ? — спросилъ я.
- Военный министръ сейчасъ будетъ изъ дворца.
- Такъ что же?
- Надо его встрѣтить.
- Это къ чему?
- Такъ велось искони, что смотритель, его помощникъ, фельдфебель и дежурный унтеръ-офицеръ всегда встрѣчаютъ его сіятельство у подъѣзда дежурнаго генерала.
- Это я нахожу совершенно лишнимъ. Потрудитесь переодѣться, и чтобы ни вы, ни фельдфебель, ни дежурный унтеръ-офицеръ при подъѣздѣ не были.
- Помилуйте, это невозможно, такъ всегда велось. Князь разсердится.
- Сдѣлайте одолженіе, не разсуждайте. Потрудитесь исполнить мое приказаніе въ точности, чтобы отнюдь никого не было у подъѣзда дежурнаго генерала.

Дѣлать нечего: приказаніе отдано опредѣленно. Со страхомъ, издалека посматривали эти господа, ожидая приѣзда князя. Князь приѣхалъ, посмотрѣлъ на обѣ стороны, не сказалъ ни слова и, не остановившись ни на минуту, вошелъ къ дежурному генералу. На другой день, на третій — то же самое. Этимъ и кончился пустой обрядъ потери времени. Петерсонъ, бывшій свидѣтелемъ отданнаго мною приказанія, не умѣлъ скрыть внутренней радости, что я прямо лѣзу на непріятности, но, узнавъ о результатѣ, крайне удивился: онъ полагалъ, что меня по крайней мѣрѣ посадятъ на гауптвахту, а кончилось все весьма благополучно. Не могли не удивиться и всѣ подчиненные мои, считая мой поступокъ крайне дерзкимъ. Но я зналъ, что имѣлъ дѣло съ умнымъ человѣкомъ, который, какъ и

Домъ трудолюбія на Обводномъ канатѣ.

обязанности и никакихъ несправедливыхъ навѣтовъ не допущу. Пусть всякій знаетъ, что я дѣлаю, и я увѣренъ, что каждый вдумывающійся человѣкъ найдетъ мои поступки правдивыми, а болѣе мнѣ ничего не надо.—Этимъ я прекратилъ всякое наущничество.

При встрѣчахъ на улицѣ люди не умѣли отдавать воинской чести начальствующимъ лицамъ, уходили со двора безъ спроса и не по формѣ одѣтыми. Я завелъ свою учебную команду, гдѣ по очереди человѣкъ по 10—15 обучались основнымъ правиламъ фронтовой службы: они должны были знать повороты, какъ останавливаться, какъ отдавать честь, какъ отвѣчать при встрѣчѣ съ начальниками и проч. Фельдфебелю и частнымъ унтеръ-офицерамъ я приказалъ строго наблюдать, чтобы никто не уходилъ безъ спроса, и дабы увольняемые люди были одѣты по формѣ, чисто и опрятно; ходилъ самъ на ученіе, какъ можно чаще осматривалъ бѣлье и вещи, часто по ночамъ обходилъ казармы и строго взыскивалъ, если находилъ беспорядки или карточную игру. Такой порядокъ крайне не понравился распущеннымъ людямъ, и несмотря на то, что въ три мѣсяца я исключилъ до 60 негодяевъ и четырехъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ отправилъ въ отдаленныя мѣста (на Аландъ, въ Оренбургъ и даже въ Сибирь), все-таки прошло еще болѣе года, пока я привелъ команду въ надлежащій порядокъ. Однажды фельдфебель при рапортѣ доложилъ мнѣ, что 12 человѣкъ просятъ на Кавказъ. Я приказалъ составить имъ списокъ, собралъ всю команду и сказалъ имъ, что 12 человѣкъ желаютъ служить на Кавказѣ,—дѣло похвальное. Вызвалъ ихъ всѣхъ по списку и спросилъ, какая причина ихъ просьбы,—уважительныхъ причинъ не оказалось. Потомъ я спросилъ, не имѣютъ ли они претензіи на начальство или, можетъ быть, имъ не выдали всего имъ слѣдующаго,—и этого не оказалось. Изъ всего мною слышаннаго, объявилъ я имъ, видно, что все это... что все это одинъ капризъ и самовольство, а этого въ службѣ не допускается. Велѣлъ принести скамейку и розогъ и съ перваго до послѣдняго, несмотря ни на какія мольбы, наказалъ какъ слѣдуетъ; затѣмъ спросилъ, нѣтъ ли еще желающихъ на Кавказъ или въ другія мѣста,—желающихъ не оказалось. И какъ рукой снялъ я на будущее время всякую мысль о неповиновеніи, люди сдѣлались шелковые, и дѣло пошло, какъ по маслу. Прекратились воровства, въ большой мѣрѣ пьянство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣлесныя наказанія. Я сталъ принимать людей только по особымъ рекомендаціямъ, съ ручательствомъ за хорошее поведеніе.

Моего старшаго помощника Малькова, котораго я успѣлъ сбыть, доставивъ ему мѣсто смотрителя преображенскихъ казармъ, смѣнилъ Алексѣевъ. У него на рукахъ былъ провіантъ для людей и фуражъ для лошадей. И очень хорошо видѣлъ, что онъ меня обманываетъ, но трудно было мнѣ обнаружить всѣ его ухищренія. Однако, чтобы прекратить зло, по крайней мѣрѣ, относительно людей, я приказалъ

составить списокъ имъ, ежемѣсячный приходъ провіанта, расходъ его и остатокъ для продажи въ экономическую сумму команды, количество проданнаго экономическаго провіанта и сумму выручки. Такіе отчеты, за подписью Алексѣева, я велѣлъ выставить во всѣхъ помѣщеніяхъ и возобновлять ихъ ежемѣсячно. Этимъ распоряженіемъ, видимо, люди были очень довольны. Но такъ какъ Алексѣевъ мошенничалъ вмѣстѣ съ каптенармусомъ и артельщиками, то я все-таки не совѣмъ былъ увѣренъ, что эта мѣра радикально уничтожила зло. Тѣмъ не менѣе пока и этого было достаточно: по крайней мѣрѣ, люди видѣли, что я желаю быть справедливымъ и ни въ какіе компромиссы не вхожу.

Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ послѣ моего назначенія смотрителемъ зданія, какъ военный министръ увѣдомилъ меня, что государь желаетъ осмотрѣть главный штабъ. Такъ скоро встрѣтить государя я никакъ не ожидалъ, а потому мнѣ стоило много хлопотъ представить государю зданіе въ болѣе блестящемъ видѣ. Но, значъ хорошо, что именно государь любитъ при осмотрѣ работъ вообще, и принимавши его столько разъ на своихъ работахъ въ Бобрыйскѣ, я все-таки успѣлъ приготовить все, что возможно было для приѣма государя. Я составилъ также краткое статистическое описаніе зданія, на маломъ форматѣ бумаги, въ $\frac{1}{16}$ долю листа: подъ печатными заголовками было показано, сколько въ зданіи живущихъ мужского и женскаго пола, сколько чиновниковъ и служителей, сколько постороннихъ лицъ, сколько жилыхъ и нежилыхъ помѣщеній и проч. Когда государь подѣхалъ къ главному входу, съ угла Невскаго проспекта, въ прихожей уже собрались военный министръ, генералъ-квартирмейстеръ, дежурный генералъ и много другихъ лицъ. Я встрѣтилъ государя, отрапортовалъ о благополучіи и подалъ ему краткое описаніе зданія. Государь раскланялся съ присутствовавшими и, поднимаясь по лѣстницѣ, прочиталъ записку.

— Это очень недурно придумано,—сказалъ онъ. -- Не худо бы принять къ руководству и при другихъ казенныхъ зданіяхъ и заведеніяхъ,—и передалъ записку дежурному генералъ-адъютанту. Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, спросилъ:

— Какъ твоя фамилія?

Я назвалъ себя.

Государь, будто обрадовавшись, сказалъ:

— Изъ Бобрыйска?

— Точно такъ, ваше величество.

— Однако мы, братъ, съ тобою оба порядкомъ постарѣли.

Обратился потомъ къ князю Чернышеву и сказалъ:

— Рекомендую тебѣ, князь: это мой старый сотрудникъ, мы съ нимъ много поработали (вѣроятно, вспомнилъ нашъ бывшій споръ) и спорили,—сказалъ государь съ усмѣшкою. — Прощу любить и жаловать,—это мой старый камрадъ.

Подъ впечатлѣніемъ такого отзыва государя все оказалось въ самомъ лучшемъ видѣ. Онъ многое обошелъ, подъ конецъ сталъ уставать и приказалъ мнѣ проводить его къ выходу. Я повелъ государя обратно. Онъ благодарилъ меня за все сдѣланное въ такое короткое время и, обратившись ко всѣмъ возлѣ него стоявшимъ, громко сказалъ:

— Теперь я спокоенъ и увѣренъ, что дѣло пойдетъ прекрасно.— Указавъ на меня, государь прибавилъ:— У него никакого дѣла изъ рукъ не выпадеть,—и уѣхалъ.

Здѣсь были и баронъ Корфъ, и баронъ Притвицъ, вице-директоръ департамента военныхъ поселеній. Князь Чернышевъ и всѣ прочіе обратились ко мнѣ съ большимъ сочувствіемъ, и князь, вспомнивъ, вѣроятно, мое дѣло съ департаментомъ военныхъ поселеній, сказалъ:

— Я очень, очень радъ, что государь лично васъ такъ хорошо знаетъ и остался всѣмъ такъ доволенъ, и еще больше радъ, что я въ васъ не ошибся. Надѣюсь, что мы съ вами будемъ часто видѣться.

Спустя дня три-четыре, я получилъ извѣщеніе, что военный министръ князь Чернышевъ будетъ осматривать зданіе. Я не понималъ сначала цѣли этого посѣщенія, но во всякомъ случаѣ былъ имъ доволенъ, такъ какъ князь явно благоволилъ ко мнѣ. Опять собралось все начальство главнаго штаба и департамента военныхъ поселеній. Князь прибылъ, и я такъ же, какъ и государю, отапортовалъ ему и подаль статистическую записку. При этомъ онъ обратился къ дежурному генералу Игнатьеву:

— А, кстати, государю очень понравился придуманный капитаномъ Жерве способъ давать краткое понятіе о посѣщаемомъ зданіи. Надо подобныя записки примѣнить ко всѣмъ казеннымъ помѣщеніямъ, а потому отдайте приказъ по военному министерству и приложите для образца копію съ этой записки, я подпишу.

Затѣмъ я повелъ князя для осмотра зданія, но осмотръ былъ крайне непродолжительный, послѣ чего князь въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ меня и сказалъ:

— Трудитесь и приведите мнѣ зданіе главнаго штаба въ стройный порядокъ, на что я съ полнымъ убѣжденіемъ уповаю. Знаю, что эта задача очень нелегкая: вы полный и единственный хозяинъ, строитель, архитекторъ и администраторъ этого огромнаго зданія, но вижу, что вы съ самаго начала принялись съ усердіемъ и знаніемъ за дѣло и повели его такъ, какъ до васъ никому и въ голову не приходило. Полагаю при томъ, что встрѣтите непременно препятствія и несогласія съ вашимъ взглядомъ на дѣло; потому, чтобы доказать вамъ полное довѣріе,—во всѣхъ случаяхъ, когда вы найдете малѣйшее сопротивленіе вашимъ распоряженіямъ или препятствіе къ исполненію вашихъ требованій,—разрѣшаю вамъ дѣйстви-

вать моимъ, военнаго министра, именемъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ окинулъ взглядомъ все окружавшее насъ начальство.

Князь снова обратился ко мнѣ, подавъ мнѣ руку.

— Прощайте, благодарю васъ еще разъ. Продолжайте смѣло начатое вами дѣло и будьте увѣрены въ моей поддержкѣ.

Надо сказать, что князь Чернышевъ держалъ себя чрезвычайно высоко; онъ не былъ гордъ, но важенъ, не былъ надмененъ, но трудно доступенъ всѣмъ, кромѣ своихъ приближенныхъ. Отъ подобнаго человѣка такія ласки и такія права удивили всѣхъ и меня—больше всего. Я сталъ на твердую ногу и поднялся во мнѣніи начальства и сослуживцевъ—со мною, значить, нельзя было обойтись безъ осторожности и вниманія. Во избѣжаніе всякихъ сомнѣній, я формальнымъ рапортомъ донесъ департаменту военныхъ поселеній о данномъ мнѣ военнымъ министромъ правѣ и просилъ передать слова его сіятельства въ оба департамента—инспекторскій и генеральнаго штаба ¹⁾.

Немного времени спустя, я былъ вызванъ къ барону Корфу, который отъ имени военнаго министра передалъ мнѣ, что князь, видя мои распоряженія, которыми день ото дня становится все болѣе и болѣе доволенъ, просить принять въ мое вѣдѣніе и домъ военнаго министра, въ которомъ онъ живетъ, и что завѣдывающимъ этимъ домомъ подполковникомъ Якубовскимъ онъ очень недоволенъ. На это я сказалъ барону Корфу, что довѣріе князя считаю для себя большою честью и при первой возможности исполню его приказаніе, но пока прошу его еще немного подождать, такъ какъ приведеніе въ порядокъ зданія главнаго штаба, найденнаго мною въ крайне запущенномъ видѣ, а также дома военной академіи (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), которымъ я еще вовсе не успѣлъ заняться,—отнимаетъ у меня всякую возможность принять домъ военнаго министра. Баронъ удивился моему отказу.

— Какъ же можно отказать военному министру въ его просьбѣ? Вѣдь это то же приказаніе. Будьте осторожны: князь можетъ разсердиться, и вы все потеряете.

Но я успокоилъ Корфа:

— Если я приму домъ, то мнѣ придется заняться имъ серьезно, потому что отъ хорошаго управленія домомъ зависитъ спокойствіе живущихъ въ немъ. А такъ какъ я не имѣю на это времени и не вижу возможности принимаемую на себя обязанность исполнять доб-

¹⁾ Послѣ посѣщеній главнаго штаба государемъ и военнымъ министромъ, дѣдѣ удостоился высочайшихъ наградъ, официально подтвердившихъ милостивое къ нему отношеніе покойнаго Николая Павловича. Въ послужномъ спискѣ дѣда значится: «1847 г. января 16—за содержаніе и устройство въ отличномъ видѣ дома генеральнаго (главнаго) штаба объявлено высочайшее благоволеніе. 1847 г. апрѣля 21—за отличіе по службѣ (произведенъ) въ подполковники».

росовѣстно, то лучше предупредить князя, чѣмъ потомъ навлечь на себя непріятность.

Когда баронъ Корфъ передалъ князю мои слова, то онъ сказалъ:

— Жаль, очень жаль. Ну, нечего дѣлать, надо подождать. Я изъ этого вижу, что Жерве не хочетъ дѣлать свое дѣло какъ нибудь, а добросовѣстно. Во всякомъ случаѣ передайте ему, что я все-таки желаю, чтобы онъ скорѣе принялъ домъ, въ которомъ я живу.

Корфъ передалъ мнѣ слова князя, и я обѣщалъ постараться при первой возможности исполнить его приказаніе.

Прежняя холодность Берга очень скоро обратилась въ самое лучшее ко мнѣ расположеніе. Онъ вскорѣ увидѣлъ, что дѣла идутъ несравненно лучше, команда точно переродилась, воровство уничтожено, пьянство, по возможности, прекращено. Чердаки, которые я нашелъ въ неописуемомъ видѣ, очищены (одного голубинаго помета свезли съ чердаковъ 8 возовъ, не говоря о мусорѣ). По новымъ правиламъ, едва смеркнется, каждый частный унтеръ-офицеръ обязанъ былъ запираť всѣ чердаки своей части на замокъ. Ключи со всѣхъ чердаковъ сносились внизъ, гдѣ висѣли подъ надзоромъ часового на особой вѣшалкѣ подъ воротами Кушелевскаго двора; кромѣ фельдфебеля и дежурнаго унтеръ-офицера, никто не имѣлъ права брать ключей. Безъ дежурнаго унтеръ-офицера на чердакъ съ огнемъ никто не входилъ, и лица, имѣвшія надобность на чердакъ, всегда сопровождались дежурнымъ.

Къ Святой 1847 года, за отличіе по службѣ, меня произвели въ подполковники. Надо было видѣть радость матери, когда она увидала меня въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ. Вскорѣ послѣ производства, когда князь мимоходомъ напомнилъ Корфу о своемъ домѣ, я согласился принять его. Баронъ Притвицъ повезъ меня въ канцелярію военнаго министерства, гдѣ князь приказалъ мнѣ къ нему явиться. Я былъ поставленъ въ длинный рядъ представлявшихся въ тотъ день генераловъ, полковниковъ и проч. Князь вышелъ изъ кабинета и вѣжливо, но важно сталъ принимать представлявшихся ему. Князь Чернышевъ въ осанкѣ своей и въ пріемахъ имѣлъ что-то невольно внушавшее уваженіе и нѣкоторую сдержанность. Надо сказать, что въ свое время онъ былъ совершенный красавецъ: прекрасное лицо съ умнымъ выраженіемъ, красивые, блестящіе каріе глаза, одѣтъ всегда чисто и щегольски. Всѣ слухи о немъ, что онъ румянится, шнурется и употребляетъ разныя косметическія средства для приданія себѣ болѣе моложаваго вида, совершенно несправедливы, въ чемъ я легко могъ удостовѣриться лично, часто присутствуя при его туалетѣ, когда бывалъ впослѣдствіи по утрамъ у него. Правда, онъ носилъ всегда прекрасный парикъ; парики онъ получалъ обыкновенно изъ Парижа, и приготовлялъ ихъ ему его камердинеръ, крѣпостной человѣкъ Петръ. Кромѣ того, онъ носилъ

еще челюсти отлично сдѣланныхъ зубовъ, которыя также получалъ изъ Парижа; на ночь онъ опускалъ ихъ въ стаканъ свѣжей воды, стоявшій на маленькомъ столикѣ подлѣ кровати его. Князь всегда держался прямо, роста былъ болѣе средняго, не толстъ, но плотенъ. Когда онъ обходилъ представлявшихся, то никому не подавалъ руки, нѣкоторымъ говорилъ нѣсколько словъ, съ рѣдкими разговаривалъ нѣсколько больше, обыкновенно же только кивнетъ головой и пройдетъ дальше. Дежурный при немъ адъютантъ читалъ званія и фамиліи представлявшихся и пояснялъ причины представленія каждаго лица.

Когда очередь дошла до меня, князь прямо подошелъ ко мнѣ, подаль мнѣ руку и сказалъ:

— Очень радъ, что вы, наконецъ, согласились вступить въ новую должность, — и сдѣлалъ мнѣ глубокій поклонъ. — Отдаю себя въ ваше полное распоряженіе.

— Я глубоко чувствую ту честь и все то довѣріе, которымъ ваше сіятельство меня почтили, — отвѣтилъ я.

Князь улынулся и сказалъ отходя:

— Надѣюсь, будемъ часто видѣться.

Признаюсь, я былъ тронутъ его ласкою, сдѣлалъ ему низкій поклонъ, — и это вовсе не удивительно, потому что вмѣсто ласки я могъ ожидать холодный пріемъ за мою медленность въ принятіи должности. Зато описать, что дѣлалось съ тѣми, кто были свидѣтелями такой изъ ряду вонъ выходящей ласки князя, я не берусь. Взглянувъ на нихъ, я увидѣлъ удивленіе, недоумѣніе: имъ казалось непонятнымъ, чѣмъ я, подполковникъ, могъ заслужить столь большое вниманіе такого лица, которое имъ, гораздо болѣе заслуженнымъ, было недоступно. Когда я уходилъ, образовался проходъ, какъ бы между шпалерами, и всѣ мнѣ по очереди поклонились, а нашъ вице-директоръ баронъ Притвицъ, который представлялъ меня князю, былъ въ восторгѣ.

Я немедленно приступилъ къ пріему дома министра, нисколько не затруднилъ подполковника Якубовскаго въ сдачѣ, но, познакомившись съ нимъ при этомъ нѣсколько короче, я вовсе не удивился, что князь имъ былъ недоволенъ. Это былъ человѣкъ, можетъ быть, и хорошій, но безъ всякаго образованія, неотесанный простакъ, съ грубыми манерами. Онъ былъ далеко необходимый и вообще совершенно не подходящій къ занимаемой имъ должности, въ особенности, если принять во вниманіе, какъ я и предполагалъ, что онъ долженъ былъ нерѣдко по разнымъ случаямъ обращаться къ самой княгинѣ. Не затруднять его въ сдачѣ дома я считалъ своею обязанностью, потому что, во-первыхъ, «лежачаго не бьютъ», а, во-вторыхъ, и потому, что я надѣялся все исправить и уладить какъ слѣдуетъ тѣми средствами, которыя были въ моихъ рукахъ по управленію тремя такими значительными домами (главный штабъ, воен-

ная академія и домъ военнаго министра); къ тому же я узналъ, что Якубовскій претерпѣваетъ уже второе фіаско. Онъ былъ назначенъ отъ воротъ-майоромъ Зимняго дворца для завѣдыванія имъ и, какъ неостѣжъ, поднялъ свой носъ слишкомъ высоко. Между прочимъ, онъ отпустилъ себѣ бороду à la jeune France. Это увидѣлъ государь, разсердился и посадилъ его на гауптвахту. Якубовскаго смѣнили и на его мѣсто назначили Карла Леонтьевича Кубе, также подполковника, который на этой должности достигъ всего, что только можно достигнуть, и пользовался большимъ расположеніемъ всей царской фамиліи.

Въ ближайшее воскресеніе послѣ моего представленія князю я пріѣхалъ къ нему въ мундирѣ, но безъ шарфа, для полученія приказаній. Онъ только что возвратился отъ государя, не заставилъ себя долго ждать и принялъ меня очень мило.

— Я очень радъ,—сказалъ онъ,—что вы пришли: я представлю васъ княгинѣ.

Вѣдя меня по внутренней лѣстницѣ на верхъ, онъ спросилъ меня, говорю ли я пофранцузски, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, очень ему обрадовался:

— Это много облегчитъ ваши сношенія съ княгиней, которая у меня полная хозяйка въ домѣ.

Придя на верхъ, онъ попросилъ меня подождать, а самъ пошелъ къ княгинѣ. Спустя минутъ пять, князь возвратился и сказалъ:

— Княгиня не совсѣмъ здорова и сожалеетъ, что не можетъ васъ принять. Но теперь это уже ничего не значитъ: при первой надобности она васъ пригласитъ и, такъ какъ уже совершенно предувѣдомлена мною, то вы можете представиться ей сами. Князь поклонился мнѣ, и я ушелъ.

Прошло недѣли двѣ. Я успѣлъ познакомиться со всѣми подробностями дома и узналъ, между прочимъ, что *factotum* въ домѣ англичанка *miss Corr*. Дровами и освѣщеніемъ завѣдывалъ вахтеръ Петровъ, человѣкъ хотя и расторопный, но выпивавшій иногда; однако такъ какъ онъ хорошо ладилъ съ людьми, то я его оставилъ пока на мѣстѣ. Подъ его надзоромъ состояла команда въ 20 человѣкъ; изъ нихъ 9 человѣкъ были постоянно у воротъ на часахъ, 1 въ помощь швейцару, 2 на кухнѣ; главный поваръ *m-r Lefort*, славный мастеръ своего дѣла и хорошій человѣкъ, не любилъ дрягъ и держалъ себя хорошо. Изъ крѣпостныхъ людей занималъ должность швейцара Алексѣй; два лакея, Андрей и Филиппъ, прислуживали у стола,—изъ нихъ Андрей былъ очень хорошій кондитеръ, Петръ, камердинеръ князя, и при немъ мальчикъ помощникъ. Сверхъ того, нанялись выѣздной для князя и выѣздной для княгини и одинъ кучеръ для нея же. Въ распоряженіи князя былъ придворный экипажъ, — двухмѣстная карета и четверка лошадей съ фореиторомъ постоянно стояла готовою для князя. Лошади стояли въ княже-

ской конюшнѣ, но кормились на счетъ придворной конюшенной конторы; кучеръ и фореиторъ получали жалованье и харчевыя деньги отсюда же. Зиму и лѣто князь ѣздилъ въ двухмѣстной каретѣ, запряженной четверкою цугомъ, и всегда съ лакеемъ въ военной ливрѣ. Выѣздного лакея нанималъ князь отъ себя, кормилъ и одѣвалъ самъ.

Въ штабѣ и въ домѣ академіи мало-по-малу порядокъ началъ явно высказываться. Въ академіи у меня былъ смотрителемъ отставной майоръ Терещенко, бездарный хохолъ; при присмотрѣ за нимъ исполнялъ свою должность хотя не отлично, но порядочно. Я его не стѣснялъ и предоставлялъ ему полное завѣдываніе командой, освѣщеніемъ и отопленіемъ, но случалось съ нимъ ссориться за безопасность и недовольно добросовѣстное исполненіе своей обязанности. Долго не могъ онъ привыкнуть къ мысли, что прежде всего дѣло нужно вести такъ, чтобы не вызывать жалобъ, а потомъ уже думать о себѣ; терпѣніемъ и настойчивостью, «потихоньку да полгоньку» я поставилъ его на надлежащую точку.

Зданіе главнаго штаба въ 1846 году было вновь перестроено переименованнымъ изъ архитекторовъ въ майоры Иваномъ Денисьевичемъ Черникомъ, казакомъ по рожденію. Онъ очень хорошо рисовалъ, щегольски, красиво умѣлъ представлять чертежи проектовъ, но о практическомъ исполненіи ихъ не имѣлъ никакого понятія. Черникъ встрѣтилъ во время поѣздки своей за границу наслѣдника, нынѣ царствующаго государя Александра Николаевича, и, представившись наслѣднику, понравился ему. Благодаря ему же, онъ былъ, какъ выше сказано, переименованъ въ майоры, состоялъ въ корпусѣ инженеровъ военныхъ поселеній и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ общаго присутствія департамента. Ему была поручена перестройка главнаго штаба, и онъ, правду сказать, показалъ при этомъ, что умѣетъ ладить съ подрядчиками, и, кажется, при этой постройкѣ нажилъ себѣ хорошія деньги. Однако онъ дѣло сдѣлалъ очень неладно, и мнѣ приходилось возиться года три сряду, пока разными средствами удалось все исправить. Такъ, напримѣръ, я нашелъ 9 печей, у которыхъ трубы были пробиты только по одному этажу, а выше оставлены глухими, — разумѣется, онѣ постоянно дымили; только при лѣтнихъ работахъ слѣдующаго года недостатокъ былъ обнаруженъ и исправленъ. Генеральный штабъ и передѣланное изъ дома вольно-экономическаго общества военно-топографическое депо были крайне небрежно отдѣланы. Всѣ перемычки надъ дверьми растрескались, и эти трещины продолжаютъ ежегодно показываться и по сіе время, несмотря на исправленія и перекладки ихъ вновь; балки въ потолкахъ положены или слишкомъ тонкія или рѣдко, приходилось почти ежегодно перебирать всѣ потолки, чтобы избавиться отъ постоянныхъ трещинъ; было много и другихъ недостатковъ. О трещинахъ надъ перемычками я доносилъ даже формально,

но такъ какъ Черникъ всегда присутствовалъ при освидѣтельствѣваніяхъ ихъ, то всегда дѣло кончалось замазываніемъ да запятуркою.

Къ князю въ домъ я ходилъ ежедневно и очень часто видѣлся съ нимъ. Недѣли двѣ спустя послѣ моего частнаго представленія князю я получилъ извѣщеніе, что княгиня желаетъ меня видѣть и ждетъ меня въ часъ по полудни у себя. Когда я пріѣхалъ, она не заставила себя ждать и приняла меня въ верхнемъ этажѣ въ своей (не парадной) гостиной, подлѣ спальни, очень мило и съ комфортомъ убранной комнатнымъ ситцемъ и обставленной хорошенькою мебелью. Я вошелъ въ комнату и, поклонившись, началъ съ того, что представляюсь по ея приказанію.

— A, m-r Gervais, je suis très contente de vous recevoir enfin. Le Prince m'a dit tant de bonnes choses de vous, que je suis pleinement persuadée que nous arrangerons nos affaires de ménage à merveille ¹⁾.

— M-me la Princesse, j'ose dire que le Prince me comble de tant de bonté que je suis tout à fait confondu comment les meriter ²⁾.

— Nous nous entendrons, mon cher m-r Gervais, je ne suis pas trop exigeante, ni capricieuse, mais je desire l'ordre dans ma maison et la bonne volonté de mon entourage, ce qui m'est très mal reussis jusqu'à present ³⁾.

При этомъ княгиня обратилась ко мнѣ съ какою-то пустою просьбою, исполнить которую я не нашелъ ни малѣйшаго затрудненія. Черезъ нѣсколько дней случилось то же, потомъ она пожелала сдѣлать небольшое перемѣщеніе людей, что повлекло за собою передѣлку двухъ печей и постановку небольшой перегородки. Когда я согласился и на эти просьбы съ полною любезностью, тогда княгиня воскликнула:

— Mais mon Dieu, je commence à respirer, c'est tout à fait autrement que comme il était jusqu'à present. Permettez que je vous présente mon factotum, ma ménagère, une anglaise qui m'est attachée corps et âme ⁴⁾.

Княгиня позвонила и вошедшему человѣку приказала позвать miss Corr. Вопля женщина болѣе чѣмъ средняго роста, лѣтъ 37—38,

¹⁾ «А, m-r Жерве, я очень рада наконецъ васъ принять. Князь говорилъ мнѣ о васъ такъ много хорошаго, и я вполне увѣрена, что мы поведемъ наши дѣла чудесно».

²⁾ «Княгиня, осмѣлюсь сказать, князь такъ добръ ко мнѣ, что я совершенно смущенъ и не знаю, чѣмъ заслужить это».

³⁾ «Мы сойдемся, милѣйшій m-r Жерве, я не слишкомъ требовательна, не капризна, но желаю порядокъ въ моемъ домѣ и добрую волю окружающихъ меня, что до сихъ поръ мнѣ мало удавалось».

⁴⁾ «О, я могу вздохнуть свободно: теперь все пошло иначе, чѣмъ было прежде. Позвольте вамъ представить моего factotum, мою экономку, англичанку, которая мнѣ продана душою и тѣломъ».

дородная, очень прилично одѣтая. Княгиня представила ее мнѣ и просила соглашаться на всѣ предложенія miss Corr, а ей предложила во всѣхъ случаяхъ прямо обращаться ко мнѣ. Я видѣлъ, въ чемъ дѣло, и нетрудно было догадаться, что, живя въ согласіи съ miss Corr, дѣло можно повести хорошо; имѣя же въ главномъ штабѣ команду мастеровыхъ въ 40 человѣкъ, легко возможно было удѣлять по временамъ на работы по дому князя нѣсколькихъ человѣкъ для исполненія желаній княгини. Miss Corr ушла, княгиня поблагодарила меня и увѣряла, что, по крайней мѣрѣ, первое впечатлѣніе отъ моего разговора съ нею было для нея пріятное; подала мнѣ руку, и я ушелъ.

Должно быть, княгиня описала своему мужу нашу первую встрѣчу въ очень живыхъ краскахъ. На другой день, вернувшись отъ дежурнаго генерала, онъ приказалъ посмотрѣть, въ домѣ ли я. Случайно я находился тамъ, исполняя какое-то порученіе княгини. Князь приказалъ меня просить къ себѣ, и я сказалъ человѣку, что тотчасъ приду, если князь разрѣшитъ мнѣ прійти въ сюртукъ, какъ я на работѣ.

— Князь просилъ васъ пожаловать, какъ вы теперь одѣты, — сказалъ человѣкъ.

И пошелъ къ нему въ кабинетъ. Князь сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ; онъ встрѣтилъ меня съ веселою улыбкою, попросилъ меня подойти, подалъ мнѣ руку и, посадивъ подлѣ себя, сказалъ:

— Такъ какъ я по всему вижу, что теперь вы уже сдѣлаетесь у насъ своимъ человѣкомъ, то долженъ вамъ сказать, что только и живу для того, чтобы моя княгиня была всѣмъ довольна и покойна. Вотъ почему я вамъ чрезвычайно благодаренъ за то, что съ перваго раза вы успѣли пріобрѣсти ея совершенное расположеніе. Она отзывалась о васъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и очень благодарила меня за сдѣланный мною выборъ. Остальное уже будетъ зависѣть отъ того, какъ вы поведете дѣло впослѣдствіи; впрочемъ, я убѣжденъ, что все пойдетъ хорошо, такъ какъ первый шагъ сдѣланъ удачно.

— Ваше сіятельство, — отвѣтилъ я князю, — вы можете быть вполне убѣждены, что я приложу всѣ возможныя старанія, дабы быть полезнымъ и пріятнымъ княгинѣ. Но такъ какъ я не могу быть постоянно въ домѣ, то желалъ бы получить разрѣшеніе вашего сіятельства имѣть здѣсь постояннаго чиновника, какъ это положено по штату; такового я имѣю уже въ виду, если угодно будетъ вашему сіятельству согласиться на мое предложеніе.

— Это я вамъ предоставляю вполне. Распоряжайтесь, какъ вы найдете лучшимъ, и что бы вы ни сдѣлали, будьте совершенно увѣрены, что я впередъ уже буду во всемъ согласенъ.

Я поблагодарилъ князя за его довѣріе и присовокупилъ, что

постараюсь заслужить его. Князь разрѣшилъ мнѣ при этомъ всегда приходить къ нему просто въ сюртукъ и при малѣйшей надобности приказывать докладывать о себѣ; меня общалъ принимать во всякое время, будетъ ли онъ занятъ или нѣтъ.

Такъ прошло еще недѣли двѣ. Всѣ желанія княгини я старался исполнять безъ замедленія. Князю было пріятно видѣть, что я часто навѣщаю домъ. Однажды князь прислалъ мнѣ приглашеніе обѣдать у него на другой день въ 5 часовъ. Это было просто событіе. Такъ какъ фельдъегерь, которому князь приказалъ меня пригласить, не зналъ моей квартиры и понелъ узнавать о ней въ канцеляріи дежурнаго генерала, то вскорѣ всѣ, кто были тамъ, узнали объ этомъ и не могли надивиться, такъ какъ этой чести мало кто удостоивался, въ особенности въ моемъ чинѣ и званіи. Когда на другой день я прибылъ къ князю, онъ самъ повелъ меня на верхъ, гдѣ я засталъ княгиню въ собственной гостиной подлѣ столовой. Она приняла меня очень ласково и уже какъ хорошаго знакомаго. Хозяинъ представилъ меня своему семейству, которое состояло изъ двухъ дочерей и сына. Старшая дочь, Елизавета Александровна, очень красивая, молоденькая женщина, была замужемъ за княземъ Владиміромъ Ивановичемъ Барятинскимъ, состоявшимъ адъютантомъ при князѣ Чернышевѣ ¹⁾; вторая дочь, Александра Александровна, не столь красивая, какъ старшая, но миловидная особа, и сынъ Левъ Александровичъ, мальчикъ лѣтъ одиннадцати. Въ числѣ гостей находился баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій, флигель-адъютантъ, жившій въ зданіи главнаго штаба и служившій въ канцеляріи военнаго министерства, очень милый, любезный человекъ, съ которымъ мы хорошо познакомились впоследствии. Когда человекъ вошелъ съ докладомъ, что кушанье подано, княгиня встала, сама подала мнѣ руку, и я повелъ ее въ столовую. Князь подождалъ меня къ себѣ и посадилъ подлѣ себя по лѣвую руку; по другую сторону отъ него сѣли Вревскій, князь Барятинскій и затѣмъ дамы. Столъ былъ прекрасный, все приготовлено очень вкусно, довольно обильно. Разговоръ оживленно поддерживался хозяевами и дамами. Вставъ изъ-за стола, я поблагодарилъ князя, который порядочно постарался угостить своего сосѣда хорошимъ винцомъ. Послѣ обѣда мы возвратились въ гостиную; здѣсь княгиня сѣла

¹⁾ Приписано на поляхъ: «Въ приданое своей дочери Елизаветѣ Александровнѣ князь далъ каменный домъ на углу Большой Милліонной и Мошкова переулка, и полныя принадлежащія ей. Этотъ домъ прежде принадлежалъ казнѣ и былъ занятъ ордонансъ-гаузомъ, который перевели въ Большую Садовую, гдѣ и теперь находится комендантское управленіе. Домъ государь подарилъ князю, тотъ его отдѣлалъ и отдалъ въ приданое дочери, а для военнаго министра купили другой, на углу Малой Морской и Гороховой, въ которомъ жилъ князь Александръ Ивановичъ, когда я былъ назначенъ смотрителемъ».

на диванъ и попросила меня сѣсть подлѣ нея въ кресло. Побѣсѣдовавъ довольно долго съ нею, послѣ кофе я ушелъ домой.

Въ главномъ штабѣ у меня дѣла шли хорошо. Въ самомъ зданіи помѣщался газовый аппаратъ для добыванія газа изъ жира. Газъ былъ отличный, но дорогой, и при томъ вещь довольно опасная: при малѣйшей неосторожности могъ произойти взрывъ. Освѣщеніемъ и производствомъ газа завѣдывалъ мастеръ, англичанинъ Ковентъ, знающій и толковый человекъ. За газовымъ аппаратомъ и правильнымъ освѣщеніемъ зданія наблюдалъ специально одинъ изъ моихъ младшихъ помощниковъ Великовъ и съ нимъ два унтеръ-офицера (газники); эти послѣдніе, при помощи двухъ сторожей, зажигали и тушили газъ въ назначенные часы по лѣстницамъ и коридорамъ. Хотя это освѣщеніе было весьма хорошее и выгодное, однако, я никогда не былъ спокоенъ, такъ какъ взрывъ газоваго аппарата могъ произойти отъ весьма незначительныхъ причинъ. Я не разъ докладывалъ объ этомъ князю, который былъ со мною совершенно согласенъ, но все-таки дѣло какъ-то оставалось безъ дальнѣйшаго хода. Накачиваніе воды составляло мою другую довольно значительную работу. По чугунной трубѣ, проведенной изъ Невы въ зданіе, вода накачивалась машиною въ резервуары и по всѣмъ трубамъ. Машина приводилась въ движеніе ручною силою, что было крайне затруднительно, потому что три раза въ сутки наряджались изъ команды по 20 человекъ по очереди для накачивания воды въ теченіе 3—4 часовъ въ каждую смѣну,—работа довольно трудная и притомъ отвлекавшая людей отъ прямыхъ своихъ обязанностей. По поводу этого послѣдняго неудобства я составилъ проектъ о замѣнѣ ручной силы машиною, приводимою въ движеніе посредствомъ лошадей. Для этой работы, между прочимъ, я предложилъ употреблять казенныхъ лошадей изъ числа двадцати, имѣвшихся при зданіи для перевозки дровъ съ дровянаго двора, не замедляя послѣднюю. За это дѣло горячо принялся генералъ Бергъ, который, съ своей стороны, просилъ барона Корфа непремѣнно утвердить мой проектъ. Проектъ утвержденъ, 1.500 рублей выданы, и въ теченіе шести недѣль было окончено машинистомъ Прокофьевымъ устройство новой машины, которую потомъ освидѣтельствовали и нашли исполнѣ хорошою.

Привести въ исполненіе другой мой проектъ—уничтожить добываніе газа въ самомъ зданіи — помогъ мнѣ, косвеннымъ образомъ, большой взрывъ въ Дублинѣ, причинившій огромный вредъ городу и много несчастій людямъ, занимавшимся этимъ дѣломъ. Газетныя извѣстія объ этомъ были показаны князю Чернышеву, который, призвавъ меня, приказалъ мнѣ составить проектъ объ уничтоженіи газоваго аппарата внутри зданія и о соединеніи газовыхъ трубъ зданія съ городскими для полученія угольнаго газа изъ общей городской трубы. Проектъ объ этомъ существовалъ уже раньше, и его

хотѣли выполнить при общей перестройкѣ зданія главнаго штаба въ 1846 году; но такъ какъ онъ вызвалъ бы расходъ въ 33.000 р., то по дороговизнѣ отъ него отказались. Разсмотрѣвъ внимательно это дѣло, я увидѣлъ, кромѣ дороговизны, что проектъ составленъ крайне неудачно. Принялся я составлять новый и ограничилъ его 14.000 рублей. Я спросилъ моего мастера Ковена, можетъ ли онъ взять на себя производство предположенныхъ моимъ проектомъ работъ и окончить ихъ въ четыре лѣтнихъ мѣсяца, когда газъ почти не горитъ въ зданіи. Когда онъ на это согласился, мой проектъ былъ представленъ въ департаментъ военныхъ поселеній съ подпискою мастера Ковена и съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы производство этихъ работъ не было предъявлено на торги, но отдано мастеру Ковену; въ противномъ случаѣ, нельзя было ручаться за прочность и безопасность работъ, такъ какъ онѣ требовали спеціальнаго искусства и большого пракческаго знанія. Кромѣ того, я просилъ департаментъ безъ промедленія разрѣшить эту работу, если ему угодно, чтобы газъ горѣлъ отъ города съ сентября мѣсяца, такъ какъ желѣзныя трубы и другія принадлежности должны быть теперь же заказаны въ Англіи и оттуда съ первымъ отходящимъ судномъ перевезены въ Петербургъ. Для удешевленія работъ я просилъ также департаментъ военныхъ поселеній снестись съ министерствомъ финансовъ, чтобы предметы газоваго освѣщенія, привозимые для казны изъ Англіи, не подвергались таможенной пошлинѣ. Удешевленіе цѣны на 19.000 рублей сравнительно съ цѣною по прежнему проекту и разъясненія, сдѣланныя мною въ особой докладной запискѣ, убѣдили департаментъ военныхъ поселеній, откуда мой проектъ былъ очень скоро представленъ въ военный совѣтъ. Здѣсь князь Чернышевъ безъ промедленія просилъ утвердить мой проектъ и назначить деньги, и по моему распоряженію былъ сдѣланъ заказъ въ Англію. Какъ только земля оттаяла, начались притотовительныя работы. Желѣзныя трубы прибыли въ первыхъ числахъ іюня и всѣ до единой были лично мною испытаны посредствомъ гидравлическаго пресса; негодныя забракованы, годныя перевезены въ штабъ. Работы шли успѣшно, кончились къ надлежащему времени, и 1-го сентября 1851 года штабъ былъ освѣщенъ угольнымъ газомъ. Такимъ образомъ, мнѣ удалось примѣнить въ зданіи главнаго штаба два крайне важныхъ усовершенствованія и сложить съ себя вѣчное безпокойство о возможности взрыва.

Въ 1849 году авторитетъ Черника крайне пострадалъ. Глухіе слухи о его корыстолюбивомъ окончаніи построекъ главнаго штаба и о прочихъ темныхъ дѣлахъ разными путями дошли и до князя Чернышева; къ тому же Черникъ началъ уже зазнаваться, подымать носъ, не такъ акуратно исполнялъ требованія князя. Вслѣдствіе этого или, можетъ быть, потому, что княгиня была дѣй-

ствительно ко мнѣ очень благосклонна, однажды утромъ, когда я довольно рано пришелъ въ домъ, князь позвалъ меня къ себѣ. Онъ совершалъ въ то время свой туалетъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, такъ какъ считалъ меня уже вполне своимъ человѣкомъ.

— Не доѣзжая до Шлиссельбурга,—сказалъ онъ,—верстахъ въ 40 отъ Петербурга, на лѣвомъ берегу Невы у меня есть маленькая дача. Тамъ не болѣе 40 душъ крестьянъ, довольно большой деревянный господскій домъ со всѣми удобствами, службы, большой садъ, огородъ, паркъ и, между прочимъ, небольшая оранжерея. Эта оранжерея нагревается посредствомъ огромной печи внутри ея, чѣмъ занято слишкомъ большое мѣсто, и оранжерея стѣснена. Нынѣшнимъ лѣтомъ княгиня съ моимъ семействомъ желаетъ провести тамъ нѣкоторое время, поэтому надо осмотрѣть домъ и службы и что нужно исправить такъ, чтобы княгиня могла прожить тамъ съ тѣмъ комфортомъ, къ которому она привыкла. Изъ Невы въ домъ проведена вода. Говорятъ, что этотъ водопроводъ, устроенный Черникомъ и стоившій порядочную сумму, совершенно испортился. Зная, что по всѣмъ этимъ частямъ вы имѣете хорошія познанія, и основываясь, главнымъ образомъ, на желаніи княгини, которая ни въ какомъ случаѣ не желаетъ поручить это дѣло Чернику и указала на васъ, имѣя къ вамъ полное довѣріе,—я прошу васъ съѣздить въ Елизаветино (такъ зовутъ эту дачу). Осмотрите все подробно, опишите все, что надо и можно сдѣлать, дабы привести дачу въ совершенно исправный видъ, и подайте мнѣ записку, въ которой прошу васъ обозначить, хотя приблизительно, во что могутъ обойтись всѣ предполагаемыя работы.

Я поблагодарилъ князя за его довѣріе и сказалъ, что для меня будетъ самымъ пріятнымъ дѣломъ исполнить его желаніе, и что я готовъ немедленно съѣздить. Князь видимо обрадовался моей готовности, такъ какъ предполагалъ возможность отказа, зная, какъ я занятъ дѣлами по управленію тремя домами.

— Но прежде чѣмъ отправиться,—продолжалъ онъ,—зайдите къ княгинѣ, которая, вѣроятно, будетъ очень довольна, что вы беретесь за это дѣло, и, надо полагать, дастъ вамъ, съ своей стороны, кое-какія порученія по этому предмету.

Я откланялся и, часа три спустя, пошелъ къ княгинѣ. Она приняла меня въ своей спальнѣ, и когда я передалъ ей, по какому случаю взялъ на себя смѣлость беспокоить ее, она такъ обрадовалась, что, протянувъ мнѣ обѣ руки, сказала:

— Savez vous que le l'ince n'a pas voulu vous faire cette proposition en vue de vos grandes occupations que vous avez, mais je l'ai persuadé et je suis très contente que je me ne suis pas trompée du zèle et de l'attachement que vous nous montrez à chaque pas. Je vous suis très redevable et intérieurement persuadée que vous menerez nos affaires là-bas avec beaucoup plus de soins et savoir que m-r Tsch-

nik qui joue le grand seigneur en oubliant pleinement les énormes services que le Prince lui a fait ¹⁾.

Сочтя долгомъ нѣсколько заступиться за Черника, я сказалъ, что онъ еще молодъ, но, насколько я его знаю, уважаетъ князя безгранично.

— Voilà le noble coeur,—воскликнула княгиня,—savez vous, m-r Gervais, vous m'attachez de plus en plus et je serais vraiment heureuse de vous prouver de ma part comme j'estime toute votre noble conduite ²⁾.

Поблагодарилъ я княгиню за ея высокоцѣненное мною расположение и, послѣ общаго совѣта ея съ miss Corr, получилъ нѣсколько порученій. Дабы не даромъ терять время въ Елизаветинѣ, я взялъ съ собою кондуктора и машиниста Прокофьева, и мы пустились въ путь на пароходѣ. Домъ оказался наглухо забитъ, водопроводъ испорченъ по небрежности людей, которые оставили воду въ трубахъ на зиму, вслѣдствіе чего трубы полопались, оранжерея же требовала совершенно новаго устройства. Осмотрѣвъ все подробно, я возвратился вечеромъ домой и составилъ записку. Я предполагалъ сломать въ оранжереѣ всю дѣйствительно громадную печь, которая, требуя огромное количество дровъ, нагрѣвала оранжерею неравномѣрно, такъ что въ противоположномъ концѣ ея температура воздуха была недостаточна для содержанія растений и цвѣтовъ въ необходимой для нихъ теплотѣ. Такъ какъ оранжерея стояла на довольно высокомъ мѣстѣ, то я предположилъ сдѣлать подъ нею углубленіе въ землѣ и поставить туда небольшую чугунную печь, которую выложить внутри англійскимъ кирпичемъ на англійской же огнепостоянной глинѣ; къ печи приспособить два мѣдныхъ котла и систему желѣзныхъ трубъ подъ поломъ, по стропиламъ и между оконными рамами. Кипятокъ долженъ былъ проходить по трубамъ, равномѣрно нагрѣвать всю оранжерею и, по минованіи надобности, стекать въ особый резервуаръ. При этомъ я упомянулъ, что чугунная печь, англійскій кирпичъ, глина и все необходимое количество желѣзныхъ трубъ у меня есть въ наличности: все это найдено мною между разнымъ хламомъ въ зданіи главнаго штаба и не стоитъ вовсе въ описяхъ. Такимъ образомъ главный расходъ требуетъ покупка двухъ мѣдныхъ котловъ, пудовъ въ 20-ть каждый, рублей на 120, и то, что заплатится рабочимъ мастеровымъ изъ

¹⁾ Знаете, князь не желалъ вамъ предложить это въ виду вашихъ усиленныхъ занятій, но я его уговорила и очень довольна, что не ошиблась въ вашемъ усердіи и преданности, которую вы намъ выказываете на каждомъ шагѣ. Я вамъ крайне обязана и искренно убѣждена, что вы поведете тамъ наши дѣла съ гораздо большимъ стараніемъ и знаніемъ, чѣмъ Черникъ, который играетъ роль барина, совершенно забывая громадныя услуги, оказанныя ему княземъ.

²⁾ Вотъ благородное сердце! Знаете, мосье Жерве, вы привлекаете меня къ себѣ все больше и больше, я, право, была бы счастлива доказать вамъ съ своей стороны, на сколько я уважаю ваше благородное поведеніе.

числа людей, имѣющихся въ достаточномъ количествѣ при садѣ, огородахъ и службахъ. Что касается водопровода, то собственно водоподъемная машина оказалась въ довольно исправномъ видѣ и требовала самой незначительной поправки. Нѣсколько свинцовыхъ трубъ необходимо было частью спаять, частью замѣнить новыми, сажень на пять; этихъ послѣднихъ у меня было также много, и онѣ могли быть положены безъ всякой издержки. Внутри дома я предполагалъ выбѣлить нѣсколько потолковъ, одну комнату оклеить простенькими обоями, всѣ полы паркетные и крашенные вымыть, а паркетные натереть воскомъ, поручивъ это тому же полотеру, который законтрактрованъ для дома министра. Всѣ издержки по приведенію въ порядокъ всего дома, водопровода, службъ и оранжереи, по моимъ расчетамъ, не должны были превысить 200—225 рублей. Надо было видѣть, какъ былъ доволенъ князь, когда я представилъ ему эту записку: дѣло въ томъ, что послѣ своего обзора Черникъ представилъ ему записку, въ которой разсчиталъ, что всѣ эти работы обойдутся, если не ошибаюсь, не менѣе 2.000 рублей. Правда, онъ включилъ сюда окраску крыши, что я предоставилъ благоусмотрѣнію князя или княгини, при желаніи которыхъ эта работа могла быть исполнена въ однѣ сутки и обоилась бы въ 400 рублей, такъ какъ крыша зеленого цвѣта. Князь разрѣшилъ тотчасъ приступить къ работамъ. Дня два я употребилъ на заготовку и покупку матеріаловъ, снарядилъ для нихъ пять казенныхъ подводъ въ Елизаветино, а остальную часть матеріаловъ, мастеровыхъ и рабочихъ взялъ съ собою на пароходъ и отправился туда же. Здѣсь я сдѣлалъ необходимыя указанія относительно производства работъ и, когда послѣднія были окончены, возвратился въ городъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

К. Жерве.

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ ¹⁾.

IX.

Неожиданное покровительство князя и два слова государю.—Пожаръ въ инспекторскомъ департаментѣ.—Столкновеніе съ дежурнымъ генераломъ Игнатьевымъ.—Награда за награду.—Вниманіе ко мнѣ князя.—Князь Чернышевъ и великій князь Михаилъ Павловичъ на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ.—Сюрпризъ князя Чернышева супругѣ: неожиданное затрудненіе и устраниеніе его.—Partie de plaisir въ Елизаветино: семейный кругъ князя и его друзья.—Встрѣча съ Чернышевымъ въ концертѣ.—Другая встрѣча.—Визитъ государя къ княгинѣ Чернышевой.—Личное приказаніе государя.—Независимость князя Чернышева и близость его къ государю Николаю Павловичу.—Вниманіе ко мнѣ князи во время болѣзни.—Производство моего сына Николая въ офицеры.—Просьба князя Чернышева къ наслѣднику цесаревичу.—Баронъ П. А. Вревскій и его благотворительность; смерть.—Свадьба княжны А. А. Чернышевой съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ.—Оставленіе княземъ должности военнаго министра и милости къ нему государя.—Прощальные обѣды.—Кукольникъ, исторія съ нимъ въ Павловскѣ.—Признательность ко мнѣ князя.—Его преемникъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ.—Пожаръ въ главномъ штабѣ; благополучные результаты.

ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ (1850) году, я попрежнему нерѣдко обѣдывалъ у князя. Однажды, послѣ обѣда, княгиня сидѣла въ своей гостиной на диванѣ и посадила меня подлѣ себя. Когда мы пили кофе, въ разговорѣ она обратилась ко мнѣ, между прочимъ, съ нѣсколькими вопросами о моемъ семействѣ, при чемъ я сказалъ ей, что у меня есть маленькая дочь²⁾ и два сына³⁾: старшій въ школѣ гвардейскихъ подпорщиковъ, а младшій въ корпусѣ путей сообщенія.

— Mais, mon cher m-r Gervais: quelle idée séparer les frères? Pourquoi ne les pas avoir tous deux à l'Ecole des porte-enseignes?

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 420.

²⁾ Ольга Константиновна.

³⁾ Николай и Владиміръ Константиновичи.

— M-me la princesse trouvera bien juste cette mesure en entendant que je n'ai pas les moyens de payer la somme nécessaire pour leur éducation dans l'Ecole des porte-enseignes. Cela coute trop cher.

— Et vous croyez que le prince ne pourrait rien faire pour trouver les moyens nécessaires, si vous le desirez?

— Je ne sais rien, m-me la princesse, mais autant que je puis juger ce n'est pas faisable, parce que mon fils cadet reçoit son éducation à l'Institut des eaux et des voies aux frais de la couronne.

— Mais il faut essayer, il faut demander le prince.

— Oh, m-me la princesse, je ne voudrais pas importuner le prince par une prière que je sais difficile, même impossible.

— Alors c'est moi qui essayerai, — и княгиня обратилась къ мужу: — prince, prince, approchez-vous de nous pour un moment. Voila m-r Gervais à qui j'ai fait des demandes, m'annonce qu'il a deux fils et que les frères ne peuvent être élevés dans la même Institution parce qu'il lui manque les moyens ¹⁾.

Тогда князь попросилъ меня пересѣсть къ нему и разспросилъ подробно.

— Такъ второй сынъ вашъ воспитывается на счетъ суммъ департамента военныхъ поселеній въ институтѣ корпуса путей сообщенія?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Такъ съѣздите вы къ Николаю Ивановичу Корфу и передайте ему мое желаніе, чтобы онъ приготовилъ докладъ государю о переводѣ вашего сына въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и о томъ, что департаментъ военныхъ поселеній теперь платимую имъ сумму въ институтъ будетъ платить въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

— Ваше сіятельство, — отвѣтилъ я князю, — я вамъ безпредѣльно благодаренъ за ваше предложеніе, но признаюсь откровенно — мнѣ совѣстно ѣхать съ подобнымъ предложеніемъ къ барону Николаю Ивановичу: онъ можетъ подумать, что я смѣлъ беспокоить ваше сіятельство столь изъ ряду выходящею просьбою.

— Ну, пусть себѣ Николай Ивановичъ думаетъ что хочетъ, но

¹⁾ «Но, милѣйшій м-г Жерве, зачѣмъ разлучать братьевъ? Отчего бы имъ не быть вмѣстѣ въ школѣ?» — «Княгиня, вы найдете это вполне основательнымъ, если примете во вниманіе, что у меня нѣтъ средствъ платить необходимую сумму за ихъ воспитаніе въ школѣ. Это стоитъ слишкомъ дорого». — «А вы думаете, что князь не могъ бы найти средства, если вы того желаете?» — «Не знаю, княгиня, но, насколько я могу судить, это невозможно, потому что мой младшій сынъ воспитывается въ институтѣ путей сообщенія на казенный счетъ». — «Но нужно попытаться, нужно спросить князя». — «О княгиня, я не желаю бы беспокоить князя просьбою, которая, я знаю, трудна, даже невозможна». — «Въ такомъ случаѣ я попытаюсь». — и княгиня обратилась къ мужу: — «князь, князь, подойдите къ намъ на минутку. Вотъ м-г Жерве, котораго я разспрашивала, говоритъ мнѣ, что у него два сына, и что братья не могутъ воспитываться въ одномъ заведеніи, потому что у него нѣтъ средствъ».

объявите ему, что это есть моя непремѣнная воля.—Ma chère princesse,—обратился князь къ супругѣ,—si vous pouvez vous passer pour le moment de m-r Gervais, je lui donnerai une commission de laquelle il doit s'acquitter encore ce soir et c'est votre compassion pour lui qui m'a donné l'idée de la lui donner ¹⁾).

При этихъ словахъ княгиня подала мнѣ руку.—Oh, si c'est pour cela c'est avec beaucoup de plaisir que je lui donne pleine liberté, mais j'espère, m-r Gervais, que vous m'avertirez comment votre affaire tournera ²⁾).

Князь улыбнулся, и я, распростившись съ хозяевами, прямо поѣхалъ къ барону Корфу, но, признаться откровенно, съ не совѣмъ пріятнымъ чувствомъ при мысли о томъ, какъ будутъ смотрѣть на подобное предложеніе. Однако дѣлать было нечего, я долженъ былъ исполнить волю князя. Приѣхалъ я къ барону уже около восьми часовъ вечера, велѣлъ о себѣ доложить и былъ принятъ имъ въ кабинетѣ. Увидѣвъ меня въ мундирѣ, онъ очень удивился (противъ обыкновенія, въ этотъ день я былъ дѣйствительно по какому-то случаю въ мундирѣ).

— Что это вы въ такое время и въ такомъ нарядѣ?

— Ваше превосходительство, я только что съ обѣда отъ князя Чернышева, и, по порученію его, мнѣ надо вамъ лично передать кое-что.

Баронъ попросилъ выйти докладчика чиновника Никитина, который представлялъ ему бумаги къ разсмотрѣнію и подписи. Тогда я подробно разсказалъ ему, какъ все случилось, и объявилъ волю князя.

Баронъ призадумался... Странно,—сказалъ онъ,—очень странно. Сказать по правдѣ, васъ я нисколько не виню, но тѣмъ не менѣе вы поставили меня въ довольно затруднительное положеніе.

— Я самъ это очень хорошо вижу и понимаю прекрасно, какъ это трудно. Но какъ же прикажете мнѣ-то быть, ваше превосходительство? Мнѣ вѣдь нельзя не исполнить воли князя.

— Подумаю, какъ это сдѣлать, посмотрю и доложу князю.

Откланявшись, я поѣхалъ домой и передалъ женѣ о случившемся. Она была очень рада за Володю и вообще тому, что братья будутъ вмѣстѣ. На слѣдующее утро я получилъ записку о томъ, чтобы тотчасъ прибыть къ барону Корфу. Оказалось, что князь уже утромъ въ 9 часовъ прислалъ къ барону фельдъегеря спросить, готовъ ли докладъ о сынѣ подполковника Жерве для представленія государю. Поэтому Корфъ самъ съѣздилъ къ князю, переговорилъ съ нимъ и попросилъ меня сообщить о себѣ въ департаментъ нѣкоторыя свѣдѣнія, искать которыхъ теперь нѣтъ вре-

¹⁾ «Милая княгиня, если позволите отвлечь отъ васъ на минутку м-г Жерве, я дамъ ему порученіе, которое онъ долженъ исполнить сегодня же вечеромъ. Ваше сочувствіе къ нему подало мнѣ мысль дать ему это порученіе».

²⁾ «О, если ради этого, я съ удовольствіемъ даю ему полную свободу, но надѣюсь, м-г Жерве, вы извѣстите меня, чѣмъ кончится ваше дѣло».

мени: князь требует непременно, чтобы докладъ былъ сегодня же готовъ для представленія государю на завтрашнее утро.

Черезъ день дежурный генералъ послалъ за мною и передалъ, что военный министръ ждетъ меня въ кабинетѣ. Правду сказать, я забылъ въ ту минуту о переводѣ Володи и ожидалъ, что князь найдетъ что либо мнѣ замѣтить. Всегда ходилъ я къ дежурному генералу и къ генералъ-квартирмейстеру просто въ сюртукъ безъ оружія, такъ и въ этомъ случаѣ я не считалъ нужнымъ измѣнить принятаго порядка и пошелъ въ чемъ былъ—въ сюртукъ. Какъ только вошелъ я въ общую пріемную залу, гдѣ было большое собраніе генералитета, ко мнѣ подошелъ дежурный генералъ Игнатьевъ и сказалъ: «идите прямо въ кабинетъ, князь васъ ждетъ». Я пошелъ, но легко себѣ представить впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ присутствовавшихъ тѣмъ, что я просто въ сюртукъ вошелъ прямо къ князю въ кабинетъ, гдѣ принимались имъ только избранныя лица. Князь сидѣлъ за письменнымъ столомъ, когда я вошелъ къ нему, улыбнулся и кивнулъ мнѣ.

— Je vous felicite, mon cher.

— A l'occasion de quoi, mon prince?—Я посмотрѣлъ на него нѣсколько удивленно.

— M-r votre fils est transporté à l'école des porte-enseignes.

— Oh, mon prince, vous savez faire des miracles. Je ne trouve pas de mots pour vous remercier!

— Avec tout cela je suis content de l'avoir fait et voilà l'entretien que j'ai eu avec l'Empereur. En me voyant présenter mon rapport, il me demande: это что ¹⁾? Я объяснилъ, въ чемъ дѣло.—Да,—сказалъ государь:—это князь Чернышевъ желаетъ, и въ такомъ случаѣ я согласенъ.

Дѣйствительно не прошло и недѣли, какъ Володя былъ переведенъ, и оба сына пріѣхали въ субботу домой гвардейскими подпорщиками ²⁾.

Осенью этого года въ инспекторскомъ департаментѣ однажды подъ вечеръ случился пожаръ. При перестройкѣ всего зданія Главнаго штаба въ 1846 году была заложена ниша въ полутемной комнатѣ, гдѣ принимались конверты; ниша забрана была досками и заштукатурена, а между тѣмъ въ эту нишу проходили трубы отъ печей, вслѣдствіе чего доски внутри загорѣлись. Придя на мѣсто, я тотчасъ приказалъ выломать доски ниши, послѣ чего и пожаръ вскорѣ

¹⁾ «Поздравляю васъ, мой милый».—Съ чѣмъ, ваше сѣятельство?—«Вашъ сынъ переведенъ въ школу гвардейскихъ подпорпорщиковъ».—Ваше сѣятельство, вы творите чудеса. Не нахожу словъ васъ благодарить.—«Все-таки я доволенъ, что устроилъ это дѣло, и вотъ весь мой разговоръ съ государемъ. Когда я представилъ ему докладъ, онъ спросилъ: «это что?»»

²⁾ Владиміръ Константиновичъ Жерве теперь генералъ-лейтенантъ и командуетъ московскою мѣстною бригадою. В. Ж.

прекратили. Но шумъ, тревоги собравшихся были нескончаемы, трудность ихъ до смѣха забавна. Я приказалъ нишу заложить кирпичемъ и заштукатурить, чѣмъ навсегда были устранены подобные случаи въ будущемъ.

Затѣмъ какъ-то въ квартирѣ Игнатьева въ столовой около плинтуса показался дымъ; когда отодрали плинтусъ, то отверстіе въ дымовомъ каналѣ оказалось незаложеннымъ, что немедленно исправили. Послѣ этого въ той же квартирѣ оказались еще кое-какіе недостатки, которые также были легко исправлены. Игнатьевъ видѣлъ, что всѣ эти неисправности въ его квартирѣ никакъ не могли быть приписываемы моему нерадѣнію или незнанію дѣла, а были чисто случайныя и всегда неизбежныя въ такомъ огромномъ зданіи, какъ главный штабъ; онѣ были и до моего вступленія въ должность и обнаруживались частью отъ времени, частью вслѣдствіе небрежной постройки зданія. Генераль, однако, пожелалъ придать важность этому дѣлу, а, вѣрнѣе, что его кто нибудь настроилъ противъ меня. Однажды, утромъ, когда собрались у него въ приемномъ залѣ вице-директоръ инспекторскаго департамента Кривошипинъ, нѣсколько начальниковъ отдѣленій и старшихъ адъютантовъ, онъ послалъ и за мною. Я вхожу въ приемную и вижу это собраніе. Игнатьевъ выходитъ изъ боковыхъ дверей и обращается прямо ко мнѣ:

— Я, полковникъ, вынужденъ вамъ сказать, что у меня въ квартирѣ постоянно происходятъ разныя неисправности, и если таковыя не прекратятся, то я долженъ буду подать рапортъ по начальству, что въ этой квартирѣ жить не могу.

Это рѣзкое замѣчаніе Игнатьева, высказанное имъ при другихъ, очень задѣло меня. Признаюсь, я даже не совсѣмъ сдержалъ себя и отвѣтилъ ему что-то въ родѣ того, что свое дѣло, по возможности дѣлаю добросовѣстно, всѣхъ неисправностей заранѣе предусмотрѣть не могу, и потому меня удивляютъ его требованія и угроза.

Игнатьевъ, никакъ не ожидавшій отъ меня подобнаго отвѣта, поблѣднѣлъ, какъ полотно, не сказалъ ни слова и быстро ушелъ въ свой кабинетъ. Всѣ присутствовавшіе ахнули, приступили ко мнѣ: какъ это можно вамъ такъ отвѣчать дежурному генералу?

— Я сказалъ только правду. Всѣ претензіи Павла Николаевича, — возразилъ я, — пустыя, вздорныя, а неисправности могутъ повторяться и почти неизбежны въ такомъ громадномъ зданіи, какъ Главный штабъ. Если же генераль не желаетъ принять это во вниманіе, такъ это уже не моя вина. Угодно ему — пусть жалуется, и тогда я уже фактически и на бумагѣ докажу, что претензіи ко мнѣ Павла Николаевича пустячныя. На это мѣсто я былъ назначенъ противъ моей воли и нисколько имъ не дорожу, но пока я здѣсь и пока вся отвѣтственность за исправность и безопасность зданія лежитъ на моихъ плечахъ, я никому не позволю мною помыкать, — въ этомъ можете быть увѣрены. Не секретничаю, а говорю это во всеуслы-

паніе, и вы можете цѣликомъ передать мои слова Павлу Николаевичу, — раскланялся и ушелъ.

Мои слова дѣйствительно были переданы; онъ крѣпко разсердился и поѣхалъ къ князю Чернышеву жаловаться на меня. Князь выслушалъ его жалобу, потомъ спросилъ, почему онъ мнѣ выговаривалъ, и, когда Игнатъевъ разсказалъ, князь улыбнулся и сказалъ ему:

— Ну, скажите же теперь, въ чемъ же собственно состоитъ вина Жерве? Ну, что онъ собственно могъ сдѣлать, дабы предупредить эти недостатки? Вѣдь святымъ духомъ впередъ не могъ же онъ знать, что у васъ тамъ-то будетъ дымить, тамъ-то будетъ сквозить, а когда оказалось—поправилъ; вотъ все, что онъ могъ сдѣлать. Эхъ, Павелъ Николаевичъ, не трогайте его въ занятіяхъ: слава Богу, что есть человѣкъ, который вполне понимаетъ и исполняетъ свою обязанность. Повѣрьте мнѣ, что по этой части у него знанія и ума въ мизинцѣ больше, чѣмъ у насъ съ вами, — я это уже испыталъ.

При первой встрѣчѣ моей съ княземъ онъ, однако, спросилъ меня, что было у меня тамъ съ Павломъ Николаевичемъ.

— Если вамъ разсказать всю исторію, ваше сіятельство, такъ это займетъ слишкомъ много вашего драгоценнаго времени. Главная пружина здѣсь—пріятелі, зависть и нашептываніе, и Павелъ Николаевичъ увлекся; я же не поддался и со всею откровенностью моего характера высказалъ его «пріятелямъ» всю гнусность ихъ клеветы.

Князь передалъ мнѣ при этомъ весь свой разговоръ съ Игнатъевымъ и сказалъ, что послѣ этого, вѣроятно, Игнатъевъ будетъ ко мнѣ очень благосклоненъ, но и меня просилъ стараться не раздражать его, что я обѣщалъ исполнять. И въ самомъ дѣлѣ послѣ того случая Игнатъевъ былъ со мною всегда очень любезенъ, ласковъ и пріятелівъ.

Къ Святой этого же года я получилъ корону къ Аннѣ. Князь самъ прислалъ мнѣ орденъ съ своимъ фельдъегеремъ. Когда на другое утро я пріѣхалъ къ нему благодарить за награду, онъ обнялъ меня, поцѣловалъ и поздравилъ.—«Да вѣдь съ васъ за орденъ вычитутъ, это надо поправить», — сказалъ князь, написалъ записочку, отдалъ ее мнѣ и попросилъ лично отвезти къ барону Вревскому. Тотъ также поздравилъ меня, прочелъ записку князя, улыбнулся и пошелъ со мною наверхъ, въ канцелярію. Спустя четверть часа, мнѣ выдали годовой окладъ жалованья... Объ этомъ я донесъ департаменту военныхъ поселеній.

Вообще, князь всегда и вездѣ, даже публично, показывалъ мнѣ свое расположеніе. Такъ осенью, кажется, въ августѣ 1849 года, когда послѣ смерти великаго князя Михаила Павловича тѣло его прибыло изъ Варшавы въ Петербургъ, всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ приказано было прибыть къ зданію Дворянскаго

полка, что на Обуховскомъ проспектѣ, и оттуда уже примкнуть къ кортежу каждому въ опредѣленное ему мѣсто. Я поѣхалъ также туда. Масса придворныхъ, генераловъ и вообще присутствовавшихъ толпилась около главнаго крыльца. Когда стѣздъ кончился, князь Чернышевъ прискакалъ во весь опоръ въ своей знаменитой каретѣ, запряженной четверкою цугомъ, и остановился тамъ, гдѣ собрался генералитетъ. Князь вышелъ изъ кареты, очень важно раскланялся со всѣми. Къ нему многіе подходили съ низкими поклонами; кое съ кѣмъ онъ загаваривалъ, но съ большинствомъ раскланивался молча и важно. Вдругъ князь увидѣлъ меня. «Colonel Gervais!» — обратился онъ ко мнѣ, и нѣсколько голосовъ повторили за нимъ: «Colonel Gervais! Colonel Gervais!» Я вышелъ впередъ. Князь дружески кивнулъ мнѣ головою, заговорилъ со мною и все время, прогуливаясь со мною бокъ о бокъ, разговаривалъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ до тѣхъ поръ, пока не показался кортежъ. Тогда онъ обратился ко мнѣ и довольно громко сказалъ: «Mais nous nous verrons demain, vous viendrez diner chez moi»¹⁾. Я поклонился князю и отошелъ въ сторону—и кто только хоть немного зналъ меня, счелъ необходимою поздороваться со мною.

Къ слову сказать, князь Чернышевъ былъ не въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и это началось вскорѣ послѣ вступленія на престолъ государя Николая Павловича. По новому положенію, вообще всѣ войска какъ гвардіи, такъ и арміи находились въ полномъ вѣдѣніи военнаго министра, а великій князь командовалъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами. Однажды, въ воскресенье, былъ назначенъ государемъ разводъ въ Михайловскомъ манежѣ. На разводѣ великій князь былъ верхомъ передъ фронтомъ. Приѣзжаетъ военный министръ. При входѣ его въ манежъ великій князь подъѣзжаетъ къ нему, салютуетъ и хочетъ рапортовать. Но князь Чернышевъ останавливаетъ Михаила Павловича:

— Ваше высочество, ваше мѣсто на правомъ флангѣ войска, и вы обязаны встрѣтить военнаго министра, когда онъ подъѣдетъ къ фронту.

Великій князь, озадаченный, повернулъ лошадь и сталъ на флангѣ. Князю Чернышеву подали верховую лошадь, онъ сѣлъ и шагомъ приближается къ фронту. Великій князь опять подъѣзжаетъ къ князю и хочетъ рапортовать, но тотъ снова останавливаетъ его:

— Ваше высочество, не угодно ли скомандовать «на-краулъ» и тогда подъѣхать ко мнѣ...

Великій князь поблѣднѣлъ, отъѣхалъ назадъ, скомандовалъ «на-краулъ». снова подъѣхалъ, отрапортовалъ и подалъ военному министру почетный рапортъ. Князь принялъ рапортъ, передалъ его

¹⁾ «Вѣдь мы увидимся завтра. Вы придете ко мнѣ обѣдать».

своему дежурному адъютанту, приказалъ скомандовать «на плечо» и «къ ногѣ» и сталъ дожидаться государя. Послѣ развода великій князь, крайне огорченный, поѣхалъ къ государю и разсказалъ ему все, что было. Государь послалъ за Чернышевымъ и сказалъ ему, что великій князь очень обидѣлся за пріемъ его въ манежѣ. На это Чернышевъ отвѣтилъ:

— Ваше величество, напрасно великій князь обижается: это — служба. Военному министру совершенно все равно, кто командуетъ частью, и, во всякомъ случаѣ, при приближеніи его къ этой части, начальникъ ея долженъ скомандовать «на-краулъ» и тогда подѣхатъ къ военному министру.

Едва-едва государь уладилъ дѣло и то только тѣмъ, что князь Чернышевъ выѣхалъ изъ своего дома къ великому князю въ то же самое время, когда Михаилъ Павловичъ выѣхалъ къ Чернышеву. Они разѣхались, но сдѣлали другъ другу визитъ.

Вообще, князь Александръ Ивановичъ держалъ себя очень важно. Онъ вернулся однажды изъ какой-то поѣздки, не помню куда, и государь въ тотъ же день приказалъ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу одѣться въ полную парадную форму и поѣхать поздравить князя Чернышева съ пріѣздомъ.

Князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ какъ-то въ откровенную минуту разсказывалъ мнѣ, что въ своей жизни много перенесъ горя. Онъ былъ женатъ въ третій разъ. Первая его жена была княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская, фамилію второй я забылъ; онъ потерялъ обѣихъ женъ и всѣхъ дѣтей, съ ними прижитыхъ. «Эти удары не легко переносятся», говорилъ онъ мнѣ съ навернувшимися на глаза слезами. Въ третій разъ онъ женился на графинѣ Зотовой. Какъ было сказано выше, отъ нея онъ имѣлъ сына и трехъ дочерей, изъ которыхъ младшая, Марія, родилась уже во время моего завѣдыванія домомъ князя. Для родовъ ея былъ выписанъ изъ Англіи акушеръ, который прожилъ въ домѣ князя шесть недѣль. Марія была очень красива, имѣла прекрасные черные глаза, но на четвертомъ году вдругъ ослѣпла: у нея оказалась такъ называемая «черная вода» — глаза открыты, но ничего не видятъ. Мать княгини, графиня Зотова, жившая постоянно въ Орлѣ, гдѣ имѣла большой каменный домъ и около Орла довольно большое имѣніе, часто пріѣзжала къ дочери въ Петербургъ. Она была прекрасная, добрейшая старушка, съ которой я очень хорошо сошелся и съ которой часто проводилъ длинные вечера.

Однажды лѣтомъ княгиня поѣхала за границу и обѣщала вернуться оттуда осенью. Вскорѣ послѣ ея отъѣзда князь призвалъ меня къ себѣ и передалъ, что желаетъ къ возвращенію княгини изъ-за границы сдѣлать ей сюрпризъ: всю парадную гостиную въ бельэтажѣ передѣлать совершенно наново, всѣ стѣны обить новымъ шелковымъ штофомъ, всю мебель вызолотить и обить также шелко-

вымъ штофомъ, на окнахъ и дверяхъ сдѣлать повѣя бархатныя драпри и пр. и пр. Князь просилъ меня при этомъ сдѣлать какъ можно скорѣе смѣту для всѣхъ этихъ работъ. Дня черезъ 3—4 послѣ того князь получилъ изъ-за границы письмо и посылку отъ княгини. Она прислала 230 аршинъ какого-то особеннаго мебельнаго ситцу, по 1 рублю 30 копеекъ аршинъ; письмомъ же просила меня, черезъ князя, снять въ ея гостиной старую желтую шелковую матерію со стѣнъ, съ мебели, съ оконъ и дверей и замѣнить ее присланнымъ ситцемъ. Князь передалъ мнѣ желаніе княгини и просилъ меня включить и эту передѣлку въ смѣту, которую я составилъ тогда для парадной гостиной. Надо полагать, что князь уже тогда имѣлъ въ виду оставить свой министерскій постъ и, вѣроятно, предвидѣлъ, что при увольненіи отъ должности государь подаритъ ему домъ, въ которомъ онъ жилъ, — такъ не мѣшало возобновить его, пока возможно было. Вѣроятно, и княгиня имѣла это же въ виду. Я составилъ смѣту, и несмотря на всевозможныя экономическіе извороты, эта передѣлка и раставрація оказалась въ 22 тысячи рублей серебромъ. Князь посмотрѣлъ, включена ли стоимость ситца въ смѣтную сумму, и, увидя ее тамъ, взглянулъ на итогъ и отдалъ мнѣ смѣту. Онъ приказалъ мнѣ отвезти ее къ барону Корфу и получить у него необходимыя деньги. Поѣхалъ я къ Корфу, передалъ смѣту и приказаніе князя. Корфъ взбеленился и сказалъ, что на такіе громадныя расходы у него денегъ нѣтъ...

— Ваше высокопревосходительство, я только передаю приказаніе князя, а тамъ ужъ не мое дѣло. Только князь, вѣроятно, тотчасъ спроситъ меня о результатѣ, и я вынужденъ буду передать его сіятельству вашъ отказъ.

— Пусть князь себѣ сердится, а у меня денегъ нѣтъ,—закончилъ Корфъ.

Я ушелъ. Часа черезъ два является фельдъегерь и проситъ меня къ князю. Иду. Онъ спросилъ меня о результатѣ разговора съ барономъ Корфомъ. Пришлось передать его отказъ. Князь только улыбнулся и сказалъ мнѣ:

— Нечего время терять. Вы съ завтрашняго дня приступите къ работамъ, а деньги вамъ будутъ вручены.

Я сдѣлалъ необходимыя распоряженія, и на другой же день мастеровые приступили къ работѣ. Князь же тотчасъ послѣ моего ухода послалъ за барономъ Вревскимъ, который былъ тогда уже свиты его величества генералъ-майоромъ и директоромъ канцеляріи военнаго министерства. Не знаю, о чемъ тамъ было говорено между ними, только въ тотъ же день директоръ департамента военныхъ поселеній генералъ-отъ-артиллеріи баронъ Корфъ получилъ формальное предписаніе приказать привезти на другой день къ 11 часамъ утра въ канцелярію военнаго министерства всѣ наличныя, безъ исключенія, суммы, какого бы названія онѣ ни были. Корфъ

очень смутился, такъ какъ и ему было приказано къ этому же времени прибыть въ канцелярію. Князь Чернышевъ принялъ барона Корфа очень сухо, дѣлалъ ему разныя колкія замѣчанія, приказалъ суммы положить въ казначейство канцеляріи, вносить туда же каждую копейку, поступающую въ департаментъ военныхъ поселеній, и никакого расхода безъ разрѣшенія его, военнаго министра, не производить. Никакія просьбы, никакія представленія не помогли: деньги были сданы по приказанію. Такъ промучилъ князь барона Корфа дней пять, и, только по просьбѣ барона Бревскаго, суммы, наконецъ, вернулись въ департаментъ военныхъ поселеній, но съ тѣмъ, однако, чтобы всѣ требованія князя исполнялись немедленно и безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Мнѣ же предписано было департаментомъ военныхъ поселеній прибыть за деньгами. На первый случай я взялъ 10 тысячъ рублей, а остальные деньги получалъ по мѣрѣ надобности.

Лѣтомъ 1851 года съ Кавказа пріѣхалъ въ отпускъ свиты его величества генералъ-майоръ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, котораго я очень часто встрѣчалъ въ домѣ Чернышевыхъ. Князь Чернышевъ попросилъ меня съѣздить къ нему въ Елизаветино, осмотрѣть и привести тамъ все въ порядокъ, такъ какъ онъ пожелалъ поѣхать туда со всѣмъ семействомъ и съ гостями, чтобы провести тамъ цѣлый день. Я устроилъ тамъ игры, очень хорошенъкую палатку, досталъ изъ комиссаріата киргизскую кибитку, приказалъ прибрать домъ получше и, возвратившись изъ Елизаветина, объявилъ князю, что все устроено. Князь написалъ записку князю Меншикову (морскому министру), и въ назначенный день къ 9 часамъ утра за Лѣтнимъ садомъ близъ Литейнаго моста былъ приготовленъ большой казенный пароходъ, подъ командою флотскаго штабъ-офицера, съ хоромъ музыки. Князь пригласилъ на эту *partie de plaisir* всѣхъ трехъ Барятинскихъ: Александра Ивановича, Владиміра Ивановича и Анатолія Ивановича. Владиміръ Ивановичъ былъ тогда ротмистромъ Кавалергардскаго полка и женатъ на старшей дочери князя Чернышева, Елизаветѣ Александровнѣ, очень хорошенъкой, милой и любезной особѣ. Анатолій Ивановичъ былъ въ чинѣ поручика лейбъ-гвардіи конной артиллеріи; съ нимъ была его молодая жена, очень недуренькая особа, чрезвычайно нѣжнаго, деликатнаго тѣлосложенія. Оба брата состояли адъютантами при князѣ, Анатолій Ивановичъ былъ только что назначенъ. Кромѣ того, были приглашены: князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ (впослѣдствіи вице-предсѣдатель государственнаго совѣта), старый другъ дома Чернышевыхъ, князь Мецкерскій съ женою, родной сестрою князя Чернышева, министръ финансовъ Вронченко, баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій, князь Кочубей съ женою, урожденною княжною Бѣлосельскою-Бѣлозерскою, баронъ Зеебахъ съ женою, урожденною графинею Нессельроде, штабсъ-капитанъ и адъютантъ князя Чернышева, графъ Гри-

горій Александровичъ Строгановъ, Николаѣ Александровичъ Бутурлинъ съ женою и дѣтьми, подростками дѣтямъ князя; меня онъ также удостоилъ приглашеніемъ.

День былъ великолѣпный,—теплый и солнечный. Какъ князь назначилъ, къ 9 часамъ утра всѣ собрались у пристани; мы, кавалеры, всѣ были въ сюртукахъ. Князя и княгиню встрѣтили съ музыкою и, когда все общество размѣстилось, пароходъ отчалилъ. Подали шоколадъ, накрыли два ломберныхъ стола, предложили карты. Князь составилъ для себя партію: Гагаринъ, Бутурлинъ, Вронченко и онъ; на другомъ столѣ играли: князь Александръ Ивановичъ Бяртинскій, князь Мещерскій, Зеебахъ и я; другіе отказались играть, а занимали дамское общество. Мы сѣли играть въ вистъ, и объявлено было «по маленькой», но какой купъ—я не зналъ. Около часу насъ всѣхъ позвали въ каютъ-компанію къ маленькому завтраку *à la fourchette*. Завтракъ былъ роскошный, и тутъ Анатолій Бяртинскій, баронъ Вревскій и Григорій Строгановъ выпили не одну бутылку шампанскаго. Чрезвычайная любезность князя и княгини и въ особенности веселое расположеніе князя, котораго раньше я никогда не видалъ въ такомъ хорошемъ настроеніи духа, придавали празднику замѣчательную оживленность, тѣмъ болѣе, что это былъ исполнъ свой семейный кружокъ, безъ всякаго стѣсненія. Князь нѣсколько разъ подходилъ ко мнѣ, самъ потчевалъ, расхаживалъ со мною подъ-руку, какъ бы стараясь показать всѣмъ присутствовавшимъ, насколько онъ ко мнѣ расположенъ.

Сѣли опять за карты, и такъ какъ солнце уже очень допекало, то командиръ судна, пока мы завтракали внизу, натянулъ *teinte* надъ всею палубою; за это вниманіе князь лично благодарилъ командира. Свою партію князь кончилъ нѣсколько ранѣ насъ и, подойдя къ нашему столу, подошелъ ко мнѣ и сталъ слѣдить за моею игрою.

— О, да вы отлично играете, какъ я вижу,—сказалъ князь:—вамъ можно вести и серьезную игру. Хорошо, что я это узналъ: вы будете нашимъ пріятнымъ партнеромъ.

Кончилась игра и оказалось, что «по маленькой» значитъ по 3 рубля серебромъ за *point*. Хотя я и взялъ съ собою, на всякій случай, рублей 600, но хорошо, что повезло, а то легко пришлось бы приплатить и болѣе 600 рублей. Я выигралъ 800 съ чѣмъ-то рублей, и князь былъ этимъ чрезвычайно доволенъ, просто радовался, что я далъ такой хорошій урокъ моимъ партнерамъ.

Такимъ образомъ, мы незамѣтно доѣхали до Елизаветина и причалили къ берегу. При выходѣ *m-me* Бутурлина взяла меня подъ руку своимъ провожатымъ. Мнѣ было пріятно такое вниманіе моей дамы, всегда очень любезной и умной. Князь, увидя насъ вмѣстѣ, подошелъ съ княгиней къ *m-me* Бутурлиной и сказалъ:

— Ah! vous avez choisi mon protégé pour votre cavalier. Vous

n'auriez pas pu faire un meilleur choix, je l'aime et je l'estime beaucoup ¹⁾).

И совѣтъ сконфузился и покраснѣлъ.

— Mais, mon prince,— отвѣтилъ я,— vous me comblez des vos bontés ²⁾).

Князь улынулся супругѣ и, какъ бы вполголоса, но довольно громко сказалъ ей:

— «On ne trouve pas souvent des hommes dans son âge qui rougissent par modestie» ³⁾).

Когда мы довели дамъ до дому, онѣ поднялись на верхъ поправить свои туалеты, а мы, кавалеры, могли любоваться прекрасною природою, насъ окружавшею. Княгиня скоро возвратилась и съ крыльца веселымъ голосомъ крикнула:

— «M-r Gervais, venez à mon aide, nous sommes ici les vrais hôtes et les ressorts pour faire plaisir à mon cher prince» ⁴⁾).

И отправился къ ней, и мы обошли приготовленный столъ. Miss Corr уже успѣла все устроить (она еще наканунѣ приѣхала въ Елизаветино), а m-r Lefort успокоилъ княгиню, объявивъ, что черезъ часъ обѣдъ будетъ готовъ.

Вся компанія разбрелась кто на горы, кто на качели, кто въ паркъ, въ садъ, въ оранжерею и т. д. Дѣтей очень забавляли устроенные мною pas de géants, также довольно высокій круглый столбъ съ сюрпризомъ на верху и большою сѣткою внизу, чтобы въ случаѣ паденія не ушибиться, многихъ интересовала палатка, бесѣдка. Но князь особенно благодарилъ меня за устройство киргизской кибитки, которая была убрана такъ, какъ у богатыхъ киргизовъ. Княгиню болѣе всего радовало то, что князь былъ такъ веселъ, и, желая особенно поблагодарить меня за хлопоты, она подошла ко мнѣ и дружески протянула мнѣ руку.

— «Mais, m-r Gervais, vous êtes intarissable d'inventions. Oh! je vous suis redevable et je vous remercie de plein coeur» ⁵⁾),—сказала она.

Большимъ звонкомъ дали знать разсѣявшейся компаніи, что обѣдъ готовъ. Я предложилъ руку m-me Бутурлиной, которую повелъ къ столу. Она посадила меня подлѣ себя, а по лѣвую сторону около меня сѣла Елизавета Александровна Барятинская. Обѣдъ былъ великолѣпный, пили много, весело было всѣмъ и въ особен-

¹⁾ «А, вы выбрали кавалеромъ моего protégé. Вы не могли бы сдѣлать лучшаго выбора: я его люблю и очень уважаю».

²⁾ «Право, князь, отвѣтилъ я, вы слишкомъ добры».

³⁾ «Рѣдко можно встрѣтить людей его возраста, которые краснѣютъ отъ скромности».

⁴⁾ «M-r Жерве, помогите мнѣ, мы съ вами здѣсь настоящіе хозяева и стараемся сдѣлать все, чтобы доставить удовольствіе моему милому князю».

⁵⁾ «Но, m-r Жерве, вы неисчерпаемы въ изобрѣтеніяхъ. И вамъ очень признательна и благодарю васъ сердечно», сказала она.

ности потому, что князь былъ въ необыкновенно веселомъ расположеніи духа. Мы пили здоровье хозяевъ и предлагали разные тосты другъ другу. Князь поднялъ бокалъ и, кивнувъ мнѣ головой, сказалъ вполголоса (онъ сидѣлъ недалеко отъ меня):

— *A votre santé, mon cher Gervais* ¹⁾.

Княгиня замѣтила это и смѣясь бойко подхватила:

— *Ah, le prince joue cache-cache avec m-r Gervais, cela ne va pas. A votre santé, mon cher Gervais, et milles et milles remerciements* ²⁾.

При этомъ и сосѣдки мои и нѣсколько другихъ особъ выпили за мое здоровье. Послѣ обѣда вынесли стулья на террасу, и здѣсь мы пили кофе. Князь заранее просилъ меня сдѣлать сюрпризъ гостямъ: послѣ обѣда устроить кавалькаду. Поэтому, когда я раньше ѣздилъ въ Елизаветино, то у окрестныхъ помѣщиковъ завербовалъ нѣсколько верховыхъ лошадей съ мужскими и дамскими сѣдлами, и, надо отдать справедливость, всѣ съ большою готовностью предложили свои услуги и выслали лошадей, штукъ до восьми; кромѣ того, я привезъ еще изъ города нѣсколько сѣделъ, которыми осѣдлали деревенскихъ лошадей. Для княгини и ея дамъ была приготовлена коляска, для князя большія дрожки, для другихъ нѣсколько простыхъ телѣгъ, покрытыхъ коврами. Князь послѣ кофе переглянулся со мною, и все приготовленное для кавалькады было подано. Мы поѣхали по отличной дорогѣ въ деревню Елизаветино; кавалеры большею частью верхами сопровождали дамскій train. Въ деревнѣ крестьяне ожидали насъ въ праздничныхъ костюмахъ и, увидя насъ, устроили хороводъ подъ звуки свирѣли, на которой очень хорошо игралъ мужичекъ, приглашенный мною изъ сосѣдняго села генераль-адъютанта Кокошкина. Это очень развеселило все общество, и княгиня улыбаясь обратилась ко мнѣ:

— *Toujours et partout la même amabilité, la même prévoyance* ³⁾.

Князь ничего не сказалъ, только, вставъ противъ меня, снялъ фуражку и низко поклонился. Видно, онъ былъ тронутъ тѣмъ, что я такъ удачно умѣлъ придать его мысли столь пріятное направленіе. На обратномъ пути къ дому много хохотали, дурачились, перегоняя другъ друга, и въ самомъ веселомъ настроеніи пріѣхали съ прогулки. Я обратился къ княгинѣ:

— *M-me la princesse, est ce que cela sera importun de ma part si j'ose proposer une contredance pour la jeunesse. La musique est là, le salon est prêt* ⁴⁾.

¹⁾ «За ваше здоровье, милый Жерве».

²⁾ «А, князь играетъ въ прятки съ м-г Жерве, это не годится. За ваше здоровье, милѣйшій Жерве, тысячу разъ благодарю васъ».

³⁾ «Всегда и вездѣ та же любезность, та же предупредительность».

⁴⁾ «Княгиня, не будетъ ли кѣтати, если я осмѣюсь предложить кадрили молодежи. Музыка здѣсь, заль готовъ».

— Il fait un peu chaud,—отвѣтила княгиня,—et nous n'avons pas beaucoup de temps, mais je parlerai au prince ¹⁾).

Она подошла къ князю и передала ему мое предложеніе.

— Mais c'est charmant!—воскликнулъ князь.—Une heure de plus ne gâtera rien et que tout le monde y prend part—cela amusera la société» ²⁾).

Сказано—сдѣлано: тотчасъ составила французская кадрили. Я ангажировалъ Александру Александровичу Чернышеву, а моимъ vis-à-vis былъ Строгановъ съ Елизаветой Александровной. Онъ былъ отличный танцоръ и дирижеръ; когда очередь дошла до grand rond, онъ уморилъ насъ всѣхъ своими турами; послѣ того протанцовали еще вальсъ и немного польку. Затѣмъ напился чаю и часовъ около 9-ти отправились на пароходъ для обратнаго путешествія. Воздухъ былъ замѣчательно теплый, вовсе не чувствовалось обычной свѣжести на водѣ, и было совершенно тихо. Брезентъ сняли, и для большого эффекта, когда начало смеркаться, пароходъ иллюминировался. Мы опять сѣли за карты. Я былъ очень радъ дать реваншъ и проигралъ большую половину моего выигрыша. Пароходъ шелъ довольно скоро, только у пороговъ нѣсколько убавлялъ ходъ и около 12^{1/2} часовъ ночи подошелъ къ пристани. Князь и княгиня всѣхъ благодарили за пріятно проведенный день, и мы, съ своей стороны, высказали имъ нашу искреннюю благодарность. Такъ кончился этотъ весьма памятный для меня день, который оставилъ по себѣ самое пріятное воспоминаніе.

Осенью, если не ошибаюсь, того же года, въ дворянскомъ собраніи устраивался концертъ съ участіемъ какой-то знаменитости. Я былъ въ креслахъ. Въ антрактѣ вижу князя съ семействомъ въ большой ложѣ, противъ царской. Я поклонился Чернышевымъ и отправился къ нимъ въ ложу, потому что князь пальцемъ манилъ меня къ себѣ. Княгиня и вся ея семья встрѣтили меня очень любезно и ласково, а князь самъ пододвинулъ ко мнѣ кресло и посадилъ меня подлѣ себя.

— Je suis persuadée, que m-r Gervais est artiste lui même, n'est ce pas?—спросила княгиня.

— Je vous demande pardon, m-me la princesse, j'ai été dans ma jeunesse un assez bon violoniste, mais le service sérieux et surtout la perte de mon violon, un Cremon excellent, m'ont fait oublier la musique, mais je suis resté un mélomane assidu. Je choie la musique

¹⁾ «Немнѣжко жарко,—отвѣтила княгиня,—и у насъ времени немного, но я скажу князю».

²⁾ «Да, это превосходно,—воскликнулъ князь.—Лишній часъ ничего не значить, и пусть всѣ принимаютъ въ этомъ участіе—это развеселитъ общество».

dans mes enfans et je visite l'opéra italien chaque une fois par semaine ¹⁾).

Въ это время кончился антрактъ, но я до конца концерта сидѣлъ въ ложѣ, такъ какъ князь просилъ меня остаться съ ними.

Какъ-то разъ, въ залѣ же дворянскаго собранія былъ устроенъ базаръ. Приѣхавъ въ собраніе, я встрѣтилъ тамъ княгиню Чернышеву съ дочерью Александрой Александровной.

— Ah, comme je suis contente de vous voir. Je suis fatiguée jusqu'au dernier degré, je cherche le prince qui voulait venir nous trouver ici et je ne le vois pas.

— M-me la princesse,—отвѣтилъ я княгинѣ,—voudriez vous avoir la bonté de me suivre quelques pas. Voilà la loge de m-me Boutourline, vous y pouvez vous reposer quelques minutes, j'irai chercher le prince et je vous l'amenerai tout de suite ²⁾).

— Oh, merci.

Я отвелъ княгиню въ ложу Бутурлиной, пошелъ искать князя, котораго дѣйствительно скоро встрѣтилъ, и передалъ, гдѣ находится его супруга и дочь. Князь казался не въ духѣ. Я привелъ его въ ложу m-me Бутурлиной, и здѣсь онъ сказалъ княгинѣ:

— Mais, princesse, vous deviez être dans la loge de la grande duchesse Alexandra Iosifovna, et ne vous trouvant pas là, j'ai courru dans tout le salon sans vous trouver. Mais je n'ai pas pu entrer dans la loge de la grande duchesse: elle n'y était pas encore. Въ это время князь увидѣлъ великую княгиню, которая входила въ свою ложу: «Voilà la grande duchesse qui arrive. Allons'y» ³⁾).

Они отправились туда, а я пошелъ бродить по залу.

Отношенія великой княгини къ Чернышевой были очень близки. Послѣдняя была очень дружна съ матерью великой княгини и въ постоянной съ нею перепискѣ. Великая княгиня Александра Іосифовна часто бывала у княгини Чернышевой, приѣзжала къ завтраку, пила кофе, и княгиня также очень часто навѣщала великую княгиню.

¹⁾ «Я увѣрена, что m-г Жерве самъ артистъ, но правда ли?»—спросила княгиня.

— «Виноватъ, княгиня. Въ молодости я былъ довольно хорошимъ скрипачемъ, но серьезная служба и въ особенности потеря моей превосходной кремонской скрипки заставили меня позабыть музыку; но я остался усерднымъ меломаномъ. Я поощряю музыку въ дѣтяхъ и посѣщаю итальянскую оперу каждую недѣлю».

²⁾ «А, какъ я рада васъ видѣть. Я совсѣмъ устала; и иду князя, который хотѣлъ прійти къ намъ сюда, и я его не вижу».

— «Княгиня,—отвѣтилъ я,—не будете ли вы добры, пожаловать за мною. Вотъ ложа m-me Бутурлиной. вы могли бы здѣсь отдохнуть нѣсколько минутъ. Я поинцу князя и приглашу его къ вамъ сейчасъ».

³⁾ «Но, княгиня, вы должны были бы находиться въ ложѣ великой княгини Александры Іосифовны, и, не найдя васъ тамъ, я обошелъ весь залъ, не встрѣтивъ васъ. Я не могъ войти въ ложу великой княгини: ея тамъ еще не было». Въ это время князь увидѣлъ великую княгиню, которая входила въ свою ложу. «Вотъ приѣхала великая княгиня. Пойдемте туда».

Государь Николай Павловичъ иногда заѣзжалъ къ княгинѣ по утрамъ. Однажды, я сходилъ по лѣстницѣ отъ княгини и встрѣтилъ государя, поднимавашагося къ ней на верхъ.

— Что княгиня дома?—спросилъ меня государь.

— У себя. Я тотчасъ доложу, ваше величество,—отвѣтилъ я и взбѣжалъ на верхъ къ княгинѣ, которой передать о прїѣздѣ государя. Она сказала мнѣ, чтобы я попросилъ государя войти въ ея гостиную и доложилъ, что она сейчасъ выйдетъ къ нему. Я передать государю просьбу княгини. Идя въ гостиную, онъ спросилъ меня:

— А что, сосѣдъ (такъ называлъ меня государь постоянно при всякой встрѣчѣ, даже въ маскарадахъ), ты вѣрно управляешь и домою военнаго министра?

— Точно такъ, ваше величество.

— Смотри же, чтобы всѣ малѣйшія требованія князя и княгини были исполняемы немедленно. Я этого желаю.

— И такъ и дѣлаю, ваше величество.

— Это хорошо,—сказалъ государь и вошелъ въ гостиную.

Однако, о его приказаніи я донесъ формально департаменту военныхъ поселеній.

Въ доказательство того, какъ независимъ былъ князь Чернышевъ, я какъ близко стоялъ онъ къ императору Николаю, приведу слѣдующій достовѣрный фактъ. Это было осенью 1851 года. Однажды, послѣ обѣда, мы играли у князя въ вистъ: князь, Павелъ Павловичъ Гагаринъ, я и не помню кто еще четвертый, кажется, министръ финансовъ Брокъ. Около 9 часовъ вечера князь получаетъ отъ государя записку—эту записку мы всѣ читали—слѣдующаго содержанія: «Prince, venez me voir à l'instant. J'ai besoin de vous. Nicolas ¹⁾». Князь прочелъ записку, положилъ ее на столъ, такъ что и мы всѣ прочли ее, и обратился къ сыну:

— «Leo, apportez moi de mon cabinet un crayon bien taillé» ²⁾.

Левъ Александровичъ принесъ карандашъ, подалъ князю, и онъ на той же запискѣ государя написать карандашемъ: «Sire, jusqu'à demain 9 heure du matin. Tschernischeff» ³⁾. Запечаталъ и отправилъ записку обратно государю. Запечаталъ же онъ ее облаткой, которую княгиня, по просьбѣ его, передала ему со своего письменнаго стола. Не думаю, чтобы кто нибудь другой, кромѣ князя, рискнулъ на подобный поступокъ, въ особенности съ покойнымъ государемъ...

Въ этомъ же году князь Чернышевъ былъ возведенъ въ свѣтлѣйшіе князья и показывалъ мнѣ грамоту, полученную имъ при рескриптѣ отъ государя, -- великолѣпный подарокъ. Однако, онъ

¹⁾ «Князь прїѣзжайте сейчасъ, мнѣ васъ нужно видѣть. Николай».

²⁾ «Левъ, принесите мнѣ изъ кабинета хорошо ошпиганный карандашъ».

³⁾ «Государь, въ 9 часовъ утра завтрашняго дня. Чернышевъ».

сталъ уже поговаривать о томъ, что въ слѣдующемъ году истекаетъ 25 лѣтъ его службы въ должности военного министра, которую послѣ этого срока онъ намѣренъ оставить вслѣдствіе разстроеннаго здоровья. Лѣтомъ этого года я заболѣлъ простудою и не могъ выходить изъ дому. Князь ежедневно утромъ и вечеромъ регулярно присылалъ фельдъегеря узнавать о моемъ здоровьѣ. А когда онъ уѣзжалъ въ Царское, то фельдъегерь, который привозилъ оттуда бумаги въ Петербургъ, получалъ приказаніе зайти ко мнѣ и справиться о моемъ здоровьѣ. Когда я уже выздоравливалъ, князь прислалъ мнѣ однажды записку, которою просилъ меня исполнить нѣкоторыя маленькія его порученія. Такъ какъ фельдъегерь долженъ былъ прибыть въ Петербургъ очень рано, то на конвертѣ подъ адресомъ было написано рукою князя: «Не будить, а вручить, когда его высокоблагородіе пробудится. Отъ князя Чернышева». До чего князь былъ внимателенъ ко мнѣ, видно изъ этой надписи. Этотъ конвертъ хранится у меня по сіе время ¹⁾.

Лѣтомъ 1852 года, князь на нѣкоторое время поѣхалъ за границу, чтобы привезти оттуда княгиню и дочь Александру Александровну, которая была невѣстою флигель-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго, страшнаго богача, но очень скупого. Въ этомъ году старшій сынъ мой Николай долженъ былъ выйти въ офицеры изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Производство приближалось и начальникъ школы генералъ-лейтенантъ Сутгофъ, не по балламъ, а по своему капризу, назначилъ Колю въ 3-ю гвардейскую дивизію въ Волынскій полкъ. Я поѣхалъ къ Сутгофу узнать причину этого назначенія, и онъ сказалъ мнѣ:

— Я назначилъ вашего сына въ Волынскій полкъ, потому что у васъ есть протекція, и вы всегда можете перевести его куда угодно.

Но я настоятельно просилъ его выпустить сына въ тотъ полкъ, въ который ему слѣдуетъ поступить по балламъ, и его назначили въ Павловскій полкъ. Тогда я просилъ дежурнаго генерала Игнатьева ходатайствовать у генерала Сутгофа, чтобы Коля былъ выпущенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ въ память того, что мой покойный отецъ служилъ въ этомъ полку. Сутгофъ отказалъ ему. Послѣ этого я обращался къ генералъ-квартирмейстеру Бергу, затѣмъ къ начальнику штаба гвардейскаго корпуса Витовтову, и имъ Сутгофъ отказалъ. Князь былъ за границей. Дѣлать нечего, понемногу пришлось готовить обмундированіе, такъ какъ 13 августа, долженъ былъ послѣдовать выпускъ. 6-го августа пріѣзжаетъ князь изъ-за границы. Я явился къ нему, и онъ, какъ всегда, принялъ меня крайне ласково, благодарилъ за исправность и благополучіе какъ въ домѣ, такъ и въ Елизаветинѣ. Однако въ

¹⁾ Оригиналь конверта, для памяти, вклеенъ на поляхъ мемуаровъ дѣда.
В. Ж.

этотъ день я рѣшилъ ни о чемъ ему не говорить. На другой день, это было въ воскресенье, я проснулся съ мыслью о Колѣ и сказалъ себѣ: одѣнусь и пойду къ князю, застану его дома, попрошу о сынѣ. Надѣлъ мундиръ, поѣхалъ къ князю. Къдна хотѣлъ войти въ кабинетъ къ нему, какъ мнѣ на встрѣчу выходить изъ кабинета баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій ¹⁾.

— Что, вы къ князю?

— Да.

— Вы еще не видѣли его послѣ прїѣзда?

— Видѣлъ и являлся ему.

— Такъ если вамъ не очень нужно, не мѣшайте ему: онъ занятъ.

На это я сказалъ барону, что имѣю небольшую просьбу къ князю, и рассказалъ ему, въ чемъ дѣло. Князь, вѣроятно, услышалъ мой голосъ и довольно длинный разговоръ съ Вревскимъ, открылъ дверь изъ кабинета и, заглянувъ къ намъ, очень привѣтливо сказалъ:

— *Bonjour, mon cher Gervais. Qu'avez vous à vous entretenir si sérieusement avec Pavel Alexandrovitch* ²⁾.

¹⁾ Баронъ П. А. Вревскій вообще каждому охотно подавалъ руку помощи. Помню, напримѣръ, такой случай. Когда я служилъ еще въ Добруйскѣ, тамъ жила бѣдная вдова гарнизонной артиллеріи поручика Саврасова. Не имѣя средствъ дать своимъ двумъ сыновьямъ хоть сколько нибудь приличное воспитаніе и образованіе, въ одно прекрасное утро она дала мальчикамъ, изъ которыхъ старшему было лѣтъ 15, нѣсколько рублей денегъ и отправила ихъ въ Петербургъ, чтобы они сами себѣ пробили тамъ дорогу. Бѣдные мальчики кое-какъ добрались до Петербурга и очутились здѣсь, какъ въ лѣсу. Но Богъ помогъ имъ. Старшій, Михаилъ, увидѣлъ меня, когда я ѣхалъ по Невскому, узналъ меня, поѣхалъ за мною вслѣдъ и успѣлъ замѣтить, что я вѣхалъ въ ворота зданія главнаго штаба. Розыскавъ мою квартиру, онъ пришелъ ко мнѣ и рассказалъ свое горе. Я принялъ участіе въ мальчикахъ и, благодаря вліянію барона Вревскаго, старшаго помѣстили въ учебный морской экипажъ, а младшаго въ аудиторское училище. Старшій потомъ пожелалъ перенестись въ Гельсингфорсъ въ юнкерское училище, откуда вышелъ въ офицеры и, стараніями того же барона Вревскаго, экипированъ. Онъ участвовалъ въ Севастопольской кампаніи и былъ тяжело раненъ въ челюсть и шею; сначала онъ лежалъ въ госпиталѣ въ Крыму, а затѣмъ попалъ въ число раненыхъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ великой княгини Елены Павловны въ Петербургѣ. Когда впоследствии мнѣ удалось ему выхлопотать мѣсто плацъ-адъютанта въ Кронштадтѣ, онъ женился на той самой сестрѣ милосердія, которая ухаживала за нимъ во время войны. Второю братъ Иванъ, по окончаніи аудиторской школы, былъ назначенъ аудиторомъ 1-го в. Финляндскаго полка, а потомъ перевелся въ Бессарабію, гдѣ въ молодыхъ лѣтахъ умеръ.

Что же касается добрыяго, человѣколюбиваго и во всѣхъ отношеніяхъ прекраснѣйшаго человѣка барона П. А. Вревскаго, то во время крымской кампаніи онъ былъ посланъ государемъ по какому-то дѣлу къ князю Горчакову, который принялъ его не такъ, какъ къ тому привыкъ этотъ достойный генералъ. Но, несмотря на это, Вревскій участвовалъ въ сраженіи, кажется, при приступѣ на Оedyхицу гору, гдѣ былъ убитъ ядромъ, которое снесло ему голову. Такъ кончилъ жизнь этотъ славнѣйшій человѣкъ... Въ немъ я много потерялъ.

²⁾ «Здравствуйте, мой милый Жерве. О чемъ вы такъ серьезно говорите съ Павломъ Александровичемъ?»

Я посмотрѣлъ на Вревскаго, тотъ улынулся и передалъ мою просьбу князю.

— Oh, volontier, mon cher, volontier. Cher Pavel Alexandrovitch, écrivez tout de suite une lettre au chef du corps de gardes à Son Altesse Impériale le Grand Duc Heritier. J'attendrai la lettre, et nous la ferons partir encore aujourd'hui, il n'y a pas de temps à perdre» ¹⁾).

Я не зналъ, какъ и благодарить князя, и, растроганный, подошелъ къ нему. Онъ обнялъ и поцѣловалъ меня.

— Mais, mon cher, cela ne vaut pas la peine; je suis très content de pouvoir vous être utile» ²⁾).

Письмо къ государю наслѣднику было написано очень убѣдительное, и въ немъ было упомянуто, что это, вѣроятно, послѣдняя просьба князя, какъ военнаго министра, къ его высочеству. Наслѣдникъ отвѣтилъ князю очень любезнымъ письмомъ, которымъ увѣдомилъ его, что приказалъ отдать по военно-учебнымъ заведеніямъ приказъ о томъ, что подпрапорщикъ Жерве долженъ быть произведенъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. По приказанію князя Чернышева, баронъ Вревскій прислалъ мнѣ для прочтенія письмо наслѣдника цесаревича. Я немедленно написалъ записку Колѣ и съ нарочнымъ послалъ въ Петергофъ, гдѣ тогда стояла лагеремъ школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Вѣсть объ этой перемѣнѣ мигомъ разнеслась по лагерю, дошла и до Сутгофа, который порядочно разозлился, но дѣлать было нечего: вскорѣ онъ получилъ приказъ государя наслѣдника. Немедленно перемѣнили мы экипировку сына и съ нетерпѣніемъ стали ждать дня его производства. Наконецъ, школа возвратилась изъ лагеря, и государь поздравилъ выпускныхъ съ производствомъ въ офицеры, а Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, товарищъ его высочества, приказалъ имъ раздать высочайшій приказъ. Я послалъ со своимъ человѣкомъ сыну экипировку и бѣлье въ школу и свой экипажъ. Видимъ, летитъ Николай Константиновичъ, въ офицерской шинели и въ сюртукѣ, съ братомъ ³⁾), который перешелъ въ старшій классъ и произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры. На другой день у насъ собрались гости, и мы вдвойнѣ праздновали производство сына и день рожденія моей младшей дочери Ольги.

Вскорѣ послѣ пріѣзда князя изъ-за границы сыграли свадьбу его дочери Александры Александровны съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ; свадьба была очень скромная. Государь былъ поса-

¹⁾ «О, съ удовольствіемъ, мой дорогой, съ удовольствіемъ. Милый Павелъ Александровичъ, напишите сейчасъ письмо командиру гвардейскаго корпуса, его императорскому высочеству наслѣднику цесаревичу. Я подожду письмо, и мы отправимъ его сегодня же, нечего терять время».

²⁾ «Полноте, мой милый, не стоитъ труда. Я очень доволенъ, что могу быть вамъ полезнымъ».

³⁾ Владимиромъ Константиновичемъ Жерве.

женымъ отцемъ и подѣхалъ къ крыльцу дома со двора. Въ честь жениха (лейбъ-гусара) онъ былъ въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, съ краснымъ ментикомъ, но безъ доломана. Князь въ приданое дочери отдалъ Елизаветино.

Между тѣмъ подошелъ день двадцатипятилѣтія князя Чернышева въ должности военнаго министра. Государь на прощанье устроилъ ему великолѣпный обѣдъ въ Петергофѣ послѣ того, какъ всѣ чины военнаго министерства откланивались князю при прощаніи съ нимъ въ Петергофскомъ дворцѣ. Николай Павловичъ назначилъ князя предсѣдателемъ государственнаго совѣта и подарилъ ему казенный домъ военнаго министра въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ тѣмъ, чтобы на ремонтъ его князю навсегда отпускалось по 15 тысячъ рублей серебромъ въ годъ. Князь прощался со всѣми чинами военнаго министерства, давая въ три категории обѣды. Я участвовалъ во всѣхъ. Одинъ разъ я пришелъ какъ-то пораньше, когда гостей было еще очень мало. Князь обнялъ меня и, разговаривая, расхаживалъ со мною такимъ образомъ; въ это время вошелъ въ комнату назначенный на его мѣсто военнымъ министромъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, который увидѣлъ насъ и, вѣроятно, удивился столь нѣжной позѣ. На каждомъ прощальномъ обѣдѣ князь говорилъ небольшую рѣчь. Помню, особенно интересенъ былъ тотъ обѣдъ, въ которомъ участвовали Кукольникъ и свиты его величества генераль-майоръ Чернышевъ, племянникъ князя Александра Ивановича,— оба страшные говоруны и прекрасные анекдотисты.

Кукольникъ былъ очень умный и образованный человѣкъ; съ нимъ случилась весьма непріятная исторія въ 1851 году. Поѣхалъ онъ въ Павловскъ послушать музыку,— тогда только-что возникла слава Штрауса,— сѣлъ себѣ скромно въ рядахъ на второй или третьей скамейкѣ. Вдругъ проходитъ какой-то армейскій, кажется, гусарскій офицеръ, котораго Кукольникъ никогда и въ глаза не видалъ, и далъ ему, ни съ того ни съ сего, полновѣсную пощечину. Смирный, флегматичный Кукольникъ никакъ не ожидалъ подобной выходки, и, пока опомнился, офицеръ успѣлъ скрыться. Бѣдняга ужасно встревожился, считалъ себя публично поруганнымъ и рѣшилъ немедленно выйти въ отставку; онъ служилъ статскимъ совѣтникомъ въ военномъ министерствѣ при князѣ Чернышевѣ. Но князь Александръ Ивановичъ и самъ государь просили его остаться на службѣ, такъ какъ этимъ поступкомъ онъ нисколько не можетъ считать себя даже обиженнымъ, не только обезчещеннымъ: ударилъ его человѣкъ пьяный, который вовсе не зналъ его, и котораго Кукольникъ также никогда не зналъ, слѣдовательно, это поступокъ взбалмошнаго сумасброда, уже отданнаго подъ судъ и не сегодня завтра разжалованнаго въ солдаты. Долго длились переговоры, пока Кукольникъ, наконецъ, согласился остаться на

службѣ; но отъ огорченія захвораль и едва потомъ могъ поправиться.

Казенные служащіе изъ дома князя были распущены, а управлять домою приглашенъ былъ г. Рейнке. Домъ я сдалъ очень скоро и безъ малѣйшихъ затрудненій, послѣ чего получилъ отъ князя письмо слѣдующаго содержанія.

«Милостивый государь

«Константинъ Карловичъ!

«Сформировавъ наконецъ наемную команду изъ рядовыхъ и рабочихъ людей для смотрѣнія за домою, всемилостивѣйше мнѣ пожалованнымъ, первымъ пріятнымъ долгомъ считаю изъяснить вашему высокоблагородію отъ жены моей и отъ меня лично искреннюю признательность за то время, когда подъ главнымъ вашимъ наблюденіемъ состоялъ домъ, въ которомъ я жительствоваю. Намъ всегда памятна будетъ та обязательная готовность, съ которою вы исполняли малѣйшія наши требованія.

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенной моей къ вамъ признательности и уваженіи

«Князь А. Чернышевъ».

«22-го ноября 1852 года» ¹⁾.

Когда затѣмъ князь занималъ должность предсѣдателя государственнаго совѣта, я попрежнему очень часто навѣщаль его, и нерѣдко онъ приглашалъ меня къ себѣ обѣдать. Лѣтомъ на Каменномъ островѣ онъ нанималъ дачу князя Волконскаго. Здѣсь же жилъ и князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, который занималъ нѣсколько комнатъ и почти постоянно бывалъ у князя Александра Ивановича. Съ княгиней мы частенько совѣщались о дѣлахъ по дому и по поводу предположенной ею перестройки его.

Должность князя Александра Ивановича занялъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, уже далеко не тотъ военный министръ, какимъ былъ Чернышевъ, хотя состоялъ при немъ года полтора товарищемъ министра. Онъ не имѣлъ достаточныхъ административныхъ познаній и былъ далеко не такъ уменъ, чтобы быть въ состояніи замѣнить своего предшественника, къ тому же эгоистъ до черствости, сухъ, флегма и безъ всякаго чувства человѣколюбія. Игнатьевъ послѣ ухода князя Чернышева вскорѣ былъ назначенъ военнымъ генералъ-губернаторомъ С.-Петербурга, а дежурнымъ генераломъ назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Катенинъ.

Дѣла мои по Главному штабу шли своимъ порядкомъ. Разъ какъ-то утромъ я выѣхалъ съ женою въ гостинный дворъ за покупками.

¹⁾ Письмо приложено къ мемуарамъ. Здѣсь же помѣщены нѣсколько записокъ княгини къ дѣду, весьма теплыхъ по содержанию. В. Ж.

Вижу — летитъ мой унтеръ-офицеръ и, завидя издали нашъ экипажъ, направляется прямо ко мнѣ и докладываетъ, что въ Главномъ штабѣ, въ новомъ домѣ (съ Невскаго) пожаръ. Поскакалъ я туда и когда сталъ подыматься по лѣстницѣ, то встрѣтилъ военнаго министра и наслѣдника цесаревича, спускавшихся внизъ. Я не зналъ еще, что и гдѣ горитъ, но когда министръ спросилъ меня объ этомъ, я сказалъ, что опаснаго ничего нѣтъ. Онъ приказалъ мнѣ, когда кончится пожаръ, донести ему обо всемъ. Я побѣжалъ на верхъ, и оказалось, что балка была пропущена чрезъ нижнюю часть печи въ той комнатѣ, въ тоторой жили механики. Не успѣлъ я оглянуться, какъ князь Долгоруковъ присылаетъ фельдъегеря сказать, чтобы я пріѣхалъ къ нему съ донесеніемъ. Я просилъ фельдъегеря доложить князю, что мое присутствіе здѣсь необходимо, опаснаго ничего нѣтъ, и что я пріѣду, когда все окончится. Черезъ часъ я былъ уже у князя въ канцеляріи военного министерства и доложилъ ему, что пожаръ прекращенъ совершенно безъ вреда для зданія, поврежденіе—самое вздорное, которое я исправлю своими средствами. Князь Долгоруковъ приказалъ мнѣ составить планъ, показать, гдѣ горѣло, описать подробно причины и пр., пріѣхать на слѣдующее утро къ нему въ сюртукъ и приготовить ему все для доклада государю. На другой день утромъ я привезъ князю планы и все, что нужно было, и объяснилъ ему подробно все, о чемъ слѣдовало доложить государю, предупредивъ, что въ этомъ дѣлѣ государь все знаетъ очень хорошо. Князь приказалъ мнѣ у дежурнаго генерала ждать его возвращенія послѣ доклада, чтобы передать мнѣ, что скажетъ государь. Военный министръ возвратился изъ дворца около 11 часовъ и вошелъ въ пріемный залъ дежурнаго генерала. Хотя на лицѣ князя обыкновенно нельзя было прочесть никакого выраженія, такъ сухо и строго всегда держалъ онъ себя, однако на этотъ разъ очевидно было, что онъ доволенъ. Онъ передалъ, что государь приказалъ выразить мнѣ свое удовольствіе по поводу моихъ распоряженій и предоставилъ мнѣ исправить все по собственному моему усмотрѣнію,—«и тогда государь будетъ увѣренъ, что все устроится хорошо». При этомъ князь поздравилъ меня съ тѣмъ хорошимъ мнѣніемъ, какое имѣетъ обо мнѣ государь, и съ тѣхъ поръ былъ всегда со мною вѣжливъ и ласковъ. Тѣ, кто предполагали, что меня, по крайней мѣрѣ, посадятъ на гауптвахту, были крайне поражены; я же, съ своей стороны, былъ увѣренъ, что государь убѣдится въ моей невинности въ данномъ случаѣ.

Х.

1854 годъ.—Наши окраины въ началѣ Севастопольской войны.—Петръ Любимовичъ Жерве.—Его батарея близъ Малахова кургана.—Рана Тотлебена.—Нахимовъ у Петра Любимовича; странная случайность.—Штурмъ 6 іюня и «батарея Жерве».—Рана Петра Любимовича.—Царскія милости.—Дѣйствія союзниковъ.—Кончина государя Николая Павловича.—Болѣзнь и послѣднія распоряженія императора.—Значеніе горькой для меня утраты.—Странное предзнаменованіе.—Поклоненіе праху усопшаго императора.—Его погребеніе.—Вступленіе на престолъ императора Александра II.—Удаленіе графа Клейнмихеля.—Стихотвореніе по этому поводу.—Мое столкновеніе съ Клейнмихелемъ.—Новая военная форма.—Командировка моего сына Владимира въ Севастополь.—Прибытіе его туда и мытарства.—Окончаніе командировки сына и его возвращеніе.—Конецъ Севастопольской войны и Парижскій миръ.—Коронація императора Александра II въ Москвѣ.—Петербургскія встрѣча царской фамиліи.—Грандіозная иллюминація зданія Главнаго штаба.

Приближался страшный 1854 годъ, годъ Крымской войны ¹⁾...

Государь манифестомъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе о томъ, что Турція, не исполняя его справедливыхъ требованій и нарушая всѣ трактаты, вызываетъ руссійскаго императора на объявленіе ей войны. Вскорѣ послѣ этого турки послали довольно значительный флотъ въ Черное море, на берегахъ котораго сосредоточились всѣ силы союзниковъ. Севастополь сталъ цѣлью ихъ стремленій, и они задумали овладѣть имъ. Для обороны его были стянуты русскія войска, воодушевленные святыми чувствами долга, не жалѣвшія ни трудовъ, ни крови, ни жизни. Здѣсь гибли сотни и тысячи людей—и всѣ были счастливы, что умираютъ за родину.

Несмотря на геройскую защиту Севастополя и самоотверженіе cadaго изъ участниковъ его обороны, паденіе его можно было предвидѣть. И другія наши окраины не оставлены были противникомъ безъ вниманія. Флотъ его показался въ Финскомъ заливѣ, гдѣ бомбардированъ Свеаборгъ, взятъ Коммерсундъ (Аландскіе острова), и плѣнены комендантъ генераль-майоръ Бодиско и нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ ²⁾. Въ Бѣломъ морѣ былъ бом-

¹⁾ Дѣдъ не принималъ личнаго участія въ Севастопольской войнѣ, но его небольшой рассказъ объ этой интересной эпохѣ заслуживаетъ вниманія и довѣрія, такъ какъ составилъ по свѣдѣніямъ ся участниковъ, въ числѣ которыхъ были его сынъ и племянникъ; кромѣ того, главный штабъ, гдѣ онъ служилъ въ то время, былъ средоточіемъ всякихъ извѣстій о ходѣ кампаніи и служилъ источникомъ для дѣда; наконецъ, частныя толки дополняютъ остальное, полнѣе выясняя настроеніе общества въ періодъ войны. В. Ж.

²⁾ Въ числѣ послѣднихъ находился тамъ военный инженеръ капитанъ Теше, сынъ родного брата моего товарища Карла Ефимовича Теше. Братъ К. Е. въ кампанію 1809 года перешелъ на сторону шведовъ, но потомъ, по просьбѣ и ходатайству графа Сухтелена, нашего посланника въ Швецію, ему разрѣшили возвратить его сына въ Россію, гдѣ онъ былъ опредѣленъ въ главное инженерное училище.

бардированъ Соловецкій монастырь; сдѣлано нападеніе на Камчатку, на Одессу и пр. и пр... Но взоры Россіи и всей Европы были съ трепетомъ обращены на скромный Севастополь, гдѣ небольшая еще горсть моряковъ защищала его твердыни. Здѣсь умирали за другихъ, здѣсь клали души «за други своя».

Въ оборонѣ Севастополя участвовалъ, въ числѣ моряковъ, мой племянникъ, Петръ Любимовичъ Жерве ¹⁾, сынъ брата Любима Карловича. Небольшого роста, довольно слабаго тѣлосложенія, кроткаго, застѣнчиваго нрава, но ревностный служака, совѣмъ молодой мичманъ, казалось, и не помышлялъ о славѣ героя, съ какою вернулся съ войны.

Въ декабрѣ 1854 года, Петръ Любимовичъ былъ назначенъ командиромъ батареи, находившейся близъ Малахова кургана, надъ Доковымъ оврагомъ. Сначала это была лишь штурмовая батарея, вооруженная десяткомъ орудій, а потомъ она обратилась въ дѣйствующую и, усиленная еще нѣсколькими орудіями, впоследствии принимала участіе во всѣхъ бомбардировкахъ нашей оборонительной линіи. По разсказу Петра Любимовича, Тотлебенъ былъ раненъ здѣсь. Однажды, они вмѣстѣ стояли на банкетѣ и разсматривали расположеніе противника; въ это самое время пуля попала Тотлебену въ ногу. Первую перевязку ему сдѣлали въ землянкѣ Петра Любимовича.

Нахимовъ и Хрулевъ также не разъ посѣщали эту батарею, безстранно раздѣляя опасности защитниковъ Севастополя и ободряя

Затѣмъ онъ служилъ въ Динабургѣ и по возвращеніи изъ плѣна женился на англичанкѣ, бывшей гувернанткѣ въ домѣ Карла Ефимовича. Въ 1869 году и встрѣтились съ нимъ на юбилей Николаевского инженернаго училища; онъ былъ тогда подполковникомъ».

¹⁾ Петръ Любимовичъ Жерве, изъ дворянъ Петербургской губ., родился 14 декабря 1829 года и первоначальное воспитаніе получилъ въ морской ротѣ Александровскаго кадетскаго корпуса, въ Царскомъ Селѣ, откуда вступилъ въ морской кадетскій корпусъ 21 февраля 1841 года. Произведенъ въ мичмана 9 августа 1850 года съ зачисленіемъ въ 39 Черноморскій экипажъ. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Севастополѣ съ 13 сентибря 1854 года, когда неприятель послѣ Альминскаго сраженія перешелъ съ Сѣверной стороны на Южную, всѣ экипажи Черноморскаго флота составили съ пѣхотными частями гарнизонъ Севастополя. Здѣсь же находился и П. Л. съ начала осады до 10 юлія 1855 года, когда былъ раненъ на батареѣ своего имени. Впоследствии по окончаніи Крымской войны, онъ былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ, гдѣ командовалъ сначала судами 3-го ранга, а затѣмъ въ 1865 году назначенъ старшимъ офицеромъ монитора «Ураганъ», командиромъ котораго, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, былъ назначенъ въ слѣдующемъ году и занималъ эту должность почти 20 лѣтъ. Въ 1885 году П. Л., какъ георгиевскій кавалеръ, былъ зачисленъ по флоту съ сохраненіемъ полнаго содержанія пожизненно, а 29 февраля 1888 года, по прошенію на высочайшемъ имя, вслѣдствіе ранъ и контузіи былъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ контръ-адмирала.

Уважаемый участникъ славной Севастопольской обороны здравствуетъ понынѣ. В. ИК.

них своимъ присутствіемъ. Къ Петру Любимовичу Нахимовъ относился особенно благосклонно и, видя его труды, самъ представилъ его къ производству въ лейтенанты. Странная случайность! Обыкновенно, уходя съ батареи племянника, онъ протягивалъ ему руку, говоря: «до свиданья», а въ роковой день 28 іюня Нахимовъ, разставаясь съ Петромъ Любимовичемъ, сказалъ ему: «прощайте!».. Точно предчувствовалъ онъ близкую кончину, точно чуялъ вѣрную смерть: по уходѣ съ батареи на Малаховъ курганъ, онъ былъ раненъ пулею въ голову, и на другой день доблестнаго героя не стало.

Во время штурма 6 іюня, на батарею Петра Любимовича былъ направленъ отрядъ французовъ въ нѣсколько тысячъ, у него былъ только батальонъ, но столь разстроенный прежними потерями, что оставалось отъ него не болѣе половины. Хрулевъ самъ принялъ участіе въ отбитіи атаки и прогналъ французовъ. Въ реляціи объ этомъ дѣлѣ Хрулевъ впервые назвалъ батарею Петра Любимовича «батарею Жерве», и съ тѣхъ поръ она навсегда сохранила это названіе.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того, 10-го іюля, племянникъ пошелъ осмотрѣть пороховой погребъ, находившійся шагахъ въ ста отъ его батареи, и, возвращаясь изъ погреба, былъ раненъ рикошетной пулей въ лѣвую руку; ему раздробило при этомъ мизинный палецъ и контузило большой. Его подъ руки повели на перевязочный пунктъ въ Корабельную слободку. Здѣсь ему ампутировали палецъ и затѣмъ уже отправили для излѣченія раны на Сѣверную сторону, въ Михайловскую батарею. Кромѣ того, онъ былъ контуженъ въ голову, чего сразу не почувствовалъ: только впоследствии эта контузія стала оказывать вліяніе на его здоровье. Послѣ этой раны онъ болѣе на батарею не возвращался, такъ какъ войска наши вскорѣ выступили изъ Севастополя. Петра Любимовича хорошо наградили за кампанію: кромѣ того, что батарея навсегда названа его именемъ, онъ получилъ чинъ лейтенанта, Анну 4-й степени за храбрость, Анну 3-й степени и Владиміра 4-й степени — съ мечами и бантами и, наконецъ, Георгія 4-й степени ¹⁾.

Въ февралѣ 1855 года, совершилось событіе, которое постигло Россію внезапно и опечалило всѣхъ до глубины души: я говорю о кончинѣ въ Возѣ почившаго императора Николая. Вотъ что было напечатано объ этомъ въ особомъ прибавленіи къ № 41 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» отъ 23 февраля 1855 года.

«27 января государь императоръ заболѣлъ гриппомъ, но продол-

¹⁾ Кромѣ того, въ послужномъ спискѣ П. Л. значится: «За блистательный подвигъ, оказанный во время бомбардированія г. Севастополя 5 и 6 октября, получилъ, въ числѣ прочихъ, искреннюю душевную государя императора признательность 13 октября 1854 года».

жалъ, по обыкновению, неутомимо заниматься государственными дѣлами. Черезъ нѣсколько дней, именно 9-го февраля, чувствуя себя лучше, вопреки совѣтамъ пользовавшихся его врачей, лейбъ-медика Мандта и доктора Карелля, изволилъ послѣ преждеосвященной обѣдни выѣхать въ экзерциргаузъ инженернаго замка для осмотра маршевыхъ батальоновъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго и Егерскаго полковъ.

— «Ваше величество,—сказалъ докторъ Карелль,—нѣтъ ни одного медика въ вашей арміи, который позволилъ бы рядовому выписаться изъ госпиталя въ такомъ положеніи, въ какомъ вы находитесь, и при такомъ морозѣ (23°). Мой долгъ требовать, чтобы вы еще не выходили изъ комнаты.

— «Ты исполнилъ свой долгъ,—отвѣчалъ государь,—позволь же мнѣ исполнить мой.

«Въ часъ по полудни государь отправился въ экзерциргаузъ, не взявъ даже предосторожности (несмотря на убѣжденія государя цесаревича и просьбу близкой своей прислуги) одѣться потеплѣе обыкновеннаго. Послѣ осмотра заѣзжалъ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, а отъ нея къ бывшему тогда больнымъ военному министру; возвратясь же почувствовалъ себя хуже, чѣмъ наканунѣ. Капель и одышка, уже и въ предшествовавшіе дни иногда появлявшіеся, увеличились. Ночь его величество провелъ безъ сна; однако на другой день, 10 числа, изволилъ опять выѣхать въ тотъ же экзерциргаузъ для осмотра маршевыхъ батальоновъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго резервныхъ полковъ и людей лейбъ-гвардіи Сапернаго резервнаго полубатальона. Съ этого дня всѣ болѣзненные припадки начали усиливаться: государь уже не выходилъ изъ комнаты. 11-го числа хотя и намѣревался быть у преждеосвященной обѣдни, но не могъ и слегъ въ постель. Вечеромъ болѣзнь оказалась очевидно тяжкою, и признаки опасности жизни начали развиваться съ неимоверною быстротою ¹⁾. Несмотря на болѣзненное свое положеніе, государь не покидалъ занятій государственными дѣлами и только 12 числа, по настоянію врачей, рѣшился предоставить трудъ сей цесаревичу.

«Когда опасность признана была несомнѣнною, государыня императрица, скрѣпя сердце, рѣшилась предложить августѣйшему супругу своему пріобщиться Святыхъ Тайнъ. Государь началъ было на первой недѣлѣ поста говѣть и съ понедѣльника по четвергъ включительно изволилъ постоянно присутствовать при Божественной службѣ, но, неоднократно жалуясь на слабость здоровья, выражалъ сомнѣніе, въ силахъ ли будетъ исполнить этотъ христіанскій долгъ. Несмотря, однако же, на слабость, ни разу въ продолженіе службы

¹⁾ Когда еще прежде покойному императору случалось заболѣвать, онъ не соглашался на изданіе бюллетеней, чтобы не тревожить публики. Такъ и нынѣ за три дни до кончины, онъ изволилъ сказать цесаревичу:

«Надѣюсь, что не обезпокоили публики бюллетенями о моей болѣзни».

не садился, хотя и былъ къ тому убѣждаемъ протопресвитеромъ Бажановымъ. Императрица воспользовалась этимъ случаемъ.

— «Если ты,—сказала она,—не могъ окончить начатаго говѣнія и приобщиться Святыхъ Тайнъ на первой недѣлѣ, то не хочешь ли исполнить это теперь? Хотя состояніе здоровья твоего вовсе не опасно, но сколько примѣровъ, что съ принятіемъ Святыхъ Тайнъ Богъ посылаетъ страждущимъ облегченіе!

— «Нѣтъ, я не могу приступить къ такому таинству въ постели, не одѣтый. Лучше тогда, когда буду въ силахъ совершить его личнымъ образомъ.

Императрица замолчала.

Вскорѣ онъ замѣтилъ на глазахъ ея слезы.

— «Ты плачешь?

— «Нѣтъ, это отъ насморка.

«Черезъ нѣсколько минутъ императрица тихо начала читать: «Отче нашъ».

— «Ты читаешь молитву... Зачѣмъ?

— «Я молюсь о твоёмъ выздоровленіи.

— «Развѣ я въ опасности?

— «Нѣтъ...

«У ея величества не хватило духу отвѣчать утвердительно.

— «Но ты очень разстроена. Ты устала, поди, успокойся.

«Императрица вышла.

«Около 3-хъ часовъ ночи государь спросилъ Мандта:

— «Скажите мнѣ откровенно, какая у меня болѣзнь. Вы знаете, что и прежде я всегда приказывалъ предупреждать меня во-время, если заболѣю тяжело, чтобы не упустить христіанскаго долга.

— «Не могу скрыть предъ вашимъ величествомъ, что болѣзнь ваша становится серьезною: у васъ поражено правое легкое.

— «Вы хотите сказать, что ему угрожаетъ параличъ?

— «Если болѣзнь не уступитъ нашимъ усиліямъ, то, конечно, это можетъ послѣдовать; но мы того еще не видимъ и не теряемъ надежды на ваше выздоровленіе.

— «А, теперь я понимаю мое положеніе; теперь я знаю, что мнѣ дѣлать.

«Отпустивъ доктора, государь позвалъ наслѣдника и спокойно сообщилъ ему о безнадежности своего положенія, промолвивъ:

— «Надѣюсь, что ты еще ничего не сказалъ и не скажешь ма-тушкѣ. Прикажи позвать духовника.

«Протопресвитеръ Бажановъ находился уже во дворцѣ. Тутъ вошла императрица. Когда духовникъ началъ читать предшествующія исповѣди молитвы, государь благословлялъ стоявшихъ у постели его на колѣняхъ императрицу и цесаревича. Засимъ они вышли. По окончаніи исповѣди государь, перекрестившись, произнесъ:

— «Молю Господа, чтобы онъ принялъ меня въ Свои объятія.

«Священный обрядъ причащенія, совершенный по желанію его величества въ присутствіи императрицы и цесаревича, исполнилъ онъ съ полнымъ самосознаніемъ, съ умиленнымъ благоговѣніемъ и необыкновеннымъ спокойствіемъ. Молитву же «Вѣрую и исповѣдую» прочиталъ онъ отъ начала до конца довольно твердымъ голосомъ. Послѣ того позвалъ къ себѣ государыню цесаревну, великаго князя Константина Николаевича, великихъ княгинь Александру Іосифовну, Марію Николаевну, Елену Павловну и внучатъ, проводившихъ всю ночь безъ сна, въ сосѣднихъ комнатахъ; съ твердостью объявилъ имъ о близкой кончинѣ; со всѣми простился, всѣхъ благословилъ. Произнесенныя имъ въ эти священные и торжественныя минуты слова, конечно, останутся навсегда запечатлѣнными въ сердцахъ осиротѣвшаго августѣйшаго семейства. Императрица воскликнула:

— «Боже! Почему я не могу умереть вмѣстѣ съ тобою!

— «Ты должна жить для нихъ.

«Обратившись къ государю наслѣднику цесаревичу, императоръ сказалъ:

— «Ты знаешь, что всѣ мои попеченія, всѣ усилія стремились къ благу Россіи. И хотѣлъ продолжать трудиться такъ, чтобы оставить тебѣ государство благоустроенное, огражденное безопасностью извнѣ, совершенно спокойное и счастливое, но ты видишь, въ какое время и въ какихъ обстоятельствахъ я умираю,—видно, такъ угодно Богу. Тяжело тебѣ будетъ!...

«Залившійся слезами цесаревичъ отвѣчалъ:

— «Если уже суждено мнѣ тебя лишиться, то я увѣренъ, что ты и тамъ будешь молиться о Россіи, о насъ всѣхъ, о святой Ею мнѣ помощи понести тяжкое бремя, имъ же на меня возлагаемое.

— «Да, я всегда молился Ему за Россію и за васъ всѣхъ; буду, буду молиться и тамъ. Вы же,—обращаясь къ окружавшему болѣзненный одръ его августѣйшему семейству и указывая на императрицу, продолжалъ государь,—останьтесь навсегда, какъ было доселѣ, въ тѣсномъ союзѣ любви семейной.

«Послѣ сего государь потребовалъ къ себѣ министра двора, графа Адлерберга, графа Орлова и военного министра князя Долгорукова, въ трогательныхъ словахъ благодарилъ ихъ за службу, за испытанную преданность, поручилъ ихъ наслѣднику, благословилъ и простился.

«Засимъ, снова обращаясь къ наслѣднику и къ графу Адлербергу, отдать послѣднія приказанія относительно своихъ похоронъ: самъ назначилъ залу нижняго этажа Зимняго дворца, въ которой должны быть выставлены смертныя его останки, и указалъ мѣсто для могилы въ Петропавловскомъ соборѣ; требовалъ, чтобы погребеніе совершено было съ возможно меньшею роскошью, безъ пышнаго ка-

тафалка, безъ всякихъ великолѣпныхъ въ залѣ и церкви убранствъ, дабы избѣжать напрасныхъ издержекъ ¹⁾).

«Умирающій государь находился въ полной еще памяти, когда духовникъ приступилъ къ чтенію отходной, и изволилъ повторять за нимъ молитвы хотя слабымъ уже голосомъ, но покойно. Вскорѣ голосъ его пресѣлся. Онъ знаками подозвалъ къ себѣ духовника, пожалъ ему руку, поцѣловалъ наперсный его крестъ и, не въ силахъ уже будучи произнести ни одного слова, движеніемъ руки и глазъ показывалъ на императрицу, на наслѣдника, какъ бы желая сказать, чтобы онъ за нихъ молился. До послѣднихъ минутъ жизни не покидалъ онъ руки императрицы и наслѣдника и крѣпко жалъ ихъ.

«Въ двадцать минутъ перваго часа по полудни не стало государя, почти тридцать лѣтъ украшавшаго престолъ русскій, обладавшаго въ высшей степени чувствомъ священнаго своего долга и неусыпно, съ полнымъ самоотверженіемъ трудившагося для блага отечества».

Къ этому можно прибавить еще слѣдующее. При распоряженіи о похоронахъ государь приказалъ похоронить себя въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Государь имѣлъ продолжительный съ глазу на глазъ съ наслѣдникомъ разговоръ, который продолжался часа полтора. По окончаніи его, когда были призваны свѣтлѣйшій князь Чернышевъ, графы Киселевъ, Адлербергъ, Панинъ и Орловъ и другія близкія къ императору особы, государь въ ихъ присутствіи спросилъ наслѣдника, исполнить ли онъ все то, о чемъ они говорили. Наслѣдникъ былъ смущенъ... Государь повторилъ вопросъ. Тогда наслѣдникъ произнесъ:

— Клянусь, исполню.

Сына наслѣдника, великаго князя Николая Александровича, во все время болѣзни своей государь очень ласкалъ, давалъ ему разные совѣты и приказалъ слушаться отца.

Великому князю Константину Николаевичу давалъ пресерьезныя наставленія и, говорятъ, клятвенно обязалъ его слушаться брата безпрекословно.

Душеприказчиками своими назначилъ князя Чернышева, графа Адлерберга и графа Орлова. Увѣдомленіе о близкой смерти своей, говорятъ, государь самъ отправилъ въ Пруссію и Австрію.

Когда великая княгиня Елена Павловна вошла къ нему, государь обратился къ ней:

— Bonjour, m-me Hélène! Voilà c' est mon tour: je m'en vais ²⁾).

¹⁾ По духовному завѣщанію блаженной памяти императора Николая Павловича, вскрытому послѣ его кончины царствующимъ государемъ, онъ требовалъ, чтобы срокъ траура по немъ назначенъ былъ самый краткій.

²⁾ «Здравствуй, Елена. Вотъ и мой чередъ: я отправляюсь».

Чувствуя, что осталось недолго жить, Николай Павловичъ сказалъ наслѣднику:

— Ну, снимай аксельбанты: теперь ты уже государь.

Наслѣдникъ горько заплакалъ, сталъ на колѣни и произнесъ:

— Позволь, государь, мнѣ оставаться навсегда твоимъ генералъ-адъютантомъ.

— Дѣлай какъ хочешь,—отвѣтилъ умирающій.

Наслѣдникъ, вступивъ на престолъ, постоянно носилъ аксельбанты и шифръ «Николай I» на эполетахъ.

На меня смерть государя произвела неизмѣнно сильное впечатлѣніе, хотя его опасное положеніе было намъ всѣмъ извѣстно, и мы нѣкоторымъ образомъ были уже подготовлены къ этой потерѣ. Однако, зайдя въ канцелярію дежурнаго генерала около двухъ часовъ по полудни и получивъ достовѣрное свѣдѣніе, что государь скончался, я остолбенѣлъ... Какъ дошелъ я домой, уже не помню. Знаю только, что со мною въ первый разъ въ жизни сдѣлался сильный истерическій припадокъ, что побѣжали за докторомъ, притащили перваго встрѣчнаго, который далъ мнѣ какое-то средство, и только часа черезъ полтора меня привели въ чувство. Не мудрено, впрочемъ: я и вообще всѣ мы, военные инженеры, были сильно привязаны къ государю. Онъ былъ нашимъ первымъ руководителемъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, зналъ наше дѣло хорошо, отличалъ насъ, любилъ насъ. Его пріѣздъ на наши работы всегда бывалъ для насъ праздникомъ: мы знали, что сумѣемъ угодить ему. Онъ понималъ наши труды, цѣнилъ ихъ, и его ласковое слово, его лестный отзывъ бывали для насъ гораздо большею наградою, чѣмъ всѣ получаемыя по приказамъ.

И дѣйствительно, императоръ Николай былъ великій государь. Что ни говори, онъ трудился неутомимо, заботился и старался возвысить Россію. Онъ въ самомъ полномъ и обширномъ смыслѣ слова былъ рыцаремъ чести, и какъ ни сурова казалась иногда его наружность, сердце его было золотое. Онъ былъ великодушенъ, щедръ, и тѣхъ, кто служилъ ему вѣрою и правдою, не забывалъ никогда. Правда, онъ и каралъ, но только тогда, когда совершенно убѣждался, что кара необходима. Но зато сколько онъ и миловалъ!..

На другой день кончины государя, принесли приказъ, чтобы 20-го быть на выходѣ. Народу собралось множество. Видно было, что государь Александръ II сильно разстроены. Императрица со дня смерти государя слегла въ постель.

13 февраля, въ Казанскомъ соборѣ шла служба по церковному чиноположенію перваго воскресенья послѣ первой седмицы поста и, между прочимъ, пѣли «вѣчная память». По окончаніи этого пѣнія, по тому же чиноположенію, слѣдовало исполнить «многая лѣта» о здравіи и благоденствіи царствующаго императора Николая Павловича, но по ошибкѣ запѣли «вѣчная память»... Странное пред-

знаменованіе! Регентъ долженъ былъ быть разжалованъ въ солдаты, но государь простилъ его.

22-го февраля, въ числѣ другихъ, я ѣздилъ во дворецъ, чтобы проститься съ тѣломъ покойнаго государя. Пришлось очень долго ждать, пока карета доплелась до подъѣзда. Впускаютъ въ залу по одиночкѣ; давка, крикъ, говоръ, совершенно неприличнѣйшій такому торжественному обряду. Двери, сквозь которыя впускали народъ, держалъ одинъ, вѣроятно, изъ самыхъ послѣднихъ служителей въ грязной парусиновой курткѣ. Это производило на всѣхъ присутствовавшихъ самое непріятное впечатлѣніе. Какъ можно было допустить такую непростительную небрежность? Что же смотреть тѣ, кому поручено охраненіе порядка при допускѣ публики!... Почетный караулъ помѣстился въ коридорѣ. Комната, гдѣ покоился прахъ государя, тѣсная, ничѣмъ не обитая; лишь ступени къ возвышенности, на которой стоялъ гробъ, были обиты краснымъ сукномъ. Тогда, конечно, мы не знали, что распоряженіе объ этомъ было сдѣлано самимъ покойнымъ императоромъ. Онъ весь, съ головою закутанъ бѣлою кисеею и покрытъ глаzetовымъ покрываломъ.

Въ то же время вся гвардія совершала походъ въ Польшу, гдѣ должна была смѣнить квартировавшія тамъ войска для движенія ихъ къ Севастополю. Въ Петербургѣ оставались только вновь сформированныя гвардейскія резервныя части. Въ приказѣ военнаго министра по инспекторскому департаменту было подробно указано расположеніе частей войскъ при печальномъ перенесеніи тѣла покойнаго государя въ Петропавловскую крѣпость. Войскамъ и всѣмъ воинскимъ чинамъ приказано было быть одѣтыми въ полной парадной формѣ, въ мундирахъ, караульной амуниціи и въ глубокомъ траурѣ. Кorteжъ былъ точно такой, какъ при погребеніи императора Александра I, съ тою лишь разницею, что на этотъ разъ ни государь, ни свита его, и никто изъ представителей сословіи не имѣли, какъ тогда, длинныхъ черныхъ мантий и большихъ круглыхъ шляпъ съ широкими полями; впрочемъ, это придавало corteжу больше блеска. Погода была переменчивая, но не очень холодная. При выносѣ тѣла изъ воротъ Зимняго дворца выпалъ крупный снѣгъ, но минутъ черезъ пять пересталъ, небо разъяснилось и засіяло солнце. Когда спускали гробъ въ могилу, то при салютѣ съ крѣпости одному артиллеристу, по неосторожности, оторвало обѣ кисти рукъ. Изъ Пруссіи къ похоронамъ государя прибылъ принцъ Карлъ; изъ Австріи—эрцъ-герцогъ Альбертъ, тотъ самый, который пмѣлъ намѣреніе жениться на великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, но свадьба разстроилась, потому что княжна не пожелала переменить религію.

Тѣло покойнаго государя, съ открытымъ лицомъ, стояло на катафалкѣ въ Петропавловскомъ соборѣ въ теченіе пяти сутокъ. На шестой день состоялось погребеніе его съ подобающею церемоніей.

Итакъ, совершилось грустное для Россіи событіе—опустили въ

могилу великаго человѣка! Вступилъ на престолъ юный царь Александръ. Начались разныя реформы и, между прочимъ, одно изъ первыхъ распоряженій молодого государя состояло въ томъ, что онъ удалилъ графа Клейнмихеля, продѣлки котораго зналъ хорошо и потому самъ не долюбивалъ его. Въ то время по этому поводу ходило по рукамъ слѣдующее стихотвореніе.

Итакъ, сбылись завѣтныя желанья...
 Прости навѣкъ, нашъ грозный падишахъ,
 Благодаримъ за всѣ благодѣянья:
 За сѣдины въ поручичьихъ чинахъ,
 За рядъ обидъ и мелкихъ оскорбленій,
 Которыя ты щедро расточалъ,
 За глубину того униженья,
 Въ которое ты насъ умышленно втопталъ.
 Ты дерзостно смѣялся надъ искусствомъ,
 Талантъ и умъ нещадно презиралъ
 И въ насъ убить хотѣлъ зародышъ чувства,
 Котораго, слѣпецъ, ты самъ не понималъ.
 Гордились мы своимъ образованьемъ,
 Почтенъ быть передъ всѣми нашъ мундиръ,
 Но, не понявъ великаго призванья,
 Ты всѣхъ въ него безмысленно рядилъ.
 Ты въ насъ убить хотѣлъ сознанье чести,
 Лишь воровство и подлость поощрять,
 Ты награждать лишь тѣхъ, кто наглою лестью
 И рабскою трусостью твоей гнѣвъ предупреждалъ.
 Плебей душой, плебей происхожденьемъ,
 Ты историческимъ преданьямъ вѣренъ былъ
 И приближалъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кто по рожденью
 Немножко имя громкое носилъ.
 Тревожимый тщеславіемъ непомѣрнымъ,
 Ты измѣнилъ религіи отцовъ,
 Ты возмечталъ, что царь нашъ благовѣрный
 Твой родъ включить въ сонмъ княжескихъ родовъ.
 Но кончимъ счетъ. Прощай—и Богъ съ тобою!
 Вѣдь на Руси лежачаго не бьютъ,
 Мы не злопамятны. Да будетъ надъ тобою
 Лишь царскій праведный да грозный Божій судъ!
 Разстались мы съ тобой, и слава Богу.
 Опять за все тебя благодаримъ:
 За Уайенса жолѣзную дорогу,
 За то, что нѣтъ еще дороги въ Крымъ,
 За капиталъ, разбросанный въ пустыни,
 За все, чѣмъ ты хотѣлъ насъ оскорбить,
 Благодаримъ за то, что ужъ отвынѣ
 Не будемъ мы тебя благодарить.

Можно съ увѣренностью сказать, что эти стихи принадлежатъ перу инженера путей сообщенія. Служившіе въ этомъ корпусѣ болѣе всего терпѣли отъ деспота Клейнмихеля, который совершенно не понималъ науки и инженернаго искусства. Онъ тормозилъ всюду

ходъ работъ въ ущербъ государственнымъ интересамъ и неограниченно пользовался своимъ вліяніемъ, угнетая того, кто бывалъ ему не по нутру, или не подставлялъ смиренно выи, когда наука и здравый смыслъ требовали противодѣйствія.

Когда я былъ членомъ окружного управленія С.-Петербургскаго инженернаго округа корпуса инженеровъ военныхъ поселеній, то получалъ очень маленькое содержаніе и, естественно, искалъ мѣста съ бѣльшимъ вознагражденіемъ. Вице-директоромъ инспекторскаго департамента былъ тогда генералъ-майоръ Кривошипинъ, съ которымъ я познакомился еще въ Бобруйскѣ, когда онъ состоялъ старшимъ адъютантомъ при дежурномъ генералѣ графѣ Клейнмихелѣ. Когда Клейнмихель занималъ должность главноуправляющаго корпусомъ путей сообщенія, Кривошипинъ былъ попрежнему близокъ къ нему, такъ какъ вель его нѣкоторыя личныя дѣла болѣе интимнаго характера. Какъ-то въ разговорѣ я сказалъ Кривошипину, что желалъ бы получить мѣсто съ бѣльшимъ содержаніемъ, и онъ вызвался переговорить обо мнѣ съ графомъ. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого я получилъ отъ Клейнмихеля записку, которою онъ проситъ меня пожаловать къ нему въ такой-то день къ 10 часамъ утра. Это было лѣтомъ, въ жаркій день. Онъ жилъ тогда въ зданіи главноуправляющаго на Фонтанкѣ, у Обуховскаго моста. Вхожу въ большую пріемную залу, въ которой многія собравшіяся лица расхаживаютъ и сидятъ въ разныхъ углахъ. Подходить ко мнѣ адъютантъ, которому передаю, что прибылъ по приглашенію графа. Онъ тотчасъ пошелъ обо мнѣ доложить и минуты черезъ двѣ попросилъ меня войти въ кабинетъ, огромную полутемную и прохладную комнату съ завѣшанными окнами.

За бѣльшимъ письменнымъ столомъ сидѣлъ Клейнмихель, котораго я увидѣлъ тогда въ первый разъ: небольшого роста, довольно плотный мужчина, круглолицый, здоровый, безъ особаго выраженія лица.

— Вы желаете перейти въ корпусъ путей сообщенія?—спросилъ онъ меня.

— Если по указанію вашего сіятельства я найду, что буду въ состояніи исполнять свою обязанность, то почту большою честью служить подъ вашимъ начальствомъ.

— Хорошо, подавайте прошеніе, я васъ приму.

— Ваше сіятельство,—отвѣтилъ я,—позвольте спросить, на какое мѣсто вы меня опредѣляете. Я человекъ семейный и охотно перейду на другую службу, если ваше сіятельство мнѣ укажетъ, что меня ожидаетъ, и если содержаніе по предлагаемому мнѣ мѣсту будетъ превышать то, что я получаю нынѣ. Только въ такомъ случаѣ я могу согласиться.

— Я теперь не знаю, куда васъ опредѣлю, притомъ со мною торговаться нельзя: или переходите безусловно, или я васъ принять не могу.

— Въ такомъ случаѣ, ваше сіятельство, позвольте мнѣ отказаться и извинить меня, что я васъ потревожилъ. Хотя я могъ бы надѣяться, что вы дали бы мнѣ хорошее мѣсто, однако перемѣнить вѣрное, хотя и малое, на невѣрное мнѣ кажется неблагоприятнымъ.

Графъ покраснѣлъ и сказалъ только:

— Какъ угодно.

И ушелъ, и такъ кончилось это дѣло.

Со вступленіемъ на престолъ государя Александра Николаевича намъ измѣнили форму одежды, очень упростивъ и облегчивъ ее. Разрѣшили носить фуражки почти всегда, кромѣ нѣкоторыхъ праздничныхъ дней, когда попрежнему слѣдовало надѣвать каски; вмѣсто однобортныхъ съ фалдами мундировъ дали двухбортные съ полами повыше колѣнъ. Эполеты замѣнили погонами, полусаблю кавалерійскою саблею въ желѣзныхъ ножнахъ, отмѣнили ботфорты и пр. Кое-что изъ мелочей формы впослѣдствіи измѣнялось еще не разъ.

Въ 1855 году, мой сынъ Владиміръ, подпоручикъ л.-гв. Семёновскаго полка, былъ командированъ въ артиллерійское вѣдомство для изученія приготовленія новыхъ патроновъ и для ознакомленія съ нарѣзными ружьями, которыя тогда вводились въ армію. Изъ cadaго гвардейскаго полка для этой цѣли было командировано по одному офицеру. Грустно было разставаться съ сыномъ, молодымъ человѣкомъ, которому предстояло ѣхать въ тотъ омутъ, гдѣ каждый шагъ опасенъ, гдѣ каждая минута можетъ стоить жизни. Надо было быть готовымъ ко всякимъ лишеніямъ, неизбѣжнымъ при столь громадномъ скопленіи войскъ на такомъ пунктѣ, куда были устремлены все вниманіе и всѣ усилія союзниковъ, которые ничего не жалѣли, дабы уничтожить Севастополь и черноморскій флотъ. 1-го марта, мы проводили сына на московскій вокзалъ; вслѣдствіе разныхъ задержекъ въ пути, только 23 марта пріѣхалъ онъ въ Севастополь. Здѣсь онъ остановился въ штабѣ Семякина, которому явился; но тотъ объявилъ, что онъ уже больше не начальникъ штаба, и предложилъ Владиміру явиться Коцебу. Но оказалось, что князь Горчаковъ, прибывъ въ Севастополь, привезъ съ собою весь свой штабъ, а прежній распустилъ, вслѣдствіе чего для Владиміра начались мытарства, не знали, куда съ нимъ дѣваться: Коцебу отослалъ его къ графу Сакену, Сакенъ къ князю Васильчикову, а онъ къ генералу Мартинау,—на немъ и остановились. Ушакова балка, въ которой мы когда-то проводили такъ много пріятныхъ дней, расположена была прямо противъ квартиры сына; но о садѣ и помину нѣтъ, ни пней, ни даже кореньевъ не осталось—все употребили на дрова.

На Святой недѣлѣ служба часто заглушалась выстрѣлами, которые не прекращались ни днемъ, ни ночью. Въ первый день Пасхи къ нему приходилъ Петръ Любимовичъ, и братья чрезвычайно обрадовались другъ другу.

Наконецъ, Владимира командировали на Инкерманскія высоты, гдѣ расположена была дивизія Липранди; но, несмотря на всѣ его старанія, онъ могъ начать свое дѣло только послѣ 4-го апрѣля. Вскорѣ дивизію Липранди перевели съ Инкермана въ Севастополь, а Владимира съ командой помѣстили на Сѣверной сторонѣ. Онъ представлялся князю Горчакову, которому показывалъ всѣ новые приемы обращенія съ нартными ружьями. Сыну пришлось быть свидѣтелемъ четырехъ страшныхъ бомбардировокъ Севастополя и многихъ ужасовъ его осады. Въ началѣ августа его занятія кончились, и онъ получилъ предписаніе возвратиться въ Петербургъ. Мы ждали его дома съ особеннымъ нетерпѣніемъ, такъ какъ 17-го августа наступалъ день нашей серебряной свадьбы. Сынъ пріѣхалъ какъ разъ наканунѣ этого дня; такимъ образомъ собралась вся наша семья, и въ родственномъ кругу отпраздновали счастливый день.

Въ мартѣ 1856 года былъ заключенъ въ Парижѣ миръ, и въ томъ же году была назначена коронація ихъ императорскихъ величествъ въ Москвѣ. Резервная гвардія отправилась на это торжество. Мы снарядили нашего Николая ¹⁾, какъ подобаетъ гвардейскому офицеру: онъ взялъ съ собою верховую лошадь, какъ баталіонный адъютантъ, и выѣздную лошадь съ дрожками и кучеромъ. Всѣ войска были собраны въ лагерѣ на Ходынскомъ полѣ. Коронаваніе ихъ величествъ совершилось 26 августа съ полною помпой и великолѣпіемъ.

У насъ же, въ Петербургѣ, для встрѣчи царской четы и императорской фамиліи въ разныхъ мѣстахъ города готовилась богатая иллюминація. Въ это время у меня было много хлопотъ, такъ какъ я получилъ приказаніе иллюминировать зданіе Главнаго штаба великолѣпно, что я и постарался исполнить возможно лучше. Весь фасадъ дуги зданія отъ большой арки по обѣ стороны, весь фасадъ по Адмиралтейской площади, уголъ и загибъ на Невскій проспектъ были обнесены рѣшетчатыми стелажамъ съ разными рисунками, звѣздами, вензелями, большими флагами, аллегорически разрисованными у всѣхъ воротъ арками и пр. До 60 флаговъ и 200 значковъ были особо заказаны и разрисованы въ Адмиралтействѣ, 8 штандартовъ и 12 огромныхъ флаговъ были сдѣланы, кромѣ того. На дворцовой площади я устроилъ изъ желѣзныхъ листовъ огромную вазу, съ подношкою и пьедесталомъ, діаметромъ въ 5 и высотой въ 6 аршинъ. Ваза имѣла очень красивую форму, была выкрашена подъ цвѣтъ малахита и покрыта особымъ лакомъ. Я наполнилъ ее экзотическими растеніями и множествомъ цвѣтовъ, а между зеленью уставлялъ 24 большихъ матовыхъ стеклянныхъ шара съ лампами внутри. Всѣ растенія въ вазѣ и внизу у пьедестала были обло-

¹⁾ Николай Константиновичъ, старшій сынъ дѣда, служилъ тогда въ л.-гв. Семеновскомъ полку. В. Ж.

жены ноздреватымъ камнемъ и цвѣтнымъ мхомъ; весь пьедесталъ былъ кругомъ обложенъ цвѣтами. Изъ-подъ фундамента зданія главнаго штаба къ этому мѣсту я провелъ свинцовыми трубами воду и среди вазы устроилъ фонтанъ, который билъ въ высоту сажени на двѣ. При громадной массѣ огня (кромѣ разныхъ лампъ, свѣчей и пр., горѣли 120 тысячъ бѣлыхъ и разноцвѣтныхъ шкаликовъ) ваза съ фонтаномъ производила дивный эффектъ. На фронтисписѣ зданія фасадомъ на Адмиралтейскую площадь красовался огромный щитъ государственной короны, а на углу у Невского проспекта вензелевое изображеніе именъ государя и государыни подъ большимъ государственнымъ гербомъ, орелъ котораго транспарантивно и ажурно былъ освѣщенъ разноцвѣтными огнями. 80 человѣкъ матросовъ и 60 человѣкъ своей команды понадобилось, чтобы успѣть зажечь иллюминацію въ теченіе 20 минутъ; болѣе 50 лѣстницъ были скрытно разставлены въ разныхъ мѣстахъ, чтобы удобнѣе зажигать огни. Надо прибавить, что въ первый день иллюминаціи на Дворцовой площади былъ назначенъ парадъ, благодаря чему къ устройству вазы съ фонтаномъ я могъ приступить только въ 4 часа дня. Въѣздъ царской фамиліи въ золотыхъ каретахъ совершился въ чудный, свѣтлый, теплый день. Эффектъ общей картины Дворцовой площади и здашя Главнаго штаба былъ, вѣроятно, очень значителенъ, такъ какъ государь и великіе князья спрашивали меня, кто это устроилъ. Иллюминація эта горѣла 26, 27, 28 и 30 августа и въ день въѣзда царской фамиліи, кажется, 4 сентября. Она стоила казнѣ 16 тысячъ рублей и то лишь потому, что я имѣлъ подъ рукой до 100 человѣкъ своей команды, около 60 человѣкъ военныхъ рабочихъ, до 50 человѣкъ вольнонаемныхъ и *carte blanche* брать изъ комиссаріатскаго департамента и изъ крѣпости разные военные доспѣхи, каски, кирасы, сабли, ружья, пики, трубы, литавры, и сколько было штандартовъ; не будь этого, все обошлось бы гораздо дороже. Какъ мнѣ передавали, объ этой иллюминаціи говорили въ Петербургѣ. Но болѣе всего я былъ доволенъ тѣмъ, что она удалась, и не произошло ни одного несчастнаго случая во время весьма опаснаго зажиганія плошекъ, особенно по крышамъ, карнизамъ и фронтонамъ.

К. Жерве.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ ¹⁾.

ХІ.

Личныя перемѣны въ главномъ штабѣ и въ департаментѣ военныхъ поселеній.—Передѣлки въ зданіи Главнаго штаба.—Графъ Ламбертъ и генераль Герштенцвейгъ.—Американскій дуэль между ними и смерть Герштенцвейга.—Казначей инспекторскаго департамента полковникъ Монтандръ; пропача казенныхъ денегъ; ея послѣдствія.—Хозяйственные комитеты въ казенныхъ зданіяхъ.—Реформы въ Главномъ штабѣ.—Мое новое положеніе въ прежней должности и рѣшеніе оставить ее.—Сдача должности.—Послѣднія работы.—Представленіе военному министру графу Милютину.—Производство въ генералы.—Занятія музыкою моею дочери.—Дрейшокъ и Венявскій.—Петръ Карловичъ Жерве—прокуроръ ковенской уголовной палаты и его отношеніе къ полякамъ.—Покушеніе на жизнь государя 4-го апрѣля 1866 года.—Высочайшій выходъ въ Зимнемъ дворцѣ и милостивая награда Комисарову.—Графъ М. Н. Муравьевъ и его преемникъ К. П. Кауфманъ.—Пріѣздъ графа Муравьева въ Вильну.—Его пріемъ представителей администраціи и рѣчь къ предводителю дворянства графу Тышкевичу.—Казнь ксендза.—Мѣры противъ манифестацій.—Неожиданный вызовъ П. К. Жерве графомъ Муравьевымъ.—Поѣздка П. К. въ Вильну и бесѣда съ графомъ.—Назначеніе Петра Карловича Жерве сувалскимъ губернаторомъ.—Его товарищъ Карповъ; встрѣча съ нимъ у Муравьева.

МЕЖДУ тѣмъ у меня по департаменту военныхъ поселеній произошли довольно большія перемѣны. Еще въ концѣ 1852 года директоръ этого департамента, генераль-лейтенантъ баронъ Николай Ивановичъ Корфъ, съ производствомъ въ генералы отъ артиллеріи, былъ назначенъ на должность начальника всей артиллеріи послѣ смерти генерала отъ артиллеріи Я. Я. Гилленшмита. Его мѣсто заступилъ генераль-лейтенантъ Густавъ Феодоровичъ Пилларъ-фонъ-Пильхау, служившій до сего въ южныхъ поселеніяхъ, добрый, но весьма недалекій старикъ, который о нашемъ инженерномъ дѣлѣ не имѣлъ серьезнаго по-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 789.

нѣтія. Онъ оставался директоромъ департамента военныхъ поселеній до 1857 года, когда вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ свое имѣніе. Его мѣсто занялъ генеральнаго штаба генераль-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Веригинъ.

Вскорѣ рѣшено было департаментъ военныхъ поселеній упразднить. Вся строительная часть и весь корпусъ инженеровъ должны были перейти въ инженерный департаментъ, и офицеры перенменованы въ полевые инженеры. Вѣдѣніе иррегулярными войсками должно было перейти въ особое управленіе иррегулярныхъ войскъ, начальникомъ котораго въ 1858 году былъ назначенъ генераль-лейтенантъ А. И. Веригинъ.

Въ Главномъ штабѣ также произошли перемѣны. Въ 1854 году генераль-адъютантъ Бергъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Финляндіи. Мѣсто генераль-квартирмейстера занялъ генераль-адъютантъ баронъ Ливенъ; онъ, какъ и супруга его, были прекрасные люди. Баронесса была некрасивая, но очень образованная женщина, важнаго, чуть не княжескаго рода. Въ концѣ 1857 года, дежурный генераль, генераль-адъютантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ, былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Оренбургскаго края послѣ графа Перовскаго, а вмѣсто него былъ назначенъ (исправляющимъ должность) свиты его величества генераль-майоръ А. Д. Герштенцвейгъ. Кривошипинъ еще въ 1845 году перешелъ на службу къ графу Клейнмихелю, у котораго занялъ должность начальника штаба. Вмѣсто флигель-адъютанта полковника И. В. Анненкова, въ 1857 году, былъ назначенъ вице-директоромъ гвардіи полковникъ Евгенийъ Егоровичъ Сиверсъ. Впослѣдствіи Герштенцвейгъ былъ пожалованъ въ генераль-адъютанты, а графъ Сиверсъ въ флигель-адъютанты.

Во время пребыванія Герштенцвейга дежурнымъ генераломъ и графа Сиверса вице-директоромъ инспекторскаго департамента, въ зданіи Главнаго штаба было сдѣлано много перестроекъ для улучшенія самаго зданія и удобства квартирующихъ въ немъ. Двѣ изъ числа этихъ построекъ заслужили мнѣ общее вниманіе. Я передѣлалъ военную типографію 2-го отдѣленія изъ темнаго, въ отвратительномъ видѣ содержавшагося помѣщенія для разной прислуги. Главное затрудненіе работы состояло въ томъ, что передѣлываемая часть приходилась подъ самою церковью, въ который 24 колонны, иконостасъ, алтарь и пр. составляли огромную тяжесть. Я взялся про-извести всю перестройку подъ церковью, не касаясь ея, и это мнѣ удалось совершенно: въ церкви ничего не повредилось, не оказалось даже признака трещины. Кромѣ того, я выломалъ совсѣмъ одну капитальную каменную поперечную стѣну, а въ двухъ другихъ пробилъ арки, и благодаря этому образовался очень большой, длинный и свѣтлый залъ; здѣсь была помѣщена типографія и устроена паровая печь, приводившая въ движеніе лямки скоропечатной машины.

Другая, также очень смѣлая, работа состояла въ устройствѣ парадной лѣстницы въ квартиру дежурнаго генерала, въ которую до этого времени вела узкая, довольно мрачная, въ нѣсколько поворотовъ лѣстница, совершенно не соотвѣтствовавшая прекрасной квартирѣ дежурнаго генерала. Мнѣ пришлось выломать узкую каменную лѣстницу съ ея капитальными стѣнами и упорными столбами въ двухъ нижнихъ этажахъ и оставить ее нетронутою для трехъ верхнихъ этажей. Работа была весьма затруднительная, тѣмъ болѣе что въ единственной остававшейся внутренней поперечной стѣнѣ пришлось выбить широкую арку во всю ширину предполагавшейся лѣстницы. Эта рискованная работа мнѣ удалась въполнѣ, нигдѣ не оказалось ни малѣйшей трещинки; я устроилъ широкую свѣтлую лѣстницу и украсилъ бока арки двумя превосходными каріатидами. Эта работа обратила на себя вниманіе нѣкоторыхъ архитекторовъ Петербурга, и любоваться ею пріѣзжали Александръ Павловичъ Брюловъ, строившій Мраморный дворецъ, Штакеншнейдеръ, строитель дворца великаго князя Михаила Николаевича, Львовъ, Пель и другіе. Наше же начальство хотя осталось довольно моими смѣлыми работами, однако особыхъ милостей мнѣ не проявило; я полагаю, впрочемъ, что это случилось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что въ самый разгаръ работы Герштенцвейгъ оставилъ свою должность—и вотъ по какому случаю.

Графъ Ламбертъ былъ назначенъ военнымъ генералъ-губернаторомъ въ Варшаву и упросилъ Герштенцвейга ѣхать съ нимъ товарищемъ. Герштенцвейгъ не очень-то сначала соглашался, но видя, что это было желаніемъ государя, согласился и, какъ показали послѣдствія, къ своей гибели. Въ Варшавѣ устраивались такіе оскорбительныя манифестаціи противъ русскаго правительства, что всѣ мѣры снисходительности оказывались совершенно недействительными; въ костелахъ говорились возмутительныя проповѣди, пѣлись революціонныя гимны, и полиція была безсильна въ борьбѣ съ пропагандою. Однажды въ одномъ изъ костеловъ собралось множество революціонеровъ, и необходимо было разогнать ихъ. Графъ Ламбертъ поручилъ это дѣло Герштенцвейгу и разрѣшилъ ему при этомъ, если не подѣйствуетъ убѣжденіе, употребить силу. Герштенцвейгъ въ сопровожденіи конвойныхъ вошелъ въ костелъ и сначала сталъ уговаривать присутствовавшихъ прекратить пѣніе возмутительныхъ гимновъ; но видя, что это не дѣйствуетъ и приходится поступить энергичнѣе, ввелъ войска и силою выгналъ всѣхъ изъ костела, въ томъ числѣ и ксендзовъ. Самъ же вернулся къ графу Ламберту и доложилъ обо всемъ. Между тѣмъ тотъ сообразилъ, что государь будетъ недоволенъ, узнавъ о принятыхъ имъ мѣрахъ, и сталъ выговаривать Герштенцвейгу, зачѣмъ онъ употребилъ оружіе. Тотъ возмутился такимъ замѣчаніемъ и сказалъ Ламберту, что онъ же самъ приказалъ употребить силу, если уго-

воры не подѣйствуютъ. Тогда Ламбертъ отрекся отъ своихъ словъ. Герштенцвейгъ вышелъ изъ себя и сказалъ ему нѣсколько оскорбительныхъ словъ. Очевидно, послѣ этого дѣло должно было кончиться вызовомъ; но такъ какъ дуэль между Ламбертомъ и Герштенцвейгомъ надѣлала бы много шуму и вызвала бы слишкомъ большою скандалъ, то они обратились къ американской дуэли. Герштенцвейгъ выдернулъ узелокъ и застрѣлился, но слишкомъ малою пулею. Вслѣдствіе этого, онъ страдалъ цѣлую недѣлю передъ смертью, но перенесъ эти страданія съ большою твердостью духа; его жена и дѣти успѣли пріѣхать въ Варшаву, онъ простился съ ними и благословилъ ихъ. Странно, что отецъ его, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, будучи полнымъ генераломъ и начальникомъ южныхъ поселеній, также кончилъ свою жизнь застрѣлившись. Ламберта, конечно, уволили, онъ уѣхалъ за границу и тамъ умеръ. На его мѣсто былъ назначенъ генераль-адъютантъ графъ Лидерсъ.

Въ бытность Герштенцвейга дежурнымъ генераломъ, въ инспекторскомъ департаментѣ случилась очень непріятная исторія. Казначеемъ этого департамента уже лѣтъ 15 былъ полковникъ Монтандръ, очень хорошій, добрый старикъ. Ему поручено было однажды отвезти въ крѣпость накопившіяся въ большомъ количествѣ съ умершихъ нижнихъ чиновъ серебряныя медали, присланныя въ департаментъ въ разное время; изъ управленія монетнаго двора онъ долженъ былъ получить за нихъ деньги, съ высочайшаго разрѣшенія, сколько по цѣнности медалей слѣдовать будетъ. По расчету, причиталось 10.000 рублей: Монтандръ эти деньги получилъ, но, какъ говорить, дорогою потерялъ ихъ. Подозрѣвать его въ присвоеніи денегъ почти невозможно было: онъ много лѣтъ занималъ казначейскую должность, всегда былъ весьма аккуратенъ въ своихъ счетахъ и при ревизіяхъ, и всѣ суммы у него всегда оказывались на лицо.

Помнится, я заходилъ по какому-то дѣлу въ кабинетъ Герштенцвейга, часовъ около 3-хъ дня, и только что вышелъ отъ него, какъ Монтандръ вошелъ къ нему въ кабинетъ блѣдный, разстроенный. Тамъ онъ объявилъ о случившемся. Генераль Герштенцвейгъ принялъ живое участіе въ Монтандрѣ, однако, дѣлать нечего, его пришлось арестовать; но дабы почтеннаго старика не подвергать аресту на гауптвахтѣ, его посадили въ фельдъегерской комнатѣ, отдѣливъ ему уголъ. Дѣлу пришлось дать офиціальныя ходъ, но по желанію дежурнаго генерала и вице-директора инспекторскаго департамента графа Сиверса, было предложено всѣмъ служившимъ въ этомъ департаментѣ подписаться, кто сколько могъ и желалъ пожертвовать на пополненіе утерянной Монтандромъ суммы. Бывшій тогда старшимъ адъютантомъ, подполковникъ графъ Апраксинъ, богатый человѣкъ, при томъ очень уважавшій старика Монтандра, одинъ подписалъ въ его пользу 5000 рублей; остальные

деньги были пополнены подпискою прочихъ служащихъ, въ числѣ которыхъ и я внесъ 25 рублей. Дѣло было доложено государю въ довольно мягкой формѣ, и была выставлена честная долговременная служба Монтандра. Въ результатѣ всего, его только уволили со службы, но тотчасъ же стали хлопотать о другой должности для него; дѣйствительно, онъ получилъ мѣсто полицеймейстера въ Александровской мануфактурѣ, гдѣ прожилъ еще лѣтъ пять до самой смерти.

Протекло нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ, у насъ въ Главномъ штабѣ предполагались большія перемѣны. Военный министръ возымѣлъ желаніе во всѣхъ отрасляхъ военнаго вѣдомства ввести коллегіальныя управленія, т. е. учредить въ полкахъ и во всѣхъ казенныхъ зданіяхъ хозяйственные комитеты въ составѣ предсѣдателя, четырехъ членовъ и дѣлопроизводителя. Такъ какъ зданіе Главнаго штаба было однимъ изъ самыхъ большихъ и важныхъ во всемъ военномъ вѣдомствѣ, то и предположено было начать съ него это устройство. Вице-директору инспекторскаго департамента свиты его величества генераль-майору графу Евгенію Егоровичу Сиверсу было поручено заняться этимъ дѣломъ, составить проектъ правилъ и штата хозяйственнаго комитета и представить его на утвержденіе военнаго совѣта, а также военнаго министра. Безъ меня графу Сиверсу трудно было разбираться въ подробностяхъ, и потому онъ пригласилъ меня работать съ нимъ по этому вопросу. Много употребили мы труда, много было переписки, и наконецъ проектъ былъ представленъ; необходимо было еще сдѣлать нѣсколько перемѣнъ и дополненій, послѣ чего онъ былъ окончательно утвержденъ. Комитетъ былъ составленъ изъ предсѣдателя, вице-директора департамента генеральнаго штаба генераль-майора Мещеринова, членами со стороны военно-топографическаго депо были назначены подполковникъ Ротштейнъ, со стороны департамента генеральнаго штаба полковникъ Россетъ, со стороны инспекторскаго департамента подполковникъ Фоссъ и чиновникъ Прокофьевъ, а производителемъ дѣлъ коллежскій совѣтникъ Бакиревъ, служившій въ департаментѣ генеральнаго штаба. Мой старшій помощникъ коллежскій ассессоръ Алексѣевъ просилъ меня уволить его отъ этой должности и хлопотать о переименованіи его въ чиновники главнаго инженернаго управленія, что мнѣ удалось; поэтому на его мѣсто, по распоряженію военнаго министра, былъ назначенъ художникъ архитекторъ фонъ-Гаке.

При устройствѣ хозяйственнаго комитета зданія Главнаго штаба, меня оставили попрежнему смотрителемъ его. Само собою разумѣется, новое положеніе не могло мнѣ нравиться: изъ самостоятельнаго строителя и архитектора, изъ полнаго хозяина по всѣмъ отраслямъ администраціи я превратился въ подчиненнаго комитету, безъ разрѣшенія котораго не имѣлъ права сдѣлать ни шагу. При томъ, предсѣдатель и члены комитета, какъ не спеціалисты, не могли

быть вполне знакомы съ обширнымъ хозяйственнымъ управленіемъ и тѣмъ болѣе со строительною частью, въ вѣдѣніе которой входили механическія и гидравлическія работы. Мнѣ слѣдовало бы немедленно отказаться отъ должности въ виду такого ограниченія правъ, но этого нельзя было сдѣлать, такъ какъ необходимо было сдать въ комитетъ какъ самое зданіе, такъ и водопроводную машину, резервуары, газовые аппараты и пр. Эту сдачу я долженъ былъ непременно произвести, еще состоя въ должности, иначе могли бы возникнуть претензіи и начеты, хотя все было у меня въ отличномъ порядкѣ и дѣла велись, какъ въ департаментѣ—подъ номерами, по реестрамъ и т. п. Въ этомъ, впрочемъ, вскорѣ удостовѣрились и г.г. пріемщики зданія, которые начали было принимать очень подробно, а потомъ бросили ненужныя формальности, и всѣ вѣдомости вскорѣ были подписаны и утверждены комитетомъ.

Я получилъ полную квитанцію отъ хозяйственнаго комитета за подписью его предсѣдателя и всѣхъ членовъ. При этомъ комитетъ просилъ меня взять на себя, на коммерческомъ правѣ, всѣ работы капитальныя и ремонтныя. Такъ какъ мнѣ необходимо было покончить расчеты съ подрядчиками, то я и согласился на это, тѣмъ болѣе, что по крайней необходимости я уже приступилъ ранѣе къ нѣкоторымъ ремонтнымъ работамъ.

Покончивъ работы и дождавшись освидѣтельствованія ихъ членами комитета, я твердо рѣшилъ оставить Главный штабъ. На страстной недѣлѣ 1866 года я поѣхалъ однажды вечеромъ къ военному министру генералъ-адъютанту Милютину и передалъ ему мое желаніе оставить должность смотрителя зданія Главнаго штаба. Онъ сказалъ, что хотя и желательно было бы, чтобы я остался еще по крайней мѣрѣ до осени нынѣшняго года, но удерживать меня насильно онъ не въ правѣ, а потому спросилъ что желалъ бы я получить по службѣ. Я сказалъ, что желалъ бы быть произведеннымъ.

— На это вы имѣете полное право,—отвѣтилъ онъ.—А еще что?

— Желалъ бы также, чтобы меня зачислили по инженерному корпусу. А впоследствии, если позволите, я обращусь при случаѣ къ содѣйствію вашего превосходительства.

Военный министръ на все согласился и на прощанье сказалъ, чтобы на другое утро, то есть въ среду, я зашелъ къ генералъ-майору Мещеринову и попросилъ бы его написать письмо къ генералъ-адъютанту Тотлебену съ просьбою представить меня къ производству. Въ среду утромъ, по приказанію военнаго министра, Мещериновъ написалъ о моемъ производствѣ письмо, которое я отвезъ Тотлебену; онъ обѣщалъ въ тотъ же день послать мое представленіе Милютину. Уже въ пятницу вечеромъ графъ Сиверсъ зашелъ ко мнѣ и поздравилъ съ тѣмъ, что мое производство высочайше утверждено и состоится въ высочайшемъ приказѣ на первый день Пасхи. Платье у меня было приготовлено заранѣе, и такимъ

образомъ къ заутрени во дворецъ я поѣхалъ уже въ генеральской парадной формѣ.

.....Моя младшая дочь Ольга воспитывалась у Вѣры Петровны Заливкиной, пансіонъ которой въ свое время пользовался самою лучшею репутаціею въ Петербургѣ. И съ женою строго слѣдилъ за воспитаніемъ дочери и, подмѣтивъ въ ней богатые музыкальныя способности, обратилъ на нихъ особое вниманіе.

Еще когда Ольга была послѣдній годъ въ пансіонѣ, я пригласилъ Дрейшока давать ей уроки на фортепіано и, по выходѣ ея изъ пансіона, подарилъ ей прекрасный рояль Беккера. Дрейшокъ самъ выбиралъ инструментъ, за который я заплатилъ около 800 р. Сначала Ольга ѣздила три раза въ недѣлю къ Дрейшоку съ В. П. Заливкиной, а потомъ онъ самъ приходилъ къ намъ въ домъ; я платилъ ему 6 рублей за урокъ. Въ 1863 году, 2-го февраля, въ день моего рожденія, Дрейшокъ устроилъ у насъ квинтетъ: двѣ скрипки, альтъ и віолончель съ аккомпанементомъ рояля. Собралась масса гостей, въ числѣ которыхъ были графъ Сиверсъ съ женою и дочерью, генералъ Бларамбергъ съ дочерью, В. П. Заливкина съ сестрою и другіе. Концертъ удался на славу. Оля исполнила мастерски свою партію, и Дрейшокъ былъ въ полномъ восторгѣ; онъ самъ сыгралъ потомъ двѣ пьесы. Съ осени этого же года, по совѣту Дрейшока, для изученія Олею аккомпанеента, я пригласилъ къ ней извѣстнаго скрипача Венявскаго. Каждый урокъ его доставлялъ всѣмъ намъ истинное наслажденіе: мы собирались въ сосѣдней комнатѣ и, чужь не притаившись, слушали его превосходную игру. Ему я платилъ также по 6 рублей за урокъ. Въ воспоминаніе объ этихъ занятіяхъ Венявскій подарилъ Олѣ свою фотографію, на которой, кромѣ собственнаго автографа, набросалъ также нѣсколько начальныхъ тактовъ изъ сонаты Бетховена, которую они разыгрывали вмѣстѣ. Оля дѣйствительно очень усовершенствовалась въ музыкѣ, и Дрейшокъ высоко цѣнилъ ея дарованіе. Часто во время урока онъ посылалъ въ магазинъ за указанною имъ пьесою въ четыре руки, и они сразу à livre ouvert разыгрывали совершенно свободно весьма серьезныя вещи. Дрейшокъ посвятилъ ей двѣ пьесы собственнаго сочиненія: «Sur l'eau» и «Dans la forêt».

Въ 1860 годахъ мой двоюродный племянникъ Петръ Карловичъ Жерве ¹⁾ занималъ мѣсто прокурора уголовной палаты въ Ковно.

¹⁾ П. К. Жерве, сынъ Карла Леонтьевича Жерве, о которомъ упоминается выше, родился 29 февраля 1832 г. Въ 1853 году онъ окончилъ курсъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія и поступилъ на службу въ сенатъ. Изъ Петербурга онъ былъ назначенъ прокуроромъ уголовной палаты въ Ковно, а оттуда переведенъ губернаторомъ въ Сувалки. Послѣ этого онъ занималъ должность попечителя сначала Дерптскаго, а затѣмъ — Харьковскаго учебныхъ округовъ. Въ 1879 г. онъ былъ назначенъ членомъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія. 12 апрѣля 1890 г. въ Петербургѣ Петръ Карловичъ скончался сенаторомъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, имѣя орденъ Бѣлаго Орла. В. Ж.

Его служебное положеніе было довольно затруднительно, такъ какъ мѣстные польскіе паны, засыпая кого нужно деньгами, привыкли видѣть всюду полное повиновеніе ихъ авторитету. Какое бы ни было вопіющее дѣло, даже уголовное, не смущало ихъ: паны подкупали судей, и все сходило имъ съ рукъ. И вдругъ явился къ нимъ прокуроръ, котораго никакимъ золотомъ, никакими обѣщаніями нельзя было покупать: если «панъ грабе» или «панъ ксѣнджъ» виноватъ, а мужичекъ правъ, то ни просьбы, ни угрозы, ни подкупы не помогали,—и пана штрафовали безъ дальнихъ околичностей, а мужичка оправдывали. Вся знать, вся аристократія, болѣе или менѣе задѣтая за живое, взбеленилась донельзя, и такъ какъ на прокурора нельзя было дѣйствовать прямымъ путемъ, то начались на него доносы въ Петербургъ, клеветы, жалобы. Но каждый доносъ присылался оттуда въ Ковно Петру Карловичу для надлежащаго разъясненія и указанія побудительныхъ причинъ. И когда на три-четыре такихъ доноса онъ далъ самый положительный отвѣтъ, обнаружилъ предъ правительствомъ всю надменность поляковъ, ихъ самонадѣянность и увѣренность въ томъ, что они могутъ заглушить всякое дѣло, какъ бы ни было оно несправедливо и противозаконно,—тогда уже всѣ доносы оставались безъ всякихъ послѣдствій. Послѣ должности прокурора, Петръ Карловичъ получилъ назначеніе предсѣдателемъ ковенской уголовной палаты.

Передъ обѣдомъ 4-го апрѣля 1866 года, когда я жилъ еще въ Главномъ штабѣ, прибѣгаетъ ко мнѣ мой фельдфебель Андрей Николаевъ, блѣдный, запыхавшись и докладываетъ:

— Ваше превосходительство, въ государя стрѣляли въ Лѣтнемъ саду и, къ счастью, промахнулись. Народъ волнуется, вся полиція на ногахъ, страшная суета въ городѣ!...

Я сильно встревожился, но, не совсѣмъ довѣряя разсказу фельдфебеля, выбѣжалъ, чтобы узнать что нибудь повѣрнѣе. Только что вышелъ изъ подъѣзда, какъ встрѣтилъ графа Сиверса, который закричалъ мнѣ:

— Константинъ Карловичъ, надѣвайте скорѣе полную парадную форму, и пойдѣте сейчасъ въ Зимній дворецъ. Для поздравленія государя со спасеніемъ отъ смерти туда собираются всѣ военные, вся знать, всѣ придворные!

Я тотчасъ вернулся домой, переодѣлся и побѣжалъ во дворецъ. Когда я пришелъ туда, было уже очень много собравшихся, болѣе всего военныхъ, и вотъ что передали мнѣ. Государь гулялъ въ Лѣтнемъ саду и, кончивъ прогулку, вышелъ въ среднія ворота, что ведутъ на набережную Невы. Когда онъ уже сталъ садиться въ экипажъ, то услышалъ выстрѣлъ. Государь обернулся и спросилъ:

— Что это такое?

Оказалось, что нѣкій Каракозовъ, какъ узнали уже позже, выстрѣлилъ въ государя и, промахнувшись, бросился бѣжать къ на-

бережной, чтобы кинуться въ Неву, однако ему это не удалось: его схватила полиція. Счастливыя промахъ Каракозова объясняли слѣдующимъ образомъ. Въ этотъ день пляпочнаго дѣла подмастерье Комисаровъ праздновалъ свои именины и желалъ пойти помолиться Богу въ домикъ Петра Великаго на Петербургской сторонѣ; но въ то время былъ довольно сильный ледоходъ по Невѣ, мосты были разведены, и сообщенія съ тою стороною не было никакого. Комисаровъ, видя, что ему нельзя ни перейти, ни переѣхать, возвращался назадъ и около Лѣтнаго сада замѣтилъ большую толпу народа, который ждалъ здѣсь выхода государя, желая взглянуть на него. Комисарову также захотѣлось посмотрѣть государя, онъ виѣшался въ толпу и тутъ-то замѣтилъ, что какой-то господинъ все толкалъ его, просовываясь впередъ; но Комисаровъ, самъ желавшій поближе увидѣть государя, не отступалъ отъ него. Однако этотъ господинъ въ концѣ концовъ пробрался впередъ, а Комисаровъ сталъ какъ-разъ подлѣ него и замѣтилъ, когда государь сталъ садиться въ экипажъ, какъ тотъ господинъ вынулъ пистолетъ изъ кармана и сталъ пѣлиться въ государя. Комисаровъ подтолкнулъ его руку — и пуля миновала царя. Комисарова обступили, онъ очень оробѣлъ. Но государь ободрилъ его, приказалъ ему разсказать, какъ все случилось, благодарилъ его и приказалъ тутъ же случившемуся генералъ-адъютанту Тотлебену распорядиться, чтобы Комисарова прислали во дворецъ. Каракозова же, какъ я уже сказалъ, схватили и отправили въ III Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Государь сѣлъ въ экипажъ, поѣхалъ въ Казанскій соборъ возблагодарить Бога за свое спасеніе и уже оттуда вернулся во дворецъ.

Когда я прибылъ во дворецъ, Комисаровъ стоялъ по лѣвую сторону отъ входа большой, кажется, Николаевской залы. Это былъ молодой человекъ, съ бѣлымъ, чистымъ лицомъ, съ черными глазами, — вообще весьма красивой наружности, въ синемъ кафтанѣ съ лапами, закинутыми одна на другую. За женой его послали. Спустя около получаса, государь подъ руку съ императрицей выпелъ изъ внутреннихъ покоевъ. Ихъ встрѣтили такимъ громкимъ и нескончаемымъ «ура», отъ котораго окна дрожали. Когда по знаку государя «ура» смолкло, онъ обратился къ присутствовавшимъ съ теплою благодарностью за выраженные чувства. Затѣмъ подозвали Комисарова. Государь благодарилъ его за преданность и находчивость, обнялъ и поцѣловалъ его; императрица также благодарила его и когда подала ему руку, онъ поцѣловалъ ей руку, а государыня поцѣловала его въ щеку.

Послѣ этого государь снова обратился къ присутствовавшимъ и сказалъ намъ:

— Я желаю Комисарова возвести въ потомственное дворянство за спасеніе моей жизни; надѣюсь, что всѣ вы, господа дворяне, будете согласны на это мое желаніе.

Отвѣтомъ было прежнее оглушительное «ура».

— Я скоро поѣду въ Преображенскій соборъ,—продолжалъ государь,—чтобы отслужить молебствіе, и надѣюсь со всѣми вами встрѣтиться тамъ.

Мы начали разѣзжаться; у самого выхода встрѣтили только что привезенную жену Комисарова. Насколько самъ онъ былъ красивъ, настолько она была некрасива: лицо самое простое, въ веснушкахъ, волосы рыжіе, глаза сѣрые,—однимъ словомъ, самая простая, неуклюжая деревенская баба. Изъ дворца всѣ поѣхали въ Преображенскій соборъ. Церковь не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ принести горячія молебны Создателю за спасеніе дорогой жизни. Густая толпа народа окружала соборъ, вереница экипажей казалась безконечной. Все ожило, все радовалось и ликовало, потому что свѣтлый праздникъ былъ въ душѣ каждого русскаго человѣка...

Покупеніе на драгоценную жизнь государя слишкомъ сильно взволновало всѣ слои общества, и потому толкамъ, сплетнямъ, предположеніямъ не было конца. Государь поручилъ разслѣдованіе этого дѣла только что окончившему поприще начальника Сѣверо-западнаго края графу Михаилу Николаевичу Муравьеву. На его мѣсто государю угодно было назначить генераль-адъютанта Константина Петровича Кауфмана, несмотря на то, что онъ сначала чрезъ военнаго министра, затѣмъ чрезъ великаго князя Николая Николаевича и, наконецъ, самъ лично просилъ избавить его отъ этого назначенія; онъ ссылаясь на то, что чувствовалъ себя неспособнымъ исполнить это трудное дѣло вполне по долгу службы и совѣсти, не въ состояніи принять на себя всю ту громадную отвѣтственность, которая ложилась на него какъ относительно государя, такъ и всей Россіи. Но ничто не помогло. Кауфманъ поѣхалъ въ Вильну съ грустью и съ тѣмъ сознаніемъ, что онъ не будетъ въ состояніи замѣнить графа Муравьева, такого умнаго, опытнаго и вполне знающаго администрацію края, гдѣ при всемъ томъ ему приходилось сильно бороться съ тѣми подпольными кознями и терроризмомъ, которыми такъ извѣстны были аристократія, шляхта, духовенство и фанатичное женское поколѣніе поляковъ...

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ такая личность, какія рѣдко всплываютъ въ іерархіи государствъ. Своимъ настойчивымъ характеромъ и проницательнымъ умомъ, своею неутомимою дѣятельностью, при безпредѣльной преданности отечеству, онъ оказалъ неоцѣнимую услугу Россіи во время управленія Сѣверо-западнымъ краемъ въ продолженіе самыхъ ярыхъ волненій, сумасбродствъ, жестокостей и бессмысленныхъ надеждъ польскаго бунта 60-хъ годовъ. Онъ былъ краеугольнымъ камнемъ, о который разбивались всѣ происки замыслы, дерзкія надежды и попытки бунтовщиковъ.

Графъ Муравьевъ пріѣхалъ въ Вильну съ неограниченными правами; онъ зналъ, что тутъ надо дѣйствовать смѣло, энергически

настойчиво, не останавливаясь ни предъ какими мѣрами, которыя ведутъ къ дѣлу. По прїѣздѣ его, собрались явиться ему представители всѣхъ сословій, всѣ служащіе военные и гражданскіе чины, губернский предводитель дворянства графъ Тышкевичъ, кавалеръ Анны первой степени со звѣздою, многіе уѣздные предводители, епископъ и духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій, купечество, мѣщанство и представители отъ крестьянъ. Къ военнымъ и гражданскимъ чинамъ администраціи онъ обратился съ краткой рѣчью, говоря, что съ ними познакомится поближе при производствѣ дѣлъ, и добавилъ, что всякаго, кто сумѣетъ служить вѣрою и правдою русскому царю, русскому правительству и своему отечеству, того онъ не преминетъ наградить по заслугамъ, а кто этого не сумѣетъ, того самыя сокровенныя думы и мысли будутъ ему извѣстны непременно,—и тогда пусть не пеняютъ на него, если не только строго, но немилосердно будетъ онъ взыскивать. «Тутъ середины нѣтъ», добавилъ Муравьевъ: «или вы русскіе вѣроподданные или враги Россіи».

Затѣмъ онъ обратился къ губернскому предводителю дворянства графу Тышкевичу:

«Вы, ваше сіятельство, по сіе время находили всегда особыя причины не исполнять точно и добросовѣстно приказаній, которыя были вамъ передаваемы бывшимъ генералъ-губернаторомъ въ духѣ требованій русскаго правительства. Не совѣтую вамъ при мнѣ исполнить какое бы то ни было мною данное приказаніе иначе, какъ въ самой щепетильной точности, безъ малѣйшаго разсужденія, а тѣмъ болѣе противорѣчія. Въ противномъ случаѣ предупреждаю ваше сіятельство, что ни это (онъ показалъ на ленту), ни это (онъ ткнулъ въ звѣзду) не спасутъ васъ отъ висѣлицы!»

Потомъ онъ обратился къ епископу:

— Съ вами, — сказалъ онъ, — мнѣ придется разсчитаться теперь же, но на это я вамъ назначу другое время.

Съ православнымъ и протестантскимъ духовенствомъ онъ обошелся довольно ласково, шляхту миновалъ молча и съ презрѣніемъ, съ мѣщанами и крестьянами обошелся очень милостиво. Впечатлѣніе, которое Муравьевъ произвелъ на губернскаго предводителя Тышкевича и на все польское дворянство, было ужасное: они увидѣли, что дѣло начинается очень серьезное, что до нихъ скоро доберутся, и что отъ Муравьева ничто не ускользнетъ.

Вскорѣ послѣ этого въ одной шайкѣ повстанцевъ былъ захваченъ ксендзъ, очень извѣстный виленской польской публикѣ; а такъ какъ онъ былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ въ рукопашномъ бою, то его отдали подъ военно-уголовный судъ, который приговорилъ его къ повѣшенію. Муравьевъ приговоръ суда утвердилъ. Наканунѣ казни полицеймейстеръ г. Вильны пришелъ къ Муравьеву и доложилъ, что на другой день предстоитъ казнь ксендза, и что онъ

предполагаетъ утромъ, какъ можно раньше, отвезти ксендза на казнь, чтобы не было слишкомъ большого стеченія народа. Муравьевъ посмотрѣлъ на полицеймейстера, улыбнулся и сказалъ ему:

— Напротивъ, вы приготовьте батальонъ войска, съ барабанами и музыкой, сами верхомъ поѣзжайте впереди кортежа и ровно въ 12 часовъ съ полною помпою отправьтесь на лобное мѣсто. Распорядитесь чтобы преступникъ былъ окруженъ жандармами, и чтобы позорная доска висѣла на груди его.

Хотя полицеймейстеръ и былъ нѣсколько озадаченъ подобнымъ приказаніемъ, но разсуждать ужъ тутъ не приходилось, и вся церемонія состоялась такъ, какъ было приказано Муравьевымъ. Стечение публики было громадное, польское духовенство скрежетало зубами; но все прошло тихо, спокойно, казнь совершилась вполне благополучно, и повѣшенный ксендзъ былъ снятъ съ висѣлицы только въ 6 часовъ вечера. На другое утро полицеймейстеръ докладываетъ графу, что около мѣста, гдѣ зарыли ксендза послѣ снятія его съ висѣлицы, въ продолженіе почти всей ночи собирались разные лица, въ особенности дамы, и на колѣняхъ тамъ громко молились. Муравьевъ опять съ улыбкой взглянулъ на полицеймейстера и сказалъ:

— Распорядись-ка ты и прикажи, когда смеркнется, вывезти изъ отхожихъ мѣстъ возовъ сорокъ нечистотъ, да пусть ими обольютъ все то мѣсто, гдѣ законанъ ксендзъ. Посмотришь—все убѣгутъ.

Полицеймейстеръ исполнилъ приказаніе, и оно оказалось крайне радикальнымъ: на слѣдующую ночь и послѣ уже никто на это мѣсто молиться не приходилъ.

Въ числѣ попавшихся повстанцевъ находился одинъ молодой человѣкъ знатной фамиліи; онъ былъ сродни, кажется, княгинѣ Любомирской. Та, имѣя большія связи въ Петербургѣ между аристократами и при Дворѣ и видя, что никакія просьбы, никакія убѣжденія на Муравьева не дѣйствуютъ, прискакала въ Петербургъ и всюду бросалась, чтобы какъ нибудь выручить молодого человѣка изъ рукъ Муравьева. Она достигла того, что упростила тогдашняго военнаго генералъ-губернатора Петербурга князя Суворова узнать, въ какомъ положеніи находится дѣло ея protégé, чтобы, получивъ отвѣтъ, можно было дѣйствовать при Дворѣ и, если возможно, выпросить помилованіе у государя. Князь Суворовъ послалъ депешу графу Муравьеву съ просьбою увѣдомить, «въ какомъ положеніи дѣло такого-то господина». Часа черезъ 3—4 князь получаетъ за подписью Муравьева отвѣтную телеграмму, въ которой было написано только одно слово: «Угадайте». Суворовъ, и безъ того уже сильно не долюбивавшій Муравьева, этимъ отвѣтомъ былъ страшно взбѣшенъ. Какъ ни хлопотала здѣсь покровительница, сколько ни было письменныхъ просьбъ и моленій, когда мо-

лодой аристократъ оказался виновнымъ въ измѣнѣ, его казнили наравнѣ со всѣми прочими.

Муравьеву нужны были люди честные и преданные русскому правительству, а потому онъ разными путями развѣдывалъ о своихъ подчиненныхъ и получалъ очень вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о всѣхъ служившихъ въ его краѣ, какъ военныхъ лицахъ, такъ и гражданскихъ чиновникахъ. Между прочимъ, и служба Петра Карловича Жерве, который тогда уже былъ председателемъ уголовной палаты въ Ковнѣ, гдѣ губернаторомъ былъ сынъ Муравьева, переименованный изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ въ генералъ-майоры,—не могла не быть извѣстною Муравьеву. Дѣло въ томъ, что Петръ Карловичъ, по своей должности имѣлъ прямыя сношенія только съ министерствомъ юстиціи, вовсе не былъ подчиненъ Муравьеву, не имѣлъ никакого отношенія ни къ нему, ни къ его управленію; а потому былъ крайне удивленъ, когда получилъ прямо отъ Муравьева на свое имя телеграмму, которою онъ требовалъ Петра Карловича къ себѣ въ Вильну для объясненій по службѣ... Онъ самъ и сослуживцы его были крайне озадачены этимъ вызовомъ. Петръ Карловичъ тотчасъ отправился къ губернатору, объявилъ ему о требованіи его отца и немедленно собрался ѣхать въ Вильну. Сослуживцы и многіе знакомые провожали Петра Карловича на желѣзную дорогу, подозрѣвая въ этомъ неожиданномъ отъѣздѣ что-то недоброе. Впрочемъ, совѣсть Петра Карловича была чиста: онъ не зналъ за собою не только проступка, но даже упущенія по службѣ, а потому отправился въ Вильну не въ слишкомъ тревожномъ состояніи духа.

Пріѣхавъ въ Вильну, Петръ Карловичъ немедленно отправился къ Муравьеву; по докладѣ о немъ, графъ тотчасъ же приказалъ его принять. Вышелъ адъютантъ и, указывая рукой, пригласилъ его пройти прямо въ кабинетъ Муравьева. Петръ Карловичъ пошелъ было въ указанномъ направленіи, но очутился передъ гладкою стѣною. Въ недоумѣніи обернулся онъ къ адъютанту, который подошелъ къ нему и открылъ предъ нимъ до сихъ поръ невидимую потайную дверь. Когда дверь снова закрылась за Петромъ Карловичемъ, онъ очутился совершенно впотьмахъ и оцупью едва отыскалъ ручку другой двери, которая привела его, наконецъ, въ кабинетъ.

Муравьевъ сидѣлъ, занятый чтеніемъ какой-то бумаги. Петръ Карловичъ поклонился ему, графъ кивнулъ въ отвѣтъ головой и рукой пригласилъ его сѣсть, а самъ снова занялся бумагою. Только спустя нѣкоторое время, онъ обратился къ Петру Карловичу и сталъ разспрашивать о Ковнѣ, входя въ самыя мельчайшія подробности всего, что его интересовало.

— Что же тамъ дѣлаетъ вашъ губернаторъ? — спросилъ онъ вдругъ.

— Приказалъ передать вашему сіятельству свое глубочайшее уваженіе...—началъ было Петръ Карловичъ.

— Да что «уваженіе»,—перебилъ его графъ,—онъ тамъ ничего не дѣлаетъ, спитъ...

Затѣмъ онъ спросилъ, можетъ ли помощникъ Петра Карловича исправлять должность предсѣдателя уголовной палаты. Петръ Карловичъ на это отвѣтилъ, что тотъ очень способный и добросовѣстный господинъ и можетъ замѣнить его.

— Въ такомъ случаѣ, я назначаю васъ, для опыта, губернаторомъ въ Сувалки,—сказалъ Муравьевъ. Разговоръ продолжался еще довольно долго, послѣ чего графъ на прощанье сказалъ:—вечеромъ, около 11 часовъ, приходите ко мнѣ; мнѣ надо съ вами еще кое о чемъ переговорить, а завтра приходите обѣдать, теперь же мнѣ некогда.

Петръ Карловичъ крайне удивился всему, что пришлось ему услышать. Онъ только что былъ тогда произведенъ въ коллежскіе совѣтники, никогда и не думалъ служить по министерству внутреннихъ дѣлъ, вовсе не зналъ обязанностей по губернаторской должности... Но вѣдь разсуждать съ Муравьевымъ или пускаться въ объясненія съ нимъ нельзя было и думать,—оставалось слѣпо во всемъ повиноваться. Притомъ же онъ очень хорошо понималъ, что если ему удастся удержаться на посту губернатора, то для его настоящей службы и для будущей карьеры это огромный шагъ впередъ.

При графѣ Муравьевѣ, въ числѣ другихъ находился чиновникъ для особыхъ порученій, товарищъ Петра Карловича по училищу правовѣдѣнія, фамилія его была, кажется, Карповъ. Когда за годъ передъ тѣмъ Петръ Карловичъ пріѣзжалъ представляться Муравьеву, этотъ господинъ почти не узнавалъ его, по крайней мѣрѣ, обошелся съ нимъ очень свысока, теперь же первый подошелъ къ Петру Карловичу съ большою любезностью и съ разспросами. Петръ Карловичъ тогда обратился къ Карпову и прямо сказалъ ему:

— Какъ же это прежде вы меня не узнавали, а теперь такъ дружески допытываетесь у меня о разговорѣ съ его сіятельствомъ?

Богъ знаетъ, какимъ путемъ это дошло до графа.

Въ 11 часовъ вечера Петръ Карловичъ пріѣхалъ къ Муравьеву, ждалъ пріема около двухъ часовъ, а затѣмъ, когда графъ его принялъ, то продержалъ до 3¹/₂ часовъ утра. Тутъ шелъ разговоръ дѣловой, пытливый, были и всевозможныя наставленія, но вообще, какъ казалось по крайней мѣрѣ Петру Карловичу, Муравьевъ остался имъ доволенъ.

На другой день, въ назначенный часъ, Петръ Карловичъ пріѣхалъ обѣдать къ графу, у котораго засталъ довольно большое общество. Муравьевъ взялъ Петра Карловича за руку, а другою взялъ руку Карпова, обоихъ подвелъ къ своей супругѣ и отрекомендовалъ:

— Жерве—будущій сувалкскій губернаторъ и Карповъ—такой важный господинъ, что и товарищей своихъ узнавать не хочетъ.

Карповъ, конечно, страшно сконфузился.

Петра Карловича графъ назначилъ исправляющимъ должность сувалкскаго губернатора, не предупредивъ объ этомъ назначеніи ни намѣстника царства Польскаго, ни министра юстиціи, и только спустя три недѣли, его утвердилъ государь въ новой должности съ отчисленіемъ отъ прежней.

Интересныя событія 60-хъ годовъ отвлекли мой рассказъ отъ главной темы мемуаровъ. Я остановился на производствѣ моемъ въ генералы, что было началомъ многихъ перемѣнъ въ моей жизни и службѣ. Какъ я сказалъ выше, мое новое положеніе въ Главномъ штабѣ пришлось мнѣ не по душѣ, и потому я рѣшилъ оставить эту должность, въ которой прослужилъ пріятно и счастливо почти 20 лѣтъ. Я былъ здоровъ и чувствовалъ въ себѣ много силъ, чтобы потрудиться еще, но хотѣлось и немного отдохнуть послѣ долгой и подчасъ нелегкой работы. Къ тому же необходимо было подыскать занятіе, подходящее моимъ способностямъ, годамъ и чину, а для этого нужно было время. Въ ожиданіи новаго дѣла, я съ женою переѣхалъ на частную квартиру и поселился въ Семеновскомъ полку. Утѣхи семейной жизни наполняли избытокъ моего свободного времени, которое я часто проводилъ въ родственномъ кругу: кромѣ другихъ родныхъ, въ то время жили въ Петербургѣ мои два сына, изъ нихъ одинъ женатый, и замужняя дочь Ольга.

XII.

Мое вступленіе въ Общество сооруженія Кіево-Валтской желѣзной дороги.—Зачисленіе въ запасъ инженерныхъ войскъ и отѣздъ изъ Петербурга.—Прибытіе въ Кіевъ.—Старые и новые знакомые.—Обѣдъ въ кіевскомъ дворницкомъ клубѣ.—Русская и польская партіи клубныхъ посѣтителей.—Извѣстіе о покушеніи на жизнь государя въ Парижѣ.—Молебствіе и парадъ на площади Софійскаго собора.—Внутренняя сторона торжества.—Пріѣздъ Фильеля, главноуправляющаго Кіево-Валтскою желѣзною дорогою.—Обязанности моей службы, сборы и отѣздъ на линію.—Размѣщеніе рабочихъ на строившемся пути: ихъ довольствіе, помѣщенія, санитарныя условія.—Путевыя впечатлѣнія.—Церковная служба въ селѣ Романовкѣ; вѣнчаніе у мѣстныхъ крестьянъ.—Помѣщикъ Ишковскій; его помѣшанный братъ.—Дальнѣйшая инспекція пути.—Жалоба рабочихъ.—Пріѣздъ въ Винницу.—Мѣстные евреи и паны; ихъ отношеніе къ крестьянамъ Юго-западнаго края.—Нравственное и матеріальное положеніе православнаго населенія.—Пріѣздъ въ Винницу министра путей сообщенія генераль-лейтенанта Мельникова.—Представленіе ему.—Своевольію рабочихъ и другіе безпорядки на линіи.—Побѣгъ изъ Прокурава 300 рабочихъ.—Свиданіе съ Фильелемъ и данныя мнѣ полномочія въ виду побѣга рабочихъ.—Преслѣдованіе ихъ; содѣйствіе властей въ Староконстантиновѣ.—Пріѣздъ въ Житомиръ; свиданіе съ губернаторомъ.—Переговоры съ бѣглецами и благопріятные результаты.—Отѣздъ изъ Житомира и поимка остальныхъ бѣжавшихъ.—Новые безпорядки.

Сдавъ свою должность въ Главномъ штабѣ, я рѣшилъ пріискать себѣ другое мѣсто и остановился выборомъ службы въ какомъ нибудь обществѣ желѣзныхъ дорогъ. Случайно познакомился я въ

то время съ Егоровымъ, управляющимъ конторою главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ французу Фильёлю, главноуправляющему сооруженіемъ Кіево-Балтской желѣзной дороги общества гг. де-Вріера, Шатанъ, Брюно и К°. Фильёль очень охотно согласился меня принять, но такъ какъ въ то время уѣзжалъ въ Парижъ для переговоровъ со своими компаньонами, то мнѣ пришлось немного подождать его возвращенія. Не теряя времени, я приступилъ къ практическому изученію желѣзнодорожнаго дѣла и съ этою цѣлью сталъ посѣщать станцію Варшавской желѣзной дороги, гдѣ знакомился съ мастерскими всякаго рода и ихъ производствомъ. Къ моимъ услугамъ всегда бывалъ кто либо изъ служащихъ, съ помощью которыхъ я познакомился съ большими и разнообразными работами по ремонту пути, подвижнаго состава и проч. Кромѣ того, я посѣщалъ музей института корпуса инженеровъ путей сообщеній, гдѣ по моделямъ могъ возобновить въ памяти разныя системы мостовъ желѣзныхъ, чугунныхъ, деревянныхъ съ ихъ скрѣпленіями, устоями и проч. Тутъ же я приобрѣлъ литографированныя записки объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ во всѣхъ подробностяхъ.

22-го марта 1867 года я былъ зачисленъ въ запасъ инженерныхъ войскъ, а недѣли черезъ двѣ послѣ того былъ принятъ въ общество постройки Кіево-Балтской желѣзной дороги. Условія мнѣ были предложены достаточно выгодныя, такъ какъ мнѣ назначено было годового содержанія 3.200 рублей и, кромѣ того, всѣ путевыя издержки по службѣ были приняты на счетъ общества; пенсіи своей я не лишался, такъ что въ общемъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Мнѣ дали должность инспектора рабочей силы Кіево-Балтской желѣзной дороги. Впрочемъ, что касается сравнительно большаго содержанія, оно должно было значительно уменьшиться, такъ какъ по оставленіи Главнаго штаба у меня оставалось частнаго долгу 4.000 рублей, которые необходимо было уплатить. Приходилось впослѣдствіи ежемесячно удѣлять часть содержанія, что очень отзывалось на моемъ бюджетѣ, въ особенности въ виду необходимости жить врозь съ женой; это же требовалось, благодаря моимъ непрерывнымъ разъѣздамъ по линіи строившагося пути. Наконецъ, я устроилъ всѣ свои дѣла въ Петербургѣ, собрался окончательно и, простившись съ семьей и родными, въ концѣ апрѣля уѣхалъ въ Кіевъ.

Цѣлую недѣлю пришлось мнѣ пробыть въ пути, такъ какъ въ Витебскѣ я едва дождался мальпоста, а въ Могилевѣ долженъ былъ три дня дожидаться парохода, который такъ и не прибылъ, и я выбрался оттуда уже въ тарантасѣ, раздобытомъ какимъ-то услужливымъ жидкомъ. Въ Кіевѣ я остановился въ «Русской гостиницѣ», довольно грязноватой, но не особенно дешевой, и на другой день по приѣздѣ сдѣлалъ нѣсколько официальныхъ визитовъ. Былъ у ге-

нераль-губернатора, генераль-адъютанта Безака, котораго не засталъ, у коменданта, у губернатора, свиты его величества генераль-майора Эйлера, который очень любезно принялъ меня и предложилъ мнѣ свое содѣйствіе всегда, когда это можетъ понадобится во время моихъ работъ. Когда губернаторъ былъ у меня съ отвѣтнымъ визитомъ, онъ разсказалъ, что въ настоящее время у его тетки живетъ Марія Николаевна Гебенеръ¹⁾, моя старинная знакомая по Свеаборгу. На другой же день я поспѣшилъ навѣстить ее и, конечно, наше свиданіе было самое радостное послѣ промежутка времени въ сорокъ слишкомъ лѣтъ. Былъ я также у начальника округа путей сообщенія, генераль-майора Сергѣя Сергѣевича Бобрищева-Пушкина, инспектора работъ Кіево-Балтской желѣзной дороги. Онъ показался мнѣ чрезвычайно вѣжливымъ, милымъ и образованнымъ человекомъ; мы много съ нимъ говорили, преимущественно о дѣлахъ. На слѣдующій же день онъ отдалъ мнѣ визитъ; выразилъ при этомъ желаніе, чтобы я познакомился съ его семействомъ покороче, запросто бывалъ у него, и пригласилъ меня на другой же день безъ церемоніи къ себѣ обѣдать.

Такъ какъ Фильеля я не засталъ въ Кіевѣ, и до его пріѣзда туда у меня оставалось достаточно свободного времени, то я воспользовался имъ, чтобы осмотрѣть городъ. Посѣтилъ Печерскую лавру, Андреевскій, Софійскій и другіе соборы, былъ нѣсколько разъ въ городскомъ театрѣ, гдѣ въ то время игралъ петербургскій актеръ Васильевъ 2, гулялъ въ Ботаническомъ саду и проч. Въ Кіевѣ я встрѣтился со своимъ старымъ знакомымъ, управляющимъ акцизомъ въ губерніи, А. Д. Дмитріевымъ, съ которымъ какъ-то собрался въ дворянскій клубъ пообѣдать. Здѣсь устраивались каждый четвертъ обѣды по подпискѣ, съ платою по 1 рублю 50 копеекъ съ персоны. Клубъ находился на торговой площади Крещатика, и я нашелъ его помѣщеніе очень хорошимъ и помѣстительнымъ, впрочемъ, съ деревянной лѣстницей—«парадной», какъ ее называли,—не слишкомъ важною; убранство комнатъ, мебель, аксессуары—все очень приличное, сервировка отличная, вазы съ цвѣтами и фруктами и пр. Собравшихся къ обѣду было не болѣе 40 человекъ. Здѣсь я познакомился съ генераль-лейтенантомъ Козляниновымъ, помощникомъ генерала Безака; онъ прежде служилъ въ нашемъ инженерномъ корпусѣ въ гвардейскомъ конно-піонерномъ эскадронѣ. Онъ показался мнѣ нѣсколько страннымъ: то очень фамиліярнымъ съ окружающими, то сдержаннымъ, тонирующимъ; такихъ людей я называю плоскодонными: точно плывутъ себѣ, но въ глубь не врѣзаются и скользятъ безвредно надъ подводными камнями. Дежурнымъ старшиною клуба въ тотъ день былъ генеральнаго штаба пол-

¹⁾ М. Н. Гебенеръ—сестра бывшаго свеаборгскаго коменданта П. Н. Гебенеръ.
См. гл. III. В. Ж.

ковникъ Краснокутскій, родной братъ того Краснокутскаго, который служилъ штабсъ-ротмистромъ лейбъ-гвардіи въ Гродненскомъ гусарскомъ полку и старшимъ адъютантомъ въ Главномъ штабѣ при генералѣ Игнатьевѣ. Такъ какъ я хорошо зналъ этого Краснокутскаго, то познакомился и съ его кievскимъ братомъ, съ которымъ долго разговаривалъ: онъ слылъ здѣсь умнымъ и очень обходительнымъ человѣкомъ, острякомъ и большимъ говоруномъ.

Очень страннымъ мнѣ показалось, что русскій клубъ русскаго дворянства въ русскомъ городѣ рѣзко дѣлился на двѣ партіи: на одномъ концѣ сидѣли мы, русскіе, а на другомъ сплошь все поляки, и въ каждой компаніи господствовалъ свой языкъ—у насъ русскій, у нихъ польскій. Я удивился старшинамъ, какъ они допускаютъ подобное раздѣленіе общества. Натурально, что буфетчикъ, дабы угодить своимъ посѣтителямъ полякамъ, охотно нанимается для нихъ польскую прислугу, и такимъ образомъ польскій элементъ можетъ съ большимъ удобствомъ совершенно самостоятельно угнѣздиться въ русскомъ клубѣ. Я обратилъ вниманіе Дмитріева на это обстоятельство и за столомъ громко при всѣхъ высказалъ свое мнѣніе, обращаясь, главнымъ образомъ, къ старшинѣ Краснокутскому. Я доказывалъ, что необходимо принять энергическія мѣры, чтобы уничтожить подобное раздѣленіе общества, и всѣ русскіе со мною согласились. Однако Краснокутскій возразилъ, что средства клуба слишкомъ скудны, и для поддержанія его они отчасти вынуждены допускать эту несообразность, такъ какъ увеличеніемъ числа членовъ изъ поляковъ они увеличиваютъ и средства для содержанія клуба. Я усомнился въ вѣрности этого расчета; по моему мнѣнію, пусть клуба лучше вовсе не будетъ, чѣмъ существованіе его оказывать польскою инициативою. Прибывъ такъ недавно въ Кіевъ, я уже слышалъ, что многіе русскіе не записываются въ члены клуба именно потому, что поляки слишкомъ рѣзко и дерзко отдѣляются отъ русскаго общества (это говорили мнѣ Бурманъ и Копьевъ)¹⁾; можно допускать поляковъ къ подпискѣ членами клуба, но съ разборомъ и чтобы они знали, что это есть большое снисхожденіе къ нимъ членовъ русскаго клуба, но никакъ не допускать изолированія поляковъ, а тѣмъ болѣе ихъ вліянія, тяготящаго на всеобщество.

Прошло лишь нѣсколько дней послѣ того, какъ я обѣдалъ въ клубѣ, гдѣ такъ рѣзко выразились антипатіи поляковъ къ русскимъ, какъ въ Кіевѣ было получено извѣстіе изъ Парижа о покушеніи на жизнь государя императора. Страшная телеграмма гласила, что въ государя стрѣляли, и что преступникъ—полякъ Березовскій, 24 лѣтъ, уроженецъ Волынской губерніи. Впечатлѣніе, произведенное этой де-

¹⁾ Генералъ-лейтенантъ Е. Е. Бурманъ состоялъ въ то время по инженерному корпусу и въ запасныхъ войскахъ. Генералъ-майоръ Копьевъ былъ начальникомъ мѣстныхъ войскъ въ Кіевѣ.

пеней на здѣшнюю публику, было весьма тяжелое. Французы нашего общества (построенія Кіево-Балтской желѣзной дороги) громкогласно проклинали поляковъ, говоря при томъ, что этотъ случай можетъ лечь пятномъ на парижскую полицію, на которую, какъ извѣстно, тратится до 70 милліоновъ франковъ ежегодно. Мѣстная аристократія польскихъ пановъ сильно встревожилась, и всѣ въ одинъ голосъ говорили, что этимъ несчастнымъ выстрѣломъ Польшу окончательно убили. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый чувствовалъ, что въ спасеніи жизни государя виденъ Промыслъ Божій. Въ Парижѣ, конечно, не одна сотня тысячъ пистолетовъ, и Березовскій, вѣроятно, пробовалъ свой пистолетъ, приучаясь владѣть имъ. И надо же случиться, что именно въ ту минуту, когда онъ выстрѣлилъ въ государя, пистолетъ разорвался и раздробилъ руку Березовскаго. Какъ тутъ не видѣть перста Божьяго! Удивительно, nepocтижимо!!

На другой день послѣ полученія телеграммы, по случаю спасенія драгоцѣнной для Россіи жизни царя, назначено было молебствіе въ Софійскомъ соборѣ и церковный парадъ отъ всѣхъ частей войскъ кіевскаго гарнизона и расположенныхъ лагеремъ въ окрестностяхъ города. Я отправился къ Дмитріеву, и вмѣстѣ съ нимъ мы поѣхали въ соборъ. Въ церкви было множество народу; здѣсь же я встрѣтилъ нѣсколько моихъ знакомыхъ.

Митрополитъ Арсеній самъ служилъ всю обѣдню. По окончаніи ея онъ вышелъ изъ собора на площадь съ многочисленнымъ духовенствомъ, причтомъ и хорами пѣвчихъ и направился въ раскинутый шатеръ для молебствія съ колѣнопреклоненіемъ. Послѣ молебна митрополитъ обошелъ войска, окропилъ ихъ и знамена святою водою. Затѣмъ войска прошли церемониальнымъ маршемъ мимо генерала Козлянинова. Саперы прошли гвардейцами, и Деппъ ¹⁾ на флангѣ перваго взвода. Армейскія войска показались мнѣ очень малорослыми и вялыми; кавалеріи и артиллеріи вовсе не было. Публики собралось очень много, но собственно народу, по моему взгляду, мало. Крики «ура» были какъ-то очень мало одушевлены, и я это приписываю всецѣло генералу Козлянинову. Онъ, какъ видно, совершенно не мастеръ обращаться съ русскимъ солдатомъ: онъ не сумѣлъ воодушевить войско, не сказавъ ни одного привѣтственнаго слова, не воспользовался такою вполне торжественною минутою, не сумѣлъ наэлектризовать солдатъ, указавъ на необъяснимое охраненіе драгоцѣнной жизни обожаемаго царя. Все шло какъ-то вяло, казенно, безъ всякихъ овацій. Не видно было души, энергіи, умѣнья возбудить въ войскѣ, въ народѣ и въ собравшейся публикѣ живительнымъ словомъ великую радость, которую Всевышній ниспослалъ на

¹⁾ Александръ Филипповичъ Деппъ — впоследствии начальникъ инженеровъ дѣйствующей арміи въ турецкую войну 1877-1878 гг. Скончался въ Варшавѣ въ 1889 году. В. Ж.

всю Россію, охранивъ перстомъ Своимъ того, кого она такъ горячо любить! И это здѣсь, въ Кіевѣ, гдѣ такъ много поляковъ! Здѣсь, гдѣ хотятъ обрусить страну! Въ такой торжественный часъ такой вялый, нѣмой начальникъ! Неужели на такія важныя мѣста нельзя избирать людей болѣе способныхъ!..

При богослуженіи, послѣ первой половины обѣдни, было то же самое. Вышелъ какой-то священникъ сказать «назидательную проповѣдь». Не говоря уже о томъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшей риторической способности, ни даже голоса, онъ во всей своей довольно длинной и скучной рѣчи ни единымъ словомъ не упомянулъ о причинѣ торжества, ни слова о виновникѣ его! Что же это такое? Это имѣетъ видъ, точно все подкуплено, точно направлено къ тому, чтобы придать какъ можно меньше значенія необыкновенному событію. Нѣтъ, далеко нѣтъ того энтузіазма, который требуется въ настоящее время въ краѣ, гдѣ полонизмъ имѣетъ еще такое большое вліяніе ¹⁾. Ни духовенство, ни военное, ни гражданское начальство положительно не умѣютъ влить въ народъ русскую инициативу, не умѣютъ заставить уважать себя, внушить уваженіе къ закону. Напротивъ, всѣ исполняютъ свои обязанности очень холодно, пассивно, апатично, ограничивая это исполненіе возможно болѣе, лишь бы избѣгнуть явной отвѣтственности. Что тутъ можно ожидать хорошаго!

Между тѣмъ въ Кіевъ пріѣхалъ Фильель, котораго я ждалъ такъ долго, и мы заключили съ нимъ подробное условіе касательно моей будущей дѣятельности. На мою обязанность возложено было вѣдать рабочую силу Кіево-Балтской желѣзной дороги, повѣрять подрядчиковъ, слѣдить за продовольствіемъ рабочихъ, ихъ помѣщеніями, санитарными условіями ихъ быта, устранять возникавшія недоразумѣнія, повѣрять паспорта и пр. Я пользовался экипажемъ отъ Общества и получалъ прогоны на три лошади. Въ помощь мнѣ назначили г. Стороженку, отставного драгунскаго офицера, весьма приличнаго молодого человѣка. Намъ необходимо было прежде всего разрѣшить съ нимъ вопросъ о способѣ передвиженія, и мы рѣшили, что лучше всего будетъ ѣздить на своихъ лошадяхъ, тѣмъ болѣе, что у Стороженки была пара, и мнѣ слѣдовало только прикупить одну лошадь. Дѣйствительно, открытаго листа на обывательскихъ лошадяхъ правительство не выдавало, слѣдовательно, въ сторону приходилось бы нанимать лошадей посредствомъ станціонныхъ смотрителей, которые безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти брали тройныя и четверныя прогоны отъ станціи до пункта желѣзной дороги; ямщики же отдавали лошадей въ наемъ не менѣе какъ за 8 рублей въ сутки. Стороженко нѣсколько разъ раньше проѣзжалъ линію строившейся желѣзной дороги, хорошо зналъ мѣстность, къ тому же у него былъ кучеръ и человѣкъ, который умѣлъ готовить, — и мы рѣшили обходиться своими средствами въ пути.

¹⁾ Писано въ 1867 г.

Въ концѣ мая я выѣхалъ, наконецъ, на инспекцію линіи. На всемъ ея протяженіи рабочіе располагались артелями, смотря по работамъ, человекъ въ 300, 500, 800 и даже болѣе. Вездѣ для нихъ были выстроены бараки, въ которыхъ рабочіе помѣщались достаточно просторно. Въ большинствѣ случаевъ, воздухъ въ помѣщеніяхъ и вентиляція были хороши, пищу я пробовалъ почти во всѣхъ пунктахъ, и вездѣ, за немногими исключеніями, люди оставались довольны ею. Мѣстами, за недостаткомъ воды по близости отъ пути, приходилось привозить ее версты за 2—3; такія же неудобства встрѣчались и относительно пользованія банями. Вольные помѣщались всегда отдѣльно, въ ближайшихъ селахъ, и пользовались надлежащимъ уходомъ; докторъ Мерингъ завѣдывалъ первою половиною строившейся линіи и отъ времени до времени объѣзжалъ свой участокъ. Жалобы на нерадивость рабочихъ случались рѣдко, и виновныхъ удавалось смирять безъ труда. На всѣхъ пунктахъ я повѣрялъ паспорта рабочихъ, и часто приходилось мнѣ разбираться въ путаницѣ бумагъ, такъ какъ рабочіе оказывались иногда подъ чужими фамиліями или попадались даже вовсе безъ паспортовъ; нѣкоторые общіе списки рабочихъ не сходились съ наличнымъ числомъ ихъ, многимъ паспортамъ кончались сроки, а новые не выдавались и пр. Приходилось сноситься съ волостями, и эта переписка отнимала у меня не мало времени. Въ одномъ мѣстѣ рабочіе жаловались мнѣ на то, что мировой посредникъ насильно послалъ ихъ на работы; вѣроятно, за ними числились большія недоимки, и такъ какъ это разбирательство не касалось правленія желѣзной дороги, то я предложилъ имъ обратиться къ губернатору. Проѣхавъ верстъ девяносто отъ Кіева, я остановился въ м. Романовкѣ. На пути пришлось устранить не мало безпорядковъ; а потому пославъ донесеніе въ общество о моей инспекціи, я рѣшилъ отдохнуть денька два, пользуясь праздникомъ Св. Троицы.

Здѣсь Стороженко отыскалъ какого-то мѣщанина, который согласился возить насъ по всѣмъ пунктамъ желѣзной дороги за 60 рубл. въ мѣсяцъ на своей тройкѣ. Осмотрѣвъ его лошадей, мы сдѣлали съ нимъ формальное условіе и отправили нашего кучера въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобы онъ продалъ лошадей, если представится къ тому удобный случай. Стороженко просилъ своего знакомаго содѣйствовать въ этомъ.

Въ воскресенье я всталъ довольно рано и со стаканомъ кофе сѣлъ у окна подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Въ это время народъ собирался въ церковь; шли почти одиѣ только женщины въ своихъ странныхъ костюмахъ. Здѣшнія простолюдинки носятъ рубахи, какую-то разрѣзную юбку, а сверху мужской кафтанъ, повязанный большею частью краснымъ кушакомъ. У всѣхъ бабъ на головѣ гладкій, не высокій цилиндрическій уборъ изъ матеріи, похожей на сѣрое накрахмаленное марли, съ безконечными по спинѣ

висящими концами. У дѣвушекъ же въ волосы вплетены цвѣты и разная зелень въ безобразно большомъ количествѣ, точно цѣлый садъ на головѣ, а свѣсившіеся цвѣты, падая массами на затылокъ, образуютъ наметъ, весьма похожій на огромные пиньоны нашихъ дамъ. По случаю праздника, очень много бабъ и дѣвушекъ были обуты въ сапоги, многіе изъ желтой кожи, похожей на сафьянъ, что въ будни почти никогда не случается: всегда всѣ ходятъ босикомъ.

На слѣдующее утро, въ день Св. Духа, я отправился въ православную церковь. Во всемъ здѣшнемъ краѣ, вслѣдствіе вліянія католицизма, нѣкоторые католическіе обряды смѣшались съ православными. Простолудиновъ католиковъ здѣсь почти вовсе нѣтъ, и все простонародье православное, даже есть цѣлыя деревни старообрядцевъ; но помѣщики все польскіе паны, которые и усердствовали, чтобы передать понемногу католическіе обряды въ православную церковь. Кромѣ того, бросались въ глаза другія особенности церковной службы, которыя ясно доказывали, что мѣстное духовенство не всегда стояло на высотѣ своего положенія. Священникъ церкви, въ которой я былъ, еще довольно молодой человѣкъ, служилъ очень небрежно, точно летѣлъ на почтовыхъ. Вынося Евангеліе, онъ клалъ его прямо на головы наклонявшихся женщинъ, какъ на столъ, и перелистывалъ страницы, а выходя съ чашею, стучалъ ею по головамъ близъ стоявшихъ, какъ попало и насколько доставала рука. Онъ швырялъ чашею такъ проворно, что надо удивляться, какъ онъ не пролилъ причастія, если только оно тамъ было, потому что въ тѣ дни, когда причастники не ожидаютъ, священники въ этомъ краѣ ради экономіи причащаются изъ пустыхъ чашъ. Когда во время службы онъ обходилъ мѣстные образа, то въ правой рукѣ держалъ кадило, а лѣвая была у него открыта и прижата къ груди; онъ нарочно проходилъ чрезъ толпу молящихся въ различныхъ направленіяхъ, и въ это время на ладонь открытой руки сыпались копейки и гроши мужиковъ. Послѣ обѣдни священникъ выслалъ мнѣ просфору, но такую черную, точно она была выпечена изъ ржаной муки, и черствую, какъ камень.

Затѣмъ онъ приступилъ къ вѣнчанію прибывшей молодой пары. Это таинство совершается здѣсь также нѣсколько иначе, чѣмъ я привыкъ его видѣть въ другихъ мѣстахъ. Дружками у молодыхъ были: у невѣсты—дѣвушка, а у жениха—парень, но безъ всякихъ отличительныхъ знаковъ, какъ это водится на настоящей русской свадьбѣ. У молодыхъ особыхъ вѣнчальныхъ колецъ не было; они надѣли простые перстни, какіе попались подъ руку. Дружки принимали вѣнцы руками, обернутыми въ полотенца, и ставили ихъ плотно на головы молодыхъ. Изъ чаши съ виномъ сначала женихъ сдѣлалъ три глотка сряду, а потомъ невѣста столько же, а не попеременно оба, какъ это дѣлается у насъ. Молодымъ свѣчей въ

руки вовсе не давали, а дружки сами держали свѣчи. Передъ обходомъ вокругъ аналая правыя руки молодыхъ накрѣпко связывались платкомъ, во время же обхожденія священникъ не покрывалъ ихъ руки епитрахилью и не водилъ ихъ, а только поманилъ ихъ рукой, и они уже сами пошли; платокъ сдѣлался достояніемъ священника. Дальнѣйшія подробности свадебнаго обряда (послѣ вѣнца) свидѣлствуютъ о низкой степени какъ умственнаго, такъ и нравственнаго развитія здѣшнихъ крестьянъ, ихъ взгляды на роль новобрачныхъ слишкомъ дики, и нужно еще много времени, чтобы простой народъ больше вникъ во внутреннюю сторону таинства.

Несмотря на дождь, на другой день я выѣхалъ изъ Романовки дальше по направленію къ Винницѣ. Проѣхавъ однако верстъ десять, пришлось остановиться въ с. Каменкѣ, такъ какъ дождь усилился, и люди во многихъ мѣстахъ должны были оставить работу. Постоялыхъ дворовъ здѣсь не оказалось, и я вынужденъ былъ захватить къ помѣщику. Подѣзжая къ воротамъ его дома, я увидѣлъ открытую нетычанку, запряженную четверкою хорошихъ лошадей, которая также остановилась у воротъ. Оказалось, что выскочившій изъ нетычанки молодой человѣкъ былъ помѣщикъ поляка Леонардъ Михайловичъ Янковскій, который, узнавъ въ чемъ дѣло, пригласилъ къ себѣ меня и Стороженку и принялъ насъ очень любезно. Довольно большою домъ помѣщика имѣлъ весьма приличный видъ и внутри. Мебель, ковры, занавѣси и пр.—все очень хорошо, на столѣ всевозможные журналы, въ числѣ ихъ нѣсколько русскихъ, много газетъ на разныхъ языкахъ, довольно богатая бібліотека, — вообще по первому впечатлѣнію уже можно было судить, что хозяинъ долженъ быть весьма порядочнымъ человѣкомъ. Вскорѣ пришелъ и онъ самъ, принесли чай, мы закурили, и начался очень пріятный и занимательный разговоръ.

Оказалось, что Янковскій окончилъ курсъ въ Кіевскомъ университетѣ и продолжаетъ заниматься науками до сихъ поръ. У него два брата, изъ коихъ старшій былъ въ русской военной службѣ, теперь въ отставкѣ и живетъ въ своемъ имѣніи, а младшій находится въ каторжной работѣ. По словамъ его, этотъ молодой экзальтированный человѣкъ помѣшался на томъ, что онъ сынъ турецкаго султана, что онъ можетъ устроить возстаніе и предводительствовать имъ. Однако его помѣшательство сочли притворнымъ, его отдали подъ военный судъ, который постановилъ заключить его въ крѣпость на два года. Затѣмъ, будто бы по наговорамъ приближенныхъ бывшаго тогда генералъ-губернатора князя Васильчикова, приговоръ этотъ былъ отмѣненъ и замѣненъ ссылкой Янковскаго на 4 года въ каторжныя работы, а потомъ на поселеніе въ Сибирь. Брату стоило много хлопотъ, чтобы отправить его, по крайней мѣрѣ, не пѣшкомъ по этапу, а въ своемъ экипажѣ; кромѣ того, въ мѣсто его ссылки братъ высылалъ ему постоянно деньги, чѣмъ хотя не-

много облегчалъ его горькую участь. Это было въ 1861 — 1862 годахъ, когда о польскомъ возстаніи и помину еще не было. Онъ отбылъ уже срокъ каторжной работы и долженъ былъ быть отправленъ на поселеніе въ Сибирь, но вотъ прошло уже восемь мѣсяцевъ, а братъ никакихъ свѣдѣній о немъ не имѣетъ.

Разсказалъ намъ также Янковскій много эпизодовъ, пережитыхъ имъ самимъ во время польскаго возстанія, какъ страдалъ его жондъ, и что дѣлала съ нимъ здѣшняя полиція, а также мужики. Но при всемъ томъ онъ оставался постоянно у себя въ деревнѣ и никуда не выѣзжалъ, хотя часто бывалъ въ опасности потерять жизнь. Ему удавалось или откупаться или дѣйствовать убѣжденіемъ, такъ какъ ничего противозаконнаго онъ не дѣлалъ. Янковскій разсказывалъ, какія онъ платилъ и какія платитъ еще теперь контрибуціи. Лично ему очень много помогло то, что съ мужиками онъ всегда обходился хорошо, и они его дѣйствительно любили за частую и значительную помощь, которую онъ имъ оказывалъ. Объ этомъ знали и всѣ ближайшія власти.

На другое утро мы напились вмѣстѣ съ хозяиномъ чаю и, сердечно поблагодаривъ его за гостепріимство, простились съ нимъ. На слѣдующихъ пунктахъ обнаружились безпорядки: въ одномъ мѣстѣ подрядчикъ кормилъ рабочихъ дурною пищею и люди помѣщались не въ баракахъ, а въ какомъ-то гумнѣ; въ другомъ мѣстѣ рабочіе изъ Могилевской губерніи жаловались на трудности работы, впрочемъ, совершенно неосновательно, что было обнаружено и на другихъ пунктахъ, гдѣ работали люди той же губерніи. Я пригрозилъ имъ, что и осенью ихъ заставятъ работать, и, раздѣливъ ихъ на четыре группы, приказалъ самимъ слѣдить за нерадивыми. Одна партія рабочихъ помѣщалась въ балаганѣ, дурно выстроенномъ, не обдѣланномъ соломой и не обсыпанномъ землею, такъ что черезъ голый плетень вѣтеръ и дождь проходили свободно, крыши текли, наръ не было и т. п.; продукты были также не особенно хороши. Сдѣлавъ всюду строгое внушеніе подрядчикамъ, я обѣщалъ, въ случаѣ повторенія безпорядковъ, на основаніи контракта, удерживать съ нихъ значительный процентъ въ пользу рабочихъ.

По грязи и по лужамъ добрались мы, наконецъ, до Винницы. Сильный дождь, громъ и молнія сопровождали насъ до самого города, куда мы въѣхали по крутой, дурно вымощенной горѣ. На улицахъ, среди страшной грязи, виднѣлись еврейскія лачуги и торговые балаганы, подальше—нѣсколько хорошихъ и большихъ каменныхъ домовъ, въ нижнихъ этажахъ которыхъ помѣщались довольно порядочныя лавки. За ними снова рядъ домовъ — все постоянные дворы съ «номераами для пріѣзжающихъ», каковыхъ немало собралось въ то время по случаю постройки желѣзной дороги, вслѣдствіе чего за порядочную комнату приходилось платить по 1 руб. 50 коп. въ сутки.

На слѣдующій день я ѣздилъ на 202 версту, гдѣ пришлось разобратъ законныя претензіи рабочихъ на неудовлетвореніе ихъ деньгами, а вернувшись домой, я засталъ предъ моей квартирой 135 человѣкъ рабочихъ, самовольно ушедшихъ съ пункта у д. Могилевки. Они жаловались на то, что ихъ дурно кормятъ и не выдаютъ слѣдующихъ имъ денегъ. Я приказалъ имъ выбрать изъ своей среды пять человѣкъ для объясненій ихъ жалобы и общалъ, чѣмъ могу, помочь имъ. Выслушавъ рабочихъ, я сказалъ имъ, что они напрасно самовольно отлучились съ пункта, имъ слѣдовало выждать моего къ нимъ приѣзда; здѣсь я ихъ жалобы принять не могъ, потому что не имѣлъ ни списковъ, ни табелей, по которымъ могъ бы повѣрить, сколько кому слѣдуетъ. Между тѣмъ я послалъ сообщить объ этомъ исправнику, чтобы въ случаѣ отказа рабочихъ возвратиться добровольно, отвести ихъ къ мѣсту работъ подъ конвоемъ, но ни его, ни его помощника, вообще никого изъ мѣстныхъ властей не нашли; въ конторѣ же я узналъ, что денегъ нѣтъ и ждутъ съ часу на часъ присылки ихъ. Тогда я обратился ко всѣмъ рабочимъ, сказалъ, что приѣду къ нимъ, разберу дѣло на мѣстѣ и привезу деньги или, можетъ быть, пришлю ихъ до моего приѣзда. Люди были цѣлый день не ѣвши, и я приказалъ имъ выдать изъ моихъ денегъ по 10 коп. на человѣка. Никто не возражалъ, всѣ приняли деньги, поѣли и совершенно тихо отправились на свой пунктъ на работу. Эта исторія продолжалась, однако, до 8 часовъ вечера, и я былъ очень радъ, что такъ удачно успѣлъ кончить дѣло. Правленіе также было очень довольно исходомъ, потому что рабочіе легко могли ворваться въ контору и натворить буйства.

Городокъ Винница, по мѣстоположенію своему, лежитъ довольно красиво, но для общественной жизни въ немъ ничего не устроено. Улицы не мощенныя, и при малѣйшемъ дождѣ, въ особенности осенью, грязь вездѣ непроходимая; крестьянскіе возы часто завязаютъ среди улицы въ грязи. Есть нѣсколько каменныхъ довольно большихъ и нѣсколько деревянныхъ выштукатуренныхъ домовъ очень приличнаго вида; есть опрятнѣйшій отдѣльный одноэтажный домъ, въ которомъ устроенъ порядочный такъ называемый «магазинъ», гдѣ можно получать разныя закуски, сладости, варенье и много другихъ предметовъ довольно хорошаго качества. Но между ними лѣплятъ разнаго калибра жидовскія лачуги, грязныя, съ разбитыми и заплаканными стеклами, съ маленькими лавченками, со столиками передъ дверями, предъ которыми выставлены на продажу яблоки, сливы, ягоды или мѣшки съ мѣдными деньгами для размѣна. Около этихъ лачугъ обыкновенно вонь невообразимая не только вслѣдствіе грязи въ нихъ, но и отъ самыхъ лохмотьевъ торгующихъ жидовокъ и отъ чеснока, до котораго всѣ евреи большіе охотники. Неряшливость въ одеждѣ жидовъ въ будніе дни невозможная, но зато по-

смотрите на нихъ въ субботу, «въ шабашъ»: всѣ, въ особенности молодыя женщины и дѣвицы, вымытыя, чистыя, разодѣтыя, въ жемчугахъ и даже въ брильянтахъ. Нѣкоторые богатые евреи даютъ своимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе и большею частію за границею.

Вся торговля въ значительной степени въ рукахъ евреевъ. Совокупностью капиталовъ, поддержкою другъ друга кредитомъ и деньгами они забираютъ въ свои руки всѣ значительныя отрасли торговли, безсовѣстно пользуются нынѣшнимъ безденежемъ польскихъ пановъ, которые еще по сіе время не могутъ отстать отъ привычекъ роскоши и чванства и подѣ тяжелые залогомъ платятъ громадные проценты за занимаемыя деньги. Есть уже нѣсколько примѣровъ, что цѣлыя панскія усадьбы, цѣлыя имѣнія, и нѣкоторые даже очень большія, перешли отъ пановъ въ руки евреевъ, живущихъ тамъ помѣщиками. Мелочная торговля также почти исключительно въ рукахъ евреевъ, всѣ «пинки» (кабаки) въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ въ ихъ же рукахъ; а пристрастіе простого народа къ водкѣ во всѣхъ этихъ губерніяхъ и умѣніе евреевъ пользоваться пьяными мужиками, у которыхъ забираютъ въ залогъ все, что ни закладываютъ—платье, обувь, хлѣбъ, все идетъ въ дѣло,—страшно разоряютъ народъ, развращаютъ его всѣми средствами и ставятъ его въ полную зависимость отъ евреевъ. И этому, къ несчастію, нельзя предвидѣть предѣла, пока нашъ народъ еще такъ неразвитъ; придется еще долго ждать, пока онъ разовьется и ясно увидитъ и пойметъ ту гибель, въ которую его втягиваютъ друзья-пріатели евреи. А когда это будетъ!.. Въ настоящее время хохолъ не продастъ ни клочка сѣна, ни гарнца зерна, ни одной птицы безъ посредничества еврея, и корчма еврея есть его торговая контора, гдѣ совершаются всѣ покупки, продажи и сдѣлки мужиковъ. Еврей сосетъ крестьянина, выжимаетъ изъ него весь сокъ, пользуется его кровнымъ трудомъ безъ зазрѣнія совѣсти и держитъ его тѣмъ самымъ въ своихъ острыхъ когтяхъ; а бѣдный простолюдинъ, не имѣя ни въ комъ поддержки, терается, путается, чувствуетъ свое безвыходное положеніе и поневолѣ покоряется тому гнету, изъ-подъ котораго самому ему не выпутаться, какъ бы ни бился онъ, какъ бы ни мучился.

Вообще, по всему тому пространству, которое мнѣ пришлось проѣхать, ясно было замѣтно вліяніе пронырливыхъ евреевъ, а также деспотизма польскихъ пановъ на судьбу бѣднаго русскаго хохла. Безконтрольно, безъ всякихъ правъ, онъ былъ отданъ подъ неограниченную власть кичливыхъ пановъ, вся цѣль и забота которыхъ состояла именно въ томъ, чтобы держать подвластныхъ имъ въ черномъ тѣлѣ, чтобы ихъ всякое приказаніе было закономъ непоколебимымъ и свято исполнялось, какъ бы ни было оно тяжело и даже противоестественно. Такъ нерѣдко паны не только обирали своихъ крестьянъ и отнимали у нихъ лошадей, скотъ, но даже приказывали

вали крестьянамъ приводить къ нимъ своихъ молодыхъ, красивыхъ женъ, отцамъ и матерямъ—своихъ невинныхъ дочерей для обезпеченія ихъ— и Боже сохрани, если крестьянинъ осмѣлится пожаловаться или, наконецъ потерявъ терпѣніе, обратится въ судъ. Всѣ члены суда поляки, въ близкихъ отношеніяхъ съ паномъ, у него часто пируютъ цѣлыми днями и подкупа не страшатся: бѣднаго хохла засудятъ, жестоко накажутъ за то, что осмѣлился жаловаться на своего Богомъ поставленнаго пана. Какъ ни невѣроятно это кажется, но есть положительные факты, которые подтверждаютъ истину всего сказаннаго.

Католическая вѣра всегда и вездѣ искала обогащенія духовенства; она разрѣшала не брезгать никакими средствами, чтобы пріобрѣтать деньги, зная, что богатство есть самый сильный рычагъ къ достиженію власти и могущества. Достойные исполнители высшей духовной власти всегда придумывали разные средства, чтобы выманить у народа какъ можно болѣе денегъ. На этомъ стоитъ каждый ксендзъ, и всѣ они изыскиваютъ средства любой обрядъ сдѣлать возможно болѣе выгоднымъ для себя.

Зато все, что хоть сколько нибудь касается образованія народа, оставлено безъ всякаго вниманія: ни въ одной деревнѣ, принадлежавшей польскимъ панамъ, не имѣется ни одной школы, грамотѣ здѣсь не только никого не учили, но даже внушили крестьянамъ отвращеніе къ ней. Нашихъ жалкихъ священниковъ, которые находились почти совершенно въ рукахъ пановъ и отъ нихъ зависѣли, паны старались развращать, поили ихъ до безобразія и потомъ издѣвались надъ ними всенародно, открыто. Можно ли послѣ всего выше-сказаннаго удивляться, что простолюдинъ всей этой окраины крайне загрубѣлъ, сосредоточенъ, убитъ, безъ всякой самостоятельности и воли. Надо удивляться той тонкой расчетливости, съ которою все братство польскихъ пановъ единодушно дѣйствовало на русскихъ крестьянъ ихъ громаднхъ имѣній, какъ дружно старались они постоянно удерживать весь народъ въ черномъ тѣлѣ и не стѣснялись никакими средствами, дабы задушить всякую народную инициативу, дѣйствовать только деспотически, угнетать, жать и насиловать... Нигдѣ эманципація крестьянъ не произведетъ такихъ благотѣльныхъ результатовъ, какъ именно въ этой странѣ, и она будетъ истиннымъ благословеніемъ для народа, хотя пройдетъ еще много времени, пока онъ успѣетъ сбросить съ себя эту вѣковую кору угнетенія и въ дѣйствительности почувствуетъ всю безиредѣльную благодать ниспосланнаго ему дара.

Только въ этомъ краѣ, прослѣдивъ хотя немного бытъ народа, можно убѣдиться, какое страшное бѣдствіе, какое неограниченное зло приносила польская нація русскому народонаселенію. Польскіе паны безъ всякаго зазрѣнія совѣсти употребляли самый наглый обманъ, самое низкое лицемеріе, даже клятвопреступленіе,

орудіемъ для достиженія преступной цѣли искоренить всякое русское начало въ народѣ. Вотъ здѣсь-то поляки выказали во всей наготѣ коварное и безсовѣстное злоупотребленіе властью и легли всею силою на народъ, принимая въ участники своихъ замысловъ развращенныхъ ксендзовъ и нравственно испорченныхъ горделивыхъ полекъ. При всемъ томъ здѣшній народъ хотя и угнетенъ, но не глупъ. Напротивъ, онъ хитеръ, недоверчивъ, сосредоточенъ и фальшивъ, отъ него истины не скоро добьешься,—и не мудрено: все окружавшее его съ верху до низу, съ пана до «хлопа», жило и держалось только обманомъ и хитростью, а гдѣ можно было—своеволіемъ и беззаконіемъ. Что бы ни заработалъ крестьянинъ трудомъ, потомъ и кровью для улучшенія своего быта, все въ одно мгновеніе могло уничтожиться по капризу пана, который безотвѣтственно и безнаказанно обиралъ своего крестьянина. Потому-то у сего послѣдняго исчезла охота къ труду, онъ сдѣлался лѣнивымъ изъ принципа и предпочиталъ пропивать всѣ остатки своихъ заработковъ, а не копить ихъ для кармана пана. Это выводъ, правда, грустный, однако совершенно справедливый... Но когда народъ привыкнетъ къ мысли, что весь его заработокъ будетъ его неотъемлемою собственностью, что всякая оставшаяся отъ обыкновенныхъ нуждъ копейка составить его собственный капиталъ и улучшить его положеніе, то можно рѣшительно предполагать, что лѣнь мало-по малу исчезнетъ. Интересъ и собственность суть два огромныхъ рычага дѣятельности всего человѣчества, почему же это не коснется и здѣсь народа свѣжаго, сильного и далеко не глупаго!

Право, надо только удивляться, какъ здѣшній народъ уцѣлѣлъ еще въ такой мѣрѣ, какъ мы его встрѣчаемъ въ настоящее время. Натискъ еврейскаго племени и польскихъ пановъ—это слишкомъ тяжелый гнетъ, и надобно предположить, что корень народа былъ чрезвычайно здоровъ и непоколебимъ, если въ теченіе цѣлыхъ столѣтій противостоялъ этому страшному гнету и не поддавался окончательно столь сильному вліянію. Еврей и полякъ дѣйствовали единодушно, чтобы все забрать въ свои руки, а вычужный страдалецъ силы обоихъ ихъ—хохолъ, русскій мужичекъ, безотвѣтный, безпомощный, безъ опоры ни въ комъ и ни въ чемъ, для котораго существовала только панская воля, для котораго законъ не имѣлъ смысла!..

Однако возвращаюсь къ разсказу.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Винницу туда же пріѣхалъ Фильель, которому я передалъ о найденныхъ мною безпорядкахъ и принятыхъ мѣрахъ; онъ вполне согласился съ моими распоряженіями. Когда я собирался уѣзжать, то Фильель просилъ меня еще остаться въ городѣ въ виду ожидавшагося туда пріѣзда министра путей сообщенія, генералъ-лейтенанта Мельникова. Хотя я сказалъ Фильелю, что меня ждутъ неотложныя распоряженія по линіи, онъ все-таки задержалъ меня, такъ какъ министръ самъ выразилъ жела-

ніе меня видѣть. Дня черезъ два генералъ Мельниковъ пріѣхалъ въ Винницу, о чемъ меня увѣдомилъ частный приставъ. У меня не было съ собою ни общегенеральскаго ни инженернаго мундира, а потому, одѣвшись въ сюртукъ съ погонами, я пошелъ къ генералу Мельникову. Къ счастью, я засталъ у него генерала Бобрищева-Пушкина, которому объяснилъ, почему являюсь въ такой будничной формѣ, и просилъ его предупредить объ этомъ министра. Затѣмъ онъ представилъ меня генералу Мельникову, передъ которымъ я, въ свою очередь, извинился въ несоблюденіи формы. Министръ принялъ меня очень любезно, посадилъ подлѣ себя и началъ подробно разспрашивать обо всемъ видѣнномъ мною; онъ очень интересовался тѣмъ, какую оцѣнку я даю распоряженіямъ Общества и въ особенности Фильѣля. Я передалъ ему обо всемъ безъ всякой утайки и вкратцѣ объяснилъ мои донесенія въ Общество о всѣхъ недостаткахъ администраціи по тѣмъ предметамъ, которые касались моей прямой обязанности; я сообщилъ ему также, какія мѣры указаны мною для прекращенія жалобъ и претензій, изъ коихъ большая часть были совершенно справедливы. Повидимому, онъ остался мною очень доволенъ и просилъ меня впослѣдствіи безъ дальнихъ околичностей продолжать мои донесенія. Нашъ разговоръ длился уже болѣе полчася и, зная, что генералу время дорого, я всталъ, чтобы уйти, когда доложили, что пріѣхалъ Фильѣль. Онъ вошелъ къ министру съ большимъ портфелемъ, полнымъ бумагъ, и спустя часъ они оба съ генераломъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ поѣхали по тракту на Кіевъ осматривать работы.

Въ тотъ же день вечеромъ я пошелъ погулять по бульвару, гдѣ играла военная музыка, и въ это время мнѣ принесли донесеніе о томъ, что съ пункта Ярошенко 20 человѣкъ рабочихъ самовольно ушли въ Винницу и не хотятъ работать. Когда я вернулся домой, то послалъ Стороженку къ исправнику просить его пожаловать ко мнѣ. Сначала онъ отговаривался подъ разными предлогами, а потомъ прислалъ ко мнѣ частнаго пристава просить меня письменно требовать его, если онъ мнѣ нуженъ. Я написалъ ему бумагу, но домъ его оказался со всѣхъ сторонъ запертымъ наглухо, и потому конвертъ принесли обратно. Я рѣшилъ оставить это дѣло до утра, но, вѣроятно, исправникъ надумался и черезъ полчаса самъ пришелъ ко мнѣ. Я не намекнулъ на его безтактный образъ дѣйствій, а прямо сказалъ, что если люди по моему внушенію не возвратятся добровольно и безропотно къ своей работѣ, то приму серьезныя мѣры, чтобы воротить ихъ къ мѣсту работъ съ конвойными и заставить ихъ покориться начальству. Исправникъ обѣщалъ приготовить пять верховыхъ конвойныхъ, готовыхъ явиться по первому моему требованію. Я поблагодарилъ его, и мы разстались, впрочемъ, довольно сухо, такъ какъ я принялъ его официально. Однако конвойными не пришлось воспользоваться. На другой день я призвалъ къ себѣ людей, ушедшихъ съ работъ, распекъ ихъ за самовольную отлучку и

пригрозилъ имъ, послѣ чего они покорно вернулись восвояси. Изъ нихъ только пять человѣкъ оказались дѣйствительно больными и неспособными къ дальнѣйшей работѣ; ихъ пришлось отправить и замѣнить другими.

Послѣ этого я со Стороженкомъ продолжалъ инспекцію. Мѣстами мы находили полный порядокъ, а мѣстами ясно обнаруживалось безсовѣстное нерадѣніе подрядчиковъ. Такъ, напримѣръ, на пунктѣ Новая Гута, гдѣ было сосредоточено около тысячи человѣкъ рабочихъ, я нашелъ хлѣбъ сырымъ, вмѣсто кваса — желтую жидкость въ бочкахъ, говядину испорченною и съ сильнымъ запахомъ и проч.; вода оказалась отвратительною, мутною и негодною для питья, каша съ примѣсью какихъ-то черныхъ зеренъ и противною на вкусъ, масло также скверное. Люди расположены были въ старыхъ наемныхъ сараяхъ съ дырявыми крышами и спали безъ соломы. Вообще, видно было, что подрядчикъ здѣсь сильно плутовалъ, а завѣдывавшій дистанціей смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Рабочіе жаловались на слишкомъ большіе уроки и принесли мнѣ сажень, которую имъ отмѣривали рабочіе участки, и она оказалась на 0,04 больше законной. Я при себѣ же велѣлъ устранить, по возможности, всѣ безпорядки и письменно просилъ Общество принять энергическія и строгія мѣры, дабы предупредить волненіе рабочихъ, къ чему они были очень склонны. Они единогласно просили копіи съ контрактовъ и прямо объявляли, что ихъ обманываютъ и не выдаютъ того, что слѣдуетъ. Приказчики также жаловались на то, что, провозжая людей къ пунктамъ работъ, они употребили на ихъ прокормленіе собственныя деньги и, несмотря на двукратную просьбу объ удовлетвореніи ихъ, не получили слѣдуемаго. Я обѣщалъ людямъ принять мѣры, дабы удовлетворить ихъ и, если возможно будетъ, даже наградить за понесенныя лишенія, — и они обѣщали терпѣливо ожидать результата. Въ случаѣ надобности, я предложилъ имъ прислать трехъ-четырехъ выборныхъ въ Меджибожъ, гдѣ я долженъ былъ остановиться на нѣсколько дней.

Далѣе на пути снова обнаружились безпорядки: кое-гдѣ пища оказалась недостаточно свѣжею, нѣкоторые артели требовали выдачи слѣдуемыхъ имъ лѣтней одежды и обуви, другія спрашивали деньги, не доданныя вопреки контракту. На пунктѣ Деряжнѣ многіе рабочіе разбрелись, а другіе были пьяны, заявляли, что работать не хотятъ, и требовали свои паспорта, чтобы вернуться домой. Видно было, что нѣсколько зачинщиковъ и коноводовъ подбивали другихъ на безпорядки, но всѣмъ было объявлено, что безъ уважительной причины никого не отпускаютъ съ работы; если же есть у нихъ законныя претензіи, то могутъ обратиться ко мнѣ черезъ выборныхъ.

Однако, на другой день послѣ моего приѣзда въ Меджибожъ, туда въ контору Кіево-Волочиской желѣзной дороги явились, вмѣсто выборныхъ, всѣ рабочіе съ пункта Деряжни. Начальникъ этого от-

дѣленія, путей сообщенія полковникъ Павловскій, былъ Обществомъ отправленъ въ Лембергъ для переговоровъ о соединеніи нашей дороги съ австрійской у Волочиска; оставшійся послѣ него г. Самсонъ передалъ мнѣ, что сейчасъ долженъ ѣхать въ Винницу по требованію Фильёля, и такимъ образомъ мнѣ одному оставалось повозиться съ бунтовавшимъ народомъ. Конечно, я не счелъ нужнымъ самому идти въ контору и сталъ ожидать, чтобы, согласно вчерашнему уговору, пришли къ мнѣ староста и выборные. Вечеромъ ко мнѣ пріѣхалъ мѣстный исправникъ, полковникъ Капгеръ, который передалъ, что разогналъ бунтовщиковъ съ пункта Деряжни и не пожалѣлъ при этомъ своихъ кулаковъ, чтобы заставить коноводовъ молчать. Онъ вынудилъ ихъ возвратиться на свои работы добровольно, пригрозивъ, въ случаѣ сопротивленія, отвести ихъ туда съ военнымъ конвоемъ. Онъ рассказывалъ также, что до него дошли слухи о волненіяхъ рабочихъ на пунктѣ Коржевецъ и такъ какъ подобныя буйства иногда разыгрывались очень серьезно, то мы сговорились съ нимъ отправиться вмѣстѣ на пункты Коржевецъ и Деряжню.

Не зная, однако, чѣмъ можетъ кончиться инцидентъ съ рабочими, я рѣшилъ, на всякій случай, заручиться содѣйствіемъ драгунъ Стародубовскаго полка, который стоялъ въ Меджибожѣ. Съ этою цѣлью на другой день утромъ я послалъ узнать, когда могу застать дома командира полка полковника Дедюлина; посланный доложилъ мнѣ, что полковникъ самъ сейчасъ прибудетъ ко мнѣ. Вовсе не желая беспокоить его, я поторопился одѣться и отправился къ нему. Онъ былъ еще дома, но въ мундирѣ и уже совсѣмъ одѣтъ, чтобы ѣхать ко мнѣ; лошади стояли у подъѣзда. Полковникъ Дедюлинъ со свойственною ему любезностью принялъ меня, и я передалъ ему мою просьбу имѣть наготовѣ чловѣкъ 70—80 драгунъ, въ случаѣ, если бы понадобилось употребить противъ непокорныхъ силу, хотя я очень надѣялся обойтись безъ нея. Такъ какъ одинъ изъ эскадроновъ Дедюлина былъ расположенъ близъ Деряжни, а онъ собирался туда на другой день, то предложилъ мнѣ проѣхать туда вмѣстѣ съ нимъ. Мнѣ было пріятно такое вниманіе, и я очень благодарилъ его за любезное содѣйствіе.

На другой день мы поѣхали съ нимъ туда въ сопровожденіи Стороженка, дистанціоннаго офицера, техника, исправника и двухъ мировыхъ посредниковъ. Къ счастью, на этотъ разъ все обошлось довольно благополучно. Правда, въ Деряжнѣ мы не застали 28 рабочихъ, которые бѣжали съ пункта, но остальные были на мѣстѣ. Пришлось сдѣлать имъ строгое внушеніе и напомнить, что работы, ими производимыя, не частныя, а государственныя, и потому за всякое ослушаніе взыщется съ нихъ особенно строго. Люди согласились работать, но просили денегъ; я обѣщалъ распорядиться о выдачѣ слѣдующаго имъ, если они будутъ усердно работать,—и тѣ дали слово выполнять уроки. Такъ какъ ихъ жалобы поступили

къ мировымъ судьямъ, которые уже сама взялись разобрать все это дѣло, то на другіе пункты я рѣшилъ не ѣздить и возвратился съ Дедюлинымъ въ Меджибожъ.

О своей инспекціи я посылалъ донесенія въ контору желѣзной дороги. Служившіе тамъ французы были такъ мало знакомы съ русскимъ языкомъ, что имъ необходимо было прежде отдавать переводить на французскій языкъ мои донесенія и затѣмъ уже дѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Узнавъ объ этомъ отъ конторщика Буске, я, чтобы не затягивать дѣлъ и не затруднять Общества, рѣшилъ писать всѣ донесенія пофранцузски, что для меня не составляло затрудненія, такъ какъ я знаю этотъ языкъ хорошо. Случай къ этому представился очень скоро. На другой же день послѣ поѣздки въ Деряжню я получилъ извѣщеніе, что съ пункта г. Проскурова убѣжало болѣе 300 человѣкъ. Видя, что подобные безпорядки развиваются все болѣе и болѣе, я извѣстилъ объ этомъ Фильеля; объяснивъ ему въ краткихъ словахъ все дѣло, я указалъ при этомъ причины волненія рабочихъ и средства прекратить дальнѣйшее зло. Такъ какъ въ Винницѣ телеграфа тогда еще не было, то я послалъ свое донесеніе эстафетою и рѣшилъ ожидать распоряженій отъ Фильеля. Вскорѣ послѣ того получилъ я отъ него бумагу, которою онъ просилъ меня пріѣхать въ Проскуровъ для переговоровъ съ нимъ. Я отправился туда со Стороженкомъ и осмотрѣлъ людей и ихъ помѣщеніе. Все было найдено въ очень хорошемъ состояніи; очевидно, что просто люди взбалмошны и лѣнятся работать.

Вскорѣ послѣ меня пріѣхалъ Фильель изъ Волочиска. Когда я пришелъ къ нему, онъ выразилъ неудовольствіе по поводу того, что, узнавъ о побѣгахъ людей съ работы, я не преслѣдовалъ ихъ тотчасъ и не хлопоталъ о томъ, чтобы ихъ вернули назадъ. Я возразилъ ему на это, что не считалъ себя въ правѣ приняться за такое дѣло, такъ какъ преслѣдованіе рабочихъ никакъ не можетъ согласоваться съ инспекціею ихъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ я постарался бы самъ сдѣлать это, если бы могъ надѣяться хоть на малѣйшій успѣхъ, потому что на содѣйствіе мѣстной уѣздной полиціи разсчитывать нельзя было: вся сила ихъ состояла изъ нѣсколькихъ жалкихъ инвалидовъ. Слѣдовательно, при энергическомъ сопротивленіи рабочихъ властямъ, я не могъ бы ихъ усмирить силою; я скомпрометировалъ бы лишь себя и скорѣе испортилъ бы дѣла Общества, чѣмъ поправилъ бы ихъ. Обратиться къ содѣйствію войскъ я не имѣлъ права безъ особаго разрѣшенія высшаго начальства, а если и рѣшился бы прибѣгнуть къ этому крайнему средству, то обязанъ былъ бы донести о томъ прямо государю императору, что могло бы потревожить его величество и набросить весьма неблагоприятную тѣнь на распоряженія Общества по содержанию рабочихъ. Кромѣ того, въ моемъ распоряженіи не было ни-

какихъ суммъ, дабы въ случаѣ необходимости выдать людямъ нѣкоторую часть денегъ, что было бы, пожалуй, справедливымъ и, быть можетъ, единственнымъ средствомъ успокоить взволнованные умы рабочихъ. Однимъ словомъ, пустягъ общанія не могли тутъ подѣйствовать на массу: только энергичныя мѣры или дѣйствительная денежная поддержка могли здѣсь имѣть успѣхъ.

Фильель долженъ былъ согласиться съ моими доводами. Онъ тотчасъ же вручилъ мнѣ 3.000 рублей, просилъ преслѣдовать рабочихъ и воротить ихъ во что бы то ни стало; онъ ассигновалъ по 30 коп. въ сутки на каждого человѣка за все время ихъ обратнаго пути къ мѣсту работъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагая, что бѣжавшіе рабочіе направились въ Подольскую губернію, онъ далъ мнѣ письмо къ подольскому губернатору.

Преслѣдовать рабочихъ, которые бѣжали нѣсколько дней тому назадъ и, вѣроятно, ушли довольно далеко, я не имѣлъ никакой возможности на собственныхъ лошадяхъ, а потому я рассчитался окончательно съ нашимъ наемнымъ кучеромъ и взялъ почтовыхъ. Проскуровскій исправникъ полковникъ Ивановъ, пожилой, опытный человѣкъ и старожилъ этого края, сказалъ, что ни одна партія бѣглыхъ рабочихъ не направилась къ Каменецъ-Подольску. По его словамъ, всѣ партіи направились на Житомиръ, куда онъ совѣтовалъ ѣхать черезъ Старокопстантиновъ; тамъ исправнику извѣстны тракты уѣзда, по которому рабочіе проходили, и онъ долженъ былъ дать всѣ необходимыя свѣдѣнія.

Не теряя времени, я немедленно пустился въ путь и въ тотъ же день въ 10 часовъ вечера прибылъ въ Старокопстантиновъ. Мѣстный исправникъ подтвердилъ предположеніе исправника Иванова и съ большою готовностью согласился мнѣ помочь. Онъ далъ въ мое распоряженіе двухъ своихъ помощниковъ, отставныхъ офицеровъ, которыхъ я просилъ тотчасъ отправиться въ разныя стороны для преслѣдованія бѣглецовъ. Я просилъ ихъ уговорить рабочихъ вернуться на свои пункты, гдѣ разберутъ ихъ жалобы и удовлетворять законныя претензіи, а для содержанія ихъ въ пути разрѣшилъ выдать каждому по 30 коп. въ сутки. Для этого расхода и для другихъ случайныхъ издержекъ, а также на проѣздъ и содержаніе самихъ чиновниковъ, я выдалъ въ распоряженіе каждого по 50 рублей. Я просилъ ихъ сообщать мнѣ по телеграфу или эстафетою обо всемъ, что имъ удастся сдѣлать для возвращенія рабочихъ, а въ случаѣ неудачи—о дальнѣйшемъ направленіи бѣглецовъ, чтобы я могъ, съ своей стороны, принять необходимыя мѣры; просилъ ихъ не стѣсняться въ расходованіи денегъ и, въ случаѣ передержки, обѣщалъ все возратить имъ съ благодарностью. Исправникъ также согласился давать мнѣ свѣдѣнія, если что либо узнаетъ по этому дѣлу.

Покончивъ переговоры и напившись чаю у исправника, мы от-

правились въ Житомиръ. Только что проложенная дорога шла по весьма песчаному грунту черезъ просѣку дурно выкорчеваннаго лѣса, такъ что мы подвергались непрерывнымъ толчкамъ, подчасъ очень сильнымъ. Но, несмотря на это, мы ѣхали напролетъ всю ночь; только въ 7 часовъ утра останавливались на какой-то станціи, чтобы выпить чаю и въ 12 часовъ дня пріѣхали въ Житомиръ.

Мы остановились на Киевской улицѣ, въ лучшей гостиницѣ противъ дома губернатора. На большомъ дворѣ передъ губернаторскимъ домомъ я увидѣлъ порядочную кучку людей, человекъ 60; это были рабочіе, бѣжавшіе съ желѣзной дороги. Губернаторъ вышелъ къ нимъ, что-то сказалъ, и они разошлись. Въ одномъ отелѣ со мною остановился пріѣхавшій изъ Кіева по порученію главной конторы Кіево-Балтской желѣзной дороги, отставной штабсъ-капитанъ Герстфельдъ. Онъ служилъ л.-гв. въ Преображенскомъ полку, который оставилъ, и, вѣроятно, по протекціи своего отца, товарища министра путей сообщенія, получилъ мѣсто въ нашемъ Обществѣ. Онъ былъ присланъ сюда, чтобы расплатиться съ бѣжавшими рабочими и возвратить ихъ на мѣста. Герстфельдъ, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, очень обрадовался, такъ какъ, по его же словамъ, ему одному было трудно сладить съ рабочими. Какъ служащій въ Обществѣ Кіево-Балтской желѣзной дороги и прибывшій въ городъ, онъ счелъ обязанностью явиться губернатору. Но губернаторъ принялъ его очень нелюбезно: накричалъ на него, бранилъ Общество и Фильёля и жаловался, что рабочіе, осаждающіе его со своими просьбами и жалобами, не даютъ ему покоя. Герстфельдъ возвратился отъ губернатора крайне сконфуженнымъ, но я его успокоилъ, сказалъ, что съ губернаторомъ постараюсь сладить, и если у него нѣтъ отъ Общества никакого другого порученія, чтобы онъ возвращался въ Кіевъ и передалъ, что я беру на себя вернуть людей во что бы то ни стало и успокоить губернатора.

У меня не было съ собою мундира, а потому я въ сюртукѣ пошелъ къ губернатору, состоявшему по армейской пѣхотѣ генераль-майору Галлеру. Я представился ему, извинился въ несоблюденіи формы и объяснилъ причину моего пріѣзда. Онъ и при мнѣ началъ было бранить Общество и Фильёля и высказалъ, сколько эти бѣжавшіе съ работъ люди надѣлали ему безпокойства и заботъ. Но я объяснилъ ему, что въ этомъ ни Общество, ни Фильель нисколько не виноваты, такъ какъ на рабочихъ тратятъ огромныя суммы, а главная причина всѣхъ этихъ безпорядковъ коренится въ лѣни и пьянствѣ; рабочіе, получивъ задаточныя деньги, не хотятъ ихъ отрабатывать, противъ чего необходимо принять энергичныя мѣры и прекратить произволъ рабочихъ, которые собраны для государственной, а не для частной работы. Я высказалъ губернатору надежду покончить это дѣло миролюбиво, уплатою части заработан-

ныхъ денегъ, какъ это мнѣ постоянно удавалось до сихъ поръ, и благодаря чему я приобрѣлъ между рабочими нѣкоторую популярность; однако я просилъ его дать мнѣ воинскую команду, если бы, паче чаянія, пришлось силою возвратить рабочихъ на мѣста. Губернаторъ совершенно успокоился и сказалъ, что сейчасъ прикажетъ полицеймейстеру явиться ко мнѣ, такъ какъ задержанные люди находятся подъ его присмотромъ, и просилъ меня покончить это непріятное дѣло вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ.

Я возвратился въ гостиницу, пообедалъ, а потомъ вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ и Стороженкомъ поѣхалъ въ полицейское управленіе, гдѣ содержались рабочіе. Такъ какъ для такого большого количества арестованныхъ помѣщенія не было, то людей размѣстили подъ открытымъ небомъ, на дворѣ, гдѣ они валялись на булыжной мостовой. Трудно себѣ представить, въ какомъ несчастномъ видѣ я ихъ нашелъ: исхудалые, оборванные, иные безъ рубахъ, другіе совсѣмъ нагіе,—право, хуже нищихъ. Всѣхъ рабочихъ оказалось здѣсь 105 человекъ, которые бѣжали съ Деряжни, куда мы ѣздили съ Дедюлинымъ, и съ пункта Богдановки, гдѣ я еще не былъ; кромѣ того, въ предыдущую ночь бѣжало изъ полиціи 7 человекъ неизвѣстно съ какого пункта,—хорошъ присмотръ! Переговоры съ рабочими длились часа два. Какъ я ни урезонивалъ, ни уговаривалъ ихъ, ничего не помогло: люди стояли на своемъ, желая непременно вернуться домой и ни за что не работать. Я бросилъ ихъ и, правда, не совсѣмъ въ хорошемъ расположеніи духа. Мы съ полицеймейстеромъ поѣхали къ губернатору передать ему результатъ нашихъ переговоровъ, но онъ не принялъ насъ, отговариваясь головною болью. Все-таки нужно было придумать средство, какъ настоять на своемъ и вернуть людей на работы.

Уже совсѣмъ подъ вечеръ пришелъ ко мнѣ одинъ изъ рабочихъ артели съ пункта Богдановки, передалъ, что изъ этой артели человекъ 40 будутъ согласны вернуться на работы на извѣстныхъ условіяхъ. Я обѣщалъ ему 5 рублей награды, если вернутся 40, и 7 рублей, если вернется вся артель въ 70 человекъ. При этомъ я предупредилъ его, что готовъ сдѣлать для нихъ все возможное, желая имъ добра, но пусть всѣ знаютъ, что я не выйду изъ Житомира, пока не возвращу всѣхъ до единого на работы. А не захотятъ вернуться по доброй волѣ, казаки нагайками погонятъ ихъ отсюда, и работать имъ придется подъ присмотромъ конвойныхъ солдатъ, которые заставятъ ихъ повиноваться. Бунтовщики пусть не надѣются на защиту законовъ, и обѣщаніе свое я исполню.

На слѣдующее утро непокорные стали сдаваться. Въ 7 часовъ утра пришелъ тотъ же рабочій и сказалъ, что вся артель согласна вернуться на работы, если я отъ себя сдѣлаю съ ними условіе, такъ какъ мнѣ они довѣряютъ. Онъ просилъ часть денегъ выдать имъ на руки для покупки бѣлья, платья и обуви, въ кото-

рыхъ они дѣйствительно крайне нуждались, а другую часть выслать по почтѣ въ ихъ волостныя правленія; впрочемъ, потомъ они раздумали и, боясь задержки, просили лучше выслать деньги на имя священниковъ ихъ сель съ передачею семействамъ рабочихъ. Я выдалъ имъ денегъ на довольствіе здѣсь и въ пути, на покупку платья и обуви на счетъ Общества безвозвратно, кромѣ того, отослалъ въ ихъ села по 5, по 10 и даже по 15 рублей отъ имени каждаго; такимъ образомъ на эту артель было израсходовано болѣе 1.300 рублей. Казалось бы, что на основаніи сдѣланнаго условія и послѣ выдачи такого значительнаго количества денегъ, люди могли бы совершенно успокоиться, но при всемъ томъ то одинъ, то другой приходили еще дѣлать разные вопросы, такъ что стоило много трудовъ и нужно было имѣть страшное терпѣніе съ ними возиться. Впрочемъ, это не мудрено: ихъ такъ часто, такъ безсовѣстно обманывали подрядчики, приказчики и въ особенности ихъ волостныя правленія, что они потеряли всякое довѣріе какъ къ своимъ властямъ, такъ и къ Обществу желѣзныхъ дорогъ. Имъ просто въ диковину было, что я такъ аккуратно съ ними разсчитываюсь и держу неизмѣнно данное слово. Получивъ деньги, они обѣщали на слѣдующее же утро выступить всею артелью на мѣсто работъ.

Оставалась еще другая артель, которая, несмотря на добрый примѣръ товарищей, не соглашалась ни на какія условія. На другой день изъ окна своей гостиницы я видѣлъ, что 6 человекъ изъ этой артели пошли къ губернатору. Вѣроятно, онъ послалъ за полицеймейстеромъ, который вскорѣ послѣ того пріѣхалъ и пошелъ къ губернатору. Выйдя отъ него, полицеймейстеръ что-то размахивалъ руками и кричалъ на рабочихъ, которые живо разбѣжались отъ него. Съ часъ спустя, пришли ко мнѣ два человека изъ этой артели и, начавъ объясненія, стали соглашаться на мои условія. Но такъ какъ они все еще тянули и требовали лишняго, то я объявилъ имъ, что уѣзжаю въ 5 часовъ послѣ обѣда и если къ этому времени они не согласятся на мои предложенія, то дамъ формальную бумагу исправнику выслать ихъ на мѣсто работъ подъ конвоемъ. Тѣ ушли, но скоро явились другіе, которыхъ я, впрочемъ, выгналъ, требуя къ себѣ первыхъ. Пришли снова тѣ, съ которыми я началъ говорить раньше, и наконецъ-то ихъ удалось также урезонить. Они получили по расчету первой партіи и тотчасъ тронулись къ мѣсту своихъ работъ.

Въ тотъ же день я получилъ эстафету отъ староконстантиновскаго исправника, что одинъ изъ его чиновниковъ настигъ партію бѣжавшихъ рабочихъ въ 390 человекъ и когда онъ объявилъ имъ, что черезъ день, черезъ два я пріѣду къ нимъ на пунктъ и удовлетворю ихъ претензіи, если онѣ окажутся законными, всѣ люди тотчасъ же и безъ малѣйшаго ропота возвратились къ своимъ работамъ. Какъ это извѣстіе, такъ и успѣхъ личныхъ переговоровъ

съ бѣжавшими были мнѣ очень пріятны, тѣмъ не менѣе нужно было спѣшить выѣздомъ изъ Житомира, чтобы покончить дѣла съ другими партіями рабочихъ.

На другой день въ 12 часовъ я уже былъ въ Староконстантиновѣ, гдѣ исправникъ представилъ мнѣ одного изъ чиновниковъ, преслѣдовавшихъ рабочихъ. Пока покончили здѣсь всѣ расчеты, насталъ вечеръ, и сдѣлалось очень темно. Но, несмотря на это, мы рѣшили ѣхать дальше. Стали сгущаться тучи, заблестала зарница, послышался громъ, и наконецъ сдѣлалось такъ темно, какъ это бываетъ только въ глубокую осеннюю ночь. Что называется, не видно было ни зги, такъ что ямщикъ и Стороженко шли впереди лошадей и пользовались отблесками молніи, чтобы направляться по настоящему пути. Вдругъ полилъ крупный дождь, который затѣмъ обратился въ потокъ, и мы подвигались шагъ за шагомъ версты двѣ, пока не дотацились до какой-то несчастной жидовской корчмы, стоявшей совсѣмъ отдѣльно на пригоркѣ. Но и здѣсь оказалось не сладко. Весь довольно обширный сарай корчмы былъ занятъ укрывшимся здѣсь обозомъ, а корчма была биткомъ набита хохлами-извозчиками. Еврей хлопоталъ потчевать ихъ водкой при помощи грязной еврейки, которая возилась съ двумя еще болѣе грязными жиденятами. Около кривоногого стола на скамейкахъ и около стѣнъ сидѣли пьющіе хохлы, а другіе, за неимѣніемъ мѣста, расположились на грязномъ, мокрымъ глиняномъ полу. Мы распорядились однако по-военному: растолкавъ, по возможности, обозъ въ сараѣ, мы поставили туда нашъ тарантасъ и здѣсь же закусили провизіей, которая была у насъ съ собою.

Гроза все еще продолжалась. Присѣвъ на скамеечкѣ подъ навѣсомъ, я закурилъ сигару и сталъ любоваться величественнымъ явленіемъ природы. Мнѣ случалось часто видѣть сильныя грозы, въ особенности въ бытность мою въ Свеаборгѣ, гдѣ съ высоты Густавъ-сверда представлялась всегда дивная панорама. Небо черное, какъ ночь, и море, отражаясь отъ него, такое же черное. Молніи на горизонтѣ вдругъ освѣщаютъ барашки пѣнящихся громаднхъ волнъ, и кое-гдѣ мелькаетъ иногда парусъ плывущаго корабля или, ближе къ берегу, утлой лодки. Молніи вырываются зигзагами изъ-за тучъ и быстрыми стрѣлами на мигъ ярко освѣщаютъ все пространство, ослѣпляя глаза, и затѣмъ снова наступаетъ кромѣшная тьма. Еще моментъ—и опять все освѣщено, и стрѣлы молніи, ударяясь въ морскія волны, поднимаютъ высокіе столбы пѣнистой воды...

Гроза же на югѣ—нѣчто совсѣмъ иное. Предо мною невообразимая степь, весь полукруглый горизонтъ которой горитъ точно отблескомъ громаднаго пожара. Зловѣщій свѣтъ этотъ будто дрожитъ, непрерывно колеблется. То въ томъ, то въ другомъ направленіи онъ дѣлается вдругъ ярче, потомъ опять блѣднѣе, но горитъ и свѣ-

тится все время. Темныхъ тучъ совсѣмъ не видать, а вмѣсто нихъ какія-то длинныя узкія огненныя полосы. Вырывающіяся изъ нихъ молніи кажутся не стрѣлами, а правильными круглыми шарами, которые то поднимаются или опускаются, то направляются въ ту или другую сторону, рѣдко зигзагами, а большею частью дугообразно, представляя собою грандіозный фейерверкъ или подобіе сѣвернаго сіянія. Во всякомъ случаѣ это картина великолѣпная, величественная, и я съ часъ просидѣлъ, любуясь ею, пока не отправился ночевать, кое-какъ устроившись въ нашемъ тарантасѣ.

На другое утро мы отправились въ Староконстантиновъ, но опять пришлось двигаться шагомъ, такъ какъ сильнѣйшій дождь всюду изрылъ дороги, въ особенности въ спускахъ и балкахъ, гдѣ приходилось даже вылѣзать изъ тарантаса и поддерживать его. Староконстантиновскій исправникъ, по прїѣздѣ нашемъ въ городъ, представилъ мнѣ другаго своего чиновника, который воротилъ бѣжавшую партію рабочихъ. Съ согласія исправника, я попросилъ его посѣтить со мною тѣ пункты, на которые возвратились рабочіе, и отправился дальше. На ближайшемъ пунктѣ работъ люди сразу согласились на всѣ мои предложенія, но сюда не явились 25 чело-вѣкъ изъ числа бѣжавшихъ; на слѣдующемъ же пунктѣ мнѣ стоило много труда уговорить рабочихъ, которые жаловались на неудовлетвореніе всѣмъ положеннымъ, здѣсь также не оказалось 30 чело-вѣкъ бѣжавшихъ. Покончивъ, наконецъ, всѣ скучные переговоры съ рабочими, я выѣхалъ въ Винницу, чтобы сообщить Фильёлю обо всемъ, что мнѣ удалось сдѣлать во время моей поѣздки. Онъ видимо остался очень доволенъ всѣми моими распоряженіями и благодарилъ меня. Изъ Винницы я снова ѣздилъ въ Меджибожъ, откуда посѣтилъ нѣсколько пунктовъ работъ. Оказалось, что какъ на этихъ пунктахъ, такъ и на всѣхъ другихъ волненія рабочихъ прекратились, подрядчики вполне довольны ими, и работы продолжались гораздо успѣшнѣе. Я ѣздилъ также въ Проскуровъ и затѣмъ вернулся въ Винницу, нарочно посѣтилъ тѣ участки, гдѣ работали возвращенные мною изъ бѣговъ люди, и лично убѣдился, что они держатъ свое слово и трудятся вполне добросовѣстно.

Вскорѣ по возвращеніи въ Винницу, я получилъ циркулярное извѣщеніе нашего Общества о томъ, что нѣкій Вандермейлеръ назначенъ начальникомъ административнаго отдѣла постройки Кіево-Балтской желѣзной дороги, другими словами,—контролеромъ дѣйствій Фильёля, которому это, конечно, крайне не понравилось. При первомъ же свиданіи со мною Вандермейлеръ наговорилъ мнѣ много комплиментовъ, сказалъ, что имѣетъ довѣріе ко мнѣ, и что Общество всегда и во всемъ будетъ со мною согласно. Мнѣ былъ крайне пріятенъ подобный отзывъ: можно было предполагать, что мои труды, нѣкоторымъ образомъ, тогда уже получили настоящую оцѣнку.

Волненія и стачки рабочихъ, которыя часто случались въ іюлѣ и совсѣмъ было прекратились въ августѣ, возобновились опять. Однажды technikъ съ пункта Могилевки далъ мнѣ знать, что люди на этомъ пунктѣ положительно отказываются работать, потому что имъ не выдаютъ никакихъ денегъ. Между тѣмъ контора не должна была ничего имъ давать, такъ какъ по смыслу контракта всѣ заработанные деньги должны были высылаться въ волостныя правленія, въ вѣдѣніи которыхъ находились эти люди. Дѣлать нечего, я отправился на пунктъ непокорныхъ, и со мною поѣхали туда Сто-роженко, мировой посредникъ и путейскій подполковникъ Петерсъ; кромѣ того, я просилъ, чтобы кто нибудь изъ винницкой конторы взялъ съ собою всю сумму денегъ, слѣдуемыхъ людямъ за произведенныя на этомъ пунктѣ работы. Съ трудомъ втолковалъ я людямъ, что деньги есть, но контора не имѣетъ права ихъ выдать имъ на руки. Рабочіе жаловались, что совершенно обносились, въ чемъ, впрочемъ, мы сами могли убѣдиться, и потому, въ концѣ концовъ, рѣшено было сдѣлать такъ: всѣ деньги, слѣдуемая рабочимъ, сполна положить на храненіе въ денежный ящикъ при церкви м. Могилевки, въ присутствіи старосты рабочихъ и четырехъ человекъ выборныхъ изъ числа ихъ, а я взялся извѣстить надлежащія волостныя правленія, прося ихъ распоряженій на счетъ рабочихъ. Долго пришлось провозиться на этомъ пунктѣ, такъ какъ люди успокоились только тогда, когда была приложена церковная печать къ денежному ящику.

Когда Фильель возвратился изъ Одессы, куда ѣздить принимать огромный транспортъ рельсъ, онъ просилъ меня освидѣтельствовать винницкій лазаретъ для рабочихъ. Помѣщеніе его оказалось тѣснымъ, воздуху недостаточно, и потому мы пріискали съ докторомъ другое помѣщеніе, вполне соотвѣтствующее своему назначенію. Кромѣ того, Фильель утвердилъ смѣту на покупку необходимыхъ лазаретныхъ вещей, разныхъ инструментовъ и пр. и просилъ возможно скорѣе завести все это, дабы исполнѣ обезпечить рабочихъ.

Едва покончилъ я съ этимъ дѣломъ, какъ опять обнаружились безпорядки рабочихъ. Доходило даже до того, что они избивали своихъ десятниковъ и кладовщиковъ, и тѣ, бросивъ кладовыя и работы, въ испугѣ прибѣгали ко мнѣ, прося защиты и правосудія. По мѣрѣ силъ и средствъ, я старался подробно разбирать при этомъ всѣ обстоятельства дѣла и не цокалъ рабочимъ, когда они вовсе того не заслуживали. Что же касается мировыхъ посредниковъ, то они дѣйствовали въ этихъ случаяхъ очень нераціонально: они держали обыкновенно сторону рабочихъ безъ всякаго основанія и здраваго смысла, а гдѣ считали себя хоть нѣсколько затронутыми въ своемъ самолюбіи рабочими, безмѣрно строго взыскивали съ нихъ; законовъ они не придерживались и часто поступали совер-

шенно по собственному произволу. И въ томъ и въ другомъ случаѣ приходилось выставлать имъ на видъ такія вещи, что я только удивлялся, какъ они переносили это. Я не могъ допускать произвола мировыхъ посредниковъ и своею властью отмѣнялъ ихъ распоряженія, предоставляя имъ жаловаться на меня, но, вѣроятно, изъ чувства самосохраненія они волею-неволею должны были уступать.

К. Жерве.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ ¹⁾.

XIII.

Пріѣздъ въ Винницу генераль-губернатора Безака. — Обѣдъ у него. — Отвѣтныя обѣды Фильбля и неожиданный отѣздъ генераль-губернатора. — Помѣщикъ В. П. Собѣщанскій и его былое. — Помѣщикъ С. П. Ризничъ; судьба его братьевъ. — Ефимовичъ и его разсказъ о кіевскомъ комендантѣ Муслинскомъ. — Заключеніе Ефимовича въ крѣпости. — Моя поѣздка въ Кіевъ. — Представленіе генералу Безаку. — Жалоба рабочихъ. — Отѣздъ изъ Винницы; остановка въ Кіевѣ. — Возвращенію въ Петербургъ. — Бать въ Зимній дворецъ. — Роскоші царскихъ пріемовъ. — Танцы. — Мои знакомые. — Любезность государя наследника. — Мой отѣздъ на сооруженіе Кіево-Валтской желѣзной дороги. — Бездѣйствіе въ Меджибожѣ. — Частная жизнь. — Графъ Лидерсъ. — Полковой праздникъ Стародубовскаго драгунскаго полка. — Командиръ полка и его офицеры. — Производство полковника Дедюлина въ генералы. — Генераль-лейтенантъ Хитрово. — Продѣлка Фильбля. — Моя поѣздка къ нему и результатъ этого. — Возвращеніе въ Меджибожъ. — Переписка съ Фильблемъ. — Окончательный расчетъ съ нимъ. — Отѣздъ генерала Дедюлина и проводы его въ полку. — Мой отѣздъ изъ Меджибожа. — Прибытіе въ Винницу и попытка къ дальнѣйшему путешествію по желѣзной дорогѣ. — Первая неудача и возвращеніе въ Винницу. — Вторичный отѣздъ. — Новыя препятствія. — Неожиданный пріютъ. — Дальнѣйшій путь и послѣдняя задержка. — Прибытіе въ Кіевъ. — Окончаніе путешествія. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Семья.

ВЪ НАЧАЛѢ сентября въ Винницу пріѣхалъ генераль-губернаторъ Безакъ. Когда я представлялся ему вмѣстѣ съ Фильблемъ и Вандермейлеромъ, онъ принялъ насъ довольно любезно. Офіціальныя пріемы окончился черезъ полчаса; во время разговора Безакъ вспомнилъ, что мы съ нимъ старые знакомые, встрѣчались у Дзичканца и даже вмѣстѣ играли въ карты.

На другой день послѣ пріѣзда Безака, состоявшій при немъ для особыхъ порученій г. Сварчевскій передалъ мнѣ приглашеніе на обѣдъ къ генераль-губернатору; форма—мундиръ съ орденами и погонами. Довольно большой

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIV, стр. 40.

домъ, въ которомъ остановился генераль-губернаторъ, стоялъ противъ дома исправника; онъ имѣлъ опрятный наружный видъ и внутри былъ весьма прилично меблированъ, полы въ двухъ приемныхъ комнатахъ паркетные. Когда я пришелъ, то засталъ уже нѣсколько человѣкъ, собравшихся къ обѣду. Въ 4 часа двери изъ гостиной растворились, вышелъ Безакъ, со всѣми раскланялся, кое съ кѣмъ поговорилъ. Къ этому времени уже всѣ собрались, кромѣ одного Фильёля. Наконецъ, начали закусывать, подождали еще съ полчаса и сѣли къ столу безъ Фильёля, оставивъ ему мѣсто по правую руку отъ меня.

Посреди стола сѣлъ генераль-губернаторъ, а рядомъ съ нимъ начальникъ артиллеріи Кіевскаго военного округа, генераль-лейтенантъ Майдель, и начальникъ 32-й пѣхотной дивизіи, генераль-майоръ Циммерманъ, мой старыи знакомый. Противъ Безака сидѣлъ я; подлѣ генерала Майделя сидѣлъ извѣстный хирургъ Пироговъ, высокій, не очень плотный господинъ, во фракѣ, съ аннинскою лентою на жилетѣ, но одѣтый весьма неряшливо и въ бѣлыя почти грязномъ; онъ живетъ въ 8-ми верстахъ отъ Винницы, въ своемъ имѣніи. На обѣдѣ присутствовали также командиръ артиллерійской бригады, четыре полковыхъ командира, исправникъ, предводитель дворянства Винницкаго уѣзда, два предсѣдателя мировыхъ сѣздовъ, помѣщикъ С. И. Ризничъ, служащіе въ нашемъ Обществѣ, Петерсъ и Павловскій, а также Сварчевскій; два адъютанта генерала Безака, Санниковъ и Танѣвъ, сидѣли за отдѣльнымъ маленькимъ столомъ. Едва мы сѣли, какъ пріѣхалъ Фильёль, подошелъ къ генераль-губернатору и очень извинялся, увѣряя, что въ его экипажѣ дорожно сломалось колесо, а пока привезли другой экипажъ, прошло немало времени. Безакъ, по обыкновенію, былъ молчаливъ, хотя, впрочемъ, изрѣдка обращался къ своимъ сосѣдямъ и долго спустя сказалъ что-то Фильёлю, который все время сидѣлъ точно на иголкахъ, почти ничего не ѣлъ и видимо былъ встревоженъ. Послѣ жаркого подали шампанское, Безакъ всталъ и провозгласилъ тостъ за здоровье государя. Мы всѣ встали, крикнули дружное ура, музыка заиграла гимнъ. Въ это время Фильёль вздумалъ обратиться со спичемъ къ Безаку, но тотъ ему мигнулъ, а другіе сказали, что во время гимна говорить нельзя. Опять неловкая оплошность Фильёля заставила Безака вспыхнуть; видно было, что его передернуло, но онъ удержался. Когда послѣ гимна всѣ сѣли, Фильёль всталъ и обратился къ Безаку съ рѣчью, въ которой высказалъ ему искреннюю благодарность Общества строителей Кіево-Балтской желѣзной дороги за его просвѣщенное и могучее содѣйствіе, которое даетъ возможность Обществу вполне выполнять взятыя на себя обязанности, въ заключеніе онъ предложилъ выпить за здоровье генераль-губернатора. Крикнули ура, музыка заиграла тушъ. Однако Безакъ ни слова не отвѣтилъ Фильёлю на его привѣтствіе, кивнулъ ему головой,

поблагодарилъ всѣхъ присутствующихъ поклономъ, всталъ и пошелъ въ гостиную съ Пироговымъ, генераломъ Майдемомъ и нѣсколькими другими лицами. Фильель былъ страшно сконфуженъ: онъ не ожидалъ такого непріятнаго финала. Обѣдъ былъ очень обыкновенный: пять-шесть блюдъ, недурно приготовленныхъ, десертъ и фрукты. Послѣ кофе всѣ раскланялись и разошлись. Вечеромъ былъ назначенъ смотръ и ученіе артиллеріи, но я при этомъ не присутствовалъ.

На слѣдующій день Фильель давалъ отъ себя обѣдъ въ честь генераль-губернатора; но еще утромъ пришелъ ко мнѣ Стороженко и сообщилъ, что, по слухамъ въ городѣ, генераль Безакъ на обѣдѣ не будетъ. Говорили, будто ночью онъ получилъ какую-то важную эстафету, которая ему сильно испортила расположеніе духа и вслѣдствіе которой онъ долженъ былъ немедленно выѣхать въ Кіевъ. Вѣроятно же всего, что Безакъ узналъ о m-me Mathilde, подругѣ Фильеля, которая всегда и всюду сопровождаетъ его. Конечно, Безаку, какъ генераль-губернатору, щекотливо было бы сидѣть съ нею за общимъ столомъ во время официального обѣда въ честь его; кромѣ того, вѣроятно, онъ желалъ дать почувствовать Фильелю все неприличіе опаздывать на обѣдъ къ генераль-губернатору и начальнику края. Какъ бы то ни было, отъѣздъ генерала Безака былъ крайне непріятенъ Фильелю, но обѣдъ не былъ отказанъ, такъ какъ гости были приглашены заранѣе.

Не получивъ настоящаго извѣщенія объ отъѣздѣ генераль-губернатора, я надѣлъ инженерный мундиръ и поѣхалъ съ С. И. Ризничемъ къ Фильелю въ м. Стрижевку, верстахъ въ восьми отъ Винницы, гдѣ собственно онъ имѣлъ постоянную квартиру. Здѣсь мы застали многихъ изъ тѣхъ, съ которыми обѣдали наканунѣ, и въ томъ числѣ Циммермана со своими полковыми командирами. Генерала Безака не было, онъ дѣйствительно уѣхалъ. M-me Mathilde вышла къ гостямъ; она оказалась очень любезною хозяйкою, хорошо воспитанною и порядочно образованною. Къ обѣду собралось человѣкъ 25. Столъ былъ очень богато убранъ бронзою разнаго рода, вазами, пирамидами, канделябрами и прекрасными живыми цвѣтами въ изобиліи. Обѣдъ былъ дѣйствительно роскошный. Мы встали изъ-за стола въ 9 часовъ, а сѣли въ 5-ть. Сидѣть четыре часа сряду было крайне утомительно, тѣмъ болѣе, что общаго разговора почти не было; болѣе всѣхъ ораторствовалъ Циммерманъ, который подчасъ ужъ слишкомъ развязно рассказывалъ всякія *saltés* насчетъ французскихъ актрисъ и вообще *demi-monde'a* въ Петербургѣ. Фильель хотя и показывалъ «*bonne mine au mauvais jeu*», но видно было, что онъ очень досадовалъ на отсутствіе генерала Безака и считалъ этотъ день «*rouge une journée perdue*». Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, если бы генераль Безакъ и присутствовалъ на этомъ обѣдѣ, онъ врядъ ли остался бы доволенъ, потому что такая роскошная обстановка и изысканность обѣда срав-

нительно съ тѣмъ скромнымъ обѣдомъ, какимъ угощаль насъ наканунѣ генераль-губернаторъ, не могла бы подѣйствовать на него пріятно. Вскорѣ послѣ обѣда гости начали разъѣзжаться, и я послѣдовалъ ихъ примѣру.

Въ Винницѣ я познакомился съ Вильгельмомъ Игнатьевичемъ Собѣщанскимъ, помѣщикомъ, который строилъ сторожевыя будки по Кіево-Балтской желѣзной дорогѣ. По разнымъ неудачамъ и несчастіямъ въ жизни онъ въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ. Чертами лица онъ удивительно напоминаетъ французскихъ королей бургундской линіи; фигурой, рѣзкими и крупными чертами лица онъ былъ совершенно схожъ съ Людовикомъ XVI, но былъ плотнѣе и меньше его ростомъ. До крайности довѣрчивый, добрѣйшей души и слабый характеромъ, онъ былъ большимъ обожателемъ женскаго пола; имѣлъ жену и дочь, но жена его въ то время постоянно жила за границею. Собѣщанскій былъ когда-то очень богатъ, имѣлъ тысячъ шестьдесятъ годового дохода и жилъ весьма открыто. Въ 50-хъ годахъ уѣздный городъ Староконстантиновъ, принадлежавшій графу Ржевусскому, продавался за долги. Купить это «имѣніе» было чрезвычайно выгодно, потому что однѣ оброчныя статьи давали болѣе 40 тысячъ дохода, не считая доходовъ съ 30 или 40 тысячъ десятинъ земли, лѣса, скота, мельницъ и разныхъ другихъ экономическихъ построекъ. Собѣщанскому хотѣлось купить Староконстантиновъ, и онъ согласился съ другимъ помѣщикомъ сдѣлать покупку пополамъ. Онъ поѣхалъ въ Кіевъ, чтобы только разузнать, какъ приступить къ дѣлу, и взялъ съ собою лишь 300 рублей. Пріѣхавъ туда утромъ, онъ узналъ, что торги будутъ производиться въ тотъ же день, и что желающій купить долженъ внести 300 тысячъ рублей въ губернское казначейство къ часу дня, а узналъ онъ о продажѣ въ 9 часовъ утра. Можно легко себѣ представить, какой громадный кредитъ имѣлъ Собѣщанскій въ Кіевѣ, если съ 9-ти до часу успѣлъ достать 300 тысячъ рублей и представилъ ихъ къ назначенному сроку въ казначейство.

Между тѣмъ, помѣщикъ, съ которымъ Собѣщанскій покупалъ имѣніе пополамъ, злоупотребилъ крайнею довѣрчивостію Собѣщанскаго и устроилъ дѣло въ свою пользу: онъ воспользовался деньгами своего компаньона, но имѣніе перевелъ на свое имя. Конечно, когда Собѣщанскій узналъ объ этомъ, онъ подалъ жалобу, затѣялъ процессъ. Этотъ помѣщикъ былъ уличенъ въ подлогъ и, кромѣ того, судился даже по нѣсколькимъ уголовнымъ дѣламъ, по окончаніи которыхъ, правда, былъ сосланъ въ Сибирь на каторжныя работы, но процессъ тянулся почти 11 лѣтъ; въ это время Собѣщанскій много потерялъ, такъ какъ долженъ былъ платить большіе проценты за занятыя имъ 300 тысячъ. Наконецъ, онъ выигралъ процессъ, сенатъ утвердилъ его владѣльцемъ Староконстантинова, но въ то же самое время, по случаю польскаго возстанія, былъ объявленъ высочайшій указъ,

что полякамъ и польскимъ уроженцамъ католическаго исповѣданія запрещается покупать имѣнія въ Россіи, а въ особенности въ Западномъ краѣ. На Староконстантиновъ наложили секвестръ, хотя Собѣщанскій фактически доказалъ, что не принималъ ни малѣйшаго участія въ возстаніи и тѣмъ самымъ возбудилъ противъ себя ненависть поляковъ, которые намѣтили его подлежащимъ повѣшенію за то, что онъ не платилъ жонду денегъ и вообще не оказывалъ ему помощи. С. И. Ризничу, встрѣтившемуся съ Собѣщанскимъ въ Лембергѣ, стоило чрезвычайно много хлопотъ и труда, чтобы спасти Собѣщанскаго отъ висѣлицы, и онъ успѣлъ въ этомъ только потому, что нарядилъ Собѣщанскаго въ женское платье и подъ видомъ своей кухарки вывезъ его изъ Лемберга въ свое имѣніе. Но все это ни къ чему не привело. Собѣщанскому не платили процентовъ за внесенныя имъ 300 тысячъ, которыя однако тотчасъ же употребили на уплату долговъ графа Ржевусскаго, но ввели его во владѣніе Староконстантиновымъ и лишили его доходовъ съ этого имѣнія; а между тѣмъ, когда была наложена контрибуція на всѣ имѣнія, принадлежавшія польскимъ помѣщикамъ, Собѣщанскаго признавали владѣльцемъ Староконстантинова и взыскивали съ него ежегодную контрибуцію. Въ тотъ годъ, когда я съ нимъ познакомился, ему пришлось въ теченіе десяти дней уплатить 8.000 руб. серебромъ контрибуціи... Это просто невѣроятно, а между тѣмъ горькая истина. Само собою разумѣется, что подобными распоряженіями Собѣщанскаго совсѣмъ разорили, но при всемъ томъ съ доходовъ отъ другихъ своихъ имѣній онъ успѣлъ уплатить 200 тысячъ долгу, и когда я жилъ въ Винницѣ, онъ ожидалъ рѣшенія этого сложнаго и запутаннаго дѣла.

Тогда же я довольно близко познакомился съ помѣщикомъ Степаномъ Ивановичемъ Ризничемъ. Онъ былъ въ севастопольской кампаніи, зналъ Петра Любимовича Жерве, любилъ рассказывать эпизоды изъ своей боевой и частной жизни, благодаря чему мы съ удовольствіемъ проводили вмѣстѣ пріятные вечера.

Второй братъ Ризнича, очень красивый и довольно хорошо образованный человѣкъ, служилъ когда-то въ гусарахъ. Онъ имѣлъ много интригъ какъ въ Россіи, такъ и за границей и, прокутившись въ конецъ и потерявъ свою репутацію, уѣхалъ въ Америку, гдѣ долженъ былъ вести очень трудную жизнь. Младшій братъ Ризнича, Иванъ Ивановичъ, который служилъ въ нашемъ Обществѣ, окончилъ курсъ въ Кіевскомъ университетѣ и путешествовалъ по Европѣ. У него явилось сильное желаніе повидаться со своимъ исчезнувшимъ братомъ, и онъ также отправился въ Америку. Здѣсь онъ много претерпѣлъ. Сначала, пока у него были деньги, привезенныя съ собою, ему жилось недурно, но потомъ его положеніе стало крайне затруднительно: высылка денегъ изъ Россіи была не безпрепятственна и отнимала много времени изъ-за дальности разстоянія,

притомъ же, отыскивая брата, онъ постоянно путешествовалъ, такъ что не могъ никогда въ точности опредѣлить городъ, куда ему высылать деньги. Поэтому случались такіе дни, когда онъ долженъ былъ пропитывать себя черною поденною работою, былъ носильщикомъ, дровосѣкомъ и т. п. Наконецъ, ему удалось таки отыскать брата, который, впрочемъ, упрекалъ его за пріѣздъ и розыски въ Америкѣ. Средній братъ чрезвычайно измѣнился: изъ свѣтскаго, веселаго, беззаботнаго и легкомысленнаго человѣка онъ сдѣлался сосредоточеннымъ, угрюмымъ, молчаливымъ, недовѣрчивымъ,—видно было, что упрекъ испорченной жизни лежалъ на немъ тяжелымъ гнетомъ.

Одно время они оба особенно нуждались въ деньгахъ, но имъ все-таки нужно было ѣхать въ Филадельфію, куда, по всему вѣроятію, имъ должны были выслать деньги. На наличныя деньги они могли доѣхать только за двѣ станціи до Филадельфіи, остальной же путь до города они предполагали идти пѣшкомъ. Взявъ билеты, они получили на наши деньги 20 коп. сер. сдачи и пустились въ путь. Иванъ Ивановичъ въ первый разъ въ своей жизни находился въ такой крайности. Когда онъ съ братомъ уже подъѣзжалъ къ той станціи, съ которой они должны были сойти, одна молодая дама обратилась въ вагонъ къ публикѣ и, въ надеждѣ на ея сочувствіе и помощь, рассказала о несчастіи, постигшемъ ея семейство вслѣдствіе пожара. Подобныя выходки въ Америкѣ повторяются довольно часто и, какъ видно, не безъ успѣха. Такъ и на этотъ разъ: тотчасъ зашевелились всѣ кошельки, дама обошла пассажировъ, подошла и къ Ризничу, которому страшно стало отдать ей свои послѣднія 20 копеекъ. Онъ затруднялся, но братъ его, сидѣвшій подлѣ него въ это время и лучше его знавшій американскіе нравы, толкнулъ его слегка локтемъ и сказалъ порусски: «отдай». Тотъ отдалъ послѣднюю монету. Молодой человѣкъ, съ солиднымъ образованіемъ и съ виднымъ положеніемъ въ обществѣ, въ первый разъ стоялъ лицомъ къ лицу къ нуждѣ; ему страшно взгрустнулось, и онъ присѣлъ въ уголокъ въ большомъ раздумьѣ. Ему рисовалась перспектива идти двѣ станціи пѣшкомъ, притащиться въ совершенно ему чужой городъ, не зная, гдѣ преклонить свою бѣдную голову, какъ утолить голодъ. Братъ, не любившій разговора во время путешествія, рѣдко сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и подлѣ Ивана Ивановича усѣлся, какъ надо было полагать по наружности и по выговору, дородный нѣмецъ, который началъ было спрашивать его, но, получивъ два-три короткихъ, отрывочныхъ отвѣта, оставилъ его въ покоѣ. Однако, въ продолженіе всего пути нѣмецъ смотрѣлъ на него съ какимъ-то участіемъ и добродушнымъ соболѣзнованіемъ, а, выходя изъ вагона, сунулъ что-то Ивану Ивановичу въ руку и незамѣтно исчезъ. Ризничъ увидѣлъ у себя въ рукѣ два доллара. Стыдъ, что онъ получилъ подаваніе, и радость, что хотя на первое время онъ можетъ поддержать себя,—

были неописуемы. И дѣйствительно, эти два доллара освободили ихъ отъ грозившей нужды и послужили имъ поддержкою, пока они получили деньги, которыя имъ были высланы въ Филадельфію.

Иванъ Ивановичъ еще до встрѣчи съ братомъ принималъ участіе въ междоусобной войнѣ, свирѣпствовавшей тогда между сѣверными и южными штатами Америки изъ-за эмансипаціи негровъ. Онъ поступилъ въ военную службу волонтеромъ въ званіи простого солдата, но тоска по исчезнувшемъ братѣ заглушила боевой пылъ, и онъ бросилъ военную службу. Впрочемъ, въ послѣдствіи онъ вынужденъ былъ оставить и брата, далъ ему 300 рублей, а самъ съ остальными присланными ему тремя стами рублей пустился въ обратный путь. Иванъ и Степанъ Ризничъ и послѣ того постоянно высылали своему брату въ Америку деньги и, кромѣ того, ему помогали лица, которыя скрывали свои имена. Степанъ Ивановичъ предполагалъ, что главнымъ образомъ ему помогала ихъ сестра графиня Келлеръ, очень богатая женщина. Нѣсколько же лѣтъ спустя, они получили положительныя свѣдѣнія, что братъ ихъ въ Америкѣ умеръ.

Въ Винницѣ же я познакомился съ Ефимовичемъ, который прежде служилъ въ какомъ-то кавалерійскомъ полку, а потомъ занимался земляными работами въ Обществѣ Кіево-Балтской желѣзной дороги. Блондинъ, лѣтъ 37, красивой наружности полякъ, онъ былъ хорошо образованъ, и видно было, что много читалъ. Въ жизни его было немало приключеній, и потому съ нимъ интересно бывало побесѣдовать и послушать его рассказы. Между прочимъ, онъ рассказывалъ также о бывшемъ кіевскомъ комендантѣ, генералъ-лейтенантѣ Мусницкомъ, который былъ извѣстенъ своею ограниченностью и жестокимъ обращеніемъ съ нижними чинами, еще когда служилъ въ гвардіи. Онъ командовалъ, кажется, Измайловскимъ полкомъ и самъ хвасталъ тѣмъ, что когда спрашивали кого нибудь изъ его солдатъ, какъ бы шутя, куда бы они желали идти: къ чорту или къ Мусницкому, всегда отвѣчали: «лучше къ чорту!»

Мусницкій былъ католикомъ, и когда вспыхнулъ первый польскій мятежъ, для усмиренія котораго гвардія должна была выступить въ походъ, въ Бозѣ почившій императоръ Николай предоставилъ право всѣмъ полякамъ и католикамъ выходить изъ полковъ или въ отставку или переходить въ тѣ полки, которые не выступали въ Польшу. Однако Мусницкій остался въ полку и по собственной просьбѣ, по ходатайству начальства и съ разрѣшенія государя, выступилъ въ походъ. Уже на старости лѣтъ, когда Мусницкій былъ комендантомъ въ Кіевѣ, онъ пожелалъ принять православіе, но до того, какъ было получено высочайшее соизволеніе и былъ назначенъ день крещенія, Мусницкаго поразилъ апоплексическій ударъ. По собственному желанію, уже на смертномъ одрѣ, онъ принялъ причастіе, какъ православный, но миропомазать его не успѣли, такъ какъ онъ скончался. Поэтому возникъ вопросъ, какъ

хоронить его—по католическому или по православному обряду; телеграфировали въ Петербургъ, и было получено разрѣшеніе хоронить его по обряду православному.

Ефимовичъ служилъ въ полку, который стоялъ въ Москвѣ, женился тамъ, и ровно черезъ три недѣли послѣ свадьбы, въ одинъ прекрасный день, его схватили, съ конвоемъ привезли въ Кіевъ и посадили въ крѣпость. Онъ не зналъ за собою никакой вины, ни въ какихъ сношеніяхъ съ поляками не былъ и даже на польское возстаніе смотрѣлъ, какъ на сумасбродство отдѣльныхъ честолюбцевъ, которые съ помощью ксендзовъ силою и угрозою и разными обольщеніями возбуждали къ возстанію простой народъ. Ефимовичъ предполагалъ, что его заключили по какому либо подозрѣнію, такъ какъ его родной братъ, докторъ, попался въ числѣ мятежниковъ. Какая-то паненка, вѣроятно, со злости, что другой братъ служить въ рядахъ русскаго войска и не поддается ни на какія приманки и убѣжденія, написала анонимное письмо, благодаря которому его и схватили. Онъ просидѣлъ три дня и, теряя терпѣніе, чрезъ плацъ-адъютанта попросилъ къ себѣ коменданта. Пришелъ Мусницкій, котораго Ефимовичъ просилъ объяснить, за что его держатъ въ заключеніи. Но комендантъ отвѣтилъ, что, къ крайнему своему сожалѣнію, никакого отвѣта дать ему не можетъ, такъ какъ самъ о немъ и объ его винѣ положительно ничего не знаетъ, а получилъ только формальное предписаніе содержать его арестованнымъ въ крѣпости. Жена Ефимовича телеграфировала по начальству и получила лаконическій отвѣтъ, что ея мужъ живъ и находится въ крѣпости въ Кіевѣ. Тогда она пріѣхала въ Кіевъ, но генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Анненковъ отказалъ ей въ свиданіи съ мужемъ. Между тѣмъ Ефимовичъ, по представленію начальства, за отличную службу получилъ награду—орденъ св. Анны 3-й степени, конечно, до его ареста. Комендантъ самъ принесъ ему приказъ о наградѣ; Ефимовичъ очень хладнокровно прочелъ приказъ и отложилъ его въ сторону. Мусницкій удивился и ушелъ. Въ то же время о заключенномъ производилось слѣдствіе, которое совершенно оправдало его, такъ какъ по всѣмъ справкамъ и отзывамъ начальства и сослуживцевъ его нельзя было обвинить ни въ чемъ. Ефимовича продержали два мѣсяца въ крѣпости и наконецъ освободили.

Между тѣмъ мои дѣла складывались такъ, что въ Винницѣ мнѣ положительно нечего было дѣлать; къ тому же Фильсѣль, по своему беспокойному характеру, вѣчно уѣзжалъ то туда, то сюда, и видѣться съ нимъ совсѣмъ не приходилось. Ризничъ и Собѣщанскій собирались въ Кіевъ, Стороженко также долженъ былъ съѣздить туда по семейному дѣлу, и я рѣшилъ прокатиться вмѣстѣ съ ними. По пріѣздѣ въ Кіевъ я явился генераль-губернатору Безаку. Это былъ пріемный день, и я засталъ у него множество разныхъ лицъ. Адъютантъ доложилъ обо мнѣ, и когда

изъ кабинета генераль-губернатора вышелъ какой-то господинъ, находившійся тамъ, Безакъ тотчасъ пригласилъ меня войти. Противъ обыкновенія, на этотъ разъ онъ былъ очень ласковъ, посадилъ меня подлѣ себя и сталъ разспрашивать о нашемъ Обществѣ; онъ въ особенности настойчиво допытывался, какого я мнѣнія о Фильсѣ и, главное, какъ я смотрю на его администрацію и вообще на ходъ работъ. Я былъ остороженъ, но тѣмъ не менѣе не считалъ нужнымъ скрывать отъ Безака своего взгляда на дѣло, тѣмъ болѣе, что и самому Фильсѣю я прямо говорилъ, если находилъ что либо предосудительное въ его распоряженіяхъ. Безакъ согласился почти со всѣми моими воззрѣніями и если дѣлалъ возраженія, то только для того, чтобы болѣе уяснить себѣ предметъ, о которомъ я говорилъ. Бесѣда продолжалась болѣе двадцати минутъ, послѣ чего я раскланялся съ нимъ и ушелъ.

Я пробылъ въ Кіевѣ недѣли полторы. Предъ самымъ отъѣздомъ ко мнѣ явились рабочіе изъ числа тѣхъ, которыхъ я вернулъ изъ бѣговъ въ Житомирѣ, и жаловались, что выданныя имъ мною деньги безвозмездно на покупку одежды и обуви считаютъ долгомъ за ними и, кромѣ того, притѣсняють ихъ въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Мнѣ было очень непріятно, что данныя мною рабочимъ обѣщанія не были исполнены, и я немедленно написалъ Вандермейлеру довольно энергичное письмо, ссылаясь на полномочія, данныя мнѣ Фильсѣмъ, и на его личное одобреніе моихъ распоряженій. Хотя Вандермейлеръ въ своемъ отвѣтѣ мнѣ указывалъ на то, что рабочіе показывали дурной примѣръ другимъ и потому не заслуживали поощренія, однако, въ концѣ концовъ, обѣщалъ удовлетворить всѣ мои требованія въ пользу рабочихъ, что дѣйствительно было исполнено впоследствии.

Въ Винницѣ я оставался до 20-го ноября, когда работы этого сезона окончились совершенно, люди были рассчитаны и отпущены, и я самъ получилъ возможность уѣхать въ Петербургъ, гдѣ ждала меня семья послѣ долгой разлуки. Впрочемъ, по дорогѣ въ Петербургъ я застрялъ еще въ Кіевѣ, гдѣ болѣе трехъ недѣль пришлось ждать пріѣзда Фильсѣя, съ которымъ мнѣ необходимо было видѣться по случаю прекращенія работъ до слѣдующей весны. Но неаккуратный французъ и на этотъ разъ остался вѣренъ себѣ, и я не могъ дождаться его, такъ какъ къ рождественскимъ праздникамъ рѣшилъ непремѣнно быть дома; къ тому же онъ извѣстилъ, что самъ пріѣдетъ въ Петербургъ.

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ декабря я пріѣхалъ въ Петербургъ и вздохнулъ свободно въ своемъ гнѣздѣ послѣ долгой и, съ непривычки, тяжелой разлуки съ близкими родными и друзьями.

Четыре съ половиною мѣсяца я пробылъ въ Петербургѣ и былъ счастливъ, что могъ отдохнуть въ кругу моихъ дорогихъ родныхъ.

Шумъ столицы почти не доходилъ до нашего семейнаго очага, такъ какъ большую часть времени я проводилъ дома съ женою и съ сыномъ Владиміромъ, или посѣщалъ другого сына и замужнюю дочь, которые также въ то время жили въ Петербургѣ и часто навѣщали меня. Общественными развлеченіями я какъ-то мало пользовался, не считая собраний въ домахъ родныхъ и изрѣдка посѣщеній театровъ; только одинъ разъ, въ началѣ января, мнѣ пришлось быть въ большомъ свѣтѣ—на балу въ Зимнемъ дворцѣ.

Придворные балы всегда славятся и привлекаютъ своею роскошью, многолюдствомъ и разнообразіемъ, и мнѣ захотѣлось воспользоваться случаемъ развлечь себя въ столь блестящей обстановкѣ. На балы подъѣзжаютъ обыкновенно съ Салтыковского подъѣзда, перваго отъ праваго угла фасада со стороны набережной Невы. Великолѣпная широкая лѣстница вся устлана широкимъ, аршина въ три, мягкимъ красивымъ ковромъ и освѣщена прекрасно. Она ведетъ въ довольно длинный коридоръ, въ которомъ разставлены въ большихъ кадкахъ лимонныя, померанцевыя и апельсинныя деревья, всевозможныя пальмы и проч. Этотъ свѣтлый коридоръ какъ бы состоитъ изъ арокъ, аршина въ четыре ширины, и въ каждой изъ нихъ, по обѣ стороны, стоятъ придворные лакеи. Всѣ они въ красныхъ ливреяхъ, обшитыхъ въ нѣсколько рядовъ позументами съ черными орлами, въ красныхъ суконныхъ жилетахъ и въ красныхъ же плисовыхъ короткихъ панталонахъ, въ шелковыхъ бѣлыхъ чулкахъ и лакированныхъ съ серебряными пряжками башмакахъ. Въ перемежку съ ними стоятъ егеря придворнаго вѣдомства въ своихъ зеленыхъ съ золотыми позументами костюмахъ и въ большихъ лакированныхъ ботфортахъ со шпорами; на черной лакированной перевязи, съ большою позолоченною пряжкой впереди, виситъ охотничій ножъ; въ рукахъ у каждаго изъ нихъ треугольная шляпа съ петлицею и зеленымъ пѣтушымъ султаномъ. За ними нѣсколько человекъ скороходовъ въ такой же почти формѣ какъ и придворные лакеи, но въ особомъ головномъ уборѣ въ видѣ кепи съ краснымъ треугольнымъ впереди заворотомъ, обшитымъ неширокимъ галуномъ, съ золотымъ орломъ посреди и съ плюмажемъ изъ черныхъ страусовыхъ перьевъ. Скороходы всегда по всему дворцу, даже въ присутствіи царской фамиліи, ходятъ съ покрытыми головами. Эта шпалера придворной прислуги, симметрично разставленной—лакеи, егеря, скороходы и т. д., продолжается почти до самаго входа въ Николаевскій залъ. По величинѣ, такого зала, какъ Николаевскій, говорятъ, нѣтъ ни въ одномъ дворцѣ всей Европы. И дѣйствительно, за исключеніемъ лицъ, близкихъ къ царской фамиліи, всѣ остальные приглашенные, дамы и кавалеры, въ этомъ залѣ собираются въ числѣ часто до 2.000 человекъ—и не тѣсно. Освѣщеніе здѣсь великолѣпное: 8 огромныхъ люстръ и вся колоннада по обѣимъ сторонамъ зала обвита бронзовыми вѣнками, между ко-

торыми сплошь сверху до низу вставлены свѣчи; однимъ словомъ, освѣщеніе въ полномъ смыслѣ «а djiorno». Эстрада, красиво убранная зеленью, цвѣтами и экзотическими растеніями, занята хоромъ превосходной бальной музыки, подъ управленіемъ Лядова. Во время баловъ дирижеръ Лядовъ и всѣ музыканты всегда одѣты въ особый костюмъ. У двери въ первую гостиную стоятъ парные часовые, два дворцовыхъ гренадера въ полной парадной формѣ, облитые золотомъ, въ своихъ громадныхъ медвѣжьихъ шапкахъ; а по другой сторонѣ двери стоятъ два негра въ богатыхъ костюмахъ и въ чалмахъ. При входѣ въ залъ, по правую руку стоятъ длиннѣйшій покрытый скатертью столъ—открытый буфетъ. Здѣсь предлагается чай, фрукты, конфекты, сельтерская вода, разнаго рода лимонадъ и оршадъ и пр.; шампанскаго сколько угодно.

Балъ начинается почти всегда въ 10 часовъ, но стѣзжаются съ 9-ти. Когда растворяются двери изъ гостиной, оттуда выходятъ два гофмаршала въ шитыхъ золотомъ мундирахъ; въ рукахъ у нихъ длинныя трости съ большими набалдачниками изъ слоновой кости. Предъ ними образуется свободный проходъ, музыканты начинаютъ играть польскій, обыкновенно изъ оперы «Жизнь за Царя», и появляются блестящія пары полонеза. Государь никогда не выступаетъ въ первой парѣ, и на этотъ разъ впереди шла императрица съ княземъ Василиемъ Андреевичемъ Долгоруковымъ, бывшимъ военнымъ министромъ, а впослѣдствіи шефомъ жандармовъ и главноуправляющимъ III Отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи. Князь Долгоруковъ отказался отъ этого поста послѣ покушенія Каракозова, откровенно доложивъ государю, что не считаетъ себя способнымъ занимать этотъ важный постъ. Государь всемилостивѣйше уволилъ его отъ этой должности и назначилъ его оберъ-камергеромъ двора его величества, оставивъ его притомъ же въ званіи генераль-адъютанта. Такимъ образомъ, князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ при генераль-адъютантскомъ мундирѣ носилъ брилліантами осыпанный ключъ и двѣ кисточки изъ брилліантовыхъ нитокъ на андреевской лентѣ. Во второй парѣ шествовалъ государь съ великою княгинею Маріею Николаевною, за ними поочередно всѣ прочіе члены царской фамилии, иностранные принцы и посланники, наша фешенебельная аристократія и заслуженные старики. Полонезъ продолжается обыкновенно съ полчаса и даже болѣе, потому что государь отъ времени до времени выбираетъ то ту, то другую изъ присутствующихъ дамъ, женъ иностранныхъ министровъ и пословъ, или русскихъ близкихъ къ престолу аристократическихъ семействъ. Какъ только польскій кончается, начинаютъ другіе танцы, которыми всегда дирижируетъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій. Молодежь танцуетъ безъ всякой женировки со знакомыми дамами, а также съ великими княгинями, но съ послѣдними лишь по ихъ личному выбору. Направо изъ большой залы идетъ длинная, довольно

узкая, въ видѣ коридора, комната, въ которой устроены два богатыхъ буфета. Изъ этого коридора первая дверь направо ведетъ въ большую гостиную. Я вошелъ туда. Здѣсь собрались около пятнадцати дамъ, которыя представлялись императрицѣ по разнымъ случаямъ. Въ числѣ ихъ была Софья Карловна Ротъ. Императрица была одѣта чрезвычайно эффектно: на ней было пышное, легкое бѣлое платье съ большимъ количествомъ бантовъ, а на каждомъ бантѣ была прикрѣплена прекрасно сдѣланная золотая бабочка, осыпанная брилліантами и рубинами. Поясъ былъ сплошной брилліантовый; на головѣ изъ крупныхъ брилліантовъ очень изящной работы діадема, а на шеѣ такое же ожерелье, средній брилліантъ котораго около $\frac{3}{4}$ вершка, а остальные уменьшаются въ обѣ стороны, кончаясь полудюймовыми брилліантами. Пониже брилліантоваго ожерелья висѣли огромные жемчуги въ видѣ грушъ. Цесаревна Дагмара была почти въ такомъ же нарядѣ, но брилліантовые украшенія на ней были нѣсколько меньшихъ размѣровъ, поясъ поуже. Великая княгиня Александра Іосифовна, еще весьма красивая и видная, была также одѣта съ большимъ вкусомъ и весьма богато. Не видно было на балу ни одного фрака, такъ какъ всѣ гражданскіе чины были въ шитыхъ мундирахъ; военные же въ полковыхъ—мѣстамъ и лицамъ присвоенныхъ мундирахъ, что придавало всему балу чрезвычайно красивый, пышный и разнообразный видъ.

Изъ гостиной я вошелъ въ смежную комнату. Тамъ было разставлено нѣсколько карточныхъ столовъ, изъ которыхъ многіе были заняты играющими. За однимъ столомъ я засталъ княгиню Елизавету Александровну Барятинскую въ партіи съ княземъ Борисомъ Владиміровичемъ Голицынымъ. Я раскланялся съ ними, мы поговорили нѣсколько времени, и я отправился въ дамскій буфетъ. Посреди огромной круглой комнаты стоялъ большой столъ, за которымъ сидѣли дамы; нѣкоторыя изъ нихъ пили чай, другія кушали мороженое, фрукты, конфеты. Здѣсь я нашелъ многихъ знакомыхъ дамъ: генеральшъ Веригину и Герштенцвейгъ, графиню Гейденъ, баронессу Ливенъ съ дочерью, Елену Павловну Захаржевскую, гофмейстерину двора ея высочества Маріи Николаевны, и другихъ. Я подсѣлъ къ дамамъ, мы разговорились, и бесѣда наша приняла очень оживленный и веселый характеръ. Было довольно жарко, и мнѣ захотѣлось пить. Я всталъ, подошелъ къ буфету и приказалъ подать себѣ сельтерской воды. Въ это время къ тому же буфету подошелъ государь наслѣдникъ, остановился возлѣ меня и спросилъ:

— Что, генераль, жарко?

— Точно такъ, ваше императорское высочество.

— Вѣрно, напиться пришли. И я тоже. Подайте сельтерской воды и два стакана,—обратился наслѣдникъ къ лакею.

Подали сельтерскую воду, и наслѣдникъ показалъ рукою, чтобы я первымъ взялъ стаканъ. Но я отклонилъ отъ себя эту честь, и великій

князь взялъ стаканъ. Когда мы кончили пить, онъ поклонился мнѣ и ушелъ. И все это такъ просто, безъ всякаго этикета, что, право, въ умиленіе приходишь отъ такой привѣтливости царской фамиліи.

Я опять вошелъ въ большую залу и любовался танцами, въ особенности цесаревною Дагмарою: она такъ просто, такъ привѣтливо и притомъ такъ граціозно обходилась со всѣми, что я съ особеннымъ удовольствіемъ долго смотрѣлъ на нее. Очень близко за мною стоялъ французскій посланникъ, генераль Флѣри, и, видимо, также любовался избраннымъ обществомъ. Въ это время къ нему подошелъ нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, канцлеръ князь Горчаковъ, и генераль Флѣри сказалъ ему:

— Voilà une soirée qu'on peut faire voir et à ses amis et à ses ennemis ¹⁾!

Въ 12 часовъ, государь повелъ императрицу къ ужину, мы послѣдовали за ними и съ Меликовымъ ²⁾ и Володей ³⁾ сѣли за большой столъ въ той же комнатѣ, гдѣ стоялъ столъ для царской фамиліи. Государь обходилъ всѣ столы, за которыми ужинали его гости. Ужинъ, конечно, былъ прекрасный и состоялъ изъ пяти блюдъ; шампанскимъ угощали вдоволь.

Послѣ ужина государь и императрица обыкновенно уходятъ въ свои покои, но балъ еще продолжается, молодежь танцуетъ, сколько душѣ угодно; продолжаютъ подавать чай, кофе, шоколадъ, что кому угодно. Этотъ балъ, какъ говорили послѣ, продолжался до 5 часовъ утра, но я не оставался такъ долго и вскорѣ послѣ ужина возвратился домой.

Незамѣтно подошла весна, а съ нею настало время дальнѣйшихъ работъ на Кіево-Балтской желѣзной дорогѣ. Фильель извѣстилъ меня, что мнѣ снова предоставляется служба въ ихъ Обществѣ, и что въ маѣ мнѣ придется выѣхать на мѣсто работъ. Опять приготовился я къ долгой разлукѣ съ семьей, опять собрались проводить меня родные, и я выѣхалъ изъ Петербурга 10 мая 1868 года. У меня нашелся попутчикъ, служившій въ нашемъ Обществѣ докторъ Рибуръ, который дѣлилъ со мною грустныя впечатлѣнія шестидневнаго томительнаго пути до Меджибожа. Только до Бѣлостока мы ѣхали по желѣзной дорогѣ, а уже отсюда пришлось ѣхать на лошадахъ. Мѣстами дорога была прескверная, а около Брестъ-Литовска намъ пришлось ѣхать по такимъ пескамъ, что, несмотря на легкость дорожной коляски, намъ запрягали восемь лошадей, хотя мы платили только за шесть.

Къ сожалѣнію, въ противоположность предыдущему году, мнѣ

¹⁾ Вотъ вечеръ, какой можно пожелать видѣть и другу и недругу.

²⁾ М. М. Лорисъ-Меликовъ, полковникъ л.-гв. Павловскаго полка, впоследствии печально убитый офицеромъ того же полка. См. о немъ гл. XIV. В. Ж.

³⁾ Владиміръ Константиновичъ Жерве, сынъ дѣда. В. Ж.

очень долго приходилось оставаться безъ дѣла. Я поселился въ Меджибожѣ, гдѣ поджидалъ Фильсю, отъ котораго надѣялся получить какую нибудь инструкцію относительно моихъ будущихъ обязанностей, но безпокойный директоръ былъ попрежнему неуловимъ для всѣхъ: въ Меджибожѣ его никто не видѣлъ, даже въ Кіевѣ никогда нельзя было предугадать его пріѣздъ, онъ постоянно былъ въ разъѣздахъ. Мнѣ не могло нравиться такое бездѣйствіе, и я положительно тосковалъ безъ занятій; кромѣ того, мнѣ было просто неловко предъ самимъ собою, такъ какъ дѣла я не дѣлалъ, а содержаніе все-таки получалъ полностью (въ мѣсяцъ 266 рублей съ копейками). Наконецъ, мнѣ надоѣло такое непріятное положеніе, и я рѣшилъ официальнымъ письмомъ напомнить Фильсю о себѣ. Но и это не помогло: отвѣта не было.

Въ частной жизни я устроился въ Меджибожѣ, въ сущности, недурно. У меня была небольшая квартирка съ балкономъ, на которомъ я могъ съ удовольствіемъ по утрамъ пить кофе, заниматься чтеніемъ, отъ скуки даже переводами статей изъ нѣмецкихъ журналовъ и любоваться прекраснымъ видомъ на Бугъ и его берега, видѣвшіеся вдали. Я получалъ газеты и журналы, велъ переписку съ женой и родными, почти ежедневно гулялъ по мѣстечку и его окрестностямъ, чему такъ благопріятствовала прекрасная южная погода. Кромѣ другихъ моихъ сослуживцевъ по Кіево-Балтской желѣзной дорогѣ, въ Меджибожѣ жилъ путей сообщенія подполковникъ Павловскій; мы были близкими сосѣдями и часто видѣлись другъ съ другомъ. Здѣсь же я хорошо познакомился съ инженернымъ капитаномъ Череповымъ, очень хорошимъ человѣкомъ, и близко сошелся съ семействомъ полковника Дедюлина, командира Стародубовскаго драгунскаго полка, который и годъ тому назадъ стоялъ тамъ же. Это оказались премилые люди, пользовавшіеся общимъ расположеніемъ полка, а также другихъ обитателей скромнаго мѣстечка. У нихъ часто собиралось довольно большое общество, устраивались танцы, спектакли, пикники и проч.

Въ 8-ми верстахъ отъ Меджибожа жилъ въ то время старикъ графъ Лидерсъ, тотъ самый, который во время турецкой кампаніи въ 1828 году командовалъ полкомъ и изъ полковниковъ былъ разжалованъ въ рядовые за растрату казенныхъ суммъ. Но покойный государь Николай Павловичъ зналъ, что Лидерсъ храбрый и дѣльный офицеръ и зналъ также, что онъ взялъ на себя вину, чтобы только спасти своего казначея, и потому чрезъ сутки Лидерсу былъ возвращенъ чинъ полковника, и онъ опять былъ назначенъ командиромъ полка. Послѣ этого онъ быстро возвысился. Въ той же турецкой кампаніи онъ былъ произведенъ въ генералы, отличился во время усмиренія польскаго возстанія 1831 года и въ венгерской кампаніи, въ 1866 году, уже полнымъ генераломъ, генераль-адъютантомъ и графомъ былъ назначенъ намѣстникомъ царства Польскаго.

Живя въ Варшавѣ, онъ гулялъ однажды въ саду Лазенковского дворца и въ это время какимъ-то негодяемъ-полякомъ былъ раненъ пулею въ затылокъ. Онъ вынужденъ былъ оставить Варшаву и поѣхалъ лѣчиться въ свое имѣніе подлѣ Меджибожа. Это — огромное, вполне благоустроенное и прекрасно содержимое помѣстье, въ которомъ графъ Лидерсъ царькомъ жилъ со своимъ семействомъ.

Въ Меджибожѣ онъ почти не показывался, а потому я оказался здѣсь старшимъ представителемъ военной власти. Конечно, я былъ весьма далекъ отъ мысли играть какую нибудь роль, тѣмъ болѣе передъ строемъ войска, но полковникъ Дедюлинъ самъ относился ко мнѣ всегда съ особеннымъ почтеніемъ: напримѣръ, 22-го іюля, въ день тезоименитства государыни императрицы, онъ просилъ меня принять парадъ. Я отказывался, ссылаясь на то, что я вовсе не строевой генералъ, но онъ все-таки убѣдилъ меня согласиться, увѣряя, что это необходимо для войска. Въ августѣ лагерь оживился, такъ какъ прибыли другіе полки, съѣхалось начальство, начались смотры, маневры и проч. Здѣсь собиралась 33-я пѣхотная дивизія подъ начальствомъ Николая Михайловича Хитрово, моего стараго знакомаго.

15-го августа, я былъ приглашенъ на полковой праздникъ Стародубовскаго драгунскаго полка. Къ сожалѣнію, дождь нѣсколько помѣшалъ полному блеску парада, поэтому празднованіе, главнымъ образомъ, сосредоточилось въ офицерскомъ собраніи. Къ столу собралось около 70 лицъ, и, кромѣ офицеровъ полка, были также нѣкоторые постороннія лица. Хитрово и меня посадили на почетныя мѣста; противъ насъ сидѣла м-мъ Дедюлина съ дочерьми и полковья, а также нѣкоторые постороннія дамы. Обѣдъ былъ очень хорошъ, приготовленъ отлично и столъ былъ убранъ довольно богато. Послѣ обычныхъ тостовъ за царя и шефа полка принца Ольденбургскаго, послѣ гимна, повтореннаго два раза, Хитрово сказалъ: «надо выпить за здоровье полка и полковаго командира», но безъ всякихъ спичей, безъ привѣтствій. Все кончилось крикомъ «ура», шумомъ, тушемъ и больше ничего. Поэтому я рѣшился сказать хоть нѣсколько словъ привѣтствія полковому командиру, и когда Хитрово провозгласилъ тостъ за здоровье полка и его командира, я всталъ и попросилъ сказать нѣсколько словъ.

«Мы всѣ, столкнувшіеся здѣсь со всѣхъ концовъ нашей матушки-Россіи, — сказалъ я, — нечаянно-негаданно нашли здѣсь, въ этомъ отдаленномъ, глухомъ мѣстечкѣ, гостепріимный привѣтъ и радушный пріемъ въ средѣ славнаго драгунскаго полка. Здѣсь проявляется стезя, по которой опредѣлено пройти русскому современному человѣку, виденъ трудовой путь, по которому проходить нашъ почтенный, радушный хозяинъ Александръ Яковлевичъ, съ честью исполняя свой долгъ и преданный государю и отечеству безпредѣльно. Гдѣ искренній привѣтъ встрѣчаетъ истинное достоин-

ство, тамъ бѣдны слова для выраженія всѣхъ теплыхъ чувствъ, а потому намъ остается только поблагодарить отъ искренней души всѣхъ нашихъ милыхъ хозяевъ и главу — Александра Яковлевича, пожелать ему и его почтенному семейству благоденствія, исполненія всѣхъ его желаній и радость въ цвѣтущемъ его поколѣннѣ. Кто сочувствуетъ моему привѣту, пусть подыметъ свой бокалъ и выпьетъ за здоровье уважаемаго Александра Яковлевича и его полковой семьи и воскликнетъ наше вѣковое, знаменательное русское ура!»

Какъ видно было, мой привѣтъ произвелъ на всѣхъ пріятное впечатлѣніе: офицеры очень тепло благодарили меня, а Дедюлинъ былъ очень тронутъ и, обнимая меня, выражалъ мнѣ свою искреннюю признательность; Наталья Николаевна Дедюлина послѣ обѣда также очень благодарила меня. Когда нѣсколько времени спустя дамы разѣхались, Дедюлинъ и офицеры полка, подъ звуки музыки, продолжали еще кутить, пѣть и плясать, какъ это всегда водится среди молодежи. Надо отдать полную справедливость гг. офицерамъ Стародубовскаго драгунскаго полка, что они всегда держали себя достойно, гдѣ бы ни были они: въ большомъ ли обществѣ, въ своемъ ли товарищескомъ кругу, всегда они оставались въ границахъ приличія, и потому я съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ихъ веселье. Вообще за все то время, которое я прожилъ въ Меджибожѣ, не случилось съ ними ни одной исторіи, никогда не слышно было ни малѣйшей жалобы на нихъ, напротивъ, всѣ ихъ хвалили, всѣ были ими очень довольны. Правда, всѣ офицеры любили своего полковаго командира безъ души, и чтобы не огорчать его, никто изъ нихъ никогда не рѣшился бы сдѣлать что нибудь ему непріятное.

Въ концѣ августа, въ Меджибожѣ пріѣзжалъ генераль-лейтенантъ Козляиновъ, помощникъ генерала Безака, и дѣлалъ смотръ собравшемуся отряду. Онъ остался очень доволенъ войсками, въ особенности драгунами Дедюлина, который къ тому же 30-го августа былъ произведенъ въ генераль-майоры съ назначеніемъ помощникомъ начальника какой-то кавалерійской дивизіи. Эта вѣсть была встрѣчена обществомъ съ большою радостью, и всѣ отъ души поздравляли его. Черезъ нѣсколько дней послѣ того въ Меджибожѣ былъ устроенъ концертъ. Дедюлинъ съ семействомъ также собирался туда. Узнавъ объ этомъ, Н. М. Хитрово просилъ меня послать Дедюлину мои эпoletы, чтобы онъ могъ уже генераломъ явиться въ общество. Я съ удовольствіемъ исполнилъ просьбу Хитрово, что, видимо, было очень пріятно молодому генералу и его семейству.

Въ половинѣ сентября, отъ управляющаго винницкою конторою нашего Общества г. Буске я получилъ письмо, которымъ онъ извѣстилъ, что моя должность съ 1-го октября слѣдующаго (1869) года упраздняется, но если я желаю, то мнѣ предоставляется право

оставаться еще на службѣ Обществу до окончанія срока моего контракта (значить, еще полтора года); если же я захочу быть свободнымъ теперь же, то Общество предлагаетъ мнѣ полугодовое содержаніе, т.-е. 1.600 рублей. Это меня крайне удивило. Когда я встрѣтилъ А. А. Гreve, служившаго въ конторѣ Ризнича и Собѣщанскаго по подрядамъ на Кіево-Балтской желѣзной дорогѣ, я сообщилъ ему о полученномъ мною письмѣ; тотъ прямо сказалъ, что все это Общество, кажется, составлено изъ мошенниковъ, и самый главный мошенникъ и плутъ—самъ г. Фильель, который не стѣсняется никакими правилами чести и обязанностью держать свое слово. Дѣло въ томъ, что, по смыслу моего контракта съ Обществомъ, оно обязано было мнѣ выдать годовое содержаніе впередъ, если мои услуги обществу будутъ болѣе не нужны. Однако въ этомъ случаѣ Фильель употребилъ хитрость: онъ не уволилъ меня, а предоставилъ моей доброй волѣ оставаться въ Обществѣ. Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ не предлагали дѣла на будущее время, то, конечно, пріятнѣе было бы тотчасъ оставить службу въ Обществѣ, хотя, съ другой стороны, я лишился при этомъ 1.600 рублей. Чтобы разъяснить это дѣло, я рѣшилъ съѣздить къ Фильелю въ Винницу. Онъ жилъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ м. Стрижевкѣ, гдѣ принималъ всѣхъ, кто имѣлъ къ нему дѣло. Когда я пріѣхалъ къ нему, оказалось, что его пріемный часъ уже кончился, а по заведенному у него въ домѣ порядку, никто не смѣлъ докладывать ему о чемъ бы то ни было, когда онъ послѣ завтрака отправлялся на половину своей *bien-aimée m-me Mathilde*. Мнѣ оставалось только запискою извѣстить его о томъ, что я нарочно пріѣхалъ изъ Меджибожа благодарить его за предоставленную мнѣ возможность продолжать службу въ Обществѣ, и что если онъ желаетъ видѣть меня у себя, то я буду ожидать его приглашенія до 4 часовъ слѣдующаго дня; если же отвѣта отъ него не послѣдуетъ, то безъ приглашенія я къ нему не поѣду. На другой день отвѣта отъ Фильеля я не получилъ. Вѣроятно, ему совѣстно было видѣть меня и хотя я скрылъ настоящую причину моей поѣздки къ нему, онъ догадался, очевидно, что безъ уступокъ въ мою пользу отдѣлаться нельзя, и предпочелъ молчать. Не получивъ отвѣта отъ Фильеля, я возвратился въ Меджибожь и написалъ отвѣтъ Буске, которому сообщилъ, что еще съ 12-го іюля предыдущаго года, по точному приказанію, которое я получилъ отъ Фильеля, моя должность инспектора рабочей силы не существуетъ болѣе, такъ какъ съ этого дня я не дѣйствовалъ уже въ качествѣ инспектора; поэтому извѣщать объ упраздненіи должности, которая не существуетъ уже болѣе года,—по меньшей мѣрѣ неосновательно.

Вскорѣ послѣ этого, Павловскій увѣдомилъ меня, что Фильель предполагалъ черезъ два дня выѣхать изъ Стрижевки, и потому, не надѣясь на аккуратность отвѣта отъ Буске, я написалъ самому

Фильёлю. Пришлось напомнить ему, что письмомъ отъ 15 апрѣля предыдущаго (1867) года Общество предложило мнѣ мѣсто инспектора рабочей сѣмы съ содержаніемъ въ 3.200 рублей сер. въ годъ и на срокъ 3 лѣтъ; въ то же время оно сохраняло за собою право уволить меня, предупѣдивъ за годъ о томъ. Я сообщилъ ему о полученномъ мною, по его указанію, письмѣ отъ Буске, который извѣстилъ меня объ упраздненіи моей должности съ 1 октября 1869 года, не извѣщая однако о томъ, уволенъ ли я съ 1 октября 1868 года или долженъ служить Обществу еще годъ. Я писалъ Фильёлю, что согласно контракту, выданному мнѣ самимъ же Обществомъ, мнѣ слѣдуетъ теперь получить полное годовое содержаніе, если моя должность упраздняется; въ противномъ же случаѣ, я долженъ остаться на службѣ въ Обществѣ, согласно условіямъ контракта. Просилъ его прислать мнѣ отвѣтъ, который согласился ждать до 15 октября (я писалъ ему 30 сентября), и предупредилъ его, что послѣ этого дня, по примѣру прошлаго года, уѣду въ Петербургъ. Чтобы это письмо во-время было получено Фильёлемъ, я послалъ его со своимъ человѣкомъ въ Лetichevъ, откуда приказалъ съ эстафетою доставить его въ винницкую контору. Но прошло двѣ недѣли, а отвѣта отъ Фильёля никакого. Тогда ужъ я рѣшилъ написать ему еще одно, послѣднее письмо.

«Monsieur! Vous m'avez fait avertir par une lettre de M. Bousquet, que ma position que j'occupais dans notre Société expirera dès le 1 octobre 1869. Vous comme moi nous savons très bien que cette position a cessé d'exister dès le 13 juillet 1867 par votre ordre précis que j'ai reçu alors à Prosskouroff et dès ce temps j'ai cessé d'agir comme inspecteur des chantiers. M'annoncer l'expiration après une année d'une charge alors quand elle n'existe plus depuis quatorze mois est un nonsens et n'a aucun fondement.

«Dans tout cela je vois malheureusement rien que des chicanes et votre intention pas trop louable. Vous n'avez pas eu le courage de finir avec moi loyalement et franchement, vous avez eu besoin des détours pour ne pas suivre le sens clair de mon contract.

«Croyez moi, monsieur, que cette malveillance de votre part m'a donné un chagrin profond. Pourquoi suis-je si malheureux de me tromper toujours dans mes sympathies? J'avais une si haute opinion de vous, j'avais une si grande confiance dans la probité de vos maximes,—faut-il que je me désenchante à présent pour une paye mesquine, un rien pour la Société? C'est dur.

«Il me faut absolument une réponse décidée de vous, monsieur, dois je rester ici? Pourrais-je partir jusqu'au printemps à Petersbourg? Pourrais-je recevoir là bas mes appointements? De votre réponse sur ces sujets dépendront mes dispositions à faire.

«Je ne sais pas si vous appréciez profondément les convenances et si c'est assez clair pour vous, que votre silence sur mes lettres est

choquant, il surpasse les limites de la bienséance et de l'estime réciproque! Je n'ose pas supposer que ces sentimens délicats vous manquent... Mais c'est possible que le poids de vos occupations les a, du moins en partie, meurtris...

«Veuillez agréer, monsieur, l'assurance de ma haute considération» ¹⁾.

Вѣжливѣ этого выругать челоуѣка и назвать его просто подлецомъ—трудно. Отправляя это письмо, я надѣялся, что Фильель отвѣтитъ мнѣ, или, въ противномъ случаѣ, подтвердить то нелестное мнѣніе, какое я составилъ себѣ о немъ. Прошла еще недѣля, но и послѣднее письмо осталось безъ отвѣта. Пришлось отправиться въ контору и просить лично Буске объяснить причину этого молчанія. Тотъ сказалъ, что въ виду моего желанія придерживаться условій контракта, контора не отвѣчала, предоставивъ моей доброй волѣ оставаться на службѣ въ Обществѣ и получать полное годовое содержаніе. Когда же я спросилъ его, какія условія Общество можетъ мнѣ предложить въ случаѣ моего желанія расчитаться съ нимъ теперь же, Буске отвѣтилъ, что уполномоченъ предложить мнѣ половинное содержаніе (1.600 р. сер.) и 100 р. на дорогу. Ясно было видно, что Общество старалось не выполнить условій контракта, и потому я рѣшилъ скорѣе съ нимъ развязаться во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній въ будущемъ. Я предложилъ Буске выдать мнѣ полугодовое содержаніе, на дорогу 150 рублей и считать уплоченною

¹⁾ «Милостивый государь! Вы просили извѣстить меня письмомъ г. Буске, что должность, которую я занималъ въ нашемъ Обществѣ, упразднится 1 октября 1869 года. Вы знаете такъ же, какъ и я, что эта должность перестала существовать съ 13 юлія 1867 года по вашему точному приказанію, которое я получилъ тогда въ Проскуровѣ, и съ этого времени я пересталъ дѣйствовать въ качествѣ инспектора рабочихъ. Извѣщать меня объ упраздненіи должности черезъ годъ послѣ того, какъ она перестала существовать,—бесмысленно и вполнѣ неосновательно.

«Во всемъ этомъ, къ сожалѣнію, я вижу только придирки, а ваше намѣреніе не слишкомъ похвальнымъ. У васъ не было духу покончить со мною честно и откровенно, вамъ понадобились уловки, чтобы не сообразоваться съ яснымъ смысломъ моего контракта.

«Вѣрьте мнѣ, милостивый государь, это недоброжелательство съ вашей стороны меня глубоко оскорбило. Почему я такъ несчастливъ, что всегда ошибаюсь въ своихъ симпатіяхъ? Я имѣлъ о васъ такое высокое мнѣніе, у меня было такъ много довѣрія къ чистотѣ вашихъ правилъ, долженъ ли я теперь разочароваться изъ-за ничтожной суммы, пустяка для Общества? Это жестоко.

«И долженъ непремѣнно получить отъ васъ, милостивый государь, опредѣленный отвѣтъ, остаются ли мнѣ здѣсь. Могу ли уѣхать до весны въ Петербургъ? Могу ли я тамъ получить мое содержаніе? Отъ вашего отвѣта по этимъ предметамъ будутъ зависѣть мои распоряженія.

«Не знаю, глубоко ли вы цѣните приличія и достаточно ли вамъ ясно, что ваше молчаніе на мои письма оскорбительно, оно виѣ границъ приличія и взаимнаго уваженія. Не смѣю предполагать, что у васъ недостаетъ этихъ тонкихъ чувствъ... Но возможно, что бремя вашихъ занятій ихъ отчасти заглушило...

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи».

недоимку въ 250 рублей, которые я взялъ какъ-то раньше въ счетъ жалованья. Тотъ обѣщалъ списаться объ этомъ съ Фильёлемъ и извѣстить меня о результатѣ.

Наконецъ, недѣли полторы спустя, я получилъ изъ конторы извѣщеніе о томъ, что Фильель согласенъ на предложенныя мною условія. Не теряя времени я рассчитался съ Обществомъ и былъ чрезвычайно доволенъ, что получилъ возможность возвратиться въ Петербургъ. Правда, я терялъ сравнительно съ тѣмъ, что могъ бы получить по условіямъ контракта, но рѣшилъ довольствоваться и этимъ, чтобы избѣжать болѣе крупныхъ непріятностей съ Фильёлемъ. Я предпочелъ скорый, хотя и менѣе выгодный расчетъ также потому, что жизнь вдали отъ семьи была крайне тяжела для меня въ нравственномъ отношеніи и вызывала не мало лишнихъ расходовъ. Мнѣ было пріятно, что втеченіе послѣднихъ полутора лѣтъ удалось расплатиться со всѣми долгами, и это было для меня лучшею наградою за все то, что пришлось перенести въ далекомъ одиночествѣ.

Около этого же времени состоялся отъѣздъ Дедюлина изъ Меджибожа. Офицеры устроили въ честь его балъ, на который пригласили и меня. Кромѣ всего полкового общества, собралось еще человекъ 60 гостей, въ числѣ которыхъ было много почетныхъ лицъ Меджибожа. Танцовало паръ 20. Былъ устроенъ открытый буфетъ, красиво убранный, а послѣ танцевъ—ужинъ. Много было выпито шампанскаго, и много говорилось рѣчей. Офицеры поднесли Дедюлину альбомъ своихъ фотографій, въ малиновомъ бархатномъ переплетѣ съ золотыми арабесками, а его супругѣ—небольшой серебряный подносикъ и на немъ серебряную вызолоченную вазочку, очень изящной работы. Особенно хорошо была сдѣлана серебряная салфеточка, накинутая на вазочку. Послѣ ужина офицеры подхватили Дедюлина, долго качали его и затѣмъ на рукахъ отнесли въ большую залу, здѣсь опять пили за его здоровье и, наконецъ, на рукахъ же снесли Дедюлина въ его квартиру. Ясно видно было, что офицеры искренно любили и уважали Дедюлина. Впрочемъ, безъ этого ему нельзя было бы поставить полкъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ высоко, какъ онъ стоялъ. Нижніе чины полка, съ своей стороны, предложили пожертвовать свое третнее жалованье, чтобы на эти деньги приобрести образъ и поднести его Дедюлину. Это дѣйствительно рѣдкій примѣръ преданности нижнихъ чиновъ цѣлаго полка своему командиру, тѣмъ болѣе, что это дѣлалось безъ всякаго участія или же вліянія со стороны офицеровъ.

Проводивъ Дедюлина и его семейство, а также простившись со всѣми другими добрыми знакомыми, 4 ноября утромъ я выѣхалъ, наконецъ, изъ Меджибожа. Погода стояла холодная и вѣтреная, дождь шелъ вмѣстѣ со снѣгомъ, но такъ какъ у меня была крытая бричка, то я не очень чувствовалъ вліяніе погоды. Нигдѣ не останавливаясь, я доѣхалъ прямо до Литина и остановился въ гости-

ницѣ «пани маіурѳвой», которая и прежде давала мнѣ пріютъ и теперь отдала мнѣ отличную комнату. На другое утро я выѣхалъ въ Винницу, куда прибылъ около 4 часовъ дня. Отсюда я предполагалъ ѣхать дальше по вновь строившейся желѣзной дорогѣ, но въ день пріѣзда ничего не могъ узнать объ отходѣ поѣзда. На слѣдующее утро я поѣхалъ на станцію желѣзной дороги и здѣсь никого изъ французовъ не засталъ, безъ нихъ же добиться толку было невозможно. Черезъ нѣсколько времени меня извѣстили, что всѣ французы, служащіе въ Обществѣ, черезъ полчаса придутъ отъ Фильеля на станцію, гдѣ я могу съ ними увидѣться и переговорить. Я отправился вторично на станцію и засталъ здѣсь гг. Дидона и Лебле, которые сказали мнѣ, что въ этотъ день отправляется поѣздъ для отвоза рабочихъ; поэтому если я желаю отправиться съ этимъ поѣздомъ въ Кіевъ, то они готовы прицѣпить для меня отдѣльный вагонъ, но, кромѣ товарнаго, холоднаго вагона, другого нѣтъ. Пришлось примириться и съ этимъ. Я поблагодарилъ ихъ и къ двумъ часамъ со своимъ багажемъ устроился въ отведенномъ мнѣ вагонѣ. Свободнаго мѣста у меня было очень много. Спустя нѣсколько времени подошелъ ко мнѣ молодой человѣкъ, отставной путейскій офицеръ, и попросилъ моего разрѣшенія помѣститься вмѣстѣ со мною. Я былъ очень радъ попутчику и предложилъ ему расположиться какъ удобнѣе. Еще немного погодя, явились рабочіе, которые спросили, можно ли въ нашъ вагонъ положить вещи какой-то княгини Ухтомской; мѣста все еще оставалось много, и потому я не препятствовалъ имъ. Всѣ эти приготовленія продолжались до 4 часовъ.

Ужъ предъ самымъ отправленіемъ пришелъ ко мнѣ начальникъ поѣзда, молодой человѣкъ г. Попандопуло, который предложилъ мнѣ перейти въ его вагонъ, хотя также холодный, но свѣтлый и меблированный. Я съ благодарностью принялъ его любезное предложеніе. Мои вещи тотчасъ перенесли въ его вагонъ, и я расположился очень удобно на большомъ диванѣ, занявъ часть его; разостлавъ свою теплую шинель и укрывшись мѣховымъ халатомъ, я не чувствовалъ холода. Въ вагонѣ сидѣлъ еще какой-то полицейскій чиновникъ, назначенный для наблюденія за порядкомъ между рабочими и еще какихъ-то два лица. Наконецъ мы тронулись. Дорогою мнѣ захотѣлось выпить рюмку водки и закусить. Я досталъ водку и свой запасъ провизіи, предложилъ Попандопуло и другимъ раздѣлить мою трапезу. Холодный вѣтеръ дулъ страшно, даже вагоны пошатывались; снѣгъ и вьюга продолжались съ прежнею силою. Отѣхавъ верстъ 40, мы остановились у chateau d'eau, гдѣ машина должна была налиться водою, чтобы продолжать путь. Но оказалось, что здѣсь не было ни капли воды, помпы замерзли, и ихъ сняли. Очевидно, пуститься дальше въ дорогу безъ воды было невозможно. Потолковали, подумали и рѣшили, вмѣсто того, чтобы всю ночь въ такой морозъ и въ такую вьюгу оставаться въ чистомъ полѣ, лучше вернуться

на Винницкую станцію. Но, узнавъ объ этомъ, рабочіе, которыхъ было въ поѣздѣ человѣкъ 400, подняли страшный шумъ, форменно взбунтовались. И дѣйствительно, правду сказать, было изъ-за чего: въ такой холодъ возить бѣдный народъ взадъ и впередъ при такой жалкой одеждѣ, какая была на нихъ (большинство было въ однѣхъ свиткахъ)—просто безбожно! Но, съ другой стороны, при новомъ дѣлѣ, притомъ столь обширномъ, пока все устроится, пока все приведется въ порядокъ, подобныя приключенія почти неизбежны. При этомъ шумѣ рабочихъ пьяный машинистъ вцѣпился было въ драку съ ними, но они его порядкомъ отколотили.

Поѣхали обратно. Прибывъ въ Винницу, я оставилъ свои вещи въ вагонѣ на отвѣтственности Попандопуло и отправился въ ту же самую гостиницу, въ которой останавливался наканунѣ. Такъ какъ моихъ вещей со мною не было, то мой старый знакомый, Мишурисъ Шмуиль, прекрасно всѣмъ распорядился: подаль мнѣ чай и закуску такъ чисто, такъ опрятно и на такомъ красивомъ сервизѣ, что лучшаго и требовать нельзя было. Послѣ чая пришелъ ко мнѣ молодой французъ и сказалъ, что поѣздъ пойдетъ на другой день въ 7 часовъ утра. Я поторопился лечь спать, чтобы на другое утро встать какъ можно раньше.

Въ 5 часовъ утра я уже былъ на ногахъ, напился кофе и отправился на станцію желѣзной дороги. Но, увы, здѣсь я никого не засталъ, и не замѣтно было никакихъ приготовленій къ отходу поѣзда... Съ грустью вернулся я въ Винницу, а въ 2 часа снова поѣхалъ на станцію. Часа два провозились съ нашимъ поѣздомъ, пока, наконецъ, въ 4 часа мы пустились въ путь. Около 8 часовъ вечера, не доѣзжая версты полторы до станціи Казятинна, поѣздъ остановился: въ одной небольшой выемкѣ навѣяло такъ много снѣгу, что паровозъ не могъ пробиться чрезъ него. Начались хлопоты. Наняли изъ числа ѣхавшихъ съ нами рабочихъ 40 человѣкъ, но пока уговорились, добились инструментовъ, пока откинули снѣгъ, прошло много времени, такъ что эта работа кончилась только въ 2 часа ночи. Когда же поѣздъ долженъ былъ тронуться, въ паровозѣ не оказалось ни капли воды, и на бѣду всѣ пары были выпущены; такимъ образомъ даже несчастныя 1½ версты до станціи поѣздъ не могъ одолѣть. Между тѣмъ Попандопуло, машинисты и всѣ прочія лица, вѣдавшія подвижной составъ, отправились пѣшкомъ въ Казятинъ, бросивъ поѣздъ съ рабочими людьми въ чистомъ полѣ на произволъ судьбы. При этомъ Попандопуло, зная, что я остался въ холодномъ вагонѣ, былъ ко мнѣ настолько невнимателенъ, что даже не распорядился пріискать мнѣ какуюнибудь подводу, чтобы перевезти меня въ Казятинъ, гдѣ я бы могъ какънибудь пріютиться. Такимъ образомъ я провелъ всю ночь въ холодномъ вагонѣ при сильнѣйшей снѣговой вьюгѣ, въ открытомъ полѣ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что замѣтно пошатывалъ нашъ вагонъ. Несмотря на то, что я былъ тепло одѣтъ и укрытъ, но

лежа на диванѣ, почувствовалъ охлажденіе въ спинѣ, пришлось обложить стѣну теплою шинелью, чѣмъ нѣсколько устранилъ холодъ. Такъ я долженъ былъ проваляться до 2 часовъ дня. Какъ провели бѣдные рабочіе эту ужасную ночь при такой страшной непогодѣ, можно легко себѣ представить.

Около двухъ часовъ дня молодой человѣкъ и одинъ изъ служащихъ, которые ѣхали со мною въ вагонѣ, добыли самоваръ, достали яицъ и печенаго картофеля. Всего этого вмѣстѣ съ запасами и водкою, бывшими со мною, оказалось достаточнымъ, чтобы удовлетворить насъ, проголодавшихъ 24 часа. Между тѣмъ рабочіе ведрами наполнили машину, она тронулась и наконецъ въ 3 часа дня достигла станціи Казятина. Но тутъ же мнѣ передали, что черезъ часъ поѣздъ идетъ обратно въ Винницу, такъ какъ впереди на станціяхъ нѣтъ ни воды, ни дровъ, и потому дальнѣйшее движеніе невозможно. Значитъ, опять сюрпризъ! Я ни за что не согласился вернуться въ Винницу и началъ хлопотать какъ бы отыскать лошадей до ближайшей почтовой станціи, отъ которой предполагалъ уже до Кіева ѣхать на почтовыхъ, тѣмъ болѣе, что у меня была еще казенная подорожная.

Въ это время подошелъ ко мнѣ Хартулари, начальникъ станціи и участка, и попросилъ меня заѣхать къ нему обогрѣться. Онъ сказалъ, что или выхлопочетъ мнѣ лошадей до ближайшей почтовой станціи или, что вѣроятнѣе, пойдетъ поѣздъ, такъ какъ изъ Кіева ожидаютъ два паровоза для поѣзда, пришедшаго въ Казятинъ. Я очень поблагодарилъ Хартулари, который привезъ меня къ себѣ и принялъ весьма радушно. Изъ разговора оказалось, что онъ сынъ полковника Хартулари, служившаго когда-то въ департаментѣ военныхъ поселеній, съ которымъ я служилъ также и былъ знакомъ. Хартулари послалъ раздобыть мнѣ лошадей, и вскорѣ ему сообщили, что до ближайшей станціи г. Бѣлой Церкви лошади есть, и ямщикъ просить за нихъ 6 рублей. Я согласился и былъ доволенъ тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, на другой день могъ быть въ Кіевѣ. Но немного спустя явился кондукторъ, прибывшій съ паровозомъ изъ Кіева, и объявилъ, что ему поручено довести рабочихъ въ Кіевъ и распустить ихъ тамъ. Такъ какъ было уже поздно, то Хартулари распорядился, чтобы на другой день къ 8-ми часамъ утра поѣздъ былъ готовъ. Я рѣшилъ ѣхать также по желѣзной дорогѣ и просилъ сообщить о томъ ямщику. Мы поужинали и пораньше улеглись спать. Признаюсь, было весьма пріятно уснуть въ теплой комнатѣ на свѣжей постели послѣ столь непріятной предыдущей ночи.

Утромъ, когда я проснулся, было свѣтло, установилась прекрасная погода, солнце свѣтило ярко и весьма чувствительно грѣло. Съ моимъ любезнымъ хозяиномъ мы напились чаю; онъ приказалъ запрячь лошадей, уложили мои вещи въ экипажъ, и мы отправились на желѣзнодорожную станцію. Найдены были и теплый вагонъ, который нагрѣвался чугуною печью; одну половину этого вагона

Хартулари отдалъ въ мое полное распоряженіе. Я еще разъ поблагодарилъ его за предупредительность, сѣлъ въ вагонъ и скоро тронулся въ путь. Мы ѣхали благополучно почти до самаго Кіева, но, не доѣзжая 11 верстъ до Кіева, поѣздъ вдругъ получилъ значительный толчекъ и остановился; нашъ вагонъ чувствительно пошатнулся, но остался на рельсахъ. Оказалось, что два переднія колеса тендера сошли съ рельсъ вслѣдствіе чрезвычайно быстрой ѣзды. Машинистъ второго тендера хвасталъ, что съ послѣдней станціи довезетъ насъ до Кіева въ 20 минутъ, значитъ, ѣхалъ со скоростью 60 верстъ въ часъ, — скорость слишкомъ большая, въ особенности при новой дорогѣ, еще не испытанной. Пришлось подымать тендеръ. Пока подвели подъ него домкраты, къ счастію оказавшіеся при поѣздѣ, пока подняли тендеръ и поставили его вновь на рельсы, прошло столько времени, что мы прибыли на Кіевскую станцію только въ 2 часа ночи... Итакъ, значитъ, чтобы проѣхать по желѣзной дорогѣ отъ Винницы до Кіева (около 270—280 верстъ), мы пробыли въ пути $2\frac{1}{2}$ сутокъ, не считая еще однѣхъ сутокъ на неудачное путешествіе изъ Винницы 40 верстъ и обратно!

Несмотря на глубокую ночь, по пріѣздѣ въ Кіевъ, я нанялъ двухъ извозчиковъ, размѣстилъ свои вещи и отправился въ Англійскую гостиницу, въ которой иногда останавливался и раньше. Здѣсь я случайно встрѣтился и познакомился съ херсонскимъ помѣщикомъ Бредихинымъ, весьма почтеннымъ господиномъ, который также собирался въ Петербургъ и предложилъ мнѣ совершить это путешествіе вмѣстѣ. Я былъ очень радъ имѣть попутчика, и мы рѣшили съ нимъ выѣхать въ каретѣ до Витебска, а оттуда по желѣзной дорогѣ чрезъ Динабургъ въ Петербургъ. Мѣсто въ почтовой каретѣ мнѣ обошлось 6 рублей съ багажомъ, который былъ при мнѣ; большую же часть его я отправилъ чрезъ контору транспортовъ «Надежда». Мы выѣхали на другой день по пріѣздѣ въ Кіевъ, около 11 часовъ вечера, и такъ какъ насъ было только двое пассажировъ, то мы располагали каретою, какъ собственнымъ экипажемъ, и останавливались, гдѣ и сколько желали. Экипажъ былъ запряженъ шестеркою и оказался весьма помѣстительнымъ и покойнымъ. По всей шоссейной дорогѣ почтовые станціи были весьма прилично устроены, и при каждой находились парадныя комнаты для пріема членовъ царской фамиліи и знати. Мнѣ, какъ генералу, всюду открывали парадныя комнаты, при которыхъ находилась полная сервировка какъ для обѣда, такъ и для чая; но рѣдко гдѣ можно было получить что нибудь съѣстное, такъ какъ не все смотрители станцій держали запасы. Въ лучшихъ случаяхъ намъ предлагали только щи или борщъ; у насъ была съ собою закуска и водка, и это должно было составлять нашъ обѣдъ или ужинъ. Около $3\frac{1}{2}$ сутокъ мы ѣхали почти безостановочно до Витебска. Только здѣсь намъ удалось пообѣдать съ комфортомъ, послѣ чего мы вскорѣ сѣли въ поѣздъ и отправились въ Петербургъ. Сюда я прибылъ 16-го ноября утромъ и былъ встрѣченъ на вок-

залѣ женою, дѣтьми и другими родными. Радостно было это свиданіе послѣ долгой разлуки, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ въ виду не покидать болѣе семьи и Петербурга и пріискать себѣ здѣсь подходящее занятіе.

Къ сожалѣнію, получить порядочное мѣсто было не такъ легко, какъ могло казаться. Главное, у меня не было протекціи, безъ чего, какъ извѣстно, въ Петербургѣ трудно что нибудь устроить. Правда, меня зналъ довольно хорошо генералъ Тотлебенъ, ко мнѣ всегда любезно относился военный министръ Д. А. Милютинъ, я встрѣчался также съ нѣкоторыми изъ моихъ бывшихъ сослуживцевъ по Главному штабу, которые значительно подвинулись по службѣ, но всего этого было недостаточно, чтобы получить вполне подходящее мѣсто. Впрочемъ, отчасти я самъ былъ тому причиною. Съ производствомъ въ полковники, мнѣ слѣдовало бы оставить службу въ Главномъ штабѣ и перейти обратно въ инженерный корпусъ, гдѣ моя карьера приняла бы болѣе правильное теченіе; но я предпочелъ остаться въ Петербургѣ, чтобы здѣсь докончить воспитаніе дѣтей, и ради этого пренебрегъ выгодами службы. Теперь же мнѣ слишкомъ трудно было вернуться въ инженерный корпусъ, да я и не хлопоталъ объ этомъ, желая остаться въ Петербургѣ и въ кругу родныхъ, съ которыми мнѣ было такъ тяжело переносить разлуку.

XIV.

Пятидесятилѣтній юбилей инженерной академіи и училища 24-го ноября 1869 г.—Приглашеніе отъ начальника академіи.—Первый день праздника: молебствіе, представленіе государю: старые товарищи; завтракъ.—Второй день праздника: актъ; Высочайшія награды: рѣчи; обѣдъ и инцидентъ съ генераломъ К.—о.—Третій день праздника: балъ.—Представленіе турецкому посланнику Рустемъ-бею.—Назначеніе Петра Карловича Жерве на должность попечителя Дерптскаго учебнаго округа.—Его переговоры съ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Толстымъ и представленіе министру внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанту Тимашеву.—Резолюція намѣстника графа Берга.—Слова государя.—Высочайшая награда П. К. Жерве.—Представленіе его государю.—Обѣздъ имъ Дерптскаго учебнаго округа и первое впечатлѣніе.—Лифляндскій предводитель дворянства Эттингеръ; его безтактность и дерзость.—Нѣмцы Остзейскаго края.—Заботы правительства о восстановленіи православныхъ церквей въ краѣ.—Безпорядокъ въ Дерптскомъ университетѣ.—Представленіе П. К. Жерве государю и удовольствіе императора.—Назначеніе П. К. Жерве на должность попечителя Харьковскаго учебнаго округа.—Юбилей министра графа Толстого.—Оригинальная женитьба Н. Ф. Аккерманъ.—Убійство полковника М. М. Лорисъ-Меликова.—Генералъ Мельницкій; мнимая растрата имъ денегъ и обнаруженіе виновнаго.—Кража книгъ въ императорской публичной бібліотекѣ богословомъ А. Нихлеромъ.—Возмутительный безпорядокъ на холерномъ кладбищѣ.—Франко-прусская война.—Телеграмма императора Вильгельма къ государю.—Пасквиль француза на бѣдствія своего отечества.—Подозрительная случайность въ присутствіи принца Наполеона.

24-го ноября 1869 года, Николаевская инженерная академія и училище праздновали пятидесятилѣтіе своего существованія. Мнѣ было очень пріятно, что и я могъ принять участіе въ торжествѣ заведенія,

въ которомъ получилъ образованіе. Еще за мѣсяцъ до юбилея я былъ у генерала Зейме (помощника начальника главнаго инженернаго управленія), который сообщилъ мнѣ, что въ канцеляріи инженернаго училища можно записаться на участіе въ юбилеѣ. Я отправился въ Инженерный замокъ, гдѣ уже было приступлено къ болѣшимъ работамъ, въ виду предстоявшаго праздника. Въ канцеляріи я засталъ полковника Иванова, завѣдывавшаго казначейскою и хозяйственною частью, у котораго подписался и внесъ 25 рублей. Онъ пошелъ къ начальнику академіи и училища и вскорѣ принесть мнѣ формальное приглашеніе за подписью генераль-маіора Тидебеля.

За недѣлю до юбилея въ «Инвалидѣ» было объявлено, что молебствіе по случаю юбилея инженерной академіи и училища будетъ 23-го, а не 24-го ноября, какъ предполагалось раньше, такъ какъ 24-го, въ Екатерининъ день, была назначена закладка памятника императрицѣ Екатеринѣ II, въ скверѣ противъ Александринскаго театра. Послѣ этого въ «Инвалидѣ» же былъ объявленъ порядокъ празднованія юбилея, торжество котораго распредѣлили на два дня— 23-го и 25-го ноября.

Въ первый день нашего юбилея, въ 11 часовъ утра, я поѣхалъ въ Инженерный замокъ и остановился у подъѣзда противъ Лѣтнаго сада. Поднявшись наверхъ, я засталъ уже въ залахъ множество прибывшихъ на праздникъ. До пріѣзда государя оставалось еще часа полтора, которые каждый изъ насъ провелъ пріятно, безпрестанно встрѣчая старыхъ товарищей и знакомыхъ.

Тутъ я встрѣтилъ, какъ луны, бѣлаго генераль-лейтенанта Люце, который при мнѣ въ училищѣ былъ поручикомъ и дежурнымъ офицеромъ; инженеръ-генерала Герстфельда, тремя выпусками старше меня, и генераль-лейтенантовъ Ганзена, Клеменса и Фелькнера, которые состояли въ то время при его высочествѣ генераль-инспекторѣ. Здѣсь же былъ отставной генераль-лейтенантъ Александръ Антоновичъ Аврежіо, единственный представитель моего выпуска 1821 года, бывшій со мною на-лицо. Изъ инженерныхъ генераловъ, въ числѣ другихъ, я встрѣтилъ здѣсь Биркина, начальника инженеровъ въ Кіевѣ, гдѣ я съ нимъ познакомился, и Рейтлингера, командира 2-й саперной бригады. Изъ московскихъ пріѣзжихъ тутъ были подполковникъ Г. І. Дзичканецъ, сынъ Іосифа Гедеоновича, и капитаны Н. М. Горбенковъ ¹⁾ и Н. К. Штальманъ. Здѣсь собралось много лицъ, которыхъ я совсѣмъ не зналъ; нѣкоторые были въ гражданскомъ платьѣ, другіе—въ военной формѣ, но не всегда саперной или инженерной. Общее вниманіе присутствовавшихъ привлекали монашескія одѣянія Чихачева и Брянчанинова, бывшихъ инженерныхъ офицеровъ. Чихачевъ былъ въ то время монахомъ Сер-

¹⁾ Н. М. Горбенковъ, нынѣ генераль-майоръ и дивизійскій комендантъ.

гівскаго монастыря, что на Петергофской дорогѣ, а Брянчаниновъ, бывшій настоятель этого монастыря, по болѣзни, тогда уже оставилъ свою должность и жилъ на покой въ какой-то пустыни.

Парадный входъ со двора Инженернаго замка былъ чрезвычайно красиво убранъ. Надъ всею лѣстницею, въ ширину входныхъ дверей, была натянута полосатая палатка и лѣстница убрана большими деревьями, экзотическими растеніями и цвѣтами. На стѣнѣ первой площадки красовался огромный, во весь ростъ, портретъ покойнаго императора Николая, въ золоченой рамѣ, убранной зеленью, цвѣтами и флагами.

Незадолго до пріѣзда государя, профессора академіи и училища со всѣми служащими въ этомъ заведеніи, а также обучающіеся въ академіи офицеры были собраны въ отдѣльный залъ; насъ же всѣхъ поставили по выпускамъ, старшихъ на правомъ флангѣ. На лѣстницѣ государя встрѣтили его высочество генераль-инспекторъ по инженерной части въ мундирѣ инженернаго училища (т. е. прежній инженерный мундиръ), при немъ товарищъ его генераль-адъютантъ Тотлебенъ въ инженерномъ мундирѣ, генераль-майоръ Тидебель и другіе. Государь, наслѣдникъ и великій князь Владиміръ Александровичъ были въ мундирахъ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона.

Какъ были представлены государю чины училища, академіи, технического комитета и служащіе при нихъ—я не знаю, потому что это происходило въ другой залѣ, которая намъ не была видна. Когда же государь вошелъ въ залъ, гдѣ мы стояли по порядку выпусковъ, то на правомъ флангѣ первымъ былъ генераль-лейтенантъ Люце, офицеръ съ 1817 года; государь не зналъ его, но обратился къ нему съ нѣсколькими словами, затѣмъ что-то сказалъ Герстфельду. Подойдя къ нашему выпуску, онъ вспомнилъ, что видѣлъ Аврежіо въ Варшавѣ, а, приблизившись ко мнѣ, сказалъ: «А, Жерве!» и, съ улыбкой кивнувъ мнѣ головою, прошелъ дальше. Такимъ образомъ государь обошелъ всѣ выпуски, довольно длинную вереницу. Я забылъ сказать, что между залой, гдѣ государю были представлены служащіе въ академіи, и залой, гдѣ мы стояли по выпускамъ, была еще промежуточная небольшая зала, въ которой построилась рота инженерныхъ юнкеровъ. При входѣ государя рота взяла «на краулъ», хоръ музыкантовъ заигралъ гимнъ, а юнкера закричали «ура», долго потомъ не смолкавшее.

Обойдя всѣ выпуски, государь пошелъ въ церковь, гдѣ отслужили краткое молебствіе. Роту инженерныхъ юнкеровъ перевели въ залу, смежную съ тою, гдѣ былъ накрытъ столъ для высочайшаго завтрака, и построили въ колонну. На особомъ столѣ въ этой залѣ были приготовлены: рельефная карта Севастополя, прекрасной работы, историческій очеркъ главнаго инженернаго училища, въ бархатномъ переплетѣ, и большая золотая медаль, выбитая въ память инженернаго юбилея. На одной сторонѣ медали изображено:

государь Александръ I сидитъ за столомъ, а покойный государь Николай I, тогда еще инспекторъ по инженерной части, вмѣстѣ съ графомъ Опперманомъ и графомъ Сиверсомъ представляютъ государю на утверждение проектъ учрежденія главнаго инженернаго училища и кондукторской роты; на другой сторонѣ: три портрета государей Александра I, Николая I и Александра II, съ обозначеніемъ годовъ 1819 и 1869, съ сіяніемъ и надписью. Все это было приготовлено для поднесенія государю.

Когда государь вошелъ въ залъ, рота снова взяла «на краулъ», снова «ура», подхваченное всѣми присутствовавшими,—и овація самая восторженная. Государь махнулъ рукой, все утихло. Онъ очень милостиво принялъ приношенія, поднесенныя ему великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ. Послѣ этого государь обратился къ присутствующимъ съ краткою рѣчью, въ которой благодарилъ всѣхъ служащихъ въ инженерномъ корпусѣ именемъ покойныхъ императоровъ Александра I, Николая I и своимъ за доблестную службу, принесшую такъ много пользы отечеству и престолу, и въ особенности за то, что никогда ни одинъ изъ служащихъ въ этомъ корпусѣ чиновъ не совращался съ прямого пути службы, и всегда всѣ служившіе въ немъ были вполне преданы и вѣрны престолу и отечеству. Въ заключеніе своей рѣчи государь сказалъ:

«Я надѣюсь, что и впредь всѣ чины славнаго инженернаго корпуса будутъ служить съ тою же вѣрностью и преданностью, имѣя предъ собою примѣръ служащаго вѣрою и правдою Эдуарда Ивановича Тотлебена»,—и при этомъ государь протянулъ ему руки и поцѣловалъ его.

Затѣмъ государь вошелъ въ столовую, которая была убрана и освѣщена превосходно. На стѣнахъ были развѣшаны портреты графа Оппермана и всѣхъ начальниковъ училища съ 1819 года въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ въ золоченыхъ рамахъ, украшенныхъ зеленью, цвѣтами, флагами и роскошно драпированы. Портретъ государя приходился какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, которое онъ занималъ во время завтрака. Сервировка стола была роскошная, а завтракъ самый изысканный и всѣ блюда чрезвычайно красиво убраны. Такъ, напримѣръ, подавалось жаркое на блюдахъ, на концахъ которыхъ были установлены чучела орловъ, осынявшихъ блюда распушенными крыльями; мороженое было сдѣлано въ видѣ крѣпости съ валомъ, амбразурами и маленькими позолоченными орудіями, стѣдобная же часть мороженаго стояла на одномъ концѣ крѣпости въ видѣ круглой башни съ золотымъ орломъ и штандартомъ. Вообще разнообразіе и роскошь замѣчательныя. Для всѣхъ присутствовавшихъ на юбилей былъ сервированъ завтракъ на столахъ тридцати; здѣсь также все было очень хорошо и вдоволь; въ особенности шампанское лилось рѣкой. Тостъ за здоровье государя былъ принятъ съ величайшимъ воодушевленіемъ и восторгомъ;

исполнили гимнъ. Послѣ этого государь всталъ съ бокаломъ въ рукѣ и громко произнесъ тостъ за процвѣтаніе инженернаго корпуса, академіи и училища и самъ воскликнулъ «ура». Всѣ были въ прекрасномъ расположеніи духа, веселы, тостамъ не было конца...

Когда завтракъ кончился, государь всталъ и очень горячо благодарилъ великаго князя Николая Николаевича и генерала Тотлебена. Вскорѣ послѣ отъѣзда государя, я отправился домой и, признаюсь, былъ въ полномъ восторгѣ: такого великолѣпнаго праздника я во всей своей жизни не видалъ ни до, ни послѣ этого, тутъ было все, что можетъ радовать и веселить стараго служиваго славнаго корпуса. Я увѣренъ, что этотъ день навсегда остался въ памяти всѣхъ, кто участвовалъ въ юбилеѣ.

25-го ноября, въ 10 часовъ утра, я поѣхалъ въ инженерный замокъ на юбилейный актъ. Когда прибылъ туда великій князь Николай Николаевичъ, мы всѣ вслѣдъ за нимъ вошли въ большую залу, гдѣ полукружіемъ были разставлены стулья для приглашенныхъ, а въ центрѣ стоялъ большой столъ и за нимъ каведра, обитые краснымъ сукномъ. Позади стульевъ, съ правой стороны, стояла рота инженерныхъ юнкеровъ. На актъ пріѣхали великіе князья Константинъ Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ и Владиміръ Александровичъ; наслѣдника не было, хотя его и поджидали.

Актъ начался молитвой «Днесъ благодать Святаго Духа», процѣтой юнкерами училища. Затѣмъ, согласно программѣ, военный министръ прочелъ высочайшую грамоту, послѣ которой юнкерами былъ исполненъ гимнъ. Потомъ военнымъ министромъ были прочитаны рескрипты на имя генераль-инспектора по инженерной части и генерала Тотлебена, и былъ объявленъ высочайшій приказъ о наградахъ, милостиво пожалованныхъ многимъ лицамъ инженернаго корпуса.

Послѣ этого генераль-адъютантъ Тотлебенъ прочелъ рескрипты наслѣдника цесаревича и великаго князя Михаила Николаевича, высочайше назначенныхъ почетными членами академіи, а затѣмъ назвалъ лицъ, назначенныхъ почетными членами конференціи академіи и училища: военного министра Милютина, генераловъ Шарнгорста и Герстфельда и генераль-адъютантовъ Кауфмана 1-го и Кауфмана 2-го. Затѣмъ свиты его императорскаго величества генераль-майоръ Тидебель выразилъ глубокую признательность академіи и училища за пожалованныя имъ государемъ награды и милости. При этомъ великій князь Николай Николаевичъ выразилъ свою благодарность чинамъ инженернаго корпуса, за заслуги котораго онъ удостоился монаршаго вниманія, выраженного въ рескриптѣ государя на имя его высочества; обратясь же къ юнкерамъ, великій князь выразилъ надежду, что въ будущемъ и они постараются слѣдовать примѣру ихъ предшественниковъ.

Послѣ гимна, исполненнаго юнкерами и оркестромъ лейбъ-гвардіи

Сапернаго баталіона, послѣдовали поздравленія отъ военно-учебныхъ заведеній, морского училища, горнаго института, медико-хирургической академіи, петербургскаго университета, отъ всѣхъ военныхъ академій и другихъ заведеній. При этомъ депутація отъ университета заявила, что генераль Тотлебенъ избранъ почетнымъ членомъ университета, по постановленію его. Начальникъ академіи и училища сказалъ послѣ этого небольшую привѣтственную рѣчь. Къ сожалѣнію, онъ говорилъ тихо, вяло, безъ всякаго воодушевленія, хотя подъ впечатлѣніемъ милостей и наградъ государя тему можно было развить широко и, при дарѣ слова, произвести сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ, но ничего этого не было. Затѣмъ инспекторъ классовъ военный инженеръ полковникъ Савурскій прочелъ отчетъ о пятидесятилѣтнемъ существованіи училища, но такъ же сухо и скучно. Въ заключеніе, профессоръ генераль-майоръ Болдыревъ прочелъ о состояніи военно-инженернаго искусства въ Россіи за послѣднія 50 лѣтъ. Безъ лести и съ тактомъ, безъ лишннихъ словъ, но ясно и дѣльно, онъ изложилъ свою прекрасную статью; видно было, что онъ глубоко вникъ въ свой предметъ и хоронимъ слогомъ передалъ слушателямъ свои мысли и убѣжденія. Затѣмъ юнкера пропѣли молитву «Достойно есть яко во истину», а послѣ нея гимнъ, выѣстъ съ музыкой. По окончаніи акта, великій князь Николай Николаевичъ всталъ и съ мѣста сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ, обращаясь вообще ко всѣмъ присутствовавшимъ инженерамъ. Послѣ этого великіе князья и другія лица осматривали новую модель Севастополя и разныя работы обучавшихся въ академіи и училищѣ. Въ 2¹/₂ часа мы всѣ разошлись, чтобы въ тотъ же день снова собраться на товарищескій обѣдъ.

Къ 5 часамъ мы съѣхались въ Инженерный замокъ, гдѣ все уже было великолѣпно убрано и освѣщено. Столы блестѣли сервировкой, и на всѣхъ приборахъ лежали карточки съ обозначеніемъ чина и фамиліи каждаго изъ участвовавшихъ въ обѣдѣ. У меня было очень хорошее мѣсто, вблизи отъ мѣстъ великихъ князей. Меню обѣда было очень красиво разрисовано красками и украшено видами саперныхъ работъ, а также эмблемами инженернаго искусства; тутъ же были приложены программа музыкальныхъ пьесъ, исполненныхъ хоромъ лейбъ-гвардіи Сапернаго батальона, и порядокъ тостовъ во время обѣда.

Нашъ обѣдъ почтили своимъ присутствіемъ великіе князья: Николай Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ и Владиміръ Александровичъ. Первый тостъ за здоровье государя императора произнесъ великій князь Николай Николаевичъ, слова котораго были покрыты дружнымъ «ура» и гимномъ. Затѣмъ слѣдовали тосты за великихъ князей, за военнаго министра и за всѣхъ бывшихъ и настоящихъ воспитанниковъ академіи и училища. Послѣ этого великій князь Николай Николаевичъ всталъ и провозгласилъ тостъ за здо-

ровье Эдуарда Ивановича Тотлебена. Обѣдъ былъ прекрасный, порядокъ соблюдался полный, не было ни толкотни, ни суеты.

Когда мы встали изъ-за стола, образовались кружки, въ которыхъ продолжалась товарищеская бесѣда за стаканомъ вина, слышались рѣчи и привѣтствія. Уже къ концу вечера вошелъ въ залъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ съ сигарою во рту. У него въ рукахъ была телеграмма, и онъ сказалъ:

— Телеграмма, господа, издадека, съ Суэцкаго канала, отъ находящихся тамъ нашихъ товарищей, генераль-майора Тилло и другихъ. Поздравляютъ насъ съ днемъ юбилея и пьютъ за наше здоровье.

Отвѣтомъ было «ура», подняли Тотлебена на руки и покачали его, но осторожно, въ виду его раненой ноги. Потомъ подхватилъ его другой кружокъ, за нимъ слѣдующій, и такъ покачали его разъ пять. Онъ поблагодарилъ за вниманіе и остался въ залѣ слушать, какъ порядочный кружокъ офицеровъ пѣлъ разныя пѣсни; къ нимъ присоединились и наши юнкера, для которыхъ также въ ихъ столовой былъ приготовленъ очень хорошій обѣдъ. Время мы провели весьма пріятно. Вообще надо сказать, что врядъ ли въ Россіи есть корпорація офицеровъ, которые держались бы такъ дружно, такъ тѣсно другъ друга, какъ офицеры инженернаго корпуса — саперы и инженеры. За обѣдомъ близъ меня сидѣли фонъ-Энденъ и Данзасъ, мои старые знакомые, съ которыми я пріятно провелъ время.

Какъ обыкновенно при большомъ стеченіи публики трудно соблюсти полный порядокъ и обойтись безъ недоразумѣній, такъ и въ этотъ разъ случился инцидентъ. Къ обѣду пріѣхалъ инженеръ генераль-майоръ В. В. К—о. Непонятно, по какому случаю не оказалось прибора съ карточкой на его имя. Онъ обошелъ всѣ столы, не нашелъ своего имени на билетикѣ, разсердился и уѣхалъ. Я увѣренъ, что это произошло случайно, безъ всякаго умысла со стороны распорядителей, такъ какъ они сами стали упрасивать его остаться и общали указать мѣсто. Но, съ другой стороны, можно заподозрѣть и умыселъ: дѣло въ томъ, что К—о былъ въ самыхъ скверныхъ отношеніяхъ съ Тотлебеномъ, встрѣчи котораго съ К—о всегда были непріятны Эдуарду Ивановичу. Кто знаетъ, можетъ быть, кто либо изъ близкихъ друзей его и не желалъ испортить его хорошее расположеніе духа за обѣдомъ встрѣчею съ К—о.

Послѣ обѣда я оставался еще часа три въ кругу старыхъ товарищей, но, чувствуя усталость, долженъ былъ покинуть ихъ общество и довольно рано вернуться домой.

27 ноября былъ данъ инженерный балъ. Около 10 часовъ вечера я поѣхалъ въ Инженерный замокъ, который снаружи былъ великолѣпно иллюминированъ. Въѣздныя ворота были освѣщены газомъ, надъ ними красовался вензель государя и двуглавый орелъ;

отъ павильоновъ по всей дорогѣ горѣли большія звѣзды, во всѣхъ окнахъ фасада зданія горѣли свѣчи въ треугольникахъ во всю высоту оконъ. Вообще видъ замка при значительной величинѣ его былъ очарователенъ.

Когда я вошелъ въ танцевальный залъ, собралось уже очень много народу, танцевали первый вальсъ. На балъ пріѣхали великіе князья Константинъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ Старшій, Михаилъ Николаевичъ, Владиміръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ и Николай Николаевичъ Младшій, сей послѣдній въ формѣ роты юнкеровъ главнаго инженернаго училища. Великая княгиня Александра Петровна прибыла также и была очень внимательна и любезна со всѣми окружающими, въ особенности съ инженерными дамами, которыя ей были представлены здѣсь же на балу. Около 11 часовъ пріѣхалъ государь и съ нимъ фельдмаршалъ графъ Бергъ, уже въ мундирѣ Орденскаго драгунскаго полка, коего шефомъ былъ только наканунѣ назначенъ. Великіе князья принимали участіе въ танцахъ, и пріятно было смотрѣть, какъ они со всѣми милы и обходительны. Къ сожалѣнію, какъ ни увеличивали танцевальную залу, какъ ни громадны вообще залы Инженернаго замка, — при такой массѣ публики зала оказалась тѣсною, было жарко, душно. Царская фамилія вообще оставалась недолго на балу: государь съ небольшимъ часъ, а прочія особы — часа два. Угощеніе для дамъ было великолѣпное: три открытыхъ буфета и, кромѣ того, человекъ двадцать прислуги все время разносили фрукты, конфекты, мороженое и разное питье. Шампанское и другія вина лились рѣкой, но закуски и водки для кавалеровъ не было въ буфетахъ, это предполагалось, вѣроятно, подавать позже.

Здѣсь я непрерывно встрѣчался со старыми товарищами и знакомыми; вспоминали старину, доброе и хорошее время, и хорошо чувствовалъ себя каждый изъ насъ на этомъ праздникѣ инженерной семьи. Къ сожалѣнію, я былъ утомленъ всѣми предшествовавшими торжествами, чувствовалъ себя нездоровымъ и потому, не дождавшись ужина, часа въ два уѣхалъ домой. Такъ отпраздновали мы нашъ славный юбилей, полный живыхъ впечатлѣній и самыхъ лучшихъ воспоминаній о золотой юности.

Теперь, съ возвращеніемъ въ Петербургъ, моя жизнь приняла еще болѣе ровное теченіе, чѣмъ прежде, когда я служилъ въ Главномъ штабѣ, и нашъ юбилей былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда я появлялся въ такъ называемомъ «свѣтѣ». Правда, я съ большимъ удовольствіемъ и довольно часто посѣщалъ театры, навѣщалъ родныхъ и старыхъ знакомыхъ, но официальныхъ визитовъ, по возможности, избѣгалъ. Впрочемъ, въ декабрѣ слѣдующаго года я получилъ приглашеніе отъ турецкаго посланника Рустемъ-бея и, не имѣя понятія о подобныхъ дипломатическихъ цере-

моніяхъ, рѣшилъ отправиться къ нему. Приглашеніе было довольно лаконично и гласило слѣдующее:

«L'Ambassadeur de Sa Majesté Impériale le Sultan, ayant été admis à présenter ses lettres de créance à Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, a l'honneur de prévenir Monsieur le général Gervais, qu'il sera chez lui le 19 et le 20 décembre depuis 9 heures du soir» ¹⁾.

Одѣвшись въ парадную форму, я поѣхалъ къ турецкому посланнику на Исаакіевскую площадь, такъ какъ мнѣ сказали, что онъ живетъ тамъ, но, объѣхавъ всю площадь, не нашелъ его. Въ канцеляріи оберъ-полицмейстера мнѣ никто не могъ сообщить его адреса, потому я попытался узнать о томъ въ участкѣ на Большой Морской, но и тамъ никто не зналъ квартиры посланника. Удивительно, какъ это въ полиціи нельзя было добиться его адреса! Я уже думалъ вернуться домой, какъ какой-то господинъ, услышавъ, что я ищу турецкаго посланника, подошелъ ко мнѣ, отрекомендовался комиссіонеромъ турецкаго посольства и передалъ мнѣ, что турецкій посланникъ живетъ на Дворцовой набережной, въ домѣ Радзивиллъ. Я поблагодарилъ его за любезность и поѣхалъ по указанному адресу.

Передъ квартирой посланника стояли кареты, суетились полицейскіе чины, жандармы. Войдя въ сѣни, я отдалъ шубу своему человѣку и сталъ подыматься по парадной лѣстницѣ. Вся она была великолѣпно убрана экзотическими растеніями и освѣщена отлично; по всей лѣстницѣ во всю ширину ступеней былъ разостланъ богатый коверъ; швейцаръ внизу и множество лакеевъ въ роскошныхъ ливреяхъ услужливо встрѣчали пріѣзжихъ. На верхней площадкѣ лѣстницы меня встрѣтилъ молодой, очень красивый господинъ въ весьма богато вышитомъ мундирѣ съ полковничьими эполетами. Этотъ штабъ-офицеръ спросилъ мою фамилію, поискалъ ее въ списокѣ, отмѣтилъ и чрезъ небольшую комнату проводилъ меня въ залу. Здѣсь сидѣлъ посланникъ. Какой-то господинъ въ придворномъ мундирѣ громко называлъ по-русски мой чинъ и фамилію. Посланникъ всталъ. Тогда какой-то другой господинъ передалъ посланнику мой чинъ и фамилію уже по-французски. Посланникъ небольшого роста, сильный брюнетъ, но не очень смуглъ, довольно красивый и еще молодой человѣкъ, лѣтъ 30-ти, много 35-ти. Онъ подвинулся на шагъ впередъ, подаль мнѣ руку, я отрекомендовался со всею вѣжливостью этикета. Онъ довольно чисто говорилъ по-французски; мы обмѣнялись нѣсколькими фразами, и я откланялся. Меня прово-

¹⁾ Посланникъ его величества султана, удостоившись представить свои вѣрительныя грамоты его величеству императору всероссійскому, имѣетъ честь извѣстить генерала Жерве, что онъ будетъ принимать у себя 19 и 20 декабря, отъ 9 часовъ вечера.

дили въ противоположную сторону, чрезъ гостиную, меблированную весьма роскошно и съ большимъ вкусомъ,— въ просторный залъ. Тамъ стоялъ огромный длинный столъ, красиво убранный цвѣтами и фруктами въ роскошныхъ вазахъ; на немъ были разставлены въ большомъ количествѣ разныя сладости, вина и красовался серебряный самоваръ,— это былъ открытый буфетъ. Здѣсь я засталъ, въ числѣ другихъ, одного полковника генеральнаго штаба, котораго я зналъ, когда служилъ въ Главномъ штабѣ (фамиліи его не помню). Тотчасъ послѣ меня представлялись два брата генераль-адъютанты графы Гейдены, старшій—адмиралъ и младшій—начальникъ Главнаго штаба,— та же процедура, послѣ которой и они вошли въ залъ. За ними представлялся генераль-адъютантъ вице-адмиралъ Посыетъ—то же самое. Такъ какъ всѣ мы были знакомы между собою, то поговорили съ четверть часа и, не коснувшись буфета, разѣхались по домамъ... Какъ видно, все была лишь одна формальность, этикетъ и больше ничего. Графъ Гейденъ замѣтилъ, что мало лицъ пріѣзжаютъ, хотя турецкому посланнику въ то время слѣдовало бы показать болѣе вниманія, такъ какъ наши отношенія къ Турціи принимали тогда весьма благопріятный оборотъ. Во всякомъ случаѣ я рѣшилъ больше не ѣздить на эти дипломатическія представленія, хотя въ слѣдующемъ же году получилъ подобныя приглашенія отъ германскаго и французскаго посланниковъ.

Я упоминалъ раньше о назначеніи графомъ Муравьевымъ Петра Карловича Жерве на должность сувалкскаго губернатора. Это мѣсто онъ занималъ, кажется, лѣтъ пять и затѣмъ, совершенно неожиданно для него, перешелъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія. Въ ноябрѣ 1869 года, онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, былъ у меня и, по секрету, сообщилъ мнѣ, что получаетъ другое назначеніе. Это случилось такъ.

Въ этомъ году, лѣтомъ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой, осматривая всѣ учебныя заведенія и школы въ Привислянскомъ краѣ, заѣзжалъ и въ Сувалки; здѣсь онъ останавливался у Петра Карловича и прожилъ у него нѣсколько дней. Въ это время графъ Толстой ближе узналъ Петра Карловича, который ему очень понравился. Прибывъ въ Варшаву, онъ *à haut cris* всѣмъ говорилъ:

— Я объѣхалъ всѣ губерніи царства Польскаго и нашелъ только одного настоящаго губернатора — это Жерве.

Отзывъ такого лица былъ очень лестенъ Петру Карловичу, но пока тѣмъ дѣло и ограничилось. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого онъ получаетъ отъ Всеволода ¹⁾ телеграмму, которою его извѣщали о болѣзни матери. Петръ Карловичъ немедленно телеграфируетъ въ Варшаву князю Черкасскому, прося его объ отпускѣ, и безъ про-

¹⁾ Всеволодъ Карловичъ Жерве, родной братъ Петра Карловича, былъ женатъ на дочери дѣда, Ольгѣ. Онъ жилъ въ то время въ Петербургѣ.

медленія получилъ разрѣшеніе отправиться въ Петербургъ. Уже передъ самымъ отъѣздомъ получаетъ онъ отъ графа Толстого телеграмму, въ которой тотъ предлагаетъ ему мѣсто попечителя Дерптскаго учебнаго округа. Петръ Карловичъ тотчасъ же телеграфировалъ въ отвѣтъ графу, что на слѣдующій день выѣзжаетъ изъ Сувалоки въ Петербургъ по домашнимъ обстоятельствамъ и немедленно явится къ нему. Такъ и сдѣлалъ. Мѣсто, которое ему предлагали, конечно, почетное и видное, но именно въ этомъ округѣ очень затруднительно и щекотливо, такъ какъ нѣмцы Остзейскихъ провинцій не хотятъ подчиняться русскимъ законамъ, высочайше утвержденнымъ для всей остальной имперіи, и противодействуютъ всѣми возможными средствами всему тому, что русское правительство желаетъ провести и укоренить въ этомъ краѣ. Бывшій попечитель Дерптскаго округа графъ Кейзерлингъ былъ уволенъ отъ должности именно потому, что слишкомъ сильно потворствовалъ нѣмцамъ и дѣйствовалъ категорически противъ постановленій русскаго правительства. Все это подробно было извѣстно Петру Карловичу, который притомъ никогда не служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, не зналъ ни правилъ, ни порядковъ этого министерства и хотя владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, но не настолько, чтобы на этомъ языкѣ вести рѣчь противъ нѣмцевъ-профессоровъ и ученаго міра; вообще эта должность была для него совершенно новымъ поприщемъ во всѣхъ его фазисахъ, условіяхъ и предначертаніяхъ, и обо всемъ этомъ онъ подробно передалъ графу Толстому. На это графъ возразилъ, что, насколько онъ узналъ Петра Карловича, можетъ быть совершенно увѣренъ, что тотъ справится со всѣми трудностями и усвоитъ свои обязанности. Толстой высказалъ убѣжденіе, что его выборъ вполне оправдается впоследствии, совѣтовалъ ничего не бояться и, съ своей стороны, обѣщалъ сильную поддержку; на случай же какихъ либо особыхъ затрудненій, далъ Петру Карловичу право писать прямо къ нему, не какъ попечитель къ министру, а какъ Жерве къ Толстому. Кромѣ того, Петръ Карловичъ передалъ графу, что по должности губернатора онъ получалъ съ добавочными содержаніе въ 6.000 рублей серебромъ, а содержаніе попечителя составляетъ 5.000 рублей. Графъ отвѣтилъ на это, что, само собою разумѣется, не можетъ предложить ему мѣсто въ его министерствѣ съ содержаніемъ меньшимъ, чѣмъ то, которое онъ получалъ въ прежней должности, и къ 5.000 рублямъ серебромъ прежняго содержанія попечителя прибавляетъ ему 3.000 рублей.

Послѣ этого Петру Карловичу ничего болѣе не оставалось, какъ благодарить графа Толстого и отдаться въ его полное распоряженіе. Дѣло въ томъ, что этого мѣста добивались родственники графа, также графъ Толстой, и графъ Апраксинъ, имѣвшій сильную руку; о первомъ изъ нихъ ходатайствовала великая княгиня Елена Пав-

ловна, одинъ изъ самыхъ сильныхъ авторитетовъ своего времени, но министръ обоимъ претендентамъ положительно отказалъ.

Затѣмъ графъ Толстой передалъ Петру Карловичу, что онъ уже заранѣе переговорилъ съ графомъ Шуваловымъ, шефомъ жандармовъ и управляющимъ III отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи, чтобы онъ при случаѣ предупредилъ государя объ его предполагаемомъ докладѣ по поводу назначенія попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жерве. Онъ сообщилъ также, что успѣлъ переговорить о своемъ намѣреніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантомъ Тимашевымъ, и тотъ уже телеграфировалъ въ Варшаву намѣстнику графу Бергу.

Когда Петръ Карловичъ по своей обязанности явился къ генераль-адъютанту Тимашеву, министръ встрѣтилъ его слѣдующими словами:

— Сегодня я васъ принимаю съ неудовольствіемъ.

— Вѣроятно, ваше превосходительство, потому, — отвѣтилъ ему Петръ Карловичъ, — что меня берутъ въ другое министерство; но въ этомъ дѣлѣ я нисколько не виноватъ, такъ какъ не искалъ этого мѣста.

— Знаю, знаю, — сказалъ Тимашевъ: — знаю даже и то, что вы не только не искали этого мѣста, но даже отказывались отъ него. Я телеграфировалъ объ этомъ графу намѣстнику, и вотъ его отвѣтъ, прочтите: «На переводъ Жерве препятствій нѣтъ. Съ душевнымъ сожалѣніемъ расстаюсь съ этимъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ молодымъ человѣкомъ, котораго и замѣнить затрудняюсь. Доложите государю, что я желалъ бы на его мѣсто назначить... (числовой прифѣтъ)».

Большей любезности, какъ отъ графа Берга, такъ отъ генераль-адъютанта Тимашева ожидать было трудно.

Вскорѣ послѣ этого, по приказанію графа Толстого, Петръ Карловичъ явился къ шефу жандармовъ графу Шувалову. Тотъ принялъ его очень любезно, пригласилъ къ завтраку, много разспрашивалъ объ его службѣ, увѣрилъ, что у него будетъ должная поддержка, и потому совѣтовалъ безъ затрудненія принимать мѣсто. Визитъ у Шувалова продолжался два часа и произвелъ на Петра Карловича самое лучшее впечатлѣніе.

Когда графъ Толстой представлялъ о немъ докладъ государю, то государь, сказалъ, что знаетъ Петра Карловича, согласился на это назначеніе и на увеличеніе содержанія до 8.000 рублей, а также на выдачу ему на подъемъ 3.000 рублей, къ которымъ графъ Толстой изъ своихъ суммъ прибавилъ еще тысячу. Графъ передалъ государю, что новый попечитель ѣдетъ на этотъ постъ съ нѣкоторымъ страхомъ, на что государь сказалъ:

— Это лучше, чѣмъ ѣхать съ большою самоувѣренностью¹⁾.

До этого назначенія помощникъ попечителя жилъ постоянно въ Ригѣ и въ виду того, что попечитель былъ нѣмецъ, пользовался нѣкоторыми исключительными правами. Теперь же Петръ Карловичъ настоялъ, чтобы его помощника перевели къ нему въ Дерптъ, и чтобы его права слились съ правами попечителя. Это необходимо было для полной самостоятельности дѣйствій попечителя. Недѣли черезъ двѣ-три состоялся высочайшій приказъ объ утвержденіи его въ должности попечителя Дерптскаго учебнаго округа, а по представленію намѣстника царства Польскаго фельдмаршала графа Берга и по ходатайству министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанта Тимашева, государь пожаловалъ Петру Карловичу Станислава 1-й степени; это было весьма необходимо для большей представительности его въ новой должности. Когда Петръ Карловичъ представлялся государю, то государь принялъ его очень милостиво въ своемъ кабинетѣ, говорилъ съ нимъ минутъ двадцать, причемъ передалъ ему свои мысли относительно Остзейскаго края. Государь желалъ, чтобы остзейцы, какъ русскіе подданные, знали русскій языкъ, но вовсе не намѣренъ былъ касаться ихъ національности, предоставляя имъ оставаться нѣмцами. Затѣмъ, государь спросилъ

¹⁾ Въ «Кіевской Старинѣ» (январь 1894 г.) въ «Отрывкахъ изъ записокъ А. А. Солтановскаго» помѣщено нѣсколько замѣчаній о службѣ П. К. Жерве въ должности сувальскаго губернатора. Авторъ «Записокъ», вѣроятно, изъ личныхъ чувствъ къ покойному Петру Карловичу, «не одобряетъ» его дѣятельности, которая лишила его, будто бы, даже всякаго авторитета въ глазахъ какъ русскихъ, такъ и поляковъ. Мало того, г. Солтановскій увѣряетъ, будто «Жерве чувствовалъ, что подъ нимъ нѣтъ почвы на посту сувальскаго губернатора, а потому исплопоталъ (!) себѣ новое мѣсто, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія». «Когда онъ возвращался изъ Петербурга», — повѣствуетъ дальше авторъ, — «куда ѣздилъ съ цѣлью устройства себя (какъ это просто!) на новомъ мѣстѣ, то, благодаря всякимъ прислужникамъ, ему искусственно была устроена торжественная встрѣча»... Эта встрѣча и проводы губернатора по всей его губерніи описаны дѣйствительно заманчиво: пожалуй, даже гоголевскому городничему не мерещилось ничего подобнаго, «но она возбуждала болѣе ироническихъ замѣчаній, чѣмъ помогла Жерве стать на ноги», — заключаетъ г. Солтановскій.

Сравнивъ это повѣствованіе съ тѣмъ, что говоритъ мой дѣдъ о П. К. Жерве, не трудно видѣть, что г. Солтановскій очень ошибается. Если даже допустить, что дѣдъ можетъ отзываться пристрастно о Петрѣ Карловичѣ, какъ о своемъ родственникѣ, то, такъ сказать, официальная сторона дѣла говорить сама за себя. Трудно «исхлопотать» себѣ мѣсто въ другомъ министерствѣ, но имѣя какихъ либо заслугъ за собою, и притомъ сразу занять отвѣтственную должность. Трудно предположить, чтобы на постъ попечителя именно Дерптскаго округа былъ назначенъ человѣкъ, но умѣвшій поставить себя на должную высоту въ мятежномъ краѣ: вѣдь въ Остзейскомъ краѣ ему предстояла та же борьба и, пожалуй, еще болѣе тонкая, дипломатическая. Насколько онъ успѣлъ въ этомъ — судить не берусь. Высочайшія же награды Петру Карловичу и расположеніе къ нему государя, полагаю, достаточно доказали, что онъ былъ вполне на мѣстѣ и оправдалъ оказанное ему довѣріе.

его, знаетъ ли онъ своего преемника губернаторской должности Голловина, и когда Петръ Карловичъ отвѣтилъ утвердительно, то государь изъявилъ свою волю, чтобы онъ лично передалъ губернію. Вообще государь былъ къ нему чрезвычайно милостивъ.

Мѣсяца три спустя, уже принявъ округъ, Петръ Карловичъ былъ въ Петербургѣ и заѣзжалъ ко мнѣ. При этомъ онъ рассказывалъ, что, объѣхавъ весь край, вполне убѣдился, что вся нѣмецкая клика страшно вооружена противъ всего русскаго. При осмотрѣ учебныхъ заведеній въ разныхъ городахъ, все шло довольно сносно, но въ Дерптскомъ университетѣ нѣмцы показали себя. Ректору этого университета Петръ Карловичъ написалъ, конечно, порусски о своемъ прибытіи и вступленіи въ должность. Въ отвѣтъ на это послѣдовало длинное на пяти страницахъ нѣмецкое письмо съ поздравленіемъ и разными любезностями. Петръ Карловичъ опять таки на русскомъ языкѣ вторично отправилъ бумагу, въ которой лаконически сообщилъ, какъ онъ будетъ осматривать университетъ по приѣздѣ своемъ въ Дерптъ. Когда онъ прибылъ въ университетъ, то ректоръ и деканъ встрѣтили его внизу въ мундирахъ, а студенты стояли по ступенямъ лѣстницы въ шубахъ и шапкахъ. Петръ Карловичъ, поднимаясь по лѣстницѣ, все время разговаривалъ съ ректоромъ и не обратилъ вниманія на стоявшихъ по лѣстницѣ студентовъ. Это, какъ узналъ онъ послѣ, ихъ очень обидѣло. Ректоръ предупредилъ Петра Карловича, что при входѣ начальствующихъ лицъ въ аудиторію у нихъ принято, что студенты не встаютъ, а только шаркаютъ подъ столами ногами въ видѣ привѣтствія. Петръ Карловичъ на это ничего не сказалъ: если, молъ, у нихъ принятъ такой обычай, пусть такъ и будетъ. Войдя въ аудиторію, онъ раскланялся со студентами, сдѣлалъ имъ очень вѣжливое привѣтствіе, въ отвѣтъ на которое нѣсколько студентовъ въ заднихъ рядахъ, а потомъ и всѣ встали и при уходѣ очень вѣжливо съ нимъ раскланялись. Затѣмъ ректоръ передалъ ему, что студенты очень обижены тѣмъ, что при входѣ въ университетъ попечитель не обратилъ на нихъ вниманія. Петръ Карловичъ возразилъ, что, не видя со стороны студентовъ должнаго выраженія вѣжливости, считалъ своею обязанностью такъ поступить; но если студентамъ угодно будетъ избрать изъ своей среды по одному отъ cadaго факультета, то онъ готовъ ихъ принять и передать что слѣдуетъ. Пять человѣкъ избранныхъ студентовъ всѣ оказались изъ филологическаго факультета. Когда они собрались, Петръ Карловичъ передалъ имъ все, что считалъ нужнымъ внушить, объяснилъ свой взглядъ на университетское образованіе, коснулся даже русскаго языка, разъясняя имъ, что этотъ языкъ для нихъ необходимъ, если они хотятъ служить Россіи и пр. Студенты остались очень довольны пріемомъ новаго попечителя. Вообще онъ напелъ, что молодые люди какъ въ университетѣ, такъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, прекрас-

ные, большинство весьма здраво судятъ и навѣрное съ охотою подчинились бы требованію правительства, но, къ сожалѣнію, ими руководятъ нѣсколько закоснѣлыхъ, высокомерныхъ нѣмцевъ, которые сильно гнетутъ всѣ прекрасныя наклонности болѣе развитой молодежи. Эти скептики-нѣмцы даютъ дурное направленіе, а между тѣмъ, опираясь на свое богатство и баронство, имѣютъ во всей администраціи сильный голосъ.

Въ концѣ 1870 года Всеволодъ ѣздилъ къ Петру Карловичу, который незадолго передъ тѣмъ получилъ отъ бывшаго генералъ-губернатора Остзейскихъ провинцій генералъ-адъютанта Альбединскаго очень любезное письмо, въ которомъ тотъ прощался съ нимъ въ виду оставленія своего поста и очень сожалѣлъ, что долженъ былъ съ нимъ разстаться. Петръ Карловичъ дѣйствительно былъ съ Альбединскимъ въ отличныхъ отношеніяхъ и, сколько могъ, всегда содѣйствовалъ ему въ его трудномъ и щекотливомъ положеніи. Его преемникомъ назначенъ князь Багратіонъ.

Всеволодъ слышалъ тогда отъ брата разсказъ о слѣдующемъ интересномъ случаѣ. Предводитель дворянства Лифляндской губерніи Эттингеръ отправился въ Петербургъ съ цѣлымъ ворохомъ просьбъ, петицій и докладовъ на имя государя, въ надеждѣ выпросить разныя милости и льготы для своей губерніи. По порядку іерархической постепенности, Эттингеръ прежде всего долженъ былъ явиться къ министру внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанту Тимашеву. Министръ принялъ его и началъ съ нимъ разговоръ порусски; но Эттингеръ сдѣлалъ видъ, что порусски не понимаетъ. Тимашевъ догадался, къ чему это клонится, сталъ съ нимъ говорить пофранцузски,—то же самое. Тогда Тимашевъ сказалъ ему уже порусски, что послѣ этого ему не приходится говорить съ Эттингеромъ, такъ какъ понѣмецки онъ не говорилъ (надо сказать, что генералъ-адъютантъ Тимашевъ очень хорошо говорилъ понѣмецки).

Въ этотъ день онъ дѣлалъ докладъ государю, которому, между прочимъ, доложилъ, какой гусь изволилъ пожаловать, и разсказалъ о случившемся. На слѣдующій день Эттингеръ вмѣстѣ съ губернаторомъ Осокинымъ представлялся государю. Государь обратился къ Эттингеру и порусски спросилъ его, давно ли онъ пріѣхалъ. Эттингеръ молчитъ. Государь сдѣлалъ ему другой вопросъ, порусски же. Эттингеръ опять молчитъ. Тогда государь сказалъ:

— Если вы пріѣхали представляться русскому царю, то слѣдовало бы вамъ, какъ русскому подданному, прежде всего поучиться русскому языку, которымъ совѣтую вамъ позаняться. Прощайте!

И вслѣдъ за этимъ пригласилъ Осокина къ себѣ въ кабинетъ.

Правда, Эттингеръ ни съ чѣмъ вернулся восвояси, не успѣвъ ни въ чемъ, и всѣ его ожиданія остались безплодными, но все-таки надо удивляться терпѣнію и добротѣ государя. Право, слѣдовало бы

такого господина, какъ онъ былъ, въ полной парадной формѣ, отправить хоть на недѣлку въ Тобольскъ: это навѣрное отбило бы охоту у другихъ рѣшиться на подобную продѣлку!

Въ декабрѣ 1870 года Петръ Карловичъ прїѣзжалъ въ Петербургъ и представлялся государю, который принялъ его очень милостиво и ласково. Министры графъ Толстой и Тимашевъ, а также шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ принимали его также прекрасно и остались весьма довольны всѣми его распоряженіями. Петръ Карловичъ не скрывалъ, что ему стоило много труда, настойчивости и терпѣнія пробивать понемногу ту ледяную кору, которою завязтая остзейская аристократія покрыла себя. По его словамъ, онъ только и бралъ тѣмъ, что пользовался ея малѣйшими промахами, которые, впрочемъ, случались рѣдко, но были неизбежны при той неразсудительной надменности, которою она мечтала подавить русскій элементъ. Ему приходилось очень сильно бороться съ нѣмецкою партіею, что особенно затруднительно при нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ нашего правительства, которое нетвердо проводило свои предначертанія и тѣмъ ставило въ весьма затруднительное и часто безвыходное положеніе исполнителей его воли. Петръ Карловичъ какъ-то уже въ слѣдующемъ году рассказывалъ, что нѣмцы интригуютъ противъ всего русскаго всякими способами, а къ тому же генераль-губернаторъ князь Баграціонъ рѣшительно не умѣетъ держать себя какъ слѣдуетъ. Рижскій русскій клубъ устраивалъ официальный обѣдъ по случаю годовщины его существованія, и на этотъ обѣдъ не были приглашены ни Петръ Карловичъ, ни губернаторъ, а генераль-губернаторъ, несмотря на это, присутствовалъ на обѣдѣ... Петръ Карловичъ говорилъ, что его, главнымъ образомъ, сокрушалъ въ то время Дерптъ и то лишь потому, что тамъ нѣсколько человѣкъ закоренѣлыхъ нѣмцевъ, въ числѣ которыхъ самъ ректоръ университета, сильно противодействовали всему русскому, противъ чего правительство не принимало никакихъ энергическихъ мѣръ и этимъ ставило попечителя въ крайне непріятное положеніе; во всѣхъ же другихъ остзейскихъ городахъ онъ дѣйствовалъ гораздо свободнѣе¹⁾.

¹⁾ Вскорѣ послѣ смерти П. К. Жерве (12-го апрѣля 1890 г.) въ «Новомъ Времени» появилась замѣтка, которая вполне подтверждаетъ все, что сказано о немъ въ рассказѣ дѣда. Вотъ что было напечатано въ пей между прочимъ:

«Зналъ отношенія покойнаго Жерве къ балтійскому вопросу, мы считаемъ долгомъ напомнить, что немалое вліяніе на его дѣятельность оказывали тѣ затрудненія, съ которыми, въ особенности въ 70-хъ годахъ, приходилось считаться русскимъ чиновникамъ въ Балтійскомъ краѣ и которыя окончательно устранены только съ наступленіемъ настоящаго царствованія. Нельзя не упомянуть покойнаго нѣмцами мѣрами по вѣдомству народнаго просвѣщенія, направленными къ водворенію въ краѣ русскихъ началъ, совпавшимъ съ бытіемъ его попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, и всегда правдивымъ изображеніемъ имъ въ отчетахъ дарившаго въ то время въ балтійской школѣ нѣмецкаго направленія. Школа служила орудіемъ опѣмченія мѣстнаго населенія, и на это покойный постоянно обращалъ вниманіе высшихъ сферъ. За это и за многое другое онъ подвергался нападкамъ заграничной нѣмецкой прессы балтійскаго лагеря». В. И.

Въ 1870 году, наконецъ, правительство серьезно принялось за исправленіе старыхъ и возведеніе новыхъ православныхъ церквей въ Остзейскихъ провинціяхъ, при чемъ на этотъ предметъ казна ассигновала 800.000 рублей сер. Кромѣ того, сдѣланы очень значительныя пожертвованія церковной утвари, ризъ, иконостасовъ, какъ царскою фамиліею, такъ и частными лицами, вслѣдствіе чего можно считать всю сумму до милліона рублей. Нѣмецкимъ баронамъ и дворянамъ это распоряженіе крайне не понравилось, тѣмъ болѣе, что содержаніе духовенства также было увеличено, и поэтому нѣмцы разными продѣлками старались тормозить дѣло. Между прочимъ они назначили неимоверно высокія цѣны на всѣ лѣсные матеріалы. Министръ государственныхъ имуществъ испросилъ у государя разрѣшеніе и, съ соизволенія императора, приказалъ отпустить изъ казенныхъ дачъ, принадлежащихъ министерству въ Остзейскихъ провинціяхъ, 32.000 бревенъ на сумму болѣе 19 тысячъ рублей безвозмездно для постройки и поправки церквей. Остзейское дворянство осталось въ дуракахъ: у нихъ не купили ни щепки, хотя многіе уже успѣли нарубить и приготовить лѣсъ, въ надеждѣ на большіе барыши. Это распоряженіе принесло еще и ту громадную пользу, что цѣны на другіе матеріалы и плата рабочимъ чувствительно понизились.

Спустя года два послѣ этого, въ газетахъ появилось сообщеніе о томъ, что во время празднованія одной изъ корпорацій Дерптскаго университета между студентами произошли безпорядки, недостойные какъ русскаго университета, такъ и подданныхъ русскаго государства. Студенты пѣли: «Deutsches Vaterland», «Die Wacht am Rhein», и дошли, наконецъ, до того, что громко прокричали: «Vivat Polonia». Начальство университета всполошилось, хотя нѣсколько профессоровъ, какъ говорили, также участвовали въ пиршествѣ. Петру Карловичу эта исторія была очень непріятна, но онъ не могъ ничѣмъ предупредить ее, такъ какъ въ то время находился въ Ригѣ, слишкомъ далеко отъ мѣста скандала. Для него лично эта исторія обошлась благополучно, и когда вскорѣ послѣ того онъ былъ въ Петербургѣ, то былъ здѣсь, какъ всегда, хорошо принятъ государемъ и высшимъ начальствомъ. Если не ошибаюсь, онъ настаивалъ тогда на увольненіи двухъ профессоровъ, которые принимали участіе въ празднествѣ корпораціи, а также самого ректора университета. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ того, два профессора, Клаузель и Шультценъ, были, по прошенію, уволены изъ университета, но не знаю, тѣ ли это самые, которые безобразничали вмѣстѣ со студентами.

Въ 1874 году Петръ Карловичъ опять пріѣзжалъ въ Петербургъ, представлялся государю, который принялъ его очень хорошо и, между прочимъ, сказалъ:

— Передаю тебѣ хорошую новость. Шуваловъ показалъ мнѣ

письмо, написанное извѣстнымъ писателемъ противъ всего русскаго въ остзейскихъ провинціяхъ. Онъ сознается, что, проживъ теперь болѣе двухъ лѣтъ въ Германіи и Швейцаріи, долженъ отдать полную справедливость Россіи въ томъ, что тамъ менѣе всего и всѣхъ преслѣдуютъ вѣроисповѣданія и свободу совѣсти, и потому совершенно отступаетъ отъ всего, что прежде писалъ и печаталъ противъ Россіи.

Вообще государь былъ очень милостивъ къ Петру Карловичу и, какъ видно, очень хорошо зналъ все, что дѣлалось въ его округѣ. Когда черезъ годъ его произвели въ тайные совѣтники, и онъ снова представлялся государю (въ 1872 году онъ получилъ Анну 1-й степени), то былъ очень милостиво принятъ имъ въ кабинетѣ. Министръ же и всѣ прочія начальствующія лица выказывали ему столько вниманія и расположенія, что у него являлось даже опасеніе, искренни ли эти приемы, и не слѣдуетъ ли ему видѣть въ этомъ особое для себя значеніе.

Въ томъ же году, вмѣсто тайнаго совѣтника Воскресенскаго, Петръ Карловичъ былъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, а его мѣсто занялъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Сабуровъ.

Въ апрѣлѣ 1876 года, минуло десять лѣтъ со дня назначенія графа Толстого министромъ народнаго просвѣщенія, и по этому случаю Петръ Карловичъ пріѣзжалъ въ Петербургъ для поздравленія графа отъ Харьковскаго округа. Онъ показывалъ мнѣ великолѣпный альбомъ, который долженъ былъ быть поднесенъ отъ округа графу Толстому. Массивный альбомъ въ синемъ бархатномъ переплетѣ, работы Овчинникова, имѣлъ очень изящный видъ и превосходную отдѣлку въ самыхъ мельчайшихъ частяхъ; на верхней доскѣ, покрытой украшеніями въ русскомъ вкусѣ, красовался гербъ графа Толстого. Этотъ превосходный подарокъ стоилъ 1.000 рублей, но не могъ быть поднесенъ по назначенію, такъ какъ оказалось, что всякіе частные юбилеи высочайше воспрещены. Петру Карловичу пришлось обратно отвезти альбомъ въ Харьковъ и уже тамъ рѣшить дальнѣйшую судьбу его, въ зависимости отъ желанія всѣхъ участвовавшихъ въ подаркѣ.

Дабы не прерывать разсказа о Петрѣ Карловичѣ и не возвращаться болѣе къ нему, я забѣжалъ нѣсколько впередъ. Между тѣмъ, въ этотъ промежутокъ времени случилось не мало перемѣнъ, какъ въ моей личной жизни, такъ и вообще въ кругу родныхъ; совершилось нѣсколько событій, важныхъ въ общественной жизни, было и нѣсколько случаевъ сравнительно незначительныхъ, но интересныхъ по странной игрѣ судьбы или по какимъ либо другимъ обстоятельствамъ. Братъ моей belle-fille (жены сына Николая) Николай Оедоровичъ Аккерманъ служилъ по судебной части въ Орлѣ, гдѣ занималъ довольно хорошее мѣсто. Однажды, это было въ 1869 году,

ему попался на глаза номеръ газеты «Кавказъ», въ которой онъ прочелъ о слѣдующемъ происшествіи:

«Въ Тифлисѣ живетъ вдова князя Абашидзе со взрослою красивою и хорошо образованною дочерью; вдова не особенно богата, но все же имѣетъ порядочное состояніе, такъ что ея дочь не безприданница. Какой-то мѣстный грузинскій князь влюбился въ княжну Абашидзе и, какъ тамошній владѣлецъ, также не бѣдный, успѣлъ познакомиться въ домѣ княгини Абашидзе, а затѣмъ и посватался къ княжнѣ. Однако, этотъ князь не понравился молодой дѣвушкѣ, и та ему рѣшительно отказала. У азіата вспыхнувшая страсть къ дѣвицѣ омрачила всѣ чувства приличія и благоразумія и, лишенный возможности достигнуть своей цѣли путемъ взаимности, сокрушаясь отказомъ любимаго имъ предмета, онъ рѣшился прибѣгнуть къ силѣ. Тамъ, на Кавказѣ, буйныя страсти еще не умѣютъ смирять, цивилизація не успѣла еще упрочиться, а потому влюбленному князю не трудно было подговорить шайку, съ помощью которой онъ слѣдилъ за всѣми дѣйствіями дѣвицы и, наконецъ, ухитрился увести молодую княжну. Но ея мать, хорошо зная необузданный характеръ своихъ земляковъ, могла ожидать всего и потому очень зорко слѣдила за княземъ: какъ только княжна исчезла, мать немедленно подняла тревогу, послали за нимъ въ погоню, настигли его, освободили сильно встревоженную дѣвушку и возвратили ее матери цѣлою и невредимою».

Хотя изъ всего разсказа видно, что бѣдная княжна Абашидзе совершенно невиновата въ дерзкомъ поступкѣ грузинскаго князя, все же по крайне нелогичной строгости правилъ и обычаевъ (въ этомъ отношеніи) края, на княжну пала нѣкоторая тѣнь, положеніе ея слѣбалось непріятнымъ; изъ-за этого она легко могла бы остаться навсегда дѣвицею и не выйти замужъ. Н. О. Аккерманъ давно намѣревался жениться и уже два раза сватался, но оба раза получалъ отказъ, главнымъ образомъ, благодаря его странному, экзальтированному характеру, хотя въ сущности онъ, говорятъ, хорошій и добрый чоловікъ. Прочтя объ этомъ случаѣ въ газетѣ, Н. О. Аккерманъ почувствовалъ жалость къ княжнѣ и задался цѣлью постараться жениться на ней. Началась переписка между Николаемъ Оедоровичемъ и княгинею Абашидзе; послѣдняя написала, что не можетъ вручить судьбу дочери незнакомому ей человѣку, но если онъ лично пріѣдетъ въ Тифлисъ, познакомится въ ея домѣ и понравится дочери, то съ ея стороны никакихъ препятствій къ браку не будетъ. У Аккермана въ Тифлисѣ служилъ родной братъ въ саперномъ батальонѣ, который, вѣроятно, болѣе или менѣе зналъ семейство Абашидзе и могъ руководить имъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, а потому, недолго думая, онъ взялъ отпускъ на Кавказъ и поѣхалъ въ Тифлисъ.

Репутація семейства княгини Абашидзе оказалась весьма хоро-

шею, и Николай Оедоровичъ познакомился съ ея домомъ. Молодые люди другъ другу понравились, и спустя нѣсколько времени онъ сдѣлалъ княжнѣ формальное предложеніе, которое она съ удовольствіемъ приняла. Княгиня дала свое согласіе, хотя прибавила при этомъ, что ей очень тяжело разставаться со своею единственною дочерью и отпускать ее такъ далеко отъ себя; но вмѣстѣ съ тѣмъ его поступокъ такъ благороденъ, что она рѣшается вручить ему, человѣку, ей еще весьма мало знакомому, судьбу своей дочери. Свадьба Николая Оедоровича состоялась вскорѣ за тѣмъ.

Однимъ изъ лучшихъ друзей нашего круга родныхъ былъ полковникъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка М. М. Лорисъ-Меликовъ. Михаилъ Моисеевичъ обладалъ счастливымъ характеромъ: всегда веселый балагуръ, шутникъ и проказникъ, онъ былъ душою общества; любезный и въ высшей степени добрый человѣкъ, Меликовъ былъ нашимъ общимъ любимцемъ и постояннымъ гостемъ; рѣдкій день мы не видѣлись съ нимъ, а всякія случайныя празднества, пикники, прогулки и проч. никогда не обходились безъ него. И вдругъ, къ нашему общему горю, несчастный случай лишилъ насъ этого рѣдкаго человѣка. Дѣло было такъ.

5 мая 1870 года, около часу дня, прибѣгаетъ, вся запыхавшись, горничная Оли, вызываетъ мою жену и говоритъ ей:

— Сударыня, вы не пугайтесь. Ольга Константиновна приказала передать вамъ, что Михаила Моисеевича Меликова убили.

— Что такое? какъ убили?

— Да, — говоритъ дѣвушка, — они играли съ какимъ-то офицеромъ и тотъ его убилъ.

Мы съ женой страшно встревожились. Я сейчасъ же взялъ извозчика и поѣхалъ въ Павловскія казармы на квартиру Меликова. Уже изъ передней я увидѣлъ Михаила Моисеевича лежащимъ въ мундирѣ, бездыханнымъ подъ покровомъ... Долго не могъ я отдать себѣ отчетъ и не вѣрилъ глазамъ; помолился надъ нимъ и, грустный, вышелъ изъ осиротѣлой квартиры. Меня встрѣтилъ дежурный по полку штабсъ-капитанъ Мевесъ ¹⁾, который разсказалъ подробности этого несчастнаго случая.

Въ этотъ день начальникъ дивизіи, генераль-лейтенантъ Денъ, назначилъ смотръ полку, и Меликовъ долженъ былъ командовать батальономъ. Люди были выведены, верховая лошадь стояла у подъѣзда. Офицеры полка собрались пока въ дежурной комнатѣ въ ожиданіи времени, когда пора будетъ выходить на плацъ; Михаилъ Моисеевичъ, какъ всегда, былъ очень веселъ, шутилъ. Въ его батальонѣ былъ прикомандированный изъ арміи офицеръ У—ій, котораго Меликовъ очень любилъ и протезировалъ ему. Этотъ мо-

¹⁾ Р. Т. фонъ-Мевесъ, впоследствии командиръ л.-гв. Павловскаго полка, нынѣ командуетъ 2 гвардейскою пѣхотною дивизіею. В. Ж.

лодой офицеръ также пришелъ въ дежурную комнату въ парадной формѣ, но безъ револьвера. Меликовъ это замѣтилъ и приказалъ сторожу подать ему револьверъ изъ числа тѣхъ, которые находились у него на сохраненіи. Ему попался револьверъ офицера, находившагося въ то время въ отпуску. Когда этотъ офицеръ предъ отъѣздомъ разряжалъ револьверъ, то успѣлъ вынуть только 5 пуль, шестая же осталась въ револьверѣ, такъ какъ въ это самое время ему дали знать, что его больной матери сдѣлалось очень дурно; второпяхъ онъ бросилъ револьверъ сторожу при дежурной комнатѣ и побѣжалъ къ матери, а затѣмъ уѣхалъ въ отпускъ, конечно, позабывъ о револьверѣ. Взявъ злополучное оружіе, У—ій спросилъ, не заряжено ли оно, и ему сказали, что нѣтъ. Онъ самъ сталъ пробовать револьверъ, который дѣйствительно сначала казался незаряженнымъ, но когда У—ій нѣсколько разъ спустилъ курокъ, стоя прямо противъ Меликова, вдругъ раздался выстрѣлъ, и пуля попала въ лѣвый глазъ Михаила Моисеевича, пробралась въ мозгъ, какъ оказалось впоследствии, и остановилась у задней стѣнки черепа. Несчастный даже не вскрикнулъ, даже не вздохнулъ, а медленно повалился навзничъ и тутъ же скончался. Неожиданный выстрѣлъ ошеломилъ всѣхъ; однако тотчасъ же послали за докторомъ, который жилъ по той же лѣстницѣ. Онъ явился немедленно, но все уже было кончено. Меликовъ былъ мертвъ.

Страшно было смотрѣть и на молодого У—го, который сдѣлался невольнымъ убійцею любимого имъ человѣка. Надо сказать, что У—ій былъ прежде католикомъ, но потомъ принялъ православіе противъ воли своихъ родителей, которые, узнавъ о совершившемся фактѣ, сказали сыну: «смотри, тебя за это Богъ накажетъ». Въ настоящую минуту, припоминая слова родителей, молодой человѣкъ придавалъ имъ особое, роковое значеніе и видѣлъ въ случившемся кару Бога. За него стали опасаться и, по распоряженію начальства, съ нимъ постоянно находились два офицера посмѣнно.

На дворѣ я встрѣтилъ Николая Моисеевича, старшаго брата убитаго Меликова. Онъ былъ страшно взволнованъ, разстроенъ и не переставалъ упрекать молодого У—го въ неосторожности, послѣдствіемъ которой было то, что его брата убили, «какъ собаку». Я пробовалъ его уговаривать и просилъ также войти въ несчастное положеніе и такъ уже убитаго горемъ молодого человѣка; доказывалъ ему, что его выраженія неумѣстны и жестоки: имѣя право думать, что хочетъ, онъ не долженъ такъ выражаться вслухъ, чѣмъ оскорбляетъ не только У—го, но можетъ обидѣть и офицеровъ, которые всѣ были свидѣтелями несчастнаго случая, и ничего болѣе. Мало-по-малу удалось урезонить его, и онъ утихъ.

Въ этотъ день дѣти и нѣкоторые другіе родные обѣдали у насъ. Михаилъ Моисеевичъ только наканунѣ вечеромъ также обѣщалъ

пріѣхать къ намъ обѣдать... Какъ мало можетъ человѣкъ предвидѣть, что съ нимъ случится! Никогда мы не проводили вечеръ въ своемъ кругу въ такомъ грустномъ настроеніи, какъ этотъ разъ. Имя покойнаго не сходило съ языка, его недоставало въ нашемъ обществѣ, всякое движеніе, всякій шагъ напоминали намъ о немъ.

На слѣдующій день вечеромъ мы съ женою поѣхали на выносъ тѣла Меликова въ полковую церковь. Церемонія была очень торжественная, полковые пѣвчіе прекрасно пѣли; командиръ полка и всѣ офицеры были на выносѣ и сами несли гробъ на рукахъ до церкви, гдѣ собралось довольно много народу. Здѣсь я разговорился съ командиромъ полка, свиты его величества генераль-майоромъ Брантомъ. Онъ съ большимъ сочувствіемъ отзывался о Михаилѣ Моисеевичѣ и сказалъ, что это былъ общій любимецъ полка; по его словамъ, во всемъ полку, кажется, не найдется ни одного человѣка, который былъ бы съ нимъ не только въ непріязненныхъ, но даже холодныхъ отношеніяхъ, что ясно доказываетъ его прекрасный характеръ, доброту и умѣнье заслужить общую любовь.

8 числа были похороны Меликова. На это печальное торжество въ церковь собрался весь нашъ кругъ родныхъ; здѣсь же, кромѣ братьевъ покойнаго, его командира полка и товарищей, съѣхалось множество генераловъ и другихъ лицъ. Въ числѣ ихъ я замѣтилъ генераль-адъютанта Паткуля, генераль-лейтенантовъ Дена и Гедеонова, генераль-майоровъ Махотина и Пѣтухова. Обѣдную и панихиду отслужили очень торжественно, съ пѣніемъ стройнаго хора полковыхъ пѣвчихъ. Когда погребальная процессія тронулась отъ казармъ, за гробомъ послѣдовалъ батальонъ, въ послѣдній разъ провожавшій своего начальника, музыка заиграла похоронный маршъ. На Смоленскомъ кладбищѣ для Меликова была приготовлена могила, которая, принявъ его, сразу покрылась массою цвѣтовъ и вѣнковъ, такъ краснорѣчиво говорившихъ объ общей къ нему любви и уваженіи. Грустно было на вѣки разставаться съ этимъ хорошимъ человѣкомъ; точно родного теряли мы въ его лицѣ...

Въ слѣдующемъ году мы собрались однажды у нашихъ дальнихъ родственниковъ, и въ этотъ самый день у нихъ въ домѣ и по той же лѣстницѣ застрѣлился молодой кирасирскій офицеръ Мельницкій. Причина самоубійства осталась невыясненною, и даже самъ отецъ не зналъ, что могло сына заставить такъ печально покончить съ собою. Несмотря на болѣе или менѣе таинственную смерть молодого Мельницкаго, судьба его отца гораздо болѣе замѣчательна. Онъ служилъ когда-то адъютантомъ при начальникѣ, кажется, Новгородскаго округа военныхъ поселеній. Генераль поручилъ Мельницкому, какъ довѣренному лицу и весьма честному и дѣльному офицеру, отвезти значительную сумму денегъ въ Петербургъ и сдать ее въ департаментъ военныхъ поселеній. Эту сумму

генераль при Мельницкомъ сосчиталъ, при немъ вложилъ въ портфель, заперъ на ключъ и отдалъ его Мельницкому; портфель обвязали шнуромъ и концы шнура припечатали казенною печатью. Мельницкій прѣхалъ въ Петербургъ въ воскресный день и немедленно явился къ бывшему тогда директоромъ департамента военныхъ поселеній генераль-лейтенанту барону Н. И. Корфу. Такъ какъ сумма, привезенная Мельницкимъ, была очень крупна, и ее нельзя было оставить непринятою, то баронъ Корфъ сдѣлалъ экстренное распоряженіе для пріема денегъ: онъ созвалъ казначея департамента военныхъ поселеній Весселя, смотрителя дома департамента майора Дитмара, двухъ штабъ-офицеровъ, Маханева и Хартулари, и члена общаго присутствія департамента дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сытенко. Всѣ они собрались въ казначейство департамента, и въ ихъ присутствіи Мельницкій сломалъ казенную печать на портфель, развязалъ шнуръ, досталъ изъ кармана ключъ, которымъ открылъ портфель, и высыпалъ изъ него деньги на столъ. Стали пересчитывать деньги, и оказалось, что одной пачки въ 10.000 рублей не достаесть.

Легко себѣ представить удивленіе и испугъ Мельницкаго. Онъ самъ вмѣстѣ съ генераломъ считалъ и укладывалъ въ портфель деньги въ полномъ количествѣ, открылъ портфель въ присутствіи всѣхъ лицъ, назначенныхъ для пріема денегъ,—и вдругъ недостаесть 10 тысячъ! Это что-то непонятно... Стали вновь пересчитывать—результатъ тотъ же. Донесли о случившемся барону Корфу, тотъ также удивился, зная Мельницкаго съ отличной стороны. Нечего было дѣлать. Пока не выяснилась пропажа, поневолѣ пришлось Мельницкаго посадить на гауптвахту, а оказавшіяся на лицо деньги приняли въ казначейство. Послали курьера къ генералу въ округъ военныхъ поселеній, и тотъ отвѣтилъ, что дѣйствительно самъ съ Мельницкимъ уложилъ полностью всю сумму, самъ заперъ портфель и отдалъ ему ключъ и самъ же приложилъ казенную печать. Просто непонятно!..

Мельницкій сидѣлъ 8 мѣсяцевъ на гауптвахтѣ, дѣло тянулось, но никакихъ слѣдовъ къ открытію такъ загадочно исчезнувшихъ денегъ не оказалось... Между тѣмъ смотритель дома департамента военныхъ поселеній майоръ Дитмаръ, одинъ изъ присутствовавшихъ при пріемѣ денегъ, сталъ какъ будто богаче жить въ сравненіи съ прежнимъ, началъ пріобрѣтать цѣнныя вещи, заводить предметы роскоши и пр. За нимъ стали слѣдить и, наконецъ, арестовали по подозрѣнію въ обладаніи сомнительными средствами и полной несоотвѣтственности расходовъ его содержанію. Только тогда, по его же сознанію, оказалось, что Мельницкій, высыпая деньги, совершенно незамѣтно для присутствовавшихъ, обронилъ одну пачку прямо на колѣни Дитмару; тотъ соблазнился, не устоялъ противъ искушенія и припряталъ деньги. По выясненіи дѣла, его отдали подѣ

судъ, а Мельникаго освободили, и какъ бы въ вознагражденіе за невинно понесенную кару, великій князь Михаилъ Павловичъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты и способствовалъ его движенію по службѣ. Принимая во вниманіе семейное положеніе майора Дитмара (жена и четверо дѣтей) и по добротѣ почтеннаго барона Н. И. Корфа, его не разжаловали въ солдаты, а уволили безъ чиновъ въ отставку, дали ему негласную пенсію и потомъ даже выхлопотали ему какое-то мѣсто.

Мельницкій былъ родственникомъ капитана Свенскаго, служившаго тогда въ Пажескомъ корпусѣ, и чрезъ него познакомился въ домѣ Платона Егоровича Гольмана, у котораго я его и встрѣчалъ впоследствии нерѣдко¹⁾.

Въ 1871 году въ Петербургѣ случилась исторія, въ свое время надѣлавшая много шума. Одинъ весьма ученый мюнхенскій богословъ, докторъ теологіи, Алоизій Пихлеръ, принявъ православіе и въ предъидущемъ году былъ посланъ нашимъ правительствомъ въ Римъ на соборъ для разрѣшенія вопроса о папской непогрѣшимости. Здѣсь онъ оказался весьма полезнымъ нашему правительству, былъ щедро награжденъ государемъ и, въ виду его богословской учености, назначенъ завѣдывать богословскимъ отдѣломъ Императорской публичной библіотеки. Спустя нѣкоторое время послѣ того, начали замѣчать, что изъ этого отдѣла пронадаютъ книги. Стали слѣдить и, между прочимъ, швейцару библіотеки было дано приказаніе осторожно замѣчать, не выносятъ ли кто нибудь книги изъ библіотеки.

Въ одно прекрасное утро, по окончаніи занятій, выходитъ г. Пихлеръ изъ своего отдѣла. Швейцаръ подаетъ ему пальто; замѣтивъ на немъ какое-то пятно, сталъ оттирать его рукавомъ и почувствовалъ у спины что-то твердое; тогда онъ сталъ ощупывать уже обѣими руками и ясно ощутилъ формы книгъ. Швейцаръ попросилъ Пихлера зайти въ комнату; тотъ сначала было воспротивился, но потомъ долженъ былъ уступить настоятельному требованію швейцара и нѣсколькихъ собравшихся здѣсь чиновниковъ. Въ комнатѣ уже при многихъ свидѣтеляхъ съ Пихлера сняли пальто, а затѣмъ и сюртукъ, на спинѣ котораго нашли довольно большой карманъ и въ немъ три книги, одну большую и двѣ маленькія. Послали за полиціей и, въ сопровожденіи полицейскихъ чиновниковъ, Пихлера отправили въ его квартиру. Тамъ у него нашли до 4.000 томовъ, упакованныхъ въ ящики, которые были совершенно готовы къ отправленію за границу; эти книги принадлежали Императорской публичной библіотекѣ и были выкрадены Пихлеромъ въ теченіе, вѣроятно, довольно долгаго времени. Къ счастью, ему не уда-

¹⁾ П. Е. Гольманъ былъ женатъ на Еленѣ Карловнѣ Жерве, которая умерла въ молодыхъ годахъ, оставивъ послѣ себя маленькую дочь, Софію, воспитывавшуюся въ домѣ дѣда.

лось еще отправить книги за границу: врядъ ли онѣ были бы потомъ возвращены въ цѣлости.

Похитителя книгъ Алоизія Пихлера прокурорскій надзоръ не допустилъ выслать за границу, принимая во вниманіе, что если бы это воровство Пихлера не выяснилось формальнымъ слѣдствіемъ и гласнымъ судомъ во всей наготѣ своей мерзости, то, пожалуй, наши заграничные пріятели приписали бы его высылку произволу, подвергли бы великодушіе государя клеветѣ и нашли бы тысячу причинъ обвинить русское правительство, чтобы оправдать своего ученаго собрата. Все это немислимо послѣ формальнаго суда, и потому Пихлеръ сначала содержался подъ арестомъ, а потомъ долженъ былъ быть преданъ уголовному суду за воровство, — пріятное положеніе для такого ученаго мудреца! Цѣнность покражи, по однимъ слухамъ, опредѣлили въ 30, а по другимъ—въ 80 тысячъ рублей сер.

Въ томъ же году въ Петербургѣ, только въ другомъ мѣстѣ, обнаружился безпорядокъ, хотя и не столь ощутительный въ денежномъ отношеніи, какъ кража книгъ въ публичной библіотекѣ, но не менѣе важный по возможнымъ послѣдствіямъ. Какъ извѣстно, царскосельская желѣзная дорога проходитъ недалеко отъ холернаго кладбища, и вотъ правленіе этой дороги донесло оберъ-полицмейстеру, что когда поѣзда слѣдуютъ мимо кладбища, то отъ него слышенъ сильный запахъ тлѣющихъ мертвыхъ тѣлъ, на что пассажиры заявляютъ жалобы; правленіе предполагало при этомъ причину въ небрежномъ зарываніи труповъ. Генералъ-адъютантъ Треповъ немедленно послалъ на кладбище состоявшаго при немъ генерала, дабы на мѣстѣ удостовѣриться въ справедливости донесенія правленія царскосельской желѣзной дороги. Дѣйствительно, оказалось, что трупы холерныхъ зарываются лишь на глубину $\frac{3}{4}$ аршина, и отъ нихъ слышенъ очень сильный запахъ. Тогда Треповъ приказалъ состоявшему при немъ для особыхъ порученій чиновнику съѣздить къ митрополиту, получить отъ него разрѣшеніе вырыть на холерномъ кладбищѣ глубокія ямы и въ нихъ закопать мелко зарытые трупы. Митрополитъ далъ свое разрѣшеніе, и когда объ этомъ было доложено Трепову, онъ приказалъ на другой день приступить къ работѣ. Съ 8 часовъ утра до поздняго вечера отрывали и зарывали могилы въ присутствіи того же чиновника, участковаго пристава, околоточныхъ и городскихъ; работало 12 человѣкъ землекоповъ. Только на другой день была вполнѣ окончена эта непріятная и тяжелая работа. Оказалось, что на всемъ кладбищѣ находился только одинъ могильщикъ, старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, который, конечно, не въ силахъ былъ одинъ вырывать столько могилъ, сколько необходимо было тогда вслѣдствіе эпидеміи. Смотритель же кладбища, нѣкій Бракеръ, получавшій на сей предметъ особые деньги, нисколько не заботился объ этомъ и благополучно клалъ деньги себѣ въ карманъ.

Между тѣмъ какъ въ Петербургѣ происходило все то, о чемъ я сейчасъ рассказывалъ, въ Западной Европѣ горѣла франко-прусская война. Не касаюсь ея подробностей, которыя извѣстны всякому, кто интересовался ходомъ ея военныхъ дѣйствій. Для меня лично она имѣла нѣсколько особый интересъ, такъ какъ въ ряду именъ извѣстныхъ французскихъ генераловъ мнѣ было хорошо знакомо имя маршала Базена, котораго отецъ когда-то училъ меня въ институтѣ путей сообщенія. Думалъ ли я тогда, что сынъ моего почтеннаго наставника и преподавателя черезъ 50 лѣтъ станетъ извѣстнымъ, благодаря постыдной сдачѣ неприступной крѣпости Меца съ 200 тысячною арміею! Послѣ поражений при Вертѣ, Седанѣ, Мецѣ и другихъ городахъ, голодный Парижъ также сдался на капитуляцію и подписалъ миръ, отдавая нѣмцамъ Эльзасъ, часть Лотарингіи и приплачивая къ этому пять милліардовъ франковъ.

Маститый императоръ Вильгельмъ, тотчасъ по достиженіи успѣшныхъ результатовъ, извѣстилъ о томъ нашего государя, своего лучшаго друга. Его телеграмма, какъ историческій документъ и доказательство признательности Пруссіи русскому царю, достойна особаго вниманія. Вотъ она дословно:

«Версаль, ¹¹/₂₆ февраля, въ 2 часа 7 минутъ.

«Его императорскому величеству государю императору всероссійскому Александру II.

«Съ невыразимымъ чувствомъ я вознесъ благодареніе Всевышнему! Увѣдомляю васъ, что предварительныя условія о мирѣ сейчасъ подписаны Бисмаркомъ и Тьеромъ. Эльзасъ, но безъ Бельфора и Нѣмецкая Лотарингія съ Мецомъ уступлены Германіи; пять милліардовъ контрибуціи будутъ уплачены Франціи; по мѣрѣ выплаты этой суммы страна будетъ очищена въ теченіе трехъ лѣтъ. Парижъ будетъ частью занятъ до утвержденія мира національнымъ собраніемъ въ Бордо. Подробности мирнаго договора будутъ обсуждаться въ Брюсселѣ. Если утвержденіе состоится, мы, наконецъ, достигнемъ конца войны, столь же славной, сколь кровопролитной, объявленной намъ съ безпримѣрнымъ легкомысліемъ.

«Никогда Пруссія не забудетъ, что она вамъ обязана тѣмъ, что война не приняла крайнихъ размѣровъ. Да благословить васъ за это Господь!

«До конца жизни признательный другъ

«Вильгельмъ».

Государь нашъ благоволилъ на эту телеграмму дать слѣдующій отвѣтъ:

«Императору германскому, королю прусскому.

«С.-Петербургъ 15 февраля 1871 года.

«Благодарю васъ за сообщеніе подробностей о предварительныхъ условіяхъ мира и раздѣляю вашу радость. Дай Богъ, чтобы послѣд-

ствіемъ былъ твердый миръ. Счастливъ, что могъ, какъ преданный другъ, доказать вамъ мое сочувствіе. Да будетъ дружба, насъ связывающая, залогомъ счастья и славы нашихъ обоихъ государствъ.

«Александръ».

Телеграмма германскаго императора ясно доказала, что онъ выполнѣ цѣнилъ ту громадную помощь, которую Россія оказала Германіи своимъ нейтралитетомъ, благодаря чему вся остальная Европа воздержалась отъ вмѣшательства въ ея дѣла съ Франціей. Вскорѣ императоръ Вильгельмъ снова обратился къ нашему государю съ выраженіемъ самой теплой дружбы и признательности. Вотъ его письмо:

«Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій императоръ, сердечно любимый братъ, племянникъ и другъ!

«Въ нынѣшній день, въ который я произвелъ подъ стѣнами Парижа смотръ моей гвардіи, напоминаеть мнѣ то время, когда наши арміи, связанные между собою тѣснымъ братствомъ по оружію, вступили въ непріятельскую столицу подъ предводительствомъ почившихъ въ Возѣ его величества императора Александра I и моего отца. Поэтому я радуюсь отъ души, что ваше императорское величество, въ милостивое вниманіе къ моей арміи, изволили благосклонно принять званіе шефа моего 1-го гвардейскаго гренадерскаго императора Александра полка, которому на вѣчныя времена присвоено имя почившаго въ Возѣ императора Александра I. Въ твердой увѣренности, что новое почетное отличіе, дарованное храброму полку, который всегда стремился оказать себя достойнымъ своего достославнаго наименованія, побудить его снискать себѣ и вашу, государь, благосклонность. Съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы возобновить вашему величеству выраженіе глубочайшаго уваженія и искренней дружбы, съ которымъ остаюсь

«вашего императорскаго величества душевно преданный вамъ братъ, дядя и другъ

«Вильгельмъ.

«Главная квартира въ Версали. 3-го марта 1871 года».

Тяжкое бѣдствіе постигло Францію, но, несмотря на общее угнетенное состояніе народа, какъ видно, находились такіе французы, которые оставались и теперь вѣрны своему беззаботному характеру. У меня есть остроумный пасквиль неизвѣстнаго француза, написанный имъ на свое отечество, состояніе котораго онъ рисуетъ немногими... буквами, даже не словами:

La nation française	A. B. C. . . .	abaissée
Sa gloire	F. A. C. . . .	effacée
Son armée	D. P. C. . . .	dépécée
Ses places fortes	O. Q. P. . . .	occupées
Deux provinces	C. D. . . .	cedées

Les peuples.	E. B. T. . .	hébétés
Les loix	L. U. D. . .	éludées
Les juges	H. T. . . .	achetés
La liberté	F. M. R. . .	effémère
Le crédit	B. C. . . .	baissé
Les prix des denrées	L. V. . . .	élevés
La ruine.	H. V. . . .	achevée
La honte seule	R. S. T. . .	est restée ¹⁾ .

Удивительный народъ французы! Ихъ страна гибнетъ отъ страшнаго разоренія и сотенъ тысячъ человѣческихъ жертвъ, а они на развалинахъ своей чести и славы готовы острить, хохотать, чуть не плясать... Но, съ другой стороны, нужно отдать справедливость тонкости ихъ остроумія, умѣнію выразиться и даже поступить въ иныхъ случаяхъ такъ, какъ того не удастся сдѣлать любому представителю цивилизованной Европы. Напримѣръ, за годъ до несчастнаго низверженія императора Наполеона III, его двоюродный братъ, принцъ Наполеонъ, присутствовалъ на гонкѣ яхтъ въ Гаврѣ. Состязались слѣдующія суда: «Miserable», «Prince Napoléon», «Cours arçès» и «Olivier». Эти четыре судна, слѣдовавшія одно за другимъ, составили довольно ѣдкую эпиграмму, ибо изъ ихъ названій сама собою составлялась фраза: «Жалкій принцъ Наполеонъ, бѣги за Оливье». Принцу эта случайность, надо полагать, была очень непріятна.

К. Жерве.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Остроуміе этого пасквилля ясно лишь на французскомъ языкѣ, такъ какъ основано на случайномъ созвучіи словъ съ буквами французскаго алфавита. Вотъ переводъ его:

Французская республика.	(A. B. C.)	унижена.
Ея слава	(F. A. C.)	уничтожена.
Ея армія	(D. P. C.)	разсѣяна.
Ея крѣпости	(O. Q. P.)	заняты.
Двѣ провинціи	(C. D.)	уступлены.
Жители	(E. B. T.)	обезумлены.
Законы.	(L. U. D.)	въ пренебреженіи.
Судьи	(H. T.)	подкуплены.
Свобода	(F. M. R.)	призрачна.
Кредитъ	(B. C.)	пониженъ.
Цѣнность сѣстныхъ припасовъ	(L. V.)	повышена.
Паденіе.	(H. V.)	совершено.
Только позоръ	(R. S. T.)	остался.

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ ¹⁾.

XV.

Мое назначеніе на должность презуса военно-судной комиссіи при с.-петербургскомъ комендантскомъ управленіи.— Отъѣздъ моей дочери съ семействомъ изъ Петербурга.— Моя поѣздка въ Ковно.— Болѣзнь и смерть жены.— Вторичная поѣздка въ Ковно; его достопримѣчательности.— Проѣздъ чрезъ Ковно германскаго императора Вильгельма.— Пріѣздъ въ Петербургъ персидскаго шаха.— Пятидесятилѣтній юбилей моей службы.— Высочайшая награда.— Семейный праздникъ.— Смерть графа Берга въ Петербургѣ.— Личность графа.— Пріѣздъ въ Петербургъ австрійскаго императора Франца-Иосифа.— Осмотръ столицы и торжества въ честь императора.— Моя поѣздка въ Ковно.— Проводы виленскаго генераль-губернатора генералъ-адъютанта Потанова въ ковенскомъ лагерѣ.— Бракосочетаніе великаго князя Владиміра Александровича съ герцогиней Маріею Мекленбургъ-Шверинскою.— Назначеніе моего сына Владиміра командиромъ полка.— Проводы его товарищами-семеновцами и отъѣздъ изъ Петербурга.— Моя поѣздка въ Ковно.— Разговѣнье у губернатора Базилевскаго.— Царскій день въ провинціи.— Мой переѣздъ въ Павловскъ.— Моя болѣзнь и возвращеніе въ Петербургъ.— Занятія въ военно-судной комиссіи.— Недоразумѣніе по поводу развода въ высочайшемъ присутствіи.— Кончина великой княгини Маріи Николаевны.— Событія на Балканскомъ полуостровѣ.— Объявленіе войны съ Турціею.— Мои сборы къ отъѣзду въ Житомиръ.— Заключеніе.

ПОТЕКЛО три года послѣ моего возвращенія въ Петербургъ, но, несмотря на довольно значительный промежутокъ времени, мнѣ не удалось получить подходящее мѣсто. Я чувствовалъ себя вполне здоровымъ и бодрымъ, былъ бы радъ имѣть опредѣленные занятія, къ которымъ такъ привыкъ, но обстоятельства складывались не въ мою пользу. Все это время я жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ и лишь на лѣто переѣзжалъ въ Лѣсной, гдѣ поселялся на дачѣ вмѣстѣ съ женою, дѣтьми и внуками.

Только въ концѣ 1871 года я получилъ, наконецъ, назначеніе. Оно не обѣщало мнѣ ни матеріальныхъ, ни другихъ особыхъ вы-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIV, стр. 450.

годъ, но было пріятно тѣмъ, что доставляло мнѣ постоянное и довольно продолжительное занятіе, безъ котораго я положительно скучалъ; кромѣ того, я имѣлъ случай снова перейти на дѣйствительную службу, что было очень кстати въ виду моего пятидесятилѣтняго юбилея. Наконецъ, это назначеніе давало мнѣ возможность оставаться жить въ Петербургѣ, къ чему я всегда стремился. Послѣ смерти генераль-лейтенанта Ивашина, открылась должность презуса временной комиссіи военного суда при с.-петербургскомъ комендантскомъ управленіи. Комендантъ, генераль-адъютантъ И. В. Анненковъ, весьма охотно согласился предоставить мнѣ это мѣсто и вызвался не только сдѣлать обо мнѣ офиціальное представленіе великому князю главнокомандующему, но, кромѣ того, написать отдѣльно письмо начальнику штаба округа, графу Шувалову. Начальникъ главного штаба графъ Гейденъ согласился на мое назначеніе и даже обѣщалъ, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать успѣху его, а вскорѣ послѣ этого послѣдовало также согласіе его высочества главнокомандующаго и главного военного суда.

Но, несмотря на согласіе главныхъ лицъ и инстанцій, а также воплѣ сочувствовавшаго этому назначенію коменданта, съ офиціальной стороны дѣло тянулось порядочно долго: въ іюлѣ началась переписка, и только въ концѣ октября комендантъ извѣстилъ меня о назначеніи на должность презуса. Что же касается моего содержанія, то и тогда еще этотъ вопросъ не былъ выясненъ, и я оказался въ затруднительномъ положеніи: изъ главного штаба была получена бумага о томъ, что никакого дополнительнаго содержанія къ получаемому (то-есть, къ пенсіи) мнѣ не слѣдуетъ, а между тѣмъ, съ зачисленіемъ на дѣйствительную службу, я лишился пенсіи. Анненковъ написалъ объ этомъ недоразумѣніи военному министру, и только въ январѣ слѣдующаго года я получилъ бумагу о высочайшемъ утвержденіи моего содержанія, но безъ квартирныхъ денегъ. Это вызвало новую переписку, и въ концѣ концовъ почему-то пришли къ заключенію выдать мнѣ квартирныя деньги по окончаніи суднаго дѣла въ видѣ «пособія». Не знаю, право, почему квартирныя деньги превратили въ пособіе, такъ какъ мои предшественники получали ихъ, по положенію, полностью. Во всякомъ случаѣ, благодаря этому «превращенію», съ опредѣленіемъ на службу, я сталъ получать меньше, чѣмъ получалъ прежде, и только въ виду офиціальнаго обѣщанія выдать мнѣ впослѣдствіи эту разницу въ видѣ «пособія», я согласился принять должность.

Въ концѣ декабря 1871 года, я открылъ засѣданія военно-судной комиссіи, которая разбирала дѣло объ отставномъ поручикѣ Ивановѣ и другое о статскомъ совѣтникѣ Шредерсѣ. Засѣданія назначались въ различные промежутки времени, въ зависимости отъ хода дѣлъ. Въ особенности дѣло Шредерса ¹⁾ требовало большой пере-

¹⁾ Къ сожалѣнію, не указано, въ чемъ оно заключалось.

писки и сношеній даже съ заграничными торговыми фирмами; приходилось множество бумагъ переводить съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ на русскій и обратно, что также отнимало немало времени. Благодаря этому и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, дѣло затянулось гораздо больше, чѣмъ я предполагалъ прежде, и подъ конецъ даже тяготило меня: по измѣнившимся семейнымъ обстоятельствамъ, мнѣ необходимо было уѣхать изъ Петербурга, а я былъ связанъ здѣсь службою, которую нельзя было никакъ оставить до окончанія суднаго дѣла.

Въ исходѣ 1872 года, мужъ моей дочери получилъ назначеніе въ Ковно, куда они оба съ семействомъ должны были выѣхать послѣ постоянного жительства въ Петербургѣ. Жена и я очень грустили о неизбѣжной разлукѣ; весь кругъ родныхъ сочувствовалъ намъ и устроилъ въ честь отъѣзжавшихъ шумный загородный пикникъ. Чтобы помочь имъ устроиться на новосельѣ, жена рѣшила проводить дочь въ Ковно и прогостить у нея нѣкоторое время, а послѣ ихъ отъѣзда я также взялъ отпускъ и вскорѣ пріѣхалъ туда на рождественскіе праздники. Ковно произвело на меня впечатлѣніе зауряднаго губернскаго города какъ по наружной физіономіи, такъ и по внутренней жизни; впрочемъ, городское общество оказалось весьма симпатичнымъ. На праздникахъ не разъ устраивались вечера въ клубахъ и въ частныхъ домахъ, большею частью съ елками для дѣтей, иногда съ благотворительною цѣлью. Вообще праздники мы провели довольно пріятно, насколько это было возможно при первой разлукѣ съ остальными родными и вдали отъ Петербурга, къ которому мы всѣ такъ привыкли. Здѣсь же мы встрѣтили новый, 1873 годъ, столь памятный для меня навсегда!

Въ день Крещенія я долженъ былъ выѣхать изъ Ковна, такъ какъ мой отпускъ кончался 8-го января, а жена рѣшила остаться тамъ еще съ мѣсяцъ, чтобы окончательно устроить дочь. Наконецъ, къ моему большому удовольствію, и жена возвратилась въ Петербургъ, но я нашелъ въ ней большую перемѣну: она значительно ослабѣла и пожелтѣла. Докторъ опредѣлилъ у нея желчные камни и прописалъ карлсбадскія соли, которыя она стала пить съ видимою для себя пользою. Прошло около мѣсяца, въ теченіе котораго она чувствовала сильныя боли только раза три, въ общемъ же состояніе ея здоровья значительно улучшалось, и мы уже мечтали объ ея лѣтней поѣздкѣ въ Карлсбадъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно для меня и для всѣхъ она скончалась. Еще наканунѣ дня смерти она ходила гулять, обѣдала со мною и сыномъ и лишь къ вечеру почувствовала сильныя боли и рвоту. Я давалъ ей эониръ, прописанный еще раньше докторомъ, ночью снова давалъ ей лѣкарство, послѣ котораго она какъ будто успокоилась, всхрипнула раза два и утихла. Когда же въ 5 часовъ утра (12-го марта) я подошелъ посмотреть, какъ она себя чувствуетъ, то предо мною лежалъ уже

окоченѣвшій трупъ. Докторъ, пріѣхавшій вскорѣ послѣ того, сказалъ, что причина смерти — сильнѣйшій мозговой ударъ, какъ вѣроятное слѣдствіе невыносимыхъ рвотъ; кромѣ того, на нравственное состояніе жены очень подѣйствовала разлука съ дочерью, и въ этомъ, отчасти, можно было видѣть причину ея болѣзни. Не стану говорить, какимъ страшнымъ ударомъ была для меня смерть жены. Я прожилъ съ нею счастливо почти 43 года и имѣлъ въ ней самаго лучшаго и любящаго друга. Это была примѣрная жена и примѣрная мать, достоинства которой уважалъ не я одинъ. Съ отъѣздомъ любимой дочери мнѣ стало очень тяжело, а теперь, когда я потерялъ жену и чувствовалъ на своихъ плечахъ 70 лѣтъ жизни, какъ невыносимо грустно казалось мнѣ мое положеніе!..

Чтобы разсѣяться и хоть сколько нибудь облегчить свое горе, недѣли черезъ полторы послѣ смерти жены, я опять уѣхалъ въ Ковно къ дочери. Въ обществѣ ея, зятя и внуковъ не такъ болѣзненно отзывалась эта скорбь, потому что я былъ въ кругу тѣхъ, которые также дороги моему сердцу. Новая обстановка, новыя впечатлѣнія и лица дѣйствовали благотворно на меня, и мнѣ было легче. Въ Ковнѣ я пробылъ мѣсяцъ, который мы провели преимущественно въ своей семьѣ и въ обществѣ самыхъ близкихъ знакомыхъ. Мы не разъ предпринимали также прогулки по городу и его окрестностямъ, которыя здѣсь очень живописны. Въ томъ же году я пріѣзжалъ въ Ковно еще два раза: въ августѣ и въ декабрѣ. Лѣтомъ городъ понравился мнѣ еще больше. Послѣ Петербурга онъ кажется утопающимъ въ зелени, а горы, окружающія городъ, придаютъ ему еще болѣе красивый видъ. Здѣсь есть нѣсколько мѣстностей, имѣющихъ свое особое названіе и даже нѣкоторое историческое значеніе: на примѣръ, Наполеонова гора, съ которой, по преданію, императоръ французовъ въ 1812 году смотрѣлъ на переправу своихъ войскъ и руководилъ ею, долина Мицкевича, гдѣ любимый польскій поэтъ отдавался вдохновенію своей музыки, Петровская гора, Зеленая гора, Красная мыза и другія.

Когда я былъ въ Ковнѣ весною, то германскій императоръ Фридрихъ-Вильгельмъ IV проѣзжалъ черезъ Ковно въ Петербургъ. Мнѣ хотѣлось видѣть маститаго побѣдителя въ недавней франко-прусской войнѣ, и потому въ день его проѣзда я отправился на вокзалъ. Къ 12 часамъ дня туда собрались въ парадной формѣ губернаторъ князь Оболенскій, начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Зотовъ, генералы Мясковский, Веревкинъ и Ритчеръ, предводитель дворянства и высшіе чины военнаго и гражданскаго вѣдомства. Генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Потаповъ, еще въ 4 часа утра въ этотъ день прибылъ изъ Вильны и къ приходу поѣзда пріѣхалъ на вокзалъ. Губернаторъ меня представилъ ему, мы перебросились нѣсколькими словами. Наконецъ, прибылъ поѣздъ. Императоръ Вильгельмъ не выходилъ изъ вагона, но нѣсколько разъ

подходилъ къ окну. Славное лицо красиваго, бодрaго старика производило самое пріятное впечатлѣніе. Къ нему въ вагонъ вошелъ генераль-адъютантъ Потаповъ, потомъ императоръ принималъ генераль-лейтенанта Зотова, губернатора и предводителя дворянства. При каждомъ появленіи императора у окна публика кричала ура. Князь Бисмаркъ былъ въ сюртукѣ (съ желтымъ воротникомъ) своего кирасирскаго полка, а графъ Мольтке—въ сюртукѣ русскаго генеральнаго штаба. Поѣздъ простоялъ у дебаркадера не болѣе десяти минутъ и затѣмъ отошелъ отъ станціи, красиво убранной зеленью и флагами.

Въ томъ же году, въ маѣ, въ Петербургъ пріѣзжалъ персидскій шахъ и пробылъ здѣсь около недѣли. Интересно было посмотрѣть восточнаго властителя въ полномъ блескѣ, а потому я поѣхалъ въ Зимній дворецъ на выходъ, по случаю его прибытія. Мы ждали почти два часа, пока, наконецъ, показались придворные чины попарно, младшіе впереди, а за ними государь и по правую руку отъ него шахъ Насреддинъ, невысокій, довольно плотный мужчина лѣтъ сорока, очень смуглый, съ черными, какъ смоль, волосами и усами. На немъ было темно-синее одѣяніе, не очень длинное, все расшитое брилліантами въ видѣ петлицъ и застѣжекъ, но какъ-то безъ вкуса, аляповато, вслѣдствіе чего прекрасные крупные брилліанты много теряли. Эполеты брилліантовые, портупья, какъ и богато отдѣланная пашка, или ятаганъ, тоже горѣли брилліантами. Но, по-моему, и здѣсь они казались насаженными слишкомъ густо, почему не было должнаго эффекта. Какъ у всѣхъ персіанъ, и у шаха была обыкновенная остроконечная черная шапка, но съ большимъ брилліантовымъ султаномъ, прикрѣпленнымъ весьма красивымъ крупнымъ аграфомъ. Шахъ шелъ довольно апатично и не раскланивался въ стороны. Можетъ быть, богато вышитые мундиры придворныхъ, а также масса генералитета и прочихъ военныхъ въ разнородныхъ формахъ озадачили его такъ, что онъ забылъ кланяться, а, можетъ быть, это и въ нравахъ азіатскихъ деспотовъ—не кланяться всѣмъ, кто по положенію стоитъ ниже ихъ. Шахъ былъ въ русской андреевской лентѣ, а государь въ персидской зеленой.

На слѣдующій день послѣ пріѣзда шаха въ честь его былъ назначенъ парадъ. Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела на него наша стройная гвардія въ полной парадной формѣ. Смѣло можно сказать, что ничего подобнаго онъ въ своей жизни не видѣлъ, да нигдѣ и не увидитъ.

На время его пребыванія, въ Эрмитажѣ были отведены и великолѣпно отдѣланы помѣщенія совершенно въ восточномъ вкусѣ: здѣсь были устроены особые диваны, фонтаны, ванны, и все это было богато убрано.

5-го ноября 1873 года, я праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей моей скромной службы въ офицерскихъ чинахъ. Не могу сказать,

что въ службѣ я былъ особенно счастливъ. Первые годы ея, когда я служилъ въ Финляндіи, а затѣмъ въ Бобрыйскѣ и на югѣ, служба была болѣе разнообразна и поучительна, хотя, правда, требовала многихъ трудовъ; но трудиться было пріятно, а когда къ тому же мы видѣли поощреніе своихъ трудовъ въ лицѣ самого государя, то и трудъ становился незамѣтнымъ. Въ главномъ штабѣ, обласканный военнымъ министромъ княземъ Чернышевымъ, я шелъ по тому же пріятному пути труда, который и здѣсь поощрялся свыше; я жилъ въ Петербургѣ, гдѣ могъ дать надлежащее воспитаніе дѣтямъ, и въ этомъ видѣлъ существеннѣйшую выгоду службы въ главномъ штабѣ. Но, съ другой стороны, собственно военно-инженерная практика въ это время была оставлена мною, вслѣдствіе чего, когда я не пожелалъ оставаться въ прежней должности изъ-за стѣсненія моего независимое положеніе реформъ, мнѣ было трудно возвратиться въ инженерный корпусъ и пришлось довольствоваться частнымъ мѣстомъ. Правда, служба по желѣзнымъ дорогамъ матеріально обезпечивала меня вполне, но вѣчные разъѣзды и разлука съ семьей и родными пришлись мнѣ не по душѣ, я снова вернулся въ Петербургъ. Какъ сказано выше, три года я ждалъ здѣсь какого нибудь назначенія, котораго, наконецъ, дождался, но должность презуса военно-судной комиссіи давала мнѣ лишь нѣкоторое положеніе, и не болѣе того. Вотъ главные причины, почему къ пятидесятилѣтію моей службы я ушелъ не такъ впередъ, какъ нѣкоторые изъ моихъ товарищей, которые держались строго одной дороги, и которыми, конечно, покровительствовала болѣе счастливая фортуна.

Впрочемъ, отъ природы я не честолюбивъ, и въ день моего юбилея главная скорбь моя была о томъ, что со мною не было моей дорогой жены... Восьми мѣсяцевъ она не дождалась, чтобы быть свидѣтельницей моего скромнаго торжества, которое, впрочемъ, имѣло характеръ гораздо болѣе семейный, чѣмъ офиціальны. Чтобы смягчить мою грусть въ тяжеломъ одиночествѣ и вѣстѣ съ тѣмъ принять участіе въ празднованіи юбилея, моя дочь съ мужемъ наканунѣ этого дня пріѣхали изъ Ковна, что меня крайне обрадовало и тронуло. Всѣ мои дѣти были со мною, большинство родныхъ было также здѣсь, не доставало только моего лучшаго друга, моей незабвенной жены.

Въ день юбилея, въ 8 часовъ утра, фельдъегерь привезъ мнѣ высочайшую награду, орденъ св. Станислава 1-й степени, при весьма любезномъ письмѣ военнаго министра Д. А. Милютина. Комендантъ генераль-адъютантъ И. В. Анненковъ пріѣхалъ ко мнѣ прямо отъ его высочества великаго князя Николая Николаевича. Вскорѣ послѣ него пріѣхали 2-й петербургскій комендантъ генераль-майоръ Банашъ фонъ-деръ-Кейтъ, полковникъ Боссе и всѣ свободные отъ службы плацъ-адъютанты, а также секретари военно-судной комиссіи. Затѣмъ пріѣхалъ поздравить меня генераль-майоръ Коссинскій, которому ге-

нераль-адъютантъ Тотлебенъ поручилъ передать мнѣ поздравленіе какъ отъ его имени, такъ и отъ всего главнаго инженернаго управленія; Эдуардъ Ивановичъ просилъ передать его извиненіе, что самъ не могъ поздравить меня лично, ибо у него въ квартирѣ, именно въ эти часы, былъ назначенъ какой-то комитетъ, задержавшій его.

Послѣ официальныхъ поздравленій, собрались свои близкіе, друзья и многіе знакомые.

Къ 5 часамъ я поѣхалъ къ Пѣвческому мосту въ ресторанъ Доноп, гдѣ мои дѣти, родные и друзья устроили въ честь меня обѣдъ. Всѣхъ насъ собралось до тридцати человекъ; распорядителемъ обѣда былъ Эдуардъ Александровичъ¹⁾. Столъ былъ очень красиво сервированъ и убранъ, меню обѣда было прекрасное, вина и шампанскаго вдоволь. Первый тостъ сказалъ Эдуардъ Александровичъ; я отвѣтилъ благодарностью собравшимся роднымъ и друзьямъ за сочувствіе моему празднику. Спустя нѣсколько времени, полковникъ С. И. Бутенковъ сказалъ спичъ, въ которомъ немногими, но сильными словами пожелалъ указать, какое значеніе я имѣлъ въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ, какъ семьянинъ, гражданинъ и человекъ; онъ говорилъ красно, но ужъ слишкомъ превозносилъ мои достоинства во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Я еще разъ горячо поблагодарилъ все общество за выраженное мнѣ сочувствіе. Обѣдъ прошелъ весьма пріятно, вполне en famille и безъ всего того, что составляетъ обыкновенно непріятную сторону официальныхъ обѣдовъ. Въ тѣсномъ кругу родныхъ и искреннихъ друзей почти до полуночи мы праздновали памятный для меня день, который провели такъ пріятно и хорошо. На слѣдующій день вся эта компанія родныхъ и друзей собралась у меня къ обѣду, во время котораго я снова благодарилъ всѣхъ за расположеніе ко мнѣ, выраженное наканунѣ.

Вскорѣ послѣ дня юбилея, я представлялся по начальству и былъ у всѣхъ, кто почтилъ меня поздравленіемъ. Я являлся великому князю Николаю Николаевичу, а послѣ него — генераль-адъютанту Тотлебену. Эдуардъ Ивановичъ принялъ меня чрезвычайно любезно и опять извинялся, что не могъ быть у меня изъ-за коммисіи. Военный министръ также очень любезно принялъ и поздравилъ меня; между прочимъ, спрашивалъ, какъ я устроился послѣ смерти жены. Графъ Гейденъ былъ боленъ, лежалъ въ постели, и потому я его не видѣлъ. Въ его канцеляріи мнѣ сказалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Акимовъ, что графъ непремѣнно желалъ быть у меня въ день юбилея и приказалъ Акимову напо-

¹⁾ О. А. Минде, впоследствии начальникъ инженерной московскаго военного округа, былъ женатъ на двоюродной внучкѣ дѣда, С. И. Гольманъ. Уморгъ въ 1886 году. В. ЗК.

мнить ему объ этомъ; но слегъ и прохворалъ нѣсколько времени. Кромѣ того, я былъ у обоихъ комендантовъ, у генерала Коссинскаго и у другихъ. Государь въ то время находился въ Ливадіи, вслѣдствіе чего высочайшую грамоту съ собственноручною подписью государя я получилъ только черезъ мѣсяцъ.

11-го января 1874 года, было назначено бракосочетаніе великой княгини Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ, и къ этому торжеству пріѣхалъ въ Петербургъ намѣстникъ царства Польскаго генераль-фельдмаршалъ графъ Бергъ. Уже съ 1-го января онъ страдалъ воспаленіемъ въ легкихъ, а поѣздка въ Петербургъ еще ухудшила состояніе его здоровья; къ тому же онъ повредилъ себѣ тѣмъ, что, какъ говорили, не въ мѣру покушалъ омаровъ, до которыхъ былъ большой охотникъ. Послѣ этого здоровье его ухудшилось настолько, что 6-го января въ 6 часовъ утра онъ пріобшился св. тайнъ у генераль-суперъинтендента доктора теологіи Фроммана; потомъ послѣдовалъ параличъ легкихъ, и въ 10 часовъ 20 минутъ фельдмаршалъ скончался въ присутствіи государя императора, который въ это время пріѣхалъ навѣстить больного. Тотчасъ были сдѣланы распоряженія, дабы браннымъ останкамъ усопшаго оказать всѣ почести, которыя подобаютъ его высокому сану и положенію. Въ гостиницѣ Демуть, гдѣ графъ остановился, вся его квартира, включая и лѣстницу, была обращена въ траурные покои, обита чернымъ крепомъ, и устроена парадная траурная зала. Въ 2 часа былъ выставленъ почетный караулъ предъ гостиницей Демуть отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Четыре офицера того же полка составляли почетный караулъ около гроба графа, а четыре унтеръ-офицера стояли у дверей его квартиры. Всѣ великіе князья и многія великія княгини пріѣзжали помолиться надъ прахомъ усопшаго. Въ день смерти графа, въ 7 часовъ вечера, въ парадномъ залѣ отслужили панихиду по покойномъ по православному обряду. Залъ былъ великолѣпно убранъ тропическими растеніями, а катафалкъ—свѣжими розами и фіалками, только что полученными изъ Ниццы. На панихидѣ присутствовали наслѣдникъ и великіе князья. Останки генераль-фельдмаршала были перевезены съ подобающими воинскими почестями въ лютеранскую церковь Св. Петра и Павла, что на Невскомъ проспектѣ, а потомъ съ тою же церемоніей отправлены изъ Петербурга по Варшавской желѣзной дорогѣ.

Графа Берга я зналъ давно и довольно хорошо, такъ какъ во время моей службы въ главномъ штабѣ онъ занималъ должность генераль-квартирмейстера того же штаба. При моемъ вступленіи въ новую должность, графъ принялъ меня холодно, предполагая, что я занялъ мѣсто въ главномъ штабѣ по интригамъ и спихнулъ моего предшественника, полковника Петерсона, protégé графа Берга. Но вскорѣ онъ узналъ истину, самъ убѣдился, что дѣло пошло лучше во всѣхъ отношеніяхъ, и сталъ выказывать мнѣ свое полное распо-

ложение. Признаюсь откровенно, что во всей моей жизни въ лицѣ графа мнѣ удалось въ первый разъ встрѣтить человѣка съ такимъ обширнымъ, тонкимъ и дипломатическимъ умомъ. Правда, при преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, онъ мало прислушивался къ голосу сердца, но за то и не останавливался ни предъ какими препятствіями, не стѣснялся никакими средствами.

Къ торжествамъ по случаю бракосочетанія великой княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Единбургскимъ въ Петербургъ пріѣзжалъ австрійскій императоръ Францъ - Іосифъ и оставался здѣсь около недѣли. Государь съ подобающими почестями встрѣтилъ въ Гатчинѣ императора Франца, съ которымъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ на улицахъ его ожидали толпы народа. Въ числѣ другихъ важныхъ сановниковъ, австрійскаго императора сопровождалъ его первый министръ графъ Андраши, обращавшій на себя общее вниманіе какъ своимъ чрезвычайно моложавымъ видомъ и стройною фигурою, такъ и роскошнымъ національнымъ венгерскимъ костюмомъ.

Францъ-Іосифъ съ удивительною энергіею осматривалъ всѣ болѣе или менѣе выдающіяся достопримѣчательности города, ежедневно посѣщая три-четыре различныхъ заведенія и учрежденія; кромѣ того, онъ былъ участникомъ нѣсколькихъ баловъ, офиціаль-ныхъ обѣдовъ, парадныхъ спектаклей, охоты и прочихъ торжествъ, устроенныхъ по случаю его пріѣзда. Австрійскій императоръ былъ два раза въ высочайшемъ присутствіи на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, гдѣ ему представлялись всѣ находившіеся тамъ военные. Кромѣ того, на Дворцовой площади состоялся войскамъ парадъ, которымъ государь изволилъ командовать лично. При объѣздѣ фронта войскъ австрійскій императоръ ѣхалъ впереди, а государь слѣдовалъ сбоку и нѣсколько позади; при проходѣ же войскъ церемоніальнымъ маршемъ, государь, во главѣ свиты и собственнаго его величества конвоя, преслѣдовалъ мимо императора Франца-Іосифа, которому салютовалъ. Наканунѣ смотра были пожалованы австрійскіе ордена, по три на каждую отдѣльную часть и всѣмъ начальствующимъ на смотру лицамъ, до командировъ отдѣльныхъ частей включительно; австрійскій императоръ пожелалъ, чтобы эти ордена были розданы войскамъ заблаговременно, дабы всѣ вновь пожалованные кавалеры могли быть на парадѣ въ орденахъ. Въ Петропавловскомъ соборѣ онъ былъ въ первый же день по пріѣздѣ и возложилъ вѣнокъ на гробницу императора Николая; кромѣ того, онъ посѣтилъ римско-католическій кафедральный соборъ и слушалъ мессу въ Мальтійской церкви Пажескаго корпуса. Изъ ученыхъ учреждений, въ числѣ другихъ, императоръ посѣтилъ инженерную академію и училище, горный институтъ и военно-топографическій отдѣлъ главнаго штаба; онъ съ большимъ интересомъ разсматривалъ карты нашего производства и выразилъ удовольствіе по поводу большихъ успѣ-

ховъ русскаго искусства; здѣсь же была представлена громадная зоологическая коллекція генеральнаго штаба капитана Пржевальскаго, который составилъ ее во время своихъ путешествій по Средней Азіи. Кромѣ того, Францъ-Іосифъ посѣтилъ Кронштадтъ, гдѣ осматривалъ доковое адмиралтейство, морское собраніе и морскую библіотеку, а также форты крѣпости.

Вообще, какъ видно, австрійскій императоръ остался крайне доволенъ оказаннымъ ему пріемомъ и пришелъ въ восторгъ отъ самого Петербурга. Принимая членовъ австрійскаго посольства, онъ съ одушевленіемъ воскликнулъ: «что за красивый городъ!»—что отчасти объясняется праздничнымъ нарядомъ столицы. Наши солдаты также чрезвычайно ему понравились, и онъ выразился о нихъ: «что за молодцы солдаты! въ жизни своей я еще не видалъ такихъ!». Въ честь царскаго гостя было устроено нѣсколько баловъ: въ концертномъ залѣ Зимняго дворца, у наслѣдника цесаревича, у великой княгини Маріи Николаевны, въ дворянскомъ собраніи и у князя Владиміра Барятинскаго. Изъ Петербурга австрійскій императоръ уѣхалъ въ Москву, гдѣ пробылъ дня два и осматривалъ достопримѣчательности нашей древней столицы, а затѣмъ отправился за границу.

Въ этомъ году лѣтомъ я воспользовался отпускомъ и поѣхалъ въ Варшаву, гдѣ у меня были родные, а оттуда въ Ковно къ дочери. Случайно здѣсь съѣхались нѣкоторые изъ нашихъ родственниковъ, въ кругу которыхъ мы провели нѣсколько пріятныхъ дней; остальное же время пользовались прекраснымъ воздухомъ и живописными окрестностями города, который лѣтомъ оживлялся, благодаря сборамъ войскъ въ лагерь. Я нашелъ здѣсь общество, знакомое мнѣ по прежнимъ пріѣздамъ; изъ новыхъ лицъ я встрѣтилъ только вновь назначеннаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника П. И. Базилевскаго. Мы познакомились съ нимъ, при чемъ онъ произвелъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе: высокій, плотный брюнетъ, съ красивыми и выразительными глазами, онъ казался джентльменомъ какъ по внѣшности, такъ и по любезному и всегда внимательному отношенію ко всѣмъ, за что пользовался симпатіей ковенскаго общества. Въ Ковнѣ я прогостилъ мѣсяца полтора. Въ это время виленскій генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Потаповъ получилъ назначеніе шефомъ жандармовъ вмѣсто графа Шувалова и пріѣзжалъ въ Ковно прощаться съ гарнизономъ города. По этому случаю былъ объѣздъ лагеря и зря съ церемоніей.

Генераль Потаповъ объѣзжалъ лагерь съ довольно большою свитою, послѣ чего остановился противъ середины лагеря и слѣзъ съ лошади. Въ это время здѣсь собрались всѣ оркестры музыки, а противъ нея стали въ одну линію, не бывшіе въ строю генералы, офицеры и мы всѣ; съ нами былъ и губернаторъ во фракѣ и съ

Владиміромъ на шеѣ. Потаповъ очень любезно раскланялся со всѣми, сталъ разговаривать съ нѣкоторыми лицами и съ дамами. Увидя меня, онъ подошелъ ко мнѣ, подалъ руку и заговорилъ очень привѣтливо. Въ это время музыканты начали играть разные пьесы; хоры сыгрались хорошо и достаточно стройно исполняли свои номера. Начальникъ дивизіи генераль-лейтенантъ Зотовъ просилъ меня на чай, устроенный войсками для генерала Потапова. Мнѣ показалось страннымъ, почему генераль Зотовъ пригласилъ меня, а постоянно жившій въ Ковнѣ генераль-майоръ Лебедевъ не былъ приглашенъ. Неужели это только потому, что я знакомъ съ Потаповымъ, который къ тому же былъ весьма любезенъ со мною. Въ 9 часовъ, музыканты, горнисты и барабанщики исполнили зарю, послѣ чего ихъ отпустили, а мы вслѣдъ за генераломъ Потаповымъ отправились къ чаю въ весьма красиво убранный баракъ Донского полка, которымъ командовалъ полковникъ баронъ Дризень¹⁾. Весь лагерь также былъ очень красиво убранъ зеленью, флагами и вензелями. Генераль Потаповъ сѣлъ играть въ карты съ губернаторомъ, генераль-майоромъ Вережкинымъ и еще съ кѣмъ-то, не помню. Когда я случайно подошелъ къ ихъ столу, Потаповъ предложилъ мнѣ играть съ ними пятымъ, но я поблагодарилъ его и отказался, подсѣвъ къ другой партіи. Тотчасъ послѣ зари дамы разъѣхались, такъ что оставалось одно мужское общество. Угощеніе было очень хорошее, и хозяйева весьма заботливо хлопотали о своихъ гостяхъ. Послѣ ужина генераль-адъютантъ Потаповъ опять подошелъ ко мнѣ и сталъ спрашивать о моихъ родныхъ, такъ какъ во время своей службы онъ имѣлъ дѣло со многими лицами нашей фамиліи, съ нѣкоторыми былъ хорошо знакомъ, съ другими вмѣстѣ служилъ. Начатыя за ужиномъ тосты продолжались и послѣ того; всѣ съ большимъ энтузіазмомъ пожелали генералу Потапову всего лучшаго на его новомъ поприщѣ. Онъ очень сердечно благодарилъ всѣхъ своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ и, видимо, былъ тронутъ овациями, съ которыми его приняли и провожали. Вскорѣ послѣ ужина онъ уѣхалъ. И также послѣдовалъ его примѣру, откланявшись и поблагодаривъ хозяевъ за сдѣланную мнѣ честь. На слѣдующій день въ домѣ губернатора генераль Потаповъ прощался съ военными, затѣмъ съ гражданскими чинами, духовенствомъ, купечествомъ и пр., послѣ чего уѣхалъ въ Вильно.

Въ концѣ іюля, я возвратился изъ Ковна въ Петербургъ, гдѣ было еще пусто, какъ всегда въ это время. Только мой старшій сынъ и весьма немногіе родные находились въ Петербургѣ, второй же сынъ былъ въ лагерь, большинство знакомыхъ на дачахъ, въ отъѣздѣ. Петербургскія развлечения лѣтомъ, въ сущности, довольно

¹⁾ Варонъ П. О. Дризень — нынѣ генераль-лейтенантъ, нач. 25 пѣх. дивизіи.
В. Ж.

однообразны и безсодержательны, и потому я скучновато проводилъ время до сентября, когда у меня снова начались занятія въ военно-судной комиссіи. Впрочемъ, въ августѣ, Петербургъ встрепенулся на нѣсколько дней, благодаря бракосочетанію великаго князя Владиміра Александровича и торжествамъ по этому случаю.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, мой второй сынъ, Владиміръ, служившій тогда полковникомъ въ л.-гв. Семеновскомъ полку, былъ назначенъ командиромъ 159 пѣхотнаго Гурійскаго полка въ Самару. Я былъ чрезвычайно радъ успѣхамъ въ службѣ сына, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ сильно взгрустнулось при мысли о предстоявшей новой разлукѣ. Мы съ нимъ надолго почти никогда не разставались, а въ послѣднее время даже жили вмѣстѣ на одной квартирѣ,—естественно, что мнѣ было тяжело отпускать отъ себя сына надолго, быть можетъ, навсегда ¹⁾... Большой отрадой для меня предъ разлукою съ нимъ были проводы его въ полку. Общество офицеровъ устроило въ честь его вечеръ и просило меня также почтить своимъ присутствіемъ этотъ вечеръ. Мнѣ показалось нѣсколько неловкимъ, точно постороннимъ человѣкомъ, присутствовать на вечерѣ семеновскихъ офицеровъ, но ихъ депутатъ просилъ меня не отказать имъ въ этомъ удовольствіи, и я принялъ приглашеніе. Мы отправились въ офицерское собраніе вмѣстѣ съ Володей, который подъ звуки полкового марша былъ встрѣченъ командиромъ полка, свиты его величества генераль-майоромъ Эттеромъ, и всѣми офицерами. Я услышалъ здѣсь много лестныхъ отзыовъ командира и офицеровъ о службѣ Володи, объ его нравственныхъ качествахъ, какъ товарища, и пр., что меня тронуло отъ души. Когда подали шампанское, командиръ полка сказалъ спичъ по адресу сына и затѣмъ передалъ ему большой ящикъ орѣховаго дерева съ прекраснымъ серебрянымъ сервизомъ на 12 персонъ, съ монограммою на каждой вещи и съ надписью на серебряной дощечкѣ поверхъ крышки. Конечно, это еще болѣе тронуло сына, а мнѣ не менѣе того было радостно видѣть подобное доказательство расположенія къ нему товарищей. Послѣ этого мы сѣли играть въ карты. Затѣмъ была подана прекрасная закуска, во время которой снова пили шампанское и раздавались тосты въ честь Володи, Эттера и офицеровъ; не забыли и меня. Музыка играла весь вечеръ, а также во время закуски. Эти сочувственные проводы товарищей моего сына были и для меня большою утѣхою; мнѣ какъ будто легче было разставаться съ нимъ, когда черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ уѣхалъ изъ Петербурга.

До сихъ поръ я жилъ съ сыномъ въ его казенной квартирѣ. Теперь пришлось подыскать себѣ частную квартиру и поселиться уже совсѣмъ одинокимъ человѣкомъ,— не такъ, какъ бывало когда-

¹⁾ Дѣйствительно, разставшись съ сыномъ, дѣдъ съ нимъ болѣе не увидѣлся.
В. Ж.

то прежде... Мои занятія въ судной комиссіи продолжались попрежнему, но всеже у меня оставалось не мало свободнаго времени, которое я употреблялъ на чтеніе, посѣщеніе театровъ, родныхъ и знакомыхъ, кругъ которыхъ съ каждымъ годомъ уменьшался все больше и больше. Меня самого тянуло изъ Петербурга, гдѣ изъ близкихъ у меня оставалось только одно семейство старшаго сына Николая, который, впрочемъ, самъ могъ ожидать перевода отсюда; но меня удерживало здѣсь судное дѣло, которое затянулось сверхъ всякихъ ожиданій. Мнѣ хотѣлось уѣхать къ дочери въ Ковно, провинціальная жизнь въ которомъ была бы для меня отдыхомъ на старости лѣтъ, не говоря уже объ удовольствіи жить вмѣстѣ съ дочерью и ея семьей.

Въ апрѣлѣ слѣдующаго года я ѣздилъ въ Ковно, гдѣ провелъ недѣли три и встрѣтилъ Пасху. Розговѣнье, вѣроятно, по мѣстному обычаю, происходило у губернатора, у котораго послѣ заутрени собралось человѣкъ полтора. Онъ весьма любезно угощалъ своихъ гостей, въ распоряженіи которыхъ оказались два стола, красиво убранные и богато уставленные всевозможными закусками, жаркими, мазурками, «плясками», фруктами, конфетами и разными произведеніями мѣстнаго искусства.

День рожденія государя пришелся въ четвергъ на Святой недѣлѣ, и въ этотъ день было молебствіе въ соборѣ, а затѣмъ церковный парадъ, конечно, весьма мизерный въ сравненіи петербургскими парадами. Войскамъ, участвовавшимъ въ парадѣ, городомъ было предложено угощеніе на соборной площади, и тутъ же губернаторъ провозгласилъ тостъ за государя, императрицу, наследника и цесаревну. За этимъ тостомъ слѣдовало еще много другихъ за лицъ городской администраціи, военной и гражданской, что показалось мнѣ вовсе не кстати. Вѣроятно, порядочное количество бутылокъ шампанскаго соблазнило присутствовавшихъ, — не оставляя же ихъ нераскупоренными! Въ тотъ же день у губернатора былъ парадный обѣдъ, къ которому были приглашены высшіе представители гражданскаго вѣдомства, генералы, командиры частей и еще нѣсколько военныхъ лицъ; обѣдъ вполне соотвѣтствовалъ торжеству дня, шампанскимъ угощали немало. Вечеромъ состоялся балъ въ городскомъ клубѣ. Танцы шли весьма оживленно; передъ ужиномъ губерніскій предводитель дворянства предложилъ тосты за здоровье государя и царской фамиліи, послѣ чего снова предлагались тосты за постороннихъ лицъ. Вообще въ этотъ день шампанскаго пришлось выпить гораздо больше, чѣмъ это обыкновенно случается въ табельные дни въ Петербургѣ.

Спустя мѣсяцъ по возвращеніи изъ Ковна, я переѣхалъ въ Павловскъ. Сначала я жилъ здѣсь одинъ, а потомъ со мною поселилось семейство моего сына Николая, съ которымъ я пріятно провелъ здѣсь лѣто. Снова очутился я въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, 55 лѣтъ тому

назадъ, проводилъ такъ весело и беззаботно юность воспитанникомъ главнаго инженернаго училища, когда мы стояли лагеремъ въ окрестностяхъ Павловска и занимались съёмками. Пріятно было взглянуть на знакомыя мѣста, но какъ много перемѣнъ я нашёлъ здѣсь! Вокзалъ желѣзной дороги, масса дачъ, музыка на вокзалѣ, сама жизнь въ этихъ мѣстахъ — все было ново... Посѣтилъ я Розовый павильонъ, — и, Боже, сколько воспоминаній проснулось въ моей памяти! Когда-то мы танцевали здѣсь, обласканные вниманіемъ покойнаго государя Николая Павловича, тогда еще юнаго великаго князя, императора Александра I и всей царской фамиліи, а теперь никого изъ нихъ уже не было въ живыхъ, и на своихъ плечахъ я уже чувствовалъ восьмой десятокъ лѣтъ жизни. Тогда Розовый павильонъ дѣйствительно соотвѣтствовалъ своему названію, такъ какъ былъ окруженъ громаднымъ количествомъ весьма красиво посаженныхъ розъ, которыя до самой крыши густо покрывали весь павильонъ; теперь же я не видѣлъ ни одного розанчика, только кое-какую зелень вокругъ...

Во время лѣта мнѣ приходилось довольно часто пріѣзжать въ Петербургъ на засѣданія моей судной комиссіи. Я употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы возможно больше подвинуть дѣло впередъ, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ цѣлью по окончаніи его совсѣмъ уѣхать изъ Петербурга. Къ сожалѣнію, несмотря на видимую пользу дачной жизни, я заболѣлъ сильнымъ катаромъ желудка, осложненнымъ лихорадочнымъ состояніемъ. Сначала я не обратилъ на это особаго вниманія и, несмотря на нездоровье, поѣхалъ въ комиссію, но здѣсь почувствовалъ себя такъ худо, что вынужденъ былъ раньше времени закрыть засѣданіе; я едва дошелъ до квартиры сына (здѣсь же въ комендантскомъ управленіи), вмѣстѣ съ которымъ потомъ поселился. Благодаря осложненію болѣзни и большой слабости, пришлось долго пролежать въ постели и отказаться отъ всякихъ занятій. Моя прислуга и вещи позже возвратились съ дачи, которую я покинулъ такъ неожиданно. Въ октябрѣ, я снова, наконецъ, обратился къ дѣлу, а въ декабрѣ обвиняемому Шредерсу былъ уже представленъ окончательный начѣтъ въ 55 тысячъ рублей, которыя онъ и внесъ въ видѣ залога. Тѣмъ не менѣе другія обстоятельства дѣла еще не были выяснены къ этому времени, хотя члены комиссіи добивались возможно скорого окончанія дѣла.

Въ февралѣ слѣдующаго года, была получена бумага отъ главнаго военнаго суда съ просьбою поспѣшить окончаніемъ дѣла Шредерса; такое напominаніе мнѣ было очень непріятно, и я рѣшилъ по этому поводу переговорить лично съ генералъ-прокуроромъ статсъ-секретаремъ Философовымъ. Онъ принялъ меня прекрасно, и я объяснилъ ему, что бумагу, полученную отъ главнаго военнаго суда въ военно-судной комиссіи, какъ презусъ этой комиссіи, я считаю косвеннымъ замѣчаніемъ для себя. Но онъ возразилъ, что

это нисколько меня лично не касается, что это одна формальность, которая дѣлается вообще безъ всякой цѣли кого либо затрогивать, и просилъ меня нисколько не принимать ея на свой счетъ, такъ какъ онъ знаетъ, что дѣло у насъ ведется хорошо. Когда я всталъ, чтобы откланяться, онъ два раза поблагодарилъ меня за посѣщеніе, на французскомъ языкѣ представилъ меня своей супругѣ, которая при этомъ случайно вошла въ залу, и затѣмъ проводилъ меня до самыхъ дверей залы, несмотря на мою просьбу не беспокоиться. Однако впослѣдствіи членъ главнаго военно-суднаго управленія тайный совѣтникъ Крыловъ говорилъ мнѣ, что противъ нашей временной комиссіи военного суда составилаcя цѣлая коалиція, враждебно толковавшая всѣ ея дѣйствія.

Въ декабрѣ 1875 года, великая княгиня Марія Николаевна заболѣла. Несмотря на энергичныя мѣры и самый бдительный уходъ, состояніе ея здоровья въ началѣ февраля уже стало внушать очень серьезныя опасенія. Въ воскресенье, 8 числа, ждали распоряженія объ обычномъ разводѣ въ присутствіи государя въ Михайловскомъ манежѣ. Государь раньше назначилъ разводъ, но, въ виду опаснаго положенія здоровья великой княгини, окончательное распоряженіе о немъ было отложено до утра воскресенья. Поэтому у дежурнаго плацъ-адъютанта были заготовлены двѣ записки: одна — на случай назначенія развода, другая — на случай отказа его. Послѣдовало приказаніе о назначеніи развода. Въ это время дежурный плацъ-адъютантъ по дѣламъ службы находился въ верхнемъ этажѣ Зимняго дворца, а писарь, недолго думая, подписался за него, но не на той запискѣ, на какой слѣдовало, а на запискѣ объ отказѣ развода. Произошла странная кутерьма. Государь узналъ о сдѣланномъ распоряженіи чрезъ начальника телеграфовъ генераль-майора Щелкова; немедленно послали контръ-ордръ, но все-таки многіе не были на разводѣ. Дежурившаго плацъ-адъютанта арестовали; конечно, досталось писарю и другимъ виновнымъ.

9 февраля, великая княгиня Марія Николаевна скончалась, тѣло ея съ подобающею церемоніею перевезли въ Петропавловскій соборъ, гдѣ 13 числа состоялось погребеніе.

Весною я ѣздилъ въ Ковно къ дочери, мужъ которой въ это время получилъ новое назначеніе въ Житомиръ. Не зная навѣрное, скоро ли я освобожусь отъ своихъ дѣлъ въ Петербургѣ, я рѣшилъ воспользоваться Пасхою, чтобы въ послѣдній разъ побывать въ Ковно, такъ какъ поѣздка въ Житомиръ была бы гораздо затруднительнѣе: во-первыхъ, Житомиръ почти вдвое дальше отъ Петербурга, чѣмъ Ковно, а, во-вторыхъ, маѣ не хотѣлось откладывать свиданія съ семействомъ дочери предъ ея отъѣздомъ еще дальше отъ меня. По возвращеніи изъ Ковна, моя жизнь потекла прежнимъ мирнымъ порядкомъ; я жилъ скромно, изрѣдка пользуясь общественными развлеченіями, читалъ, насколько могъ, слѣдилъ за европей-

ской политикой, которая въ это время становилась все болѣе и болѣе интересною, благодаря событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ 1875 году, началось возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, жители которыхъ изнемогали подъ игомъ ненавистныхъ имъ турокъ. Этотъ вѣковой гнетъ варварской Турціи уничтожалъ всякую самобытность несчастныхъ сербовъ, и тѣ взялись, наконецъ, за оружіе. Возстаніе христіанъ было сочувственно встрѣчено многими у насъ въ Россіи, образовались разныя общества для сбора денегъ и вещественныхъ пожертвованій въ пользу угнетенныхъ, въ Сербію на защиту ея отправилось немало добровольцевъ. Но такъ какъ турки не прекращали своихъ вѣроломныхъ дѣйствій и звѣрствъ, то, по инициативѣ нашего государя, Россія, Австрія, Германія, Англія, Франція и Італія, чрезъ своихъ пословъ, потребовали прекратить бѣдствія славянъ, на что Турція согласилась, но не исполнила своего обѣщанія. Положеніе дѣлъ стало затруднительнымъ, гроза чувствовалась въ воздухѣ, тѣмъ болѣе, что расположенный къ русскому вліянію султанъ Абдулъ-Азисъ былъ свергнутъ съ престола, а Англія, подъ личиною нейтралитета, въ сущности, помогала туркамъ оружіемъ и деньгами. Государь твердо рѣшилъ тѣмъ или инымъ способомъ добиться побѣды христіанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ рука объ руку идти съ другими европейскими державами.

Въ январѣ ¹⁾ война уже казалась неизбежною; если о ней писали еще неопредѣленно, то говорили, по крайней мѣрѣ, довольно ясно. На выходѣ, 6 января, я встрѣтился въ Зимнемъ дворцѣ съ генералъ-адъютантомъ Тотлебенемъ, который разговаривалъ со мною и, между прочимъ, спрашивалъ объ Э. А. Минде ²⁾. Я сказалъ, что послѣ нервнаго удара, поразившаго Эдуарда Александровича, несмотря на заграничную поѣздку, онъ все-таки очень нездоровъ, а теперешнія усиленныя работы много вредятъ его здоровью; поэтому ему необходимъ переводъ изъ Одессы, о чемъ онъ и просить. На это Тотлебенъ отвѣтилъ мнѣ, что имѣетъ въ виду перевести Минде въ Петербургъ на мѣсто Тилло, но въ настоящее время это сдѣлать нельзя, потому что «Минде произвелъ всѣ оборонительныя работы въ округѣ, хорошо знаетъ все, что требуетъ отъ него правительство, и послать на его мѣсто новаго человѣка, можетъ быть, наканунѣ войны,—невозможно». Эдуардъ Ивановичъ просилъ меня написать Э. А. Минде, чтобы тотъ поберегъ пока свое здоровье, насколько это можно, а о переводѣ Тотлебенъ уже говорилъ съ военнымъ министромъ, который далъ свое согласіе и постарается возможно скоро его устроить.

Разговоръ съ Тотлебенемъ, который стоитъ близко къ нравящимъ

¹⁾ 1877 года.

²⁾ Э. А. Минде былъ въ то время начальникомъ инженеровъ Одесскаго военного округа.

сферамъ и знаетъ многое, что намъ неизвѣстно официальнымъ путемъ, ясно указалъ на то, что война близка. И дѣйствительно, въ апрѣлѣ была объявлена война Турціи.

Въ то время, когда на горизонтѣ европейской политики разрѣшались событія исторической важности, въ моей скромной жизни также совершалась перемѣна: покончивъ, наконецъ, занятія въ военно-судной комиссіи, я получилъ свободу, которая давала мнѣ возможность совсѣмъ уѣхать изъ Петербурга. Оля писала мнѣ, что ждетъ меня съ нетерпѣніемъ и готсвить новую квартиру, чтобы жить со мною вмѣстѣ, и я самъ чуть не считалъ дни, когда увижусь съ нею и ея семействомъ. Я спѣшилъ къ ней и потому, что Всеволодъ, въ виду войны, получилъ назначеніе ближе къ нашей юго-западной границѣ, и Оля оставалась въ Житомирѣ одна съ дѣтьми.

3 мая, мнѣ прислали изъ главнаго штаба бумагу, которая извѣщала о томъ, что мнѣ назначена субсидія въ 727 рублей 51 коп. Я недоумѣвалъ сначала, чтò это за «субсидія», а потомъ оказалось, что это и есть то самое «пособіе», въ видѣ котораго я долженъ былъ получить квартирные деньги за время нахожденія въ судной комиссіи; къ сожалѣнію, вмѣсто слѣдуемыхъ мнѣ почти 4,000 р. квартирныхъ денегъ, я получилъ только 727 рублей! Правда, теперь у правительства крайняя нужда въ деньгахъ, во всѣхъ субсидіяхъ и вспомошествованіяхъ положительно отказываютъ, но въ данномъ случаѣ я страдаю неповинно; все мое несчастье въ томъ, что дѣло кончилось въ такое тяжелое время.

И такъ, я уѣзжаю изъ Петербурга, въ которомъ прожилъ такъ долго, сначала счастливо, а подъ конецъ въ заботахъ и почти въ одиночествѣ. Я простился съ прахомъ моей дорогой жены, въ послѣдній разъ отслуживъ панихиду на ея могилѣ, навѣстилъ своихъ немногихъ родныхъ и друзей и теперь готовъ покинуть эти мѣста навсегда, чтобы поселиться съ дочерью и, наконецъ, отдохнуть на старости лѣтъ...

На этомъ кончаются воспоминанія дѣда. Вѣроятно, путешествіе по желѣзной дорогѣ и хлопоты съ переѣздомъ пріостановили его дневникъ, который онъ велъ такъ аккуратно. Послѣдній день дневника помѣченъ 25-мъ мая, но, какъ видно, уже второпяхъ, карандашемъ... Дѣду немного пришлось «отдохнуть на старости лѣтъ». Правда, осуществилась его мечта,—онъ переѣхалъ въ Житомиръ къ своей любимой дочери (моей матери), но въ нашемъ домѣ онъ прожилъ только недѣли три: 20 іюня 1877 года дѣдъ скончался. Здоровье его еще въ Петербургѣ сильно пошатнулось въ послѣднее время, и хотя по день смерти дѣдъ оставался на ногахъ, онъ чувствовалъ порядочную слабость и жаловался на боль въ лѣвомъ

плечѣ и лѣвой сторонѣ груди. Пользовавшій его врачъ находилъ его вообще очень ослабѣвшимъ и предупреждалъ, что его жизнь едва ли будетъ продолжительна. Весьма возможно, что незначительный случай настолько сильно его встревожилъ, что былъ отчасти причиною его скорой смерти.

Одинъ изъ мальчиковъ, игравшихъ на сосѣднемъ дворѣ, попалъ подъ припертыя къ забору ворота, которыя упали и придавили его. Прислуга сосѣдей, не разобравъ, кого ушибли ворота, прибѣжала сообщить моей матери, что несчастіе случилось съ однимъ изъ насъ, дѣтей. Мать въ это время сидѣла съ дѣдомъ и хотя была вызвана горничною въ другую комнату, но та слишкомъ громко передала о случившемся и сказала, что кто-то изъ насъ «убить». Конечно, мать, сильно встревоженная и не помня себя отъ страха, побѣжала тотчасъ къ мѣсту происшествія, но оказалось, что ворота придавили чужого мальчика, который къ тому же отдѣлался только небольшимъ ушибомъ и испугомъ. Между тѣмъ дѣдъ услышалъ нѣсколько отдѣльныхъ словъ изъ тревожнаго сообщенія прислуги, сильно испугался и долго не могъ прійти въ себя, несмотря на успокоеніе матери. Когда же мать зачѣмъ-то вышла изъ его комнаты и вскорѣ снова вошла къ нему, то застала дѣда уже мертвымъ... Врачъ опредѣлилъ, что онъ скончался отъ разрыва сердца.

Только три недѣли дѣдъ наслаждался покоемъ въ домѣ моей матери, о чемъ мечталъ давно. Мать, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Владиміромъ Константиновичемъ, пріѣхавшимъ въ Житомиръ на погребеніе дѣда, отвезли его тѣло въ Петербургъ, съ которымъ дѣдъ еще такъ недавно передъ тѣмъ прощался. Собрались его дѣти, родные, друзья и съ искреннею скорбью опустили его прахъ въ могилу на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ еще при жизни имъ было куплено мѣсто рядомъ съ могилою его жены.

Викторъ Жерве.

